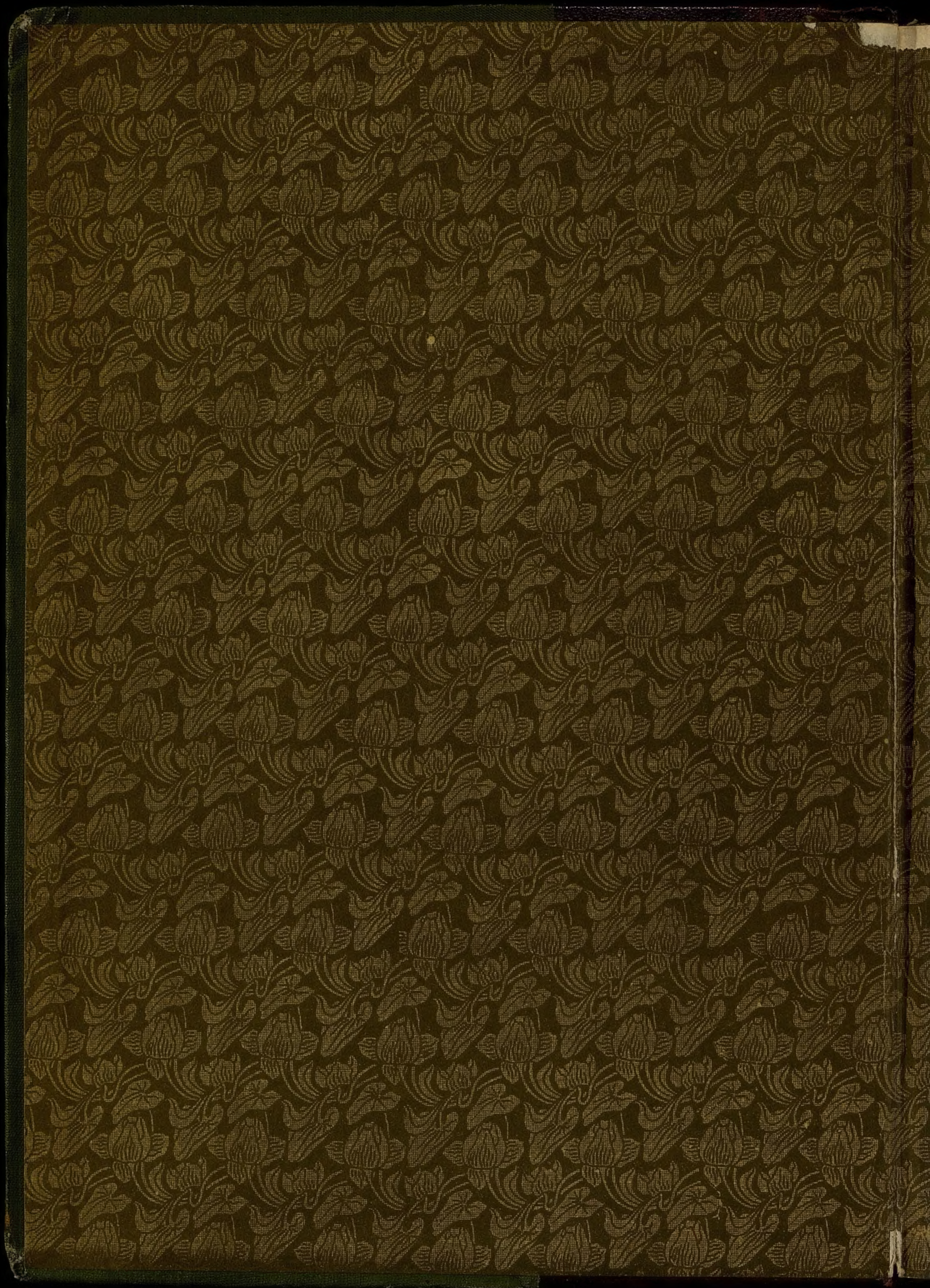

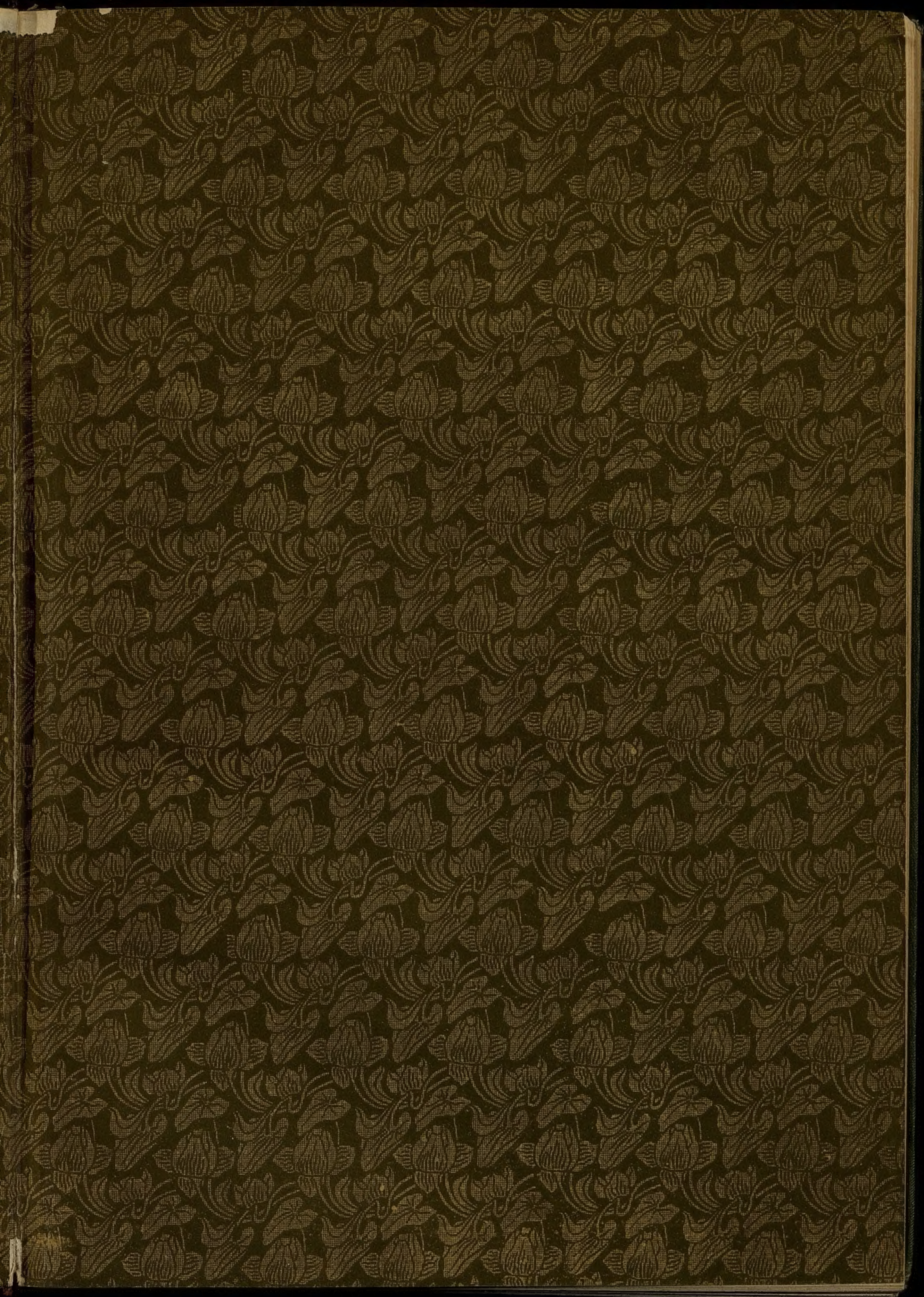
ЛАВИССЪ и РАМБО.

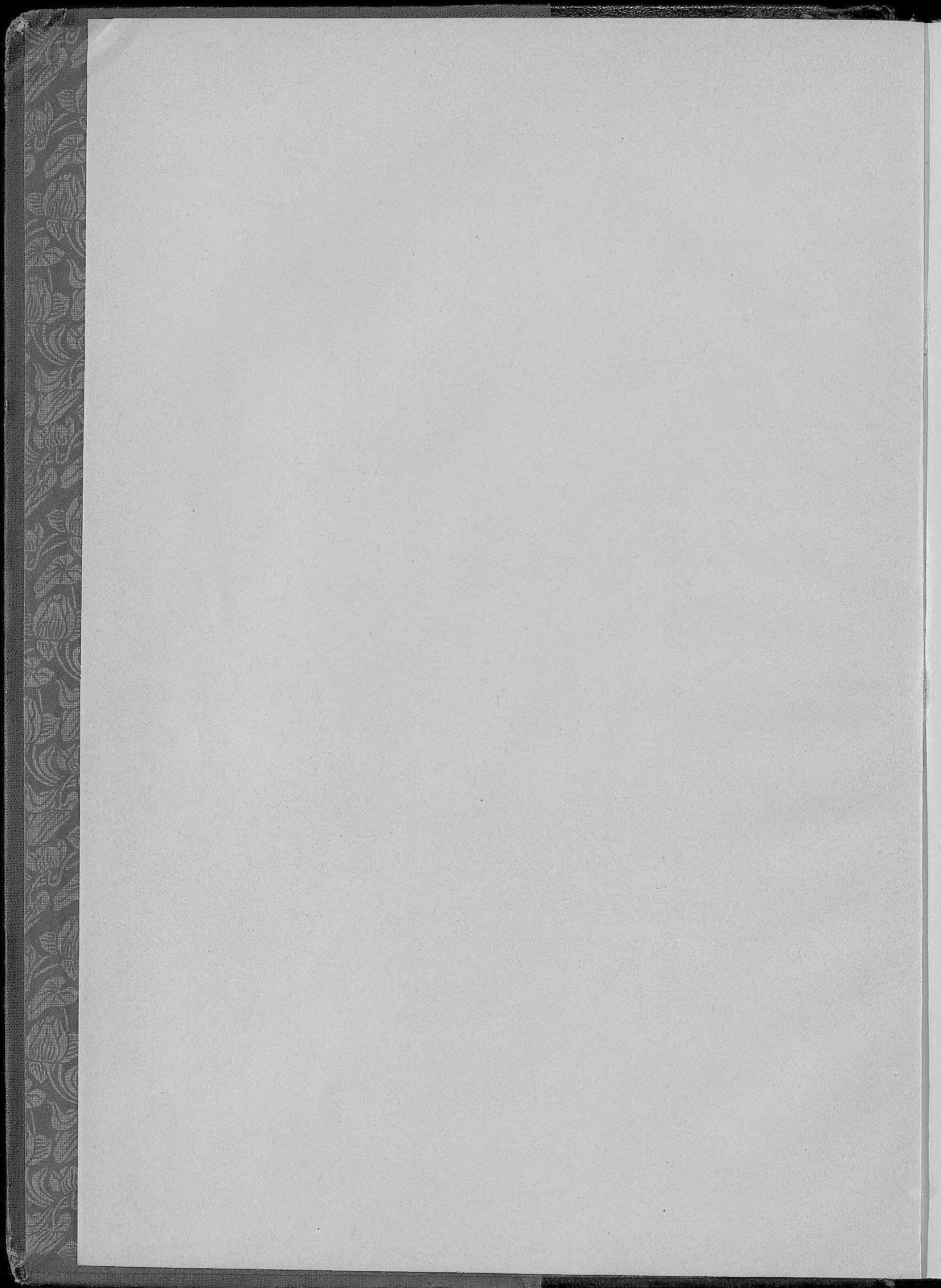
ИСТОРІЯ XIX В.

т. V

ЭПОХА РЕВОЛЮЦІЙ.

ИСТОРІЯ XIX ВѢКА

(ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА и ВНѢЕВРОПЕЙСКІЯ ГОСУДАРСТВА).

ИСТОРІЯ XIX ВѢКА

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА и ВНѢЕВРОПЕЙСКІЯ ГОСУДАРСТВА.

Подъ редакціей профессоровъ Лависса и Рамбо,

при участіи: проф. А. Ваддингтонъ, проф. М. Валь, академика гр. Альберъ Вандаль, Анри Вастъ, академика Анри Гуссэ, А. Дебидуръ, проф. Дедевизъ дю-Дезеръ, проф. Э. Дени, Л. Каэнъ, Роберъ де-Ке де-Сентъ Эймуръ, проф. А. Кордье, проф. Фр. де-Крю, А. Лавуа, проф. Л. Леже, проф. А. Мале, проф. А. Метенъ, проф. А. Мильо, А. Мишель, проф. А. Муаро, проф. А. Оларъ, проф. А. Пенго, Ромэнъ Ролланъ, проф. Ш. Сеньобосъ, проф. Э. Сейу, проф. А. Сорель, проф. П. Таннери, проф. Эмиль Фагэ, Л. Фаржъ, проф. Э. Шенонъ, проф. Хр. Шефферъ, проф. А. Шюкэ, проф. Л. Эйзенманъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО, СЪ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ ПРОФЕССОРОВЪ

П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева.

Томъ V.

Съ приложеніемъ статьи проф. **М. М. Ковалевскаго:**
„Очеркъ исторіи развитія соціологическихъ ученій".

Изданіе Товарищества „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

1906 г.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К⁰. Пименовская улица, соб. домъ.
МОСКВА — 1906.

ЭПОХА РЕВОЛЮЦІЙ И НАЦІОНАЛЬНЫХЪ ВОЙНЪ

1848—1870.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Главы I—X переведены Ю. М. Стекловымъ, глава XI—
М. О. Гершензономъ.

Глава I.

Революція 1848 года и Реакція во Франціи.

1848—1852.

I.—Февральская революція.

Манифестація 22 февраля.—Банкетная капманія въ пользу избирательной реформы вызвала во Франціи, а въ особенности въ Парижѣ, политическую агитацію, которая внезапно закончилась революціоннымъ взрывомъ. На всѣ требованія реформы король и министерство отвѣчали систематическимъ отказомъ; на банкетную кампанію они отвѣтили одной фразой тронной рѣчи, въ которой король предостерегалъ страну отъ агитаціи, „возбуждаемой враждебными и слѣпыми страстями“ (28 декабря 1847 года). Министерское большинство палаты высказалось противъ реформы въ проектѣ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь короля, адреса, составленнаго въ такомъ же духѣ. Проектъ вызвалъ продолжительныя и оживленныя пренія; оппозиція, состоявшая изъ лѣвой и лѣваго центра, предложила поправку, но большинство отвергло ее и приняло адресъ (12 февраля 1848 года).

Въ Парижѣ комитетъ XII округа (предмѣстье Сенъ-Марсо) организовалъ банкетъ, который первоначально былъ назначенъ на январь, затѣмъ отложенъ и въ концѣ концовъ запрещенъ министерствомъ. Оппозиція во имя свободы собраній отрицала за правительствомъ право воспрещать частные банкеты; 87 депутатовъ обѣщали присутствовать на этомъ банкетѣ. Банкетная комиссія назначила сборный пунктъ въ соборѣ св. Магдалины (Мадлэнъ) на 22 февраля пополудни; она пригласила національныхъ гвардейцевъ явиться въ мундирахъ, но безъ оружія, чтобы встрѣтить депутатовъ, которые процессіей должны были отправиться въ нанятый для банкета залъ; предполагалось такимъ образомъ устроить демонстрацію противъ запрещенія собранія.

Въ ночь съ 21 на 22 февраля правительство расклеило воззваніе, которымъ воспрещалась какъ проектированная процессія, такъ и скопища вообще; депутаты, хотя и выражали протестъ противъ новой мѣры, все-таки заявили, что отъ участія въ банкетѣ они отказываются. Но публика, ожидавшая манифестаціи, собралась вокругъ собора. Стояла пасмурная погода, моросилъ мелкій дождикъ. Сначала явились студенты съ лѣваго берега; затѣмъ на площади Согласія собрались рабочіе. Въ толпѣ слышалось пѣніе „Марсельезы“ и „Пѣсни Жирондистовъ“; раздавались крики: „Да здрав-

ствуетъ реформа!". Драгуны и муниципальные гвардейцы, чтобы очистить площадь, нѣсколько разъ атаковали толпу, но нерѣшительно; съ наступленіемъ сумерекъ толпа начала строить кое-гдѣ баррикады, разграбила оружейную лавку, а вечеромъ зажгла въ Тюильрійскомъ саду иллюминацію изъ стульевъ и деревьевъ.

До сихъ поръ еще нельзя было говорить ни о возстаніи, ни даже о бунтѣ; пока еще это была собравшаяся для демонстраціи толпа, не имѣвшая ни вождей, ни опредѣленной цѣли. Старый республиканскій штабъ, руководившій возстаніями въ первые годы царствованія Луи-Филиппа, былъ дезорганизованъ со времени неудачи, постигшей въ 1839 году Барбеса и Бланки. Оставалось только нѣсколько небольшихъ тайныхъ обществъ, уже не умѣвшихъ сражаться; главное изъ нихъ, *Общество временъ года*, насчитывало не больше 600 членовъ. Газета республиканской партіи, *La Réforme*, редактируемая Флокономъ и Ледрю-Ролэномъ, влачила жалкое существованіе и не имѣла даже 2.000 абонентовъ. Вечеромъ 21 февраля вожди партіи, собравшись въ помѣщеніи „Реформы", рѣшили воздержаться отъ участія въ манифестаціи, чтобы не доставить правительству удобнаго случая окончательно раздавить ихъ. А вечеромъ 22 февраля, послѣ безсвязной манифестаціи перваго дня, они всѣ сошлись на томъ, что моментъ для попытки къ революціи совершенно неподходящій.

Паденіе Гизо (23 февраля).—Возстаніе началось въ ночь съ 22 на 23 февраля; рабочіе старыхъ республиканскихъ кварталовъ восточнаго Парижа (Сенъ-Мартэнъ, Сенъ-Дени, Сенъ-Марсо) построили баррикады и вооружились. Тамъ и сямъ слышались ружейные выстрѣлы.

Сначала правительство не хотѣло пустить въ дѣло армію; оно приказало бить сборъ и созвать національную гвардію. Въ этотъ моментъ ему пришлось убѣдиться, что съ 1840 года парижская буржуазія отвернулась отъ короля. Національные гвардейцы собрались, но, за исключеніемъ перваго легіона,—отказались выступить противъ бунтовщиковъ и кричали: „Да здравствуетъ реформа!". Нѣкоторые кричали даже: „Долой Гизо!" и мѣшали войскамъ двинуться противъ революціонеровъ; другіе направились къ Бурбонскому дворцу, чтобы пригласить депутатовъ потребовать реформы.

Луи-Филиппъ струсилъ; онъ призвалъ къ себѣ сначала министра внутреннихъ дѣлъ, Дюшателя, а затѣмъ Гизо. Въ концѣ совѣщанія они пришли къ тому выводу, что слѣдуетъ или распустить національную гвардію, или согласиться на реформу. Король не хотѣлъ прибѣгнуть къ первому средству, Гизо не могъ согласиться на второе. Тогда Луи-Филиппъ рѣшилъ разстаться съ Гизо и пригласилъ своего личнаго друга Молэ составить министерство. Молэ обратился за содѣйствіемъ къ Тьеру, который заявилъ, что онъ „не намѣренъ больше вступать въ кабинетъ иначе, какъ въ качествѣ перваго министра". Послѣ нѣсколькихъ часовъ тщетныхъ попытокъ Молэ вечеромъ 23 февраля заявилъ королю, что ему не удалось составить министерство.

Извѣстіе объ отставкѣ Гизо, объявленное въ полдень въ палатѣ депутатовъ, встрѣчено было бурными привѣтствіями толпы и національной гвардіи; вечеромъ Парижъ былъ иллюминованъ; казалось, что возстаніе прекратилось. И префектъ полиціи сказалъ: „Дадимъ этому бунту умереть собственной смертью".

Республиканское возстаніе (24 февраля).—До этого момента борьба шла лишь между двумя фракціями роялистической партіи: министерствомъ Гизо и династической оппозиціей, которую поддерживала національная гвардія. Паденіе Гизо являлось просто побѣдой партіи реформы. Но баррикады еще не были разобраны, а инсургенты еще были вооружены. Рес-

публиканская партія воспользовалась волненіемъ, чтобы обратить его противъ Луи-Филиппа и противъ монархіи.

Вечеромъ 23 февраля толпа, вышедшая изъ восточныхъ кварталовъ, двигалась по большимъ бульварамъ, распѣвая: „*Des lampions!*“ (плошки). По дорогѣ къ ней присоединилась группа, манифестировавшая съ факелами подъ окнами „Насіоналя“. Дойдя до улицы Капуциновъ, передъ дворцомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ проживалъ Гизо, она начала кричать: „Долой Гизо!“ Дворецъ охранялся солдатами; какой-то неизвѣстный, находившійся въ толпѣ манифестантовъ, выстрѣлилъ въ солдатъ; послѣдніе отвѣтили залпомъ въ густую толпу; около пятидесяти человѣкъ упали, изъ нихъ двадцать были убиты.

Республиканцы, вѣроятно, тѣ, которые группировались вокругъ „Насіоналя“, немедленно воспользовались этими трупами, для того чтобы организовать демонстрацію. Пять труповъ были сложены въ телѣгу, запряженную одной лошадью; молодой парень помѣстился на сидѣньи съ факеломъ для освѣщенія всей сцены; какой-то рабочій взобрался на телѣгу; время отъ времени онъ поднималъ трупъ молодой женщины, показывалъ народу ея шею и грудь, покрытыя кровью и кричалъ: „Мщеніе! убиваютъ народъ“. Кортежъ двигался по бульварамъ, возбуждая на своемъ пути публику. Присутствующіе разошлись во всѣ стороны, разсказывая, что правительство предало народъ, который оно желаетъ предать избіенію.

Въ ночь съ 23 на 24 февраля всѣ восточные кварталы Парижа покрылись баррикадами; съ шести часовъ утра движеніе по улицамъ прекратилось. На этотъ разъ республиканцы уже не скрывались, теперь уже не кричали, какъ наканунѣ: „Да здравствуетъ реформа!“, а „да здравствуетъ Республика!“.

Обезпокоенный Луи-Филиппъ въ два часа ночи послалъ за Тьеромъ. Пробравшись черезъ баррикады, Тьеръ ночью прибылъ въ Тюильри [1]).—„Ну-съ!—сказалъ король,—составили ли вы какое-нибудь министерство?—Составилъ-ли я министерство, Ваше Величество! но вѣдь я явился только за приказаніями Вашего Величества.—А, вотъ какъ! вы не желаете служить въ мое царствованіе?—Нѣтъ, государь, я не желаю служить въ ваше царствованіе.—Ну хорошо, поговоримъ серьезно. Кого вы можете взять въ товарищи?—Одилона Барро.—Прекрасно,—отвѣтилъ король,—Одилонъ Барро дуракъ, но хорошій человѣкъ.—Ремюза.—Идетъ!—Дювержье де Горанна.—О немъ я и слышать не хочу.—Ламорисьера.—Въ добрый часъ! Теперь перейдемъ къ дѣлу.—Намъ необходима парламентская реформа.—Вздоръ! Вы получите палату, которая дастъ намъ скверные законы, а быть можетъ, втянетъ насъ и въ войну.—Я прошу прибавить только отъ 50 до 100.000 новыхъ избирателей и (это не Богъ вѣсть какая уступка) распустить нынѣшнюю палату.—Это невозможно! Я не могу разстаться съ моимъ большинствовъ.—Но если вы отвергаете и мѣры, которыя я предлагаю, и средства, которыми я разсчитываю оперировать, то какъ могу я вамъ служить?—Я дамъ вамъ Бюжо въ качествѣ главнокомандующаго. Онъ подавитъ бунтъ, а тамъ мы посмотримъ.—Бюжо только возбудитъ сильнѣе страсти.—Нѣтъ, онъ нагонитъ страху, а намъ нужно теперь нагнать страху.—Устрашеніе имѣетъ смыслъ только тогда, когда за нимъ стоитъ достаточная сила. Располагаемъ ли мы этой силой?—Вотъ что, голубчикъ, разыщите Бюжо, поговорите съ нимъ, соберите вашихъ министровъ, приходите ко мнѣ въ восемь часовъ утра, и мы

[1]) Приводимый ниже діалогъ былъ опубликованъ однимъ англичаниномъ, Нассау Сеніоромъ, которому Тьеръ самъ передалъ содержаніе этого разговора; записавши его, Нассау Сеніоръ далъ Тьеру его просмотрѣть.

разсудимъ, что дѣлать.—Но пока мы еще не министры.—Конечно, ни вы, ни я не связаны никакими обязательствами. Но какъ бы дѣло ни уладилось, вы должны стоять во главѣ комбинаціи... А сейчасъ нужно объявить въ *Монитёрѣ*, что вы и Барро назначены нашими министрами.—Но мы не министры, мы никогда, можетъ быть, ими не будемъ.—Это не важно, мнѣ нужны ваши имена.—Мое имя къ услугамъ Вашего Величества, но я не могу распоряжаться именемъ Барро.—Мы и не скажемъ, что вы приняли сдѣланное вамъ предложеніе, а просто, что вамъ поручено сформировать кабинетъ". Луи-Филиппъ собственной рукой набросалъ замѣтку, гласившую, что король поручилъ господамъ Тьеру и Одилону Барро составить новый кабинетъ.

Бюжо, ночью назначенный главнокомандующимъ арміей и національной гвардіей въ Парижѣ, прибылъ въ четыре часа утра въ свою главную квартиру на Карузельскую площадь (въ то время эта площадь большею частью была покрыта извилистыми улицами). Оффиціальные отчеты расходятся относительно цифры войскъ, находившихся въ распоряженіи главнокомандующаго; министерство полагало, что располагаетъ 40.000 человѣкъ, а Тьеръ увѣряетъ, что число ихъ не превышало 20.000. Солдаты, по словамъ Бюжо, „простоявши въ полномъ вооруженіи около шестидесяти часовъ въ холодной грязи, не получая ничего, кромѣ трехъ раціоновъ сухарей, смотря со стороны на то, какъ бунтовщики нападаютъ на муниципальныхъ гвардейцевъ, срубаютъ деревья, разбиваютъ фонари и поджигаютъ караульныя будки,—были деморализованы. Большинство изъ нихъ имѣло не больше, чѣмъ по десяти патроновъ... Лошади были измучены, имъ не давали овса, а люди больше двухъ сутокъ не слѣзали съ нихъ". Бюжо прибавляетъ: „Я доставлю себѣ удовольствіе перебить множество этой сволочи; это что-нибудь да значитъ". Онъ послалъ три колонны занять Пантеонъ, Ратушу и Бастилію; третья колонна была остановлена толпой на Монмартрскомъ бульварѣ.

Тьеръ объѣхалъ своихъ министровъ; Барро согласился принять портфель, но протестовалъ противъ назначенія Бюжо. „Разъ мы ставимъ себѣ задачей успокоить народъ, то мы не должны связываться съ самымъ непопулярнымъ въ Парижѣ человѣкомъ". На это Тьеръ возразилъ: „Намъ предстоитъ, вѣроятно, выдержать жестокую борьбу; зачѣмъ же мы станемъ лишать себя услугъ перваго солдата въ Европѣ?" Тьеръ и Барро пустились въ путь сквозь строй баррикадъ у каждой баррикады они говорили, что министерство смѣнено, и что народу будетъ дано удовлетвореніе. Но стрѣльба въ манифестантовъ, имѣвшая мѣсто на Капуцинскомъ бульварѣ оставила въ душѣ народа неизгладимый слѣдъ; толпа не вѣрила и отвѣчала: „Король насъ обманываетъ! онъ собирается разстрѣливать насъ картечью".—Нѣтъ, возражалъ Тьеръ,—мы министры, а не убійцы.—А Бюжо?—кричали ему изъ толпы". Въ концѣ концовъ Одилонъ Барро поколебался. „Бюжо,—сказалъ онъ Тьеру,—подходитъ къ Гизо, но не къ намъ".

Въ Тюильри Тьеръ нашелъ короля уже вставшимъ съ постели; Луи-Филиппъ заявилъ, что онъ принимаетъ всѣхъ министровъ.—„Нужно распустить палату, сказалъ Тьеръ.—Это рѣшительно невозможно, я не могу разстаться съ большинствомъ, которое такъ хорошо понимаетъ мою политику.—Необходима реформа.—Это мы увидимъ, когда закончится нынѣшній кризисъ. Мнѣ не приходится говорить съ вами о томъ, что намъ понадобится, быть можетъ, предпринять впослѣдствіи. А вотъ, что нужно сдѣлать сейчасъ?—Государь, мы еще не состоимъ вашими министрами, и даже если мы были ими, то мы не можемъ взять на себя проведеніе репрессивной политики.

J'abdique cette Couronne
que la voix nationale m'avait
appellée à porter, en faveur
de mon petit fils le Comte de
Paris. Puisse t'il réussir
dans la grande tâche qui lui
echoit aujourd'hui

Louis Philippe

24 Fev.r 1848 —

Факсимиле отреченія Луи-Филиппа 24 февраля 1848 г.

Пока министромъ является еще Гизо. Онъ и Бюжо какъ разъ подходятъ къ роли усмирителей бунта, и я не имѣю никакого права давать вамъ совѣтовъ.— Не будемъ говорить о конституціонныхъ глупостяхъ. Вы прекрасно знаете, что о Гизо говорить не приходится. Что я долженъ дѣлать?—Прежде всего я полагаю, что Ламорисьеръ будетъ болѣе популярнымъ командиромъ національной гвардіи, чѣмъ Бюжо".

Присутствовавшій при этомъ разговорѣ Ламорисьеръ согласился принять команду надъ національной гвардіей подъ начальствомъ Бюжо, который сохранялъ званіе главнокомандующаго. Король послалъ Бюжо приказъ сконцентрировать свои силы на Тюильри. Правительство разсчитывало убѣдить національную гвардію двинуться противъ инсургентовъ, а регулярную армію, ставшую слишкомъ непопулярной, оно не рѣшалось пустить въ ходъ. Бюжо, недовольный полученнымъ приказомъ, передалъ его войскамъ, стоявшимъ на бульварѣ. Но, возвращаясь обратно по бульварамъ, войска, которыя шли узкой колонной, имѣя пушки въ аррьергардѣ, были разрѣзаны бунтовщиками, отдѣлены отъ своей артиллеріи и совершенно деморализованы; нѣкоторые батальоны подняли ружья прикладами вверхъ и перешли на сторону народа.

Тогда Ламорисьеръ съ Одилономъ Барро отправился на бульвары, чтобы сдѣлать попытку успокоить національныхъ гвардейцевъ. Тьеръ вернулся во дворецъ, чтобы снова повидаться съ королемъ. Было около десяти часовъ. „Волна все растетъ, сказалъ онъ, черезъ два часа она поглотитъ насъ всѣхъ". И онъ предложилъ королю выѣхать изъ Парижа, отправиться въ Сенъ-Клу, призвать къ себѣ армію, а затѣмъ взять Парижъ приступомъ (этотъ планъ онъ впослѣдствіи осуществилъ во время Коммуны). Луи-Филиппъ удалился въ свою комнату, чтобы посовѣтоваться съ королевой и съ Гизо. Но вмѣсто того, чтобы согласиться на предложеніе Гизо, онъ рѣшилъ показаться войскамъ.

Отреченіе Луи-Филиппа. — Луи-Филиппъ сѣлъ на коня и выѣхалъ изъ дворца; но на площади Согласія національные гвардейцы встрѣтили его криками „Да здравствуетъ реформа!" и скрестили штыки надъ его конемъ. Король отвѣтилъ: „Она дарована". Но этотъ пріемъ явно его обезкуражилъ; онъ внезапно остановился и вернулся въ замокъ. Изъ оконъ домовъ, расположенныхъ на Карузельской площади, снова началась стрѣльба.

Пока король колебался, не зная, что предпринять, республиканцы перешли въ наступленіе. Тщетно Одилонъ Барро заявлялъ, что король согласенъ на уступки, что составлено министерство лѣваго центра, что палата распускается, что отданъ будетъ приказъ прекратить огонь. Народъ не хотѣлъ ему вѣрить. Воззваніе, расклеенное дѣятелями „Реформы", гласило: „Луи-Филиппъ приказалъ насъ убивать, какъ это сдѣлалъ Карлъ X; пусть онъ отправляется къ Карлу X". Около десяти часовъ инсургенты, выступивши изъ восточныхъ кварталовъ, заняли Пале-Рояль, защищаемый двумя ротами солдатъ; постъ Шато-д'О (нынѣ не существующій) преграждалъ имъ дорогу къ Тюильри. Между этимъ постомъ и инсургентами завязалась черезъ Пале-Рояльскую площадь продолжительная перестрѣлка; это было единственное сраженіе за всю февральскую революцію; оно задержало движеніе народа на Тюильри и дало королю время обдумать положеніе, а затѣмъ бѣжать.

Вернувшись съ Тьеромъ въ Тюильри, король засталъ тамъ нѣсколькихъ оппозиціонныхъ депутатовъ. Вдругъ входитъ Кремье: „Я прошелъ большую часть Парижа. Не все еще потеряно. Народъ не приметъ Бюжо или Тьера, но министерство Барро, составленное цѣликомъ изъ членовъ лѣвой, съ Жераромъ въ качествѣ главнокомандующаго, будетъ встрѣчено

съ восторгомъ.—Ради всего святого, Государь,—воскликнулъ Тьеръ, — сдѣлайте эту попытку". Луи-Филиппъ уступилъ и подписалъ назначеніе Барро и маршала Жерара. Но уже не было времени оповѣстить народъ о новыхъ назначеніяхъ. Курьеръ, принесшій Тьеру извѣстія о его семьѣ, заявилъ, что съ минуты на минуту можно ждать появленія толпы и что теперь осталось единственное средство: это—отреченіе Луи-Филиппа. Этой цѣной удастся, быть можетъ, спасти престолъ для графа Парижскаго. Герцогъ Немурскій приблизился къ королю. „Ваше Величество, вамъ говорятъ, что необходимо страшное самопожертвованіе.—Мое отреченіе? Я готовъ передать вамъ бразды правленія.—Боюсь, отвѣтилъ герцогъ Немурскій, что этой жертвы будетъ недостаточно. Я еще болѣе непопуляренъ, чѣмъ Ваше Величество. Регентство слѣдуетъ вручить герцогинѣ Орлеанской". Луи-Филиппъ поговорилъ съ обоими сыновьями, затѣмъ перешелъ въ салонъ королевы, гдѣ собрались королева, герцогини Орлеанская, Немурская, Монпансье, ихъ дѣти, фрейлины, Гизо и Бройль. Произошла сцена рыданій и вздоховъ, продолжавшаяся десять минутъ. Луи-Филиппъ вернулся, окруженный женщинами изъ королевской семьи, и опустился на стулъ. Герцогиня Орлеанская воскликнула: „Государь, не отрекайтесь отъ престола! Корона слишкомъ тяжела для насъ, только вы одинъ можете ее носить". Изъ передней доносились крики: „Отреченіе! Отреченіе!" Королева, склонившись надъ Луи-Филиппомъ, обняла его со словами: „Вы не стоите такого добраго короля".

Наконецъ, уступая настояніямъ присутствующихъ и герцога Монпансье, Луи-Филиппъ рѣшился; онъ подписалъ отреченіе отъ престола, вопреки совѣтамъ королевы и Бюжо. Внукъ его, графъ Парижскій, долженъ былъ стать королемъ подъ именемъ Луи-Филиппа II; а регентство переходило къ матери молодого принца, герцогинѣ Орлеанской. Но уже не оставалось времени для того, чтобы объявить объ отреченіи Луи-Филиппа. Инсургенты подожгли постъ Шато-д'О и подошли къ Тюильри. Луи-Филиппъ и его семья сѣли въ двѣ закрытыя кареты и поѣхали по набережной, эскортируемые кирасирами. Войска разсѣялись. Толпа, не встрѣчая сопротивленія, ворвалась во дворецъ, разрушила тронъ и выбросила черезъ окна королевскую мебель, причемъ ни одна вещь не была украдена.

Образованіе Временнаго Правительства.—Герцогиня Орлеанская, по совѣту своего секретаря, удалилась со своимъ сыномъ въ Бурбонскій дворецъ. Она явилась въ палату депутатовъ; большинство встрѣтило ее восторженными привѣтствіями и провозгласило ее регентшей отъ имени графа Парижскаго.

Но вскорѣ вооруженная толпа ворвалась въ залъ засѣданій съ криками: „Низложеніе!" Президентъ надѣлъ шляпу и объявилъ перерывъ засѣданія. Ледрю-Ролэнъ, единственный депутатъ соціалистической партіи [1]), обращаясь къ толпѣ, сказалъ: „Во имя народа, который вы представляете, я требую молчанія". Онъ протестовалъ противъ регентства, затѣмъ предложилъ составить временное правительство, назначенное не палатой, а самимъ народомъ. Ламартинъ взошелъ на трибуну, произнесъ апологію „славнаго народа, который въ теченіе трехъ дней сражается для низверженія вѣроломнаго правительства" и потребовалъ назначенія временнаго правительства, которое „озаботится принятіемъ необходимыхъ мѣръ для созыва и опроса всей страны".

Въ это время въ залъ врывается новый вооруженный отрядъ съ криками: „Долой палату! Не нужно депутатовъ!" Президентъ объявляетъ засѣданіе закрытымъ. Но нѣкоторые депутаты лѣвой остаются

1) Это невѣрно; Л.-Ролэнъ никогда не былъ соціалистомъ, а просто радикальнымъ демократомъ.—*Прим. перев.*

Бѣгство Луи Филиппа изъ Парижа 24 февраля 1848 г.

въ залѣ. Ламартинъ читаетъ списокъ именъ; толпа отвѣчаетъ на каждое произносимое имя криками одобренія или протестами. Такъ народомъ принятъ былъ списокъ членовъ временнаго правительства, заготовленный республиканцами „Насіоналя“: въ него входили Дюпонъ де Л'Эръ, Араго, Ламартинъ, Ледрю-Ролэнъ, Кремье, Мари, Гарнье-Пажесъ,— все депутаты.

Въ то время какъ въ палатѣ составлялось правительство, соціалистическіе республиканцы [1]), собравшись въ редакціи газеты „Реформа“, составили свой списокъ. Это былъ тотъ же списокъ „Насіоналя“ съ прибавленіемъ нѣсколькихъ именъ изъ своихъ, какъ Флоконъ, секретарь „Реформы“, Луи-Бланъ, авторъ „Организаціи Труда“, и Альберъ, рабочій-механикъ, вождь тайнаго общества „Временъ Года“. Затѣмъ, слѣдуя партійной традиціи, они отправились въ Ратушу (Отель-де-Виль) и тамъ провозгласили Республику; Коссидьеръ взялъ префектуру полиціи, а Араго—почту.

Какъ и въ 1830 году, въ Парижѣ образовалось два революціонныхъ правительства; какъ и въ 1830 году, правительство, провозглашенное въ Бурбонскомъ дворцѣ, прошло по переполненнымъ толпами инсургентовъ улицамъ и отправилось въ Ратушу; здѣсь оно конституировалось, подѣливши министерскіе портфели между своими членами. Но на этотъ разъ оно не посмѣло отдѣлаться отъ правительства Ратуши звонкими фразами; оно рѣшилось принять въ свой составъ дѣятелей изъ „Реформы“. Такъ какъ министерскіе портфели были уже розданы, то новые члены временнаго правительства были внесены въ списокъ въ качествѣ „секретарей“. И всѣ вмѣстѣ они остались въ Ратушѣ, поручивши себя охранѣ рабочаго класса.

[1]) Такъ авторъ называетъ радикаловъ.—*Прим. перев.*

II.—Временное Правительство.

Первыя мѣропріятія Временнаго Правительства. — Обѣ группы „Насіоналя“ и „Реформы“, соединившія свои усилія для низверженія Луи-Филиппа, очутились бокъ-о-бокъ во Временномъ Правительствѣ. Обѣ эти группы придерживались республиканскихъ воззрѣній и согласно рѣшили принять названіе „Временнаго Правительства Французской Республики“,—названіе, которое 25 февраля получило оффиціальный характеръ.—Въ видѣ практическаго примѣненія общихъ имъ принциповъ, члены Временнаго Правительства (помимо отмѣны дворянскихъ титуловъ) ввели свободу печати съ отмѣной штемпельнаго сбора, свободу политическихъ собраній и предоставили всѣмъ гражданамъ право вступать въ національную гвардію. Эти три мѣры совершенно измѣнили условія политической жизни въ Парижѣ. Немедленно возникло около сотни дешевыхъ политическихъ газетъ, продававшихся въ розницу; эти газеты распространялись въ рабочей средѣ и создали атмосферу, благопріятную для соціалистовъ. Почти во всѣхъ кварталахъ основаны были клубы, куда каждый вечеръ приходили рабочіе, желавшіе послушать дебаты по политическимъ вопросамъ. Изъ этихъ клубовъ самую энергичную дѣятельность проявлялъ клубъ „Правъ Человѣка“, во главѣ котораго стояли бывшіе руководители тайныхъ обществъ, Собріе и вышедшій изъ тюрьмы Бланки. Рабочіе массами вступили въ національную гвардію; число національныхъ гвардейцевъ, составлявшее къ 1 февраля 56.751, достигло къ 18 марта цифры 190.000. Такимъ образомъ, благодаря народнымъ газетамъ, клубамъ и національной гвардіи, въ теченіе нѣсколькихъ дней сорганизовалась новая сила, располагая которой можно было господствовать надъ Парижемъ.

Въ средѣ Временнаго Правительства продолжали царствовать раздоры между

двумя разношерстными группами, которыя совмѣстно совершили революцію. Дѣятели „Насіоналя“, парламентскіе республиканцы, хотѣли ограничиться политическимъ переворотомъ; имъ хотѣлось какъ можно скорѣе созвать Національное собраніе, которое должно было организовать республику; это была партія демократической республики, партія трехцвѣтнаго знамени. Дѣятели же „Реформы“ въ политическомъ переворотѣ видѣли только средство къ совершенію соціальной революціи; они хотѣли воспользоваться своей властью для того, чтобы улучшить положеніе рабочихъ, а чтобы имѣть достаточно времени для осуществленія проектируемыхъ ими реформъ, отсрочить, насколько возможно, созывъ Національнаго собранія: это была партія „Демократической и Соціальной Республики“, фамильярно называемая *démoc-soc;* она приняла знамя тайныхъ обществъ, красное знамя. Ледрю-Ролэнъ одновременно принадлежалъ къ обеимъ партіямъ и держался нерѣшительной тактики.

Въ первые дни между обеими группами существовала только глухая вражда. Каждая изъ нихъ проводила мѣры, согласныя съ ея собственной политикой; партія „Реформы“ стремилась удовлетворить требованіямъ парижскихъ рабочихъ, а партія „Насіоналя“ успокоить остальную Францію.

Революція встрѣчена была въ провинціи съ изумленіемъ, но безъ сопротивленія; провозглашеніе Республики принято было въ городахъ безъ всякаго протеста; армія держалась спокойно, а извѣстнѣйшіе генералы, какъ Бюжо и Шангарнье, поспѣшили представить правительству увѣреніе въ своей преданности. Буржуа и чиновники боялись слова „Республика“, которое въ ихъ воображеніи связывалось съ Терроромъ; но они выставляли на показъ республиканскія чувства, чтобы отвратить отъ себя неминуемо якобы грозившія имъ преслѣдованія. Чтобы успокоить ихъ, правительство отмѣнило смертную казнь за политическія преступленія. Ледрю-Ролэнъ которому достался портфель министра внутреннихъ дѣлъ, отозвалъ прежнихъ префектовъ и назначилъ на ихъ мѣсто правительственныхъ комиссаровъ, которымъ поручено было упрочить Республику; но въ остальныхъ вѣдомствахъ служащій персоналъ остался на мѣстѣ. 25 февраля въ Ратушу явилась толпа рабочихъ, требовавшихъ замѣны трехцвѣтнаго знамени краснымъ; ихъ принялъ Ламартинъ, который произнесъ знаменитую рѣчь, спасшую трехцвѣтное знамя. „...Предлагаемое вами красное знамя, вывалянное въ крови народа въ 1791 и 1793 годахъ, обошло только Марсово поле, а трехцвѣтное знамя обошло весь міръ, разнося повсюду имя, славу и свободу отечества“.

Для успокоенія Европы Ламартинъ, занимавшій постъ министра иностранныхъ дѣлъ, разослалъ дипломатическимъ агентамъ Франціи за-границей циркуляръ отъ 2 марта. „Война, которая сдѣлалась роковой и славной необходимостью въ 1792 году, теперь не является принципомъ французской Республики“. Французская республика никому не намѣрена объявлять войну. Она не будетъ также вести подпольной зажигательной пропаганды въ сосѣднихъ государствахъ“.

Партія соціальной республики, съ своей стороны, принуждала правительство къ принятію мѣръ, которыхъ требовали рабочіе.

25 февраля вооруженная толпа ворвалась въ залъ засѣданій Временнаго Правительства, заявила, что народу нужны реформы, и Луи Бланъ, съ согласія своихъ коллегъ, тутъ же набросалъ декретъ, составленный согласно его собственной доктринѣ. „Правительство Французской Республики обязуется гарантировать рабочимъ существованіе посредствомъ труда. Оно обязуется обезпечить работу всѣмъ гражданамъ. Оно признаетъ, что рабочіе должны объединяться между

собою, для того чтобы пользоваться законнымъ продуктомъ своего труда. Оно возвращаетъ рабочимъ принадлежащій имъ милліонъ цивильнаго листа".—На слѣдующій день декретомъ 26 февраля этому принципу дано было практическое осуществленіе: „Правительство постановляетъ немедленное учрежденіе *національныхъ мастерскихъ.*" Это была формула Луи Блана [1]).

28 февраля огромная толпа рабочихъ манифестантовъ явилась въ Ратушу со знаменами, на которыхъ выставленъ былъ девизъ: *Организація труда* (таково было заглавіе сочиненія, создавшаго популярность Луи Блана), и потребовала немедленнаго учрежденія министерства Прогресса. Луи Бланъ поддерживалъ это требованіе, противъ котораго возстали его коллеги; Луи Бланъ не рѣшился использовать ту силу, которую въ этотъ моментъ давала ему масса его приверженцевъ, и согласился на компромиссъ. Декретъ 28 февраля призналъ въ принципѣ требованія рабочихъ. „Принимая во вниманіе, что Революція, совершенная народомъ, должна быть произведена въ его интересахъ; что пора положить конецъ продолжительнымъ и несправедливымъ страданіямъ рабочихъ; что вопросъ о трудѣ является вопросомъ величайшей важности; что не существуетъ вопроса, болѣе высокаго и болѣе достойнаго заботъ республиканскаго правительства; что задачей Франціи является серьезное изученіе и рѣшеніе проблемы, поставленной въ настоящее время передъ всѣми промышленными націями Европы..." Но несмотря на это введеніе, въ дѣйствительности вмѣсто учрежденія требуемаго министерства Временное Правительство согласилось только на учрежденіе „*Правительственной Комиссіи для рабочихъ*, спеціально предназначенной заботиться объ ихъ участи", Луи Бланъ и Альберъ были назначены членами этой комиссіи, которая водворилась въ Люксембургскомъ дворцѣ; въ результатѣ Луи Бланъ и Альберъ были удалены изъ Ратуши, что ослабило вліяніе соціалистической партіи въ правительствѣ.

Засимъ Временное Правительство приступило къ рѣшенію главнаго вопроса о созывѣ избирателей для выборовъ депутатовъ въ Національное Собраніе, которое должно было придать Франціи окончательное устройство. Въ принципѣ обѣ партіи были согласны; 24 февраля Ламартинъ сказалъ въ палатѣ: „Временное правительство должно будетъ... созвать всю страну, всѣхъ тѣхъ, кому званіе человѣка даетъ права гражданина". Такимъ образомъ, члены Временнаго Правительства безъ преній признали *всеобщее избирательное право*, которое *сразу вырвало* политическую власть изъ рукъ привилегированнаго избирательнаго корпуса, состоявшаго изъ какихъ-нибудь 250.000 человѣкъ, и передало ее народной массѣ, насчитывавшей 9.395.000 избирателей. Декретомъ 4 марта всѣ совершеннолѣтніе граждане призваны были выбрать 900 народныхъ представителей, по системѣ департаментскихъ избирательныхъ списковъ, относительнымъ большинствомъ, безъ перебаллотировки. Вопреки нежеланію соціалистической партіи, выборы назначены были на 9 апрѣля.

Манифестаціи. — Парижская буржуазія въ первые дни революціи растерялась, но затѣмъ она мало-по-малу начала собираться съ духомъ и пыталась освободиться отъ господства рабочихъ. Борьба вылилась въ формѣ манифестацій передъ Ратушей, цѣлью которыхъ было оказать давленіе на правительство.

---

[1]) На словахъ. Цѣлью этихъ „національныхъ мастерскихъ" было скомпрометировать соціалистовъ. Директоръ національныхъ мастерскихъ, Тома, впослѣдствіи разсказывалъ, что онъ предлагалъ отнестись къ дѣлу серьезно, но Мари отказался и заявилъ ему, что „намѣреніе правительства заключается въ томъ, чтобы доказать этимъ опытомъ рабочимъ ложность и пустоту этихъ неприменимыхъ теорій". *Прим. перев.*

Во время реорганизаціи національной гвардіи правительство упразднило отборныя роты стрѣлковъ и гренадеровъ, составленныя изъ буржуазіи. Гвардейцы упраздненныхъ ротъ толпой явились въ Ратушу (16 марта) и требовали, чтобы имъ предоставлено было право носить прежнюю форму (вотъ почему эта манифестація и названа была „манифестаціей медвѣжьихъ шапокъ“). На слѣдующій день рабочіе, полагая, что буржуазія угрожаетъ правительству, собрались на Марсовомъ полѣ и, подъ предводительствомъ клубовъ, толпою двинулись къ Ратушѣ, гдѣ вожди ихъ предъявили правительству требованія рабочихъ; они находили, что выборы назначены черезъ слишкомъ короткій періодъ, и требовали ихъ отсрочки на неопредѣленное время, для того чтобы соціалисты могли склонить народъ на свою сторону. Правительство уступило и отложило выборы до 23 апрѣля. Такимъ образомъ манифестація 17 марта кончилась побѣдой рабочихъ.

Но соціалистическая партія, опиравшаяся исключительно на парижское населеніе, была ничтожнымъ меньшинствомъ; противъ нея была даже половина Парижа. По мѣрѣ того, какъ сопротивленіе росло въ департаментахъ, Временное Правительство начало все враждебнѣе выступать противъ соціалистовъ. Въ борьбѣ съ рабочими національными гвардейцами оно старалось опереться на буржуазныхъ гвардейцевъ и на 24 батальона *мобильной гвардіи*, составленной изъ юношей, навербованныхъ по полтора франка въ день.

16 апрѣля было рѣшительнымъ днемъ. Клубы и Люксембургскіе делегаты созвали рабочихъ на Марсово поле, чтобы двинуться оттуда къ Ратушѣ и представить Временному Правительству петицію: „Народъ требуетъ Демократической Республики, уничтоженія эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и организаціи труда посредствомъ ассоціаціи“. Кромѣ того вожди движенія намѣрены были добиться новой отсрочки выборовъ. Сорокъ тысячъ манифестантовъ, двигавшихся плотными рядами за знаменами клубовъ, направились черезъ весь Парижъ къ Ратушѣ. Но министръ внутреннихъ дѣлъ, Ледрю-Роленъ, до этого момента колебавшійся между двумя партіями, открыто примкнулъ къ буржуазіи; онъ приказалъ бить сборъ, и враждебные соціалистамъ національные гвардейцы сбѣжались со всѣхъ сторонъ съ оружіемъ въ рукахъ. У Ратуши манифестанты натолкнулись на вооруженныхъ національныхъ гвардейцевъ, которые встрѣтили ихъ криками: „Долой коммунистовъ!“ Правительство оказало имъ самый дурной пріемъ и заставило ихъ удалиться, проходя между двумя рядами національныхъ гвардейцевъ. Съ этого дня партія соціальной революціи потеряла всякое вліяніе на Временное Правительство.

Дѣйствія Временнаго Правительства.— Одновременно съ этими внутренними конфликтами и до открытія Національнаго Собранія, Временное Правительство въ формѣ декретовъ старалось примѣнить на практикѣ принципы, общіе всѣмъ элементамъ республиканской партіи. Оно отмѣнило рабство негровъ во французскихъ колоніяхъ, отмѣнило гербовой сборъ съ періодическихъ изданій, повысило до 5% процентъ, уплачиваемый сберегательными кассами, такъ какъ „справедливость властно требуетъ установленія равенства между барышами, которые приносятъ капиталы богача, и доходомъ, который даютъ достатки бѣдняка“. Оно отмѣнило соляной налогъ во Франціи (15 апрѣля) и октруа (городскія пошлины) на мясо и вино въ Парижѣ.

Революція вызвала кризисъ, внесшій потрясеніе въ дѣловой міръ. Казна была совершенно пуста. Правительство попыталось заключить заемъ, но онъ не былъ покрытъ; оно обратилось съ воззваніемъ къ патріотическимъ пожертвованіямъ, но добилось только патріотическихъ мани-

П. Дюпюи.

Луи Бланъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

фестацій. Въ концѣ концовъ, слѣдуя принципамъ либеральной политической экономіи, осуждавшей косвенные налоги, оно установило чрезвычайный добавочный налогъ въ 45 сантимовъ съ каждаго франка прямыхъ налоговъ. Это и были тѣ знаменитые „45 сантимовъ", которые возстановили крестьянъ противъ республики.

Люксембургская Комиссія и Національныя мастерскія.—Обѣщанія, данныя рабочему классу Временнымъ Правительствомъ, привели къ учрежденію Люксембургской Комиссіи и Національныхъ мастерскихъ. И комиссія, и мастерскія, основанныя правительствомъ крайне неохотно, лишены были средствъ, необходимыхъ для правильнаго ихъ функціонированія, и сознательно извращены съ цѣлью скомпрометировать требовавшую ихъ учрежденія партію.

„Правительственная Комиссія для рабочихъ" засѣдала въ Люксембургѣ подъ предсѣдательствомъ Луи Блана, въ помѣщеніи Палаты Перовъ. Прежде всего она пригласила делегатовъ отъ различныхъ ремеслъ, чтобы выслушать ихъ мнѣніе о настоятельнѣйшихъ потребностяхъ и „подготовить рѣшеніе рабочаго вопроса". На приглашеніе комиссіи явилось 200 делегатовъ, потребовавшихъ въ первую очередь осуществленія тѣхъ реформъ, которыя самымъ непосредственнымъ образомъ затрагивали ихъ интересы; Комиссія передала эти требованія Временному Правительству, которое немедленно превратило ихъ въ декреты (2 марта). „Принимая во вниманіе, что слишкомъ продолжительный физическій трудъ не только разрушаетъ здоровье работника, но также препятствуетъ его умственному развитію и этимъ нарушаетъ его человѣческое достоинство; что эксплуатація рабочихъ подрядчиками, берущими заказы изъ вторыхъ рукъ, крайне несправедлива, притѣснительна и противорѣчитъ принципу братства", правительство сократило рабочій день на одинъ часъ (10 часовъ вмѣсто 11 въ Парижѣ, а въ провинціи 11 часовъ вмѣсто 12) и запретило подряды изъ вторыхъ рукъ.—Этотъ декретъ практически не примѣнялся и такъ и не вышелъ изъ области благочестивыхъ пожеланій.

Комиссія, лишенная средствъ для практическаго дѣйствія, превратилась въ дискуссіонное общество. Луи Бланъ пригласилъ туда экономистовъ различныхъ направленій; нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно отвѣтили на это приглашеніе, какъ Ж. Рейно, Видаль, Пеккеръ, Дюпонъ-Вайтъ, Воловскій, Консидеранъ.

10 марта состоялось общее собраніе рабочихъ делегатовъ (242 человѣка), а 17 марта—собраніе делегатовъ отъ хозяевъ (231 чел.); на этихъ собраніяхъ произносились примирительныя рѣчи. Затѣмъ 20 марта учреждена была смѣшанная Комиссія, состоявшая изъ 10 рабочихъ и 10 предпринимателей, къ которымъ присоединено было нѣсколько экономистовъ; она издала „Общій докладъ Комиссіи", содержавшій планъ соціальныхъ реформъ, составленный Видалемъ и Пеккеромъ.—Сдѣланы были попытки организовать третейское посредничество между рабочими и хозяевами.—Комиссія намѣревалась даже основать среди рабочихъ производительныя товарищества; но въ концѣ концовъ эти пожеланія свелись къ тому, что безработные портные собраны были въ освободившейся долговой тюрьмѣ Клиши, гдѣ они по заказу государства шили мундиры для національныхъ гвардейцевъ. Отъ всей Люксембургской Комиссіи остался только рабочій комитетъ, основанный Луи Бланомъ 28 марта для подготовки выборовъ; это былъ „Центральный Комитетъ Люксембургскихъ Делегатовъ", который впослѣдствіи долженъ былъ превратиться въ одинъ изъ руководящихъ органовъ недовольныхъ рабочихъ.

Національныя мастерскія основаны были министромъ торговли, Мари, противникомъ Луи Блана. Дѣло шло о доставле-

нiи работы весьма многочисленнымъ въ Парижѣ рабочимъ, оставшимся безъ занятiй благодаря тому обстоятельству, что вслѣдствiе вызваннаго революцiей кризиса большинство фабрикъ закрылось (кромѣ того много безработныхъ прибывало въ столицу изъ провинцiи). Луи Бланъ хотѣлъ организовать настоящiя производительныя ассоцiацiи, субсидируемыя государствомъ, въ которыхъ каждый рабочiй могъ бы найти занятiе, соотвѣтствующее его профессiи. Правительство приняло названiе, но отвергло сущность. Собранныхъ въ *нацiональныхъ мастерскихъ* рабочихъ оно употребило въ Парижѣ на земляныя работы. Во главѣ этихъ мастерскихъ поставленъ былъ воспитанникъ центральной школы, Тома; онъ придалъ рабочимъ военное устройство, организовавши ихъ по *отдѣленiямъ* изъ 10 человѣкъ, *бригадамъ* изъ 5 отдѣленiй, *взводамъ* изъ 4 бригадъ и *ротамъ* изъ 16 бригадъ. Рабочiе получали по 2 франка въ день (начальникъ отдѣленiя $2^1/_2$ фран., а бригадиръ—3 франка).

Но скоро работа оказалась на исходѣ, а количество рабочихъ продолжало расти; съ 25.000 16 марта число ихъ повысилось до 66.000 къ 16 апрѣля и до 100.000 въ маѣ. Тогда число рабочихъ дней въ недѣлю сокращено было до двухъ съ платой по 2 франка, а въ остальные прогульные дни имъ платили по 1 франку (всего въ недѣлю имъ доставалось 8 франковъ), причемъ ихъ отправили на Марсово поле, гдѣ ихъ заставляли копать землю [1]). Такимъ образомъ получилась масса недовольныхъ, доведенныхъ до полуголоднаго существованiя людей, которые цѣлыми днями дебатировали общественные вопросы и слушали рѣчи соцiалистическихъ пропагандистовъ.

Оба эти учрежденiя, Люксембургская Комиссiя и Нацiональныя мастерскiя, систематически парализуемыя правительствомъ, не могли осуществить ни одной соцiальной реформы; но они сгруппировали рабочихъ и дали имъ вождей, выработавшихъ изъ нихъ боевую силу. Манифестацiя 16 апрѣля была организована Люксембургскимъ Комитетомъ, и двинулись манифестанты съ Марсова поля.

III.—Учредительное собранiе.

Открытiе Учредительнаго Собранiя.—*Нацiональное Собранiе*, выработанное 23 апрѣля и открывшееся 4 мая, по составу своему было республикански-демократическимъ. Возстановленъ былъ революцiонный принципъ, котораго тщательно избѣгала цензитарная монархiя, а именно вознагражденiе депутатамъ; *представители народа* получали жалованье въ размѣрѣ 25 франковъ въ день. У власти очутился почти совершенно новый политическiй персоналъ; изъ 900 депутатовъ около 800 были республиканцы. Но довольно сильное меньшинство, состоявшее изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, выбранныхъ при поддержкѣ духовенства, не выступая открыто противъ республики, требовало политики *реакцiи* (въ то время это слово не употреблялось еще въ неблагопрiятномъ смыслѣ) противъ покушенiй соцiальныхъ демократовъ.

Огромное большинство собранiя было враждебно настроено противъ париж-

[1]) Э. Тома разсказываетъ, что онъ предлагалъ Мари употребить эти деньги на выдачу пособiй фабрикантамъ, которые такимъ образомъ могли бы сохранить своихъ рабочихъ и дать имъ соотвѣтствующiя занятiя, но Мари отказалъ и прибавилъ, „что правительство твердо намѣрено осуществить этотъ опытъ, который самъ по себѣ можетъ привести только къ хорошимъ результатамъ, такъ какъ онъ докажетъ самимъ рабочимъ всю пустоту и фальшь этихъ неприложимыхъ теорiй и откроетъ имъ глаза на весь вредъ, связанный для нихъ съ этими теорiями; а когда они будутъ разочарованы, то ихъ благоговѣйное отношенiе къ Луи Блану исчезнетъ безъ слѣда, а съ этого момента Луи Бланъ потеряетъ весь свой престижъ и силу и перестанетъ представлять опасность для общества“.

Іюньская революція въ Парижѣ въ 1848 г.

Уличное сраженіе у воротъ Сенъ-Дени.

скихъ рабочихъ; оно хотѣло демократической республики, но отнюдь не соціальнаго переворота. Собраніе обнаружило свои чувства въ цѣломъ рядѣ мѣръ; такъ оно заявило, что Временное Правительство „хорошо послужило отечеству“; 9 мая оно поручило управленіе особой Исполнительной Комиссіи изъ 5 членовъ (Араго, Гарнье-Пажесъ, Мари, Ламартинъ и Ледрю-Ролэнъ), которые прежде входили въ составъ Временнаго Правительства и извѣстны были своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ Луи Блану; кромѣ того, оно отказалось учредить особое министерство труда.

15 мая и іюньскіе дни.—Парижскіе рабочіе, крайне недовольные результатами выборовъ и политикой Національнаго Собранія, отказались принять участіе въ праздникѣ Согласія. Клубы рѣшили представить собранію петицію, требующую вмѣшательства Франціи въ пользу угнетенной Польши.

15 мая огромная толпа рабочихъ и вооруженныхъ національныхъ гвардейцевъ двинулась на Собраніе. Повидимому, не всѣ руководители этой манифестаціи были съ одинаковыми намѣреніями; Люксембургскій комитетъ, Луи Бланъ и Альберъ думали ограничиться мирной манифестаціей. Но вожаки клубовъ, старые революціонеры, какъ Бланки и Барбесъ, хотѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ и произвести революцію. Такъ какъ Бурбонскій Дворецъ охранялся плохо, то толпа проникла туда и ворвалась въ залъ засѣданій съ криками; „Да здравствуетъ Польша!“ Одинъ изъ народныхъ вождей, Юберъ, воскликнулъ: „Именемъ народа объявляю Національное Собраніе распущеннымъ!“; затѣмъ провозглашено было временное правительство, въ которомъ Луи Бланъ и Альберъ, несмотря на свои протесты, фигурировали рядомъ съ Барбесомъ и Бланки. Въ это время другая толпа овладѣла Ратушей. Но революціонеры торжествовали недолго. Правительство приказало бить тревогу; національная гвардія и мобили сбѣжались и освободили Собраніе. Альберъ и Барбесъ были арестованы (и впослѣдствіи были осуждены Верховнымъ Судомъ въ Буржѣ); Луи Бланъ, которому также грозилъ арестъ, удалился въ изгнаніе.

Раздраженное Собраніе рѣшило уничтожить національныя мастерскія и выбрало съ этой цѣлью комиссію, которая назначила своимъ докладчикомъ легитимиста-клерикала Фаллу. Рабочіе, которымъ грозила потеря послѣдняго заработка, организовались для сопротивленія; 15 мая они лишились своихъ политическихъ вождей, но у нихъ оставался еще Люксембургскій комитетъ и делегація національныхъ мастерскихъ; въ національныхъ мастерскихъ они были организованы повоенному, а какъ національные гвардейцы они были вооружены. Въ виду этого Національное Собраніе въ теченіе нѣкотораго времени не рѣшалось объявить имъ открытую борьбу.

Наконецъ Комиссія представила палатѣ свой докладъ, въ которомъ они предлагали закрыть національныя мастерскія. 21 іюня министръ общественныхъ работъ издалъ декретъ, коимъ національныя мастерскія объявлялись закрытыми, а рабочіе приглашались поступить въ армію въ качествѣ солдатъ или же быть готовыми къ отправкѣ въ провинцію на земляныя работы.

Делегація изъ 1200 — 1800 рабочихъ со знаменами, посланная Люксембургскимъ комитетомъ и національными мастерскими, отправилась къ правительству съ заявленіемъ протеста. Министръ Мари отвѣтилъ: „Если рабочіе не желаютъ уйти честью, то мы принудимъ ихъ къ этому силой“ (23 іюня).

Въ тотъ же вечеръ, въ 6 часовъ, въ Пантеонѣ состоялась огромная сходка рабочихъ, на которой рабочій Пюжоль произнесъ рѣчь. На слѣдующій день въ

6 часовъ утра Пюжоль собралъ у Бастильской колонны толпу, состоявшую изъ 7.000 рабочихъ; присутствующие опустились на колѣни и воскликнули: „Свобода или смерть!“ Какая-то молодая дѣвушка подала Пюжолю букетъ, который онъ прицѣпилъ къ древку знамени, и гражданская война началась.

Рабочіе удалились въ свои кварталы, забаррикадировались въ нихъ и послали правительству требованіе возстановить національныя мастерскія и распустить Собраніе. Собраніе объявило осадное положеніе и вручило военному министру, генералу Кавеньяку, диктаторскую власть. Исполнительная Комиссія вышла въ отставку, и Кавеньякъ сосредоточилъ всю власть въ своихъ рукахъ. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 20,000 солдатъ, мобильную гвардію и національную гвардію западныхъ кварталовъ. А затѣмъ на помощь къ нему пришли національные гвардейцы изъ пригородовъ и департаментовъ.

Битва продолжалась четыре дня (съ 23 по 26 іюня). Инсургенты держались оборонительной тактики; правительственныя войска должны были атаковать ихъ въ восточныхъ кварталахъ подъ убійственнымъ огнемъ. 24 іюня взяты были сѣверныя предмѣстья (Пуассоньеръ и Сенъ-Дени), а также кварталы Пантеона; 25—предмѣстье Сенъ-Марсо; инсургенты были тогда окружены въ главномъ своемъ кварталѣ, въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ [1]), гдѣ 26-го іюня захвачены были послѣдніе бойцы. Съ обѣихъ сторонъ борьба велась съ крайнимъ ожесточеніемъ; противники обвиняли другъ друга въ избіеніи плѣнныхъ и раненыхъ. Захваченные въ плѣнъ инсургенты (около 11.000) были кучами брошены въ тюрьмы и подвергнуты самому жестокому обращенію; затѣмъ по постановленію Національнаго Собранія они были массами отправлены въ ссылку. Іюньскіе дни надолго создали самыя враждебныя отношенія между рабочими и буржуазіей и довершили упадокъ соціалистической организаціи: Правительство закрыло 32 газеты.

Конституція 1848 года.—Собраніе сохранило осадное положеніе до 29 октября. Глава исполнительной власти Кавеньякъ составилъ министерство изъ антисоціалистическихъ республиканцевъ и назначилъ главнокомандующимъ національной гвардіи роялиста Шангарнье.

Затѣмъ Собраніе приступило къ выработкѣ конституціи. Сначала оно вотировало декларацію правъ. „Передъ лицомъ Бога и именемъ французскаго народа Собраніе провозглашаетъ: Франція принимаетъ республиканскій образъ правленія“... „Французская республика—демократическая“. Легитимистъ Ларошжаклэнъ сказалъ: „Мнѣ хотѣлось бы, чтобы это слово истолковывалось въ смыслѣ, не дающемъ предлога для ружейныхъ выстрѣловъ“. А Дюпэнъ пояснилъ; „Это слово означаетъ всеобщее и прямое избирательное право“.

„Принципами Республики являются: Свобода, Равенство и Братство, а въ основѣ ея лежатъ: семья, трудъ, собственность и общественный порядокъ“. Декларація признаетъ за гражданами право „союзовъ, собраній, петицій, высказыванія своихъ мыслей въ печати или инымъ способомъ“; она отвергаетъ произвольное лишеніе свободы, домовые обыски, исключительные суды, смертную казнь, рабство и цензуру“. Она обѣщаетъ даже нѣкоторыя соціальныя реформы, безплатное первоначальное обученіе, профессіональное образованіе, равенство въ отношеніяхъ между хозяевами и работниками, сберегательныя кассы, организацію мелкаго кредита и общественнаго при-

[1]) 25 іюня въ предмѣстьѣ Сенъ-Марсо былъ убитъ генералъ Бреа, а въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ пулей сраженъ былъ парижскій архіепископъ Аффръ, который шелъ уговаривать инсургентовъ положить оружіе.

А. Шефферъ.

Генералъ Л. Э. Кавеньякъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

зрѣнія (ни одна изъ этихъ реформъ въ дѣйствительности не была осуществлена).

Главные споры сосредоточились вокругъ статьи 8-ой, касавшейся вопроса о трудѣ. Первый проектъ, составленный комиссіей до возстанія (20 іюня), признавалъ „*право всѣхъ гражданъ на трудъ* и на призрѣніе“. Въ августѣ этотъ текстъ былъ замѣненъ неопредѣленной формулой [1]), которая и принята была подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Такъ исчезло „право на трудъ“, провозглашенное Временнымъ Правительствомъ.

Конституція 1848 года организовала правительственную власть на основаніи двухъ теоретическихъ положеній: 1-ое „Всѣ государственныя власти *исходятъ отъ* народа и не могутъ передаваться по наслѣдству; 2-ое *Раздѣленіе властей* составляетъ основное условіе свободнаго правительства“. Согласно этимъ принципамъ установлены были двѣ власти, обѣ исходящія отъ французскаго народа. *Законодательную власть* народъ поручалъ однопалатному *Собранію*, состоящему изъ 750 депутатовъ, выбранныхъ всеобщей подачей голосовъ; *исполнительную власть* онъ вручалъ гражданину, избираемому на четыре года въ *Президенты Республики* и не переизбираемому. Государственный Совѣтъ, выбираемый Собраніемъ, долженъ былъ подготовлять законопроекты. Греви предложилъ учредить только постъ выбираемаго Собраніемъ президента совѣта министровъ, но его поправка была отвергнута.

Располагая централизованнымъ правительствомъ Франціи, сильной арміей и многочисленнымъ корпусомъ чиновниковъ, привыкшихъ властвовать надъ страной, одинъ лишь Президентъ получилъ въ распоряженіе реальную силу, которая отдавала въ его власть всю страну. Рядомъ съ нимъ Собраніе, съ его чисто абстрактной законодательной властью, являлось совершенно безсильнымъ и беззащитнымъ учрежденіемъ. Такимъ образомъ судьба Республики зависѣла отъ рѣшенія практическаго вопроса: какимъ образомъ будетъ выбираться президентъ? Часть республиканцевъ хотѣла, чтобы его выбирало Собраніе; въ такомъ случаѣ избранъ былъ бы Кавеньякъ, и будущность Республики была бы обезпечена. Но большинство находило болѣе согласнымъ съ демократическимъ принципомъ предоставить избраніе президента всеобщему избирательному праву. Ламартинъ, воображавшій себя настолько популярнымъ, что надѣялся на благопріятный для него вердиктъ народа, произнесъ извѣстную рѣчь: „Жребій брошенъ! Пусть Богъ и народъ выскажутся! Предоставимъ что-нибудь Провидѣнію!“ Собраніе большинствомъ 602 голосовъ противъ 211 рѣшило, что президентъ будетъ выбираться всеобщей подачей голосовъ. Послѣ чего, съ цѣлью удержать президента въ предѣлахъ долга, оно постановило, что онъ долженъ принести присягу на вѣрность конституціи, а въ случаѣ нарушенія принесенной имъ присяги, будетъ преданъ Верховному Суду.

Избраніе Луи-Наполеона. — Глава семьи Бонапартовъ, Луи-Наполеонъ, жившій въ изгнаніи въ Англіи, воспользовался французской революціей, для того чтобы возвратиться во Францію. 25 февраля онъ прибылъ въ Парижъ; Временное Правительство немедленно предложило ему удалиться, и онъ предоставилъ своимъ друзьямъ вести агитацію его именемъ. Въ то время не существовало еще имперіалистской партіи. На апрѣльскихъ вы-

[1]) „Республика должна доставлять охрану личности гражданина, его семьѣ, религіи, собственности и труду, а также дать ему возможность получить необходимое для всѣхъ людей образованіе. Она должна *братской помощью* обезпечить существованіе нуждающихся гражданъ, или путемъ доставленія имъ работы въ предѣлахъ возможности, или путемъ выдачи пособій лицамъ, неспособнымъ къ труду“.

борахъ въ Учредительное Собраніе за Наполеона не вотировали, и никто не принялъ въ серьезъ банду, проходившую по улицамъ Парижа съ криками: „Poléon, Poléon) nous l'aurons!“ Но имя Наполеона было все-таки популярно. Во время имѣвшихъ мѣсто въ іюнѣ дополнительныхъ выборахъ Луи-Наполеонъ былъ избранъ 84.000 голосовъ въ Сенскомъ департаментѣ и кромѣ того прошелъ въ трехъ другихъ департаментахъ. Тогда послышались уже крики: „Да здравствуетъ императоръ!“, и появились бонапартистскія газеты.

Избраніе президента Республики было назначено на 10 декабря; кандидатами были Кавеньякъ, Луи-Наполеонъ, Ледрю-Роленъ, кандидатъ соціалистовъ, Ламартинъ и Распайль. Кавеньякъ выступилъ въ качествѣ предсѣдателя анти-соціалистической республиканской партіи. Монархическая и католическая партія, прозванная „партіей порядка“, незадолго до того сорганизовалась подъ руководствомъ „Комитета улицы Пуатье“, во главѣ котораго стояли вожди трехъ роялистскихъ фракцій: орлеанистъ Тьеръ, легитимистъ Беррье и католикъ Монталамберъ. Эта партія предложила Кавеньяку свою поддержку на слѣдующихъ условіяхъ: онъ долженъ былъ провести законъ о закрытіи клубовъ (они были закрыты только временно), сохранить въ Парижѣ 50.000 солдатъ, не признавать Франкфуртскаго Собранія (Тьеръ былъ ярымъ противникомъ нѣмецкаго единства) и оказать Сардинскому королю помощь противъ республиканцевъ. Кавеньякъ отказался связать себя опредѣленными обязательствами. Тогда Комитетъ рѣшилъ признать кандидатомъ „партіи порядка“ Луи-Наполеона, который обѣщалъ все, чего отъ него хотѣли.

За Луи-Наполеона были роялисты и католики; за него же была масса крестьянъ и рабочихъ, не получившихъ никакого политическаго воспитанія и знавшихъ только имя Наполеона. За него подано было 5.434.226 голосовъ, причемъ онъ получилъ громадное большинство даже въ чисто республиканскихъ департаментахъ (Соны-и-Луары, Изера, Дрома). Кавеньякъ получилъ только 1.498.000, Ледрю-Роленъ—370.000 и Ламартинъ—7.910 голосовъ.

Конецъ Учредительнаго Собранія.—Водворившись въ Елисейскомъ дворцѣ, Луи-Наполеонъ составилъ министерство изъ членовъ правой подъ предсѣдательствомъ О. Барро [1]), причемъ портфель народнаго просвѣщенія получилъ католикъ Фаллу. Префектомъ полиціи назначенъ былъ воинствующій бонапартистъ Карлье, а въ департаменты посланы были префекты, которые открыли систематическія гоненія на республиканскія эмблемы, деревья свободы и фригійскіе колпаки.

Учредительное Собраніе, въ огромномъ большинствѣ состоявшее изъ республиканцевъ, безсильно смотрѣло на дѣйствія исполнительной власти, а монархическое меньшинство открыто заявило, что Собраніе, закончивши свою миссію, должно уступить мѣсто Законодательному Собранію. Такой именно смыслъ имѣло предложеніе Рато, которое, несмотря на протесты комитетовъ, принято было во вниманіе тремя голосами большинства (8 января).

Затѣмъ возникъ вопросъ о томъ, чтобы „покончить съ Собраніемъ“ силой. Шангарнье, довѣренный генералъ роялистической партіи, главнокомандующій національныхъ гвардейцевъ Сенскаго департамента и войскъ парижскаго гарнизона, располагалъ всѣми военными силами столицы. Утромъ 29 января онъ

---

[1]) По разсказу Тьера (Нассау Сеніору), онъ самъ отказался будто составить министерство и указалъ Наполеону его министровъ; онъ якобы совѣтовалъ ему носить штатское платье, окружить себя докладчиками и принять видъ американской простоты; но президентъ поступилъ какъ разъ наоборотъ.

приказалъ бить сборъ и наводнилъ улицы Парижа солдатами. Обезпокоенное бюро Собранія вызвало Шангарнье, который спустя два часа приказалъ отвѣтить, что онъ задержался у президента Республики, а что войска собраны для подавленія бунта. Этотъ инцидентъ такъ-таки никогда и не получилъ объясненія. Одилонъ Барро увѣрялъ, будто дѣло шло о мятежѣ мобильной гвардіи. Возможно, что мы просто имѣемъ дѣло съ попыткой государственнаго переворота. Вечеромъ въ Елисейскомъ дворцѣ Луи-Наполеонъ имѣлъ совѣщаніе съ Шангарнье, Тьеромъ, Молэ и Бройлемъ. Шангарнье хотѣлъ разогнать Собраніе силой; Тьеръ объявилъ эту идею абсурдомъ: „Дайте этому Собранію накричаться, Барро не уступитъ ему въ крикливости; онъ прямо созданъ для этой роли; это его ремесло и онъ исполняетъ его добросовѣстно". Тьеръ совѣтовалъ „отложить героическую, но тяжелую операцію государственнаго переворота вплоть до того момента, когда болѣзнь настолько вкоренится и приметъ такой опасный оборотъ, что примѣненіе этого рѣшительнаго средства будетъ оправдываться обстоятельствами". Луи-Наполеонъ, хранившій по обыкновенію молчаніе, одобрилъ отсрочку насильственныхъ мѣръ. Уходя, Шангарнье сказалъ Тьеру: „Вы замѣтили, какую мину скорчилъ президентъ? Въ концѣ концовъ, это—прохвостъ".

Конфликтъ между Учредительнымъ Собраніемъ и президентомъ вспыхнулъ по вопросу объ итальянской политикѣ. Республиканское большинство Собранія хотѣло придти на помощь Сардинскому королевству, которому угрожали австрійцы; Луи-Наполеонъ, чтобы угодить католической правой, хотѣлъ возстановить папу и уничтожить Римскую республику. Собраніе вмѣшалось слѣдующей резолюціей, принятой 30 марта: „Если исполнительная власть для болѣе вѣрнаго обезпеченія неприкосновенности пьемонтской территоріи и для болѣе твердой охраны интересовъ и чести Франціи, считаетъ необходимымъ подкрѣпить дипломатическіе переговоры частичной и временной оккупаціей въ Италіи, то Собраніе съ своей стороны готово оказать исполнительной власти полную поддержку". По совѣту Тьера, президентъ согласился на вмѣшательство въ итальянскія дѣла, но обратилъ его противъ Римской республики. Онъ заставилъ Собраніе вотировать чрезвычайный кредитъ на трехмѣсячную экспедицію; Барро обѣщалъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ только „объ охранѣ французскаго вліянія и защитѣ цивилизаціи". Но экспедиціонный корпусъ, отправленный подъ начальствомъ Удино въ Чивита-Веккію, двинулся къ Риму и былъ отброшенъ. Республиканское большинство Собранія немедленно приняло резолюцію: „Собраніе приглашаетъ правительство безотлагательно принять необходимыя мѣры, для того чтобы итальянская экспедиція болѣе не отвлекалась отъ предназначенной ей цѣли". Нисколько не считаясь съ постановленіемъ Собранія, президентъ 8 мая написалъ Удино: „Нашимъ солдатамъ оказанъ былъ враждебный пріемъ, ваша военная честь задѣта".

Однако Собраніе отвергло предложеніе о преданіи министровъ суду и даже отказалось выразить имъ недовѣріе (329 голосами изъ 620); но когда министръ внутреннихъ дѣлъ оффиціально сообщилъ о результатахъ этого голосованія департаментамъ, то Собраніе вотировало порядокъ дня, который принудилъ его выйти въ отставку. Учредительное Собраніе могло бы продолжить свое существованіе до того момента, пока оно не закончило бы принятія органическихъ законовъ, дополняющихъ конституцію; но оно дало себя поймать на удочку правой и вотировало поправку, равносильную предложенію Рато. 26 мая Собраніе разошлось.

IV. — Законодательное Собраніе.

Выборы и открытіе Законодательнаго Собранія.—Законодательное Собраніе, состоявшее изъ 750 депутатовъ, выбранныхъ 13 мая 1849 года по системѣ департаментскихъ избирательныхъ списковъ относительнымъ большинствомъ, и открывшееся 28 мая, по распредѣленію партій глубоко отличалось отъ Учредительнаго Собранія.—Прежнее республиканское большинство (партія Кавеньяка) упало до 70 человѣкъ.—Крайняя лѣвая, принявшая традиціонное названіе *Горы*, сорганизовалась для выборовъ подъ руководствомъ избирательныхъ комитетовъ („Республиканская Солидарность", „Друзья Конституціи"), которые обратились съ воззваніемъ къ республиканскимъ чувствамъ страны для борьбы съ врагами Республики. Составленный Феликсомъ Піа манифестъ 55 представителей Горы содержалъ даже нѣкоторыя обѣщанія соціальныхъ реформъ: реформы воинской повинности (въ смыслѣ устраненія неравенства), отмѣны налоговъ на предметы первой необходимости, прогрессивнаго налога на чистый доходъ, эксплуатаціи государствомъ желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ и каналовъ, государственнаго страхованія и кредита [1]). Гора насчитывала 180 депутатовъ, выбранныхъ главнымъ образомъ въ восточныхъ и южныхъ департаментахъ и въ Парижѣ.—Противъ этихъ 250 республиканскихъ депутатовъ клерикально-монархическая коалиція улицы Пуатье провела около 500 представителей „партіи порядка", орлеанистовъ, легитимистовъ и сторонниковъ слiянiя обѣихъ фракцій; бонапартистовъ выбрано было очень немного.

Исполнительная власть и Собраніе согласны были совмѣстно дѣйствовать противъ республиканской партіи; они стремились раздавить ее, отнявши у нея всѣ средства пропаганды и дѣйствія: республиканскія газеты, политическіе союзы, свѣтскую школу и всеобщее избирательное право.

13 іюня и пораженіе Горы.—Когда получены были извѣстія о битвахъ подъ стѣнами Рима, партія Горы перешла въ наступленіе. Организованные для выборной агитаціи комитеты составили протестъ противъ правительства, нарушившаго пятую статью конституціи, которая гласила: „Французская Республика уважаетъ иностранныя національности... и никогда не употребитъ своихъ силъ противъ свободы какого-либо народа". Ледрю-Ролэнъ потребовалъ отъ Собранія преданія суду президента Республики и его министровъ; на объясненія Одилона Барро и на восклицанія правой онъ отвѣтилъ слѣдующимъ заявленіемъ, которое онъ повторилъ: „Конституція была нарушена, мы будемъ защищать ее даже съ оружіемъ въ рукахъ" (11 іюня). Собраніе отвергло предложеніе. На слѣдующій день Ледрю-Ролэнъ и нѣкоторые депутаты, организованные въ комитеты, издали прокламацію, разоблачавшую заговоръ монархистовъ противъ Республики и приглашавшую національныхъ гвардейцевъ явиться въ мэрію V округа, чтобы оттуда безъ оружія отправиться толпой къ Собранію.

На это приглашеніе откликнулось только нѣсколько сотъ національныхъ гвардейцевъ и рабочихъ; 13 іюня въ 11 часовъ утра они двинулись отъ Шато-д'О съ криками: „Да здравствуетъ Конституція! Да здравствуетъ Италія!" и дошли до улицы Мира (недалеко отъ Оперы). Собранныя Шангарнье войска атаковали манифестантовъ и разсѣяли ихъ. Орга-

[1]) „Мы хотимъ признать за всѣми право на собственность, основанное на правѣ на трудъ. Что такое право на трудъ? Это право на кредитъ. Что такое право на кредитъ? Это право на капиталъ, т.-е. на орудія труда... Нужно, чтобы государство не занимало, а давало взаймы, чтобы оно выдавало ссуды какъ подъ недвижимое, такъ и подъ движимое имущество".

низаторы манифестаціи были со всѣхъ сторонъ окружены въ Консерваторіи Искусствъ и Ремеслъ; солдаты собирались ихъ разстрѣлять, когда пришелъ приказъ арестовать ихъ. Ледрю-Роллэнъ спасся бѣгствомъ и уѣхалъ въ Лондонъ.

Собраніе воспользовалось удобнымъ случаемъ для нанесенія рѣшительнаго удара партіи Горы. Тридцать три депутата были преданы суду. Правительство декретомъ закрыло всѣ газеты партіи. Собраніе вотировало законъ о печати, который возстановилъ залогъ въ 24.000 франковъ и далъ администраціи право воспрещать продажу газетъ въ общественныхъ мѣстахъ; кромѣ того, оно приняло законъ, воспрещавшій въ теченіе года публичныя политическія собранія. Оно объявило Парижъ въ осадномъ положеніи особымъ закономъ, который передавалъ на разсмотрѣніе военныхъ судовъ всѣ преступленія и проступки, совершенные „противъ безопасности Республики, противъ конституціи, общественнаго спокойствія и порядка". Греви сказалъ: „Это военная диктатура"; на что Дюфоръ отвѣтилъ: „Это парламентская диктатура".

Образованіе бонапартистской партіи.— Послѣ того, какъ общій врагъ былъ раздавленъ, между президентомъ и большинствомъ начались раздоры. Старые парламентскіе дѣятели, господствовавшіе надъ Собраніемъ, презирали Луи-Наполеона; они ставили ему въ упрекъ его конспираторское прошлое, его друзей-авантюристовъ, его долги и частную жизнь. Съ своей стороны, онъ не хотѣлъ больше оставаться орудіемъ въ рукахъ большинства, а старался составить собственную партію. Онъ перестал покорно подчиняться Тьеру, окружилъ себя новыми людьми, сталъ привлекать къ себѣ многихъ офицеровъ. Онъ хотѣлъ направлять внѣшнюю политику по своему личному усмотрѣнію. По возвращеніи папы въ Римъ онъ написалъ открытое письмо своему другу Нею, въ которомъ жаловался на реакцію и заявлялъ, что возстановленіе папы должно сопровождаться амнистіей и реорганизаціей управленія въ свѣтскомъ духѣ. Католическое большинство, вотируя кредиты на римскую экспедицію, упрекнуло его за это вмѣшательство въ дѣла св. отца.

Министерство Одилона Барро, составленное изъ орлеанистовъ, отказалось выступить противъ Собранія. Сначала конфликтъ оставался въ скрытомъ состояніи. Но Луи-Наполеонъ, переходя къ дѣлу по своей привычкѣ безъ всякаго предупрежденія, опубликовалъ посланіе отъ 31 октября. Это было провозглашеніемъ открытаго разрыва съ парламентскимъ режимомъ и манифестомъ о переходѣ къ системѣ личнаго управленія. „Франція, обезпокоенная отсутствіемъ направляющей силы, ищетъ руки и проявленія воли избранника 10 декабря. Но эта воля можетъ проявиться только въ томъ случаѣ, если между президентомъ и его министрами существуетъ полное согласіе во взглядахъ, мысляхъ и убѣжденіяхъ, и если Собраніе само находится въ общеніи съ національной мыслью, выраженіемъ которой и явилось избраніе исполнительной власти".—Вмѣстѣ съ тѣмъ президентъ уволилъ своихъ министровъ и замѣнилъ ихъ своими личными приверженцами, почти совершенно никому неизвѣстными: Руэръ получилъ портфель юстиціи, Фульдъ—министерство финансовъ и Парьё—народное просвѣщеніе.

Префектъ полиціи Карлье основалъ „Общество 10 декабря", которое ставило себѣ цѣлью охрану религіи, труда, семьи и собственности и борьбу съ „соціализмомъ, безнравственностью, безпорядкомъ, съ вредными изданіями и съ закоснѣлостью крамольниковъ". Это общество рекрутировалось изъ воинствующихъ бонапартистовъ, которые съ дубинами въ рукахъ нападали не демократическія собранія.

Законъ о народномъ образованіи и законъ 31 мая (1850).—Собраніе и президентъ снова соединились для борьбы противъ республиканцевъ. Конституція обѣщала народу безплатное образованіе; въ виду этого необходимо было выработать органическій законъ о народномъ образованіи, и Государственный Совѣтъ, не торопясь, подготовлялъ соотвѣтствующій законопроектъ. Министръ Парьё представилъ проектъ временнаго закона и во время дебатовъ назвалъ народныхъ учителей „генералами отъ демократической и соціальной республики", обвиняя ихъ въ томъ, что они „въ деревенской глуши распространяютъ разрушительные принципы".

16 марта 1850 года Собраніе вотировало общій законъ о народномъ образованіи, выработанный Фаллу, законъ, который отдавалъ народнаго учителя подъ надзоръ кюре и обязалъ его преподавать катехизисъ. О безплатномъ народномъ образованіи не было уже и рѣчи. Среднее образованіе, которое со времени Наполеона I оставалось монополіей свѣтскаго государственнаго университета, объявлено было свободнымъ; частнымъ лицамъ предоставлено было право открывать среднія и низшія учебныя заведенія. Муниципалитеты получили право приглашать въ свои школы членовъ монашескихъ орденовъ, а женскимъ конгрегаціямъ предоставлена была привилегія замѣнять экзаменъ на званіе учительницы (что требовалось для открытія школы) представленіемъ „отпускного свидѣтельства", выдаваемаго епископомъ.

Университетъ и католическая церковь начали оспаривать другъ у друга руководство дѣломъ воспитанія молодыхъ поколѣній, и этимъ заложены были основы дѣленія французской буржуазіи на двѣ враждебныя фракціи, воспитанныя по двумъ различнымъ системамъ. Монталамберъ указалъ на истинный смыслъ закона Фаллу, сказавши: „Большинство выбрано было для борьбы съ соціализмомъ... Необходимо сдѣлать выборъ между католицизмомъ и соціализмомъ". Нужно, какъ онъ говорилъ, „предпринять *внутреннюю римскую экспедицію*". Это прозвище такъ и осталось за католической кампаніей противъ демократіи.

На апрѣльскихъ дополнительныхъ выборахъ, обусловленныхъ необходимостью замѣстить республиканцевъ, подвергшихся изгнанію въ 1849 году, выбрано было большинство кандидатовъ Горы (27 изъ 37). Собраніе испугалось и рѣшило „почистить всеобщее избирательное право"; президентъ не сталъ мѣшать этому, точнѣе, онъ даже одобрялъ намѣреніе большинства.

Такимъ образомъ въ нѣсколько дней быстро принятъ былъ выработанный Бройлемъ законъ 31 мая. Не отмѣняя открыто принципа всеобщаго голосованія, этотъ законъ требовалъ отъ избирателей *трехлѣтняго* проживанія на одномъ мѣстѣ, удостовѣреннаго внесеніемъ въ списки плательщиковъ личныхъ налоговъ, и лишалъ избирательнаго права людей осужденныхъ за какое-нибудь политическое преступленіе (возмущеніе, оскорбленіе властей, участіе въ клубахъ или тайныхъ обществахъ). Этотъ законъ сократилъ число избирателей на 3 милліона и коснулся главнымъ образомъ городскихъ рабочихъ, голосовавшихъ за республиканскую партію (въ Парижѣ на 64%).

Собраніе завершило серію репрессивныхъ мѣропріятій закономъ о печати

[1]) Тьеръ разсказываетъ, что президентъ просилъ его спасти націю отъ красныхъ и соціалистовъ; затѣмъ онъ созвалъ въ Елисейскій дворецъ монархическихъ вождей, Тьера, Molэ, Бройля, Беррье, Монталамбера и Сенъ-При; на этомъ совѣщаніи выработанъ былъ планъ кампаніи. Тьеръ хвастаетъ тѣмъ, что онъ взялъ на себя провести отмѣну всеобщаго избирательнаго права и заявилъ, что во время дебатовъ онъ нарочно употребитъ оскорбительное выраженіе „презрѣнная толпа", для того чтобы вывести Гору изъ себя и заставить ее надѣлать тактическихъ ошибокъ.

(16 іюля 1850 года), который повысилъ залогъ до 50.000 франковъ и обязалъ авторовъ подписывать свои статьи. Затѣмъ оно разошлось на каникулы (8 августа), оставивши постоянную комиссію изъ 25 членовъ, исключительно монархистовъ.

Конфликтъ между президентомъ и Собраніемъ.—Президентъ воспользовался вакаціями, чтобы объѣздить департаменты, всюду выдавая себя за защитника порядка. Онъ требовалъ пересмотра конституціи и началъ устраивать такъ, что толпа встрѣчала его криками: „Да здравствуетъ императоръ!"—Тѣмъ временемъ орлеанисты и легитимисты пытались слиться въ одну партію; графъ Шамборъ (Генрихъ V) долженъ былъ сдѣлаться конституціоннымъ королемъ, а графъ Парижскій—его преемникомъ. „Сліяніе" не удалось, такъ какъ Генрихъ V не хотѣлъ принять никакихъ условій. Но опасеніе передъ возможностью возстановленія монархіи ослабляло сопротивленіе, оказываемое республиканцами президенту.

Столкновеніе между президентомъ и Собраніемъ началось по поводу арміи. На смотру въ Сатори (10 октября), который произведенъ былъ Луи-Наполеономъ, кавалерія, дефилируя передъ президентомъ, кричала: „Да здравствуетъ императоръ!" Пѣхота прошла молча, такъ какъ генералъ Неймайеръ напомнилъ солдатамъ, что по военному уставу запрещается кричать въ строю. Правительство отняло у Неймайера команду (31 октября); Шангарнье принялъ сторону опальнаго генерала. По возобновленіи засѣданій Собранія (12 ноября) президентъ сдѣлалъ видъ, что уступаетъ; онъ отправилъ примирительное посланіе и смѣнилъ военнаго министра.

Но вскорѣ конфликтъ возобновился и уже не прекращался. Президентъ хотѣлъ, чтобы парижскій гарнизонъ находился въ полномъ его распоряженіи; постепенно онъ ввелъ туда лично преданныхъ ему офицеровъ, враждебно настроенныхъ противъ гражданскаго начальства и готовыхъ на примѣненіе насильственныхъ мѣръ (Флери, Сентъ-Арно, Эспинасъ и т. п.). Главнокомандующій Шангарнье былъ ставленикомъ Собранія, и президентъ отнялъ у него команду (5 января 1851 года). Собраніе отвѣтило выраженіемъ недовѣрія министерству, принятымъ 417 голосами противъ 286, но только благодаря голосамъ республиканцевъ; монархическое большинство раздѣлилось по этому вопросу. Собраніе разбилось на три почти равныя части: на республиканскую партію, на монархистовъ, примкнувшихъ къ президенту, и на монархистовъ, явно враждебныхъ Луи-Наполеону. Отнынѣ въ Собраніи могло составиться только коалиціонное большинство, и Собраніе никакъ не могло столковаться относительно какой-нибудь положительной мѣры.

Ссылаясь на отсутствіе дѣйствительнаго большинства, Луи-Наполеонъ назначилъ „переходное министерство", составленное изъ его личныхъ приверженцевъ (24 января). Министерство потребовало увеличенія президентскаго жалованья на 1.800.000 франковъ. Монталамберъ отъ имени католиковъ согласился на это предложеніе, но оно было отвергнуто коалиціей республиканцевъ и легитимистовъ, 396 голосами противъ 294.—Затѣмъ орлеанисты потребовали отмѣны закона, по которому члены прежнихъ царствовавшихъ династій изгонялись изъ Франціи. Это предложеніе было отвергнуто той же самой коалиціей, такъ какъ легитимисты отказались вотировать законъ, которымъ ихъ претендентъ не желалъ воспользоваться.

Рѣшительная борьба разгорѣлась по вопросу о пересмотрѣ конституціи. Конституція 1848 года не допускала переизбранія президента на второй срокъ, и Луи-Наполеонъ, который хотѣлъ остать-

ся президентомъ и на второе четырехлѣтіе, требовалъ пересмотра конституціи. Черезъ своихъ префектовъ онъ организовалъ подачу петиціи и побудилъ генеральные совѣты (51 въ 1850 году, 80 въ 1851 году) выразить „пожеланіе" въ этомъ духѣ, несмотря на то, что законъ запрещалъ генеральнымъ совѣтамъ заниматься политикой. Но установленная Учредительнымъ Собраніемъ процедура дѣлала пересмотръ конституціи почти невозможнымъ: въ силу конституціи 1848 года Собраніе должно было трижды подрядъ вотировать пересмотръ большинствомъ трехъ четвертей голосовъ, а затѣмъ этотъ пересмотръ производился новымъ собраніемъ, спеціально избраннымъ для этой цѣли. Легитимисты и большинство орлеанистовъ хотѣли пересмотра конституціи. Но такъ какъ часть орлеанистовъ присоединилась къ республиканцамъ, то за пересмотръ подано было 446 голосовъ, а противъ пересмотра—278; такимъ образомъ требуемое большинство трехъ четвертей голосовъ не было достигнуто, и предложеніе о пересмотрѣ конституціи было отвергнуто (26 іюля). Среди приближенныхъ къ президенту лицъ начали поговаривать о необходимости отдѣлаться отъ Собранія посредствомъ государственнаго переворота; но его наперсники, генералы Сентъ-Арно и Маньянъ, совѣтовали держаться пока выжидательной политики [1]). Президентъ перемѣнилъ кабинетъ и назначилъ на постъ военнаго министра генерала Сентъ-Арно. Во время парламентской вакаціи партіи приготовились къ рѣшительной борьбѣ.

Полномочія Собранія истекали въ маѣ 1852 года, а полномочія президента—въ декабрѣ 1852 г. Республиканцы надѣялись, что выборы приведутъ къ ихъ побѣдѣ и вернутъ имъ власть. Такъ какъ устройство политическихъ союзовъ было воспрещено, то демократы организовали цѣлый рядъ тайныхъ обществъ, особенно на юго-востокѣ и въ центрѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ обществъ имѣли тайные обряды при пріемѣ новыхъ членовъ, по образцу франкъ-масонскихъ ложъ (клятва на кинжалѣ), особыя эмблемы (ватерпасъ, наугольникъ, фригійскій колпакъ, топоръ) и пароли („Знаете ли вы мать Маріанну?") [1]). Они состояли въ сношеніяхъ съ французскими эмигрантами, проживавшими въ Лондонѣ и Швейцаріи, и съ иностранными революціонерами. Правительство обвиняло ихъ въ томъ, что они имѣютъ склады оружія, проскрипціонные списки и подготовляютъ къ моменту выборовъ 1852 года насильственное нападеніе на префектуры и учрежденіе революціонныхъ трибуналовъ. Оно старалось напугать общественное мнѣніе [2]). Самъ президентъ въ посланіи, прочитанномъ при возобновленіи парламентской сессіи, заявилъ Собранію; „Обширный демагогическій заговоръ организуется во Франціи и въ Европѣ".

По открытіи Собранія президентъ, имѣя въ виду скомпрометировать роялистическое большинство, предложилъ ему отмѣнить законъ 31 мая и возстановить всеобщее избирательное право, но монархическая коалиція отвергла это предложеніе.

Орлеанисты чувствовали, что безза-

---

1) Маньянъ на всякій случай предупредилъ находящихся въ Парижѣ генераловъ о возможности предстоящаго переворота: „Легко-можетъ случиться, что въ ближайшемъ будущемъ вашъ главнокомандующій сочтетъ умѣстнымъ принять весьма важное рѣшеніе. Вы должны будете безпрекословно повиноваться его приказаніямъ".

1) Существовали еще обломки соціалистической группы Карла Маркса, расколовшейся на двѣ организаціи: „Союзъ коммунъ" и „Союзъ коммунистовъ"; остатки бланкистской партіи („Друзья равенства") и партіи Луи Блана, не имѣвшіе вліянія на выборы.

2) Въ этомъ именно духѣ написанъ былъ пресловутый „Красный призракъ" Ромье. „У васъ не остается иного выбора, какъ между царствомъ факела и господствомъ сабли".

щитному Собранію угрожаетъ насильственное распущеніе. Они поддерживали „предложеніе квесторовъ“ о необходимости вывѣсить въ казармахъ статью декрета 1848 года, которая давала президенту Собранія право непосредственно вызывать вооруженную силу (незадолго до того военный министръ Сентъ-Арно приказалъ убрать этотъ декретъ изъ казармъ).

Республиканцы опасались монархическаго государственнаго переворота; поэтому они соединились съ бонапартистами, и предложеніе [1]) было отвергнуто большинствомъ 408 голосовъ противъ 300 (17 ноября). Такимъ образомъ Собраніе оказалось неспособнымъ даже принимать какія-либо мѣры для своей самозащиты.

V.—Установленіе имперіи.

Государственный переворотъ 2 декабря.— Луи-Наполеонъ рѣшился наконецъ произвести государственный переворотъ, который онъ подготовлялъ уже давно, и назначилъ его на 2 декабря, годовщину сраженія при Аустерлицѣ. Вечеромъ 1 декабря онъ давалъ балъ въ Елисейскомъ дворцѣ. Ночью министръ внутреннихъ дѣлъ Мона собралъ полицейскихъ комиссаровъ; до наступленія утра выдающіеся республиканскіе и монархическіе депутаты были схвачены въ своихъ постеляхъ, а солдаты заняли залъ засѣданій. Прокламація президента къ народу объявляла, что президентъ распустилъ Собраніе, и приглашала „народъ“ разсудить споръ между Собраніемъ и президентомъ“. Прокламація къ солдатамъ говорила, что президентъ разсчитываетъ на нихъ, чтобы заставить уважать основной законъ страны, народное верховенство, и приглашаетъ ихъ „какъ гражданъ подать свой голосъ совершенно свободно“. Теоретически переворотъ произведенъ былъ во имя Республики и суверенныхъ правъ народа, но на самомъ дѣлѣ это былъ бунтъ исполнительной власти и вооруженной силы противъ законно избранныхъ представителей націи.

Собраніе, дезорганизованное арестомъ своихъ вождей, пыталось однако оказать сопротивленіе. Кое-гдѣ стали собираться кучки депутатовъ; 217 депутатовъ, по большей части монархистовъ, собрались въ мэріи X округа [1]). Здѣсь они составили Собраніе, которое объявило президента лишеннымъ власти на основаніи Конституціи (предусматривавшей подобный случай) и назначили новаго главнокомандующаго. Но явившіеся солдаты арестовали собравшихся депутатовъ. Учрежденный конституціей Верховный Судъ съ своей стороны собрался въ Зданіи судебныхъ учрежденій и приступилъ къ началу судопроизводства, но былъ разогнанъ. 3 декабря собраніе республиканскихъ депутатовъ также декретировало низложеніе президента.

Сопротивленіе государственному перевороту организовалось только въ слѣдующіе дни; парижскіе рабочіе совершенно не интересовались судьбой Собранія [2]). Правительству нуженъ былъ какой-нибудь бунтъ, который оно могло бы подавить. 3 декабря оно приказало уланамъ атаковать толпу. 4 декабря оно раздало солдатамъ деньги и послало ихъ на бульвары, гдѣ они стрѣляли въ окна домовъ

[1]) Во время дебатовъ по этому вопросу Мишель (изъ Буржа) произнесъ знаменитыя слова: „Никакой опасности не существуетъ, и я позволю себѣ даже прибавить, что если бы и существовала какая-нибудь опасность, то имѣется также и *невидимый часовой*, который насъ охраняетъ; этотъ часовой—это народъ“.

[1]) На улицѣ Гренель, недалеко отъ площади Краснаго Креста (нынѣ VI округъ). Генералъ Лористонъ, командовавшій легіономъ національной гвардіи въ этомъ кварталѣ, онъ же депутатъ Собранія, созвалъ туда своихъ товарищей.

[2]) Депутатъ Боденъ былъ убитъ въ то время, когда онъ пытался убѣдить рабочихъ взяться за защиту баррикады въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ (3 декабря).

и въ безоружную толпу. Наконецъ, рабочіе восточныхъ кварталовъ построили нѣсколько баррикадъ; произошло нѣсколько стычекъ, солдаты разстрѣливали инсургентовъ, арестовали подозрительныхъ лицъ, которыми и набили крѣпостные казематы, гдѣ они и оставались въ продолженіе нѣсколькихъ дней до разборки и ссылки.

Въ провинціи сопротивленіе беззаконію оказано было только республиканцами, которые провозгласили низложеніе президента и во имя конституціи двинулись на губернскіе города. Возстаніе произошло только въ какой-нибудь дюжинѣ юго-восточныхъ и центральныхъ департаментовъ, но волненія охватили около двадцати другихъ департаментовъ. Инсургенты состояли главнымъ образомъ изъ крестьянъ, руководимыхъ членами тайныхъ обществъ. Правительство воспользовалось этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы выступить въ роли защитника общества отъ *жакеріи* и *коммунистовъ*. Оно объявило 32 департамента въ осадномъ положеніи и произвело около 100.000 арестовъ.

Репрессія была организована съ явной цѣлью уничтожить республиканскую партію. 80 депутатовъ, главнымъ образомъ республиканцевъ, были изгнаны изъ Франціи. Президентъ декретомъ 8 декабря присвоилъ себѣ право отправлять въ ссылку всѣхъ членовъ тайныхъ обществъ. Онъ учредилъ „смѣшанныя комиссіи“ изъ 3 членовъ, состоявшія изъ генерала, префекта и прокурора и постановлявшія окончательные приговоры безъ права апелляціи; онѣ могли предавать арестованныхъ лицъ военному суду или приговаривать ихъ къ водворенію въ опредѣленныхъ мѣстахъ, къ изгнанію и къ ссылкѣ въ колоніи. Изъ документа, подписаннаго Мона и найденнаго въ Тюильри (въ 1870 году), видно, что „общее число лицъ, арестованныхъ и подвергшихся преслѣдованію вслѣдствіе бунта въ декабрѣ 1851 года“, достигло 26.642; изъ нихъ „освобождено 6.501 чел., отдано подъ надзоръ полиціи 5.108, осуждено 15.033, въ томъ числѣ 915 человѣкъ за преступленія общеуголовнаго характера“. По этимъ даннымъ сослано было въ Кайенну 239 чел., въ Алжиръ 9.530, изгнано 1.545 и водворено безъ права выѣзда въ провинціальныхъ городахъ—2.804 человѣка.

Плебисцитъ.—Для санкціонированія произведеннаго имъ государственнаго переворота президентъ пригласилъ гражданъ и солдатъ (3 декабря) отвѣтить „да“ или „нѣтъ“ на слѣдующій вопросъ: „Французскій народъ желаетъ сохранить власть за Луи Бонапартомъ и облекаетъ его необходимыми полномочіями для установленія конституціи на основаніяхъ, предложенныхъ въ его прокламаціи отъ 2 декабря“. Эти „основныя положенія конституціи, которыя въ подробностяхъ должны быть развиты послѣдующими собраніями“, сводились къ слѣдующему: 1) исполнительная власть вручается отвѣтственному президенту, выбираемому на десять лѣтъ; 2) министры зависятъ только отъ исполнительной власти; 3) Государственный Совѣтъ, составленный изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей, подготовляетъ законопроекты и защищаетъ ихъ во время обсужденія законовъ передъ Законодательнымъ Корпусомъ; 4) Законодательный Корпусъ, обсуждающій и вотирующій законы, выбирается всеобщей подачей голосовъ, но не по системѣ избирательныхъ списковъ, искажающей результаты выборовъ; 5) другая палата..., которая должна стоять на стражѣ основного договора и общественныхъ вольностей“. Избиратели при подачѣ голоса въ мэріи должны были записывать свое имя въ особомъ реестрѣ, но новымъ декретомъ впослѣдствіи возстановлена была закрытая баллотировка.

Голосованіе, производившееся подъ устрашающимъ давленіемъ правительства,

дало 7.481.280 „да“ и 647.292 „нѣтъ“ (въ томъ числѣ 39.359 „нѣтъ“ въ арміи). Глава католической партіи Монталамберъ открыто высказалъ одобреніе государственному перевороту.

Конституція 1852 года.— Конституція 1852 года (14 января) организовала правительственную власть по образцу, завѣщанному Наполеономъ I. Какъ говорила прокламація 2 декабря, „эта система, созданная первымъ консуломъ, однажды уже доставила Франціи спокойствіе и благосостояніе“.

Вся исполнительная власть вручалась президенту, избираемому на десять лѣтъ. Онъ назначаетъ на всѣ должности; ему же принадлежитъ часть законодательной власти; онъ *одинъ* заключаетъ договоры, объявляетъ войну, вводитъ осадное положеніе; ему одному принадлежитъ также право законодательной инициативы.

При немъ дѣйствуютъ три учрежденія. Государственный Совѣтъ, члены котораго назначаются президентомъ, вырабатываетъ законопроекты. Законодательный Корпусъ, состоящій изъ 251 депутата и выбираемый всеобщей подачей голосовъ подъ руководствомъ президента, который назначаетъ оффиціальныхъ кандидатовъ, вотируетъ законы, ему представленные. Сенатъ, состоящій изъ 150 членовъ, пожизненно назначаемыхъ президентомъ, стоитъ на стражѣ конституціи; онъ можетъ отвергать неконституціонные законы и измѣнять конституцію, по соглашенію съ президентомъ.—Министры назначаются и увольняются президентомъ, причемъ отвѣтственность ихъ прекращается.

Остается одна только отвѣтственная власть: это—президентъ; но онъ отвѣтственъ не передъ какимъ-нибудь реальнымъ государственнымъ учрежденіемъ, а только передъ народомъ, который совершенно лишенъ какихъ бы то ни было средствъ для осуществленія своего права. Такимъ образомъ налицо остается одна лишь реальная сила, это — президентъ, осуществляющій всѣ роды власти, исполнительную непосредственно, а законодательную черезъ посредство учрежденій, составленныхъ изъ его креатуръ. Однако отъ революціи 1848 года сохраняется одинъ институтъ, а именно всеобщее избирательное право, которое выражается въ формѣ парламентскихъ выборовъ и плебисцита. Это — система личнаго правленія, прикрытая оболочкой демократическаго представительнаго режима.

Провозглашеніе Имперіи.—Государственный переворотъ подавилъ во Франціи всякую политическую жизнь. *Принцъ-президентъ* сохранилъ диктаторскую власть до марта и окончательно водворилъ въ странѣ полное молчаніе. Онъ установилъ для печати [1]) систему предварительнаго разрѣшенія и предостереженій (17 февраля); онъ подчинилъ кафе, питейные дома и всѣ народныя собранія режиму предварительнаго разрѣшенія, которое во всякое время могло быть взято обратно, такъ что всѣ средства пропаганды находились въ полномъ распоряженіи администраціи. Онъ конфисковалъ владѣнія орлеанскаго дома и запретилъ его членамъ владѣть во Франціи какимъ бы то ни было недвижимымъ имуществомъ. Онъ реорганизовалъ національную гвардію такъ, что фактически ее уничтожилъ. Поселился онъ въ королевской резиденціи, Тюильрійскомъ дворцѣ.

1852 годъ прошелъ въ цѣломъ рядѣ торжественныхъ парадовъ и церемоній. Выбранный въ мартѣ Законодательный Корпусъ состоялъ исключительно изъ оффиціальныхъ депутатовъ. Избранные въ Парижѣ республиканцы отказались присягнуть на вѣрность президенту, какъ того требовала конституція. Чиновники всѣхъ степеней и офицеры должны были принести такую же присягу; тѣ, кто от-

---

1) См. ниже, въ главѣ V.

казывался исполнить это требованіе, немедленно удалялись въ отставку.

Затѣмъ Принцъ-президентъ предпринялъ тріумфальную поѣздку по всей Франціи. Его встрѣчали криками: „Да здравствуетъ Императоръ!“ Въ Бордо онъ самъ заговорилъ о возстановленіи имперіи, сказавши: „Имперія—это миръ!“ По возвращеніи въ Парижъ онъ созвалъ Сенатъ, который сенатусъ-консультомъ рѣшилъ опросить французскій народъ относительно „возстановленія императорскаго достоинства въ лицѣ Луи-Наполеона Бонапарта“. Плебисцитъ 20 ноября далъ 7.839.000 „да“ и 253.000 „нѣтъ“. Принцъ-президентъ былъ провозглашенъ императоромъ подъ именемъ Наполеона III.

Глава II.

Революція и Реакція въ Италіи.

1848—1849.

I.—Либеральныя реформы и національное движеніе (1846—1848).

Общій характеръ разсматриваемаго періода.—Въ продолженіе 1848 и 1849 годовъ Италія послѣдовательно сдѣлалась театромъ внутреннихъ переворотовъ, совершенныхъ народами, добивавшимися политической свободы, національной войны, руководимой монархами для завоеванія національной независимости, и вооруженной реакціи, произведенной сосѣдними государствами, стремившимися возстановить прежній порядокъ. Но если Италія пошла черезъ тѣ же кризисы, что и остальныя европейскія государства, то раньше она пережила періодъ спокойствія и надеждъ, дававшихъ ей, казалось бы, возможность избѣжать этихъ потрясеній. Въ Италіи нашлись три государя, которые поняли, что сохраненіе старой системы абсолютизма грозитъ величайшей опасностью для ихъ престоловъ, и пытались предупредить насильственную революцію проведеніемъ реформъ: впервые съ 1815 года итальянскіе монархи на требованія своихъ подданныхъ отвѣтили не репрессіей, а уступками. И этой перемѣны въ правительственной политикѣ достаточно было для того, чтобы возбудить въ народѣ всеобщій энтузіазмъ и вызвать мирную агитацію, проявившуюся въ празднествахъ на открытомъ воздухѣ, въ банкетахъ и рѣчахъ. Это умственное движеніе отличалось, съ одной стороны, либеральнымъ характеромъ, представителемъ котораго явился папа Пій IX и который привелъ къ осуществленію политическихъ и административныхъ преобразованій, и съ другой стороны, національнымъ характеромъ, поддерживавшимся Пьемонтскимъ королемъ, Карломъ Альбертомъ, который стремился къ окончательному изгнанію австрійцевъ изъ Италіи.

Либеральное движеніе. — **Римъ.** — Либеральное движеніе началось со дня вступленія новаго папы на первосвященническій тронъ. По смерти Григорія XVI (іюнь 1846 г.) конклавъ, собравшійся для назначенія ему преемника, устранилъ австрійскаго кандидата, кардинала Ламбрускини, и выбралъ Джованни Мастаи Ферретти, епископа Имолы, котораго поддерживалъ французскій посланникъ Росси и который считался либераломъ и оставилъ въ Сполетѣ, въ Имолѣ, репутацію безупречнаго священнослужителя, хладнокровнаго политика и свободнаго отъ предразсудковъ человѣка. Сумѣетъ ли онъ порвать съ ложной политикой своихъ

предшественниковъ и явится ли онъ тѣмъ идеальнымъ папой, о которомъ мечталъ Джоберти? Таковъ былъ вопросъ, который выдвигался его избраніемъ и на который первыя же дѣйствія новаго папы должны были дать опредѣленный отвѣтъ. Мѣры, принятыя Піемъ IX, не обманули либеральныхъ надеждъ: швейцарская гвардія, навербованная Григоріемъ XVI для обузданія народа, была распущена (1 іюля); политическимъ преступникамъ дарована была общая амнистія (15 іюля); наконецъ, кардиналъ Джицци, извѣстный своими либеральными тенденціями, назначенъ былъ государственнымъ секретаремъ (8 августа). Эти мѣропріятія представляли столь рѣзкій контрастъ политикѣ, которой папы придерживались до тѣхъ поръ, что они произвели самое глубокое впечатлѣніе въ Римѣ, въ Италіи и въ Европѣ. Въ Римѣ Пій IX не могъ показаться на улицу безъ того, чтобы карета его немедленно не была окружена толпой, которая бурно привѣтствовала папу и просила его благословенія; въ остальной Италіи имя Пія IX сдѣлалось знаменемъ для всѣхъ тѣхъ, кто увлекался нео-гвельфизмомъ Джоберти; наконецъ, въ Европѣ новый папа возбудилъ всеобщій интересъ, и, въ то время какъ онъ получалъ заявленія одобренія изъ Франціи, Германіи, Ирландіи и даже изъ Америки, старый князь Меттернихъ въ письмѣ къ австрійскому посланнику, аккредитованному при особѣ папы, заявлялъ, что послѣднія событія, имѣвшія мѣсто въ Римѣ, знаменуютъ наступленіе новой эры. Впрочемъ, первыя дѣйствія Пія IX носили пока только симптоматическій характеръ, а отъ него ждали реформъ; требованія, которыя вскорѣ примѣшались къ привѣтствіямъ, побудили его приступить къ этимъ реформамъ. Ему пришлось одну за другой сдѣлать своему народу цѣлый рядъ уступокъ: эдиктомъ 14 марта 1847 года введена была, по крайней мѣрѣ, относительная свобода печати и смягчена строгость цензуры; введена была представительная система путемъ учрежденія Государственнаго Совѣта, который состоялъ изъ свѣтскихъ лицъ, назначаемыхъ правительствомъ, и которому поручалась выработка законовъ (14 апрѣля); установлена была коммунальная автономія путемъ учрежденія *Сената,* которому папа передалъ управленіе Римомъ. Наконецъ Пій IX придалъ этимъ реформамъ реальную санкцію, организовавши министерство въ видѣ увѣнчанія зданія (14 іюня), разрѣшивши сформированіе гражданской гвардіи, способной защищать новыя учрежденія (5 іюля), и наконецъ, назначивъ новаго государственнаго секретаря, болѣе склоннаго примѣнить эти реформы на практикѣ, чѣмъ его предшественникъ (8 августа).

Такимъ образомъ политика Пія IX соотвѣтствовала тѣмъ надеждамъ, которыя пробуждены были его первыми дѣйствіями, и къ концу 1847 года онъ по прежнему пользовался полнымъ довѣріемъ со стороны своего народа. Однако, на основаніи нѣкоторыхъ признаковъ можно было, повидимому, судить о томъ, что это согласіе носитъ чисто эфемерный характеръ. Въ дѣйствительности Пій IX поставленъ былъ между сопротивленіемъ абсолютистовъ, которые задерживали уступки съ цѣлью помѣшать ихъ осуществленію, и требованіями революціонеровъ, которые добивались этихъ уступокъ, но не удовлетворились ими. Первые старались сдѣлать всѣ эти уступки призрачными, противопоставляя папской политикѣ непреодолимую силу инерціи; они обращались за помощью къ Австріи, которая въ январѣ 1847 года заняла своими войсками городъ Феррару, для того чтобы найти предлогъ къ дипломатическому конфликту и къ вооруженному вмѣшательству. Вторые, пользуясь уступками Пія IX для того, чтобы выставлять новыя требованія, удовлетворить которыя онъ отказывался, становились все требовательнѣе по мѣрѣ того, какъ росла его снисходи-

I. M. Айгнеръ.

Папа Пій IX.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

тельность, и къ манифестаціямъ въ честь папы примѣшивали демонстраціи противъ іезуитовъ или противъ побѣжденнаго Зондербунда. Для того чтобы возможно было оказать сопротивленіе обѣимъ этимъ крайнимъ партіямъ, необходимо было рѣшительно осуществить необходимыя реформы, твердой рукой намѣтить имъ границы и образовать среднюю партію, которая удовлетворилась бы новыми вольностями и примкнула бы къ умѣренному и справедливому правительству; но эта задача требовала такой ясности и твердой рѣшимости, на которыя Пій IX былъ совершенно неспособенъ. „Изъ меня хотятъ сдѣлать какого-то Наполеона,—говорилъ онъ,—тогда какъ я просто на просто бѣдный деревенскій священникъ".

Тоскана. — Если популярность Пія IX начала тускнѣть въ Римѣ, то въ Италіи престижъ его оставался пока неприкосновеннымъ, а поданный имъ примѣръ началъ вызывать подражанія. Первый послѣдовалъ примѣру папы великій герцогъ Тосканскій, который, впрочемъ, только послѣ десятимѣсячныхъ проволочекъ ввелъ реформы, уже осуществленныя въ папской области. Въ то время какъ Меттернихъ грозилъ ему военнымъ вмѣшательствомъ, въ странѣ развивалась и усиливалась либеральная оппозиція; въ Пизѣ, гдѣ во главѣ этой оппозиціи стоялъ Монтанелли, она оставалась на конституціонной почвѣ, но въ Ливорно, гдѣ агитаціей руководилъ романистъ Гверацци, она приняла революціонный характеръ. Происшедшая въ этомъ городѣ бурная манифестація окончательно заставила герцога склониться къ политикѣ уступокъ: 8 мая 1847 года опубликованъ былъ законъ, разрѣшавшій „почтительно обсуждать дѣйствія правительства". Несмотря на всю половинчатость этой реформы, либералы встрѣтили ее съ энтузіазмомъ, такъ какъ они надѣялись, что за первой уступкой не замедлятъ послѣдовать другія, болѣе серьезныя. „Либеральная тактика,—какъ говоритъ Монтанелли, — заключалась въ томъ, что мы принимали эти реформы какъ задатокъ, хвалили ихъ больше, чѣмъ онѣ того заслуживали, признавали дѣйствительно осуществленными такія реформы, которыя вовсе не входили въ намѣренія правительства, и въ общемъ ухитрялись вырвать отъ него наибольшую сумму вольностей". Послѣ изданія закона 8 мая основано было свыше двадцати газетъ, требовавшихъ учрежденія гражданской гвардіи для защиты національной независимости отъ Австріи. Великій герцогъ, которому эта идея далеко не улыбалась, сначала пытался обмануть ожиданія своихъ подданныхъ путемъ учрежденія совѣщательнаго корпуса, аналогичнаго тому Государственному Совѣту, который созданъ былъ Піемъ IX; но агитація, начавшаяся въ его владѣніяхъ, и возстаніе, вспыхнувшее въ Ливорно при извѣстіи объ оккупаціи Феррары австрійцами, принудили его уступить (3 сентября 1847 года).

Съ этого момента Тоскана получила такія же государственныя учрежденія, какъ и Папская область; ей дарованы были свобода печати, совѣщательный корпусъ и національная гвардія. А такъ какъ приблизительно около того же времени герцогъ Луккскій отрекся отъ престола въ пользу Леопольда II, то дѣйствіе новыхъ учрежденій распространено было также на владѣнія этого государя.

Пьемонтъ. — Изъ всѣхъ итальянскихъ правителей пьемонтскій король Карлъ-Альбертъ послѣднимъ вступилъ на путь реформъ. До сентября 1847 года онъ, повидимому, совершенно игнорировалъ либеральное движеніе, которое охватило центральную Италію и постепенно распространялось на его собственныя владѣнія. Въ этотъ моментъ цѣлый рядъ демонстрацій, организованныхъ въ Туринѣ въ честь папскаго нунція, и опасная агитація, охватившая оживленную и демократическую Геную, воочію показали ему, что его упорство подвергаетъ величайшей

опасности сардинскій престолъ. Въ виду этого онъ въ концѣ концовъ согласился сразу предоставить своимъ подданнымъ всѣ права, которыхъ постепенно добились сосѣдніе народы: 30 декабря опубликованъ былъ эдиктъ, вводившій реорганизацію Государственнаго Совѣта, который впредь долженъ былъ пополняться депутатами отъ провинцій, смягчавшій цензуру и учреждавшій гражданскую гвардію. Эти уступки, сдѣланныя весьма кстати, вернули Карлу-Альберту симпатіи его подданныхъ.

Реформистское движеніе должно было остановиться на границахъ Пьемонта: въ герцогствахъ Пармскомъ и Моденскомъ оно было безъ труда подавлено государями благодаря поддержкѣ Австріи; въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій оппозиціонное движеніе проявилось въ рядѣ безпорядковъ, вспыхнувшихъ въ Реджіо и въ Мессинѣ и легко подавленныхъ Фердинандомъ II. Тѣмъ не менѣе въ трехъ крупныхъ итальянскихъ государствахъ оно привело къ такимъ результатамъ, которыхъ тремя годами раньше рѣшительно невозможно было ожидать; если народу и не удалось добиться осуществленія своего верховенства, то во всякомъ случаѣ общественное мнѣніе получило законное признаніе и располагало свободной прессой для выраженія своихъ стремленій, представительными учрежденіями для ихъ проведенія и національной гвардіей для доставленія имъ побѣды.

Національное движеніе.—Въ теченіе этого самаго періода на сцену выдвинулся вопросъ о борьбѣ за національную независимость. И этотъ вопросъ поднятъ былъ государемъ, который до тѣхъ поръ отличался лишь столь же слѣпой, сколь и разсчитанной угодливостью передъ Австріей, а именно Карломъ-Альбертомъ. Всю жизнь этого принца преслѣдовала идея освобожденія Сѣверной Италіи, но онъ не осмѣливался выступить противъ державы, которая простила ему его революціонное прошлое и допустила его надѣть на себя корону. Однако въ 1846 году онъ рѣшился на этотъ шагъ. По поводу одного столкновенія на чисто экономической почвѣ онъ объявилъ Австріи таможенную войну, которая привлекла къ нему вниманіе всѣхъ патріотовъ. Съ этого момента національное движеніе, начавшееся какъ и либеральное движеніе благодаря иниціативѣ одного изъ итальянскихъ монарховъ, начало выливаться въ цѣлый рядъ непрерывныхъ и бурныхъ манифестацій. Въ декабрѣ 1846 года въ Генуѣ состоялся съѣздъ итальянскихъ ученыхъ, который закончился торжественными празднествами въ память столѣтней годовщины изгнанія чужеземцевъ изъ этого города; въ сентябрѣ 1847 года на банкетѣ Сельскохозяйственнаго общества въ Казале секретарь Карла-Альберта прочиталъ письмо короля, вызвавшее единодушныя привѣтствія присутствующихъ. Оно заканчивалось слѣдующими словами: „Если по милости Господа Бога мнѣ когда-нибудь суждено будетъ предпринять войну за независимость, то я лично стану во главѣ арміи и сдѣлаю для гвельфскаго дѣла то, что Шамиль сдѣлалъ противъ могучей русской имперіи. Счастливъ будетъ тотъ день, когда мы въ состояніи будемъ поднять знамя національной независимости!“ Наконецъ, итальянскіе подданные Австріи начали обнаруживать все большее нетерпѣніе и вражду къ австрійскому гнету, къ тяжести налоговъ и военнаго бремени, къ несоотвѣтствію между тѣмъ, что Австрія давала Италіи и что у нея брала, къ неповоротливости притѣснительной административной машины, къ постояннымъ конфликтамъ между чиновниками и управляемыми. Сначала жители Милана проявляли свое недовольство въ мирныхъ демонстраціяхъ, задачей которыхъ было укрѣпить ихъ національное чувство: такой характеръ носили празднества, которыя организованы были по случаю возвращенія на родину останковъ скончавшагося въ

изгнаніи Конфалоньери или прибытіе новаго архіепископа Ромилли, замѣнившаго въ Миланской епархіи нѣмца (сентябрь 1847 года). Послѣ оккупаціи Феррары имперскими войсками волненіе усилилось и отношенія между правящими слоями и управляемой массой приняли явно враждебный характеръ. Въ то время какъ центральныя „конгрегаціи“ въ Миланѣ и Венеціи подали примѣръ легальной оппозиціи и представили вице-королю записку, излагавшую причины ихъ недовольства и ихъ пожеланія, миланское населеніе готово было, повидимому, прибѣгнуть къ насилію для удовлетворенія своихъ требованій. Миланцы рѣшили не курить съ 1 января 1848 года для того, чтобы причинить ущербъ австрійской казнѣ, и хотѣли принудить къ такому же воздержанію солдатъ и чиновниковъ; они нападали съ оружіемъ въ рукахъ на всѣхъ, кто показывался на улицу съ сигарой въ зубахъ, и этимъ вызвали репрессію, стоившую жизни многимъ итальянцамъ (3 января 1848 года); съ этого момента между Вѣнскимъ кабинетомъ и его заальпійскими подданными произошелъ полный разрывъ.

Итакъ, къ началу 1848 года всѣ великіе вопросы, отъ которыхъ зависѣла судьба Аппенинскаго полуострова, были поставлены съ опредѣленной ясностью. Ихъ можно было формулировать слѣдующимъ образомъ: удовольствуется ли населеніе Пьемонта, Тосканы и Папской области тѣми реформами, которыя были осуществлены въ этихъ государствахъ, или потребуетъ введенія конституціоннаго образа правленія? Въ состояніи ли будетъ неаполитанское правительство сохранить старый режимъ, который въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій остался почти въ полной неприкосновенности? Наконецъ, согласится ли населеніе Ломбардо-Венеціанскаго королевства терпѣть чужеземное владычество, ставшее совершенно невыносимымъ, или постарается освободиться отъ него, хотя бы цѣной войны? Въ теченіе шести мѣсяцевъ всѣ эти вопросы должны были получить опредѣленное рѣшеніе.

II. — Революціонныя движенія и конституціонныя реформы.

И дѣйствительно, двойное движеніе политической и національной эмансипаціи, волновавшее Италію со времени вступленія на папскій престолъ Пія IX, должно было въ теченіе первыхъ недѣль 1848 года совершенно измѣнить свой характеръ. Прежде оно было мирнымъ, теперь оно сдѣлалось насильственнымъ; оно преслѣдовало только достиженіе частичныхъ реформъ, а пришло къ внутреннимъ революціямъ и національной войнѣ. Для того чтобы вызвать эту рѣзкую перемѣну, достаточно было двухъ возстаній, которыя вспыхнули на противоположныхъ концахъ полуострова: первое произошло въ Палермо и повлекло за собой установленіе представительнаго режима во всѣхъ итальянскихъ государствахъ; второе залило кровью Миланъ и привело къ объединенію итальянскихъ народовъ и государей въ общемъ крестовомъ походѣ противъ Австріи.

Палермское возстаніе и Неаполитанская конституція. — Изъ всѣхъ итальянскихъ государствъ Неаполитанское королевство осталось единственнымъ, въ которомъ государь не сдѣлалъ никакихъ уступокъ реформистскому движенію. Неаполитанцы, привыкшіе къ деспотизму, повидимому, мирились съ тѣмъ зломъ, которое онъ необходимо порождаетъ; сицилійцы сносили его не такъ покорно, потому что здѣсь онъ сталкивался не только съ либеральными тенденціями буржуазіи, но и съ глубоко вкоренившимся духомъ мѣстной автономіи, которымъ проникнуты были всѣ классы общества. Сигналъ къ революціи поданъ былъ въ Палермо, гдѣ возстаніе подготовлялось уже давно и гдѣ о немъ заранѣе говорили почти открыто.

Въ началѣ января 1848 года на стѣнахъ города появилась анонимная афиша, которая угрожала правительству возстаніемъ, если до 12 числа оно не согласится на введеніе реформъ. Въ назначенный день одинъ юноша, по имени Ла Маза, вышелъ на улицу съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукѣ, собралъ кучку либераловъ и завязалъ стычку съ королевскими войсками, которыя отвѣчали мятежникамъ безъ особаго усердія. На другой день сраженіе продолжалось; къ движенію присоединились деревенскіе жители, и составился инсуррекціонный комитетъ подъ предсѣдательствомъ стараго адмирала Руджеро Сеттимо; наконецъ, 27 января городъ, безуспѣшно бомбардируемый неаполитанскимъ флотомъ, былъ окончательно оставленъ войсками, движеніе охватило весь островъ, и сицилійцы заявили, что они не сложатъ оружія до тѣхъ поръ, пока собравшійся въ Палермо сицилійскій парламентъ не возстановитъ въ измѣненномъ видѣ конституцію 1812 года.

Событія, разыгравшіяся въ Сициліи и обнаружившія фактическую слабость абсолютнаго правительства, не могли, конечно, остаться безъ вліянія на населеніе Неаполя. Въ теченіе предшествовавшаго года въ этомъ городѣ произошелъ цѣлый рядъ манифестацій въ честь Пія IX, причемъ одна изъ нихъ закончилась кровавымъ столкновеніемъ (14 декабря 1847 года). По полученіи извѣстія о палермскомъ возстаніи либералы стали вести себя почти вызывающе и не хотѣли удовлетвориться нѣкоторыми частными реформами. Наконецъ, 27 января 1848 года на улицахъ Неаполя произошла громадная манифестація, которая сильно испугала короля и заставила его, по совѣту окружавшихъ его генераловъ, уступить желаніямъ своихъ подданныхъ. Первой уступкой общественному мнѣнію было увольненіе ненавистнаго министра полиціи, Делькаретто, и образованіе новаго министерства подъ руководствомъ либеральныхъ вождей Боццелли и Польріо; затѣмъ, припоминая, какъ легко его предокъ въ свое время усыпилъ народное недовѣріе путемъ дарованія конституціи, онъ съ своей стороны обѣщалъ 29 января дать конституцію, которую и обнародовалъ 10 февраля. Эта конституція, составленная по типу, получившему господство во Франціи и въ Европѣ съ 1815 года, вручала законодательную власть парламенту, составленному изъ двухъ палатъ (члены одной назначались пожизненно, другой — выбирались), установляла свободу печати, равенство передъ закономъ, амнистію по политическимъ дѣламъ и замѣняла иностранныя войска національной гвардіей, для того чтобы предупредить возможность абсолютистской реакціи.

Пьемонтская, Тосканская и Римская конституціи.—Рѣшаясь на широкія уступки, которыя совсѣмъ не гармонировали съ его реакціонными идеями, Фердинандъ II не только дѣйствовалъ такъ подъ вліяніемъ страха передъ усиливающимся либеральнымъ движеніемъ, но и съ цѣлью отмстить монархамъ-реформаторамъ, политику которыхъ ему обыкновенно ставили въ примѣръ, и на этотъ разъ принудить ихъ послѣдовать его собственному примѣру. Событія оправдали его дальновидный разсчетъ. Въ Туринѣ группа либераловъ, во главѣ которыхъ стоялъ молодой графъ Кавуръ, уже основала газету „Возрожденіе“ (*Risorgimento*), ставившую себѣ цѣлью борьбу за введеніе представительнаго режима. Когда они узнали, что въ Неаполѣ уже провозглашена конституція, то требованія ихъ сдѣлались гораздо настойчивѣе. По совѣту Кавура, муниципальный магистратъ отправился къ королю съ просьбой послѣдовать примѣру Фердинанда II. Карлъ-Альбертъ, который могъ вступить на престолъ только послѣ даннаго Австріи обѣщанія сохранить абсолютный режимъ, колебался нарушить свою клятву и рѣшился на этотъ шагъ только послѣ бесѣды со своимъ духовни-

комъ и послѣ совѣщанія со своими министрами, созванными на экстренное засѣданіе. Онъ обнародовалъ извѣстную прокламацію отъ 8 февраля, въ которой онъ набросалъ основныя черты конституціоннаго статута, въ главныхъ постановленіяхъ напоминавшаго неаполитанскую конституцію. Этотъ статутъ появился спустя мѣсяцъ (4 марта 1848 года) и до сихъ поръ лежитъ въ основѣ итальянскаго государственнаго устройства. За нѣсколько дней до обнародованія этого статута представительный режимъ распространенъ былъ и на Тоскану, гдѣ Леопольдъ II, напуганный волненіями въ Ливорно, даровалъ своимъ подданнымъ конституцію, составленную по образцу французской хартіи (17 февраля).

Въ этотъ моментъ въ Италии оставалось одно только государство, лишенное конституціонныхъ учрежденій; и какъ разъ то государство, откуда нѣкогда поданъ былъ сигналъ къ реформаторской политикѣ. Пій IX, колеблясь между своими религіозными убѣжденіями и политическими интересами, не хотѣлъ ввести въ управленіе Папской областью такихъ перемѣнъ, которыя должны были отнять у духовной власти часть ея суверенитета; а когда настойчивыя требованія либераловъ заставили его дать конституцію, то онъ, по крайней мѣрѣ, постарался насколько возможно оттянуть ея выработку и обнародованіе, а также придать ея постановленіямъ призрачный характеръ. Выработанный комиссіей духовныхъ лицъ, не привыкшихъ къ государственнымъ наукамъ, „Основной статутъ свѣтскаго управленія владѣніями святого престола“ былъ опубликованъ лишь 14 марта 1848 года. Подобно другимъ итальянскимъ статутамъ, онъ учреждалъ двѣ палаты, имѣвшія право вотировать законы (члены одной назначались пожизненно, а другой—выбирались), Государственный Совѣтъ для выработки законопроектовъ и министерство, отвѣтственное за исполненіе законовъ. Но палатамъ запрещалось обсуждать всякое предложеніе, касавшееся религіозныхъ или даже смѣшанныхъ вопросовъ, а коллегія кардиналовъ, поставленная во главѣ государственнаго механизма, могла отвергать принятыя палатами рѣшенія. Несмотря на всю свою неполноту, эти уступки казались Пію IX крайними, и онъ заявилъ, что бо̀льшаго онъ дать не можетъ.

Обнародованіемъ папскаго статута завершился въ Италіи конституціонный періодъ, подобно тому какъ пьемонтскимъ эдиктомъ 30 октября 1847 года закончился періодъ реформъ. Общественное движеніе, вызванное избраніемъ Пія IX, дошло такимъ образомъ до своего логическаго конца: абсолютизмъ уступилъ мѣсто представительному режиму, а верховенство перешло отъ королей къ народамъ.

Возстанія въ Миланѣ и Венеціи.—Жители Ломбардо-Венеціанскаго королевства въ виду той политики, которой придерживалось въ завоеванной провинціи австрійское правительство, были твердо убѣждены въ томъ, что продолженіе австрійскаго владычества рѣшительно несовмѣстимо съ установленіемъ необходимыхъ вольностей; но они были такъ же увѣрены въ томъ, что всякая попытка произвести возстаніе закончится полнымъ разгромомъ. Съ того момента, когда они освободились отъ чувства страха и сознанія своего безсилія, они поднялись какъ одинъ человѣкъ для завоеванія національной независимости.

Этотъ моментъ наступилъ, когда въ Миланѣ получено было извѣстіе о революціи въ Вѣнѣ. Испуганный вице-король бѣжалъ въ Верону, а миланцы, рѣшившись воспользоваться растерянностью правительства, кортежемъ двинулись ко дворцу замѣнившаго его О'Доннеля и потребовали учрежденія національной гвардіи. Выстрѣлъ, произведенный въ толпу часовымъ, превратилъ мирную манифестацію

въ революціонную демонстрацію; толпа ворвалась въ королевскій дворецъ, захватила О'Доннеля въ плѣнъ, а городъ покрылся баррикадами, на которыхъ развѣвалось итальянское трехцвѣтное знамя и раздавались крики: „Да здравствуетъ Пій IX!" Между народомъ и войсками Радецкаго, сосредоточенными вокругъ замка, началась борьба. Она продолжалась пять дней (18—22 марта 1848 года), подъ руководствомъ нѣсколькихъ отважныхъ юношей, Каттанео, Чернуски и Корренти, отмѣчена была штурмомъ главныхъ общественныхъ зданій и захватомъ однихъ изъ городскихъ воротъ, и закончилась отступленіемъ Радецкаго. Испытывая недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и опасаясь быть отрѣзаннымъ въ Миланѣ возстаніемъ ломбардскихъ городовъ и деревень, старый фельдмаршалъ отступилъ со своей арміей въ извѣстный четыреугольникъ, образованный четырьмя крѣпостями.

Когда онъ прибылъ сюда, онъ получилъ извѣстіе о возстаніи въ Венеціи. Слухи о вѣнскихъ событіяхъ произвели въ Венеціи такое же впечатлѣніе, какъ и въ Миланѣ, и вызвали тамъ революцію, хотя и не столь кровавую, но столь же полную. Главными эпизодами венеціанскаго возстанія были: 13 марта—освобожденіе изъ тюрьмы Манина, молодого адвоката, который сталъ во главѣ движенія; 18 и 19—сформированіе гражданской гвардіи, вопреки протестамъ губернатора; 22—занятіе арсенала, очищеннаго, по требованію Манина, австрійскими войсками безъ кровопролитія; въ тотъ же день австрійцы подписали капитуляцію и окончательно оставили городъ; наконецъ 23 марта—установленіе временнаго правительства и провозглашеніе Венеціанской республики, къ которой мало-по-малу примкнули всѣ города материка. Такъ какъ около того же времени герцоги Пармскій и Моденскій бѣжали изъ своихъ владѣній, то территорія, на которую прямо или косвенно распространялось австрійское владычество, сведена была къ незначительной площади, занимаемой австрійскими войсками, сконцентрированными вокругъ Вероны и Мантуи.

Вмѣшательство Пьемонта.—Здѣсь Австріи пришлось выдержать натискъ всей Италіи, объединившейся подъ руководствомъ пьемонтскаго короля. Сначала Карлъ-Альбертъ не рѣшался вмѣшаться въ начавшуюся въ Ломбардіи борьбу, но вскорѣ обращенныя къ нему настойчивыя приглашенія заставили его сойти съ позиціи посторонняго наблюдателя: миланцы послѣ одержанной ими побѣды отправили депутацію къ Карлу-Альберту, заклиная его перейти границу со своей арміей; туринскіе студенты, жители Генуи, „мадзинисты" во всемъ королевствѣ громко требовали войны; наконецъ, даже умѣренная партія умоляла его воспользоваться небывалымъ въ исторіи удобнымъ случаемъ для расширенія своихъ владѣній и выполненія исторической миссіи савойскаго дома. Одинъ изъ представителей умѣреннаго направленія въ статьѣ, помѣщенной въ газетѣ „Возрожденіе", въ слѣдующихъ выраженіяхъ резюмировалъ тогдашнее положеніе: „Для сардинской монархіи пробилъ роковой часъ... Въ виду тѣхъ событій, которыя совершаются въ Ломбардіи и Вѣнѣ, никакія колебанія больше не возможны... Мы, люди холоднаго разсудка, привыкшіе прислушиваться скорѣй къ велѣніямъ разума, чѣмъ къ голосу сердца, мы громко заявляемъ, что для правительства, для націи, для короля нѣтъ другого исхода, кромѣ немедленнаго объявленія войны". Карлъ-Альбертъ понялъ это и 26 марта 1848 года выѣхалъ къ арміи. Эра возстаній закончилась; теперь наступилъ періодъ національной войны.

III.—Королевская война.

Борьба, которую Карлъ-Альбертъ началъ такимъ образомъ противъ Австріи, должна была продолжаться до августа.

Въ ней приняла участіе вся Италія; но она до послѣдняго момента велась подъ руководствомъ пьемонтскаго короля, опиравшагося на монархическую конституціонную партію. Война распадается на три стадіи: удачная вначалѣ (апрѣль), она принимаетъ нерѣшительный характеръ въ маѣ и заканчивается въ іюлѣ полнымъ пораженіемъ.

Первая стадія военныхъ дѣйствій (24 марта — 6 мая 1848 года). — Политическіе успѣхи.—Въ началѣ войны Карлъ-Альбертъ былъ вознагражденъ за свою иниціативу цѣлымъ рядомъ политическихъ и военныхъ удачъ, превзошедшихъ самыя смѣлыя его надежды. Въ Римѣ Пій IX, напуганный бурными народными демонстраціями, долженъ былъ отправить на границу По дивизію, состоявшую изъ 17.000 человѣкъ подъ командой Дурандо. Во Флоренціи великій герцогъ Леопольдъ, несмотря на свои австрійскія симпатіи, призвалъ своихъ подданныхъ поднять оружіе на защиту итальянскаго дѣла. Наконецъ, въ Неаполѣ король послѣ долгихъ и тщетныхъ попытокъ сопротивленія принужденъ былъ уступить національному движенію, пригласить въ министерство историка Карло Тройа и издать прокламацію, въ которой говорилось: „Всѣ государи и всѣ народы обязаны примкнуть къ борьбѣ, которая должна обезпечить независимость, свободу и славу. Мы намѣрены принять въ ней участіе со всѣми нашими сухопутными и морскими силами...“ Онъ обѣщалъ послать противъ австрійцевъ сорокатысячный корпусъ подъ начальствомъ Пепе, одного изъ ветерановъ Первой Имперіи. Во всѣхъ крупныхъ городахъ сформировались батальоны волонтеровъ, которые рекрутировались среди студентовъ и среднихъ классовъ и несли на помощь національному дѣлу если не свой опытъ, то, по крайней мѣрѣ, свой энтузіазмъ. Казалось, что Карлъ-Альбертъ самой судьбой предназначенъ былъ къ тому, чтобы повести всю Италію въ бой противъ австрійскаго владычества.

Военные успѣхи.—Въ началѣ кампаніи пьемонтскій король показалъ, что онъ въ состояніи собственными силами потрясти австрійское могущество. Хотя въ первое время онъ располагалъ не больше чѣмъ 25.000 чел., ему удалось одержать нѣсколько частичныхъ успѣховъ, которые, казалось, давали ему основаніе разсчитывать въ будущемъ на полную побѣду. Шагъ за шагомъ преслѣдуя, быть можетъ, съ излишнею осторожностью отступавшую австрійскую армію, онъ достигъ ломбардскаго четыреугольника и послѣ блестящаго авангарднаго дѣла переправился при Гойто черезъ Минчіо (8 апрѣля). Затѣмъ онъ расположился лагеремъ между Пескіерой и Мантуей и выслалъ къ обѣимъ этимъ крѣпостямъ отрядъ для рекогносцировки (13 и 19 апрѣля). Рѣшившись овладѣть долиной Эча, онъ атаковалъ 30 апрѣля австрійскія позиціи при Пастренго, которыя, будучи расположены къ сѣверу отъ Вероны, командовали надъ тирольской дорогой; онъ овладѣлъ ими послѣ отчаяннаго сраженія, которое могло бы получить рѣшающее значеніе, если бы пьемонтцы отважились продолжать бой и ночью. Наконецъ, 6 мая онъ овладѣлъ Санта-Лючіа, одной изъ передовыхъ позицій Вероны, но не могъ взять самой крѣпости. Тогда онъ счелъ благоразумнымъ пріостановить наступательныя дѣйствія и перейти къ выжидательной тактикѣ, такъ какъ ему казалось, что Радецкій слишкомъ хорошо укрѣпился въ четыреугольникѣ и что выбить его оттуда возможно, только овладѣвши предварительно крѣпостями, на которыя онъ опирался.

Итакъ, онъ пріостановилъ наступательное движеніе и воспользовался этой передышкой для реорганизаціи арміи, находившейся подъ главнымъ его начальствомъ. Эти войска занимали въ разсматриваемый моментъ слѣдующія позиціи: на сѣверѣ 5.000 ломбардскихъ волонтеровъ подъ начальствомъ Аллеманди бло-

кировали тирольскіе проходы отъ Тонале до Стельвіо и угрожали верхней долинѣ Эча; въ центрѣ пьемонтская армія, численность которой доведена была до 55.000 человѣкъ, осаждала Пескіеру и Мантую; съ праваго фланга она усилена была тосканской дивизіей, состоявшей изъ 5.000 человѣкъ и расположенной передъ Мантуей; Дурандо съ 7.000 папскихъ солдатъ перешелъ безъ приказа границу и занялъ позицію въ южной части четыреугольника между По и нижнимъ теченіемъ Эча; 15.000 венеціанскихъ волонтеровъ занимали Фріульскія тѣснины и главные города венеціанской области; наконецъ, 14.000 неаполитанцевъ прибыли къ нижнему теченію По. Положеніе Радецкаго, запертаго въ четыреугольникѣ, казалось совершено безнадежнымъ, и принцъ Евгеній Савойскій, регентъ Пьемонта, выражалъ общія надежды всей Италіи, когда при открытіи сессіи перваго парламента (8 мая) сказалъ: „Мы твердо надѣемся на то, что въ скоромъ времени общее соглашеніе тѣсно свяжетъ между собой народы, которые самой природой предназначены къ тому, чтобы составить единую націю".

Вторая стадія войны (6 мая — 30 мая). Отпаденіе Пія IX.— Но событія, наступившія въ Италіи въ маѣ, разбили эти оптимистическія надежды; если нельзя сказать, чтобы результатомъ этихъ событій для Карла-Альберта была потеря славы, то во всякомъ случаѣ военное счастье перестало ему улыбаться; а для дѣла итальянскаго освобожденія наступилъ, если не конецъ успѣховъ, то періодъ тяжкихъ испытаній. Итальянцы потерпѣли цѣлый рядъ неудачъ, которыя измѣнили отношеніе силъ воюющихъ сторонъ къ ихъ невыгодѣ; мы говоримъ объ отпаденіи Пія IX, неаполитанской революціи и потерѣ Венеціи.

Война съ Австріей поставила Пія IX, интересы котораго въ качествѣ итальянскаго государя сталкивались съ его первосвященническимъ долгомъ, въ крайне неловкое положеніе. Итальянскій государь уступилъ желанію своего народа и отправилъ на границу армію; а папа, напуганный угрозами австрійскаго посланника, который намекалъ ему на возможность религіознаго раскола въ имперіи, запретилъ этой арміи переходить границу. Наконецъ наступилъ моментъ, когда, подъ рискомъ потерять симпатіи и противниковъ, и защитниковъ Италіи, пришлось открыто выбирать между тѣми и другими; и министры Пія IX ясно дали ему это понять въ запискѣ, которую они передали папѣ 25 апрѣля. Пій IX не заставилъ долго ждать своего отвѣта; 29 апрѣля онъ произнесъ рѣчь, которая сейчасъ же была обнародована и которая содержала слѣдующія слова: „Мы поручили нашимъ солдатамъ лишь защиту неприкосновенности папскихъ владѣній... Мы громко и открыто заявляемъ, что отъ насъ, недостойнаго намѣстника Бога мира и любви, чрезвычайно далека мысль о войнѣ противъ Австріи". Немедленно въ Римѣ началось волненіе, причемъ національная гвардія окружила замокъ Св. Ангела. Испуганный Пій IX принужденъ былъ уступить, составить новое министерство, во главѣ котораго онъ поставилъ испытаннаго патріота Маміани, и отправить австрійскому императору письмо, въ которомъ онъ умолялъ его отказаться отъ своихъ итальянскихъ владѣній (3 мая). Но онъ не могъ уже загладить неблагопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго его рѣчью, и вернуть себѣ былую популярность, созданную его первыми дѣйствіями.

Неаполитанская революція (15 мая 1848 года).— Въ то самое время, когда дѣло итальянской свободы потеряло тотъ моральный престижъ, который ему придавало сочувствіе Пія IX, отпаденіе Фердинанда II лишило его того матеріальнаго перевѣса, который одинъ только могъ доставить ему побѣду. И дѣйствительно,

открытіе неаполитанскаго парламента послужило сигналомъ къ абсолютистскому перевороту. Король, который самъ поклялся соблюдать конституцію, хотѣлъ принудить къ тому же депутатовъ, но послѣдніе отказались, чтобы не лишиться возможности въ случаѣ надобности измѣнить ее, а въ этой формальности они усматривали попытку ограничить полноту своихъ законодательныхъ правъ. Этотъ конституціонный конфликтъ въ день созыва палаты привелъ къ вооруженному столкновенію (15 мая). Ночью либеральные вожаки воздвигли на главныхъ улицахъ баррикады, а король на эти угрозы приказалъ войскамъ занять стратегическіе пункты. Хотя имъ и отданъ былъ приказъ стрѣлять не иначе, какъ въ случаѣ крайней необходимости, но въ виду провокацій со стороны инсургентовъ они потеряли терпѣніе, атаковали баррикады и овладѣли ими послѣ кровопролитнаго сраженія, за которымъ началось разграбленіе города. Палата была распущена, національная гвардія уничтожена, а лаззарони, оставшіеся вѣрными абсолютной монархіи, бурно привѣтствовали короля. Впрочемъ, Фердинандъ II воспользовался своей побѣдой съ нѣкоторой умѣренностью: онъ сохранилъ конституцію и назначилъ на 15 іюня новые выборы. Но онъ счелъ необходимымъ стянуть въ Неаполь всѣ военныя силы, которыя находились въ его распоряженіи. 20.000 человѣкъ, которые готовились отправиться въ Ломбардію, остались въ столицѣ. Неаполитанскій флотъ, посланный для блокады Тріеста совмѣстно съ сардинской эскадрой, былъ отозванъ, а блокада была снята (27 мая). Наконецъ, дивизія численностью въ 13.000 человѣкъ, прибывшая подъ командой генераловъ Пепе и Стателлы въ Феррару, получила 22 мая приказаніе возвратиться обратно. Пепе, который предпочелъ скорѣе не исполнить приказанія, чѣмъ измѣнить національному дѣлу, удалось увести съ собой въ Венецію лишь ничтожную часть отряда.

Потеря Венеціи. — Рѣшеніе, принятое неаполитанскимъ королемъ, позволило Радецкому освободить свой арьергардъ, снова овладѣть Венеціей и возстановить прямое сообщеніе съ Вѣной. При извѣстіи о первыхъ понесенныхъ австрійскимъ главнокомандующимъ пораженіяхъ немедленно собрана была въ Истріи вспомогательная армія численностью въ 20.000 человѣкъ, которая должна была двинуться ему на выручку. Стоявшій во главѣ ея генералъ Нугентъ 16 апрѣля перешелъ черезъ рѣку Изонцо, вторгся въ Фріуль, 23-го вступилъ въ Удине, послѣ сильной бомбардировки овладѣлъ крѣпостью Пальманова, которую защищалъ Зукки, оставилъ слѣва Тревизо и Венецію, пытался обойти съ сѣвера Піавскую линію и 9-го мая прорвалъ ее при Корнудѣ, несмотря на сопротивленіе римскихъ волонтеровъ подъ начальствомъ Феррари. 20 мая онъ появился передъ Виченцей, которую взять не могъ, но онъ обогнулъ крѣпость, а 23 мая ему удалось соединиться съ Радецкимъ, которому онъ привелъ 15.000 человѣкъ, 30 пушекъ и огромный обозъ. Эта непродолжительная кампанія проведена была съ такой энергіей и быстротой, которая стояла въ рѣзкомъ контрастѣ съ медленностью итальянскихъ военныхъ операцій.

Послѣднія побѣды. Гоито. — Два счастливыя событія, одно въ военной области, а другое—въ политической, вдохнули въ Карла-Альберта новую вѣру и на время отсрочили окончательное пораженіе, неизбѣжность котораго онъ начиналъ уже предвидѣть. Первымъ успѣхомъ онъ обязанъ былъ преждевременной попыткѣ его противника перейти въ наступленіе. 28-го мая Радецкій выступилъ изъ Вероны и двинулся съ 15.000 солдатъ къ Мантуѣ, имѣя въ виду обойти итальянскую армію съ лѣваго фланга. 29-го онъ неожиданно напалъ передъ этой крѣпостью, у Курта-

роне и Монтанира, на шеститысячный тосканско-неаполитанскій отрядъ, разбилъ его послѣ кровопролитной схватки, а затѣмъ 30 мая двинулся на Гоито, гдѣ натолкнулся на главныя пьемонтскія силы, давшія ему рѣшительный отпоръ. Къ вечеру онѣ принудили его отступить и, узнавши о взятіи Пескіеры, тутъ же на полѣ битвы провозгласили Карла-Альберта королемъ Италіи.

Территоріальныя приращенія.—Около того же времени Карлъ-Альбертъ получилъ еще одно пріятное извѣстіе, а именно извѣстіе о присоединеніи Ломбардіи къ Пьемонту. Съ самаго начала войны естественно возникъ важный вопросъ о томъ, составятъ ли тѣ области, къ которымъ онъ шелъ на помощь, самостоятельныя государства или же присоединятся къ пьемонтскимъ владѣніямъ? Будетъ ли онъ играть для нихъ роль только полководца и освободителя или монарха? Первоначально казалось, что онъ не преслѣдуетъ никакой иной цѣли, кромѣ изгнанія австрійцевъ. Но вскорѣ прибытіе въ Миланъ Мадзини, который началъ тамъ республиканскую пропаганду, опасеніе оставить въ тылу очагъ политической агитаціи, необходимость добиться полнаго распоряженія всѣми военными рессурсами Ломбардіи, наконецъ честолюбивыя стремленія къ главенству надъ великой областью Верхней Италіи — все это побудило его перейти къ менѣе безкорыстной политикѣ и постараться вызвать въ освобожденныхъ отъ австрійскаго владычества провинціяхъ движеніе въ пользу присоединенія къ Пьемонту. Населенія небольшихъ герцогствъ, которыя были слишкомъ слабы для образованія самостоятельныхъ государствъ, первыми уступили его желаніямъ, и въ началѣ мая Піаченца, Парма, Модена и Реджіо рѣшили присоединиться къ Пьемонту безъ всякихъ условій. Ломбардія, гдѣ республиканская партія насчитывала болѣе многочисленныхъ приверженцевъ, а духъ федерализма отличался большей живучестью, сначала нѣсколько сопротивлялась предстоявшему ей поглощенію сардинскимъ королевствомъ; для того чтобы побудить ее къ этому рѣшенію, ей пришлось пообѣщать, что по заключеніи мира жители Ломбардіи вмѣстѣ съ населеніемъ Пьемонта выберутъ учредительное собраніе, которому и поручена будетъ выработка новаго общаго устройства для обѣихъ провинцій; и только на этомъ условіи она рѣшилась отказаться въ пользу Карла-Альберта отъ завоеванной ею независимости и почти единогласно вотировала если не присоединеніе, то сліяніе съ Пьемонтомъ (29 мая).

Результатомъ этого рѣшенія было то, что движеніе въ пользу присоединенія къ Пьемонту распространилось и на Венеціанскую область. Сначала оно охватило города материка. Падуя, Тревизо, Виченца и Ровиго стали угрожать метрополіи отдѣленіемъ, если она не послѣдуетъ примѣру, поданному Миланомъ. Послѣ долгихъ колебаній Манинъ въ концѣ-концовъ понялъ, что, упорствуя въ желаніи сохранить своей родинѣ независимое существованіе, онъ лишитъ ее симпатій итальянскаго народа, да и самъ потеряетъ свою популярность. Въ виду этого онъ позволилъ учредительному собранію Венеціанской республики въ первомъ же засѣданіи вотировать 127 голосами изъ 133 присоединеніе къ Пьемонту (4 іюля).

Такимъ образомъ всѣ провинціи Сѣверной Италіи одна за другой рѣшили вопросъ о своей судьбѣ и постановили слиться въ одно королевство подъ властью Савойскаго дома. Но если имъ удалось разрѣшить раздѣлявшій ихъ политическій вопросъ, то военный вопросъ оставался нерѣшеннымъ, и участь Италіи зависѣла отъ рѣшительнаго сраженія, которое Карлъ-Альбертъ собирался дать австрійскимъ войскамъ.

Третья стадія войны (30 мая—9 августа 1848 года).—Битва при Гоито была по-

слѣдней побѣдой итальянской арміи. Первая стадія войны была для нея періодомъ успѣховъ, вторая — періодомъ затрудненій, а третьей суждено было сдѣлаться періодомъ ошибокъ и пораженій. Карлъ-Альбертъ, который въ апрѣлѣ одерживалъ одну побѣду за другой, а въ маѣ пересталъ, если не побѣждать, то, по крайней мѣрѣ, наступать, принужденъ былъ въ августѣ отступить до самой границы своихъ владѣній. Дѣло въ томъ, что въ іюнѣ и въ іюлѣ онъ совершилъ нѣсколько серьезныхъ промаховъ, которые обусловили неизбѣжность конечной катастрофы.

Первая ошибка его заключалась въ томъ, что онъ не сумѣлъ воспользоваться побѣдой при Гоито. Вмѣсто того, чтобы энергически преслѣдовать Радецкаго со всѣми находившимися въ его распоряженіи силами, онъ потерялъ четыре дня на концентрацію своей арміи и перешелъ въ наступленіе слишкомъ поздно, для того чтобы догнать противника (4 іюня) и занять на крайнемъ лѣвомъ его флангѣ грозную, но эксцентрическую позицію Риволи, командующую надъ теченіемъ Эча (10 іюня); вмѣсто того, чтобы занять обсерваціонное положеніе передъ австрійской арміей и такимъ образомъ иммобилизировать ее въ Веронѣ, онъ позволилъ ей уйти и овладѣть Виченцей. Эта крѣпость, которую Нугенту прежде не удалось захватить, могла смѣло разсматриваться, какъ ключъ къ обладанію Венеціей; Радецкій, выступивъ изъ Вероны съ 25.000 человѣкъ и 60 пушками, неожиданно напалъ на римскую дивизію Дурандо, защищавшую эту крѣпость, и, разгромивши ее огнемъ своей артиллеріи, принудилъ ее къ капитуляціи (11 іюня). Съ этого момента Венеція потеряла лучшихъ своихъ защитниковъ, а Радецкій могъ больше не опасаться за участь своего тыла. Съ такой же точно быстротой онъ совершилъ обратный переходъ и занялъ свои прежнія позиціи (13 іюня). Такимъ образомъ, Карлъ-Альбертъ не сумѣлъ ни достигнуть новыхъ успѣховъ, ни помѣшать предпріятіямъ своего противника, а производимые имъ безплодные маневры вели только къ упадку духа и истощенію силъ пьемонтскихъ солдатъ.

Къ этой ошибкѣ онъ не замедлилъ присоединить другую. Переходя отъ одной крайности къ другой, онъ послѣ этой безпорядочной усиленной дѣятельности цѣлый мѣсяцъ оставался въ полномъ бездѣйствіи. Въ теченіе тридцати дней (14 іюня—13 іюля) онъ не предпринималъ ни одной сколько-нибудь серьезной операціи. Въ продолженіе всего этого времени онъ никакъ не могъ выяснить себѣ вопроса, слѣдуетъ ли ему укрѣпиться на Минчіо и держаться оборонительной тактики или перейти въ наступленіе и атаковать линію Эча. Въ концѣ концовъ онъ остановился на среднемъ рѣшеніи и предпринялъ осаду Мантуи (13 іюля).

Этотъ рѣзкій переходъ къ бездѣйствію принесъ ему не меньше вреда, чѣмъ проигранная битва. Онъ ярко освѣтилъ всѣ причины дезорганизаціи и всѣ факторы безсилія, которые въ концѣ концовъ должны были привести дѣло итальянскаго народа къ пораженію. Этихъ причинъ было очень много, и главнымъ образомъ онѣ сводились къ характеру короля и къ составу его арміи.

Карлъ - Альбертъ, по свидѣтельству одного изъ его почитателей, такъ же отличался нерѣшительностью въ совѣтѣ, какъ и храбростью на полѣ битвы. Въ область военныхъ дѣйствій онъ перенесъ ту же наклонность къ рефлексу и тотъ же духъ колебаній, какіе свойственны были ему въ дѣлѣ управленія государствомъ; когда нужно было принять быстрое рѣшеніе, онъ пускался въ безконечныя разсужденія, замѣчалъ только дурныя стороны во всѣхъ комбинаціяхъ, которыя ему предлагались, а если онъ

даже и соглашался на какое-нибудь изъ этихъ предложеній, то осуществлялъ его съ величайшей вялостью. Свойственное ему отсутствіе рѣшимости мѣшало ему воспользоваться благопріятными обстоятельствами, а его робость въ области практическихъ дѣйствій препятствовала ему использовать частичные успѣхи и превратить ихъ въ рѣшительную побѣду.

Но могли-ли достоинства итальянской арміи компенсировать недостатки главнокомандующаго? Эта армія состояла изъ двоякаго рода элементовъ: изъ пьемонтскихъ войскъ и изъ волонтеровъ. Пьемонтскіе солдаты отличались храбростью, физической силой, послушаніемъ, выносливостью, а офицеры—смѣлостью и энергіей; но генераламъ, достигшимъ преклоннаго возраста и совершенно невѣжественнымъ въ вопросахъ военной тактики, недоставало активности и рѣшимости. Что же касается добровольцевъ, взявшихся за оружіе для изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, то они были малочисленны и также не блистали военными качествами. Количество добровольцевъ не превышало 20.000, тогда какъ для того, чтобы склонить чашку вѣсовъ на сторону итальянцевъ, понадобилось бы 100.000 волонтеровъ; а съ другой стороны, они, несомнѣнно отличаясь энтузіазмомъ и пылкостью, т.-е. качествами, драгоцѣнными во время возстанія, лишены были военнаго опыта и закаленности, необходимыхъ для продолжительной военной кампаніи.

Пораженіе (іюль—августъ 1848 года).— Напротивъ, австрійская армія только выигрывала отъ того, что война затягивалась; она получила много подкрѣпленій, доведшихъ численный ея составъ до 120.000 человѣкъ, и въ іюлѣ Радецкій счелъ моментъ удобнымъ для оправданія возлагавшихся на него надеждъ. Воспользовавшись разбросанностью пьемонтцевъ, фронтъ которыхъ растянулся отъ Мантуи до Риволи, онъ отвлекъ ихъ вниманіе къ ихъ правому флангу демонстраціей противъ Феррары (14 іюля), атакой на ихъ лѣвый флангъ принудилъ ихъ очистить Риволійское плато, а затѣмъ двинулъ главныя свои силы для того, чтобы обойти ихъ центръ и достигнуть Минчіо раньше ихъ. 23-го ему удалось осуществить этотъ планъ, но 24-го онъ долженъ былъ остановиться и отразить нападеніе Карла-Альберта, который поспѣшилъ сюда изъ-подъ Мантуи съ цѣлью отрѣзать Радецкому отступленіе. Рѣшительный бой произошелъ при Кустоццѣ и Сомма-Кампаньѣ; онъ продолжался два дня (24—25 іюля) и закончился пораженіемъ Карла-Альберта, который долженъ былъ поспѣшно отступить, очистить безъ боя линію по Ольо и Аддѣ и ретироваться къ Милану, куда онъ прибылъ во главѣ 25.000 деморализованныхъ солдатъ. Сначала онъ думалъ защищать этотъ городъ; но съѣстныхъ припасовъ тамъ было недостаточно, укрѣпленія—слабы, милиція— недисциплинирована, и послѣ арьергарднаго боя Карлъ-Альбертъ могъ убѣдиться, что всякая попытка сопротивленія приведетъ лишь къ бомбардировкѣ и разграбленію Милана. Въ виду этого онъ въ тотъ же вечеръ (4 августа) подписалъ капитуляцію, позволившую ему мирно очистить городъ. На слѣдующій день (5 августа) ему пришлось уже защищаться отъ угрозъ и насилій со стороны одной части миланскаго населенія, возмущеннаго измѣной короля, который долженъ былъ прибѣгнуть къ силѣ для того, чтобы отстоять свою свободу. Наконецъ 6 августа онъ окончательно оставилъ городъ и отступилъ до Тичино, составлявшаго границу его владѣній. Полагая, что съ этого момента война потеряла всякій смыслъ, онъ поручилъ своему адъютанту Саласко подписать перемиріе, условія котораго были довольно для него благопріятны; по этому перемирію пьемонтскія войска должны были очистить тѣ пункты, которые

они еще занимали въ Ломбардіи, и возстановлялось *statu quo ante bellum* (9 августа).

Такимъ образомъ первая война за итальянскую независимость закончилась разочарованіемъ, тѣмъ болѣе глубокимъ, чѣмъ горячѣе были возбужденныя ею надежды. Ломбардо-Венеціанская область, на короткое время освободившаяся, снова подпала подъ австрійское иго· снова проведены были прежнія границы, и возстановленъ старый порядокъ. Но если національная война прекратилась, то разбуженныя ею политическія страсти не улеглись, и періодъ агитаціи и волненій, начавшихся въ Италіи со времени Палермскаго возстанія, продолжался еще въ теченіе восьми мѣсяцевъ.

IV. — Революціонное движеніе.

Новое направленіе итальянской политики.—Перемиріемъ 9 августа 1848 года въ исторіи итальянскаго революціоннаго движенія открывается новый періодъ. Съ этого момента умѣренная партія утрачиваетъ руководство національнымъ движеніемъ, которымъ стараются овладѣть радикальные элементы. Преобладавшая до тѣхъ поръ умѣренно—либеральная фракція, проникнутая монархическими и федералистическими тенденціями, играла въ движеніи преобладающую роль; сначала она ставила себѣ цѣлью изгнаніе австрійцевъ, затѣмъ образованіе объединеннаго итальянскаго государства подъ властью Пьемонтскаго короля и папы. Но она не исполнила ни одного изъ своихъ обѣщаній, такъ какъ Карлъ-Альбертъ обнаружилъ полную неспособность, Пій IX колебался, остальные итальянскіе государи и слышать не хотѣли о національномъ единствѣ, а Австрія оказалась непобѣдимой.

Централистическо-республиканская партія, до этого момента остававшаяся въ тѣни и не желавшая брать на себя отвѣтственности за послѣднія событія, естественно должна была воспользоваться тѣмъ недовѣріемъ, которое общественное мнѣніе начало обнаруживать по отношенію къ программѣ и руководящимъ личностямъ умѣренной партіи. Теперь на сцену выступили республиканцы, утверждавшіе, что нація можетъ добиться независимости не съ помощью полумѣръ, неудовлетворительность которыхъ доказана опытомъ, а съ помощью радикальныхъ средствъ. По мнѣнію республиканской партіи, политическій вопросъ долженъ былъ быть разрѣшенъ раньше національнаго вопроса, а войнѣ съ Австріей должно было предшествовать низверженіе государей, уничтоженіе границъ и объединеніе всѣхъ итальянскихъ государствъ въ единую республику. Такимъ образомъ къ концу 1848 года во внутренней эволюціи Италіи совершился переломъ, который задолго до того предусматривался и предсказывался всѣми современниками. „Кто снова предастся династическимъ иллюзіямъ, — воскликнулъ Мадзини,—тотъ докажетъ, что у него нѣтъ ни ума, ни сердца, ни истинной любви къ Италіи, ни какой бы то ни было надежды на успѣхъ“.—„Либеральная партія,—писалъ своему правительству лордъ Нэпиръ, англійскій посланникъ при Неаполитанскомъ дворѣ,—либеральная партія, въ составъ которой входитъ большая часть честныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей высшаго и средняго классовъ, повидимому, потеряла всякую опору и надежду снова взять въ свои руки направленіе государственныхъ дѣлъ“. Наконецъ, д'Азельо въ слѣдующихъ словахъ резюмировалъ сущность подготовлявшихся въ Италіи событій: „Война государей закончилась, начинается народная война“.

Первые результаты понесеннаго Пьемонтомъ пораженія. — Первые признаки новаго поворота обнаружились на другой же день послѣ сраженія при Кустоццѣ. Извѣстіе о пораженіи пьемонтской арміи

произвело во всей Италіи сильнѣйшее впечатлѣніе на людей, совершенно не ожидавшихъ такого исхода, и вызвало взрывъ патріотическаго возбужденія, которымъ постарались воспользоваться сторонники Мадзини. Это не удалось имъ въ Венеціи и въ Туринѣ, но имъ больше повезло во Флоренціи и въ Римѣ.

Венеція, оставленная на произволъ судьбы Карломъ-Альбертомъ, ограничилась возстановленіемъ республики подъ диктаторской властью Манина (13 августа), обратилась съ просьбой о помощи къ Франціи и стала готовиться къ защитѣ отъ австрійскаго нашествія. Въ Туринѣ парламентъ, волнуемый тѣми же чувствами, что и народная масса, оставался вѣренъ монархическому принципу, но не могъ согласиться на заключеніе мира; онъ низвергъ одинъ за другимъ кабинеты Касати и Ревеля, которые, по его мнѣнію, недостаточно были проникнуты воинственнымъ духомъ. Въ Тосканѣ положеніе было еще болѣе серьезнымъ; въ Ливорно вспыхнулъ подготовленный романистомъ Гверацци бунтъ, который въ нѣсколько дней принялъ такіе размѣры, что великій герцогъ для успокоенія народа принужденъ былъ обратиться къ содѣйствію человѣка, руководившаго возстаніемъ (29—30 августа). А черезъ нѣсколько дней Леопольдъ II, напуганный новыми манифестаціями, долженъ былъ пригласить въ министерство обоихъ вождей радикальной партіи, Гверацци и Монтанелли, которые требовали созыва учредительнаго собранія.

Подобныя же стремленія начали обнаруживаться и въ Римѣ. По мѣрѣ хода событій отношенія между папой и между его правительствомъ и населеніемъ, становились все болѣе натянутыми. Извѣстіе о сраженіи при Кустоццѣ повлекло за собой выходъ въ отставку Маміани (2 августа). Черезъ нѣсколько дней стало извѣстно, что генералъ Вельденъ перешелъ границу папскихъ владѣній и напалъ на городъ Болонью, но былъ отбитъ благодаря мужеству населенія. Папа, отъ котораго народъ требовалъ, чтобы на эту провокацію онъ отвѣтилъ объявленіемъ войны, удовольствовался платоническимъ протестомъ противъ нарушенія территоріальной неприкосновенности Папской области. А когда это мирное поведеніе только усилило броженіе и увеличило его непопулярность, то онъ пытался дать удовлетвореніе общественному мнѣнію путемъ приглашенія въ министерство человѣка, который, по мнѣнію Пія IX, болѣе кого бы то ни было другого способенъ былъ примирить папу съ его подданными. Это былъ графъ Росси, бывшій французскій посланникъ при папскомъ дворѣ, талантливый администраторъ и убѣжденный либералъ (6 сентября).

Въ Неаполитанскомъ королевствѣ Фердинандъ II воспользовался пораженіемъ Пьемонта, для того чтобы дважды отсрочить засѣданія парламента и вернуться къ системѣ личнаго управленія. Затѣмъ онъ обратилъ свои силы противъ Сициліи, которая сохранила свою независимость и выбрала въ короли герцога Генуэзскаго, второго сына Карла-Альберта. Онъ отправилъ туда подъ начальствомъ Филанджери армію, которая высадилась подъ Мессиной, засыпала городъ бомбами и взяла его приступомъ (8 сентября). Но враждебныя дѣйствія были пріостановлены благодаря посредничеству французскаго правительства, которое настояло на заключеніи перемирія между королемъ и его подданными (16 сентября). Тѣмъ не менѣе королевство обѣихъ Сицилій не оставалось въ сторонѣ отъ движенія, потрясавшаго остальную Италію.

Римская Республика и Тосканская Республика. — Это демократическое движеніе, которое монархи надѣялись прекратить или ослабить своими уступками, въ Римѣ, напротивъ, было усилено трагическимъ событіемъ, а именно убійствомъ Росси. Достигнувъ власти, новый ми-

нистръ Пія IX выказалъ таланты искуснаго администратора и благоразумнаго политическаго дѣятеля. Въ административной области онъ старался реорганизовать гражданское устройство Римскаго государства, искоренилъ наиболѣе вопіющія злоупотребленія, улучшилъ финансы и добился отъ духовенства ссуды въ 4 милліона экю. Въ политической области дѣятельность его выразилась въ томъ, что онъ началъ переговоры съ Туриномъ, Флоренціей и Неаполемъ объ образованіи федераціи итальянскихъ государствъ, причемъ спеціальный договоръ долженъ былъ опредѣлить взаимныя ихъ отношенія въ мирное время, равно какъ численность военнаго контингента въ случаѣ войны; этимъ Росси хотѣлъ наглядно доказать, что для установленія либеральнаго режима въ папскихъ владѣніяхъ не нужно никакой республики, а для національной независимости не нужно никакого объединенія Италіи. Возстановивши противъ себя умѣренныхъ своей доктринерскою жестокостью и высокомѣрнымъ обращеніемъ, онъ въ то же время навлекъ на себя ненависть крайнихъ элементовъ; враги его рѣшили отдѣлаться отъ него убійствомъ.

15 ноября 1848 года онъ долженъ былъ изложить свои проекты передъ римской палатой депутатовъ. Несмотря на полученныя имъ угрожающія письма, онъ отправился безъ всякаго эскорта въ Капитолійскій дворецъ, гдѣ происходили засѣданія палаты, и здѣсь у самаго входа онъ былъ пораженъ кинжаломъ. Это преступленіе, хладнокровнымъ свидѣтелемъ котораго была гражданская гвардія и при извѣстіи о которомъ депутаты не выказали никакого волненія, послужило сигналомъ къ еще болѣе серьезнымъ безпорядкамъ. На слѣдующій день народъ организовалъ на улицахъ Рима бурную демонстрацію; манифестанты осадили папу въ Квириналѣ и потребовали отъ него составленія демократическаго министерства, созыва обще-итальянскаго учредительнаго собранія и объявленія войны Австріи. Послѣ отказа папы удовлетворить эти требованія между швейцарской гвардіей и народомъ началась кровопролитная свалка: вечеромъ Пій IX уступилъ, призывая иностранныхъ посланниковъ въ свидѣтели того насилія, которому онъ подвергается, и согласился призвать къ власти агитаторовъ Галетти и Стербини. Но съ этого момента онъ только и помышлялъ о бѣгствѣ изъ Рима, гдѣ онъ не считалъ себя въ безопасности и гдѣ положеніе его было невыносимо; 24 ноября ему удалось осуществить свой планъ и бѣжать въ Гаету.

Отнынѣ между папой и его подданными произошелъ полный разрывъ, который вскорѣ сдѣлался непоправимымъ. Изъ Гаеты онъ писалъ, что не отказывается отъ своихъ правъ, дважды назначилъ исполнительную комиссію, которая не соглашалась вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, и не захотѣлъ принять делегацію, которой поручено было просить его возвратиться въ свою столицу. Въ отвѣтъ на это палата депутатовъ назначила Государственную юнту, временно облеченную исполнительной властью; папское бреве немедленно объявило учрежденіе этой юнты святотатственнымъ покушеніемъ на права папы. Непримиримое поведеніе Пія IX, дѣлавшее невозможнымъ какое-либо полюбовное соглашеніе, лишило умѣренныхъ либераловъ того моральнаго авторитета, которымъ они пользовались до тѣхъ поръ и позволило радикальнымъ республиканцамъ, вліяніе которыхъ съ этого момента сдѣлалось преобладающимъ, требовать созыва собранія, избраннаго всеобщей подачей голосовъ. Уступая ихъ желанію, римскій парламентъ объявилъ себя распущеннымъ и назначилъ выборы въ учредительное собраніе на 21 января 1849 г. 8 февраля открылось новое собраніе; въ составъ его вошли почти исключительно

мадзинисты, а также главные вожди демократической партіи другихъ итальянскихъ государствъ. Первымъ дѣломъ собраніе послѣ продолжительныхъ дебатовъ 143 голосами противъ 11 вотировало временное низверженіе папы (которому гарантирована была самостоятельность въ духовныхъ вопросахъ) и провозгласило Римскую Республику (9 февраля). Такимъ образомъ первая часть программы Мадзини была въ Римѣ осуществлена: теократическій режимъ уступилъ мѣсто Республикѣ.

Послѣ республики оставалось осуществить объединеніе Италіи. Первыми поняли необходимость этого шага тосканкіе демократы. Ихъ вождемъ былъ дѣйствительно не кто иной, какъ авторъ проекта о созывѣ обще-итальянскаго учредительнаго собранія. Съ момента несчастнаго исхода австро-итальянской войны Монтанелли не переставалъ повторять, что единственнымъ средствомъ для спасенія національнаго дѣла является созывъ въ Римѣ общаго учредительнаго собранія, избраннаго на основѣ всеобщей подачи голосовъ всѣмъ населеніемъ полуострова. Попавшей въ его руки властью онъ воспользовался только для торжества своей любимой мысли. Новые выборы позволили ему разсчитывать на большинство, согласное съ его взглядами, великій герцогъ былъ напуганъ народными манифестаціями, и 10 января 1849 года парламентъ постановилъ, что Тоскана должна выбрать 39 депутатовъ въ обще-итальянское учредительное собраніе, которое соберется въ Римѣ. Великій герцогъ, понимая, какой опасностью это рѣшеніе угрожаетъ его коронѣ, бѣжалъ въ Сіену. Мадзини немедленно поспѣшилъ во Флоренцію, гдѣ ему оказана была тріумфальная встрѣча. Составлено было временное правительство, провозгласившее республику и созвавшее учредительное собраніе (18 февраля). Такимъ образомъ въ самомъ центрѣ Италіи, между австрійской арміей и неаполитанскими войсками, возникли двѣ республики, тѣсно связанныя другъ съ другомъ общностью принциповъ и надеждъ.

Вторая война за независимость.— Событія, имѣвшія мѣсто въ Римѣ и во Флоренціи, произвели по всей Италіи слишкомъ глубокое впечатлѣніе, для того чтобы отраженное вліяніе ихъ не сказалось также въ Туринѣ. Но тѣ чувства, которыя эти событія возбудили въ Пьемонтѣ, вылились въ національную форму и вызвали тамъ не политическую революцію, а войну противъ Австріи.

Вожди радикальныхъ партій и ломбардскіе эмигранты не переставали требовать этой войны съ момента заключенія перемирія. Они добились перваго удовлетворенія (15 декабря 1848 года) въ томъ смыслѣ, что въ министерство приглашенъ былъ Джоберти, имя котораго было символомъ возобновленія войны противъ Австріи и установленія федеративнаго союза между всѣми итальянскими государствами. Когда получено было извѣстіе о низложеніи папы и о возможномъ вмѣшательствѣ Австріи, то ихъ требованія приняли такой настойчивый характеръ, что Карлъ-Альбертъ началъ опасаться, что онъ потеряетъ свою популярность и корону, если станетъ дальше сопротивляться ихъ желанію. 12 марта 1849 года онъ объявилъ перемиріе расторгнутымъ, а 20-го перешелъ границу съ 65.000-нымъ войскомъ, команду надъ которымъ поручилъ генералу Хржановскому, пользовавшемуся славой выдающагося стратега. Хржановскій переправился черезъ Тичино у Буффалоры и двинулся на Миланъ. Но на слѣдующій же день онъ принужденъ былъ прекратить свое наступленіе, перемѣнить фронтъ и обратиться противъ Радецкаго, который перешелъ черезъ Тичино при Павіи, благодаря упущенію Раморино, и теперь поднимался по правому берегу рѣки, для того чтобы отрѣзать пьемонт-

ской арміи отступленіе. Рѣшительное сраженіе произошло при Новарѣ 23 марта; сначала побѣда, казалось, склонялась на сторону пьемонтцевъ; но въ 4 часа вечера австрійцы произвели яростную атаку и овладѣли деревушкой Бикокка, составлявшей ключъ пьемонтской позиціи, а ночью пьемонтцамъ пришлось въ безпорядкѣ отступить къ Новарѣ, потерявши 5,000 человѣкъ. Господствовавшая въ арміи деморализація не позволила Карлу-Альберту продолжать войну; въ то же время Радецкій ставилъ такія условія для заключенія мира, на которыя король ни въ какомъ случаѣ не могъ согласиться. Полагая, что его личность является помѣхой для блага Пьемонта, Карлъ-Альбертъ послѣ сраженія при Новарѣ въ тотъ же вечеръ отрекся отъ престола въ пользу своего сына и уѣхалъ въ Опорто, гдѣ разсчитывалъ провести остатокъ дней своихъ. Новый король Викторъ-Эммануилъ II 26 марта подписалъ перемиріе съ Радецкимъ.

Вторая война за независимость продолжалась всего пять дней. Она закончилась кровавымъ эпилогомъ въ Брешіи и Генуѣ. Въ Брешіи населеніе, узнавши о возобновленіи военныхъ дѣйствій, возстало и въ теченіе десяти дней сопротивлялось войскамъ Гайнау, посланнымъ для усмиренія бунта (23 марта—2 апрѣля). Въ Генуѣ по полученіи извѣстія о пораженіи при Новарѣ вспыхнуло республиканское возстаніе, для подавленія котораго пришлось пустить въ ходъ вооруженную силу (11 апрѣля). Съ этого момента въ Сѣверной Италіи возстановлено было спокойствіе.

V.—Реакція.

Битва при Новарѣ знаменуетъ апогей революціоннаго движенія и начало реакціи. События, имѣвшія мѣсто въ Римѣ и во Флоренціи, превратили итальянскій вопросъ въ вопросъ европейскій. Съ одной стороны, монархическія государства смотрѣли на возникновеніе двухъ республикъ какъ на опасность для престоловъ; съ другой стороны, католическія державы и вообще католики, считавшіе свѣтскую власть папы необходимымъ условіемъ независимости римскаго первосвященника, чувствовали себя оскорбленными низложеніемъ Пія IX. Демократическое движеніе, и безъ того ослабленное рядомъ промаховъ и внутренними раздорами, пало во всѣхъ странахъ, въ которыхъ оно временно восторжествовало, благодаря вмѣшательству или враждѣ иностранцевъ. И за періодомъ революцій наступилъ періодъ реставрацій.

Реакція въ Сициліи.—Реакція, не встрѣчая почти никакихъ препятствій, началась прежде всего въ Сициліи, гдѣ неаполитанскія войска занимали пока только Мессину. Ободренный извѣстіемъ о побѣдѣ австрійцевъ на сѣверѣ, Фердинандъ II расторгнулъ перемиріе, заключенное въ сентябрѣ 1848 года; Филанджери двинулся противъ сицилійскихъ волонтеровъ, находившихся подъ начальствомъ поляка Мѣрославскаго, 4 апрѣля 1849 года овладѣлъ Таорминой, 6 апрѣля Катаной, а 8-го появился передъ Палермо; 15 мая, послѣ отчаяннаго сопротивленія, городъ принужденъ былъ сдаться на капитуляцію. Съ этого момента Сицилія была покорена, и въ Южной Италіи возстановленъ абсолютизмъ.

Реакція въ Тосканѣ.—Республиканскій образъ правленія сохранился еще въ Венеціи, Римѣ и Флоренціи. Флорентинская республика, благодаря ошибочнымъ дѣйствіямъ своихъ руководителей, существовала недолго. Тосканское учредительное собраніе, открывшееся 25 марта, начало съ того, что отняло власть у тріумвирата и вручило Гверацци диктатуру. Послѣдній только и думалъ о томъ, какъ бы сохранить доставшуюся ему власть; онъ окружилъ себя ливорнскими волонтерами, которые своей распущенностью возстановили противъ себя народъ, и сво-

ними промахами вызвалъ во Флоренціи и въ деревняхъ монархическое возстаніе (11—12 апрѣля). Тогда флорентинскій муниципалитетъ, составленный изъ либераловъ-конституціоналистовъ, захватилъ власть отъ имени великаго герцога, котораго онъ пригласилъ возвратиться въ страну. Леопольдъ II послалъ впередъ 18.000-ную австрійскую армію, которая заняла Флоренцію и Ливорно (15—22 мая) и позволила ему, вопреки своимъ обѣщаніямъ, пріостановить дѣйствіе конституціи и заключить въ тюрьму главныхъ вождей демократической партіи. Такимъ образомъ благодаря вѣроломству герцога въ Тосканѣ возстановленъ былъ старый порядокъ, но эта реставрація совершилась безъ пролитія крови.

Реакція въ Римѣ.—Въ Римѣ событія совершились нѣсколько иначе. Всѣ условія содѣйствовали здѣсь тому, что борьба между защитниками и противниками юной республики затянулась и приняла кровавый характеръ. Въ Римъ съѣхались со всей Италіи вожди или партизаны демократической партіи, изгнанные изъ своего отечества реакціей. Сюда прибыли одинъ за другимъ: Мадзини, который вообще игралъ въ событіяхъ 1848 года ограниченную роль и который впервые въ Римѣ нашелъ обширное поприще для своей дѣятельности; Гарибальди, молодой генуэзскій генералъ, пріобрѣвшій популярность блестящей борьбой противъ Австріи; наконецъ, масса тосканскихъ, генуэзскихъ и сицилійскихъ волонтеровъ, которые явились въ Римъ для защиты послѣдняго оплота независимости. Эмигранты поддерживали въ народѣ энтузіазмъ и толкали впередъ учредительное собраніе, которое вслѣдствіе ихъ настояній распорядилось принять серьезныя мѣры для обороны города и вручило исполнительную власть тріумвирату, составленному изъ Мадзини, Саффи и Армелини.

Съ своей стороны, Пій IX также не сидѣлъ, сложа руки, и подыскивалъ союзниковъ, которыхъ ему не трудно было найти. 18 февраля онъ обратился къ католическимъ державамъ, прося ихъ оказать ему помощь противъ республиканцевъ. Франція, Австрія, Испанія и Неаполитанское королевство откликнулись на этотъ призывъ, но не могли на состоявшейся въ Гаетѣ конференціи (мартъ—апрѣль 1849 года) столковаться относительно условій предполагавшагося вмѣшательства. Такъ какъ Австрія обнаруживала, повидимому, желаніе приступить къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ, то Луи-Наполеонъ, занимавшій въ декабрѣ 1848 года постъ президента Французской Республики, рѣшилъ ускорить ходъ событій и предупредить австрійское правительство, для того чтобы не дать ему возможности пріобрѣсти преобладающее вліяніе въ центральной Италіи. Добившись благопріятнаго вотума со стороны Учредительнаго Собранія, онъ послалъ подъ начальствомъ Удино 7.000-ный экспедиціонный корпусъ, который высадился въ Чивита-Веккіи (25 апрѣля). Назначеніе этого незначительнаго отряда было неопредѣленнымъ: онъ долженъ былъ „слѣдить за ходомъ событій въ интересахъ охраны французскаго вліянія и свободы, которая могла подвергаться опасности". Когда этотъ корпусъ приблизился къ Риму, гдѣ французы разсчитывали на дружескую встрѣчу въ качествѣ „освободителей", онъ былъ атакованъ и разбитъ (30 апрѣля) республиканцами и принужденъ былъ заключить перемиріе.

Римская Республика совершенно опредѣленно выказала свое твердое намѣреніе отразить силой всякую попытку посторонняго вмѣшательства. Скоро въ предѣлы ея вторглись: съ сѣвера австрійцы, овладѣвшіе Болоньей (8 мая); съ юга неаполитанцы, которыхъ Гарибальди сумѣлъ задержать и разбить при Веллетри (19 мая); съ запада испанцы, высадившіеся въ Террачинѣ. Наконецъ, генералъ Удино, по приказу Луи-Наполеона, под-

Дж. Мадзини.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

держаннаго въ этомъ случаѣ новымъ Законодательнымъ Собраніемъ, возобновилъ военныя дѣйствія (3 іюня) и во главѣ 30.000 человѣкъ приготовился приступить къ осадѣ Рима. 4 іюня начаты были осадныя работы, 13-го началась бомбардировка, а 30-го французы овладѣли частью городскихъ стѣнъ. Съ этого момента дальнѣйшая оборона стала невозможной, и Гарибальди, командовавшій римскими войсками, выступилъ изъ города, для того чтобы продолжать борьбу въ Аппенинскихъ горахъ (2 іюля). Учредительное Собраніе, не отваживаясь на уличную битву, приняло отставку Мадзини, поручило муниципалитету веденіе переговоровъ съ непріятелемъ и при вступленіи французскихъ войскъ въ столицу разошлось, но при этомъ въ качествѣ послѣдняго протеста обнародовало республиканскую конституцію, выработанную имъ во время осады. 14 іюля Удино провозгласилъ возстановленіе свѣтской власти папы. Гарибальди, преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ австрійскими войсками, успѣлъ ускользнуть отъ грозившей ему опасности и уѣхать въ Геную.

Паденіе Венеціи.—Теперь знамя итальянской независимости развѣвалось только на стѣнахъ Венеціи. Населеніе этого города, осажденнаго съ сентября 1848 г., готовилось показать всей Италіи поразительный примѣръ героизма, солидарности и единенія. Когда получено было извѣстіе о сраженіи при Новарѣ, отнявшее у венеціанцевъ всякую надежду на помощь со стороны, Національное Собраніе издало слѣдующій простой декретъ: „Венеція будетъ сопротивляться до крайности; Манину вручается неограниченная власть“. Оно сдѣлало принудительный заемъ и поручило команду надъ волонтерами неаполитанцу Уллоа. Когда австрійцы овладѣли на материкѣ фортомъ Мальгера, то они начали бомбардировку города (26 марта); вскорѣ къ обстрѣлу присоединились голодъ и холера. Когда въ городѣ осталось съѣстныхъ припасовъ не больше, чѣмъ на 18 дней, Манинъ понялъ, что наступилъ послѣдній часъ; онъ поручилъ муниципалитету начать переговоры съ генераломъ Горжковскимъ, сложилъ съ себя власть и выѣхалъ во Францію въ самый день вступленія австрійцевъ въ Венецію (27 августа 1849 года).

Такимъ образомъ республиканская Италія пала въ борьбѣ, какъ пала и Италія монархическая; и обѣ партіи, получившія въ свои руки власть одна за другой, оказались не въ состояніи осуществить свои программы: одна слишкомъ полагалась на государей, враждебно относившихся къ идеѣ національнаго единства, другая — на народъ, который не былъ еще способенъ взять устройство своей судьбы въ собственныя руки. И обѣ онѣ слишкомъ легко повѣрили тому, что Италія безъ всякой посторонней помощи можетъ справиться съ такимъ грознымъ противникомъ, какъ Австрія. Тѣмъ не менѣе изъ этого неудачнаго опыта итальянцы почерпнули надежды на конечное торжество своего дѣла и цѣлый рядъ полезныхъ уроковъ. Если папа и обманулъ ожиданія Джобертистовъ, то нашелся же монархъ, который поднялъ оружіе и даже пострадалъ за національную независимость. Если народъ и обнаружилъ недостатокъ политическихъ качествъ, которыя ему приписывались мадзинистами, то своимъ героическимъ поведеніемъ въ Миланѣ, Венеціи, Римѣ и Палермо онъ показалъ, что ему присуще національное чувство, и впервые принялъ участіе въ патріотическомъ движеніи не въ качествѣ сторонняго наблюдателя, а въ качествѣ активнаго дѣятеля. Такимъ образомъ колоссальное усиліе, сдѣланное Италіей въ 1848 и 1849 годахъ, не прошло безслѣдно; оно дало странѣ возможность познать самое себя, показавши, что отнынѣ національное дѣло имѣетъ своего представителя въ лицѣ савойской династіи и вѣрнаго защитника въ лицѣ итальянскаго народа.

Глава III.

Революція и реакція въ Германіи.

1848—1852.

Разложеніе стараго режима.—По полученіи извѣстій о февральскихъ событіяхъ въ Парижѣ германскія оффиціозныя газеты сначала пытались возбудить нѣмецкій шовинизмъ и обратить противъ Франціи тотъ взрывъ страстей, который онѣ предвидѣли. „Въ томъ случаѣ, —писала прусская „Всеобщая Газета“,—если нашимъ предѣламъ будутъ угрожать новые аппетиты, прикрываемые, быть можетъ, заботой о счастьѣ другихъ народовъ, которымъ пожелаютъ привить французскія теоріи, мы совѣтуемъ Германіи держаться на сторожѣ и быть готовой отразить всякое нападеніе, въ случаѣ надобности, даже силою оружія!“

Но эти подстрекательства не производили никакого впечатлѣнія. Еще до разсылки Ламартиномъ своихъ извѣстныхъ циркуляровъ никто не подозрѣвалъ Временное Правительство въ желаніи воскресить агрессивную политику Конвента; подобно различнымъ общественнымъ классамъ отдѣльныя націи, охваченныя кипучимъ энтузіазмомъ и бурнымъ оптимизмомъ, казалось, готовы были протянуть другъ другу руки въ братскомъ пожатіи. При этомъ убѣжденіе въ томъ, что старый порядокъ окончательно обреченъ на гибель, имѣло настолько всеобщій характеръ, что даже наиболѣе заинтересованные въ его сохраненіи элементы отказались его защищать, и революція распространилась безъ особаго сопротивленія, можно сказать, почти безъ борьбы.

27 февраля 1848 года либералы, собравшіеся въ Оффенбургѣ и въ Мангеймѣ, рѣшились представить Баденскому ландтагу петицію, въ которой сформулированы были ихъ требованія: свобода совѣсти, отмѣна феодальнаго режима и финансовая реформа, судъ присяжныхъ, отвѣтственность министровъ, національная гвардія, отмѣна исключительныхъ законовъ, свобода печати и собраніе народныхъ представителей въ Франкфуртѣ. Великій герцогъ Леопольдъ скомпрометировалъ себя поддержкой министра Биттерсдорфа и, хотя болѣе умѣренная политика новаго министра Бека нѣсколько успокоила народное раздраженіе, общественное мнѣніе было возстановлено противъ правительства. Въ округахъ, расположенныхъ по близости отъ французской и швейцарской границы, насчитывалось очень много радикаловъ; армія не отличалась особенными достоинствами и притомъ была довольно ненадежна, а администрація была раздѣлена и потеряла голову.

Нѣсколько рѣзкихъ рѣчей, поддержанныхъ криками горсти манифестантовъ, увлекли палату; великій герцогъ призвалъ къ власти вождей лѣвой и объявилъ, что готовъ удовлетворить народныя желанія.

Въ Гессенъ-Дармштадтѣ Людвигъ II назначилъ президентомъ совѣта министровъ Генриха Гагерна, котораго нѣмецкая конституціонная партія охотно признавала своимъ главой. Въ Баваріи, гдѣ не улеглось еще волненіе, вызванное паденіемъ католическаго министерства и вліяніемъ Лолы Монтесъ, Людвигъ I пытался успокоить броженіе, призвавши къ власти вождей оппозиціи; затѣмъ, увидѣвши, что власть мало-по-малу ускользаетъ у него изъ рукъ, онъ отрекся отъ престола въ пользу своего сына Максимиліана II (19 марта).

Въ Кургессенѣ, Нассау, Вюртембергѣ, Саксоніи, Гамбургѣ, Бременѣ правительства послѣ весьма слабаго сопротивленія уступили народнымъ требованіямъ. Потокъ казался непреодолимымъ, такъ какъ на пути своемъ онъ совершенно не встрѣчалъ какихъ-нибудь серьезныхъ препятствій: чиновники переходили на сторону революціонеровъ и заговорщиковъ, а „монархи своей слабостью огорчали даже своихъ враговъ“; въ нѣсколько недѣль власть повсюду перешла въ руки вождей лѣвой, Пфитцера, Рёмера, Эргенгана, Виппермана, Штюве, Ифордтэна. Противники ихъ до того растерялись, что реформаторы имѣли, казалось, полную возможность цѣликомъ осуществить свои программы. У самыхъ устойчивыхъ людей закружилась голова. Не было такой области или мѣстечка, въ которомъ жители не высказывали бы своихъ пожеланій, въ которомъ не произошло бы какихъ-нибудь безпорядковъ, драматическихъ или нелѣпыхъ манифестацій. „Отъ насъ уже требовали всевозможныхъ вещей,—писалъ 15 марта герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургскій,—вплоть до добраго здоровья и долголѣтія.“ Слишкомъ долго подавляемый инстинктъ независимости прорвался въ рѣзкой формѣ, въ сущности не столько грозной, сколько шумной; но эти излишества въ концѣ-концовъ рисковали перейти въ гражданскую войну и вызвать возвращеніе открытой реакціи, опомнившейся послѣ кратковременной паники. Для того чтобы помѣшать „безумному году“ превратиться въ кровавый годъ, во главѣ движенія стали нѣкоторые вожди, которые старались указать этому безпочвенному энтузіазму опредѣленную цѣль и дисциплинировать эти безформенныя банды волонтеровъ.

Движеніе въ пользу германскаго единства.—Въ интересахъ обезпеченія сдѣланныхъ ими завоеваній, побѣдители почувствовали необходимость во взаимномъ сближеніи; объединеніе Германіи казалось имъ основнымъ условіемъ свободы. Меттернихъ превратилъ Франкфуртскій сеймъ въ орудіе реакціи; въ продолженіе четверти вѣка онъ составлялъ предметъ общей ненависти и злобы: онъ долженъ былъ исчезнуть. Наступилъ моментъ очистить почву отъ этого пережитка прошлаго, мѣшавшаго соціальному, экономическому, политическому и моральному прогрессу. Низшіе классы, ожесточенные бѣдствіями послѣднихъ лѣтъ, привѣтствовали въ революціи главнымъ образомъ надежду на лучшую долю; на другой же день послѣ битвы они раздѣлились. Государи и дворяне, испуганные аграрнымъ движеніемъ, поспѣшили успокоить крестьянъ уступками, которыми послѣдніе въ общемъ удовлетворились. Городскіе рабочіе были еще относительно немногочислены, а большинство изъ нихъ находилось подъ вліяніемъ хозяевъ; крупная промышленность только что зарождалась; соціалистическая партія не имѣла ни вождей, ни программы. Такимъ образомъ руководство движеніемъ досталось, естественно, среднему классу и преимущественно профессорамъ, писателямъ,

студентамъ, которые наложили на него свой специфическій отпечатокъ.

Съ момента кризиса 1840 года стремленіе къ объединенію Германіи, временно забытое, проснулось съ новой силой. Главная и основная свобода, которой требовали нѣмцы, заключалась въ правѣ самимъ устраивать свою судьбу и располагать своими силами; изъ всѣхъ видовъ угнетенія, отъ котораго они страдали, они съ величайшей чувствительностью и горечью относились къ правительственной анархіи, парализовавшей ихъ усилія передъ лицомъ иностранныхъ государствъ. И на этой почвѣ революціонное движеніе находило обильную пищу въ колебаніяхъ и слабости властей предержащихъ; а первый порывъ отличался столь всеобщимъ характеромъ и такой силой, что онъ чуть было не смелъ всѣ стоявшія на его пути препятствія.

5 марта 51 представитель либеральной партіи собрались въ Гейдельбергѣ и поручили комиссіи изъ семи человѣкъ созвать во Франкфуртѣ „Предварительный парламентъ" (*Vorparlament*). Союзный Сеймъ, сразу выведенный изъ оцѣпенѣнія, призналъ эти требованія законными и предложилъ правительствамъ прислать спеціальныхъ делегатовъ для выработки новой конституціи. Прусскій король согласился съ мыслью о необходимости федеральной реформы и отправилъ въ Вѣну одного изъ любимыхъ своихъ совѣтниковъ, Радовица, для того чтобы установить основныя положенія этого преобразованія. Гагернъ и умѣренные либералы пытались войти съ нимъ въ соглашеніе, но ихъ планы были разрушены событіями, разыгравшимися въ Берлинѣ.

Мартовскіе дни въ Берлинѣ.—Политическія фантазіи Фридриха-Вильгельма IV, а также его медленныя и неполныя уступки мало-по-малу ослабили правительственную власть и возбудили народное недовольство. Событія, имѣвшія мѣсто въ Парижѣ и Южной Германіи, почти немедленно нашли отголосокъ въ Рейнскихъ провинціяхъ, въ Силезіи и Саксоніи. Въ Берлинѣ въ началѣ марта организовано было нѣсколько публичныхъ собраній; подъ Липами и въ „Тиргартенѣ" раздавались бурныя рѣчи; это поверхностное броженіе можно было легко успокоить или удержать въ должныхъ предѣлахъ. Но правительство было дезорганизовано внутренними раздорами: министръ Бодельшвингъ настаивалъ на необходимости скорыхъ реформъ; король колебался между своей ненавистью къ революціи и желаніемъ привлечь къ себѣ симпатіи Германіи. А пока правительство разсуждало, вожаки революціоннаго движенія проникались вѣрой въ свои силы. Экономическій кризисъ выбросилъ на мостовую тысячи рабочихъ, и манифестаціи принимали все болѣе бурный характеръ; полиція оказывалась безсильной; армія, которая пущена была въ ходъ, учинила насильственную расправу, вызвавшую нѣсколько жертвъ. Король, глубоко увѣренный въ своей популярности, не выказалъ особенной тревоги, когда узналъ, что Меттернихъ принужденъ былъ оставить свой постъ (13 марта), и что Вѣна находится во власти революціонеровъ. Однако и тогда онъ продолжалъ откладывать свое рѣшеніе. И только 18 марта онъ рѣшился безотлагательно созвать ландтагъ и ввести конституціонный режимъ и объявилъ о своемъ намѣреніи взять въ свои руки реформу союзнаго устройства.

Собравшаяся передъ замкомъ толпа встрѣтила чтеніе королевской прокламаціи шумными привѣтствіями; но мало-помалу ко дворцу начали подходить новые манифестанты, мрачные и враждебно настроенные; рукоплесканія смѣнились свистками; вовремя этой сумятицы изъ солдатскихъ рядовъ раздались два выстрѣла. Толпа разсѣялась по улицамъ съ криками мести, разграбила оружейныя лавки

Большая баррикада передъ ратушей въ Берлинѣ въ ночь съ 18 на 19 марта 1848 г.

и воздвигла баррикады. Начался кровопролитный бой.

Несмотря на отчаянное сопротивленіе инсургентовъ, войска мало-по-малу подвигались впередъ, и еслибы битва продолжалась на другой день, то они навѣрно одержали бы полную побѣду. Но совѣсть короля была неспокойна, а нервы его расшатались; среди окружавшихъ его лицъ господствовала крайняя растерянность; онъ обратился съ „воззваніемъ къ своимъ дорогимъ берлинцамъ" и обѣщалъ отозвать войска, какъ только баррикады будутъ покинуты бойцами; но затѣмъ онъ согласился на то, чтобы солдаты первыми оставили свои боевыя позиціи. Потому ли, что приказъ короля былъ неправильно понятъ, или потому, что генералы сочли невозможнымъ оставить лицомъ къ лицу съ народомъ разстроенные битвой и отступленіемъ полки, но генералъ Притвицъ сначала увелъ солдатъ въ казармы, а затѣмъ и вовсе очистилъ городъ.

Такимъ образомъ Берлинъ очутился во власти революціи. Представитель Французской Республики, де Сиркуръ, впослѣдствіи хвасталъ тѣмъ, что въ этотъ трудный моментъ онъ спасъ отъ гибели династію Гогенцоллерновъ, отказавшись дать какія-либо обѣщанія радикаламъ. Въ дѣйствительности же республиканское движеніе не имѣло въ то время никакихъ шансовъ не успѣхъ. Возстаніе, что бы ни думалъ о немъ самъ король, явилось результатомъ не столько какого-нибудь задолго задуманнаго заговора, сколько прогрессивнаго возбужденія умовъ. Побѣдители ни на одну минуту не помышляли о низверженіи монархіи; они удовольствовались ея униженіемъ. Трупы павшихъ жертвъ были снесены во дворъ замка, затѣмъ толпа яростными криками стала вызывать короля; блѣдный, больной, осунувшійся, онъ вышелъ на балконъ, объ руку съ королевой Елисаветой, и поклонился трупамъ бойцовъ.

Новое министерство заявило, что король намѣренъ стать во главѣ общегерманскаго движенія. 21 марта король, окруженный принцами, генералами и министрами, проѣхалъ по городу съ трехцвѣтной повязкой на рукавѣ (черно-красно-золотой цвѣтъ). „Въ годину опасности я беру на себя верховное руководство,— говорилъ онъ въ знаменитой прокламаціи. — Мой народъ не оставитъ меня, и Германія присоединится ко мнѣ съ довѣріемъ; съ нынѣшняго дня Пруссія сливается съ Германіей". Эта манифестація произвела неблагопріятное впечатлѣніе. Австрія, которая, несмотря на переживаемыя ею затрудненія, не желала отказаться ни отъ одной изъ своихъ традицій, усмотрѣла въ заявленіяхъ прусскаго короля узурпаторскія стремленія и поспѣшила оговорить свои права. Въ Западной и Южной Германіи глубокая антипатія населенія къ Пруссіи еще усилилась послѣ мартовскихъ дней; радикальная пресса, ловко инспирируемая австрійской дипломатіей, рѣзко напала на „картечнаго короля". Всѣ усилія Гагерна и либеральныхъ централистовъ готовы были, повидимому, разбиться о сопротивленіе демократовъ. Между тѣмъ по существу либералы были правы, такъ какъ объединеніе Германіи могло осуществиться только при тѣснѣйшемъ участіи Пруссіи; но съ одной стороны, король не хотѣлъ принять предлагаемой ему либералами короны, а съ другой — народы не соглашались признать своимъ главой рекомендуемаго имъ либералами прусскаго короля. Такимъ образомъ имъ пришлось на время отсрочить окончательное рѣшеніе этого вопроса, а эти проволочки, которыхъ либералы не властны были избѣгнуть, дали Австріи возможность собраться съ силами, и въ то же время размахъ революціи прогрессивно ослабѣвалъ.

Франкфуртскій парламентъ.—Предварительный парламентъ собрался 31 марта

въ Франкфуртѣ при бурныхъ привѣтствіяхъ восторженно настроенной толпы. Власть его была ничтожна, а составъ крайне пестрый: Австрія вовсе не была на немъ представлена, преобладали южногерманскіе делегаты, особенно баденцы и гессенцы. Фактически это было народное собраніе высшаго разряда. Тѣмъ не менѣе его резолюціи принимались безъ всякаго протеста. Предварительный парламентъ постановилъ созвать Учредительное Собраніе, избранное на основѣ всеобщей подачи голосовъ не только всѣми провинціями, входившими въ составъ прежняго Союза, но и Шлезвигомъ, всѣми нѣмецкими частями прусскаго королевства и нѣмецкой части Познани. Радикалы предложили Собранію объявить себя непрерывнымъ и захватить власть; потерпѣвши неудачу, они призвали народъ къ оружію. Струве и Геккеръ пытались поднять великое герцогство Баденское, но на помощь Леопольду немедленно двинулись баварскія и гессенскія войска. Въ сраженіи при Кандернѣ баденскій генералъ Гагернъ былъ убитъ, но инсургенты безъ особаго труда были разсѣяны (20 апрѣля). Они принуждены были оставить занятый ими Фрейбургъ; поэтъ Гервегъ, приведшій съ собой нѣсколько сотъ итальянцевъ, поляковъ, французовъ и венгерцевъ, наткнулся у Доссенбаха на вюртембергскія войска и потерялъ половину своихъ волонтеровъ. Въ десять дней порядокъ былъ возстановленъ во всей странѣ. Возстаніе, вспыхнувшее около того же времени въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ, вызвано было той враждой, которая давно существовала въ этой восточной области между славянами и нѣмцами. Несмотря на проявленный ими героизмъ, отряды Мѣрославскаго не въ состояніи былъ оказать продолжительное сопротивленіе превосходнымъ силамъ Пфуля (29 апрѣля — 13 мая). Эти волненія придали смѣлости реакціонерамъ, напугали наиболѣе умѣренную часть буржуазіи, и безъ того задѣтую въ своихъ интересахъ и устрашенную требованіями рабочихъ, и снова возбудили и усилили разногласія, ослаблявшія либеральную партію.

Эти результаты сказались не сразу. За исключеніемъ Богеміи, гдѣ Палацкій въ замѣчательномъ письмѣ протестовалъ противъ узурпаторскихъ проектовъ пангерманистовъ, намѣревавшихся включить въ составъ Германскаго Союза королевство, отдѣленное отъ него и всей своей исторіей, и волей своего народа, и гдѣ чешскіе округа отказались послать представителей во Франкфуртскій Парламентъ,— выборы повсюду произошли въ полномъ порядкѣ: 18 мая въ церкви Св. Павла состоялось первое засѣданіе Собранія. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ этомъ парламентѣ господствовалъ крайній безпорядокъ; не было ни организованныхъ партій, ни признанныхъ вождей, ни опредѣленныхъ программъ; профессора, которыхъ въ составѣ собранія насчитывалось очень много, принесли на трибуну свою привычку къ доктринерскимъ и педантическимъ разсужденіямъ и не могли удержаться отъ искушенія произнести академическую рѣчь. Они составляли ядро самой вліятельной группы, праваго центра, который по мѣсту своихъ собраній получилъ названіе „партіи Казино". Эти люди, проникнутые искреннимъ либерализмомъ, выставляли весьма скромныя требованія и готовы были на всякія жертвы, для того чтобы обезпечить себѣ содѣйствіе Пруссіи. Но такъ какъ сами по себѣ они не располагали большинствомъ противъ австрійцевъ, ультрамонтановъ и крайней лѣвой, объединенныхъ общей ненавистью къ умѣреннымъ либераламъ, то они для снисканія поддержки лѣваго центра принуждены были сдѣлать ему рядъ уступокъ, которыя быстро отняли у нихъ непостоянныя симпатіи Фридриха-Вильгельма IV.

Баррикады во Франкфуртѣ.

Гагернъ, глава конституціоналистовъ, стремившихся къ объединенію Германіи, и въ то же время президентъ Франкфуртскаго парламента, открыто требовалъ предоставленія Собранію верховной власти: „Мы должны составить конституцію для Германіи, для всей имперіи: наши права и власть мы почерпаемъ въ народной волѣ“. Но эти горделивыя заявленія не соотвѣтствовали ни внутреннему убѣжденію оратора, ни фактическому положенію вещей. Въ ожиданіи выработки окончательной конституціи Парламентъ организовалъ временное исполнительное правительство и по предложенію Гагерна выбралъ „Имперскимъ правителемъ“ брата перваго австрійскаго императора Франца I, эрцгерцога Іоанна (29 іюня). Новый „имперскій намѣстникъ“ родился подъ счастливой звѣздой; его внезапная популярность, приведшая къ избранію его на этотъ постъ, не имѣла за собой ровно никакихъ серьезныхъ основаній; подъ маской добродушной откровенности онъ скрывалъ бездну хитрости и разсчета. Эрцгерцогъ Іоаннъ постарался извлечь для себя и для своего дома всѣ возможныя выгоды изъ того положенія, въ которое его неожиданно поставила капризная судьба. Найдя прекраснаго помощника въ своемъ министрѣ Шмерлингѣ, онъ считалъ главной своей миссіей борьбу съ прусскими интригами, и его оказалось не такъ-то легко вытѣснить изъ той позиціи, которая досталась ему благодаря необъяснимому промаху партизановъ Фридриха-Вильгельма.

Впрочемъ, такъ какъ въ тотъ моментъ большинство не приняло бы проектовъ праваго центра, то серьезные вопросы были отложены и Собраніе приступило къ обсужденію „основныхъ правъ“, которыя должны были составить введеніе въ конституцію. Ораторы, говорившіе по поводу этой широкой темы, касались въ своихъ рѣчахъ всѣхъ политическихъ, религіозныхъ, соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ. Такъ дѣло могло бы тянуться и нѣсколько лѣтъ. А пока ораторы во Франкфуртѣ предавались своимъ риторическимъ упражненіямъ, революціонный энтузіазмъ вокругъ нихъ началъ угасать. Іюньскіе дни наполнили ужасомъ душу всей буржуазіи, а разгромъ французскихъ соціалистовъ ободрилъ всѣхъ реакціонеровъ. Монархи, опомнившись послѣ перваго испуга, стали искать опоры въ партикуляристическихъ предразсудкахъ. Франкфуртскій парламентъ пользовался только моральнымъ авторитетомъ, и по мѣрѣ того, какъ народъ отъ него отдалялся и холодный разсудокъ началъ брать верхъ надъ опьяненіемъ первыхъ дней, власть его съ каждымъ днемъ все болѣе уменьшалась. Онъ не располагалъ никакими матеріальными силами, у него не было ни собственныхъ финансовъ, ни войска; а когда онъ приказалъ войскамъ отдѣльныхъ государствъ присягнуть на вѣрность Имперскому правителю и прицѣпить трехцвѣтную кокарду, то Австрія и Пруссія этому распоряженію не подчинились. Безсиліе его съ особенной яркостью обнаружилось въ вопросѣ о герцогствахъ.

Волненіе, вызванное въ Шлезвигѣ и Гольштиніи жалованными грамотами Христіана VIII, еще усилилось послѣ того, какъ король призвалъ къ власти „Эйдерскую партію“, которая стремилась тѣснѣе связать Шлезвигъ съ датской монархіей. Нѣмецкіе централисты, которые къ тому времени успѣли уже убѣдиться въ томъ, что имъ придется порвать съ Австріей, искали компенсаціи на Балтійскомъ морѣ. Будучи не въ состояніи включить въ составъ Германскаго Союза Данію, они намѣрены были, по крайней мѣрѣ, расчленить ее и связать оба герцогства болѣе тѣсными узами. Такимъ образомъ, когда, вслѣдствіе отказа Фридриха VII даровать Шлезвигу и Гольштиніи общую конституцію, въ Рендсбургѣ составилось временное правительство,

общественное мнѣніе въ Германіи рѣшительно высказалось въ пользу инсургентовъ. Франкфуртскій парламентъ принялъ въ свою среду выбранныхъ Шлезвигомъ депутатовъ, а прусское министерство убѣдило Фридриха-Вильгельма IV послать въ герцогства свою армію. Врангель заставилъ датчанъ отступить и занялъ южную Ютландію. Его успѣхи были скоро остановлены угрожающимъ поведеніемъ Швеціи, а также вмѣшательствомъ Англіи и особенно Россіи. Николай I не могъ предоставить Балтійское море Пруссіи, а Фридрихъ Вильгельмъ IV слишкомъ нуждался въ благоволеніи русскаго царя, чтобы не считаться съ его представленіями. Да притомъ лично онъ не очень-то сочувствовалъ инсургентамъ, въ которыхъ онъ главнымъ образомъ видѣлъ революціонеровъ; поэтому онъ благосклонно отнесся къ жалобамъ прусскихъ купцовъ, которымъ морская война причиняла громадные убытки, и согласился на заключеніе перемирія въ Мальме, которымъ военныя дѣйствія были пріостановлены на семь мѣсяцевъ (26 августа 1848 года).

Условія перемирія, которыя знаменовали, казалось, оставленіе инсургентовъ на произволъ судьбы и полный отказъ Германіи отъ Шлезвига, вызвали въ Франкфуртскомъ Парламентѣ всеобщее негодованіе. Къ оскорбленному національному чувству присоединилось опасеніе за дальнѣйшую судьбу самого Собранія: Пруссія превысила свои полномочія, подписавши безъ согласія Парламента договоръ, касавшійся интересовъ всей Германіи. Дальманъ, сдѣлавшій защиту нѣмецкой національности въ герцогствахъ цѣлью своей жизни, убѣдилъ Собраніе не утверждать этого перемирія. Въ этомъ вопросѣ отъ него отдѣлились его друзья изъ центра, боявшіеся разрыва съ Пруссіей, но онъ былъ поддержанъ лѣвой, которая отстаивала принципъ народнаго верховенства. А Имперскій правитель безъ особаго огорченія смотрѣлъ на конфликтъ уменьшавшій вліяніе Фридриха-Вильгельма IV. Собраніе приняло предложеніе Дальмана большинствомъ 17 голосовъ, и ему поручено было составить министерство. Коалиція, доставившая ему это большинство, состояла изъ слишкомъ разнородныхъ элементовъ, и сформировать изъ нея правительство было довольно мудрено; послѣ трехдневныхъ безплодныхъ переговоровъ Дальманъ принужденъ былъ отказаться отъ возложеннаго на него порученія. Шмерлингъ снова получилъ власть и добился отъ Собранія ратификаціи перемирія (16 сентября). Это было тяжкимъ ударомъ для Парламента, фактическое безсиліе котораго ясно обнаружилось передъ всѣмъ міромъ; республиканцы пытались воспользоваться моральнымъ его банкротствомъ и взялись за оружіе.

Министерство заблаговременно приняло свои мѣры: инсургенты наткнулись на прусскія и австрійскія войска, спѣшно вызванныя изъ сосѣднихъ гарнизоновъ, и послѣ боя, продолжавшагося нѣсколько часовъ, принуждены были покориться (18 сентября). Баденскіе республиканцы, готовившіеся поддержать инсуррекцію, были обезкуражены этимъ быстрымъ пораженіемъ; имъ удалось захватить Леррахъ и спуститься черезъ Шварцвальдъ къ Рейнской долинѣ; но при Штауфенѣ они были разсѣяны генераломъ Гофманомъ. Безпорядки, вспыхнувшіе въ нѣкоторыхъ городахъ центра и запада, были подавлены еще легче. Становилось очевиднымъ, что революціонная партія теряла почву подъ ногами; реакціонеры, которые въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ начали организовываться, перешли въ наступленіе. Оставивъ на время въ покоѣ Франкфуртскій Парламентъ, который съ меланхолической сновторностью продолжалъ предаваться своимъ академическимъ дискуссіямъ, они прежде всего приложили всѣ свои усилія къ укрѣпленію прави-

тельственной власти въ Пруссіи и Австріи: они прекрасно понимали, что съ того момента, когда они станутъ господами въ Берлинѣ и Вѣнѣ, имъ не трудно будетъ расправиться съ Франкфуртскимъ Собраніемъ.

Революція въ Пруссіи. — Учредительное Собраніе, открывшееся въ маѣ въ Пруссіи, въ большинствѣ состояло изъ умѣренныхъ; оно охотно послѣдовало бы указаніямъ правительства, если бы послѣднее выказало хоть сколько-нибудь искренности и энергіи. Но король уже раскаивался въ сдѣланныхъ имъ уступкахъ; онъ не отказался ни отъ одного изъ своихъ предразсудковъ и въ своей враждѣ къ либерализму находилъ надежную опору въ старо-прусской группѣ, „небольшой, но могучей партіи“, которой руководилъ генералъ Герлахъ и которую энергически поддерживала королева Елисавета. Въ концѣ іюля въ Берлинѣ при руководящемъ участіи Бюлова-Куммерова собрался съѣздъ крупныхъ землевладѣльцевъ, ставившій себѣ задачей защиту интересовъ дворянства; органомъ этого „юнкерскаго парламента“ сдѣлалась „Новая Прусская Газета“, получившая впослѣдствіи столь громкую извѣстность подъ именемъ „Крестовой Газеты“. Вся страна покрылась „прусскими кружками“, которые сдѣлались центрами реакціонныхъ вожделѣній. Теоретикомъ этой партіи былъ Сталь, а самыми дѣятельными и вліятельными ея членами были Бисмаркъ, Зенфтъ фонъ-Пильзахъ, Клейстъ-Ретцовъ, президентъ Людвигъ Герлахъ, Штольбергъ, Вагенеръ, Массовъ, Нибуръ. Она опиралась на ортодоксальное лютеранство и на Россію; она готова была бы примириться съ конституціонными учрежденіями, но лишь при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы дворянству принадлежала преобладающая роль. Послѣдовательно смѣнявшіеся у власти министры Кампгаузенъ, Ганземанъ и Пфуль не пользовались симпатіей короля; они не могли представить палатѣ ни одного изъ законовъ, введенія которыхъ она желала; ихъ безсиліе было истолковано въ смыслѣ измѣны и въ виду поведенія короля большинство старалось опереться на демократію. Съ своей стороны, буржуазія, обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, не стала оказывать особеннаго сопротивленія радикальной партіи, которая была слишкомъ слаба для того, чтобы захватить власть, но достаточно сильна для того, чтобы поддерживать шумную уличную агитацію.

Май и первыя недѣли іюня отмѣчены были различными бурными манифестаціями. Въ ночь съ 15 на 16 іюня нѣсколько тысячъ рабочихъ напали на арсеналъ и отчасти разграбили его. Провинція была не болѣе спокойна. Въ Швейдницѣ безтактность и наглость губернатора привели къ волненіямъ, закончившимся бойней. Палата приняла резолюцію, коей она предлагала министерству поставить на видъ офицерамъ, что они обязаны уважать новый конституціонный режимъ, а если совѣсть имъ этого не дозволяетъ, то они должны выйти въ отставку. Король былъ крайне возмущенъ этимъ поступкомъ, на который онъ смотрѣлъ, какъ на узурпацію и оскорбленіе, и съ этого момента началъ помышлять о государственномъ переворотѣ.

Палата требовала предоставленія ей правъ учредительнаго собранія, вычеркнула формулу „Божіею милостью“ и выбрала въ президенты лидеровъ лѣвой, фонъ-Унру и Вальдека. Волненіе на улицахъ росло. Извѣстія, полученныя изъ Вѣны, которая случайно очутилась въ рукахъ революціонеровъ (октябрь) и осаждалась арміями Іеллачича и Виндишгреца, довели агитацію до пароксизма; будущность всей Германіи зависѣла теперь отъ той борьбы, которая разыгрывалась въ тотъ моментъ въ Австріи. Родбертусъ и Вальдекъ обратились къ правительству съ приглашеніемъ защищать всѣми на-

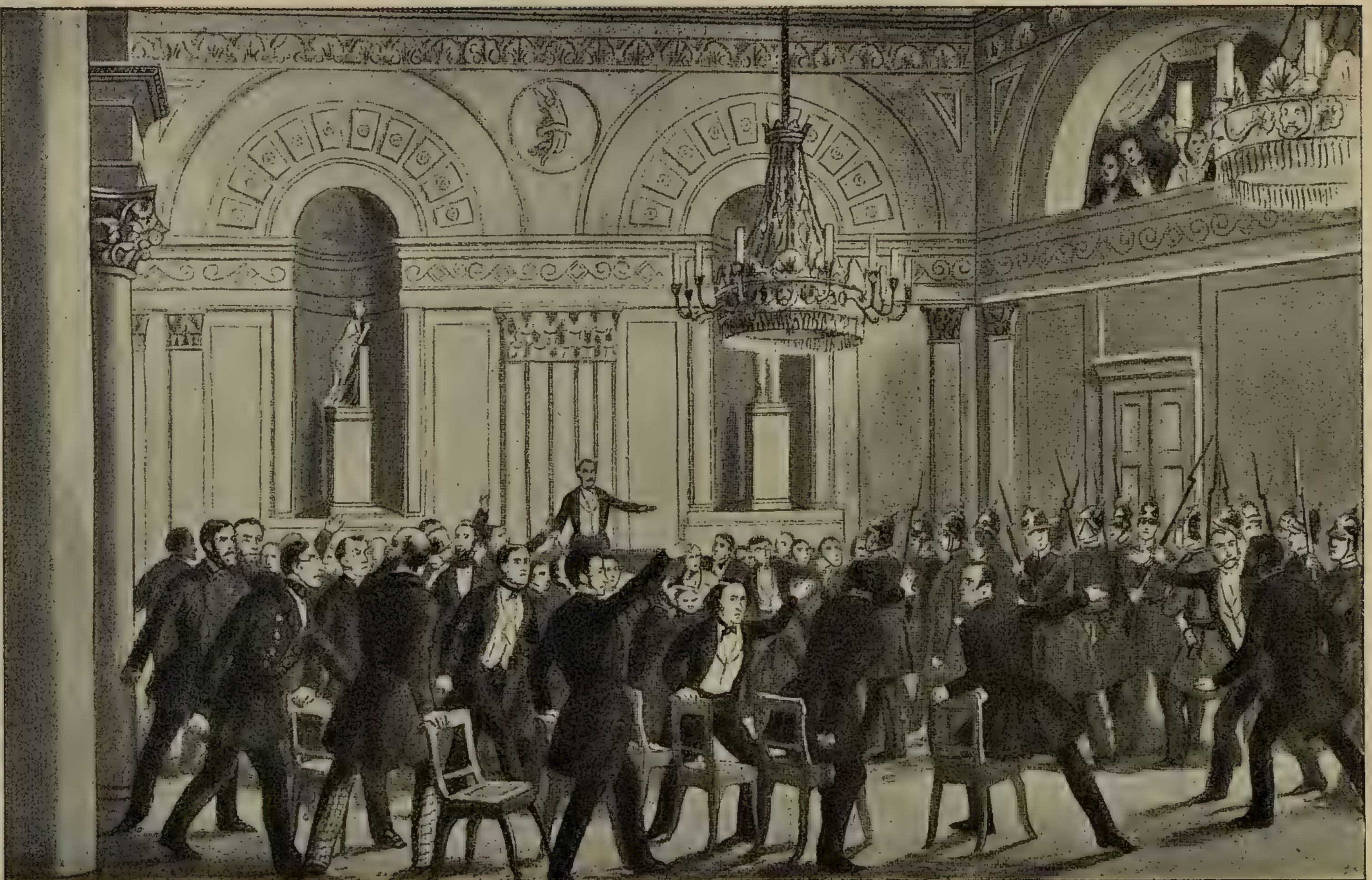
ходившимися въ его распоряженіи средствами свободу, которая въ Вѣнѣ подвергалась смертельной опасности, а народная толпа ринулась къ театру, служившему мѣстомъ засѣданій палаты, для того чтобы поддержать это предложеніе (31 октября). На слѣдующій день газеты возвѣстили капитуляцію Вѣны; тогда „камарилья“ добилась отъ Фридриха-Вильгельма врученія власти графу Бранденбургскому, сыну Фридриха-Вильгельма II и графини Дёнгофъ. Бранденбургъ принялъ назначеніе изъ послушанія; такъ какъ у него не было никакой опытности въ политическихъ дѣлахъ, то въ качествѣ „дядьки“ ему дали Мантейфеля.

Мантейфель былъ типичнымъ представителемъ бюрократической традиціи; онъ не чувствовалъ никакой охоты къ употребленію насильственныхъ мѣръ и сумѣлъ подавить революцію безъ пролитія крови. Палата протестовала противъ составленія новаго министерства (2 ноября); тогда министерство отсрочило ея засѣданія, а затѣмъ созвало ее на 27-е ноября въ городокъ Бранденбургъ. Большинство палаты отказалось подчиниться этому распоряженію, но не посмѣло идти до конца и провозгласить возстаніе. „Пассивное сопротивленіе“ могло только вызвать смѣхъ; народъ, который сначала готовъ былъ защищать собраніе, скоро отвернулся отъ него. Врангель, снова вступившій въ Берлинъ со своими войсками, обезоружилъ гражданскую гвардію. Средніе классы нерѣшительно колебались между двумя противоположными чувствами: съ одной стороны, они жалѣли о потерянной свободѣ, а съ другой—радовались тому, что избавились отъ анархіи.

Радикалы національнаго собранія пытались возобновить въ Бранденбургѣ свою игру въ обструкціонныя бирюльки, но они успѣли уже надоѣсть рѣшительно всѣмъ. И когда Мантейфель издалъ декретъ о распущеніи собранія (5 декабря), то этотъ актъ никого не удивилъ и не возмутилъ. Правительство поступило очень ловко оно обнародовало либеральную конституцію, издало рядъ законовъ, уничтожавшихъ исключительные трибуналы, отмѣнявшихъ феодальный режимъ и вводившихъ судъ присяжныхъ. Дворянство считало себя обойденнымъ, да и самъ король долго не рѣшался подписать хартію. Но Мантейфель успокоилъ ихъ соображеніемъ, что „довлѣетъ дневи злоба его“. И дѣйствительно, когда новая палата обнаружила кое-какія поползновенія на независимое поведеніе, то она была распущена (27 апрѣля 1849 г.), и опубликованъ былъ новый избирательный законъ, вводившій пресловутую „трехклассную систему“, дѣйствующую до сихъ поръ. Въ каждомъ округѣ избиратели первой степени раздѣлены были на три группы, каждая изъ которыхъ представляла третью часть налоговъ и выбирала одинаковое число избирателей второй степени; такимъ образомъ богатымъ классамъ предоставлено было рѣшающее вліяніе на исходъ выборовъ; а такъ какъ кромѣ того „свободный народъ долженъ имѣть мужество открыто высказывать свое мнѣніе“, то установлена была устная и открытая баллотировка.

Выбранная на основаніи этого закона палата оказалась послушнымъ орудіемъ въ рукахъ министерства, и съ этого момента реакція пошла полнымъ ходомъ. Утомленное продолжительной анархіей общественное мнѣніе не выказало особенной требовательности и утѣшалось наружнымъ сохраненіемъ парламентскихъ формъ. Такимъ образомъ прусское правительство, обнаружившее больше проницательности, чѣмъ вѣнскіе феодалы, сумѣло и сохранить въ неприкосновенности всѣ прерогативы королевской власти, и дать нѣкоторое удовлетвореніе нѣмецкому либерализму.

Партіи Великой и Малой Германіи.—Тѣмъ временемъ Франкфуртскій Парламентъ вотировалъ въ общихъ чертахъ конституцію,

Вальдекъ. Якоби. Родбертусъ.

Распущеніе Прусскаго Національнаго Собранія 14 ноября 1848 г.

значительно ослабившую власть нѣмецкихъ государей и создавшую довольно централизованное союзное государство. Теперь передъ нимъ встали важные вопросы, разсмотрѣніе которыхъ до тѣхъ поръ откладывалось: Кому вручена будетъ центральная власть? Какія провинціи войдутъ въ новое Германское государство.

Тогда правый центръ раскрылъ свои карты: онъ хотѣлъ вручить управленіе Союзомъ Пруссіи, а такъ какъ не подлежало сомнѣнію, что Габсбурги ни за что не согласятся признать гегемонію за своими соперниками, то онъ склонялся къ исключенію Австріи изъ состава новаго союзнаго государства, оговариваясь, что оба государства могутъ быть связаны вѣчнымъ дипломатическимъ союзомъ. Этотъ планъ, совершенно разумный въ принципѣ, представляетъ поразительную аналогію съ тѣмъ планомъ, которой впослѣдствіи былъ осуществленъ Бисмаркомъ; впрочемъ, онъ отличался отъ послѣдняго въ томъ отношеніи, что—не столько юридически, сколько фактически—предоставлялъ моральную гегемонію Западной и Южной Германіи и такимъ образомъ требовалъ отъ Пруссіи такихъ жертвъ, на которыя ни прусскій король, ни его народъ не намѣрены были согласиться.

Съ своей стороны, правый центръ не могъ отказаться отъ своихъ требованій, такъ какъ въ подобномъ случаѣ онъ былъ бы оставленъ на произволъ судьбы либеральными группами, поддержка которыхъ во Франкфуртѣ была для него безусловно необходима. Не скрывая отъ себя трудностей положенія, онъ понялъ, что не можетъ отступать дальше, если не желаетъ кончить позорнымъ банкротствомъ. Впрочемъ, новая политика Австріи не давала ему возможности продолжать тактику проволочекъ.

Въ теченіе всего лѣта 1848 года вниманіе Вѣнскаго двора было отвлечено отъ германскихъ дѣлъ тѣми войнами, которыя вызваны были борьбой расъ, объединенныхъ подъ скипетромъ Габсбурговъ, но не слившихся въ единый національный организмъ. Армія осталась вѣрна австрійскому правительству и склонила чашку вѣсовъ на его сторону. Къ концу года, хотя не всѣ затрудненія были улажены, но самая грозная опасность миновала: Италія была побѣждена, венгерское возстаніе склонялось къ упадку, и правительство надѣялось, что оно не въ состояніи будетъ долго еще сопротивляться соединеннымъ силамъ Іеллачича и Виндишгреца; революція въ Вѣнѣ была раздавлена; парламентъ, засѣданія котораго перенесены были въ Кремницъ, не выказывалъ никакой оппозиціи; наконецъ, 2 декабря императоръ Фердинандъ I отрекся отъ престола въ пользу своего молодого племянника Франца-Іосифа, который былъ свободенъ отъ какихъ бы то ни было обязательствъ и который нашелъ въ князѣ Шварценбергѣ энергическаго и смѣлаго руководителя.

Шварценбергъ, внесшій въ область дипломатіи замашки кавалерійскаго офицера, не допускалъ никакой федеральной реформы, кромѣ такой, которая превратила бы моральное вліяніе Австріи, постепенно завоеванное ей осторожной политикой Меттерниха, въ постоянную и безспорную диктатуру. Его планы, которыхъ онъ и не скрывалъ, принудили правый центръ открыто обнаружить свои намѣренія. Гагернъ замѣнилъ въ совѣтѣ министровъ Шмерлинга и обратился къ Собранію съ просьбой разрѣшить ему начать *дипломатическіе переговоры* съ Австріей, съ цѣлью урегулировать ея отношенія къ Германіи. Такимъ образомъ, вопросъ былъ поставленъ въ совершенно опредѣленной формѣ: противъ прусской партіи или партіи Малой Германіи выступила партія Великой Германіи. Въ концѣ концовъ правый центръ потерпѣлъ полное пораженіе, но уже и въ то время было очевидно, что прусская партія представляла большинство, такъ какъ ей одной удалось преодолѣть коалицію австрійцевъ, парти-

кульяристовъ, ультрамонтановъ и радикаловъ.

Первые вотумы Франкфуртскаго Парламента отличались нерѣшительнымъ характеромъ, но поведеніе Шварценберга, планы котораго принимали все болѣе опредѣленныя очертанія по мѣрѣ того, какъ изъ Венгріи и Италіи приходили все болѣе благопріятныя для него извѣстія, заставило нѣкоторыхъ колебавшихся депутатовъ снова примкнуть къ партіи Гагерна. Къ правому центру присоединилась фракція лѣвой, удовлетворенная тѣми резолюціями, которыя вводили всеобщее избирательное право, предоставляли будущему главѣ Союза только право условнаго вето и такимъ образомъ придавали конституціи демократическій характеръ. 27 марта 1849 года Собраніе 267 голосами противъ 263 рѣшило, что управленіе объединенной Германіей будетъ вручено наслѣдственному императору, а на слѣдующій день 290 голосами избрало императоромъ Фридриха-Вильгельма IV. Это большинство было незначительнымъ, но чтобы правильно оцѣнить все его значеніе, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что меньшинство было усилено голосами нѣсколькихъ сотъ австрійскихъ депутатовъ.

Разгромъ демократической партіи.—Президентъ Парламента, Эдуардъ Симсонъ, немедленно выѣхалъ въ Берлинъ во главѣ особой депутаціи, съ тѣмъ чтобы испросить согласіе короля на принятіе короны и конституціи. Среди окружавшихъ короля лицъ немногочисленная, но довольно вліятельная группа, въ составъ которой входили Бунзенъ и Радовицъ, убѣждала его оказать делегатамъ благосклонный пріемъ; прусскій наслѣдный принцъ, будущій императоръ Вильгельмъ I, хотя и не чувствовалъ особенной симпатіи къ демократическимъ ученіямъ, сильно поддавался впечатлѣнію широкихъ перспективъ, открывавшихся передъ династіей Гогенцоллерновъ; самъ Мантейфель склонялся къ компромиссу: дѣло шло главнымъ образомъ о заполученіи императорской короны, а впослѣдствіи можно будетъ уже придумать какое-нибудь средство для того, чтобы убѣдить либераловъ согласиться на какую-нибудь сдѣлку.

Но король и слышать не хотѣлъ о какихъ либо уступкахъ. Онъ желалъ федеральной реформы, но онъ хотѣлъ осуществить ее при содѣйствіи Австріи и другихъ нѣмецкихъ государей. „Мнѣ не приходится сказать вамъ ни „да“, ни „нѣтъ“ — писалъ онъ Бунзену,—потому что Вы ничего не можете мнѣ предложить. Этотъ вопросъ я долженъ урегулировать путемъ переговоровъ съ равными мнѣ; а съ демократами разговоръ короткій: противъ нихъ можно послать только солдатъ!“ 3 апрѣля онъ отвѣтилъ Симсону, что онъ цѣнитъ предложенный ему Собраніемъ высокій санъ, но что онъ будетъ недостоинъ оказываемаго ему довѣрія, если приметъ корону безъ соглашенія съ государями, которые должны вмѣстѣ разсмотрѣть конституцію и обсудить необходимыя въ ней измѣненія.—Король не отказывался отъ надежды объединить всю Германію подъ главенствомъ Пруссіи, но онъ отвергалъ даръ, который поставилъ бы его въ зависимость отъ либераловъ.

Поведеніе короля поставило Франкфуртскій Парламентъ въ самое ложное положеніе; авторитетъ его, и безъ того поколебленный, окончательно рушился отъ этого новаго удара. Двадцать восемь государствъ признали его рѣшенія, но Ганноверъ, Вюртембергъ, Саксонія и Баварія явно заняли по отношенію къ нимъ враждебную позицію. Сломить ихъ сопротивленіе можно было только, обратившись къ народу; центръ отказался отъ революціоннаго образа дѣйствій, и самые вліятельные его члены покинули собраніе, въ которомъ скоро осталась какая-нибудь сотня депутатовъ, принадлежавшихъ къ крайней лѣвой. Прежде они боролись противъ конституціи; теперь же, когда она была отвергнута правительствами, они

рѣшительно выступили на ея защиту. Отнынѣ на карту поставленъ вопросъ о самомъ принципѣ народнаго верховенства; если бы радикалы одержали побѣду, то она фатально привела бы къ провозглашенію республики; ихъ ошибка въ томъ и заключалась, что они не посмѣли признать это съ самаго начала. Теперь было уже слишкомъ поздно начинать успѣшную борьбу противъ реакціи; а между тѣмъ демократическая партія располагала серьезными силами.

Цѣлый рядъ понесенныхъ ею неудачъ доказалъ ей необходимость приступить къ организаціи. Наряду съ *коммунистами*, главнымъ органомъ которыхъ была „Новая Рейнская Газета" Карла Маркса и которые встрѣчались главнымъ образомъ въ Саксоніи, Силезіи, Вестфаліи и Рейнской Пруссіи, — демократы насчитывали множество сторонниковъ въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, Вюртембергѣ и Рейнской Баваріи; вся центральная Германія была покрыта сѣтью „мартовскихъ кружковъ". Умѣренные либералы, раздраженные реакціонной политикой нѣмецкихъ правительствъ, нисколько не расположены были оказывать имъ дѣйствительную поддержку; въ мелкихъ государствахъ армія была немногочисленна, и притомъ тайныя общества вели среди солдатъ активную пропаганду.

Если бы лѣвая Франкфуртскаго Парламента выказала сколько-нибудь серьезную рѣшимость, то она, по всей вѣроятности, привлекла бы на свою сторону значительную часть германскихъ государствъ, кромѣ Пруссіи и Австріи. Вюртембергскій король Вильгельмъ I, столь ревниво относившійся къ своимъ прерогативамъ, уже готовился уступить разыгравшемуся волненію и признать конституцію; въ Мюнхенѣ, Нюренбергѣ, Вюрцбургѣ, Мангеймѣ, Гейдельбергѣ, Майнцѣ, Дармштадтѣ и т. д. замѣчалось глухое броженіе; въ самой Пруссіи демократы внушали правительству очень серьезное безпокойство. Парламентскіе республиканцы колебались и теряли дорогое время. Они перенесли свои засѣданія въ Штутгартъ и дали себя обмануть министру Рёмеру, который разогналъ остатки Парламента (18 іюня 1849 года). Съ этого момента революція, лишенная общаго руководства, свелась къ ряду отдѣльныхъ эпизодовъ.

Въ Пруссіи, гдѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ вспыхнули волненія, министерство быстро возстановило порядокъ и, подавивши броженіе внутри страны, предоставило свои войска въ распоряженіе остальныхъ нѣмецкихъ государей. Серьезная борьба имѣла мѣсто только въ Саксоніи, великомъ герцогствѣ Баденскомъ и Рейнской Баваріи. Въ Дрезденѣ реакціонные министры Бейстъ и Рабенгорстъ распустили палату, потребовавшую отъ нихъ признанія конституціи; городъ покрылся баррикадами, король бѣжалъ въ Кенигштейнъ, а руководство обороной перешло въ руки временнаго правительства; душой возстанія былъ русскій, Бакунинъ. Послѣ двухдневнаго сраженія прусская гвардія овладѣла городомъ (9 мая), причемъ подстрекаемые офицерами солдаты совершали ужасныя звѣрства.

Въ Великомъ герцогствѣ Баденскомъ революція началась съ возмущенія Раштатскаго гарнизона (9 мая); примѣръ его увлекъ значительную часть арміи, и власть перешла въ руки революціоннаго комитета, главными членами котораго были Брентано, Струве и Фиклеръ. Вмѣсто того, чтобы перейти въ рѣшительное наступленіе, комитетъ спокойно ждалъ нападенія прусскихъ войскъ. Командовавшій ими принцъ Вильгельмъ сначала покорилъ баварскій Палатинатъ, затѣмъ перешелъ черезъ Рейнъ у Гермерсгейма и двинулся на инсургентовъ, которымъ съ другой стороны угрожалъ генералъ Пейкеръ, командовавшій гессенскими, мекленбургскими, вюртембергскими и нассаускими полками. Революціонеры, располагавшіе 25—30.000 солдатъ неодинаковаго достоинства, вру-

чили главную команду поляку Мѣрославскому. Послѣдній былъ разбитъ при Вагхейзелѣ и на берегахъ Мурга, послѣ чего остатки его арміи бѣжали въ Швейцарію, а Раштатъ капитулировалъ (23 іюня). Репрессія была ужасна, и съ тѣхъ поръ династія, окруженная атмосферой глухой народной ненависти, искала поддержки за границей. Нѣмецкая демократическая партія не могла оправиться послѣ этого страшнаго разгрома.

Прусская унія и Готская партія. — Хотя побѣды, одержанныя прусской арміей, и не вплели новыхъ лавровъ въ ея вѣнокъ, но онѣ значительно упрочили положеніе Фридриха-Вильгельма IV. Онъ сыгралъ роль возстановителя порядка и спасителя общества и имѣлъ право разсчитывать на признательность государей, спасенныхъ имъ отъ вѣрной гибели. Нотой отъ 28 апрѣля онъ пригласилъ нѣмецкихъ государей на конференцію для обсужденія тѣхъ измѣненій, которыя слѣдовало внести во Франкфуртскую конституцію. Совѣщаніе, на которомъ присутствовали только представители Австріи, Баваріи, Ганновера и Саксоніи, открылось въ Берлинѣ 17 мая. Въ первомъ же засѣданіи австрійскій делегатъ заявилъ, что Австріи нечего дѣлать въ томъ союзѣ, который проектируется Пруссіей, и удалился; баварскій делегатъ протестовалъ противъ назначенія одного главы союза. Саксонія и Ганноверъ отнеслись не съ бо̀льшимъ энтузіазмомъ къ предложеніямъ Фридриха-Вильгельма; такъ какъ они не могли дѣйствовать съ такою же полной свободой, то они скрыли свои истинныя чувства и старались только подготовить себѣ удобную лазейку для отступленія. 26 мая они заключили съ Пруссіей союзъ на одинъ годъ и пригласили остальныхъ нѣмецкихъ государей примкнуть къ новой федераціи, построенной на слѣдующихъ началахъ: предсѣдательство и руководство дипломатическими и военными дѣлами должно принадлежать исключительно Пруссіи, которой будетъ помогать коллегія, состоящая изъ шести государей; предложенія правительства поступаютъ на обсужденіе двухъ палатъ: палаты государствъ, составленной изъ 160 делегатовъ отъ правительствъ, и палаты депутатовъ; глава союзнаго государства можетъ налагать вето на всѣ постановленія парламента. До вступленія въ дѣйствіе окончательно принятой конституціи завѣдываніе общими дѣлами поручалось административному совѣту, предсѣдательство въ которомъ принадлежало Пруссіи; разрѣшеніе конфликтовъ, которые могли бы возникнуть между союзными государствами, возлагалось на особый третейскій судъ.

Даже и не будучи особымъ пессимистомъ, можно было съ самаго начала скептически отнестись къ осуществимости столь сложнаго проекта. Саксонскій министръ Бейстъ, не отличавшійся особенной склонностью къ самопожертвованію, оговорилъ для себя право расторгнуть договоръ, если Баварія станетъ упорствовать въ своей оппозиціи; а чувства Максимиліана II по этому поводу не оставляли мѣста для сомнѣній. Пруссія заранѣе была предана своими союзниками, которыхъ она тащила за собой на буксирѣ. Австрія нисколько не скрывала своего враждебнаго отношенія. Радовицъ представилъ Шварценбергу конвенцію, имѣющую цѣлью урегулировать на будущее время взаимныя отношенія Австріи и объединенныхъ подъ руководствомъ Пруссіи нѣмецкихъ государствъ. Князь Шварценбергъ ограничился отвѣтомъ, что онъ не можетъ подписать договора съ союзнымъ государствомъ, „которое еще не существуетъ и о характерѣ котораго нельзя, слѣдовательно, составить себѣ никакого опредѣленнаго мнѣнія“; онъ категорически отказался заявить, что императоръ не окажетъ никакого сопротивленія развитію этого государства и предоставитъ Пруссіи полную свободу дѣйствій, и настаивалъ на необходимости создать въ

Германіи временную центральную власть. Австрійскій кабинетъ имѣлъ передъ своимъ соперникомъ огромное и неоспоримое преимущество: онъ прекрасно зналъ, чего хочетъ, и не отступалъ передъ логическими послѣдствіями своихъ дѣйствій; онъ отнюдь не намѣренъ былъ добровольно устраниться отъ германскихъ дѣлъ и для защиты своихъ правъ готовъ былъ взяться за оружіе. А послѣ того, какъ демократія была побѣждена, нѣмецкіе государи рѣшительно готовились поддержать Австрію, и можно было опасаться, что ихъ неудовольствіе противъ Пруссіи способно было толкнуть ихъ на цѣлый рядъ неразумныхъ поступковъ и отдать ихъ съ головой въ руки Габсбурговъ.

Радовицъ, которому Фридрихъ-Вильгельмъ поручилъ завѣдываніе германскими дѣлами, не смущался этими затрудненіями. Онъ обладалъ пылкимъ воображеніемъ и былъ такъ же оптимистически настроенъ, какъ и самъ король; умѣя хорошо поговорить, онъ самъ упивался своими аргументами и никогда не терялъ надежды убѣдить своихъ противниковъ; это былъ двоедушный человѣкъ, скрывавшій подъ маской математической прямоты пустоту своихъ туманныхъ и неустойчивыхъ воззрѣній. Онъ пользовался затруднительнымъ положеніемъ Австріи. Шварценбергъ, любившій прихвастнуть, очутился бы въ нѣсколько неловкомъ положеніи, если бы къ его бахвальству кто-нибудь вздумалъ отнестись серьезно. Монархія была сильно поколеблена недавнимъ кризисомъ; Пьемонтъ сохранялъ угрожающее положеніе; венгерская инсуррекція отразила всѣ атаки имперскихъ войскъ, и для подавленія ея Францъ-Іосифъ принужденъ былъ обратиться къ помощи русской арміи. Судьба, которая за истекшіе годы не переставала улыбаться Пруссіи, давала ей послѣдній удобный случай подчинить себѣ Германію или оставляла ей, по крайней мѣрѣ, послѣднюю лазейку для того, чтобы съ честью и выгодой выпутаться изъ того ложнаго положенія, созданнаго для нея боязливымъ честолюбіемъ короля.

Партизаны германскаго объединенія принимали поставленныя имъ условія безъ возраженія. Прежде они надѣялись утвердить единство на свободѣ; горькій опытъ заставилъ ихъ ограничить свои желанія и умѣрить свои притязанія; они готовы были сдѣлать всевозможныя уступки, лишь бы получить сильное правительство, способное обезпечить странѣ почетное положеніе въ концертѣ державъ. Среди либеральныхъ профессоровъ и чиновниковъ государственная идея брала верхъ надъ стремленіями къ свободѣ. Главные вожди бывшаго праваго центра, Гагернъ, Дальманъ, Мати, Гергенганъ, созвали своихъ сторонниковъ на съѣздъ въ Готу съ цѣлью обсудить вопросъ, какой тактики слѣдуетъ держаться въ виду сдѣланныхъ Пруссіей предложеній. На это приглашеніе отозвалось 150 депутатовъ. Нѣкоторые изъ нихъ съ горечью указывали на недостатки конституціи, которую Фридрихъ-Вильгельмъ предлагалъ Германіи, на то недовѣріе, которое невольно вызывали люди, сначала всячески мѣшавшіе дѣятельности народнаго парламента, а теперь выступающіе въ роли творцовъ національнаго единства.

Противъ этихъ доводовъ трудно было что-нибудь возразить, и Гагернъ, Беккератъ или Яковъ Гриммъ даже не пытались этого дѣлать; они старались только доказать наличность смягчающихъ вину обстоятельствъ: положеніе, дескать, крайне серьезное; можно опасаться, что Германіи предстоитъ полное возвращеніе къ тому жалкому политическому состоянію, которое существовало до революціи; слѣдуетъ спѣшить, пока у Австріи еще связаны руки; прусскіе министры, если даже признать, что ихъ политика отличается нерѣшительнымъ характеромъ, будутъ увлечены тѣми элементами, которые къ нимъ пристанутъ, и вынуждены будутъ

согласиться на уступки; отказаться принять объединеніе изъ рукъ государей значило бы совершить такую же ошибку, какую сдѣлали монархи, отказавшись принять его изъ рукъ народа.

Послѣ бурныхъ дебатовъ 130 депутатовъ заявили, что „убѣжденные по прежнему въ томъ, что національное собраніе, вотируя конституцію 28 марта, дѣйствовало сообразно тогдашнему положенію вещей въ Германіи, они тѣмъ не менѣе признаютъ невозможность практическаго примѣненія этой конституціи" и готовы оказать содѣйствіе тѣмъ государямъ, которые попытаются осуществить объединеніе Германіи иными путями (28 іюня). Съ этого времени сторонники національнаго объединенія Германіи получили названіе „Готской партіи"; забывши, съ какой безцеремонностью Пруссія презрительно отвергла ихъ предложенія, они отдавали себя во власть прусской монархіи со связанными руками и ногами.

Мы не хотимъ преувеличивать значенія этой декларацій, но должны признать, что она не осталась безъ нѣкотораго вліянія на рѣшенія мелкихъ владѣтельныхъ князей; нѣкоторые изъ нихъ давно уже прислушивались къ тому, что говорится въ Берлинѣ, а другіе были слишкомъ слабы для того, чтобы сопротивляться давленію общественнаго мнѣнія; нѣкоторые, наконецъ, ничуть не дорожили той хрупкой и незначительной властью, которой они пользовались на дѣлѣ. Двадцать восемь государей, въ свое время признавшихъ франкфуртскую конституцію, примкнули къ Прусской уніи, которая съ этого момента обнимала всю Германію, кромѣ Австріи, Баваріи, Вюртемберга, Люксембурга, Гессенъ-Гомбурга и княжества Лихтенштейнъ. Но прусскій король не сумѣлъ воспользоваться удачнымъ поворотомъ счастья, и вскорѣ ходъ событій доказалъ всю проницательность депутатовъ, составлявшихъ меньшинство на Готскомъ съѣздѣ и рѣшительно отказывавшихся вѣрить въ энергію и искренность людей, которые взяли въ свои руки направленіе Германской политики.

Австрія не признавала за всѣми этими государями права отдавать свою судьбу въ руки Пруссіи. Только война могла принудить Австрію отказаться отъ своихъ традиціонныхъ притязаній, но Фридрихъ-Вильгельмъ съ ужасомъ отступалъ передъ этой грозной перспективой, не столько по трусости и моральному ничтожеству, сколько потому, что въ такой войнѣ онъ видѣлъ своего рода братоубійственное дѣло. Онъ ничуть не дорожилъ дѣломъ рукъ своихъ; Герлахъ и старо-прусская партія старались выяснить ему всѣ затрудненія и всю опасность, связанныя съ дальнѣйшимъ существованіемъ Прусской уніи. По ихъ мнѣнію, правительству предстоитъ достаточно возни съ прусскимъ парламентомъ, и поэтому не имѣетъ никакого смысла навязывать себѣ на шею новое пестрое собраніе, контроль котораго будетъ только стѣснять королевскую политику. Если этотъ союзъ и дастъ Пруссіи нѣкоторый выигрышъ въ смыслѣ матеріальной силы, то она гораздо больше потеряетъ отъ неизбѣжнаго усложненія правительственнаго механизма, внутреннихъ треній и нескончаемыхъ споровъ. Эти аргументы вполнѣ совпадали съ скрытыми заботами короля, но онъ все-таки никакъ не рѣшался окончательно разстаться со своими мистическими проектами. Онъ ждалъ какого-то чуда, которое заставитъ его соперниковъ раскаяться и подчиниться его желаніямъ; но, къ несчастью, Шварценбергъ не былъ такъ сантименталенъ и мягокъ, какъ либералы Франкфуртскаго Парламента, и Пруссія мало-по-малу заходила въ тупой переулокъ, выбраться изъ котораго можно было только или страшной войной, или унизительнымъ отступленіемъ.

Распущеніе Прусской Уніи. — Все лѣто 1849 года прошло въ нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ короля, инертность и коле-

банія котораго въ концѣ концовъ привели къ полному упадку его вліянія. Общество согласилось примириться съ прусскимъ планомъ не потому, чтобы онъ возбуждалъ въ немъ какой-нибудь энтузіазмъ, а просто потому, что изъ двухъ золъ приходилось выбирать меньшее; но поведеніе Фридриха-Вильгельма разочаровало самыхъ пылкихъ оптимистовъ. За послѣдніе два года общество быстро переходило отъ одной надежды къ другой; теперь оно больше не ждало ничего хорошаго; разъ становилось ясно, что Германіи предстоитъ возвращеніе къ старому порядку, то всѣмъ хотѣлось какъ можно скорѣе покончить съ этимъ невыносимымъ положеніемъ; общество жаждало только покоя. Теперь у государей руки были развязаны, и всѣ тѣ, кто примкнулъ къ союзу только изъ страха передъ радикалами или передъ Пруссіей, увидѣли, что до сихъ поръ они дрожали просто передъ призраками, а разъ убѣдившись въ этомъ, они рѣшили сбросить свои цѣпи.

Фридрихъ-Вильгельмъ, казалось, самъ приглашалъ ихъ сдѣлать этотъ шагъ. Онъ былъ женатъ на сестрѣ эрцгерцогини Софіи, матери Франца-Іосифа; она чувствовала къ своему племяннику чисто материнскую любовь. Эти семейныя отношенія всегда имѣли сильное вліяніе на чувствительную душу короля; во время свиданія въ Пильницѣ (сент. 1849 г.) его легко убѣдили подписать соглашеніе, по которому Пруссія и Австрія брали на себя завѣдываніе общими дѣлами Германіи до 1 мая 1850 года. Онъ видѣлъ въ этомъ соглашеніи просто удобный путь для спокойнаго подготовленія союзной реформы; Австрія же, наоборотъ, дѣлала этимъ актомъ первый шагъ къ возстановленію стараго франкфуртскаго Сейма.

Это прекрасно поняли и народъ, и государи: вѣнское правительство порывало съ революціей и не признавало никакихъ легальныхъ основъ, кромѣ трактатовъ 1815 года. Партикуляристскія тенденціи, которыя временно было ослабѣли, возобновились съ еще большей силой, такъ какъ на этотъ разъ успѣхъ казался имъ болѣе обезпеченнымъ. Когда административный совѣтъ „Прусской уніи“ предложилъ созвать избирателей для избранія депутатовъ въ давно обѣщанный парламентъ, то Ганноверъ и Саксонія бурно протестовали, а такъ какъ совѣтъ не обратилъ на ихъ протестъ никакого вниманія, то оба короля отозвали своихъ посланниковъ; Австрія оказала имъ энергическую поддержку. 27 февраля 1850 года Саксонія подписала съ Баваріей и Вюртембергомъ „договоръ четырехъ королей“; хотя Ганноверъ оффиціально и не примкнулъ къ этому союзу, но истинныя его намѣренія не подлежали никакому сомнѣнію: въ силу этого договора германскій союзъ долженъ былъ управляться директоріей изъ семи членовъ (Пруссія, Австрія, четыре указанныя государства и оба Гессена), при которой долженъ былъ состоять парламентъ изъ 300 депутатовъ, поровну избираемыхъ Австріей, Пруссіей и остальной Германіей. Австрія немедленно приняла предложеніе Баваріи и Саксоніи и только потребовала, чтобы въ составъ реорганизованной Германіи входили всѣ австрійскія провинціи. Это было окончательнымъ крушеніемъ прусскихъ надеждъ. Отданная во власть коалиціи своихъ противниковъ, Пруссія въ извѣстномъ смыслѣ перестала бы существовать въ качествѣ независимой державы; ей предлагали тратить свои силы на поддержаніе ея соперницы.

Принцъ Луи-Наполеонъ, который искалъ въ это время союзниковъ, послалъ въ Берлинъ своего наперсника Персиньи, съ тѣмъ чтобы нащупать почву и постараться завязать связи. Наполовину нѣмецъ, дружественно расположенный къ странѣ, въ которой онъ провелъ часть своей молодости, Персиньи ничего не имѣлъ противъ того, чтобы Пруссія округлила свою территорію; онъ предлагалъ ей поддер-

жать ея проекты за небольшое „вознагражденіе“, напр. за Ландау. Въ качествѣ импровизированнаго дипломата, Персиньи, въ которомъ было больше пылкости, чѣмъ проницательности, внесъ въ свои предложенія столько безтактности, что крайне возмутилъ Фридриха-Вильгельма. Послѣдній былъ еще слишкомъ проникнутъ воспоминаніями о Священномъ Союзѣ, и Франція рисовалась ему въ качествѣ наслѣдственнаго врага; мысль о томъ, что разрывъ съ Австріей можетъ толкнуть его въ объятія принца-президента, еще сильнѣе побуждала его къ примирительной политикѣ. Но все-таки вызывающее поведеніе Саксоніи и Баваріи рѣзко задѣвало его самолюбіе, и Радовицу удалось добиться отъ него согласія на принятіе двухъ мѣръ, передъ которыми онъ отступилъ бы раньше.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ онъ, несмотря на требованія прусскаго парламента, оттягивалъ окончательное утвержденіе октроированной имъ конституціи, которая, по его мнѣнію, была еще сильно окрашена радикализмомъ. Либеральное меньшинство съ бо̀льшимъ мужествомъ, чѣмъ съ успѣхомъ, старалось отстоять нѣкоторыя завоеванія мартовскихъ дней; постепенно ему пришлось отказаться отъ свободы печати, отъ присяги солдатъ Хартіи, отъ права не утверждать существующіе уже налоги; правительству предоставлено было право издавать указы, имѣющіе силу закона. Но всѣхъ этихъ уступокъ было еще недостаточно: король потребовалъ пересмотра пятнадцати статей, и парламентъ подчинился и на этотъ разъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всю свою уступчивость, онъ, быть можетъ, не получилъ бы никакой награды за свое смиреніе, если бы не осложненія во внѣшней политикѣ. Въ предвидѣніи внѣшняго конфликта правительство благоразумно разсчитало, что не слѣдуетъ возстановлять противъ себя народъ.

Не безъ глубокой скорби рѣшился Фридрихъ-Вильгельмъ присягнуть наконецъ на вѣрность конституціи; въ сущности говоря, теперь палата была просто на просто совѣщательнымъ учрежденіемъ, и король могъ быть увѣренъ, что неопредѣленный и ослабленный контроль такого парламента не угрожаетъ его власти никакой серьезной опасностью. Тѣмъ не менѣе совѣсть короля была неспокойна, и совершавшаяся въ его душѣ внутренняя борьба ясно выразилась въ произнесенной имъ рѣчи: „Я и мой домъ,— сказалъ онъ,—мы хотимъ служить Господу Богу! Сегодня я въ первый и въ послѣдній разъ выступаю передъ депутатами страны, не покрытый отвѣтственностью моихъ совѣтниковъ, а одинъ, лично, какъ человѣкъ чести, который хочетъ дать то, что у него есть самаго дорогого, свое слово, произнести рѣшительное и обдуманное „да“. Конституція родилась въ такую годину, которую вѣрность грядущихъ поколѣній захочетъ слезами смыть и вычеркнуть изъ исторіи Пруссіи, и на всѣхъ частяхъ ея лежитъ клеймо ея происхожденія. Но въ томъ исправленномъ видѣ, который она получила въ настоящее время, я могу присягнуть ей на вѣрность; я могу это сдѣлать въ надеждѣ, что мнѣ дадутъ возможность управлять на ея основаніи, что вѣрность народная окажетъ мнѣ поддержку противъ злонамѣренныхъ людей, которые пожелаютъ прикрыть свою испорченность свободой, дарованной королемъ, и смотрѣть на эту хартію, какъ на устраненіе божественнаго Провидѣнія“. (6 февраля 1850 года).

Одной изъ отличительныхъ чертъ характера Фридриха-Вильгельма было то, что на него ни въ чемъ нельзя было рѣшительно полагаться; на него не дѣйствовали ни совѣты, ни логика событій; если онъ иногда и откладывалъ осуществленіе своихъ плановъ, то окончательно онъ никогда отъ нихъ не отказывался. Въ тотъ самый моментъ, когда онъ присягалъ на вѣрность конституціи, онъ уже

помышлялъ о дальнѣйшемъ ея измѣненіи, причемъ онъ основательно разсчитывалъ на тупую покорность своихъ подданныхъ и на ихъ почти безграничную угодливость. Онъ отказался, по крайней мѣрѣ, отъ мысли о возстановленіи чистаго абсолютизма, а при безсиліи и безнадежномъ положеніи тогдашнихъ нѣмецкихъ либераловъ для нихъ достаточно было какого-нибудь проблеска, какой-нибудь слабой надежды на лучшее будущее для того, чтобы они все-таки отдавали предпочтеніе Пруссіи.

Въ это время въ государствахъ, объединенныхъ подъ гегемоніей Пруссіи, состоялись, наконецъ, давно ожидаемые и неоднократно откладываемые выборы. Парламентъ состоялся въ Эрфуртѣ 20 марта. Смиреніе этихъ депутатовъ, которые для того, чтобы склонить избраннаго ими государя признать ихъ своими вѣрноподданными, старались предупредить всѣ его фантазіи, производитъ и трогательное, и вмѣстѣ съ тѣмъ комичное впечатлѣніе; большинство изъ нихъ принадлежало къ Готской партіи; они были больше роялистами, чѣмъ самъ король, и въ данномъ случаѣ слова эти слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ. Имъ предложено было внести въ конституцію 26 мая 1849 года нѣкоторыя измѣненія, обусловленныя выступленіемъ изъ союза Саксоніи и Ганновера; слово „Конфедерація" было замѣнено словомъ „Союзъ"; коллегія государей была сокращена съ семи человѣкъ до пяти: ни на одно предложеніе они не возразили ни слова. Скоро они замѣтили, что ихъ излишняя услужливость не нравится начальству и что ихъ холопство признается безтактностью; король хотѣлъ, чтобы они измѣнили основную хартію: но въ какомъ смыслѣ? въ какомъ пунктѣ? Рѣшеніе этихъ вопросовъ предоставлено было ихъ собственной догадливости. Радовицъ предупредилъ ихъ, что чрезмѣрнымъ усердіемъ они рискуютъ скомпрометировать все дѣло, а затѣмъ погрузился въ молчаніе оракула.

Собраніе пустилось на хитрости; оно рѣшило сначала принять конституцію цѣликомъ (для того чтобы создать такимъ образомъ „совершившійся фактъ" и окончательно привязать Фридриха-Вильгельма къ Уніи), а затѣмъ рекомендовать правительствамъ принятіе цѣлаго ряда предложенныхъ поправокъ. При всемъ томъ Собранію не удалось удовлетворить короля; оно разошлось съ печальнымъ сознаніемъ, что оно играло дурацкую роль въ комедіи, къ которой никто серьезно не относился, и съ чувствомъ сожалѣнія о томъ, что оно принесло свои убѣжденія въ жертву королю, который даже не догадывался о горечи этой жертвы и уже рѣшилъ столковаться съ Австріей.

Нашлись горячія головы, которыя захотѣли довести начатое дѣло до конца, въ томъ числѣ князь Эрнестъ Саксенъ-Кобургскій. Онъ игралъ до извѣстной степени роль мухи, помогавшей тащить телѣгу, и возбуждалъ къ себѣ подозрительное отношеніе Елисаветы и партіи „Крестовой Газеты", прекрасно знавшей слабыя стороны короля, котораго легко было увлечь фантастическими планами. Чтобы вырвать его изъ-подъ вліянія ревниво окружавшей его „старо-прусской" камарильи, князь предложилъ ему созвать входившихъ въ Унію государей на съѣздъ въ Готу. Этотъ планъ способенъ былъ вскружить романтическую голову Фридриха-Вильгельма: окруженный торжественнымъ кортежемъ государей, онъ могъ бы вообразить, что возродилась эпоха Гогенштауфеновъ, и въ увлеченіи сдѣлать какое-нибудь непоправимое заявленіе. Королева вмѣстѣ съ камарильей отпарировала этотъ ударъ; съѣздъ состоялся, но не въ Готѣ, а въ Берлинѣ (май 1850 года), и съ этого момента потерялъ всякое значеніе. Подъ болѣе или менѣе благовидными предлогами введеніе въ дѣйствіе конституціи Уніи было снова

отложено; теперь никто уже не составлялъ себѣ никакихъ иллюзій относительно близкаго будущаго, а большинство членовъ Уніи выжидали только удобнаго предлога, для того чтобы снова занять свое мѣсто въ свитѣ Австріи. Теперь у Шварценберга руки были развязаны; 13 августа 1849 года Гёргей положилъ оружіе при Виллагошѣ, а 27 сентября капитуляція Клапки при Коморнѣ ознаменовала конецъ венгерскаго возстанія. Венеція была покорена (августъ), Туринскій парламентъ утвердилъ мирный договоръ, заключенный Викторомъ - Эммануиломъ (декабрь), Италія лежала у ногъ Радецкаго. Эти быстрые успѣхи нѣсколько опьянили австрійскихъ государственныхъ дѣятелей, и они готовились расправиться съ Пруссіей такъ, какъ они расправились съ Пьемонтомъ.

Кризисъ.—Раньше чѣмъ произвести на Унію рѣшительную атаку, Шварценбергъ занялся ея расшатываніемъ: онъ настаивалъ на отреченіи великаго герцога Баденскаго, который связалъ себя по отношенію къ Пруссіи слишкомъ опредѣленными обязательствами; поддерживалъ Мекленбургское рыцарство противъ его монарха, предлагалъ свою поддержку Гессенскому курфюрсту, который согласился на предложеніе Фридриха - Вильгельма только послѣ самаго упорнаго сопротивленія и давно уже собирался порвать съ Уніей. Вюртембергскій король Вильгельмъ I, увѣренный въ поддержкѣ австрійскаго кабинета, объявилъ объединеніе Германіи опасной химерой, а союзъ 26 мая 1849 года новымъ Зондербундомъ и самоубійствомъ Германіи.

Когда общественное мнѣніе оказалось достаточно подготовленнымъ, Шварценбергъ раскрылъ свои карты и 26 апрѣля 1850 года пригласилъ нѣмецкія правительства прислать во Франкфуртъ своихъ уполномоченныхъ, чтобы замѣнить временную австро-прусскую комиссію, полномочія которой къ этому времени истекали. Возстановляя такимъ образомъ собственной властью старый Союзный Сеймъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ Фридриху-Вильгельму угрожающій ультиматумъ. Если только Пруссія не хотѣла рискнуть на грозную войну, то у нея оставался одинъ лишь выходъ: это—скромно занять снова свое прежнее мѣсто среди остальныхъ союзныхъ государствъ, озлобленныхъ ея честолюбивыми проектами и готовыхъ нагло издѣваться надъ ея отступленіемъ. Вся Германія раздѣлилась на два лагеря: съ одной стороны — партизаны Пруссіи, а съ другой — всѣ тѣ, кто не желалъ подчиниться ея гегемоніи.

10 мая 1850 года при открытіи Сейма представлены были только четыре упомянутыхъ королевства, Гессенъ-Гомбургъ и Люксембургъ; но скоро ряды прусскихъ союзниковъ порѣдѣли благодаря измѣнѣ: оба Гессена, Шаумбургъ и Стрелицъ послали во Франкфуртъ своихъ делегатовъ. Не обращая вниманія на протестъ Фридриха - Вильгельма, президентъ заявилъ (2 сентября), что Сеймъ правильно конституировался и что рѣшенія его обязательны для всѣхъ членовъ Союза. Король поднялъ брошенную перчатку и назначилъ Радовица министромъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ упустилъ удобный моментъ для полученія нѣкоторыхъ уступокъ, и теперь онъ упорствовалъ уже изъ нелѣпаго самолюбія. Герлахъ и Бисмаркъ старались ему растолковать, что не имѣетъ никакого смысла рисковать страшной войной для сохраненія подъ своимъ вліяніемъ дюжины мелкихъ государей, не способныхъ оказать ему никакой реальной помощи и являвшихся его вассалами не въ силу спеціальныхъ договоровъ, а по самой сущности вещей. Король не возражалъ на эти доводы и рѣшился не идти до конца. Но ему было крайне тяжело отказаться отъ всѣхъ своихъ плановъ, такъ какъ онъ убѣдилъ себя, что его честолюбивыя стремленія вызываются его преданностью интересамъ общаго оте-

чества. Онъ не усматривалъ никакого неудобства въ дальнѣйшемъ сопротивленіи, такъ какъ онъ полагалъ, что Шварценбергъ, какъ и онъ самъ, съ ужасомъ отступитъ передъ перспективой междоусобной войны; онъ упорно закрывалъ глаза на очевидность, отказывался признать, что прусскіе проекты, въ какой бы формѣ онъ ихъ ни выставлялъ, угрожаютъ австрійскому вліянію въ Германіи, и каждый разъ придумывалъ новые нелѣпые и неосуществимые проекты Его считали лицемѣромъ; вѣрнѣе было бы сказать, что онъ обманывалъ самъ себя, ставя себя въ ложное положеніе и поддаваясь сумбурнымъ мыслямъ, и что ему никакъ не удавалось примирить свою совѣсть съ атавистической алчностью. Несмотря на свѣтъ, пролитый на характеръ Фридриха-Вильгельма его корреспонденціей и свидѣтельствами нѣкоторыхъ близкихъ къ нему лицъ, какъ Бунзенъ, Герлахъ, Реймонтъ и Ранке, историкъ съ недоумѣніемъ останавливается передъ этой таинственной и неопредѣленной личностью. Не слѣдуетъ во всякомъ случаѣ удивляться, что такой человѣкъ приводилъ въ отчаяніе своихъ противниковъ.

Второстепенные дворы толкали Шварценберга впередъ; въ Мюнхенѣ и Дрезденѣ Пфордтенъ и Бейстъ замышляли широкіе планы. Изреченіе, которое приписывается князю Шварценбергу: „Слѣдуетъ сначала унизить Пруссію, а затѣмъ ее уничтожить", быть можетъ, не совсѣмъ вѣрно; но это изреченіе во всякомъ случаѣ точно выражало завѣтную мечту мелкихъ государей. Имъ улыбалась мысль о томъ, чтобы сбить спесь съ этого выскочки среди другихъ государствъ, который систематически и въ продолженіе столѣтій отодвигалъ ихъ на задній планъ, и вычеркнуть Гогенцоллернскій эпизодъ изъ исторіи Германіи. Австрійскія войска сосредоточивались въ Богеміи, а Максимиліанъ II усиливалъ численный составъ своей арміи. Въ Бреченцѣ, на берегу Констанцскаго озера, состоялось свиданіе между нимъ и Вильгельмомъ I и Францемъ-Іосифомъ: „Я старый солдатъ, — сказалъ Вюртембергскій король, — и не люблю фразъ. Достаточно сказать, что я готовъ исполнить приказанія своего императора, куда бы послѣдній меня ни послалъ". Францъ-Іосифъ на это отвѣтилъ, что съ такими товарищами никакой противникъ ему не страшенъ (октябрь 1850 года).

Въ дѣйствительности Шварценбергъ далеко не былъ спокоенъ. Слишкомъ продолжительный періодъ мира ослабилъ прусскую армію; нѣсколько чрезмѣрная бережливость Фридриха-Вильгельма III, а также нѣсколько небрежное и причудливое веденіе дѣлъ при его преемникѣ привели къ отрицательнымъ результатамъ: генералы были слишкомъ преклоннаго возраста, кадры—крайне немногочислены, а солдаты, состоявшіе на дѣйствительной службѣ не свыше двухъ лѣтъ, не всегда были достаточно обучены. Недостатки военной организаціи, которые съ особенной яркостью обнаружились только во время событій 1848—1850 гг., составляли предметъ серьезной заботы военнаго начальства. При всемъ томъ эти недостатки были не такъ уже велики, такъ что наслѣдный принцъ Вильгельмъ, человѣкъ уже не молодой, не увлекающійся и прекрасно знакомый съ военными вопросами, считалъ побѣду надъ Австріей возможной. Онъ разсчитывалъ на патріотизмъ возбужденнаго населенія. Вѣнскій дворъ прекрасно понималъ, что предстоящая война далеко не будетъ побѣднымъ шествіемъ, какъ это воображалъ Бейстъ. Значительная часть австрійской арміи связана была въ Италіи, а отозвать эти войска правительство не рѣшалось изъ страха вызвать такимъ образомъ новое возстаніе. Въ расквартированныхъ въ Богеміи дивизіяхъ процентъ венгерцевъ былъ довольно высокъ и полагаться на ихъ преданность было нѣсколько риско-

ванно; политика Стадіона и Баха возстановила противъ правительства всѣ національности; казна была пуста, а кредитъ почти не существовалъ. При такихъ условіяхъ Австрія могла надѣяться на побѣду только въ случаѣ рѣшительной помощи со стороны Россіи.

Въ это время царь Николай I пользовался въ Европѣ необычайнымъ авторитетомъ, который далеко превосходилъ его дѣйствительныя силы. Революціонный потокъ безсильно остановился у предѣловъ его имперіи, а его престижъ возросъ пропорціонально паденію престижа остальныхъ монарховъ: онъ спасъ Австрію; къ нему обращались взоры всѣхъ реакціонеровъ, напуганныхъ революціей. Какъ это часто бываетъ, его личныя чувства обострились подъ вліяніемъ ненависти и надеждъ, возносившихся къ его трону, и онъ сталъ позировать своими убѣжденіями. Ему нравилась роль защитника законности и порядка. Онъ строго осудилъ заигрываніе своего шурина съ революціей и одно время помышлялъ даже силой освободить его отъ интригъ либераловъ. Когда однажды генералъ Дона, присутствовавшій на русскихъ маневрахъ, поздравилъ его съ прекраснымъ видомъ солдатъ, то царь быстро возразилъ: „Они вамъ нравятся. Такъ я вамъ ихъ даю. Возьмите ихъ, идите на Берлинъ и освободите короля". Смущенный нѣсколько Дона холодно отвѣтилъ, что прусскій офицеръ исполняетъ только приказанія своего государя.

Политика Радовица не разсѣяла, конечно, неудовольствія Николая противъ коварныхъ и нерѣшительныхъ дѣйствій берлинскаго кабинета; но отъ этого брюзжанья было еще далеко до открытаго разрыва съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, къ которому царь чувствовалъ живую симпатію. Въ августѣ 1850 года Николай пріѣхалъ въ Берлинъ, и взаимныя отношенія обоихъ дворовъ, по крайней мѣрѣ, наружно получили характеръ прежней сердечности. Король далъ ему доказательство почтенія, къ которому Николай былъ чрезвычайно чувствителенъ. По истеченіи заключеннаго въ Мальме перемирія, военныя дѣйствія въ герцогствахъ возобновились (апрѣль 1849 года), причемъ пруссаки сначала отбросили датскія войска въ цѣломъ рядѣ сраженій; но на границѣ Ютландіи они остановились, и осаждавшіе Фредерицію инсургенты, захваченные датчанами врасплохъ (6 іюля), потерпѣли полное пораженіе. Европейскія державы снова вмѣшались и принудили воюющія стороны заключить перемиріе. Послѣ долгихъ переговоровъ Фридрихъ-Вильгельмъ подписалъ съ Даніей договоръ, по которому возстановлялось *statu quo ante bellum* (2 іюля 1850 года); но договоръ этотъ былъ составленъ въ такихъ двусмысленныхъ выраженіяхъ, что Пруссія при желаніи могла во всякое время возбудить новый конфликтъ. Царь, страстно желавшій возстановленія порядка въ герцогствахъ, чувствовалъ тѣмъ не менѣе величайшую признательность къ Фридриху-Вильгельму за выказанное ему уваженіе и возмущался тѣмъ недовольствомъ, которое обнаружилъ по этому поводу Сеймъ.

Шварценбергъ былъ крайне этимъ встревоженъ и сдѣлалъ Пруссіи выгодныя предложенія, которыя сводились къ слѣдующему: исполнительная власть въ союзѣ будетъ принадлежать обѣимъ крупнымъ нѣмецкимъ державамъ; президентство въ сеймѣ переходитъ поочередно отъ Пруссіи къ Австріи; австрійскій императоръ признаетъ Прусскую Унію, ограниченную Сѣверной Германіей. Но это примирительное настроеніе продолжалось недолго; во время свиданія съ Нессельроде въ Ишлѣ Шварценбергу удалось вернуть себѣ расположеніе царя присоединеніемъ къ Лондонскому протоколу (2 августа 1850 года), по которому Франція, Англія, Россія и Швеція гарантировали неприкосновенность Даніи, въ то

время какъ Фридрихъ-Вильгельмъ снова умудрился возстановить противъ себя Россію.

Въ то время Кургессенъ управлялся Фридрихомъ - Вильгельмомъ I, котораго Радовицъ сравнивалъ съ Калигулой; это было, впрочемъ, преувеличеніемъ. Курфюрстъ былъ просто маленькимъ тираномъ, озлобленнымъ мизантропомъ, сварливымъ грубіаномъ; его женитьба на разведенной женѣ капитана, особѣ сомнительной репутаціи, графинѣ Шаумбургъ, поставила его въ двусмысленное положеніе, отъ котораго онъ сильно страдалъ; его дѣти лишены были престолонаслѣдія; ему хотѣлось, по крайней мѣрѣ, обезпечить ихъ въ матеріальномъ отношеніи, но конституція подчиняла финансовое управленіе строгому контролю парламента; чтобы избавиться отъ этого досаднаго контроля, онъ началъ подготовлять государственный переворотъ, какъ вдругъ подоспѣла революція. Когда первый испугъ прошелъ, то онъ снова вернулся къ своему первоначальному плану и пригласилъ въ министерство Гассенпфлуга, безсовѣстнаго честолюбца, который однажды уже принужденъ былъ оставить свое отечество и искать счастья въ Пруссіи (февраль 1850 г.).

Гассенпфлугъ сознательно искалъ конфликта съ палатами и отказался представить имъ бюджетъ. Гессенцы—народъ упорный и склонный къ крючкотворству; либералы, которые имѣли всѣ основанія не довѣрять своимъ государямъ, очень ловко составили конституцію. Курфюрстъ приказалъ чиновникамъ взимать налоги вопреки запрещенію парламента; когда суды запретили имъ дѣлать это, и чиновники повиновались, то курфюрстъ прибѣгнулъ къ военной экзекуціи: тогда 241 офицеръ подали въ отставку.

Фридрихъ-Вильгельмъ поспѣшилъ во Франкфуртъ, чтобы просить у Союза помощи противъ своихъ подданныхъ; его просьба была немедленно принята, и австро-баварскій корпусъ готовился уже вступить въ гессенскіе предѣлы. Но Радовицъ протестовалъ противъ этого намѣренія самымъ рѣшительнымъ образомъ. Пруссія не признавала Франкфуртскаго Сейма, а слѣдовательно не считала его вправѣ принимать законныя резолюціи; главнымъ же образомъ она не считала возможнымъ допустить вступленіе австрійской арміи въ область, географически и исторически связанную съ ея политикой, и позволить чужеземнымъ батальонамъ водвориться въ самомъ сердцѣ монархіи, между рейнскими провинціями и столицей.

Споръ обострился еще вопросомъ о Гольштиніи. Инсургенты, оффиціально оставленные Пруссіей на произволъ судьбы, отказались подчиниться; статья 4 Берлинскаго трактата позволяла Даніи „требовать вмѣшательства Германскаго Союза для осуществленія своей законной власти въ герцогствѣ“. Австрія обѣщала ей свое содѣйствіе, тогда какъ прусское правительство, не рѣшаясь открыто принять сторону бунтовщиковъ, придумывало всевозможныя формальныя затрудненія, дававшія инсургентамъ возможность продолжать сопротивленіе.

Николай былъ крайне недоволенъ; графъ Бранденбургъ поѣхалъ въ Варшаву, чтобы постараться его успокоить. Зибель, который при составленіи своей „Исторіи основанія Германской Имперіи“ имѣлъ возможность пользоваться берлинскими архивами, доказалъ, что легенда, представляющая этого министра искупительной жертвой королевской слабости и повѣствующая о томъ, что онъ умеръ отъ горя вслѣдствіе униженія, постигшаго его отечество, ровно ни на чемъ не основана. Принимая условія, поставленныя ему царемъ, Бранденбургъ не приносилъ никакой жертвы. Онъ чувствовалъ къ гольштинцамъ или гессенцамъ не больше симпатіи, чѣмъ самъ король, и не придавалъ никакого значенія Уніи, въ кото-

рую входило нѣсколько мелкихъ государствъ; рисковать войной изъ-за какого-нибудь формальнаго вопроса, да притомъ еще при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, онъ считалъ безуміемъ. Но что бы ни говорилъ Зибель, нельзя отрицать, что такое подчиненіе приказаніямъ иностраннаго государя нѣсколько унизительно. Несомнѣнно, что для Пруссіи выгоднѣе было столковаться непосредственно съ Шварценбергомъ нѣсколькими мѣсяцами раньше.

У царя не было никакихъ основаній для личной непріязни къ Бранденбургу, и весьма вѣроятно, что онъ старался ослабить горечь положенія, въ которое попалъ прусскій министръ; онъ не хотѣлъ придавать дѣлу особенной огласки, но онъ ясно далъ понять, что, если Пруссія будетъ по прежнему косвенно поддерживать гольштинскихъ или гессенскихъ революціонеровъ, то онъ не поколеблется поддержать Австрію; такимъ образомъ онъ фактически требовалъ отъ Пруссіи признанія Франкфуртскаго Сейма и принуждалъ Фридриха-Вильгельма отказаться отъ всѣхъ своихъ проектовъ относительно Германіи. Францъ-Іосифъ прибылъ въ Варшаву со своимъ министромъ: увѣренные въ расположеніи Россіи, они выказали полную несговорчивость по всѣмъ существеннымъ пунктамъ (28 октября 1850 года), и Бранденбургъ выѣхалъ обратно въ Берлинъ съ тѣмъ, чтобы убѣдить своихъ коллегъ и короля согласиться на уступки, которыя, по его мнѣнію, необходимо было сдѣлать.

Въ Берлинѣ господствовало сильнѣйшее возбужденіе. Радовицъ готовъ былъ на полный разрывъ; Фридрихъ-Вильгельмъ искалъ средняго пути: онъ хотѣлъ соблюсти достоинство и свалить на своихъ министровъ отвѣтственность за эти тягостныя рѣшенія; даже и въ этотъ моментъ онъ не относился серьезно къ угрозамъ Шварценберга, обманывалъ себя насчетъ истиннаго настроенія царя и надѣялся утомить своихъ противниковъ и такимъ образомъ вырвать у нихъ нѣкоторыя уступки. Но этотъ закоснѣлый оптимизмъ долженъ былъ привести только къ болѣе громкому пораженію. Бранденбургу не стоило особаго труда доказать, что разъ рѣшено принять условія Австріи въ основныхъ пунктахъ, то не имѣетъ никакого смысла ставить на карту существованіе монархіи изъ-за формальныхъ тонкостей и самолюбія.

Въ засѣданіи совѣта 2 ноября большинство, несмотря на энергическое сопротивленіе наслѣднаго принца, отклонило мобилизацію и приняло составленный въ очень примирительномъ духѣ проектъ ноты для посылки Шварценбергу: Пруссія отказывалась отъ Уніи и въ принципѣ не противилась союзной экзекуціи въ Гессенѣ, настаивая лишь на извѣстныхъ гарантіяхъ. Король съ несвойственной ему конституціонной корректностью, которая въ его умѣ далеко не означала полнаго отказа отъ новаго поворота, склонился передъ рѣшеніемъ большинства. Радовицъ подалъ въ отставку, а Бранденбургъ удалился для того, чтобы составить ноту. Волненія и утомленіе послѣднихъ дней расшатали его здоровье; состояніе его быстро ухудшалось, началась агонія, и, не приходя въ сознаніе, онъ скончался въ ноябрѣ 1850 года.

Ольмюцское униженіе.—Трагическая кончина Бранденбурга усилила общественное волненіе и произвела, повидимому, нѣкоторое впечатлѣніе на короля, который усмотрѣлъ въ ней перстъ Божій и вернулся къ воинственнымъ проектамъ. По своей обычной тактикѣ онъ старался отвоевать шагъ за шагомъ потерянную почву; прусскія войска по прежнему стояли въ Гессенѣ лицомъ къ лицу съ союзнымъ корпусомъ и преграждали ему дорогу. Такимъ образомъ никогда разрывъ не казался болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ въ тотъ моментъ, когда спорящія сто-

роны пришли къ соглашенію относительно большей части спорныхъ пунктовъ (ноябрь 1850 г.). Шварценбергъ лишь съ крайней неохотой согласился на компромиссъ, который оставлялъ вещи въ прежнемъ положеніи и давалъ Пруссіи возможность вернуться къ своимъ проектамъ при первомъ удобномъ случаѣ; министры мелкихъ дворовъ, въ особенности Бейстъ, толкали его къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ; противорѣчивая политика берлинскаго кабинета, который украшалъ цвѣтами дружественныхъ протестовъ и смиренныхъ просьбъ свое непобѣдимое упорство, окончательно вывела его изъ терпѣнія. Впрочемъ, онъ былъ увѣренъ, что въ рѣшительный моментъ Фридрихъ-Вильгельмъ отступитъ, и поэтому онъ съ нимъ не церемонился; посылаемыя имъ ноты составлялись все въ болѣе высокомѣрныхъ и настойчивыхъ выраженіяхъ, при чемъ онѣ подкрѣплялись передвиженіемъ военныхъ силъ.

Въ виду дѣятельныхъ вооруженій Австріи и враждебной назойливости Баваріи и Саксоніи, Мантейфель, сдѣлавшійся президентомъ прусскаго кабинета по смерти Бранденбурга, отдалъ приказъ о мобилизаціи прусской арміи, продолжая, впрочемъ, заявлять во всеуслышаніе, что онъ не преслѣдуетъ никакихъ враждебныхъ намѣреній. Но Шварценбергъ, который ничуть въ этомъ не сомнѣвался, началъ только дѣйствовать еще болѣе рѣшительно и потребовалъ отъ Фридриха-Вильгельма, чтобы союзному корпусу въ Гессенѣ открытъ былъ свободный пропускъ. Командиру прусскихъ войскъ въ Гессенѣ даны были самыя мирныя инструкціи, „въ виду уваженія, которое прусское правительство должно оказать русскому правительству“. Ему не удалось предупредить небольшой стычки при Бронзеллѣ (8 ноября); но офицеры успѣли прекратить сраженіе, а крайне взволнованный Мантейфель поспѣшилъ дать Шварценбергу рѣшительныя доказательства своей доброй воли; онъ заявилъ тѣмъ государямъ, которые остались вѣрны Пруссіи, что она отказывается отъ своихъ объединительныхъ проектовъ, и высказалъ сожалѣніе по поводу стычки при Бронзеллѣ.

„Мы добились полной побѣды,—писалъ австрійскій посланникъ въ Берлинѣ, Прокешъ-Остенъ. — Здѣшнее правительство находится въ самомъ затруднительномъ положеніи; его фіаско настолько колоссально, что притворство никого не обманываетъ“. Но даже и въ этотъ моментъ король, „самымъ настойчивымъ образомъ просившій Шварценберга дать ему возможность явиться передъ палатами“, оговаривалъ свои права и обратился къ прусскому парламенту съ воинственнымъ посланіемъ: „онъ никому не угрожалъ, но требовалъ такого устройства Германіи, которое соотвѣтствовало бы положенію Пруссіи въ общемъ концертѣ державъ“. Доведенный до крайности и увлекаемый своими союзниками, Шварценбергъ отвѣтилъ ультиматумомъ, въ которомъ онъ заявилъ, что экзекуціонный корпусъ дольше ждать не можетъ, и спрашивалъ, данъ ли Гребену приказъ очистить ему дорогу?

Шварценбергъ требовалъ отвѣта въ 48-часовой срокъ. Припертый къ стѣнѣ король приказалъ Мантейфелю попросить у Шварценберга свиданія, а такъ какъ послѣдній, совершенно справедливо видѣвшій въ этой конференціи новую попытку проволочки, не спѣшилъ дать своего согласія на просимое свиданіе и не торопился отвѣчать на получаемыя изъ Берлина депеши, то прусскій министръ, по приказу своего повелителя, отправился наудачу въ Ольмюцъ; здѣсь онъ встрѣтился съ княземъ Шварценбергомъ, который поѣхалъ въ Ольмюцъ противъ своей воли, по формальному желанію Франца-Іосифа (28 ноября). Посолъ Фридриха-Вильгельма находился въ крайне скверномъ положеніи для веденія пере-

говоровъ, и продиктованныя ему условія нельзя назвать славными: Пруссія не должна была впредь оказывать никакого сопротивленія союзной экзекуціи въ Гессенѣ, оставить на произволъ судьбы инсуррекціонное Гольштинское правительство и поставить свою армію на мирную ногу; въ награду за эти уступки ей было обѣщано созвать въ Дрезденѣ конференцію, которая займется обсужденіемъ союзной реформы.

Ольмюцское соглашеніе вызвало въ Пруссіи взрывъ яростнаго негодованія. „Новая Пруссія похоронена", — писала жена наслѣднаго принца, принцесса Августа. „Въ нашей исторіи нельзя найти ничего подобнаго,—писалъ Бунзену графъ Пурталесъ,—во всемъ этомъ есть нѣчто столь подавляющее, что я никакъ не могу подобрать ему подходящаго названія". Повсюду говорили о новой Іенѣ. „Неудача какого-нибудь плана всегда связана съ непріятнымъ чувствомъ,—сказалъ Мантейфель въ прусскомъ парламентѣ, — но на сильныхъ и на слабыхъ людей она производитъ неодинаковое впечатлѣніе. Сильный человѣкъ отступаетъ на одинъ шагъ, но не упускаетъ изъ виду конечной цѣли и старается отыскать другія средства для ея достиженія". Но эти неопредѣленныя утѣшенія не убѣдили большинства, и пришлось отсрочить засѣданія палаты.

Старо-прусская партія гораздо скорѣе примирилась съ этой неудачей, которая закрѣпляла пораженіе революціи. „Прусская армія,—отвѣчалъ Бисмаркъ ораторамъ, нападавшимъ на Ольмюцскій договоръ,—не нуждается въ томъ, чтобы представить новыя доказательства своего мужества. Честь Пруссіи, я глубоко въ этомъ убѣжденъ, вовсе не требуетъ, чтобы она сыграла въ Германіи роль Донъ-Кихота". Что же касается короля, то онъ былъ чрезвычайно доволенъ возобновленіемъ дружественныхъ отношеній съ вѣнскимъ дворомъ и продолжалъ глядѣть въ будущее съ довѣріемъ. Князь Шварценбергъ, весьма огорченный тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ рукъ его ускользнула вѣрная, какъ ему казалось, побѣда, нисколько не щадилъ его иллюзій, и тонъ его депешъ отнюдь не отличался примирительнымъ духомъ: „Всѣ даваемыя газетами оффиціальныя объясненія производятъ жалкое впечатлѣніе, — писалъ онъ 19 декабря.—Въ нихъ нѣтъ ни искренности, ни честности, и все сводится къ хотѣнію и нехотѣнію, возможности и невозможности... Если въ Берлинѣ будутъ продолжать говорить на различныхъ языкахъ, подавать одну реплику направо, а другую налѣво, то скоро не замедлитъ обнаружиться, что установившееся согласіе носитъ чисто внѣшній характеръ". Онъ рѣзко напалъ на слова Мантейфеля, который пытался ослабить дурное впечатлѣніе, произведенное Ольмюцскимъ договоромъ: „Австрія, — говорилъ онъ въ оглашенномъ циркулярѣ къ своимъ агентамъ,—Австрія хотѣла показать, что ей претитъ воспользоваться своими громадными преимуществами для униженія Пруссіи, но она ни въ чемъ не пожертвовала ни своей собственной федеральной политикой, ни политикой своихъ союзниковъ"; дальше онъ разсказывалъ о растерянности, господствовавшей при прусскомъ дворѣ, о „сумасшедшихъ депешахъ" Мантейфеля, объ его быстромъ отъѣздѣ на конференцію, добиться которой онъ не надѣялся: „Императоръ, мой августѣйшій повелитель, не счелъ возможнымъ отвергнуть столь скромно формулированную просьбу".

Дрезденская конференція и возвращеніе къ старому порядку.—Эти безтактныя выходки нельзя объяснить однимъ деспотическимъ характеромъ австрійскаго министра; онъ испытывалъ потребность щеголять своей побѣдой потому, что чувствовалъ ея неполноту и неувѣренность. Пруссія, принужденная отказаться отъ своихъ проектовъ, избѣжала катастрофы

и осталась достаточно могущественной для того, чтобы внушать уваженіе своимъ врагамъ; мелкіе государи, возстановленные противъ Шварценберга, котораго они упрекали въ томъ, что онъ помѣшалъ имъ вполнѣ удовлетворить жгучее чувство мести, скоро вернулись къ своей прежней политикѣ золотой середины и стремились главнымъ образомъ къ установленію обезпечивавшаго ихъ независимость равновѣсія между обѣими великими державами.

На Дрезденской конференціи (23 декабря 1850 г.) они инстинктивно сгруппировались вокругъ прусскаго делегата Альвенслебена, который требовалъ полнаго возвращенія къ условіямъ прежняго Союза. Шварценбергъ предлагалъ учредить исполнительную директорію съ довольно широкими полномочіями, въ которой Австрія съ увѣренностью разсчитывала на большинство; онъ хотѣлъ, чтобы въ Союзъ допущены были всѣ провинціи австрійской монархіи; такимъ образомъ, въ случаѣ нападенія со стороны какой-нибудь иностранной державы, Австрія была бы поддержана Германіей. Мантейфель отнесся съ высокомѣріемъ къ этимъ предложеніямъ: по его словамъ, Пруссія готова была согласиться на подобную реформу лишь въ томъ случаѣ, если ей предоставлено будетъ совмѣстно съ Австріей президентство во Франкфуртскомъ Союзномъ Сеймѣ. Пруссія понимала, что въ этомъ вопросѣ она можетъ разсчитывать на поддержку Европы.

Царь, который въ то время замышлялъ нападеніе на Турцію и опасался противодѣйствія со стороны Австріи, ничуть не былъ заинтересованъ въ преобладающемъ положеніи ея въ Германскомъ Союзѣ; онъ отрицательно относился къ внутренней политикѣ австрійскаго правительства, находилъ, что она не считается съ его совѣтами, и полагалъ, что Австрія, столь многимъ ему обязанная, собирается обнаружить по отношенію къ нему самую черную неблагодарность. Западныя державы заволновались, а французское правительство представило меморандумъ, въ которомъ оно, ссылаясь на трактаты 1815 года, самымъ энергическимъ образомъ высказалось противъ замысловъ вѣнскаго двора. Не менѣе рѣшительно настроена была Англія, гдѣ принцъ Альбертъ былъ убѣжденнымъ противникомъ Австріи.

Шварценбергъ долженъ былъ скоро признать, что ему не удастся убѣдить большинства, и съ грустью закрылъ конференцію. Въ дѣлѣ преобразованія союзнаго устройства онъ такъ же мало добился успѣха, какъ и Франкфуртскій Парламентъ или Пруссія. Объединительныя попытки всѣ безъ исключенія разбились о невозможность примиренія соперничающихъ честолюбивыхъ стремленій, равно какъ о партикуляристическія тенденціи государей и народовъ и о недовѣріе Европы. 13 іюня 1851 года Союзный Сеймъ, благодаря вступленію послѣдняго упорствующаго государства, княжества Вальдекъ, оказался въ полномъ составѣ и снова приступилъ къ своимъ обычнымъ засѣданіямъ.

Гофбургъ старался взять реваншъ въ другой области: срокъ Таможеннаго Союза истекалъ 1 января 1854 года, и вѣнскій кабитетъ надѣялся помѣшать его возобновленію; въ ожиданіи внутреннихъ преобразованій, которыя впослѣдствіи должны были позволить Австріи вступить въ Цоллферейнъ, австрійское правительство выразило желаніе заключить съ Таможеннымъ Союзомъ торговый договоръ, сводившійся къ тому, что впредь тарифныя ставки могли измѣняться только по соглашенію обѣихъ договаривающихся сторонъ. Это равносильно было лишенію Пруссіи той гегемоніи, которой она до тѣхъ поръ пользовалась въ Цоллферейнѣ, причемъ въ данномъ вопросѣ Шварценбергъ имѣлъ на своей сторонѣ второстепенныя нѣмецкія государства, кото-

рыя съ величайшей охотой готовы были сбросить съ себя опасное иго вассальныхъ отношеній. Но Пруссія съ большимъ искусствомъ разстроила планъ Шварценберга; она заключила договоръ съ *Steuerverein*'омъ (Ганноверъ, Ольденбургъ и Шаумбургъ-Липпе), которымъ во всѣхъ случаяхъ обезпечивались свободныя сообщенія между обѣими частями прусскаго королевства. Южно-германскія государства метали громы и молніи, созывали одну конференцію за другой и угрожали соединиться съ Австріей, которая предлагала имъ заключить съ ними таможенный союзъ.

Пруссія отнеслась къ этой бурѣ съ величайшимъ хладнокровіемъ: распущеніе Цоллферейна грозило подорвать бюджеты всѣхъ мелкихъ государей; они требовали отъ Австріи гарантіи тѣхъ доходовъ, которые они рисковали потерять, а такъ какъ для Австріи эта гарантія равносильна была пожертвованію 50.000.000 франковъ, то она отступила передъ перспективой такого расхода. Да и безъ того ей не легко было бы склонить ихъ къ такой перемѣнѣ фронта, которая способна была рѣзко нарушить интересы и привычки населенія этихъ государствъ. Пруссія, благодаря договору съ Ганноверомъ, держала въ своихъ рукахъ устья большихъ германскихъ рѣкъ и сѣверные и сѣверо-восточные торговые пути, такъ что государства центральной Германіи цѣликомъ находились въ ея власти.

Вся ловкость и вся энергія Шварценберга ничего не могли подѣлать съ этими соображеніями. Послѣ его скоропостижной смерти (5 апрѣля 1852 года) преемникъ его графъ Буоль - Шауенштейнъ счелъ благоразумнымъ прекратить этотъ споръ, въ которомъ онъ не могъ разсчитывать на побѣду, а 8 апрѣля 1853 года Таможенный Союзъ былъ возобновленъ на 12 лѣтъ: теперь онъ обнималъ 9.046 квадратныхъ миль, на которыхъ жило 35.000.000 человѣкъ.

Если Пруссіи, благодаря ошибкамъ короля, и не удалось объединить Германію подъ своей гегемоніей, то въ концѣ-концовъ она вышла изъ кризиса съ бо̀льшими силами. Униженіе, которое ей пришлось испытать, не пошатнуло ея вѣры въ свое будущее, а оставило только въ сердцахъ жгучее желаніе реванша и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснило необходимость военной реформы, которая должна была подготовить страну къ рѣшительной войнѣ. Съ своей стороны, сторонники національнаго единства убѣдились, что безъ союза съ Пруссіей они безсильны, а для снисканія этого союза они готовы были согласиться на какія угодно условія; паденіе демократической партіи избавило ихъ отъ опасныхъ конкуррентовъ, а въ то же время малодушіе и мелочный деспотизмъ мелкихъ государей ослабляли тѣ узы, которыя связывали народы съ мѣстными династіями.

Возстановленный Франкфуртскій Сеймъ немедленно принялся съ лихорадочнымъ жаромъ за истребленіе всѣхъ слѣдовъ революціи. 23 августа 1851 года онъ отмѣнилъ „основныя права" нѣмцевъ и пригласилъ „правительства безотлагательно принять необходимыя мѣры для устраненія изъ дѣйствующаго законодательства тѣхъ постановленій, которыя не согласны съ союзными законами или противорѣчатъ цѣли Союза". Повсюду новыя конституціи были отмѣнены; тѣмъ государямъ, которые не рѣшались такъ безсовѣстно нарушить данныя ими своимъ подданнымъ обѣщанія, грозили союзной экзекуціей, такъ что имъ пришлось съ бо̀льшей или меньшей готовностью подчиниться требованіямъ Сейма. На прессу надѣтъ былъ намордникъ, право союзовъ введено въ самые тѣсные предѣлы, а правительственное давленіе повсюду обезпечило избраніе послушнаго парламентскаго большинства. Для борьбы съ духомъ времени правительства обратились къ содѣйствію церкви, заключили

конкордаты съ Римской куріей, въ пользу которой отказывались отъ всѣхъ правъ свѣтскаго государства, и начали поддерживать мелочную и нетерпимую ортодоксію. Нигдѣ реакція не приняла болѣе рѣзкой формы, чѣмъ въ Гессенъ-Касселѣ, гдѣ населеніе подвергнуто было настоящему режиму террора.

Эти репрессивныя мѣры ясно показали, какимъ сильнымъ страхомъ охвачены были монархическія правительства. Они съ недовѣріемъ смотрѣли на будущее и чувствовали, что ихъ положеніе вполнѣ зависитъ отъ какой-нибудь непредвидѣнной случайности. А всѣ ихъ усилія, направленныя къ предупрежденію этой случайности, только возстановляли противъ нихъ населеніе и лишь приближали наступленіе катастрофы.

Глава IV.

Революція и Реакція въ Австріи.

1848—1859.

I.—Революція (1848—1849).

Революція въ Вѣнѣ.— Первыя извѣстія о февральскихъ событіяхъ въ Парижѣ получены были въ Вѣнѣ 29 февраля 1848 года. Полиція по обыкновенію думала покончить съ волненіемъ, хватая направо и налѣво всѣхъ, кто заговаривалъ на улицѣ объ этомъ опасномъ предметѣ. Но на этотъ разъ немедленно началась оппозиціонная кампанія. Книготорговцы подали петицію, въ которой они требовали, чтобы австрійская цензура перестала относиться къ печатному слову строже римскаго Индекса. Студенты подавали адреса въ пользу свободы слова, печати и преподаванія. Съѣздъ Промышленнаго общества Нижней Австріи въ скрытыхъ выраженіяхъ представилъ своему покровителю, эрцгерцогу Францу-Карлу, брату императора, политическія пожеланія торгово-промышленныхъ слоевъ. Политико-юридическій клубъ, бывшій сборнымъ пунктомъ вѣнской интеллигенціи, также подалъ петицію; адвокатъ Александръ Бахъ составилъ извѣстную программу либеральной буржуазіи, требовавшую отмѣны цензуры, публичнаго судопроизводства, учрежденія національнаго представительства и подписанную, между прочимъ, нѣкоторыми высокими сановниками. Члены императорской семьи и вліятельные придворные совѣтовали сдѣлать нѣкоторыя уступки общественному мнѣнію. Но когда прошелъ первый страхъ, то конференція министровъ снова воспрянула духомъ, такъ какъ правительство считало вѣнцевъ неспособными къ революціи. 8 марта Меттернихъ сообщилъ президенту Союза Книгопродавцевъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль онъ не сможетъ заняться разсмотрѣніемъ ихъ петиціи.

„Революція назначена на 13 марта". Эта фраза, наполовину ироническая, наполовину выражавшая смутныя надежды, и ходившая въ политическихъ кружкахъ, была характерна для тѣхъ ожиданій, которыя возлагались на чиновъ нижне-австрійскаго сейма, созваннаго на 13-ое число. Авторы петицій, не полагаясь на собственныя силы, хотѣли довѣрить судьбу своихъ ходатайствъ „конституціонному выразителю народныхъ желаній". Толпа, собравшаяся сначала передъ домомъ засѣданій земскихъ чиновъ и въ прилегающихъ дворахъ, но скоро возбужденная рѣчами импровизированныхъ ораторовъ, волнуемая слухами о заговорѣ и извѣстіемъ о приближеніи войска, ворвалась въ

Залы Дворца. Только тогда земскіе чины согласились отправиться къ императору и сообщить ему о требованіяхъ народа. Въ то время, какъ они шли въ императорскій дворецъ, войска эрцгерцога Альберта, толкаемыя, тѣснимыя, раздраженныя ругательствами и наконецъ бомбардируемыя изъ оконъ, открыли огонь. Толпа разбѣжалась по дальнимъ кварталамъ, разсказывая повсюду о произведенномъ побоищѣ, и увлекла рабочихъ въ инсуррекціонное движеніе.

Тѣмъ временемъ во дворцѣ конференція министровъ, со всѣхъ сторонъ осаждаемая делегаціями, Университетомъ, земскими чинами и буржуазіей, соглашается на провозглашеніе свободы печати и учрежденіе гражданской гвардіи. Меттернихъ, увидавши наконецъ воочію, каковы истинныя народныя чувства, выходитъ въ отставку. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія (14 марта генералъ князь Виндишгрецъ облеченъ былъ диктаторской властью) дворъ рѣшительно пошелъ на уступки: 15 марта императорское воззваніе обѣщало жителямъ Вѣны созывъ учредительнаго собранія „въ цѣляхъ конституціоннаго устройства отечества“.

Революція въ австрійскихъ провинціяхъ.— Вѣна играла роль центра только для нѣмецкихъ провинцій Австріи, и только въ этихъ провинціяхъ вѣнскія событія дали толчокъ къ революціонному движенію, не представлявшему, впрочемъ, особенно серьезнаго значенія.

Въ Галиціи воспоминанія 1846 года и врожденная ненависть крестьянъ къ панамъ предохранили австрійскую администрацію отъ серьезныхъ замѣшательствъ. Польская аристократія и не думала воспользоваться паденіемъ Меттерниха и воспослѣдовавшей за нимъ анархіей, а поспѣшила укрыться въ городахъ отъ грозныхъ мужицкихъ косъ.

Напротивъ, въ Богеміи, гдѣ фрондирующее дворянство, либеральная нѣмецкая буржуазія и масса чешскаго народа совмѣстно боролись противъ Меттерниховской системы, революціонное движеніе съ самаго начала приняло довольно оригинальную форму. По полученіи извѣстій о парижскихъ событіяхъ и объ отраженномъ ихъ дѣйствіи на Германію, въ Прагѣ составился національный комитетъ; народное собраніе, созванное на 11 марта, безъ преній рѣшило послать въ Вѣну петицію, требовавшую свободы собраній, учрежденія національной гвардіи, отмѣны феодальныхъ повинностей и кромѣ того (въ очень туманныхъ выраженіяхъ) болѣе тѣснаго сліянія Богеміи, Моравіи и Силезіи, этихъ трехъ областей короны святого Вячеслава.

Но вмѣсто ожидаемой тріумфальной встрѣчи, делегація, вернувшаяся съ благопріятнымъ отвѣтомъ правительства, натолкнулась въ Прагѣ на почти враждебный пріемъ. Въ ея отсутствіе движеніе приняло демократическій характеръ и въ силу того, что низшіе классы населенія состояли главнымъ образомъ изъ чеховъ,—болѣе рѣзкую національную окраску. Въ Вѣну послана была вторая петиція, которая требовала особаго министерства для Богеміи, отвѣтственнаго передъ мѣстнымъ ландтагомъ, широкой законодательной и административной автономіи, права для богемскаго сейма разсмотрѣть будущую австрійскую конституцію для согласованія ея постановленій съ интересами провинціи, и, наконецъ, полнаго равенства чешскаго и нѣмецкаго языковъ. Императорскій указъ отъ 8 апрѣля удовлетворилъ всѣ эти требованія.

Въ Вѣнѣ чрезмѣрныя требованія чеховъ и интриги Пруссіи въ Германскомъ Союзѣ вызвали реакцію нѣмецко-національнаго чувства. Вѣна хотѣла остаться столицей Австріи и снова сдѣлаться столицей Германіи; поэтому ее возмущали и сепаратистскія стремленія Богеміи, этого „лена Германской Имперіи“, и притязанія Фридриха-Вильгельма IV на гегемонію въ

Германіи. Жители Вѣны противопоставляли берлинскому „палачу“ добраго Фердинанда, который „не позволяетъ стрѣлять въ вѣнцевъ“; воспоминанію о Фридрихѣ II—воспоминаніе о Іосифѣ II; узурпаторскимъ замашкамъ Гогенцоллерновъ—права Габсбурговъ. 2 апрѣля громадное черно-красно-золотое знамя, символъ новой Германіи, взвилось на колокольнѣ собора св. Стефана. Скоро имперскіе цвѣта, черный и желтый, начали преслѣдоваться въ Вѣнѣ, тогда какъ въ Прагѣ населеніе демонстративно выставляетъ ихъ на показъ и открываетъ гоненіе на трехцвѣтное нѣмецкое знамя.

Революція въ Венгріи. Законы 1848 года.— Собравшійся въ ноябрѣ 1847 года въ Пресбургѣ сеймъ очутился лицомъ къ лицу передъ совершенно новымъ правительствомъ. Палатинъ эрцгерцогъ Іосифъ скончался нѣсколькими мѣсяцами раньше; Герцогъ Аппоньи, замѣнившій Антонія Майлата въ должности канцлера двора, убѣдилъ своего друга Сечени также поступить на государственную службу. Можно было ожидать отъ правительства, что оно обнаружитъ отнынѣ больше пониманія истинныхъ нуждъ страны и приметъ болѣе положительную программу, чѣмъ до тѣхъ поръ. Но за истекшій періодъ требованія оппозиціи также возросли. Тронная рѣчь встрѣчена была съ энтузіазмомъ, такъ какъ на этотъ разъ она впервые произнесена была на мадьярскомъ языкѣ. Но оппозиціи нужны были болѣе серьезныя уступки; она открыто требовала соблюденія конституціонной самостоятельности Венгріи и установленія парламентскаго образа правленія.

3 марта Кошутъ, вмѣшавшись въ дебаты относительно Банка, поставилъ вопросъ съ надлежащей опредѣленностью: язва, разъѣдающая нашъ организмъ,— сказалъ онъ,— постоянная опасность, угрожающая нашимъ вольностямъ,—это австрійскій абсолютизмъ; мы должны одновременно требовать: для Венгріи—національнаго правительства и отвѣтственнаго министерства, а для другихъ областей, находящихся подъ властью императора,—введенія конституціонныхъ учрежденій.

Магнаты, опасаясь за цѣлость своихъ политическихъ и соціальныхъ привилегій, пытались всячески затянуть рѣшеніе этихъ вопросовъ. Но ихъ сопротивленіе было сломлено извѣстіями изъ Праги, Вѣны и Пешта, гдѣ національно-радикальная агитація принимала съ каждымъ днемъ все болѣе угрожающій характеръ. Въ то время какъ въ Вѣну послана была депутація, которой поручено было предъявить правительству принятыя въ концѣ концовъ сеймомъ требованія, Кошутъ, не дожидаясь ея результатовъ, нанесъ послѣдній ударъ старой аристократической конституціи. Время не ждетъ,—говорилъ онъ,—намъ нечего дожидаться согласія магнатовъ; достаточно, если мы сообщимъ имъ наши рѣшенія. Увлеченная его рѣчами нижняя палата почти безъ преній декретировала равномѣрное распредѣленіе налоговъ и отмѣну (посредствомъ выкупа) феодальныхъ повинностей—залогъ новой эпохи въ Венгерской исторіи.

Вѣнскій дворъ 16 марта въ принципѣ согласился удовлетворить всѣ требованія сейма. Но потребовались еще новые переговоры и угрозы для того, чтобы убѣдить его, что времена голословныхъ заявленій прошли безвозвратно, и что данныя обѣщанія должны быть сдержаны. Только 30 марта дворъ сдался окончательно. Венгрія получила права сувереннаго государства, съ той оговоркой, что она должна была принимать участіе въ расходахъ на содержаніе двора и дипломатическаго корпуса, а императору предоставлялось право распоряжаться арміей въ случаѣ войны. Австрійское министерство, представлявшее цислейтанскія провинціи, которыя за протекшія вѣка так-

же заслужили нѣкоторое право быть выслушанными въ такомъ дѣлѣ, узнало только изъ разговоровъ въ публикѣ о соглашеніи, состоявшемся между Венгерскимъ королемъ и венгерской націей.

10 апрѣля Фердинандъ, окруженный блестящей свитой, явился для того, чтобы закрыть сессію сейма и придать свою санкцію органическимъ законамъ новой Венгріи. Конституціонная реформа, выразившаяся въ учрежденіи отдѣльнаго и отвѣтственнаго министерства, въ полномъ сліяніи съ Трансильваніей, ежегодномъ созывѣ сейма, въ расширеніи избирательнаго права (въ принципѣ—всеобщаго), въ свободѣ печати и введеніи суда присяжныхъ; національная реформа, выразившаяся въ признаніи мадьярскаго языка единственнымъ государственнымъ языкомъ; соціальная реформа, выразившаяся въ отмѣнѣ феодальныхъ повинностей и установленіи равенства всѣхъ гражданъ въ податной области,—таковы были результаты послѣдняго сейма, засѣдавшаго въ Пресбургѣ. Отнынѣ національная столица, Пештъ, объявлена была мѣстопребываніемъ сейма, превращеннаго изъ съѣзда комитатскихъ делегатовъ въ парламентъ, состоящій изъ народныхъ представителей.

Политика вѣнскаго двора.—Старая Австрія продолжала существовать только въ лицѣ династіи, а лойялизмъ вѣрноподданныхъ замѣнялъ австрійскій патріотизмъ. Революція, давшая свободный выходъ національнымъ стремленіямъ, вызвала повсюду столкновеніе между національнымъ патріотизмомъ (чешскимъ и нѣмецкимъ и т. д.) и лойялизмомъ. Въ 1848 году австрійцы въ смыслѣ прежней Австріи сохранились только среди знатныхъ родовъ, связанныхъ съ династіей, и въ арміи (императорскій офицерскій корпусъ). Но зато при дворѣ и въ арміи вѣра въ будущность Австріи не была поколеблена ни на іоту; для нихъ на первомъ планѣ стояло могущество австрійскаго государственнаго дома, основанное на преобладающемъ вліяніи въ Италіи и Германіи, особенно въ Италіи. И прежде всего дѣло шло о возвращеніи этого вліянія.

Военный министръ Байе-Латуръ, аристократъ и солдатъ, вывелъ изъ Вѣны войска, несмотря на угрозы революціонеровъ, для того чтобы усилить армію Радецкаго, отъ котораго въ то время зависѣла судьба имперіи. Въ ожиданіи того момента, когда арміи удастся покорить Италію, австрійская дипломатія старалась обмануть Германію: взрывъ національно-нѣмецкаго чувства въ Вѣнѣ, взрывъ, который правительство въ глубинѣ души осудило, на самомъ дѣлѣ служилъ его разсчетамъ. Нота 21 апрѣля выговариваетъ для Австріи право подвергать разсмотрѣнію съ точки зрѣнія своихъ интересовъ рѣшенія будущаго обще-германскаго парламента, прежде чѣмъ признать за ними силу закона на австрійской территоріи; но вопреки протестамъ чеховъ Пиллерсдорфъ велѣлъ произвести выборы во Франкфуртскій Парламентъ, такъ какъ Австрія должна же была имѣть тамъ своихъ представителей. Въ теченіе всего этого періода внѣшняя политика идетъ по твердо намѣченному пути и является цѣлью, которой внутренняя политика служитъ какъ средство.

Торжество демократіи въ Вѣнѣ.—Изъ всѣхъ уступокъ, сдѣланныхъ правительствомъ 13 марта вѣнскому населенію, послѣднее больше всего дорожило вооруженіемъ студентовъ и буржуазіи. Быстро сорганизовавшійся Академическій Легіонъ и національная гвардія, не довольствуясь игрой въ солдатики, основали политическіе комитеты, которые начали вмѣшиваться во всѣ общественныя и частныя дѣла; особенно важную роль игралъ студенческій комитетъ, къ которому народъ обращался за совѣтами по всевозможнымъ вопросамъ. Сами мини-

стры не столько зависѣли отъ двора, сколько отъ „Аулы“ (такъ назывались студенческія сходки) и отъ народной массы.

Графъ Тааффе, министръ юстиціи и авторъ не понравившагося Университету закона о печати, вышелъ въ отставку. Графъ Фикельмонтъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, считавшійся русскимъ агентомъ, долженъ былъ уйти послѣ устроеннаго ему народомъ кошачьяго концерта. Изъ всѣхъ министровъ (въ большинствѣ случаевъ пережитки стараго режима) общественнымъ довѣріемъ пользовался только Пиллерсдорфъ, который завѣдывалъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и вообще всѣми политическими дѣлами, но именно это довѣріе дѣлало его жертвой подозрѣній и интригъ со стороны камарильи. Отвѣтственное положеніе при отсутствіи инціативы и свободы дѣйствій скоро ему опротивѣло, но онъ оставался на своемъ посту изъ чувства преданности династіи и въ виду невозможности подыскать ему преемника.

25 апрѣля онъ обнародовалъ первую австрійскую конституцію, составленную по бельгійскому образцу съ двухпалатнымъ парламентомъ, избираемымъ на основѣ косвенныхъ выборовъ и цензитарной системы. Дѣйствіе этой конституціи не распространялось ни на Венгрію, ни на Ломбардо-Венеціанскую область; но кромѣ того Богемія, во имя своей хартіи отъ 8 апрѣля, и Галиція, въ имя своихъ естественныхъ правъ и своихъ интересовъ отказались ее признать. Къ сопротивленію этихъ провинцій, объяснявшемуся мотивами національнаго порядка, присоединилась оппозиція вѣнскаго населенія, обусловленная политическими соображеніями.

Комитеты Академическаго Легіона и національной гвардіи находили конституцію слишкомъ недемократической; для того чтобы добиться полной ея отмѣны или измѣненія, они рѣшили объединить свои силы и составить Центральный политическій комитетъ. Министерство, усмотрѣвшее въ новой организаціи зародышъ комитета общественнаго спасенія, немедленно издало приказъ о его распущеніи. Но войска въ столицѣ не было; комитетъ оказалъ сопротивленіе и въ концѣ концовъ добился отъ Пиллерсдорфа своего признанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обѣщанія, что конституція подвергнется пересмотру въ будущемъ парламентѣ, составленномъ изъ одной только палаты (15 мая).

Но радость вѣнцевъ послѣ этой побѣды была нарушена поразительнымъ извѣстіемъ: императоръ бѣжалъ! 17 мая онъ безъ всякихъ особенныхъ подготовленій выѣхалъ въ каретѣ на свою ежедневную прогулку, а 18-го утромъ населеніе и вмѣстѣ съ нимъ министерство узнали, что онъ для поправленія своего здоровья рѣшилъ провести нѣкоторое время въ Тирольскихъ горахъ. Императоръ уѣхалъ даже не предупредивши своихъ министровъ; изъ провинціи получено было извѣстіе, что видныя придворныя лица пытаются возбудить движеніе противъ столицы; такимъ образомъ, планъ камарильи былъ разоблаченъ.

18 мая два журналиста, которые среди общаго оцѣпенѣнія вздумали провозгласить республику, чуть не были растерзаны рабочими. 25 мая, когда правительство во исполненіе перваго условія, постановленнаго императоромъ для своего возвращенія, объявило Академическій Легіонъ распущеннымъ, Вѣна покрылась баррикадами, и рабочіе тысячами поспѣшили на защиту Легіона. Растерявшееся министерство, лишенное поддержки и не имѣвшее въ своемъ распоряженіи никакихъ силъ, снова пошло на уступки: оно обязалось не покидать Вѣны, добиться отъ императора его возвращенія въ столицу или назначенія намѣстника и сохранить Академическій Легіонъ. Комитетъ, составленный изъ муниципальныхъ совѣтниковъ,

національныхъ гвардейцевъ и студентовъ подъ названіемъ „Комитетъ безопасности“ и добившійся отъ Пиллерсдорфа признанія своей полной самостоятельности, взялъ на себя заботу объ охранѣ порядка, а также о защитѣ торжественно подтвержденныхъ уступокъ 15 мая.

День 26 мая былъ торжествомъ демократіи въ Вѣнѣ. Но это торжество въ дѣйствительности было пагубно для дѣла революціи. На первыхъ же баррикадахъ, воздвигнутыхъ въ этотъ годъ, буржуазія увидѣла призракъ республики и призракъ соціализма. Она отпрянула въ ужасѣ, и изъ ея рядовъ появились первые перебѣжчики въ лагерь реакціи. Камарилья поспѣшила использовать этотъ страхъ, овладѣвшій буржуазіей, и негодованіе, возбужденное въ провинціи слухами о „дурномъ“ обращеніи съ императоромъ.

Богемія; выборы во Франкфуртскій Парламентъ; славянскій конгрессъ въ Прагѣ; первые успѣхи реакціи.—Образованіе Центральнаго политическаго комитета было отчасти отвѣтомъ на происки пражскаго Національнаго Комитета. Составленный сейчасъ же послѣ обнародованія императорскаго указа отъ 8 апрѣля подъ предсѣдательствомъ губернатора Богеміи (что̀ ничуть не мѣшало его независимости и придавало ему большой престижъ), этотъ комитетъ фактически игралъ въ Богеміи роль временнаго революціоннаго правительства; впрочемъ, онъ встрѣчалъ такъ же мало повиновенія, какъ и представители центральной власти, и вскорѣ превратился въ органъ одной только чешской партіи.

Вопросъ о германскомъ единствѣ поселилъ раздоръ среди обѣихъ національностей. Когда Палацкій былъ приглашенъ явиться въ Франкфуртскую Комиссію Пятидесяти отъ имени Австріи, то онъ отвѣтилъ письмомъ, которое вскорѣ предано было гласности и включало въ себѣ національную программу, съ энтузіазмомъ принятую славянами и враждебно встрѣченную нѣмцами. Въ этомъ письмѣ онъ съ гордостью называлъ себя чехомъ и славяниномъ, утверждалъ, что историческое присоединеніе Богеміи къ Германіи, составляющее дѣло рукъ государей, ни въ коемъ случаѣ не связываетъ чешскаго народа, и отказывался принять участіе въ созданіи Новой Германіи, которое способно было только ослабить Австрію къ вящшей выгодѣ гигантской русской имперіи. Вѣрные этой программѣ, чехи поставили себѣ задачей помѣшать выборамъ въ общегерманскій парламентъ: двѣ трети богемскихъ округовъ воздержались отъ участія въ этихъ выборахъ.

Но чехи не удовольствовались этимъ пассивнымъ сопротивленіемъ. Послѣ событій 26 мая губернаторъ, графъ Леонъ Тунъ, по соглашенію съ чехами провозгласилъ свою независимость отъ министерства, ставшаго, по его словамъ, игрушкой въ рукахъ вѣнской толпы; но даже дворъ высказалъ неодобреніе этимъ безтактнымъ своимъ защитникамъ. Съ цѣлью поднять духъ своихъ приверженцевъ и внушить уваженіе своимъ врагамъ, славяне въ противовѣсъ нѣмецкому парламенту созвали славянскій съѣздъ. Прежде всего этотъ конгрессъ долженъ былъ собрать воедино австрійскихъ славянъ, но на немъ могли также присутствовать не австрійскіе славяне; и дѣйствительно, рядомъ съ австрійцами на этомъ съѣздѣ фигурировали познанскіе и варшавскіе поляки и нѣсколько русскихъ, въ томъ числѣ Бакунинъ.

Конгрессъ открылся 2 іюня. Онъ долженъ былъ обсудить вопросъ о положеніи славянъ въ Австріи и внѣ Австріи, а также объ отношеніяхъ между славянами и другими національностями; кромѣ того, онъ долженъ былъ рѣзко протестовать противъ Франкфуртскаго Парламента. Но съ первыхъ же засѣданій благодаря вліянію польскихъ делегатовъ выдвинулась болѣе демократическая и интернаціональная программа. Палацкому

было поручено составить манифестъ къ европейскимъ народамъ. Это былъ единственный положительный результатъ этого конгресса.

12 іюня въ рагѣ вспыхнуло возстаніе, вызванное, кажется, венгерскими эмиссарами; построены были баррикады. Послѣ четырехдневнаго сраженія Виндишгрецъ овладѣлъ городомъ. Теперь уже не было и рѣчи ни о конгрессѣ, ни объ учредительномъ собраніи: главная изъ уступокъ 8 апрѣля была потеряна. Министерство потребовало, чтобы въ Богеміи, точно такъ же, какъ и въ остальныхъ провинціяхъ, было приступлено къ избранію депутатовъ въ австрійскій парламентъ.

Одержанная Виндишгрецомъ, хотя и безъ особаго труда, побѣда возстановила престижъ арміи, сильно поколебленный со времени мартовскихъ дней, и до крайности усилила чванство военныхъ. Въ это же время Радецкій и находившіеся подъ его командой офицеры, ободренные своими первыми успѣхами, убѣдили дворъ отвергнуть всякую мысль о мирномъ соглашеніи съ итальянскимъ населеніемъ и положиться исключительно на силу оружія. Партія сопротивленія одержала двойную побѣду, и на армію возложена была миссія спасти имперію отъ революціи.

Австрійская Конституанта. Отмѣна феодальныхъ повинностей.—Рескриптомъ 3-го іюня императоръ подтвердилъ уступки, сдѣланныя имъ 15 мая, и выразилъ свое „горячее желаніе“ скорѣйшаго открытія парламента. Имѣть дѣло съ депутатами приходилось одному Пиллерсдорфу. Дольгофъ, министръ торговли, находился при особѣ императора въ Инсбрукѣ, куда онъ былъ откомандированъ своими коллегами по министерству; туда же вслѣдъ за посланниками выѣхалъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Вессенбергъ; Латуръ продолжалъ управлять военнымъ вѣдомствомъ, но онъ не поддерживалъ никакихъ сношеній со своими коллегами и даже не посѣщалъ засѣданій совѣта министровъ. Чтобы покрыть министерство, Пиллерсдорфъ просилъ императора прислать на время своего отсутствія какого-нибудь замѣстителя изъ императорской семьи. Эта миссія возложена была на единственнаго популярнаго представителя династіи, эрцгерцога Іоанна.

Однимъ изъ первыхъ актовъ намѣстника было назначеніе преемника самому Пиллерсдорфу, который принужденъ былъ выйти въ отставку послѣ вотума недовѣрія, выраженнаго ему Комитетомъ безопасности. Комитетъ указалъ на Дольгофа, которому и поручено было составить новое министерство. Онъ оставилъ въ кабинетѣ Крауса, у котораго никто не хотѣлъ отобрать портфель министерства финансовъ, Вессенберга, который нуженъ былъ для дипломатическихъ сношеній съ Германіей, Латура, котораго дворъ и армія поддерживали противъ нападокъ со стороны Комитета, а въ товарищи къ нимъ онъ назначилъ лицъ, пользовавшихся довѣріемъ вѣнской демократіи: Горнбостеля, крупнаго вѣнскаго фабриканта, журналиста Шварцера и наконецъ, по настойчивому требованію Комитета, честолюбиваго и недобросовѣстнаго адвоката, Александра Баха.

22 іюля вернувшійся изъ Франкфурта эрцгерцогъ торжественно открылъ первый австрійскій парламентъ. Въ тронной рѣчи говорилось о равноправіи всѣхъ австрійскихъ національностей, о желательности объединенія съ Германіей, о необходимомъ соглашеніи съ Венгріей, о настоятельныхъ нуждахъ государственной казны и о высокомъ призваніи парламента. Послѣдній въ отвѣтъ на тронную рѣчь убѣдительно просилъ императора возвратиться въ свою столицу: 12 августа дворъ вернулся въ Шёнбруннъ. Его возвращеніе нѣсколько утѣшило вѣнцевъ, разочарованныхъ составомъ парламента, въ которомъ большинство принадлежало славянамъ. Радикальныя газеты никакъ

Баррикада въ Прагѣ 16 іюня 1848 г.

не могли успокоиться; ихъ яростныя нападки на „варваровъ“ находили откликъ въ сочувствующей аудиторіи, и не у одного депутата выходили крупныя непріятности съ вѣнскимъ народомъ.

Фактически привилегія, выражавшаяся въ признаніи нѣмецкаго языка государственнымъ, подверглась съ перваго же засѣданія самой рѣзкой критикѣ; большинство, хотя и не рѣшавшееся провозгласитъ равноправіе всѣхъ языковъ, тѣмъ не менѣе отказалось опредѣленно санкціонировать притязанія нѣмецкаго языка. Президентомъ парламента выбранъ былъ вѣнскій депутатъ, но въ вице-президенты попали чехъ Стробахъ и полякъ Смолка.

Группировка партій не отличалась особенной опредѣленностью. Правая въ большинствѣ состояла изъ славянъ; ядро ея составляли чехи, выдвинувшіе чисто федералистическую программу; ихъ тактическимъ вождемъ былъ Палацкій, а ораторомъ — Ригеръ. Центръ состоялъ изъ консерваторовъ, а отчасти изъ клерикаловъ; въ него входили депутаты разныхъ національностей, но главнымъ образомъ „чорно-желтые“ нѣмцы, то-есть люди, признававшіе себя прежде всего австрійцами, а затѣмъ уже нѣмцами; по самой своей сущности они были сторонниками министерства, каковъ бы ни былъ характеръ этого послѣдняго. На лѣвой сидѣли нѣмецкіе демократы, радикалы въ политическихъ и національныхъ вопросахъ, больше германцы, чѣмъ австрійцы, централисты, убѣжденные въ превосходствѣ германскаго элемента; къ нимъ примыкало большинство героевъ революціи, между прочимъ Фишгофъ, первый ораторъ 13 марта, и Фюстеръ, священникъ Академическаго Легіона.

Крестьяне преобладали въ парламентѣ. Добрая четверть депутатовъ принадлежали къ этому сословію; во время выборовъ они успѣли провалить дворянъ, помѣщиковъ, феодальныхъ сеньоровъ, представленныхъ только нѣсколькими аристократами изъ Галиціи. Такимъ образомъ, крестьяне явно показали свое твердое намѣреніе покончить съ феодальнымъ режимомъ. Въ этомъ отношеніи они были согласны всѣ, какъ болѣе развитые нѣмецкіе крестьяне, такъ и галиційскіе и буковинскіе мужики, которые, не зная нѣмецкаго языка, старались держаться поближе къ своимъ болѣе образованнымъ православнымъ священникамъ, объяснявшимъ имъ, что дѣлать.

Парламентъ сразу былъ засыпанъ петиціями и прошеніями, относившимися все къ тому же самому предмету. Въ виду этого во время третьяго же засѣданія самый молодой изъ депутатовъ, Гансъ Кудлихъ, внесъ слѣдующее предложеніе: „Феодальныя отношенія, равно какъ и всѣ вытекающія изъ нихъ права и повинности, отмѣняются; при этомъ не предрѣшается вопросъ о выкупѣ и его размѣрахъ“. Такой вопросъ нельзя было разрѣшить въ двухъ строчкахъ. Подлежавшія отмѣнѣ права имѣли различное происхожденіе: одни были законно пріобрѣтены, другія — узурпированы. Но въ виду обнаруживаемаго крестьянами нетерпѣнія, всякія проволочки были бы крайне опасны, такъ какъ онѣ способны были вызвать жакерію, тѣмъ болѣе, что фактически всѣ феодальныя повинности перестали уже исполняться. Благодаря министерству, которое въ рѣшительный моментъ поставило вопросъ о довѣріи, парламентъ вотировалъ отмѣну феодальныхъ повинностей, причемъ личныя сеньеріальныя права — сюзеренная власть, вотчинный судъ — отмѣнены безъ вознагражденія, а повинности, связанныя съ землепользованіемъ, — барщина, десятина и т. п. — объявлены подлежащими выкупу.

Какъ только отмѣна феодальныхъ повинностей въ принципѣ принята была единогласно парламентомъ, крестьянскіе депутаты вскочили съ своихъ мѣстъ и начали обходить всѣ скамьи, пожимая

руки своимъ товарищамъ и выражая имъ свою признательность. Не подлежитъ сомнѣнію, что законъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ обнародованъ 7 сентября, не совсѣмъ-то отвѣчалъ надеждамъ своихъ авторовъ: Кудлихъ, напр., мечталъ о ночи 4 августа. А крестьянство, добившись той реформы, которая одна только затрагивала его интересы, начало относиться къ борьбѣ между дворомъ и парламентомъ съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ. Итакъ, послѣ напуганной буржуазіи, которая первая измѣнила революціонному дѣлу, удовлетворенные крестьяне въ свою очередь оставили его на произволъ судьбы какъ разъ въ тотъ моментъ, когда противники революціи, ободренные своими успѣхами во внѣшней политикѣ, готовились начать противъ нея рѣшительный приступъ.

Борьба національностей въ Венгріи. — Уступки 15 марта и санкціонированіе законовъ 1848 года отвѣчали желаніямъ мадьяръ, но не остальныхъ народностей Венгріи. Словаки сѣверо-востока, кроаты и сербы, жившіе на югѣ, и трансильванскіе румыны съ недовѣріемъ встрѣтили эти нововведенія, которыя давали имъ политическія вольности, но только цѣной національнаго порабощенія ихъ мадьярами. Населявшія Венгрію неполноправныя національности рѣшились оказать сопротивленіе. Основатель иллирійскаго движенія, Гай, явился въ первыхъ числахъ апрѣля въ Вѣну во главѣ депутаціи, требовавшей автономіи Кроаціи какъ по отношенію къ Австріи, такъ и по отношенію къ Венгріи, учрежденія тріединаго Далмато-Кроато-Славонскаго королевства, которое должно было послужить центромъ для объединенія сначала южно-австрійскихъ славянъ, а затѣмъ турецкихъ (когда они будутъ, какъ на это надѣялись, освобождены изъ-подъ турецкаго ига). Иллирійская партія добилась отъ правительства назначенія новаго бана, а именно кроатскаго офицера, полковника Іеллачича, командовавшаго полкомъ пограничной стражи.

Сербы, съ своей стороны, основывали свои притязанія на независимое національное существованіе на тѣхъ привилегіяхъ, которыя имъ предоставлены были императоромъ Леопольдомъ I во время ихъ переселенія на австрійскую территорію въ концѣ XVII вѣка; они требовали признанія вольностей своей православной церкви и возстановленія сербскаго воеводства съ національнымъ правительствомъ и выборнымъ воеводой. Духовенство, съ Карловицкимъ митрополитомъ Райячичемъ во главѣ, взяло въ свои руки руководство движеніемъ. Состоявшійся въ Карловицѣ (13 мая) національный конгрессъ провозгласилъ митрополита патріархомъ и избралъ воеводу; кромѣ того онъ объявилъ сербовъ самостоятельной націей подъ австрійскимъ скипетромъ, призналъ національныя права румынъ, проживавшихъ въ сербской области, и учредилъ временное правительство.

Въ Трансильваніи румынъ насчитывалось больше, чѣмъ мадьяровъ и нѣмцевъ, вмѣстѣ взятыхъ; руководимые своимъ православнымъ духовенствомъ, они потребовали для своей національности такихъ же правъ, какими пользовались остальныя народности, и сверхъ того — расширенія уніи съ Венгріей. Состоявшееся (15 мая) въ Блазендорфѣ румынское собраніе формулировало какъ эти требованія, такъ и требованія реформъ въ пользу крестьянъ. Однако провинціальные штаты, гдѣ румыны не имѣли ни одного представителя, вотировали присоединеніе Трансильваніи къ Венгріи, и это рѣшеніе было утверждено королемъ 18 іюня. Но первая кровь уже пролилась во время стачки румынскихъ крестьянъ съ венгерскими солдатами.

Въ первое время дворъ не зналъ, какой политики слѣдуетъ ему держаться въ своихъ интересахъ. Іеллачичъ началъ

свое правленіе съ того, что запретилъ всѣмъ кроатскимъ властямъ исполнять чьи бы то ни было приказанія, кромѣ его собственныхъ. Вслѣдствіе жалобы, послѣдовавшей на это распоряженіе изъ Пешта, императоръ напомнилъ бану, что онъ обязанъ повиноваться венгерскому министерству. Тогда дворъ еще боялся всякихъ федералистическихъ движеній. Іеллачичъ былъ даже не столько кроатскимъ патріотомъ, сколько австрійскимъ солдатомъ, а слѣдовательно, прежде всего онъ былъ преданъ интересамъ династіи; но чтобы не очутиться въ изолированномъ положеніи и не лишиться всякаго вліянія, онъ принужденъ былъ искать поддержки иллирійской партіи. Поэтому, вопреки пришедшему изъ Пешта формальному запрещенію, онъ позволилъ кроатскому сейму собраться 5 іюня.

На этомъ сеймѣ впервые представлена была Военная Граница; депутаты остальныхъ славянскихъ провинцій австрійской монархіи присутствовали на засѣданіяхъ, но не принимали участія въ голосованіяхъ. Сеймъ принялъ планъ великаго южно-славянскаго государства, которое должно было входить въ качествѣ одной изъ составныхъ частей въ австрійскую федерацію; послѣдняя вѣдала бы, въ качествѣ общихъ дѣлъ, военное дѣло, финансы и внѣшнія сношенія.

Но замѣчались все-таки нѣкоторые признаки несогласія; такъ, Далмація отказалась прислать въ Аграмъ своихъ представителей; католическое духовенство распространяло въ деревняхъ слухъ, будто сеймъ, протягивавшій руку сербамъ Воеводства, намѣревается обратить всѣхъ южныхъ славянъ въ православную вѣру. Дворъ, упорствуя въ своихъ иллюзіяхъ, манифестами 10 іюня осудилъ поведеніе Іеллачича. 16 іюня банъ, формально объявленный бунтовщикомъ и лишенный всѣхъ своихъ должностей, прибылъ въ Инсбрукъ, чтобы оправдаться передъ правительствомъ. Сразу ему это не удалось, но дворъ благосклонно отнесся къ манифесту, съ которымъ Іеллачичъ обратился къ кроатскимъ солдатамъ, служившимъ въ итальянской арміи, и въ которомъ онъ увѣщевалъ ихъ не оставлять довѣреннаго имъ императоромъ поста. Этотъ манифестъ въ глазахъ двора имѣлъ тѣмъ больше значенія, что въ это самое время венгерскій военный министръ почти оправдывалъ тѣхъ мадьярскихъ солдатъ, которые оставляли свои гарнизоны и возвращались въ Венгрію, и обвинялъ ихъ лишь въ „чрезмѣрномъ патріотизмѣ". Вернувшись въ Аграмъ, Іеллачичъ постарался успокоить волненіе, вызванное манифестами 10 іюня, и убѣдилъ сеймъ разойтись (9 іюля), вручивши ему, Іеллачичу, диктаторскую власть.

Разрывъ между Венгріей и дворомъ.— Въ первое венгерское конституціонное министерство входили вмѣстѣ и консервативные реформисты, и радикалы; съ одной стороны, президентъ совѣта Баттіани, министръ юстиціи Деакъ и министръ вѣроисповѣданій Этвесъ; съ другой — Семеръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, и въ особенности Кошутъ, которому предоставленъ былъ портфель министра финансовъ. Первые, искренніе лойялисты, полагали, что революція закончилась 10 апрѣля и что теперь остается лишь мирно развивать новыя учрежденія. Вторые стремились добиться образованія совершенно независимаго венгерскаго государства. Присутствіе ихъ въ министерствѣ компрометировало весь кабинетъ въ глазахъ двора, а Кошутъ продолжалъ печатать программныя статьи, врядъ ли способныя разсѣять недовѣріе вѣнскаго правительства. Въ финансовой области онъ принялъ рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью подчеркнуть противоположность австрійскихъ и венгерскихъ интересовъ въ вопросахъ банковаго, монетнаго дѣла и т. п.

Съ другой стороны, въ виду вліянія Кошута на депутатовъ его коллеги выбрали его ораторомъ, который долженъ

былъ выступать отъ имени всего министерства передъ новымъ парламентомъ, собравшимся 5 іюля. Отъ старой палаты магнатовъ осталась только тѣнь: большая часть крупныхъ землевладѣльцевъ, испуганныхъ революціей, удалились въ свои помѣстья. Новая палата депутатовъ въ сущности и составляла весь парламентъ. 11 іюля, послѣ рѣчи Кошута, въ которой ораторъ разоблачилъ союзъ, заключенный правительствомъ съ кроатами, палата вотировала военный наборъ и заемъ въ 42 милліона флориновъ. Скоро Кошуту при обсужденіи итальянскаго и германскаго вопросовъ представился случай еще яснѣе раскрыть свои планы. Отъ имени министерства, но не предупредивши своихъ товарищей, онъ увлекся до того, что потребовалъ отъ Австріи очищенія Ломбардіи. Кабинетъ принудилъ его взять обратно свои слова, но принятая въ концѣ концовъ резолюція отличалась двусмысленностью: Венгрія обѣщала свою поддержку австрійской политикѣ въ Италіи подъ условіемъ, что вѣнское правительство окажетъ Венгріи содѣйствіе въ дѣлѣ подчиненія Кроаціи и обязуется при заключеніи мира дать удовлетвореніе законнымъ національнымъ требованіямъ итальянцевъ. „Побѣда австрійцевъ въ Италіи,—сказалъ одинъ изъ депутатовъ оппозиціи,—противорѣчитъ венгерскимъ интересамъ, такъ какъ, покоривши Италію, династія соберетъ всѣ свои силы, чтобы покончить съ либерализмомъ въ Венгріи“.

Съ другой стороны, Венгрія старалась какъ можно сильнѣе запутать Австрію въ германскія дѣла, во-первыхъ, для того, чтобы отвлечь ея силы, а во-вторыхъ, для того, чтобы помѣшать ей превратиться въ славянскую имперію. Кошутъ, опять-таки не спросивши мнѣнія своихъ товарищей, присоединился къ предложенной оппозиціонными депутатами резолюціи, по которой Венгрія отказывалась помогать Австріи въ случаѣ войны ея съ Германіей. Хотя магнаты постарались исправить эту резолюцію, но произведенный ею эффектъ остался въ полной силѣ. Въ то же самое время Кошутъ, несмотря на протестъ военнаго министра, настоялъ на томъ, чтобы часть новыхъ рекрутовъ была организована въ независимую національную армію.

Еще до того сербы подъ предводительствомъ бывшаго гусарскаго поручика Стратимировича взялись за оружіе, разбили венгерскія войска и принудили ихъ командировъ заключить перемиріе. По истеченіи этого перемирія, вѣнскій военный министръ разрѣшилъ офицерамъ императорской арміи поступить на службу въ ряды сербовъ; другіе офицеры отказались дѣйствовать противъ вѣрноподданныхъ бунтовщиковъ; пограничные полки въ полномъ составѣ переходили на сторону инсуррекціи, которую поддерживалъ австрійскій консулъ въ Бѣлградѣ. Сербы, собравшись въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, утомляли своихъ противниковъ мелкими стычками; 19 августа, окопавшись въ сильнѣйшемъ изъ этихъ лагерей, Сентъ-Томасъ, они отбили нападеніе 10.000 человѣкъ венгерской регулярной арміи. Эта неудача была тѣмъ болѣе прискорбна для венгерскаго правительства, что 3 августа Радецкій вступилъ побѣдителемъ въ Миланъ, и побѣда австрійцевъ въ Италіи была обезпечена.

Камарилья не замедлила воочію показать, что она намѣрена воспользоваться этими событіями въ своихъ интересахъ. Чрезвычайныя полномочія, которымъ раньше былъ облеченъ палатинъ, теперь были у него отняты; а императоръ немедленно пустилъ въ ходъ вернувшіяся къ нему права и отказался утвердить законы объ организаціи венгерской національной арміи и о заключеніи займа. Противъ венгерскаго правительства дворъ выдвинулъ австрійское правительство, которое, во имя цислейтанскихъ интересовъ и Прагматической Санкціи, начало оспаривать законность мартовскихъ

уступокъ и апрѣльскихъ законовъ. Депутаціи Венгерскаго парламента, которой поручено было просить императора опредѣленно высказаться противъ кроатовъ и перенести свою резиденцію въ Буду, Фердинандъ далъ уклончивый отвѣтъ (9 сентября). Въ тотъ же день опубликованъ былъ императорскій указъ, по которому Іеллачичу возвращались всѣ чины и должности.

Тогда Батіани вышелъ въ отставку, а Кошутъ былъ провозглашенъ диктаторомъ (11 сентября) Онъ заставилъ принять и обнародовать безъ императорской санкціи—то есть революціоннымъ путемъ—два закона, разрѣшавшихъ правительству выпускать бумажныя деньги и произвести новый наборъ. Въ тотъ же день Іеллачичъ, закончившій свои вооруженія, которыя онъ началъ съ момента неудачи своихъ послѣднихъ переговоровъ съ венграми (27 іюля), перешелъ черезъ Драву и вторгнулся въ венгерскіе предѣлы.

Такимъ образомъ Венгрія фактически очутилась на военномъ положеніи. Палатинъ, послѣ тщетной попытки добиться свиданія съ Іеллачичемъ быстро оставилъ Пештъ и бѣжалъ въ Вѣну, гдѣ 24 сентября онъ сложилъ въ руки императора свои полномочія. Дворъ назначилъ генерала Ламберга, командовавшаго гарнизономъ въ Пресбургѣ, правительственнымъ комиссаромъ, облеченнымъ чрезвычайными полномочіями, и поручилъ ему принять команду надъ всѣми венгерскими войсками. Ламбергъ отправился въ Пештъ, чтобы потребовать отъ Батіани, снова сдѣлавшагося министромъ, конституціонной скрѣпы, безъ которой его назначеніе было незаконнымъ. Въ это самое время Батіани искалъ его въ арміи; а въ Пештѣ господствовалъ комитетъ изъ шести членовъ, незадолго до того выбранный палатой для содѣйствія министрамъ и контроля надъ ихъ дѣйствіями. По иниціативѣ этого комитета палата, въ которой остались одни только радикалы, запретила Ламбергу принять это незаконное назначеніе подъ угрозой обвиненія въ измѣнѣ конституціи (27 сентября). Народъ, возбужденный этой прокламаціей и ложными слухами о приближеніи кроатовъ, напалъ на Ламберга на одной изъ пештскихъ улицъ и растерзалъ его въ клочки (28 сентября). Королевскій манифестъ (3 октября) объявилъ парламентъ распущеннымъ, а Венгрію — въ осадномъ положеніи, и назначилъ Іеллачича главнокомандующимъ всѣхъ венгерскихъ войскъ и намѣстникомъ короля въ Венгріи.

Осада и взятіе Вѣны. — Отреченіе императора Фердинанда.—Возвратившись въ Вѣну, императоръ не взялъ обратно тѣхъ условій, которыя онъ поставилъ для своего возвращенія. Министерство хитростью добилось выхода въ отставку Комитета безопасности; усилія демократовъ вызвать 13 сентября возстаніе ни къ чему не привели. Потерявши отнынѣ надежду восторжествовать собственными силами, демократія начинаетъ искать союза съ мадьярами. По иниціативѣ Кошута Венгерскій парламентъ послалъ въ Вѣну депутацію, которая должна была заинтересовать австрійскій парламентъ въ дѣлѣ Венгерской свободы; большинство, въ согласіи съ министерствомъ, отказалось ее принять, но демократическіе комитеты устроили ей торжественную встрѣчу.

Когда Латуръ приказалъ вѣнскому гарнизону отправиться въ Венгрію для усиленія императорскихъ войскъ, боровшихся тамъ съ революціей, то народъ силой воспротивился выступленію солдатъ, причемъ одинъ генералъ, пытавшійся увлечь солдатъ за собой, былъ убитъ. Побѣдоносная толпа вернулась тогда во внутренніе кварталы города, требуя головы министра, измѣнившаго народной свободѣ. Латуръ, схваченный въ своемъ домѣ и вырванный изъ рукъ депутатовъ, пытавшихся его защитить,

былъ повѣшенъ на фонарѣ. На слѣдующій день (7 октября) императоръ бѣжалъ въ Ольмюцъ, надѣясь обрѣсти безопасное убѣжище среди славянскаго населенія. Наиболѣе вліятельные члены правой и центра, собравшись въ Прагѣ, протестовали противъ рѣшеній своихъ коллегъ, оставшихся въ Вѣнѣ, и отрицали за ними право дѣйствовать отъ имени парламента.

Такимъ образомъ между вѣнской революціей и императорскимъ правительствомъ началась открытая война. Виндишгрецу, произведенному въ маршалы и назначенному главнокомандующимъ всѣхъ австрійскихъ войскъ (кромѣ находившихся въ Италіи), поручено было усмирить возмутившуюся столицу. Вѣна не могла оказать серьезнаго сопротивленія; буржуазія отъ всей души желала торжества порядка; самые проницательные изъ вождей демократической партіи бѣжали, убѣдившись въ безнадежности борьбы. Венгерская революціонная армія, на помощь которой разсчитывала Вѣна, была отброшена. И послѣ трехдневнаго сраженія вѣнскому населенію оставалось только покориться (31 октября).

Начались многочисленныя казни, причемъ палачи руководствовались извѣстной системой. Робертъ Блюмъ и Фребель, принесшіе вѣнской демократіи поздравленія германскихъ демократовъ, считали себя въ безопасности въ качествѣ неприкосновенныхъ членовъ Франкфуртскаго Парламента. Виндишгрецъ, чтобы избѣжать конфликта, хотѣлъ было ограничиться ихъ высылкой, но его зять, князь Феликсъ Шварценбергъ, впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ, настоялъ на преданіи ихъ военному суду: оба депутата были приговорены къ смертной казни, изъ нихъ Фребель былъ помилованъ, а Блюмъ казненъ.

21 ноября появился указъ о назначеніи Шварценберга министромъ. Этому истрепанному и напыщенному бонвивану нравилось шутя играть съ затрудненіями застращивать своихъ противниковъ холодной дерзостью и гнуть вся и всѣхъ въ бараній рогъ. Выставленная имъ программа заявляла о его конституціонныхъ чувствахъ, слегка касалась итальянскаго и венгерскаго вопроса, настаивала на единствѣ австрійской имперіи и объявляла, что обновленная Австрія заключитъ съ Германскимъ союзомъ дипломатическое соглашеніе: это равносильно было полному игнорированію Франкфуртскаго Парламента и превращенію вопроса объ объединеніи Германіи въ простой дипломатическій вопросъ.

Австрійскій парламентъ, засѣданія котораго были перенесены въ небольшой городокъ Моравіи, Кремницъ, былъ наученъ горькимъ опытомъ вѣнскихъ событій и благопріятно встрѣтилъ программу министерства (27 ноября). Черезъ пять дней онъ былъ поспѣшно созванъ въ экстренную сессію и съ удивленіемъ узналъ, что въ тотъ же самый день императоръ Фердинандъ отрекся въ Ольмюцѣ отъ престола, что его братъ и наслѣдный принцъ отказался отъ короны, и что на престолъ вступилъ его племянникъ Францъ-Іосифъ. Такъ какъ министерство утверждало, что уступки, сдѣланныя государемъ, теряютъ силу вмѣстѣ съ его отреченіемъ отъ престола, то новый императоръ былъ свободенъ отъ какихъ бы то ни было обязательствъ въ венгерскомъ вопросѣ; и первая же его прокламація заявляла о его твердомъ намѣреніи слить всѣ области австрійской монархіи въ одно большое государство. Такимъ образомъ опасность грозила не только законамъ 1848 года, но и самой венгерской конституціи.

Парламентъ въ Кремницѣ. Октроированная конституція.—Въ Кремницскомъ захолустьѣ, лишенномъ какихъ бы то ни было элементовъ политической жизни, депутаты оказались совершенно отрѣзанными отъ народа. За неимѣніемъ лучшаго за-

нятія они погрузились въ обсужденіе выработаннаго ими проекта конституціи. Въ Кремницѣ парламентскія партіи распредѣлялись почти такъ же, какъ и въ Вѣнѣ; онѣ только сгруппировались тѣснѣе. Въ чисто политической области, поскольку не задѣвались національные вопросы, большинство польскихъ депутатовъ вотировало вмѣстѣ съ нѣмецкими радикалами. Министерство проявляло очень мало интереса къ парламентскимъ дебатамъ; оно энергически вмѣшалось въ пренія одинъ только разъ, а именно 4 января, для того чтобы противопоставить принципу народнаго верховенства, который Собраніе хотѣло поставить во главѣ „основныхъ правъ австрійцевъ", монархическую доктрину въ ея чистомъ видѣ. Министерство одержало побѣду, но парламентъ былъ крайне возмущенъ этимъ посягательствомъ исполнительной власти на права Учредительнаго Собранія, и съ этого момента кабинетъ (хотя и остававшійся въ Ольмюцѣ) старался держаться въ сторонѣ.

Послѣ продолжительнаго обсужденія, тянувшагося нѣсколько мѣсяцевъ, конституціонная комиссія представила парламенту свой проектъ, далеко оставлявшій за собой всѣ тѣ проекты, которые до того предлагались въ Австріи. По этому проекту нація должна была представляться парламентомъ, составленнымъ изъ областной палаты—уступка, сдѣланная федералистамъ,—и народной палаты. Равноправіе всѣхъ національностей обезпечивалось широкой автономіей, предоставленной коммунамъ и новымъ мѣстнымъ дѣленіямъ, округамъ (части провинцій), которые должны были, по возможности, составляться изъ одной только національности.

2 марта комиссія закончила свои труды, а 15-го должны были начаться общіе дебаты по этому вопросу. Вечеромъ 6 марта неожиданно прибылъ въ Кремницъ Стадіонъ и, пригласивши къ себѣ главныхъ членовъ правой и центра, заявилъ, что императоръ, принимая во вниманіе событія, происходящія въ Венгріи, и некомпетентность Учредительнаго Собранія въ вопросахъ, касающихся этой страны, собственной властью пожаловалъ конституцію всей австрійской имперіи. Депутаты протестовали, а Стадіонъ обѣщалъ подумать и переговорить со своими товарищами. На слѣдующее утро депутаты могли прочитать на стѣнахъ Кремница императорскіе манифесты, изъ которыхъ одинъ содержалъ текстъ конституціи, помѣченной 4 марта, а другимъ распускалась палата зато, что она своими чисто теоретическими разсужденіями угрожаетъ существованію установленнаго порядка. Залъ засѣданій былъ закрытъ, а ночью наиболѣе скомпрометированные депутаты лѣвой оставили Кремницъ и выѣхали заграницу.

Эта конституція не была примѣнена на дѣлѣ. Она создавала централистическій аппаратъ, охватывавшій своими тисками и Австрію, и Венгрію; по этой конституціи нижняя палата выбиралась на основѣ цензитарной системы, а въ верхней палатѣ три четверти всѣхъ мѣстъ предоставлялись крупному землевладѣнію, т. е. дворянству. Она предоставляла гражданамъ свободу личности и совѣсти, но съ весьма существенными ограниченіями; провозглашала равноправіе всѣхъ національностей, не обставляя его ровно никакими гарантіями; оставляла въ силѣ венгерскую конституцію „во всѣхъ ея частяхъ, не противорѣчащихъ настоящей конституціи", — другими словами, она ее отмѣняла.

Шварценбергъ принялъ это произведеніе Стадіона, игнорируя въ немъ рѣшительно все, кромѣ строгой централизаціи; эта конституція удачно подходила къ его планамъ въ германскомъ вопросѣ. Онъ опирался на нее, какъ на совершившійся фактъ, противъ большинства Франкфуртскаго парламента, которое на-

мѣревалось по своему урегулировать отношенія Австріи къ Германіи, а когда Собраніе не обратило вниманія на возраженія Шварценберга, то онъ отозвалъ оттуда австрійскихъ депутатовъ (5 апрѣля). Конституція, говорилъ онъ, сдѣлала Австрію цѣлостнымъ и нераздѣльнымъ государствомъ. Эта цѣлостность не мѣшала, впрочемъ, тому, что въ Богеміи, Галиціи и Ломбардіи господствовала военная диктатура, а въ Венгріи свирѣпствовала кровопролитная война.

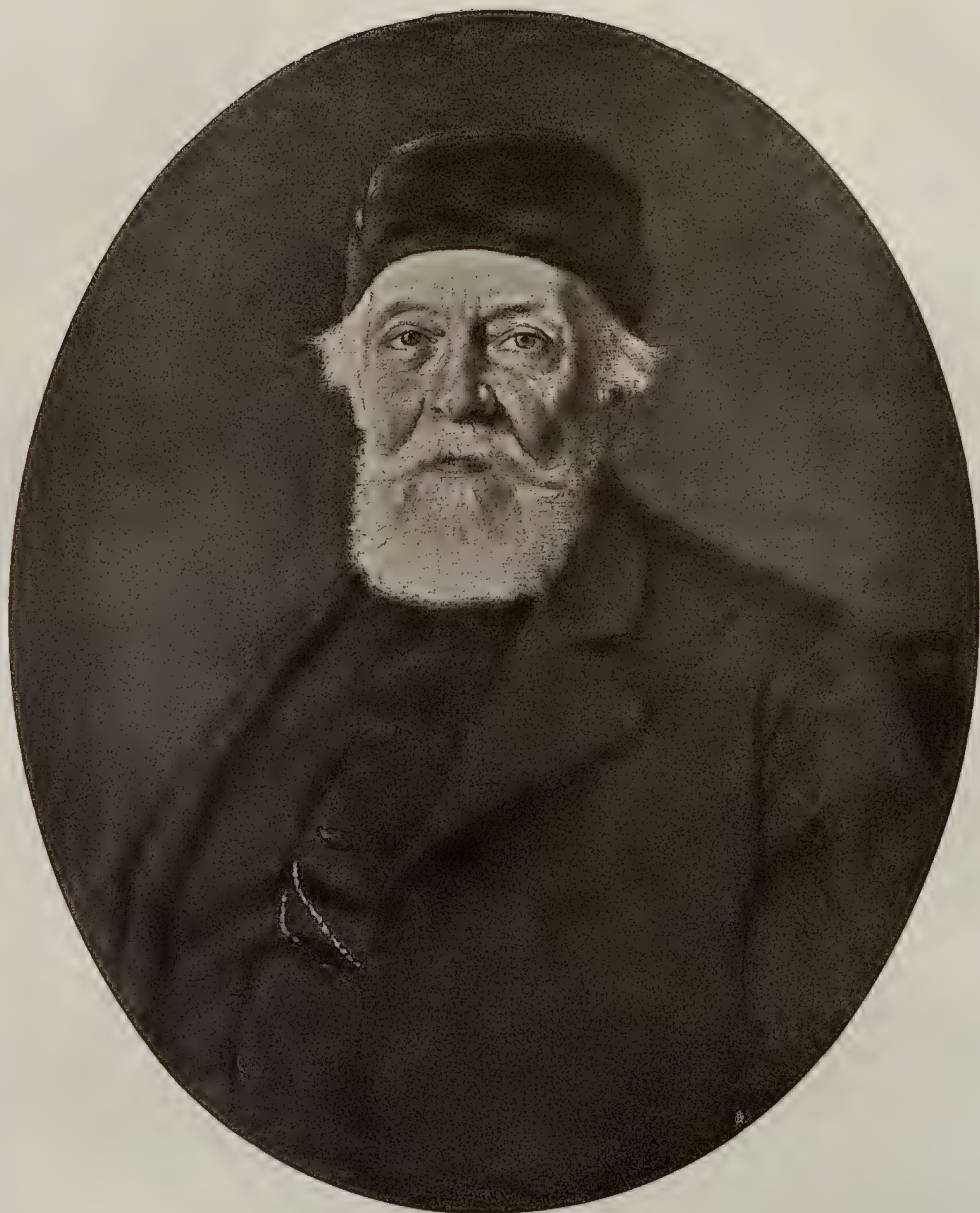
Венгерская война. Конецъ революціи.— Венгерскій парламентъ отказался признать Франца-Іосифа королемъ: венгерскій конституціонный король не можетъ отречься отъ престола безъ согласія страны, а законнымъ королемъ можетъ быть признанъ лишь тотъ, который короновался и подписалъ коронаціонную грамоту. Уже и раньше Кошутъ рѣзко нападалъ на династію, которая „до сихъ поръ не была низложена только благодаря великодушію парламента", но республиканцевъ въ Венгріи насчитывалось немного, и Собраніе, придерживаясь формальной легальности, продолжало признавать королемъ Фердинанда V. Для охраны правъ короля, которому вопреки закону мѣшаютъ осуществлять свою власть, назначенъ былъ Комитетъ безопасности, состоявшій изъ шести человѣкъ подъ представительствомъ Кошута и облеченный исполнительной властью.

Противъ 150.000 императорскихъ солдатъ и славянскихъ инсургентовъ Венгрія могла выставить только 100.000 человѣкъ, въ громадномъ большинствѣ — необученныхъ рекрутовъ. Послѣ паденія Вѣны ихъ пришлось разставить широкимъ полукругомъ, такъ какъ австрійскія войска шли на Пештъ изъ Моравіи, Галиціи, Штиріи и съ юга. Если бы не поразительная бездарность австрійскихъ генераловъ, то война эта не могла бы продолжаться больше двухъ мѣсяцевъ. Но въ концѣ сентября Іеллачичъ былъ разбитъ у Платтенскаго озера; Виндишгрецъ, которому онъ передалъ команду, обязанъ былъ нѣкоторыми незначительными успѣхами численному перевѣсу своихъ силъ и крайней осторожности, съ которой онъ подвигался впередъ; въ началѣ января онъ занялъ Буду и Пештъ.

Венгерскій парламентъ и Исполнительный Комитетъ бѣжали въ Дебречинъ. Венгерскій генералъ Гёргей отступилъ за Дунай, и вѣнская оффиціальная газета уже праздновала „славный конецъ кампаніи". Сформированный въ Галиціи армейскій корпусъ подъ начальствомъ Шлика вторгнулся въ Верхнюю Венгрію и, безъ труда гоня передъ собой революціонныя войска, угрожалъ самому Дебречину. Но молодой генералъ Клапка, бывшій австрійскій артиллерійскій офицеръ, реорганизовалъ венгерскую армію. Гёргей двинулся на соединеніе съ нимъ, и Шликъ, избѣгая грозившей ему опасности, форсированнымъ маршемъ пошелъ на соединеніе съ арміей Виндишгреца. Венгерскія войска, соединившись подъ командой поляка Дембинскаго, двинулись на Пештъ. Но венгерскіе генералы относились съ недовѣріемъ къ иностранному вождю, котораго навязалъ имъ Кошутъ; и дѣйствительно, своей медлительностью и безполезнымъ маневрированіемъ Дембинскій умудрился превратить нерѣшительную стычку въ проигранную битву (при Капольнѣ, 26 февраля).

Спустя восемь дней обнародована была конституція—4 марта.

Но торжество двора оказалось преждевременнымъ. Въ Трансильваніи Бемъ, который послѣ паденія Вѣны предложилъ свои услуги Венгріи, всю зиму тревожилъ императорскія войска партизанскими нападеніями; несмотря на то, что онъ терпѣлъ пораженія во всѣхъ правильныхъ битвахъ, перевѣсъ былъ все-таки на его сторонѣ. Рядомъ быстрыхъ и ловкихъ переходовъ онъ неожиданно напалъ на противника, усиленнаго тѣмъ временемъ русскимъ

В. Парлаги.

Л. Кошутъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

корпусомъ, явившимся изъ Валахіи, и овладѣлъ Германштадтомъ (11 апрѣля). Австрійцы и русскіе отступили въ Валахію. Въ Банатѣ новый венгерскій генералъ Перцель взялъ штурмомъ Сентъ-Томасъ, который такъ долго сопротивлялся усиліямъ мадьяровъ, прогналъ сербовъ до Карловица и возстановилъ сообщеніе съ Бемомъ.

Тѣмъ временемъ Виндишгрецъ, выступившій изъ Пешта послѣ трехмѣсячнаго бездѣйствія, былъ разбитъ Гёргеемъ при Гёдёло и отступилъ къ стѣнамъ столицы (7 апрѣля); Клапка заставилъ австрійцевъ снять блокаду съ Коморна, откуда мадьярскій гарнизонъ съ самаго начала революціи безпокоилъ императорскія войска и угрожалъ Вѣнѣ. Теперь очередь отступать пришла для австрійцевъ. Виндишгрецъ, бездарность котораго превосходила всѣ вѣроятія, былъ 12 апрѣля отозванъ въ Ольмюцъ. Австрійская армія очистила Пештъ, оставивши только въ Будѣ сильный гарнизонъ. Несмотря на совѣты Кошута и Клапки, которые стояли за тактику смѣлаго наступленія, Гёргей предпринялъ осаду Буды. Блестящее сопротивленіе генерала Генци, убитаго во время послѣдняго приступа 21 мая, дало двору возможность оправиться и собрать всѣ силы для того, чтобы окончательно подавить противника численностью.

Побѣда при Гёдёло побудила Кошута сдѣлать рѣшительный шагъ. 14 апрѣля Дебречинскій парламентъ въ торжественномъ засѣданіи объявилъ династію Габсбурговъ лишенной престола и на вѣчныя времена изгнанной изъ венгерскихъ предѣловъ. „Господь можетъ покарать меня всякими напастями, — воскликнулъ Кошутъ, — но одной бѣды онъ не можетъ на меня наслать: это снова сдѣлаться когда-нибудь подданнымъ австрійскаго дома“. Такимъ образомъ возстаніе для защиты права превратилось въ борьбу за революцію. Тѣмъ не менѣе парламентъ не рѣшился провозгласить республику, такъ какъ большинство страны было настроено монархически, и его убаюкивали надеждой, что въ одинъ прекрасный день найдется какой-нибудь принцъ, изъ европейской династіи, который согласится принять венгерскую корону. А пока что Кошутъ сдѣлался главой исполнительной власти съ титуломъ правителя.

Послѣ того какъ Радецкій одержалъ полную побѣду надъ сардинцами (20—24 марта), явилась возможность отправить часть его войскъ, лучшихъ въ Австріи, на венгерскій театръ войны. Назначеніе на постъ главнокомандующаго, облеченнаго гражданскими и военными полномочіями, генерала Гайнау, извѣстнаго не столько своими военными талантами, сколько своей звѣрской жестокостью (онъ привезъ съ собой изъ Италіи прозвище „гіэна Брешіи“), показало, что австрійское правительство рѣшило покончить съ венгерской революціей во что бы то ни стало.

1 мая вѣнская оффиціальная газета сообщила, что царь предоставляетъ въ распоряженіе австрійскаго императора русскую армію для усмиренія Венгріи. Еще годъ тому назадъ Николай I предлагалъ свою помощь австрійцамъ. Русскій генералъ Паскевичъ совершенно не считался съ самолюбіемъ австрійцевъ и разыгрывалъ роль спасителя. Всѣ обращенія Кошута къ западнымъ державамъ и къ Турціи съ цѣлью вызвать контръ-вмѣшательство ни къ чему не привели. Начались раздоры между венгерскими генералами, а затѣмъ между арміей и правительствомъ. Гёргей изъ честолюбивыхъ мотивовъ интриговалъ противъ Кошута и противъ собственныхъ товарищей. Разбитыя при Раабѣ и при Коморнѣ, главныя силы венгерской арміи отступили къ Сегедину, и преслѣдовавшій ихъ по пятамъ Гайнау окончательно уничтожилъ ихъ при Темешварѣ (9 августа).

Революціонное правительство, которое вслѣдъ за арміей переѣхало изъ Пешта

въ Сегединъ, а изъ Сегедина въ Арадъ, узнало въ одно и то же время объ этомъ несчастьѣ и о пораженіи Бема въ Трансильваніи. 11 августа Кошутъ, покинутый своими министрами, передалъ диктатуру Гёргею, а самъ удалился въ изгнаніе.

Гёргей въ свое время высказался противъ акта 14 апрѣля и противъ разрыва съ династіей. Онъ поспѣшилъ согласиться на капитуляцію, которую русскіе предлагали ему уже нѣсколько разъ; 13 августа при Вилагошѣ 23.000 венгерцевъ положили оружіе и сдались царской арміи. Непобѣдимая крѣпость Коморнъ держалась дольше всѣхъ, и только 27 сентября Клапка свободно вышелъ оттуда со всѣмъ гарнизономъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ капитуляціи при Вилагошѣ пала Венеція, и Австрія съ торжествомъ вернулась къ тому же состоянію, въ которомъ она находилась до революціи.

II.—Реакція (1849—1859).

Возстановленіе абсолютизма.—Армія спасла имперію. Въ силу одной только военной централизаціи и дисциплины чехи и нѣмцы, поляки и кроаты и даже мадьяры, собранные подъ черно-желтыми знаменами, превращались въ австрійскихъ, просто австрійскихъ солдатъ, безпрекословно повинующихся приказаніямъ императора. Деспотическая централизація была закономъ арміи, а теперь она на десять лѣтъ должна была сдѣлаться закономъ для всей Австріи. Задачу всесторонняго возстановленія абсолютизма взялъ на себя Бахъ, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, послѣ того какъ Стадіонъ впалъ въ сумасшествіе.

20 августа 1851 года указомъ императорскаго кабинета министерство объявлено было отвѣтственнымъ за свои дѣйствія только передъ императоромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ министерству поручено было подвергнуть конституцію 4 марта основательному разсмотрѣнію для выясненія вопроса о совмѣстимости ея постановленій съ интересами государства. Само собою разумѣется, что при этомъ обнаружилась полная ея несовмѣстимость съ государственнымъ порядкомъ. Кабинетскими указами 31 декабря 1851 года конституція формально была отмѣнена и провозглашены были принципы, долженствовавшіе ее замѣнить, „принципы органическихъ учрежденій въ провинціяхъ Австрійской имперіи“. Шварценбергъ, восторжествовавшій надъ Пруссіей въ Ольмюцѣ и скрѣпившій своей подписью декретъ объ отмѣнѣ конституціи, довелъ до конца дѣло возстановленія власти. Вскорѣ послѣ того онъ скончался, и первое мѣсто въ правительствѣ занялъ Бахъ, имя котораго навѣки осталось связано съ реакціонной системой, получившей названіе „Баховской системы“.

„Баховская система“.—Баху не приходилось стремиться къ возстановленію стараго порядка во всѣхъ его частяхъ; въ своей внутренней политикѣ ему необходимо было считаться съ двумя новыми фактами: съ отмѣной феодальныхъ повинностей и съ уничтоженіемъ дуализма. Отмѣна феодальныхъ повинностей ставила передъ нимъ двойную задачу: съ одной стороны, приходилось окончательно опредѣлить размѣръ выкупа и довести до конца то колоссальное экономическое и политическое преобразованіе, которое обусловливалось возникновеніемъ въ Австріи класса совершенно самостоятельныхъ и свободныхъ крестьянъ; съ другой стороны, необходимо было выработать совершенно новые государственные органы, которые впредь должны были выполнять функціи, до тѣхъ поръ принадлежавшія феодальнымъ помѣщикамъ: имперскіе суды для замѣщенія прежней вотчинной юрисдикціи и государственную полицію. Такъ какъ дуализмъ былъ отмѣненъ конституціей 4 марта и еще болѣе опредѣленно императорскимъ указомъ 17 октября 1849 года, мотивировка котораго гласила: „Прежняя

венгерская конституція отмѣнена самой революціей“, то приходилось ввести новую организацію также и по ту сторону Лейты: перегородки между обѣими половинами имперіи были разрушены, а раздѣлявшая ихъ таможенная линія уничтожена въ 1850 году.

Дорожа властью и каждую минуту опасаясь ея лишиться, Бахъ готовъ былъ идти на всѣ уступки, лишь бы ея не потерять. Единственная уступка, на которую онъ не хотѣлъ пойти, такъ какъ зналъ, что онъ не можетъ ее сдѣлать, это было возстановленіе крѣпостного права. Дворянство, не желавшее примириться съ безвозвратной потерей сеньеріальныхъ правъ, повело противъ Баха отчаянную борьбу. Здѣсь между прочимъ крылась одна изъ причинъ того обстоятельства, что въ продолженіе всего этого періода Австрія была подчинена чисто бюрократическому режиму. Указъ 31 декабря 1851 года содержалъ въ себѣ обѣщаніе представительныхъ учрежденій: правда, не въ центрѣ, но въ провинціяхъ предполагалось созывать депутатовъ отъ дворянства, крупнаго и мелкаго землевладѣнія и отъ промышленныхъ слоевъ, которые должны были помогать правительственнымъ чиновникамъ своими совѣтами. Но въ этихъ собраніяхъ дворянство безусловно преобладало бы надъ другими сословіями, а своими требованіями оно рисковало поставить правительство въ затруднительное положеніе. Поэтому упомянутое обѣщаніе никогда не исполнялось.

По своимъ взглядамъ Бахъ принадлежалъ къ вѣнской централистической школѣ и не былъ по опыту знакомъ съ особенностями австрійскихъ провинцій и національностей. Онъ полагалъ, что осуществить невозможную задачу, заключавшуюся въ превращеніи многоплеменной Австріи въ централистическое нѣмецкое государство, ему удастся путемъ исключительно административнаго воздѣйствія. Въ государственныхъ интересахъ, а вовсе не съ германизаторскими цѣлями,— увѣряли защитники этой системы,—нѣмецкій языкъ повсюду объявленъ былъ государственнымъ языкомъ: въ судопроизводствѣ, администраціи, а фактически даже въ области народнаго образованія. Но этимъ самымъ подорвано было значеніе реформы и сильно уменьшено количество лицъ, которыя могли ею воспользоваться. Когда въ 1860 году Бенедекъ вступилъ въ отправленіе должности венгерскаго генералъ-губернатора, то онъ съ изумленіемъ узналъ, что среди высшаго персонала Пештской полиціи по-мадьярски говорилъ только одинъ чиновникъ; могла ли при такихъ условіяхъ полиція исполнять свою задачу и быть хоть сколько-нибудь связанной съ публикой? Чиновники Баха не чувствовали подъ ногами твердой почвы, они не могли съ увлеченіемъ отнестись къ своей задачѣ и дѣйствовать съ полной увѣренностью въ своихъ силахъ; они жили въ неустойчивой обстановкѣ и прекрасно это сознавали.

Администрація была реорганизована сверху донизу по строгому плану. Мелкія провинціи, нѣкогда соединенныя въ крупныя, снова получили свою прежнюю автономію; очень большія провинціи, какъ напримѣръ Галиція, были раздѣлены на нѣсколько мелкихъ. Венгрія была разорвана на части: не только Кроація сохранила свое привилегированное положеніе, а Трансильванія получила обратно свою прежнюю автономію, но и сербское Воеводство, а также Темешварскій Банатъ были выдѣлены въ особыя провинціи; остальная часть венгерской территоріи раздѣлена была на пять имперскихъ намѣстничествъ,—и съ этого момента единство Венгріи воплощалось только въ лицѣ военнаго и гражданскаго генералъ-губернатора.

Низшей административной инстанціей въ провинціяхъ являлись окружныя вла-

сти и въ конечномъ счетѣ уѣздныя власти, облеченныя административными, судебными, полицейскими и отчасти финансовыми функціями. Какъ и слѣдовало ожидать, полиція начала играть особенно выдающуюся роль: общее завѣдываніе полиціей перешло къ спеціальному министерству, которому также подчиненъ былъ новый особый корпусъ жандармовъ; но въ продолженіе всего описываемаго періода отъ жандармовъ требовалось не столько наблюденіе за исполненіемъ законовъ, сколько шпіонское слѣженіе за обывателями. Подозрительность правительства дошла до крайнихъ предѣловъ. Такъ, напримѣръ, промышленность сильно страдала отъ слишкомъ придирчивой регламентаціи; неоднократно дѣлались попытки добиться реформы, основанной на принципѣ свободы, но осуществить эти проекты удалось только въ декабрѣ 1859 года, послѣ паденія Баха.

Общественное недовольство. — Десятилѣтняя реакція оставила по себѣ въ Австріи самое скверное воспоминаніе. Притѣсняемыя народности и средніе классы тѣмъ живѣе чувствовали ненавистное иго реакціонной политики, что въ 1848 году они успѣли вкусить отъ древа свободы. Славяне ненавидѣли систему Баха за ея германизаторскія тенденціи, а нѣмцы — за проникающій ее духъ абсолютизма. Общественное мнѣніе лишено было всякой возможности высказываться. Законъ о союзахъ и собраніяхъ, поставившій основаніе всякихъ обществъ въ зависимость отъ правительственнаго разрѣшенія и подчинившій ихъ строжайшему надзору, запрещалъ, кромѣ того, въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ всякое общество, „задачи котораго вторгаются въ кругъ вѣдомства государственнаго законодательства или администраціи“. Печать, со времени изданія закона 27 мая 1852 года, подчинена была суровому режиму: каждая газета обязана была представить властямъ одинъ экземпляръ за часъ до выхода въ свѣтъ; розничная продажа на улицахъ и расклейка были воспрещены, и всѣ газеты должны были вносить залогъ. Какъ впослѣдствіи выразился одинъ знаменитый юристъ, законъ 1852 года заставилъ сожалѣть объ отмѣнѣ предварительной цензуры. Судъ присяжныхъ исчезъ вмѣстѣ съ конституціей; но даже и до его уничтоженія правительство отмѣняло не нравившіеся ему приговоры. Гавличекъ, великій чешскій журналистъ, оправданный присяжными, былъ безъ дальнихъ разсужденій посаженъ въ крѣпость административнымъ порядкомъ.

Сначала общественное недовольство проявлялось въ видѣ заговоровъ, которыхъ было особенно много въ первые годы (1851—1853) и которые привели къ грандіознымъ процессамъ, главнымъ образомъ въ Венгріи и Трансильваніи. Изъ всѣхъ частей имперіи отъ реакціонной политики особенно пострадала Венгрія; ей хуже всѣхъ пришлось отъ возстановленія порядка. Послѣ одержанной имъ побѣды Гайнау жестоко отомстилъ революціонерамъ; въ одинъ только день въ Арадѣ повѣшено было тринадцать революціонныхъ генераловъ. Венгрія же потеряла больше всѣхъ другихъ областей отъ новой политической организаціи. Хотя новые чиновники часто оказывались лучше своихъ предшественниковъ, хотя крестьяне въ особенности находили у нихъ теперь иной пріемъ и иную правду, тѣмъ не менѣе „баховскіе гусары“, нѣмцы или чехи съ германизаторскими тенденціями натолкнулись на единодушную оппозицію со стороны венгерскаго населенія. Они или вовсе не знали мѣстнаго языка, или страшно его коверкали; въ насмѣшку надъ ихъ постояннымъ замѣшательствомъ крестьяне прозвали ихъ „чего вамъ угодно?“ Для нихъ закрытъ былъ доступъ въ венгерское общество; высшее дворянство жалѣло о старой аристократической конституціи и все надѣялось на ея возстановленіе, а мелкое дворянство, низшее

католическое духовенство и все протестантское духовенство жили воспоминаніями о 1848 годѣ и ожиданіемъ реванша.

На государственную службу соглашались поступать только два сорта людей: добровольные шпіоны и разорившіеся дворяне, съ лихвой возвращавшіе своимъ нѣмецкимъ товарищамъ то презрѣніе, которымъ награждали ихъ самихъ ихъ соотечественники; венгерецъ, занимавшій мѣсто помощника уѣзднаго судьи, называлъ своего шефа не иначе, какъ „богемскимъ псомъ". Венгерцы никогда не претендовали на званіе исправныхъ плательщиковъ налоговъ, а теперь они считали честью надувать казну и въ причиненіи всяческихъ непріятностей угнетателямъ видѣли актъ патріотизма. Кошутъ и другіе революціонные вожди старались черезъ своихъ довѣренныхъ агентовъ поддерживать изъ-за границы національную агитацію въ странѣ.

Если оппозиція остальныхъ народностей и не отличалась такимъ же единодушіемъ и не проявлялась въ такой же открытой формѣ, то тѣмъ не менѣе она въ общемъ была не слабѣе. Осадное положеніе въ Галиціи, сербскомъ Воеводствѣ и Трансильваніи было снято, какъ и въ Венгріи, только въ 1854 году. Режимъ, введенный Бахомъ, достигъ своей цѣли, онъ осуществилъ единство австрійскихъ народностей, но единство въ недовольствѣ. Въ одномъ анекдотѣ того времени разсказывается, что какой-то мадьяръ на вопросъ кроата относительно общественнаго настроенія въ Венгріи отвѣтилъ, намекая на событія революціонной эпохи; „О, мы весьма довольны. Обращеніе, которому насъ подвергаютъ въ наказаніе за наши грѣхи, примѣняется къ вамъ въ видѣ награды".

Конкордатъ. Реформы въ области народнаго образованія.—Въ то время, какъ проектъ конституціи, выработанный Кремницкимъ парламентомъ, возстановлялъ принципы іозефіанизма, австрійскіе прелаты въ своихъ декларацiяхъ и петиціяхъ, подаваемыхъ императору, требовали предоставленія церкви полной свободы и заключенія конкордата. Поведеніе епископовъ, которые на вѣнскомъ соборѣ 1849 года осудили національныя требованія и объявили различіе языковъ пережиткомъ язычества и слѣдствіемъ грѣхопаденія, показало правительству, что изъ союза съ церковью оно можетъ извлечь огромную пользу для преслѣдуемой имъ реакціонной политики. Тѣсный союзъ престола и алтаря закрѣпленъ былъ конкордатомъ 18 августа 1855 года.

Этотъ конкордатъ урегулировалъ отношенія между церковью и государствомъ въ тридцати шести опубликованныхъ статьяхъ и въ рядѣ секретныхъ добавленій. Католицизмъ былъ признанъ государственной религіей. Церкви предоставлена была навѣки полнѣйшая автономія, безусловное право пріобрѣтать и владѣть имуществомъ и цѣлый рядъ привилегій, вытекающихъ изъ ея божественнаго происхожденія и каноническихъ законовъ. Епископы получили безпрепятственное право сноситься непосредственно съ Римомъ, осуществлять надъ паствой и клиромъ юрисдикцію, предоставляемую имъ каноническимъ правомъ, и слѣдить за тѣмъ, чтобы католическое юношество воспитывалось католическими преподавателями согласно ученію церкви, а также утверждать инспекторовъ народныхъ училищъ. Епископамъ дано было право цензуровать и осуждать опасныя сочиненія, и въ такомъ случаѣ правительство обязалось не допускать их распространенія. Гражданскія власти могли возбуждать преслѣдованія противъ духовныхъ лицъ за нарушеніе общихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, но онѣ обязаны были при этомъ предупреждать епископа и соблюдать должное уваженіе къ духовному сану.

Конкордатъ былъ обнародованъ и получилъ силу закона 5 ноября 1855 года.

Начиная съ 1 января 1857 года отдѣлъ австрійскаго гражданскаго права „О бракѣ“ пересталъ примѣняться къ католикамъ. Въ передачѣ брачныхъ дѣлъ духовному суду возмущенное, болѣзненно подозрительное общественное мнѣніе увидѣло символъ передачи основныхъ правъ гражданскаго общества въ руки его вѣчнаго врага.

Изъ всѣхъ подвиговъ реакціонной эпохи конкордатъ возбудилъ въ обществѣ самую ярую вражду и неугасимую злобу. Такое отреченіе государства отъ своихъ правъ, казалось, невозможно было объяснить иначе, какъ измѣной. Утверждали, что цѣной этого конкордата Бахъ старался купить поддержку епископовъ и іезуитовъ не столько для своей политики, сколько для себя лично. Несмотря на изъ ряду вонъ выходящія уступки, которыхъ конкордатъ требовалъ отъ императора, онъ не вызвалъ особенныхъ возраженій при самомъ дворѣ, но онъ встрѣтилъ ярыхъ противниковъ среди высокихъ сановниковъ старой школы, пропитанныхъ принципами іозефіанизма и ревниво отстаивавшихъ права свѣтскаго государства. А между тѣмъ общество еще не знало всей правды. Одной изъ секретныхъ статей императоръ обязался не рѣшать никакого вѣроисповѣднаго вопроса, затронутаго или незатронутаго въ конкордатѣ, безъ согласія папы.

Въ исполненіе этого конкордата Леонъ Тунъ, министръ вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія, отдалъ народную школу во власть духовенства, и эта измѣна заставила общество закрыть глаза на дѣйствительныя заслуги этого министра, который далеко не былъ только дѣятелемъ конкордата и обскурантизма. Напротивъ, онъ приложилъ много силъ къ дѣлу преобразованія австрійскихъ университетовъ по нѣмецкому образцу, такъ что они перестали быть, какъ при старомъ порядкѣ, простыми гимназіями высшаго разряда съ той же дисциплиной и методой преподаванія; онъ измѣнилъ самый духъ университетскихъ занятій и отвелъ чисто научнымъ, теоретическимъ изслѣдованіямъ почетное мѣсто на ряду съ механической подготовкой слушателей къ либеральнымъ профессіямъ; онъ содѣйствовалъ развитію историческаго преподаванія на юридическомъ и философскомъ факультетахъ; и главнымъ образомъ, положивши конецъ подавляющему режиму обязательныхъ полугодичныхъ экзаменовъ, онъ предоставилъ студентамъ свободу учиться, а профессорамъ свободу преподавать. Кромѣ того, руководясь совѣтами Экснера, онъ ввелъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, классическихъ и реальныхъ, учебный планъ, остающійся въ силѣ и донынѣ.

Финансы. Министерство Брука. — Долги, вызванные великими войнами начала XIX столѣтія, лежали еще и въ 1848 г. тяжелымъ бременемъ на австрійскихъ финансахъ. Съ другой стороны, двойное государственное банкротство поселило въ публикѣ крайнее недовѣріе, и, наконецъ, революція довела финансовыя стѣсненія и замѣшательства до апогея. Несмотря на всѣ запрещенія, звонкая монета вывозилась изъ Австріи, хотя цѣна ея преднамѣренно была понижена; правительство принуждено было выпустить мелкіе кредитные билеты, и даже частныя лица пустили въ обращеніе бумажныя деньги. До 1854 года сохранялся старый чеканъ съ изображеніемъ Фердинанда; не стоило дѣлать новаго, такъ какъ едва вычеканенная монета исчезала изъ обращенія.

Въ 1854 году выпущенъ былъ внутренній заемъ въ 500 милліоновъ, который долженъ былъ послужить для возстановленія металлическаго обращенія; но подоспѣли осложненія въ Восточномъ вопросѣ, и 500 милліоновъ пошли не на изъятіе изъ обращенія кредитныхъ билетовъ, а на военные расходы. Австрійское правительство съ 1815 года отказа-

лось отъ этой разорительной формы кредита и поручило Банку изъять изъ обращенія выпущенныя бумажныя деньги. Но революція, а также итальянская и венгерская войны вызвали новые значительные расходы и потребовали новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Но, къ несчастью, публика не поддавалась ни на какія уловки: подъ какимъ бы именемъ ей ни предлагали новые билеты, билеты казначейства или облигаціи займа, выпущеннаго подъ обезпеченіе венгерскихъ доходовъ, и несмотря на ихъ принудительный курсъ, она разбивала въ прахъ всѣ усилія финансоваго вѣдомства: лажъ на звонкую монету поднялся съ 9,36% въ 1848 году до 26% въ 1851 г. и почти до 28% въ 1854 году.

Въ обращеніи находилось слишкомъ много бумажныхъ денегъ. Отъ такого порядка вещей сильно страдала торговля: постоянныя колебанія курса стѣсняли коммерческія операціи; учетный процентъ для самыхъ солидныхъ подписей составлялъ 10%; затруднительнымъ положеніемъ казны и публики пользовались только спекулянты вѣнской биржи, быстро наживавшіе громадныя состоянія. Заемъ 1854 года долженъ былъ дать Банку возможность извлечь изъ обращенія всѣ государственныя бумажныя деньги и замѣнить ихъ своими собственными билетами. Но операція эта не удалась, и Банкъ, которому государство и безъ того должно было значительныя суммы, принужденъ былъ снова ссудить ему 100 милліоновъ флориновъ на покрытіе расходовъ по восточной политикѣ.

Съ 1848 года по 1854 годъ Австрія заключала займы, не помышляя о послѣдствіяхъ. Результаты такой политики не замедлили сказаться: внутренній заемъ въ 500 милліоновъ удалось помѣстить только благодаря насильственному давленію; заемъ былъ распредѣленъ между капиталистами, а если кто-нибудь изъ нихъ не покрывалъ доставшейся ему по раскладкѣ доли, то на имущество его налагался секвестръ, какъ на недоимщика. Тогда правительство рѣшило наконецъ измѣнить свою финансовую систему. Въ январѣ 1855 года управленіе министерствомъ финансовъ возложено было на Брука, бывшаго министра торговли, а затѣмъ посланника при Константинопольскомъ дворѣ. При одномъ извѣстіи, что Брукъ представилъ императору свои проекты, о содержаніи которыхъ никто ничего еще не зналъ, лажъ сразу понизился на 10%. Умный и рѣшительный человѣкъ, прирожденный дипломатъ, Брукъ заслуживалъ того довѣрія, которое оказало ему общественное мнѣніе. Между тѣмъ всѣ его усилія заранѣе обречены были на фатальную неудачу.

Режимъ абсолютизма не представлялъ никакихъ гарантій порядка и безопасности, которыя необходимы были для возстановленія финансовъ. Съ перваго же дня Бруку пришлось убѣдиться, что онъ въ состояніи будетъ сдѣлать серьезную и безопасную экономію только въ области военныхъ издержекъ. И до конца онъ обманывалъ себя надеждой добиться этой экономіи и позволялъ высшимъ военнымъ чинамъ водить себя за носъ обѣщаніями помочь ему въ осуществленіи этой цѣли; онъ не понималъ, что съ этой стороны ему нечего ждать содѣйствія въ дѣлѣ осуществленія экономій. Аристократическая и военная котерія была всемогуща при императорскомъ дворѣ. Одной изъ первыхъ мѣръ реакціи явилось уничтоженіе военнаго министерства и передача его функцій старшему генералъ-адъютанту, прикомандированному при особѣ императора; такимъ образомъ военныя дѣла были изъяты изъ круга вѣдомства общегосударственной администраціи и переданы въ личное завѣдываніе монарха. Въ 1855 году предусматривался дефицитъ въ 175 милліоновъ; но расходы по мобилизаціи и по оккупаціи княжествъ довели его до втрое большихъ размѣ-

ровъ. За 1848—1859 годы на армію израсходовано было два милліарда.

Брукъ встрѣтился, кромѣ того, съ затрудненіями иного порядка. Если венгерская война обременила государство громаднымъ долгомъ, то, съ другой стороны, отмѣна дуализма привела къ установленію въ Венгріи австрійской фискальной системы. Въ виду этого ожидалось повышеніе ежегодныхъ доходовъ казны на 50 милліоновъ флориновъ. Но на самомъ дѣлѣ обнаружился значительный недоборъ; по одному только подоходному налогу за Венгріей къ концу 1851 года накопилось 13 милліоновъ недоимки. Общая реорганизація административныхъ органовъ повлекла за собой сильный ростъ расходовъ; за 1850—1859 гг. бюджетъ министерства внутреннихъ дѣлъ, равно какъ и расходы на полицейское вѣдомство, удвоились. Чтобы раздобыть нужныя средства, Брукъ долженъ былъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя онъ самъ осуждалъ, какъ, напримѣръ, продажа на крайне невыгодныхъ условіяхъ государственныхъ желѣзнодорожныхъ линій.

Его таможенная политика, клонившаяся къ созданію австро-германскаго союза, встрѣчала препятствія во внѣшней политикѣ Австріи, проникнутой идеями конкордата; ему удалось все-таки провести новый таможенный тарифъ, на основѣ котораго онъ заключилъ съ Пруссіей торговый договоръ 1853 года. Рѣшительный разрывъ съ запретительной системой не только не причинилъ вреда австрійской промышленности, но даже далъ сильный толчокъ ея развитію. Брукъ уменьшилъ долгъ государства Банку, уступивши послѣднему часть государственныхъ имуществъ на сумму 156 милліоновъ флориновъ. Онъ подписалъ австро-германское монетное соглашеніе 1857 года, имѣя въ виду подготовить отмѣну принудительнаго курса и возобновленіе свободнаго размѣна кредитныхъ билетовъ и такимъ образомъ упрочить положеніе Банка. Но едва только политика Брука начала приносить свои первые плоды, какъ разразилась война съ Италіей; чтобы удовлетворить вновь возникшимъ потребностямъ, онъ принужденъ былъ снова нанести ударъ кредиту Банка, имъ же самимъ возстановленному.

Внѣшняя политика. Крымская война и война съ Италіей. Конецъ абсолютистскаго режима. — Только какіе-нибудь особенно громкіе успѣхи могли сдѣлать популярнымъ или, по крайней мѣрѣ, не столь невыносимымъ реакціонный режимъ, который приносилъ всѣ интересы австрійскихъ народностей въ жертву величію династіи. А между тѣмъ послѣ смерти Шварценберга, который имѣлъ въ своемъ активѣ униженіе Пруссіи въ Ольмюцѣ, внѣшняя политика Австріи была сплошнымъ рядомъ пораженій. Графъ Буоль-Шауенштейнъ унаслѣдовалъ отъ Шварценберга его программу, но не его таланты. И это съ особенной яркостью обнаружилось во время Крымской войны.

Россія и западныя державы съ одинаковымъ усердіемъ старались привлечь Австрію на свою сторону. Царь предлагалъ ей Сербію, Боснію, Герцеговину; но Австрія находила, что это пріобрѣтеніе не равноцѣнно дунайскимъ равнинамъ. Вѣрное пониманіе своихъ интересовъ толкало ее къ союзу съ Англіей и Франціей, но этому противорѣчила традиція, вліяніе которой при австрійскомъ дворѣ всегда было чрезвычайно сильнымъ; при этомъ, вопреки заявленіямъ Шварценберга, Францъ-Іосифъ не рѣшался удивить весь міръ своей неблагодарностью. Выборъ затруднялся еще и другими соображеніями. Австрія расплачивалась въ этотъ моментъ за свое чрезмѣрное честолюбіе; запутавшись во всѣ европейскія дѣла, она теперь никакъ не могла оріентироваться. Она хотѣла дѣйствовать согласно съ Пруссіей, для того чтобы обезпечить себя противъ возможныхъ сюрпризовъ въ Германіи, но

Пруссія ставила свои условія; принимая сторону Россіи, она рисковала вызвать революціонныя вспышки въ Италіи, въ Польшѣ и особенно въ Венгріи. Наполеонъ III не остановился бы передъ союзомъ съ революціей, а система Баха подготовила для этого плана весьма благопріятную почву. Венгрія которая во всякое другое время охотно оказала бы содѣйствіе въ войнѣ противъ Россіи, теперь разсчитывала на пораженіе Австріи и съ своей стороны помогла бы ему съ величайшимъ удовольствіемъ. Теперь австрійское правительство начало понимать, какую глубокую ошибку оно совершило въ 1849 году; императору представленъ былъ цѣлый рядъ записокъ, направленныхъ противъ „нивеллирующаго якобинизма" централизаціи и рекомендовавшихъ возвращеніе къ австрійской традиціи, считавшейся съ историческими и національными отличіями. И въ высшихъ сферахъ начали уже подумывать о перемѣнѣ системы.

Буолю не безъ труда удалось склонить Пруссію на соглашеніе 20 апрѣля 1854 г., „союзъ совершенно особаго рода",—какъ говоритъ Зибель,—„сердечное соглашеніе, обставленное величайшими предосторожностями, братское довѣріе со всевозможными оговорками. Въ умѣ Австріи союзъ имѣлъ въ виду восточныя дѣла, въ умѣ Пруссіи—западныя". Буоль не преминулъ это замѣтить; въ то время, какъ онъ всѣми силами старался убѣдить Германію высказаться противъ Россіи, Пруссія съ успѣхомъ противодѣйствовала его усиліямъ. Въ виду этого Буоль, безъ совѣщанія съ своимъ союзникомъ, примкнулъ 8 августа къ программѣ западныхъ державъ, такъ называемымъ „четыремъ пунктамъ", а 2 декабря онъ при такихъ же условіяхъ подписалъ формальный договоръ съ Англіей и Франціей. Этой политикой онъ навлекъ на себя вражду Пруссіи и ненависть царя, а въ то же время западныя державы были не очень довольны тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не скоро рѣшился на этотъ шагъ. Стараясь всѣхъ перехитрить, онъ успѣлъ только возбудить всеобщее недовольство.

На Парижскомъ конгрессѣ онъ пожалъ плоды своей политики: несмотря на его сопротивленіе, державы признали единство Дунайскихъ княжествъ (Буоль протестовалъ противъ созданія у воротъ Венгріи новаго Пьемонта, всецѣло находящагося подъ французскимъ вліяніемъ), а итальянскій вопросъ былъ поставленъ передъ Европой. Австрія оказалась изолированной за одно удовольствіе оккупировать на нѣсколько мѣсяцевъ Дунайскія княжества и окончательно разстроить свои финансы. Бейстъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ результаты этой политики: „Россіи нанесено было глубокое оскорбленіе, и теперь она выжидала удобнаго случая для отмщенія; Пьемонтъ усилился и занялъ угрожающее положеніе; Франція была избалована и стала опасной; Англія была наполовину умаслена и колебалась; Пруссія обижена и выжидала удобнаго случая, чтобы взять реваншъ,—таково было положеніе вещей черезъ два года послѣ подписанія Парижскаго трактата". При такихъ условіяхъ Австрія начала борьбу съ Пьемонтомъ, вызвавшую вмѣшательство Франціи. Битвы при Мадджентѣ и Сольферино положили конецъ австрійскому господству въ Италіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и режиму абсолютизма. Въ Венгріи грозило вспыхнуть революціонное движеніе. Перемѣна режима являлась безусловной необходимостью, и 22 августа 1859 года Бахъ былъ уволенъ въ отставку.

Глава V.

Францiя.

Вторая Имперiя.

Внутренняя политика.

2 декабря 1852 года — 2 января 1870 года.

I.—Неограниченная Имперiя.

Наполеонъ III; усиленiе его власти.—Добившись короны, Наполеонъ III началъ, повидимому, главнымъ образомъ заботиться о расширенiи своей власти и объ обезпеченiи престола за своей династiей.

Въ то время его политика далеко не отличалась либеральнымъ характеромъ. „Свобода—говаривалъонъвпослѣдствiи,—никогда не служила орудiемъ къ созданiю прочнаго политическаго устройства; но она можетъ явиться увѣнчанiемъ зданiя, упроченнаго временемъ". Въ ожиданiи этого увѣнчанiя зданiя онъ добился сенатусъ-консульта 25 декабря 1852 г., значительно сократившаго компетенцiю Законодательнаго Корпуса въ области финансовыхъ вопросовъ. На основанiи этого сенатусъ-консульта торговые договоры, заключенные императоромъ, получали силу закона, даже если они вели къ измѣненiю тарифныхъ ставокъ; общественныя работы и предпрiятiя общественнаго характера разрѣшались и приводились въ исполненiе въ силу простого императорскаго декрета; наконецъ, бюджетъ вотировался не по отдѣльнымъ статьямъ, а для цѣлаго министерства сразу, распредѣленiе же кредитовъ по отдѣльнымъ статьямъ производилось самимъ императоромъ, который могъ притомъ разрѣшать переводъ суммъ изъ одной статьи въ другую. Кромѣ того, взаимныя отношенiя высшихъ государственныхъ учрежденiй между собою и отношенiя ихъ къ главѣ правительства устанавливались послѣднимъ (эти отношенiя вскорѣ урегулированы были императорскимъ декретомъ отъ 31 декабря).

Если къ этимъ новымъ ограниченiямъ политическихъ вольностей прибавить изданные за 1853—1855 гг. законы и декреты о подавленiи политическихъ преступленiй и покушенiй, о составленiи списковъ присяжныхъ засѣдателей, о назначенiи мэровъ и президентовъ „совѣтовъ свѣдущихъ людей" (прюдомовъ), а также о подчиненiи народныхъ учителей высшей департаментской администрацiи (префекты), то мы составимъ себѣ ясное представленiе о завоеванiяхъ, сдѣланныхъ въ эпоху имперiи принципомъ власти, которой и безъ того даны были огромныя полномочiя конституцiей 1852 г. и диктаторскими законами-декретами.

Дворъ, императорская семья, императрица. — Несмотря на свое народное про-

исхожденіе и на свои постоянныя ссылки на революцію, новая имперія, по образцу первой, не преминула впасть въ подражаніе традиціоннымъ нравамъ монархіи. Поселившись въ Тюильрійскомъ дворцѣ, подобно своему дядѣ, и подобно ему получая 25 милліоновъ по цивильному листу [1]), Наполеонъ III скоро окружилъ себя пышнымъ дворцомъ, къ которому онъ старался привлечь дворянъ и при которомъ воцарился строгій придворный этикетъ. Не довольствуясь щедрой раздачей титула „маршала Франціи", онъ съ самаго начала завелъ при дворѣ оберъ-гофмаршала, оберъ-камергера, оберъ-шталмейстера, оберъ-егермейстера, императорскаго духовника и цѣлый рядъ сановниковъ низшаго ранга. Затѣмъ онъ учредилъ привилегированную императорскую лейбъ-гвардію.

У него была „гражданская семья", поставленная въ личную отъ него зависимость, и „политическая семья", изъ среды которой сенатусъ-консультомъ 7 ноября ему разрѣшено было назначить своего наслѣдника. Въ послѣднюю входилъ только эксъ-король Жеромъ и двое его дѣтей, принцесса Матильда и принцъ Наполеонъ. Декретомъ 18 декабря 1852 года было постановлено, что въ случаѣ бездѣтности императора престолъ перейдетъ къ Жерому, а послѣ него къ его сыну. Въ виду преклоннаго возраста принца Жерома его вступленіе на престолъ представлялось весьма маловѣроятнымъ, но второму принцу было всего тридцать лѣтъ. Онъ обладалъ широкимъ умомъ, но по временамъ отличался крайней рѣзкостью; въ Законодательномъ Собраніи онъ засѣдалъ на скамьяхъ Горы и, несмотря на свое новое положеніе, сохранилъ демократическіе и антиклерикальные аллюры, возмущавшіе консервативныя сферы и приводившіе поэтому императора въ смущеніе. Наполеонъ призналъ его своимъ наслѣдникомъ въ надеждѣ, что, во-первыхъ, ему удастся сдержать его порывы, а во-вторыхъ, оказывать черезъ его посредство извѣстное вліяніе на демократическую партію. Во всякомъ случаѣ, послѣ установленія имперіи, онъ предпочиталъ держать его поближе къ себѣ. Впрочемъ, онъ такъ же мало хотѣлъ оставить ему престолъ, какъ высшія государственныя учрежденія (и въ особенности Сенатъ) хотѣли видѣть его своимъ императоромъ.

Наполеону хотѣлось имѣть прямого наслѣдника. Поэтому немедленно по вступленіи своемъ на престолъ онъ началъ подыскивать себѣ жену. Но его предложенія въ этомъ смыслѣ не были особенно благосклонно встрѣчены старыми европейскими дворами, которые готовы были, пожалуй, признать его императоромъ [1]), но относились къ его личности не съ особеннымъ уваженіемъ и не очень-то вѣрили въ прочность его положенія. Ему не удалось добиться руки какой-нибудь принцессы ни изъ дома Гогенцоллерновъ, ни изъ дома Вазы. Убѣдившись въ тщетѣ своихъ попытокъ и будучи склоннымъ къ оригинальнымъ поступкамъ, онъ рѣшилъ вступить въ бракъ по любви. 22 января 1853 года онъ возвѣстилъ о своемъ намѣреніи сочетаться бракомъ съ молодой испанкой изъ дворянской, но не царствующей фамиліи, Евгеніей Монтихо, въ которую онъ незадолго до того влюбился, и заявилъ (правда, нѣсколько поздно), что онъ гордится званіемъ „выскочки".

И дѣйствительно, онъ женился на ней черезъ нѣсколько дней (30 января). Но-

---

[1]) Въ силу сенатусъ-консульта 12 декабря 1852 года, который обезпечивалъ ему, кромѣ того, пользованіе государственными лѣсами, дворцами и мануфактурами и отпускалъ на содержаніе его семьи ежегодно 1.500.000 франковъ.

[1]) Вѣнскій, берлинскій и петербургскій дворы сдѣлали это, вдобавокъ, съ явной неохотой. Они признали его почти съ оскорбительными оговорками; высокомѣрное и презрительное письмо, присланное ему по этому случаю царемъ Николаемъ I, глубоко его оскорбило.

вая императрица, которая, по словамъ Наполеона, должна была воскресить „добродѣтели императрицы Жозефины“, своей красотой, граціей и роскошью придала новый блескъ придворнымъ празднествамъ, которыя съ этого времени давались въ Тюильри почти безъ перерыва. Но эта неизвѣстная, капризная и фривольная женщина никогда не пользовалась настоящей популярностью. Слѣдуетъ прибавить, что, воспитанная въ католическомъ духѣ, она съ тѣмъ большей страстностью примкнула къ ультрамонтанской партіи, что принцъ Наполеонъ выказывалъ склонность бороться съ клерикалами, а этотъ принцъ, котораго она старалась удалить отъ трона, сдѣлался въ ея глазахъ противникомъ. Такимъ образомъ съ самаго начала вокругъ Наполеона III образовались двѣ враждебныя партіи, а безхарактерный императоръ никакъ не могъ безповоротно стать на сторону одной изъ нихъ, къ несчастью для своей собственной политики и для всей Франціи.

Ростъ національнаго богатства.—Насильственныя средства, пущенныя имъ въ ходъ для захвата власти, и ошибки, совершонныя имъ въ качествѣ императора, не должны скрывать отъ насъ его гуманныя чувства, его стремленія къ развитію національнаго богатства, а въ особенности къ улучшенію положенія трудящихся классовъ. Онъ былъ и хотѣлъ казаться человѣкомъ прогресса. Ему хотѣлось играть роль просвѣщеннаго деспота и обезпечить народу благосостояніе, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ все это могъ дѣлать лично, безъ чьихъ бы то ни было совѣтовъ и контроля, и чтобы въ дѣйствія его никто не вмѣшивался. Въ первые годы его царствованія капризная и безпорядочная, но вмѣстѣ съ тѣмъ плодотворная дѣятельность Наполеона не встрѣтила никакихъ помѣхъ, и исторія, которая во многихъ отношеніяхъ должна быть крайне къ нему строга, не можетъ умолчать о томъ добрѣ, которое совершено было по его прямой иниціативѣ или подъ его вліяніемъ.

Въ эту эпоху во Франціи возникло множество благотворительныхъ учрежденій, яслей, дѣтскихъ пріютовъ, богадѣленъ, обществъ взаимопомощи (число которыхъ за три года возросло на цѣлую треть). Правительство содѣйствовало основанію дешевыхъ жилищъ для рабочихъ въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ и пыталось организовать врачебную помощь въ городахъ и деревняхъ. Съ другой стороны, основаніе *Credit foncier* (1852 г.), который въ 1854 году сдѣлался настоящимъ государственнымъ учрежденіемъ, дало возможность крупнымъ и мелкимъ землевладѣльцамъ, а также коммунамъ и департаментамъ доставать за невысокіе проценты необходимые для ихъ предпріятій капиталы. Крупныя желѣзнодорожныя линіи, постройка которыхъ при Луи-Филиппѣ едва началась, быстро доведены были до конца; кромѣ того, проведены были многія другія желѣзныя дороги, а также учреждены были правильные рейсы трансатлантическихъ пароходовъ въ Гаврѣ, Сенъ-Назерѣ и Бордо (1857 г.).

Благодаря этимъ новымъ средствамъ сообщенія, торговые обороты усилились и расширились. Желѣзодѣлательная промышленность, горнодѣліе, производство свѣтильнаго газа и т. п. преобразуются и быстро развиваются. Парижъ подъ диктаторскимъ управленіемъ префекта Османа (Гаусмана) (съ 1853 года) украшается, оздоровляется и, благодаря проведенію новыхъ улицъ и постройкѣ новыхъ зданій, приноровляется къ потребностямъ современной жизни; его примѣру начинаютъ слѣдовать остальные большіе города. Всемірная выставка 1855 года обнаружила громадные успѣхи, сдѣланные въ короткое время французской промышленностью; эти успѣхи не слѣдуетъ, конечно, приписывать исключительно императорскому правительству, но не подлежитъ сомнѣнію, что оно

въ значительной мѣрѣ имъ содѣйствовало.

Первые симптомы недовольства. — Но даже и первые годы Второй Имперіи не были сплошнымъ періодомъ величія и благоденствія; медаль имѣла и свою оборотную сторону. Примѣръ двора, а также слишкомъ быстрое образованіе или ростъ богатства нѣкоторыхъ спекулянтовъ развили въ буржуазіи, а скоро и въ народѣ, наряду съ стремленіемъ къ комфорту, жажду роскоши и необузданную погоню за наслажденіями. Колоссальныя биржевыя операціи, которыя вызваны были государственными займами и выпускомъ на рынокъ множества промышленныхъ и финансовыхъ цѣнностей, породили погоню частныхъ лицъ за быстрой наживой. Общественная мораль явно измѣнилась; биржевая игра сдѣлалась потребностью. Тщетно императоръ высказываетъ свое одобреніе сочиненіямъ, которыя обличаютъ и высмѣиваютъ биржевую спекуляцію [1]); даже окружающія его лица заражены этой болѣзнью, а его платоническія увѣщанія не производятъ никакого дѣйствія.

Притокъ и быстрое обращеніе капиталовъ, равно какъ украшеніе городовъ вскорѣ повлекли за собой вздорожаніе всѣхъ продуктовъ, отъ котораго особенно сильно страдали рабочіе, рантье и чиновники. Если къ этому экономическому кризису прибавить случайныя дѣйствія (неурожай, холеру), посѣтившія Францію въ 1853—1855 гг., наводненія 1855 и 1856 года, наконецъ убійственно продолжительную Крымскую войну, которая обездолила множество семействъ и въ которой народъ не усматривалъ никакихъ выгодъ для страны, то мы поймемъ, что уже и въ это время оптимистическое и довѣрчивое настроеніе націи не свободно было отъ нѣкоторой примѣси недовольства.

[1]) Комедія Понсара „La Bourse" и брошюра „Les Manieurs d'argent". Оба эти сочиненія вышли въ 1856 году.

Оппозиціонныя партіи (легитимисты, орлеанисты, республиканцы) съ 1852 до 1857 года.—Правда, народъ почти не сознавалъ этого недовольства. Впрочемъ, онъ почти совершенно лишенъ былъ легальныхъ путей для выраженія этого недовольства, а пустить въ ходъ незаконныя средства ему не приходило въ голову. Народъ не устраивалъ манифестацій. Конечно, враждебныя имперіи партіи не сложили оружія и не отказались цѣликомъ отъ своихъ надеждъ. Но онѣ не успѣли еще оправиться отъ растерянности и унынія, въ которое повергъ ихъ государственный переворотъ. Онѣ производили впечатлѣніе офицеровъ безъ арміи; нерѣшительный характеръ ихъ дѣйствій и недостатки примѣняемой ими тактики, казалось, еще надолго обрекали ихъ на полное безсиліе.

Наименѣе опасной была, конечно, легитимистская партія, которая составляла ничтожное меньшинство націи и была страшно непопулярна въ народныхъ массахъ. А между тѣмъ правительство относилось къ ней съ величайшей предупредительностью въ виду ея тѣсной связи съ духовенствомъ, въ которомъ оно само сильно нуждалось. Въ виду этого извѣстное количество роялистовъ примкнуло къ имперіи безъ особаго сопротивленія и начало принимать отъ нея должности и чины [1]). Другіе мирно будировали или сочиняли острыя эпиграммы, которыя сердили Наполеона III, но особеннаго вреда причинить ему не могли. Къ тѣмъ, кто отличался слишкомъ злымъ язычкомъ, по временамъ врывалась полиція, уносившая ихъ бумаги. Нѣкоторые роялисты основали „Федеральную Лигу", существовавшую, впрочемъ, только на бумагѣ (1853 г.). Вожаки партіи ѣздили въ Фросдорфъ и привозили оттуда лозунгъ, обязательно сводившійся къ воздержанію.

[1]) Укажемъ, напримѣръ, на герцога Муши и маркизовъ Ларошжаклэна и Пасторэ, вступившихъ въ Сенатъ.

Графъ Шамборъ, самый непримиримый и самый инертный изъ всѣхъ претендентовъ, какъ будто поставилъ себѣ задачей убить энергію своихъ сторонниковъ своей полной достоинства, но чисто выжидательной и безполезной политикой.

Орлеанизмъ, насчитывавшій въ своихъ рядахъ настоящихъ государственныхъ людей, администраторовъ, генераловъ и талантливыхъ писателей, несмотря на свое фактическое безсиліе, постоянно внушалъ Наполеону III сильное безпокойство. Осторожный „Journal des Débats“, служившій оффиціальнымъ органомъ этой партіи, гораздо больше выводилъ изъ себя императора тѣмъ, чего онъ не хотѣлъ говорить, чѣмъ тѣмъ, что онъ говорилъ. Хотя орлеанскіе принцы были изгнаны изъ Франціи и ограблены, но у нихъ оставались тамъ богатые и образованные сторонники, оппозиція которыхъ, при всей корректности и умѣренности своей формы, отличалась тѣмъ не менѣе непримиримымъ характеромъ.

Во всякомъ случаѣ орлеанскіе принцы, которые также не обнаруживали никакой энергіи, могли бы причинить серьезныя затрудненія императорскому правительству лишь въ томъ случаѣ, если бы „сліяніе“ привело къ искреннему и полному примиренію обѣихъ отраслей династіи Бурбоновъ. Но эта политика экивоковъ натолкнулась, съ одной стороны, на лойяльное сопротивленіе графа Шамбора, который требовалъ отъ своихъ родственниковъ безусловнаго подчиненія и признанія его божественнаго права, а съ другой— на непобѣдимое отвращеніе орлеанистовъ, которые, какъ, напримѣръ, Тьеръ, Ремюза, Дювержье де Горанъ и т. п., не хотѣли пожертвовать для бѣлаго знамени принципами 1789 года. Герцогъ Омальскій, принцъ Жуанвильскій, герцогиня Орлеанская и ея дѣти рѣшительно отказались принести такую жертву. Такимъ образомъ визитъ, сдѣланный въ концѣ 1853 года герцогомъ Немурскимъ „главѣ французской династіи“ въ Фросдорфѣ, и отвѣтный визитъ послѣдняго (въ 1854 году) королевѣ Маріи Амеліи, не привели ни къ чему. Глубокія разногласія и личная вражда, раздѣлявшія обѣ семьи, остались въ полной силѣ, а публичное констатированіе этихъ разногласій съ графомъ Шамборомъ въ 1857 году надолго сдѣлало всякую новую попытку къ сближенію обѣихъ отраслей династіи безполезной.

Въ ожиданіи сліянія обѣихъ династій или реставраціи одной изъ нихъ легитимисты и орлеанисты составили такъ называемую „либеральную“ коалицію, которая поставила себѣ цѣлью добиваться возстановленія парламентскихъ вольностей, отмѣненныхъ режимомъ 1852 года. Эта котерія насчитывала въ своихъ рядахъ много выдающихся и талантливыхъ людей, но она фатально осуждена была на безсиліе именно потому, что она состояла изъ генераловъ, съ презрѣніемъ относившихся къ всеобщему избирательному праву и не желавшихъ смѣшиваться съ толпой. Ея главный органъ, „Le Correspondant“, читался только въ салонахъ; ея главной квартирой была Французская Академія, гдѣ господами положенія были „старыя партіи“, какъ ихъ называли. Въ періодъ 1854—1857 г. тонъ задавали тамъ такіе господа, какъ Гизо, Тьеръ, Монталамберъ; они ввели туда одного за другимъ Дюпанлу, Беррье, Сильвестра де Саси, герцога Бройля, графа Фаллу. Каждое изъ этихъ собраній разсматривалось новой Фрондой какъ великая побѣда; во время торжественнаго принятія каждаго новаго члена произносились тщательно обработанныя рѣчи, полныя многозначительныхъ намековъ, которые подчеркивались аристократической и ханжеской аудиторіей, поражали имперію и ея правящій персоналъ въ самое сердце, но не мѣшали имъ чувствовать себя прекрасно.

Республиканская партія, насчитывав-

шая гораздо больше сторонниковъ, болѣе рѣшительная и готовая къ дѣйствію, естественно внушала Наполеону III больше опасеній и вызывала съ его стороны самое тщательное слѣженіе. Но она была бѣдна; въ самой Франціи проживали лишь немногіе изъ ея вождей, а остальные (и самые выдающіеся) находились тогда въ ссылкѣ или изгнаніи (въ Швейцаріи, Бельгіи, Англіи и т. д.). Тѣ же изъ дѣятелей 1848 года, которые имѣли возможность остаться во Франціи или возвратиться туда, должны были молчать или служить своему дѣлу съ крайней осторожностью. Кавеньякъ, за которымъ строго слѣдили, держался въ сторонѣ отъ общественной жизни; Жюль Фавръ произносилъ талантливыя рѣчи, которыхъ правительство не разрѣшало печатать; Жюль Бастидъ тайкомъ внушалъ новому поколѣнію сознаніе его правъ и обязанностей; Гудшо съ большимъ трудомъ устраивалъ подписки въ пользу эмигрантсвъ. Немногія газеты, въ которыхъ могли высказываться представители демократической оппозиціи (*Siècle, Charivari, Presse*), старались вести себя скромно и чинно, чтобы избѣгнуть административныхъ каръ. Когда умиралъ какой-нибудь блестящій носитель республиканской идеи, какъ Марра и Араго въ 1853 году или Ламеннэ въ 1854 году, то народъ вооруженной силой не допускался къ участію въ похоронахъ. Нѣсколько студенческихъ сборищъ, нѣсколько свистковъ, которыми встрѣчены были въ 1855 году Сентъ-Бэвъ и Низаръ въ Collège de France и въ Сорбоннѣ,—вотъ и всѣ публичныя манифестаціи, которыя позволяла себѣ учащаяся молодежь, нѣкогда строившая баррикады.

Правда, во served мракѣ и въ тайнѣ (раскрывавшейся императорской полиціей) эмиссары и сообщники эмигрантовъ, проживавшихъ въ Лондонѣ или Брюсселѣ, лишенные поддержки и помощи, организовывали одинъ заговоръ за другимъ. Заговорщики замышляли то захватить императора, то убить его. Эти комплоты приводили къ процессамъ, какъ, напримѣръ, дѣла Гипподрома и Комической Оперы, „Революціонной Коммуны“ и т. п., за которыми неизмѣнно слѣдовали новыя высылки (1853—1854). Иногда совершались отдѣльными личностями покушенія на жизнь императора, какъ, напримѣръ, покушенія Піанори и Беллемаре (апрѣль—сентябрь 1855 года). Но общественное спокойствіе этими покушеніями не нарушалось; а народная масса не возмущалась тѣмъ обстоятельствомъ, что правительство, воспользовавшись удобнымъ предлогомъ, наполняло тюрьмы подозрительными людьми, а затѣмъ ссылало ихъ безъ суда (какъ оно поступило, напримѣръ, съ Артуромъ Ранкомъ въ 1855 году). Въ общемъ народъ выказывалъ полную покорность; и если не считать незначительной стычки въ Анжерѣ (въ августѣ 1855 года), то нельзя указать ни одной попытки народнаго возмущенія въ первые годы Второй Имперіи.

Законодательный Корпусъ и выборы 1857 года.—Казалось такимъ образомъ, что въ общемъ новый политическій режимъ застрахованъ отъ всякихъ потрясеній. Особенно обезпеченнымъ представлялось его будущее въ 1856 году по окончаніи Крымской войны, покрывшей французское оружіе славой и сдѣлавшей Наполеона III на Парижскомъ конгрессѣ какъ бы верховнымъ распорядителемъ судебъ Европы. Въ то же время судьба послала ему сына [1]), крестнымъ отцомъ котораго счелъ за честь быть самъ папа Пій IX. Послѣ этого событія Наполеонъ III могъ считать судьбу своей династіи вполнѣ обезпеченной. Во всякомъ случаѣ онъ безъ страха ожидалъ перваго обновленія За-

[1]) Евгеній-Луи-Жанъ-Іозефъ, императорскій принцъ, родился въ Парижѣ 16 марта 1856 года, убитъ въ Улунди въ странѣ зулусовъ 1 іюня 1879 года.

конодательнаго Корпуса, которое должно было имѣть мѣсто въ слѣдующемъ году.

Составленный изъ правительственныхъ креатуръ, Законодательный Корпусъ не дѣлалъ никакихъ серьезныхъ усилій для того, чтобы выйти изъ того пассивнаго и унизительнаго положенія, на которое обрекла его конституція 1852 года. Засѣданія этой палаты, подчиненной Государственному Совѣту, происходили почти втайнѣ [1]); онъ принималъ цѣликомъ законопроекты, которые не онъ вырабатывалъ и въ которые онъ не имѣлъ даже права вносить поправки, вотировалъ бюджетъ по министерствамъ, смиренно подчинялся совершившимся фактамъ, не спрашивалъ у правительства объясненія его политики, а тѣмъ паче не смѣлъ выражать ему порицаніе. Нашелся въ составѣ этого собранія одинъ человѣкъ, позволившій себѣ заговорить независимымъ языкомъ,—это Монталамберъ, который въ свое время присоединился къ политикѣ государственнаго переворота, но затѣмъ опомнился и сдѣлался ярымъ противникомъ новаго режима. Товарищи его съ ужасомъ выслушивали его рѣчи, въ которыхъ онъ требовалъ возстановленія свободы, а одинъ разъ они даже разрѣшили правительству отдать его подъ судъ [2]).

Президентъ Билло, а затѣмъ смѣнившій его на президентскомъ креслѣ Морни безъ особаго труда могли, конечно, руководить дебатами подобнаго собранія; правительству, естественно, желательно было, чтобы составъ его оставался безъ перемѣны. На дѣлѣ, благодаря системѣ оффиціальныхъ кандидатуръ, почти всѣ депутаты Законодательнаго Корпуса были переизбраны (22 іюня 1857 года), кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, которые, подобно Монталамберу, не пользовались покровительствомъ администраціи. Такъ какъ свободы личности, печати и собраній не существовало, то противники правительства большей частью воздерживались отъ участія въ избирательной борьбѣ. Орлеанистскихъ и легитимистскихъ кандидатовъ было очень мало; „старыя партіи“ представлены были въ новой палатѣ нѣсколькими „независимыми“, въ родѣ Брама или Плишона, которые въ сущности вовсе не были противниками имперіи.

Что же касается демократической оппозиціи, то разсчитывать на успѣхъ она могла только въ очень крупныхъ городахъ, а въ особенности въ столицѣ. Но даже и здѣсь недостатокъ дисциплины и единства дѣйствій принесли ей значительный вредъ. Жившіе за границей республиканскіе эмигранты рекомендовали абсолютное воздержаніе отъ участія въ выборахъ или отказъ отъ присяги. Въ Парижѣ республиканцы никакъ не могли столковаться относительно кандидатовъ; въ результатѣ оппозиція одержала побѣду только въ пяти округахъ изъ десяти и провела Кавеньяка, Гудшо, Карно, Эмиля Оливье и Даримона. Впрочемъ, изъ первыхъ трехъ одинъ, а именно Кавеньякъ, скончался вкорѣ послѣ выборовъ (28 октября 1857 года), а другіе оба, какъ и въ 1852 году, отказались отъ принесенія присяги. Правда, на дополнительныхъ выборахъ, имѣвшихъ мѣсто спустя нѣсколько мѣсяцевъ (въ апрѣлѣ 1858 года), въ Законодательный Корпусъ избраны были Жюль Фавръ и Эрнестъ Пикаръ.

[1]) Съ 1852 года не печаталось стенографическихъ отчетовъ о парламентскихъ дебатахъ. Газеты могли печатать только краткій, безцвѣтный и сухой оффиціальный протоколъ о преніяхъ палаты. Монталамберъ, бывшій тогда членомъ Законодательнаго Корпуса, впослѣдствіи говорилъ: „Никто никогда не узнаетъ, что я выстрадалъ въ этомъ душномъ и темномъ подвалѣ, гдѣ я провелъ шесть лѣтъ въ борьбѣ съ пресмыкающимися“.

[2]) За письмо, содержавшее нѣсколько ироническихъ выходокъ по адресу имперіи, посланное Монталамберомъ Дюпену старшему и напечатанное въ Бельгіи. Впрочемъ, правительство, удовлетворившись полученнымъ разрѣшеніемъ, не дало этому дѣлу дальнѣйшаго движенія (апрѣль 1854 года).

Эти два новыхъ депутата вмѣстѣ съ Оливье и Даримономъ, а также Геномъ, депутатомъ Ронскаго департамента, составили группу „Пяти“, которая вплоть до 1863 года являлась единственнымъ представителемъ демократической оппозиціи въ новой палатѣ. Одного ораторскаго искусства Жюля Фавра, Эмиля Оливье и Эрнеста Пикара было недостаточно для ниспроверженія имперіи, и непрерывныя усилія „Пяти“ не могли бы ее поколебать, если бы Наполеонъ III не оттолкнулъ отъ себя значительную часть своихъ прежнихъ друзей, которые въ продолженіе второй половины его царствованія, даже и не желая его паденія, фактически содѣйствовали нападкамъ отъявленныхъ враговъ имперскаго режима.

Наполеонъ III принужденъ былъ въ 1860 году сблизиться съ демократіей и перейти, безъ всякой пользы для имперіи, отъ принципа власти къ принципу свободы вслѣдствіе разрыва съ клерикальными и протекціонистскими элементами, то-есть съ двумя главными элементами консервативной партіи, на которую онъ опирался со времени государственнаго переворота. Историкъ долженъ приписать огромное значеніе этому двойному разрыву, безъ котораго результаты 1852 года еще долго оставались бы, безъ сомнѣнія, въ полной неприкосновенности.

Начало раздора между Наполеономъ III и Римской куріей. — Послѣ римской экспедиціи и принятія закона Фаллу католическая партія въ теченіе долгаго времени была ярымъ и вѣрнымъ сотрудникомъ наполеоновской политики. Высшее французское духовенство привѣтствовало государственный переворотъ и приняло самое дѣятельное участіе въ возстановленіи имперіи. За исключеніемъ небольшой группы такъ называемыхъ „либеральныхъ“ католиковъ (Дюпанлу, Монталамберъ, Бройль, Кошенъ и т. п.), которымъ св. престолъ выражалъ неодобреніе, сторонники папы объявили себя друзьями императора. Епископы привѣтствовали въ Наполеонѣ III новаго Константина. Самый рѣзкій и непримиримый изъ всѣхъ ультрамонтановъ, Луи Вейо, вмѣстѣ со своей газетой „L'Univers“ выступилъ на защиту новаго режима. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ не переставалъ расточать похвалы государю, который силою оружія охранялъ свѣтскую власть папы, снова отдалъ воспитаніе юношества въ руки церкви и содѣйствовалъ развитію монашескихъ орденовъ.

Но мало-по-малу тѣсный союзъ правительства и духовенства ослабѣлъ. Теперь извѣстно (чего большинство современниковъ въ то время не знало), что въ теченіе трехъ лѣтъ (1852—1854) Наполеонъ III тщетно настаивалъ на томъ, чтобы Пій IX пріѣхалъ въ Парижъ короновать его, подобно тому какъ Пій VII въ свое время прибылъ туда на коронацію Наполеона I, и что въ то же время папа безуспѣшно старался добиться отмѣны органическихъ статей и закона, запрещавшаго совершеніе церковнаго вѣнчанія раньше заключенія гражданскаго брака. Къ этимъ первымъ недоразумѣніямъ вскорѣ присоединился болѣе чѣмъ холодный пріемъ, оказанный императорскимъ правительствомъ догмату „Непорочнаго Зачатія Пресвятой Дѣвы“, а также процессъ Салеттской Дѣвы, получившій крайне досадную для католической церкви огласку, помѣшать которой правительство не пыталось (1854—1855).

Недовѣріе католическаго духовенства къ императору главнымъ образомъ поколебалось благодаря франко-пьемонтскому союзу, заключенному во время Крымской войны (26 января 1855 года), и благодаря открытой поддержкѣ, оказанной Наполеономъ III Кавуру во время Парижскаго конгресса (1856 г.). Соединяясь съ правительствомъ, которое намѣревалось продолжить за свой счетъ

итальянскую революцію, не удавшуюся въ 1849 году, Наполеонъ III далъ этимъ понять католической церкви, что онъ вовсе не считаетъ себя обязаннымъ во всѣхъ случаяхъ считаться съ нею и что духъ карбонарія 1831 года еще не всецѣло изгладился въ его душѣ. А послѣ Парижскаго конгресса поведеніе императора по отношенію къ папѣ, которому онъ настоятельно рекомендовалъ даровать своимъ подданнымъ реформы, и по отношенію къ Виктору Эммануилу, которому онъ съ каждымъ днемъ подавалъ все больше надеждъ, получило еще болѣе многозначительный характеръ. Въ самой Франціи онъ устроилъ похороны Беранже на государственный счетъ и вернулъ старому галликанцу Дюпену должность главнаго прокурора Кассаціоннаго Суда (іюль — ноябрь 1857 года). Но онъ продолжалъ все-таки колебаться попрежнему и еще не сдѣлалъ рѣшительнаго шага; итальянскіе революціонеры и совершенныя ими покушенія окончательно увлекли его на тотъ путь, на который онъ до сихъ поръ не рѣшался открыто вступить.

Итальянскіе патріоты; покушеніе Орсини и законъ объ общественной безопасности.— Бывшіе защитники Римской республики не могли простить ему экспедиціи 1849 года. Такъ какъ въ молодости онъ самъ принималъ участіе въ тайныхъ обществахъ, то они прежде разсчитывали даже на его содѣйствіе и смотрѣли на него не только какъ на противника, но и какъ на измѣнника. Многіе изъ нихъ были убѣждены, что его смерть освободитъ не только Францію, но и Италію. Одинъ изъ нихъ, Танори, покушался на его жизнь въ 1855 году, а черезъ два года (въ іюлѣ 1857 года) другой итальянскій патріотъ, Тибальди, былъ арестованъ и осужденъ по обвиненію въ заговорѣ съ той же цѣлью. Неудача этихъ покушеній не помѣшала новымъ попыткамъ въ томъ же духѣ, и 14 января 1858 года четыре итальянскихъ патріота, во главѣ которыхъ стоялъ бывшій членъ римскаго учредительнаго собранія, Феликсъ Орсини, бросили подъ карету императора въ тотъ моментъ, когда она подъѣзжала къ оперѣ, нѣсколько бомбъ, которыя убили и ранили 156 человѣкъ, но не задѣли Наполеона III.

Императоръ воспользовался этимъ неудачнымъ покушеніемъ, вызвавшимъ всеобщее неодобреніе, для того чтобы возобновить преслѣдованія французскихъ республиканцевъ, которые не имѣли никакого отношенія къ заговору Орсини. Правительство снова пустило въ ходъ суровую репрессію. Вся Франція была какъ бы объявлена въ осадномъ положеніи и раздѣлена на пять военныхъ генералъ-губернаторствъ, а въ Законодательный Корпусъ былъ внесенъ новый законъ о подозрительныхъ подъ названіемъ „законъ объ общественной безопасности“ (1 февраля). Этотъ законъ, покорно, но не безъ нѣкотораго отвращенія принятый палатой, давалъ правительству право заключать въ тюрьму, высылать и изгонять административнымъ порядкомъ не только лицъ, виновныхъ въ подстрекательствѣ къ покушеніямъ противъ правительства, даже если это подстрекательство *не сопровождалось никакими послѣдствіями, въ преступныхъ проискахъ или соучастіи въ преступленіи, совершенномъ въ самой странѣ или за границей*, въ изготовленіи, продажѣ, передачѣ или храненіи взрывчатыхъ веществъ, но также осужденныхъ за участіе въ незаконныхъ сборищахъ, тайныхъ обществахъ, храненіи оружія, составленіи скопищъ и другихъ проступкахъ, и наконецъ даже тѣхъ лицъ, которыя уже подвергались преслѣдованіямъ за участіе въ возстаніяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ іюнѣ 1848 и въ іюнѣ 1849 года, и въ сопротивленіи государственному перевороту 2 декабря. Для примѣненія этого закона императоръ назначилъ министромъ внутреннихъ дѣлъ

генерала Эспинаса, извѣстнаго своимъ участіемъ въ государственномъ перевороте, а этотъ замѣчательный министръ послалъ каждому префекту приказъ указать ему опредѣленное число жертвъ. Около двухъ тысячъ республиканцевъ было арестовано, а около трехсотъ человѣкъ безъ суда были сосланы въ глухія мѣста Алжиріи.

Тайный договоръ въ Пломбьерѣ.—Послѣ покушенія 14 января духовенство и католическая партія стали надѣяться, что отнынѣ императоръ откажется отъ всякой мысли о соглашеніи съ Пьемонтомъ и снова приметъ сторону папы. Нѣкоторыя проявленія католическаго усердія, которыхъ имъ удалось отъ него добиться, поддерживали въ нихъ эту иллюзію въ продолженіе части 1858 года. А въ сущности онъ въ это время снова склонился на сторону революціонныхъ идей; въ немъ совершился одинъ изъ психологическихъ поворотовъ, обыкновенно свойственныхъ его впечатлительной и романтической натурѣ, и теперь онъ считалъ итальянскую войну необходимой, хотя раньше отступалъ предъ мыслью объ этой войнѣ, какой бы желательной она ему ни представлялась. Онъ твердо рѣшился не откладывать ее въ долгій ящикъ, и удивительнѣе всего то, что къ этому рѣшенію онъ пришелъ подъ вліяніемъ просьбы Орсини.

Извѣстно, что послѣдній написалъ императору изъ тюрьмы трогательное письмо, въ которомъ умолялъ его загладить свой грѣхъ предъ Италіей и возвратить свободу двадцати пяти милліонамъ людей, ненавидящихъ его и желающихъ ему смерти, но готовыхъ, если онъ заступится за нихъ, благословлять его имя и чтить его память. При этомъ Орсини давалъ ему понять, что если онъ попрежнему будетъ мѣшать осуществленію стремленій итальянскихъ патріотовъ, то покушенія на его жизнь не прекратятся. Наполеонъ III позволилъ защитнику Орсини, Жюлю Фавру, прочитать это письмо во время процесса, и знаменитый адвокатъ сопроводилъ это чтеніе такими комментаріями, къ которымъ императоръ не могъ остаться хладнокровнымъ. Вскорѣ послѣ того префектъ полиціи Піетри явился къ осужденному Орсини въ камеру и убѣдилъ его написать второе письмо, въ которомъ Орсини, въ интересахъ итальянскаго освобожденія, рекомендовалъ своимъ политическимъ единомышленникамъ отказаться отъ такихъ насильственныхъ дѣйствій, какъ убійства. Орсини написалъ это письмо, а затѣмъ вышелъ на эшафотъ (13 марта 1858 года); однимъ почеркомъ пера онъ измѣнилъ судьбы своего отечества.

Вскорѣ послѣ этого Наполеонъ III началъ вести съ графомъ Кавуромъ таинственные переговоры, закончившіеся заключеніемъ тайнаго договора въ Пломбьерѣ (21 іюля 1858 года). Это былъ настоящій заговоръ, съ неизбѣжной необходимостью подготовившій войну 1859 г. (о которой говорится въ другой главѣ этой книги). По этому договору Франція обязалась помочь Пьемонту изгнать австрійцевъ изъ Италіи и получала въ награду за эту поддержку Савойю и графство Ниццу; Викторъ-Эммануилъ удовлетворялся присоединеніемъ къ своимъ владѣніямъ сѣверной части полуострова, а Италія превращалась въ союзное государство подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы. Но не нужно было быть пророкомъ для того, чтобы предсказать, что, разнуздавши революцію по ту сторону Альпъ, Наполеонъ III не въ силахъ будетъ сдержать ея размаха, что папа, равно какъ и остальные государи полуострова будутъ лишены своихъ владѣній и что вся эта авантюра логически приведетъ къ полному объединенію Италіи.

Первые результаты Итальянской войны.—Папа, французское духовенство и католическая партія прекрасно понимали, къ чему приведетъ союзъ Франціи съ Пье-

монтомъ. Ихъ опасенія особенно усилились въ послѣдніе мѣсяцы 1858 года, когда выяснилась новая политическая эволюція Наполеона III, начавшаго выказывать благоволеніе итальянской національной партіи и потворствовать антиклерикальной прессѣ [1]). Вскорѣ вступленіе принца Наполеона въ бракъ съ принцессой Клотильдой, дочерью Виктора-Эммануила (30 января 1859 года), воочію доказало существованіе франко-пьемонтскаго союза, и война сдѣлалась неизбѣжной. Въ послѣдній моментъ (апрѣль 1859 года) ультрамонтанскіе депутаты потребовали въ Законодательномъ Корпусѣ отъ правительства объясненій относительно тѣхъ послѣдствій, которыя война можетъ имѣть для свѣтской власти папы. Туманныя заявленія министра Бароша въ пользу св. престола не вполнѣ успокоили католическую партію.

Затѣмъ событія пошли ускореннымъ темпомъ. Послѣ битвы при Маджентѣ (4 іюня) возстала вся центральная Италія, призванная къ оружію самимъ Наполеономъ III. Романья возмутилась противъ св. престола. Императоръ, который долженъ былъ бы предвидѣть это, испугался того оборота, который приняли событія. Императрица и министръ Валевскій, смущенные недовольствомъ католическаго духовенства, умоляли его сдержать революціонное движеніе. И непостоянный императоръ, поспѣшившій на другой день послѣ новой побѣды (при Сольферино) подписать предварительный договоръ въ Виллафранкѣ (11 іюля), сдѣлалъ это не столько потому, что онъ опасался мало вѣроятнаго нападенія со стороны Германіи, сколько изъ страха передъ католической партіей.

Но, какъ извѣстно, это предварительное соглашеніе, равно какъ и Цюрихскій договоръ, ничего не измѣнили; революція отказалась остановиться на полдорогѣ, центральная Италія, въ томъ числѣ и Романья, открыто заявили о своемъ желаніи присоединиться къ Пьемонту, а Наполеонъ III послѣ слабаго протеста снова повернулъ фронтъ и предоставилъ имъ полную свободу дѣйствій. Въ декабрѣ онъ сталъ доказывать папѣ — сначала въ получившей громкую извѣстность брошюрѣ, составленной однимъ изъ близкихъ къ нему людей [1]), а затѣмъ въ письмѣ, написанномъ имъ самимъ,—что лучшимъ исходомъ для папы явился бы добровольный отказъ отъ Папской Области. Пій IX съ негодованіемъ отвергъ эти совѣты и даже далъ Наполеону III оскорбительный отвѣтъ (январь 1860 г.). Въ виду этого императоръ, выработавшій совмѣстно съ Англіей планъ дѣйствій въ итальянскомъ вопросѣ, заключилъ съ Викторомъ-Эммануиломъ договоръ въ Туринѣ (24 марта 1860 года) и вступилъ наконецъ во владѣніе Савойей и Ниццей.

Угрозы ультрамонтановъ. — Это новое соглашеніе Наполеона III съ Кавуромъ вызвало взрывъ негодованія среди французскаго духовенства, которое въ цѣломъ рядѣ яростныхъ пасторскихъ посланій уже подало сигналъ къ своего рода крестовому походу противъ императора. Особенно отличался рѣзкимъ тономъ своихъ нападокъ орлеанскій епископъ Дюпанлу. „Либеральные“ католики въ этомъ вопросѣ дѣйствовали солидарно съ ультра-

---

[1]) Напримѣръ, газетамъ „Siècle“, редактору которой, Гавену, въ іюнѣ тайкомъ рекомендовалось продолжать свою кампанію въ пользу итальянскаго революціоннаго движенія, и „Presse“, гдѣ такую же кампанію велъ Геру, протеже принца Наполеона. „Patrie“, связь которой съ правительствомъ ни для кого не составляла секрета, открыто требовала войны съ Австріей. А оффиціальный органъ имперіи „Moniteur“ напечаталъ за подписью Эдмонда Абу рядъ писемъ, въ которыхъ устарѣлая политика папскаго правительства разоблачалась съ чисто вольтеріанскимъ жаромъ, т.-е въ крайне непочтительныхъ для католической церкви выраженіяхъ.

[1]) Артуръ де ла Геронньеръ. Брошюра называлась *„Папа и Конгрессъ“*.

Ж. Л. Э. Мейссонье.

Наполеонъ III при Сольферино.

монтанами, и Монталамберъ заговорилъ такимъ же языкомъ, какъ и Вейо. Газета послѣдняго „L'Univers" взяла такой рѣзкій тонъ, что правительство увидѣло себя вынужденнымъ ее закрыть (январь 1860 г.). Для протеста противъ новой политики императора въ Законодательномъ Корпусѣ образовалась оппозиціонная клерикальная группа. Послѣ заключенія Туринскаго договора нѣкоторые члены Сената съ величайшей энергіей защищали петиціи въ пользу сохраненія свѣтской власти папы (29—30 марта 1860 года).

Въ Бурбонскомъ Дворцѣ, съ одной стороны, группа „Пяти" порицала Наполеона III за то, что онъ оставилъ Венецію во власти Австріи и продолжалъ держать въ Римѣ французскій гарнизонъ вопреки желанію населенія, а съ другой стороны, католическая оппозиція, гораздо болѣе многочисленная (Лемерсье, Плишонъ, Флавиньи, Келлеръ и т.д.), жаловались на его потворство революціи и требовали новыхъ гарантій въ пользу папы. На всѣ эти упреки Барошъ могъ давать только уклончивые отвѣты. Въ это время (апрѣль 1860 года) Наполеонъ III готовился отозвать французскій гарнизонъ изъ Рима; и онъ осуществилъ бы свое намѣреніе, если бы этому не помѣшала экспедиція Гарибальди (май), который стремился возбудить революціонное движеніе не только въ Сициліи и Неаполѣ, но и въ самомъ Римѣ.

Французскія войска остались охранять папу. Но такимъ образомъ Наполеонъ III поставилъ себя въ двусмысленное положеніе и возстановилъ противъ себя всѣ партіи. Съ одной стороны, итальянцы перестали чувствовать къ нему всякую благодарность за прежнія услуги, оказанныя имъ итальянскому дѣлу, а съ другой стороны, католическая церковь стала считать себя совершенно свободной отъ всякой признательности за тѣ его услуги, которыя онъ ей оказывалъ прежде и продолжалъ оказывать въ разсматриваемое время. Тогда Наполеонъ III оружіемъ поддерживалъ католическіе интересы даже въ Китаѣ и изъявлялъ готовность точно такъ же поддерживать ихъ въ Сиріи; и въ это же время папа отдалъ свои войска подъ команду декабрьскаго изгнанника Ламорисьера, заклятаго врага французскаго императора, демонстративно вербовалъ въ свою армію французскую легитимистскую молодежь и, наконецъ, позволялъ въ присутствіи императорскаго отряда и трехцвѣтнаго знамени водружать бѣлое знамя и привѣтствовать имя Генриха V. Возмущенный этими выходками и въ то же время уговариваемый посланцами Кавура, доказывавшаго ему необходимость обуздать революцію и воспрепятствовать Гарибальди провозгласить республику въ Квириналѣ, Наполеонъ III въ концѣ-концовъ дозволилъ пьемонтской арміи двинуться въ Неаполь и занять почти всю Папскую Область. Это сдѣлало возможной битву при Кастельфидардо (18 сентября 1860 г.) и новые плебисциты, сдѣлавшіе Виктора-Эммануила королемъ Италіи.

Эти событія, естественно, еще больше возстановили французское духовенство противъ императора. На слѣдующій день послѣ Кастельфидардо всѣ церкви во Франціи огласились воплями скорби и негодованія. Жертвы, павшія въ этотъ день, чествовались епископами какъ мученики и святые. Епископскія посланія къ концу 1860 года приняли такой рѣзкій тонъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ счелъ необходимымъ подчинить закону о представленіи извѣстнаго числа экземпляровъ и обложить гербовымъ сборомъ тѣ изъ нихъ, которыя распространялись въ видѣ брошюръ. Вопреки закону составились общества для агитаціи и собиранія подписей въ пользу папы; они были распущены, и правительство пригрозило возбудить противъ нихъ судебное преслѣдованіе. Но епископы продолжали дѣйствовать въ прежнемъ духѣ,

а клерикальная агитація не прекращалась.

Торговый договоръ 1860 года; недовольство протекціонистовъ.—Наполеонъ III возстановилъ противъ себя не только католическую партію, но также протекціонистскіе элементы, то-есть классъ крупныхъ фабрикантовъ, горько упрекавшихъ его въ томъ, что онъ принесъ ихъ интересы въ жертву своей фритредерской политикѣ.

Виновники государственнаго переворота уже съ 1852 года втайнѣ поставили себѣ задачей не только поддержать движеніе къ національной независимости, но и осуществленіе теорій тѣхъ экономистовъ, которые требовали пониженія международныхъ барьеровъ и установленія свободной конкурренціи на всемірномъ рынкѣ. Интересы массы потребителей были ему дороже, чѣмъ интересы производителей, и въ первые же годы своего царствованія онъ воспользовался неурожаемъ для того, чтобы провести пониженіе тарифныхъ ставокъ, возбудившее тревогу въ рядахъ французскихъ фабрикантовъ. Затѣмъ онъ предложилъ Законодательному Корпусу (въ 1856 году) законопроектъ, имѣвшій цѣлью совершенно отмѣнить тарифныя ставки, носившія запретительный характеръ, и сильно понизить всѣ покровительственныя пошлины. Но фабриканты подняли такой крикъ, что онъ поспѣшилъ взять обратно свой проектъ.

Впрочемъ, съ его стороны это было простой отсрочкой вопроса, и съ этого момента этотъ „мягкій упрямецъ", никогда не отказывавшійся цѣликомъ отъ своихъ плановъ, выжидалъ лишь удобнаго случая для осуществленія своего намѣренія. Ему показалось, что наступили наконецъ благопріятныя для его цѣли условія, когда англійскіе фритредеры, въ содѣйствіи которыхъ онъ нуждался для низверженія министерства Дерби, мѣшавшаго его итальянской политикѣ, помогли Пальмерстону вернуться къ власти (іюнь 1859 года). На этотъ разъ онъ не сообщилъ о своихъ намѣреніяхъ ни публикѣ, ни Законодательному Корпусу. Въ величайшей тайнѣ министръ Руэръ выработалъ, совмѣстно съ англичаниномъ Кобдэномъ, торговый договоръ 23 января 1860 года между Франціей и Великобританіей. По этому договору, послужившему образцомъ для цѣлаго ряда другихъ трактатовъ, заключенныхъ въ слѣдующіе годы, Франція отказывалась отъ запретительныхъ ставокъ и замѣняла ихъ ввозными пошлинами, не превышающими 30% стоимости импортируемыхъ товаровъ. Съ другой стороны, Франція выговаривала себѣ свободный ввозъ нѣкоторыхъ своихъ продуктовъ въ Англію, равно какъ пониженіе пошлинъ съ французскихъ винъ и старинныхъ напитковъ.

Значительная часть французскихъ промышленниковъ отнеслась къ этому договору, какъ къ государственному перевороту и національному бѣдствію. Четыреста фабрикантовъ просили у императора аудіенціи, но получили отказъ. Но энергическій Пуйе-Кертье громко высказалъ въ Бурбонскомъ Дворцѣ протесты промышленнаго класса (24 апрѣля и 2 мая 1860 года), и агитація еще усилилась послѣ опубликованія спеціальныхъ конвенцій, коими опредѣлялись новыя тарифныя ставки (октябрь—ноябрь).

Декретъ 24 ноября 1860 года.—Наполеонъ III чувствовалъ, что вокругъ него скопляется грозная атмосфера ненависти. Въ теченіе послѣдняго года онъ старался сблизиться съ демократической партіей, еще недавно подвергавшейся съ его стороны самымъ суровымъ преслѣдованіямъ. По возвращеніи изъ Италіи онъ обнародовалъ амнистію, по которой большинство декабрьскихъ изгнанниковъ получили возможность возвратиться во Францію [1].

[1] Нѣкоторые выдающіеся эмигранты, какъ Викторъ Гюго, Шаррасъ, Луи Бланъ, Шельхеръ и т. п., демонстративно отказались отъ этой милости и не пожелали, пока будетъ существовать

Не отказываясь отъ своей диктаторской власти надъ печатью, онъ фактически предоставилъ либеральнымъ газетамъ извѣстную свободу, особенно въ области ихъ полемики съ обскурантизмомъ и ультрамонтанствомъ, и разрѣшилъ изданіе нѣсколькихъ новыхъ оппозиціонныхъ газетъ (*L'Opinion Nationale*, *Le Temps*, *Le Courrier du Dimanche* и т. д.).

Наполеонъ III началъ пугаться той отвѣтственности за свою политику, которая передъ лицомъ Франціи падала на него одного. Умные (или считавшіе себя таковыми) совѣтники, какъ Морни, дали ему понять, что наступила пора раздѣлить эту отвѣтственность съ представителями страны или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать видъ, что онъ готовъ ее раздѣлить. Тогда-то (24 ноября 1860 года) онъ издалъ декретъ, предоставлявшій Сенату и Законодательному Корпусу ежегодно, въ отвѣтъ на тронную рѣчь, свободно обсуждать и вотировать адресъ, въ которомъ подвергалась бы разсмотрѣнію и оцѣнкѣ политика правительства; министрамъ безъ портфеля поручалось защищать эту политику передъ палатами, а въ оффиціальномъ *Moniteur*'ѣ отнынѣ долженъ былъ печататься полный отчетъ о парламентскихъ преніяхъ.

Такимъ образомъ, не отказываясь ни отъ одной изъ своихъ цезаристскихъ прерогативъ, императоръ готовъ былъ, казалось, привлечь націю къ дѣлу управленія и до нѣкоторой степени сдѣлать ее судьей своей политики. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что обѣ палаты, изъ которыхъ одна цѣликомъ назначалась имъ самимъ, а другая почти вся состояла изъ депутатовъ, выбранныхъ по рекомендаціи префектовъ, склонны будутъ покрыть своимъ одобреніемъ всѣ дѣйствія правительства; онъ не отказывался даже отъ надежды привлечь на свою сторону группу „Пяти" и такимъ образомъ обезоружить зарождавшуюся въ нѣдрахъ Законодательнаго Корпуса демократическую оппозицію. А въ такомъ случаѣ, если бы духовенство вздумало упрекать его въ измѣнѣ папѣ, а крупные фабриканты продолжали бы нападать на его экономическую политику, то ему легко было бы защищаться отъ этихъ обвиненій сваливаніемъ всѣхъ своихъ промаховъ на страну. Онъ и не догадывался, что въ этой игрѣ одураченъ будетъ не кто иной, какъ онъ самъ, и что изъ декрета 24 ноября въ одинъ прекрасный день выйдетъ вооруженной съ головы до ногъ фатальная для имперіи свобода.

имперія, возвратиться на родину, гдѣ вдобавокъ они и послѣ амнистіи оставались бы подъ дѣйствіемъ „закона объ общественной безопасности".

II.—Либеральная Имперія.

Демократическая оппозиція въ Законодательномъ Корпусѣ.—Группа „Пяти" быстро сообразила, какую выгоду она можетъ извлечь изъ новаго режима. Конечно, они и теперь, какъ и до тѣхъ поръ, не могли открыто требовать возстановленія Республики (двое изъ нихъ, впрочемъ, объ этомъ и не помышляли) или оспаривать основные принципы имперіи; теперь, какъ и до тѣхъ поръ, они не могли увлечь за собой большинства или причинить Наполеону III матеріальный ущербъ. Но зато отнынѣ ихъ голосъ, до того времени не выходившій за стѣны Бурбонскаго Дворца, могъ быть услышанъ всей Франціей; имъ позволено было громко разоблачать злоупотребленія правительственной власти и ея до тѣхъ поръ замалчиваемыя ошибки, а также требовать отмѣны или глубокой реформы политическихъ законовъ, безъ которыхъ дѣйствіе конституціи 1852 года должно было скоро прекратиться. Они и не преминули это сдѣлать. И вотъ, благодаря ихъ дѣятельности, во Франціи пробудилась политическая жизнь. Парламентскія пренія, которыми за послѣднія десять лѣтъ страна совершенно перестала

интересоваться, снова начали привлекать къ себѣ усиленное вниманіе общества. Нація начала мало-по-малу приходить къ сознанію своихъ правъ; поколѣніе 1848 года подняло голову, и народилось новое поколѣніе, готовое помочь отцамъ отвоевать утраченную свободу.

Въ теченіе трехъ сессій 1861, 1862 и 1863 года депутаты лѣвой смѣло стояли на своемъ посту; своимъ краснорѣчіемъ, равно какъ живостью и непрерывностью своихъ нападеній особенно выдѣлялись трое изъ нихъ — Жюль Фавръ, Эмиль Оливье и Эрнестъ Пикаръ. При обсужденіи новыхъ законовъ и бюджета они имѣли возможность выставлять свою политику только случайно и урывками, но зато обсужденіе отвѣтнаго адреса предоставляло имъ удобный случай для систематическаго развитія своей хотя и неосуществимой въ данный моментъ, но вполнѣ опредѣленной программы, значеніе которой не могло ускользнуть отъ вниманія публики. Ежегодно они требовали, чтобы всеобщее избирательное право было освобождено отъ назойливой опеки правительства, гордящагося тѣмъ, что оно вышло изъ всеобщей подачи голосовъ; чтобы правительство отказалось отъ права перекраивать по произволу избирательные округа; чтобы система офиціальныхъ кандидатуръ была оставлена; чтобы французскимъ гражданамъ возвращено было право собраній и союзовъ; чтобы свобода печати была возстановлена и обставлена опредѣленными гарантіями; чтобы произволъ администраціи перестал покрываться статьей 75 конституціи VIII года; чтобы законъ объ общественной безопасности былъ отмѣненъ; чтобы свобода личности признавалась на дѣлѣ; чтобы на мѣсто фиктивной отвѣтственности главы государства поставлена была реальная отвѣтственность министровъ; чтобы у монарха отнято было право безконтрольнаго распоряженія государственными финансами и безконтрольнаго завѣдыванія внѣшними сношеніями Франціи, политическими и экономическими; чтобы онъ лишенъ былъ возможности употреблять французскія войска на угнетеніе другихъ народовъ, какъ онъ дѣлалъ это въ Римѣ съ 1849 года и какъ готовъ былъ сдѣлать это въ Мексикѣ въ 1862 году. Они хотѣли также, чтобы коммунамъ возвращено было право самимъ выбирать своихъ мэровъ и, наконецъ, чтобы Парижъ и Ліонъ, которые вовсе лишены были выборныхъ муниципальныхъ совѣтовъ, были освобождены отъ дѣйствія исключительныхъ законовъ.

Нечего и прибавлять, что ихъ голосъ, встрѣчавшій откликъ во всей странѣ, совершенно не выслушивался въ Бурбонскомъ Дворцѣ. Если министры безъ портфеля, какъ Бійо, Мань, Барошъ, давали себѣ трудъ отвѣчать оппозиціоннымъ депутатамъ, то дѣлали они это не столько для того, чтобы убѣдить заранѣе убѣжденное собраніе, сколько для того, чтобы широкимъ характеромъ преній подчеркнуть свободу, предоставленную императоромъ парламенту. А въ сущности Наполеонъ III и его совѣтники пока еще очень мало боялись оппозиціи въ Бурбонскомъ Дворцѣ, которая фактически представлялась имъ совершенно безобидной и которую они находили даже полезной, такъ какъ она давала имъ возможность пугать общество „краснымъ призракомъ“.

Впрочемъ, въ 1861 году старанія Морни разбить эту маленькую группу начали приносить плоды. Въ это именно время Эмиль Оливье, давно уже охаживаемый этимъ великимъ развратителемъ, началъ дѣлать первыя свои публичныя заявленія въ пользу имперіи. Одержимый крайней самонадѣянностью и жгучимъ желаніемъ играть крупную роль, этотъ республиканецъ, сынъ политическаго эмигранта, позволилъ себя мало-по-малу убѣдить, что возможно примирить цезаризмъ со свободой и что именно ему, Оливье, предназначено осуществить эту

славную задачу. И вотъ, не переставая требовать основныхъ условій политической свободы, онъ въ 1861 году заявилъ о своей готовности признать имперію, если Наполеонъ III соблаговолитъ согласиться съ его взглядами. Съ этого времени онъ повторялъ это неоднократно, заявляя себя противникомъ систематической оппозиціи, равно какъ систематическаго холопства. Одинъ изъ его товарищей, Даримонъ, обнаружилъ склонность послѣдовать за нимъ по этому новому пути.

Клерикальная оппозиція.—Такимъ образомъ въ разсматриваемый періодъ правительство полагало, что опасность грозитъ ему не слѣва; оно готово было скорѣе усматривать ее справа, и его опасенія до извѣстной степени оправдывались клерикальной агитаціей.

Вся французская католическая партія, безъ различія между ультрамонтанами и „либералами“, передъ лицомъ всего христіанскаго міра провозгласила Наполеона III врагомъ церкви и отступникомъ. Епископы публично оскорбляли его въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ, сравнивая его съ Понтіемъ Пилатомъ, а онъ не сразу даже рѣшился употребить противъ нихъ невинное и почти смѣшное оружіе *appel comme d'abus* (протестъ, подаваемый въ Государственный Совѣтъ, противъ рѣшеній духовной власти). Въ 1861 году потворство императора итальянскому революціонному движенію подверглось въ Сенатѣ рѣзкимъ нападкамъ не только со стороны кардиналовъ, но и со стороны мірянъ, какъ напримѣръ, Ларошжакленъ, Геккеренъ и т. п. Рѣчь принца Наполеона, непочтительно напавшаго на свѣтскую власть папы и открыто требовавшаго, чтобы Римъ сдѣлался столицею объединенной Италіи, произвела въ верхней палатѣ впечатлѣніе настоящаго богохульства. Говорившему отъ имени правительства Бійо съ трудомъ удалось воспротивиться принятію поправки въ пользу свѣтской власти папы (за которую высказалась почти половина Сената, а именно 61 голосъ).

Въ Бурбонскомъ Дворцѣ цѣлый рядъ депутатовъ горько упрекали Наполеона III въ нарушеніи принятыхъ на себя обязательствъ и приглашали его возвратить папѣ утраченную имъ власть. Одинъ изъ ораторовъ, Келлеръ, произнесшій надѣлавшую шума рѣчь, не побоялся сказать, что благоволеніе императора къ итальянскимъ патріотамъ объясняется его страхомъ за свою жизнь; по его словамъ, *Франція отступила передъ письмомъ Орсини.* Несмотря на всѣ усилія Бійо и Морни, 91 голосъ, т.-е. свыше третьей части выборной палаты, высказался въ пользу папы.

Обсужденіе адреса въ 1862 году привело къ аналогичнымъ и еще болѣе бурнымъ преніямъ. Незадолго до того императоръ оффиціально призналъ Итальянское королевство; а теперь онъ старался обуздать внутри страны происки конгрегацій. Министръ внутреннихъ дѣлъ Персиньи циркуляромъ отъ 16 октября 1861 года объявилъ, что государство имѣетъ право наблюдать и распускать нѣкоторые монашескіе ордена, составлявшіе для католической церкви настоящую рать. Онъ имѣлъ при этомъ главнымъ образомъ въ виду „Общество св. Винцентія де Поля“, которое получало свои лозунги изъ Рима и, располагая огромными денежными средствами, насчитывало 4.000 „конференцій“ (изъ нихъ болѣе 1.500 въ одной Франціи), связанныхъ въ стройную іерархическую систему, управлялось парижскимъ „генеральнымъ совѣтомъ“, принявшимъ характеръ настоящаго политическаго комитета, и своимъ вызывающимъ поведеніемъ начинало напоминать „Священную Лигу“ XVI вѣка.

Министръ поставилъ ему непремѣннымъ условіемъ принятіе генеральнаго президента, назначеннаго императоромъ. Общество отказалось подчиниться этому

требованію, и его центральный комитетъ принужденъ былъ исчезнуть (или сдѣлать видъ, что исчезъ). Въ Сенатѣ Персиньи объявленъ былъ Полиньякомъ имперіи; по словамъ нѣкоторыхъ ораторовъ, онъ заслуживалъ преданія суду. Въ Законодательномъ Корпусѣ съ неменьшей рѣзкостью напали на него разные Лемерсье, Кольбъ-Бернары, Плишоны и Келлеры. Въ отвѣтъ на эти нападки правительство указало на чрезмѣрное развитіе монашескихъ орденовъ, ростъ ихъ богатства и средства къ дѣйствію; продолжая попрежнему твердить о своей преданности святому престолу, оно не поколебалось заявить, что „до сихъ поръ французы отказывались признать за римлянами тотъ основной принципъ, который управляетъ Франціей“, то-есть народное верховенство и всеобщее избирательное право.

Но непостоянный характеръ императора не позволялъ ему цѣликомъ отдаться одной мысли или долго придерживаться одного образа дѣйствій. Къ концу 1862 года онъ снова подпалъ подъ вліяніе императрицы и католической партіи, когда итальянское правительство, остановивши двинувшагося на Римъ Гарибальди, потребовало отъ Наполеона III, чтобы онъ позволилъ ему занять столицу Италіи. Окружающія императора лица объяснили ему, что правительственное большинство въ Законодательномъ Корпусѣ можетъ быть поколеблено и даже разбито клерикальной оппозиціей; что приближаются общіе выборы 1863 года и что не слѣдуетъ новой конституціей передъ итальянской революціей ставить на карту успѣхъ оффиціальныхъ кандидатовъ. Убѣжденный этими доводами, Наполеонъ III снова повернулъ фронтъ, пригласилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ консерватора Друэнъ де Люиса и категорически отвергъ послѣднее домогательство Туринскаго кабинета (октябрь 1862 года).

Экономическій вопросъ и финансовый вопросъ. — Клерикалы были чрезвычайно благодарны императору за этотъ шагъ, но въ глубинѣ души испытывали чувство безпокойства и недовѣрія. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ ихъ вожди въ экономической области были крайними протекціонистами, а въ этомъ отношеніи интересамъ, задѣтымъ торговымъ договоромъ 1860 года, не было дано никакого удовлетворенія. Тщетно раздавались краснорѣчивые протесты; — личная воля императора попрежнему была закономъ, и французскіе фабриканты теперь сносили эту диктатуру со скрежетомъ зубовнымъ. Что же касается безконтрольнаго хозяйничанья императора въ области финансовъ, то всѣ просвѣщенные и предусмотрительные элементы націи прекрасно понимали, къ какой пропасти оно рискуетъ привести страну. Законодательный Корпусъ обязанъ былъ вотировать бюджетъ по цѣлымъ министерствамъ; правительство имѣло полную возможность переводить отпущенныя ему суммы изъ однѣхъ статей въ другія, и, что важнѣе всего, императоръ имѣлъ право распоряжаться производствомъ общественныхъ работъ и открывать чрезвычайные кредиты посредствомъ простыхъ декретовъ; неудивительно, что подобный режимъ скоро началъ приносить горькіе плоды.

За десять лѣтъ сумма государственныхъ расходовъ возросла съ 1.500 милліоновъ до двухъ милліардовъ; въ такой же пропорціи возросли и налоги. Непокрытые расходы составляли почти три милліарда, и правительству пришлось заключить крупные займы, легшіе страшной тяжестью на грядущія поколѣнія; ежегодный дефицитъ составлялъ около ста милліоновъ; къ концу 1861 года текущій долгъ достигалъ почти милліарда. Пришлось снова прибѣгнуть къ займу; въ дѣловомъ мірѣ чувствовалась заминка и глухое недовольство, побудившее близкаго къ императору финансиста Фульда открыть Наполеону III глаза на всю серьезность положенія въ конфиденціальномъ

докладѣ, который императоромъ былъ публично одобренъ. Въ извѣстномъ письмѣ (отъ 14 ноября 1861 года) Наполеонъ заявилъ, что онъ отказывается отъ своего права открывать кредиты въ отсутствіе палатъ и отъ системы вотированія бюджета по министерствамъ. Фульдъ былъ приглашенъ въ министерство финансовъ, а 1 декабря императоръ постановилъ, чтобы ни одинъ декретъ, связанный съ увеличеніемъ предусмотрѣнныхъ бюджетомъ расходовъ, не предлагался ему для подписи иначе, какъ въ сопровожденіи мнѣнія министра финансовъ.

Къ несчастью, всѣ эти распоряженія превращены были въ сенатусъ-консультъ (31 декабря 1861 года) только съ такими оговорками, которыя лишали ихъ всякаго серьезнаго значенія. Было постановлено, что отнынѣ бюджетъ будетъ вотироваться не по цѣлымъ министерствамъ огуломъ, а по *секціямъ*, обнимающимъ каждая *по нѣскольку статей*, а слѣдовательно настолько широкимъ, что фактически администрація нисколько не стѣснялась контролемъ парламента; кромѣ того, правительство оставило за собой право переводить суммы изъ одной статьи въ другую и даже изъ одной секціи въ другую, даже если этотъ переводъ связанъ былъ съ отпускомъ дополнительныхъ кредитовъ; наконецъ, императоръ всегда могъ собственной властью сдѣлать распоряженіе о производствѣ обширныхъ общественныхъ работъ. Такимъ образомъ эта реформа имѣла чисто призрачный характеръ. Въ 1862 году сверхсмѣтные кредиты достигли 300 милліоновъ, а дефицитъ и текущій долгъ еще возросли.

„Либеральный Союзъ“ и выборы 1863 года.—Всѣ недовольные имперіей элементы сблизились и составили коалицію, чтобы на общихъ выборахъ 1863 года совмѣстными силами бороться противъ оффиціальныхъ кандидатовъ. Вожди клерикальной оппозиціи (Кольбъ-Бернаръ, Лемерсье, Келлеръ, Флавиньи, Жувенель и т. п.), лишенные милости оффиціальной кандидатуры, выступали теперь въ роли партизановъ свободы и громко требовали установленія парламентарнаго режима. Протекціонисты чистой воды, которые въ прежнее время прекрасно чувствовали себя при цезаристской диктатурѣ, теперь находили ее совершенно невыносимой. Конечно, всѣ эти господа не были непримиримыми противниками имперіи, но многіе изъ нихъ въ данный моментъ шли рука объ руку съ прежними руководителями либерально-католической партіи, которые всѣми силами стремились къ ея низверженію.

Послѣдніе, съ своей стороны, дѣйствовали солидарно съ лидерами орлеанизма и легитимизма, которымъ надоѣла тактика безплоднаго воздержанія и которые рѣшили перейти къ активнымъ дѣйствіямъ и присягнуть императору, для того чтобы проникнуть въ Бурбонскій Дворецъ. Тьеръ, болѣе подвижный и честолюбивый, чѣмъ когда бы то ни было, снова вмѣшался въ избирательную свалку и, озабоченный въ сущности не столько возстановленіемъ монархіи, сколько стремленіемъ къ достиженію власти, сгарая желаніемъ угодить католическому большинству въ странѣ, задѣтый притомъ въ своемъ патріотизмѣ въ виду быстраго движенія Италіи въ сторону полнаго объединенія, прелюдіи германскаго объединенія, наконецъ, проникнутый глубокой антипатіей къ французской политикѣ Наполеона III, поставилъ во главу своей программы сохраненіе свѣтской власти папы и возвращеніе къ системѣ протекціонизма.

Что касается демократовъ всякихъ оттѣнковъ, одобрительно относившихся къ итальянской революціи и политикѣ торговыхъ договоровъ, то такъ какъ они прежде всего стремились разрушить имперію или принудить ее къ принятію ихъ условій, то они находили умѣстными совмѣстныя дѣйствія со „старыми пар-

тіями“ противъ общаго врага. Такимъ образомъ составился „Либеральный Союзъ“, съ помощью котораго республиканцы помогли Тьеру быть выбраннымъ въ Парижѣ, Беррье—въ Марсели и Ланжюине—въ Нантѣ, тогда какъ монархисты или клерикалы оказали поддержку кандидатурамъ Жюля Фавра, Жюля Симона, Мари, Глэ-Бизуэна, Геру и Авена.

Общіе выборы 31 мая и 1 іюня 1863 года ознаменовались значительнымъ успѣхомъ оппозиціи и сильно подняли ея духъ. Правда, они дали еще имперіи огромное большинство, но уже не столь покорное, довѣрчивое и преданное, какъ прежнее большинство. Съ другой стороны, вмѣсто группки „Пяти“ теперь передъ правительствомъ стояла рѣшительная группа тридцати пяти оппозиціонныхъ депутатовъ (въ томъ числѣ семнадцать республиканцевъ); это были почти все люди талантливые и популярные, которые должны были скоро привлечь на свою сторону новыхъ партизановъ. При этомъ всѣ прекрасно знали, что оппозиція провела бы еще гораздо больше своихъ кандидатовъ, если бы правительство посредствомъ ловкаго перекраиванія избирательныхъ округовъ не постаралось заранѣе нейтрализовать голосованіе враждебныхъ ему городовъ голосами деревень, которыя пока оставались ему вѣрны. Парижъ, который въ 1857 году выбралъ еще пять оффиціальныхъ кандидатовъ (изъ десяти), на этотъ разъ не выбралъ ни одного. Въ общемъ число голосовъ, поданныхъ во всей странѣ за нежелательныхъ администраціи кандидатовъ, достигло цифры *двухъ милліоновъ*. И это несмотря на то, что печать была скована, что право собраній не существовало, что правительство фактически пользовалось еще диктаторской властью.

Эти выборы были для Наполеона III грознымъ предостереженіемъ исторіи. Но онъ, повидимому, не понялъ его и просто ограничился отнятіемъ портфеля у незадачливаго министра внутреннихъ дѣлъ, Персиньи, излишнее усердіе котораго не мало содѣйствовало относительному успѣху оппозиціи, — врученіемъ портфеля народнаго просвѣщенія антиклерикалу Дюрюи, что́ должно было понравиться демократамъ, но глубоко возмутить ультрамонтановъ, и наконецъ, отмѣной должности министровъ безъ портфелей (отнынѣ отъ имени правительства передъ палатами долженъ былъ выступать въ качествѣ главнаго оратора государственный министръ).

Только наивные люди могутъ думать, что эта послѣдняя мѣра была со стороны Наполеона III уступкой партизанамъ отвѣтственности министровъ. На самомъ же дѣлѣ императоръ такимъ образомъ просто создалъ должность министра-премьера съ цѣлью придать отношеніямъ между правительствомъ и палатами болѣе согласованный, тѣсный и авторитарный характеръ. Онъ твердо желалъ, чтобы министръ, которому придется говорить отъ его имени, находился въ полной отъ него зависимости, согласно буквѣ и духу конституціи 1852 года. На дѣлѣ такъ и вышло. Новый государственный министръ Билло (Billault) не игралъ бы, если бы остался въ живыхъ, иной роли въ Бурбонскомъ Дворцѣ, кромѣ роли неотвѣтственнаго адвоката императора, которую онъ уже игралъ съ 1860 года; но онъ скоро умеръ (октября 1863 года). Преемникъ его, Руэръ, соучастникъ декабрьскаго государственнаго переворота, подобно Билло, принялъ эту должность съ единственной задачей всегда и во что бы то ни стало восхвалять политику императора, хотя бы для этого ему приходилось противорѣчить самому себѣ и, подобно самой этой политикѣ, изо дня въ день коренным образомъ опровергать самого себя.

Образованіе „средней партіи“. — Въ 1864 году оппозиція энергически возобновила въ Бурбонскомъ Дворцѣ свою кам-

панію противъ цезаризма и цезаристской политики. Ораторы демократической лѣвой заговорили неслыханно рѣзкимъ и рѣшительнымъ тономъ; они знали, что на ихъ сторонѣ стоитъ подавляющее большинство городского населенія и для него-то они главнымъ образомъ и говорили, такъ какъ въ данный моментъ они еще не надѣялись привлечь на свою сторону большинство Законодательнаго Корпуса. Но могучіе союзники, доставленные имъ старыми монархическими партіями, уже начали вносить элементы моральнаго разложенія въ это большинство, которое, не видя въ нихъ носителей революціоннаго духа, до извѣстной степени поддавалось обаянію ихъ краснорѣчія. Когда такіе люди, какъ Беррье или Тьеръ, которыхъ никто не могъ заподозрить въ потаканіи демагогіи, начинали доказывать, что финансы Франціи разстроены, національные интересы скомпрометированы, армія дезорганизована, престижъ и авторитетъ Франціи во внѣшнихъ дѣлахъ подорваны,—и все это благодаря отсутствію „необходимыхъ вольностей", которыхъ бывшій министръ Луи-Филиппа требовалъ съ умѣренностью, но въ то же время съ энергіей и убѣжденіемъ, то народные представители, которые прежде сознательно затыкали уши, не только внимательно слушали ораторовъ, но въ глубинѣ души съ ними даже соглашались, а многіе въ душѣ уже раскаивались въ прежнемъ своемъ поведеніи. Между ними почти не было такихъ, которые въ 1864 году въ глубинѣ души не оплакивали Мексиканской авантюры, что̀ не мѣшало имъ покрывать ее своимъ голосованіемъ.

Что касается императора и его министровъ, то они, повидимому, даже и не догадывались, что̀ декабрьскому режиму нанесенъ серьезный ударъ; они не старались ослабить его насильственнаго и произвольнаго характера. Императоръ, неоднократно заявлявшій, что декретъ 24 ноября является лишь первымъ шагомъ по пути къ свободному режиму, пока, повидимому, не намѣренъ былъ дѣлать новыхъ уступокъ, а „увѣнчаніе зданія" откладывалось въ долгій ящикъ. Если нетерпѣливые люди заявляли, что на выборахъ 1863 года страна высказалась въ пользу свободы, то государственный министръ отвѣчалъ, что настоящимъ основоположникомъ свободы является Наполеонъ III. „Развѣ не императоръ,—воскликнулъ онъ,—первый водрузилъ это знамя, не для того, чтобы затѣмъ дать ему упасть въ грязь, а для того, чтобы утверждать его на прочномъ основаніи законовъ?" А между тѣмъ единственнымъ доказательствомъ либеральныхъ намѣреній императора въ тотъ моментъ было внесеніе въ Законодательный Корпусъ законопроекта о рабочихъ съѣздахъ, который разрѣшалъ устройство стачекъ, но не признавалъ рабочихъ организацій и который такимъ образомъ являлся для стачечниковъ, какъ это доказалъ Жюль Фавръ, въ полномъ смыслѣ слова ловушкой.

Въ августѣ 1864 года процессъ „Тринадцати", возбужденный противъ главныхъ членовъ комитета, съ успѣхомъ поддерживавшаго кандидатуры Гарнье-Пажеса и Карно, показалъ, какую свободу правительство намѣрено предоставить своимъ противникамъ въ области избирательной агитаціи. Наконецъ, вотъ въ какихъ обезкураживающихъ выраженіяхъ императоръ при открытіи сессіи 1865 года говорилъ о реформахъ, которыхъ страна ждала съ величайшимъ нетерпѣніемъ: „Будемъ твердо охранять основы конституціи; будемъ противиться крайнимъ стремленіямъ тѣхъ, кто вызываетъ перемѣны съ единственной цѣлью разрушить то, что мы создали. Утопія находится въ такомъ же отношеніи къ добру, въ какомъ иллюзія находится къ истинѣ; а прогрессъ вовсе не является осуществленіемъ болѣе или менѣе остроумной теоріи, а практическимъ приложе

ніемъ результатовъ опыта, освященныхъ временемъ и признанныхъ общественнымъ мнѣніемъ“. Остроумная теорія, на которую намекалъ Наполеонъ III, это та теорія, которую съ такимъ блескомъ за годъ до того Тьеръ изложилъ въ Бурбонскомъ Дворцѣ, то-есть теорія парламентскаго режима.

Конвенція 15 сентября и Силлабусъ. — Разжигая такимъ образомъ раздраженіе демократической и либеральной партій, Наполеонъ III въ то же время своими словами и дѣйствіями снова пробуждалъ вражду клерикальной партіи, нѣсколько утихшую съ 1862 года. Въ области внѣшней политики его неловкія и безплодныя усилія въ пользу Польши и Даніи въ концѣ - концовъ возстановили противъ него правительства почти всѣхъ великихъ державъ. Единственный союзъ, на который онъ могъ въ это время разсчитывать, это былъ союзъ съ Италіей. Вотъ почему онъ заключилъ съ послѣдней конвенцію 15 сентября 1864 года, по которой онъ обязался въ двухлѣтній срокъ отозвать изъ Рима свои войска, взамѣнъ чего Викторъ-Эммануилъ обязался не нападать на тогдашнія владѣнія св. престола.

Съ этого момента возмущенный Пій IX всячески старался, насколько это отъ него зависѣло, усилить тѣ политическія замѣшательства, изъ которыхъ приходилось выпутываться императору французовъ. Этимъ объясняется изданіе энциклики *Quanta cura* и резюмировавшаго ее *Силлабуса* (8 декабря 1864 года), документовъ, переносящихъ насъ въ средніе вѣка и рѣшительно отрицавшихъ всѣ завоеванія Великой Революціи. Въ этомъ манифестѣ папа осуждалъ не только права совѣсти, философіи и науки, но и самые элементарные принципы публичнаго права, которые провозгласила въ 1789 году Франція и которые, слѣдуя ея примѣру, въ концѣ-концовъ признало большинство европейскихъ государствъ. Онъ заявлялъ, что церковь представляетъ совершенное общество, во всѣхъ отношеніяхъ независимое отъ свѣтской власти, что она стоитъ выше государства и что только ей принадлежитъ право руководить воспитаніемъ народа; онъ отвергалъ ученіе о народномъ верховенствѣ и принципъ всеобщаго избирательнаго права, свободу некатолическихъ исповѣданій, свободу печати и слова; онъ требовалъ предоставленія церкви карательной власти, равно какъ предоставленія духовной власти, въ случаѣ ея конфликтовъ съ гражданской властью, такихъ правъ, которыя современныя правительства признаютъ только за послѣдней; онъ хотѣлъ, чтобы ей дано было право вмѣшиваться въ область гражданскаго законодательства съ цѣлью, напримѣръ, устранить изъ него всѣ постановленія, благопріятныя для протестантовъ и евреевъ; онъ осуждалъ гражданскій бракъ. И онъ заканчивалъ осужденіемъ слѣдующаго положенія: „Римскій первосвященникъ можетъ и долженъ примириться и вступить въ сдѣлку съ прогрессомъ, либерализмомъ и современной цивилизаціей“.

Теоріи Силлабуса проникнуты были такимъ непримиримымъ духомъ и дышали такимъ преувеличеніемъ, онѣ настолько расходились съ господствующими въ обществѣ идеями, что ни одно правительство не могло серьезно ихъ бояться. Но Наполеонъ III, который постоянно взывалъ къ всеобщему избирательному праву и гордо провозглашалъ себя признаннымъ представителемъ революціи на престолъ, черезчуръ серьезно отнесся къ этому папскому манифесту. Запрещая распространять документъ, который вся Франція уже читала, онъ поставилъ себя въ смѣшное положеніе. Нѣкоторые епископы не подчинились его приказу и повелѣли прочитать его съ церковной каѳедры, рискуя подвергнуться безобидному „appel comme d'abus“; почти всѣ они воспроизвели основныя его положенія въ

своихъ пастырскихъ посланіяхъ, сопровождая ихъ почтительными комментаріями, причемъ большинство прелатовъ одобряли Силлабусъ безъ всякихъ оговорокъ [1]).

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ императоръ не могъ скрыть своего дурного настроенія. Онъ назначилъ принца Наполеона вице-президентомъ Тайнаго Совѣта, разрѣшилъ манифестацію (впрочемъ, совершенно мирную) во время похоронъ Прудона (январь 1865 г.), поддерживалъ своего недавняго министра Рулана, который въ Сенатѣ напалъ на энциклику со всѣмъ пыломъ галликанскаго судейскаго чиновника стараго режима, и наконецъ, позволилъ Дюрюи, предмету ненависти всего духовенства, напечатать въ оффиціальномъ Монитёрѣ достопамятный докладъ, заключавшійся въ необходимости безплатнаго и обязательнаго народннго образованія (февраль 1865 года).

Но рѣшимость Наполеона III всегда была половинчатая, и хватало ея ненадолго. Едва только докладъ Дюрюи появился въ печати, какъ императоръ поспѣшилъ выразить свое неодобреніе содержащимся въ немъ мыслямъ. Принцъ Наполеонъ, произнесшій надѣлавшую шума рѣчь, въ которой онъ утверждалъ, что имперія никогда не измѣнитъ Революціи, получилъ публичный выговоръ и подалъ въ отставку (май 1865 года). Императоръ съ печалью убѣждался, что сентябрьская конвенція подвергается рѣзкимъ нападкамъ не только со стороны признанныхъ защитниковъ церкви, но и со стороны политическихъ дѣятелей, которые доказывали пагубное значеніе этого акта съ точки зрѣнія французскихъ интересовъ. Тщательно отдѣланная рѣчь, произнесенная по этому поводу [1]) въ Законодательномъ Корпусѣ Тьеромъ, убѣжденнымъ противникомъ объединенія Италіи, надѣлала въ странѣ большого шума, и Наполеонъ III, повидимому, началъ сомнѣваться, не совершилъ ли онъ тяжкаго промаха, подписавши эти договоры.

Эмиль Оливье, средняя партія и поправка 45-и. — Большинство Законодательнаго Корпуса съ каждымъ днемъ становилось все менѣе надежнымъ; если преданность его императору и не ослабѣла, то увѣренность и оптимизмъ его значительно пошатнулись; превосходство цезаризма перестало казаться всѣмъ членамъ парламентскаго большинства неприкосновенной догмой. Между непримиримой оппозиціей принципіальныхъ противниковъ имперіи и закоснѣлымъ холопствомъ безусловныхъ ея партизановъ нашлось мѣсто для конституціонной оппозиціи; и вотъ начала составляться „средняя партія", которая вскорѣ выдвинула программу возрожденія имперіи посредствомъ постепеннаго развитія политическихъ вольностей. Выдающіеся члены этой группы (Бюффе, Шевандье де Вальдромъ, Мартель, маркизъ де Граммонъ, Плишонъ, Брамъ, Морисъ Ришаръ, Сегри, Латуръ-Дюмулэнъ и т. д.) были старыми парламентскими дѣятелями или имперіалистами, которыхъ излишества и недочеты имперской политики толкнули въ ряды оппозиціи. Среди нихъ находились и честолюбцы, полагавшіе, что правящій персоналъ 2 декабря достаточно пользовался властью и что по всей справедливости онъ долженъ быть замѣненъ новыми людьми.

Главнокомандующимъ этой небольшой арміей былъ Эмиль Оливье, который, будучи докладчикомъ закона о рабочихъ коаліціяхъ, безъ всякихъ оговорокъ горячо защищалъ правительственный проектъ (апрѣль—май 1864 г.) и такимъ образомъ окончательно разошелся съ депута-

[1]) Умные епископы, въ родѣ Дюпанлу, старались ослабить его смыслъ и значеніе своими комментаріями. И только немногіе, какъ напримѣръ, Лекуртье, епископъ Монпелье и парижскій архіепископъ Дарбуа, позволили себѣ критиковать его.

[1]) Въ апрѣлѣ 1865 г. при обсужденіи адреса.

тами лѣвой, видѣвшими въ немъ теперь просто ренегата. Въ мартѣ 1865 года онъ вотумомъ „надежды", какъ онъ выражался, присоединился къ адресу большинства и заявилъ, что онъ *безъ всякаго сожалѣнія готовъ употребить всѣ свои силы въ цѣляхъ установленія прочнаго союза между демократіей и свободой черезъ посредство сильной національной власти*. Въ виду этого императоръ и императрица, съ которыми вскорѣ послѣ того онъ завязалъ личныя сношенія, сочли благоразумнымъ, не вполнѣ ему довѣряясь, ободрить и поддержать преданность этого неофита. По смерти Морни ему началъ покровительствовать родственникъ и другъ Наполеона III, графъ Валевскій, не столько, конечно, изъ симпатіи къ нему или къ его либерализму, сколько изъ вражды къ фавориту Руэру, всемогущество котораго его озлобляло.

Послѣдовавшее вскорѣ послѣ того назначеніе Валевскаго на постъ президента Законодательнаго Корпуса свидѣтельствовало, повидимому, о томъ, что императоръ относился теперь къ либеральной программѣ Оливье не съ такимъ отвращеніемъ, какъ въ прежнее время. Послѣдній, послѣ своего изгнанія изъ среды радикаловъ, нѣкоторое время находился въ изолированномъ положеніи; но когда по нѣкоторымъ признакамъ явилось основаніе полагать, что высшія сферы начали относиться къ нему благосклонно, то у него сейчасъ же нашлись сторонники. Ему удалось набрать сорокъ пять партизановъ, которые подъ его вліяніемъ воспользовались обсужденіемъ адреса (въ 1866 году) для того, чтобы въ знаменитой поправкѣ сформулировать программу *средней партіи*. „Франція, — говорилось въ этой резолюціи, — твердо привязанная къ династіи, обезпечивающей сознаніе порядка, не менѣе привязана къ свободѣ, которую она считаетъ необходимой для исполненія своей исторической миссіи. Поэтому Законодательный Корпусъ полагаетъ, что онъ является выразителемъ общественнаго настроенія, повергая къ подножію престола пожеланіе, чтобы Ваше Величество дало великому акту 1860 года надлежащее дальнѣйшее развитіе".

Это поправка была еще слишкомъ смѣла для того, чтобы большинство Законодательнаго Корпуса посмѣло къ ней присоединиться. Государственный министръ объяснилъ, что переходить предѣлы, поставленные свободѣ императоромъ, это значитъ бросаться очертя голову въ революціонныя авантюры; и на этотъ разъ палата съ нимъ согласилась. Но при подсчетѣ голосовъ оказалось, что за поправку сорока пяти подано было 63 голоса, а черезъ нѣсколько дней спеціальная поправка „средней партіи" въ пользу свободы печати получила 65 голосовъ.

Партія сопротивленія и сенатусъ-консультъ 14 іюля 1866 года. — Встревоженный быстрымъ успѣхомъ либеральныхъ идей въ Бурбонскомъ Дворцѣ, Руэръ старался убѣдить императора въ основательности своихъ опасеній. Съ помощью всѣхъ людей, которые, подобно ему самому, слишкомъ скомпрометировали себя на службѣ авторитарной имперіи и не надѣялись поэтому сохранить своего положенія при другомъ режимѣ, онъ старался доказать Наполеону III, что уступки взглядамъ „средней партіи" равносильны открытію дверей не только для парламентаризма, но и для республики. По его мнѣнію, наступила пора разъ навсегда положить конецъ мечтаніямъ о пересмотрѣ конституціи, проявлявшимся со всѣхъ сторонъ. Такъ какъ право отвѣчать на тронную рѣчь адресомъ расшатало фундаментъ имперіи въ томъ отношеніи, что позволило повергнуть критикѣ основные законы 1852 года, то, по словамъ Руэра, его слѣдовало отмѣнить. Во всякомъ случаѣ необходимо было поспѣшить съ возведеніемъ новыхъ окоповъ для защиты конституціи.

Императоръ присоединился къ этому

мнѣнію, и правительство на поправку сорока пяти отвѣтило проектомъ сенатусъ-консульта, который 14 іюля 1866 года сдѣлался государственнымъ закономъ и въ силу котораго только Сенату впредь предоставлялось право обсуждать предложенія, клонившіяся къ измѣненію конституціи. Всякія разсужденія по этому поводу въ Законодательномъ Корпусѣ и въ печати воспрещались подъ угрозой денежнаго штрафа, въ размѣрѣ до десяти тысячъ франковъ. Подаваемыя въ Сенатъ петиціи, имѣвшія предметомъ измѣненіе конституціи, могли докладываться въ публичномъ засѣданіи не иначе, какъ съ разрѣшенія, по крайней мѣрѣ, трехъ бюро, причемъ содержаніе этихъ петицій могло излагаться только въ оффиціальномъ отчетѣ.

Послѣ этого рѣшительнаго шага назадъ, партизаны *status quo*, казалось, одержали полную побѣду; но этотъ перевѣсъ они сохранили не надолго. Черезъ какихъ-нибудь шесть мѣсяцевъ Наполеонъ III счелъ необходимымъ снова повернуть фронтъ.

Упадокъ имперіи и успѣхи оппозиціи.— Наполеонъ III, который имѣлъ неосторожность содѣйствовать союзу Италіи съ Пруссіей, теперь со стыдомъ присутствовалъ въ качествѣ безсильнаго зрителя при побѣдѣ послѣдней надъ Австріей, при всѣхъ ея завоеваніяхъ и при подчиненіи всей Германіи волѣ берлинскаго кабинета. Онъ хотѣлъ получить какое-нибудь территоріальное вознагражденіе, но его требованія были отвергнуты съ почти оскорбительнымъ высокомѣріемъ. Не по лѣтамъ изнуренный и настолько больной, что въ 1866 году окружающія его лица считали его близкую кончину неминуемой, онъ не смѣлъ прибѣгнуть къ силѣ оружія. При этомъ онъ прекрасно понималъ, что при устарѣломъ вооруженіи французской арміи ея шансы на побѣду въ случаѣ конфликта съ героями Садовой совершенно минимальны. Благодаря всевозможнымъ хищеніямъ и казнокрадству, французскіе полки доведены были до крайне слабаго состава. Мексиканская экспедиція, продолжавшаяся пять лѣтъ, поглотила лучшіе элементы французскихъ войскъ, опустошила арсеналы и деморализовала армію.

Если бы она хотя была удачной! А то вѣдь, вопреки увѣреніямъ государственнаго министра, всѣ прекрасно знали, что французскій протеже, Максимиліанъ, не пользуется въ Мексикѣ никакой властью, всѣмъ прекрасно было извѣстно, что въ это самое время Наполеонъ III отозвалъ изъ Мексики находившихся еще тамъ французскихъ солдатъ, и сдѣлалъ это по формальному и угрожающему требованію Соединенныхъ Штатовъ. Итакъ, послѣ такихъ колоссальныхъ жертвъ людьми и деньгами, незаконно взятыми изъ казенныхъ суммъ и отнятыми у французской буржуазіи [1]), эта затѣя, притомъ крайне еще несправедливая, закончилась унизительнымъ отступленіемъ.

Чтобы замаскировать постигшія его неудачи, правительство заявило, что въ послѣднихъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Германіи, оно не усматриваетъ ровно ничего такого, что способно было бы обезпокоить французское общество [2]); по его словамъ, положеніе Франціи не было поколеблено или задѣто, а интересамъ ея не грозило никакой опасности. А между тѣмъ спустя нѣкоторое время правительство не только съ величайшей поспѣшностью отозвало французскія войска изъ Мексики и римскій оккупаціонный корпусъ, но и выработало законопроектъ, увеличивавшій расходы страны на національную оборону вдвое (12 декабря).

Истина начинала раскрываться. Какъ только правительству 2 декабря перестало везти, общество начало обращать вни-

[1]) Въ видѣ заключенныхъ Максимиліаномъ займовъ.

[2]) Циркуляръ министра иностранныхъ дѣлъ, Лавалетта, отъ 16 сентября 1866 года.

маніе преимущественно на его ошибки; какъ только счастье измѣнило императору, онъ сразу потерялъ свою популярность. Масса сельскаго населенія оставалась ему еще вѣрна по невѣжеству и по косности; но рабочій классъ съ каждымъ днемъ начиналъ все болѣе рѣзко высказываться противъ него. „Международная Ассоціація Рабочихъ“, основанная въ 1864 году, основала множество секцій во французскихъ городахъ, особенно въ Парижѣ, подняла знамя революціоннаго соціализма и открыто стремилась къ установленію Республики.

Духовенство и другіе за нимъ элементы готовы были скорѣе бороться съ Наполеономъ III, чѣмъ служить ему. Буржуазія, ободряемая явнымъ упадкомъ имперіи, снова начала фрондировать, злословила насчетъ императора и окружавшей его камарильи и также подготовляла словомъ и перомъ месть за 2 декабря. Образованная молодежь въ подавляющемъ большинствѣ была враждебно настроена противъ правительства. Изъ ея рядовъ вышла республиканская партія, совершенно готовая перейти къ непосредственнымъ дѣйствіямъ и своимъ радикализмомъ оставлявшая далеко позади себя демократическую лѣвую Законодательнаго Корпуса. Гамбетта былъ уже идоломъ „Латинскаго квартала“; Рошфоръ дебютировалъ „Французами эпохи упадка“, этой прелюдіей къ знаменательному „Фонарю“; „Les Châtiments“ Виктора Гюго распространялись и читались повсюду; „Propos de Labiénus“ [1]), несмотря на всѣ принятыя полиціей мѣры, были у всѣхъ въ рукахъ. Небольшія, якобы литературныя, газетки, безпощадно преслѣдуемыя администраціей, но умиравшія, успѣвши всетаки поднять извѣстный шумъ („La Voix des Ecoles“, „La Rive Gauche“, „Candide“, „La Morale indépendante“), съ такой же рѣзкостью и непочтительностью нападали на имперію, какъ и на церковь (а это кое-что да значитъ). Наконецъ, французскіе студенты рѣзко выдѣлялись своей экзальтаціей на происходившихъ тогда въ большомъ числѣ международныхъ конгрессахъ, на которыхъ пропагандировалось не только свободомысліе, но и республиканскія идеи.

Декретъ и письмо отъ 19 января 1867 года.—Наполеонъ III чувствовалъ, что мало-по-малу вокругъ него нарастаетъ волна антипатіи и даже презрѣнія. Истощенный болѣзнью, встревоженный, нерѣшительный, толкаемый туда и сюда враждебными партіями, онъ снова склонился къ партіи реформъ. Лидеръ „средней партіи“, романтическія иллюзіи котораго по временамъ раздѣлялись императоромъ, увѣренно утверждалъ, что онъ спасетъ монархію, если Наполеонъ III пожелаетъ ему довѣриться. Тогда императоръ составилъ декретъ и написалъ извѣстное письмо отъ 19 января 1867 г., давшее Эмилю Оливье основаніе надѣяться на близкое торжество.

На самомъ дѣлѣ эти два документа не давали полнаго удовлетворенія пожеланіямъ Оливье; содержаніе ихъ показывало, что Руэръ старался удержать императора отъ слишкомъ широкихъ уступокъ. Декретъ предоставлялъ каждому сенатору и депутату право интерпеллировать правительство по поводу его политики; вмѣстѣ съ тѣмъ право палаты отвѣчать адресомъ на тронную рѣчь было отмѣнено; но, съ другой стороны, право интерпелляціи было обставлено такой сложной предварительной процедурой, что въ большинствѣ случаевъ оно фактически превращалось въ чистую фикцію. И дѣйствительно, для того, чтобы внесенная интерпелляція могла публично обсуждаться, требовалась подпись пяти членовъ и согласіе четырехъ бюро изъ девяти въ Законодательномъ Корпусѣ и двухъ изъ пяти въ Сенатѣ. При этомъ парламентскія пренія по поводу интерпелляціи не должны были

[1]) Памфлетъ Рожара, изданный въ 1865 году.

заканчиваться мотивированнымъ порядкомъ дня, а простымъ отклоненіемъ или передачей въ соотвѣтствующее министерство.

Съ другой стороны, такъ какъ императоръ объявилъ, что онъ можетъ поручить каждому изъ министровъ выступать отъ имени правительства во время преній въ палатѣ или Сенатѣ, то на первый взглядъ можно было подумать, что этимъ онъ до извѣстной степени признаетъ принципъ отвѣтственности министровъ. Но на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Письмо къ государственному министру, сопровождавшее вышеупомянутый декретъ, совершенно опредѣленно разъясняло, что министры попрежнему будутъ зависѣть только отъ монарха, что они попрежнему не могутъ быть членами Законодательнаго Корпуса, что никакой солидарности кабинета не будетъ установлено и что они просто будутъ выступать предъ палатами отъ имени главы государства по спеціальному его порученію.

Въ томъ же письмѣ анонсировалось предстоящее внесеніе двухъ законопроектовъ: одинъ изъ нихъ освобождалъ газеты отъ произвола административнаго усмотрѣнія, но подчинялъ ихъ суду исправительныхъ трибуналовъ, а не суду присяжныхъ; другимъ возстановлялось право собраній, но такъ, что собранія политическаго или религіознаго характера во всякое время могли запрещаться администраціей, а другія могли распускаться по произволу полиціи.

Колебанія Наполеона III; борьба Руэра и Эмиля Оливье. — Сдѣланныя Наполеономъ III уступки не соотвѣтствовали надеждамъ и пожеланіямъ общественнаго мнѣнія, которое въ разсматриваемое время уже не могло удовлетвориться такой скромной программой. Во всякомъ случаѣ реформа могла оказаться полезной для имперіи лишь въ томъ случаѣ, если бы императоръ захотѣлъ примѣнить новые принципы въ широкомъ масштабѣ и поспѣшилъ призвать къ власти новыхъ людей. Но этого-то по свойственной ему нерѣшительности онъ и не сдѣлалъ.

Общество ожидало отставки Руэра, но на самомъ дѣлѣ положеніе его еще болѣе, повидимому, упрочилось, такъ какъ онъ не только сохранилъ постъ государственнаго министра, но вдобавокъ получилъ еще портфель министерства финансовъ. А вскорѣ послѣ того онъ со своей обычной самоувѣренностью началъ хвастать передъ Законодательнымъ Корпусомъ тѣмъ, что онъ давно якобы присоединился къ либеральнымъ намѣреніямъ императора и всѣми силами содѣйствовалъ успѣху реформаторскихъ начинаній (которыя онъ въ дѣйствительности старался похоронить и во всякомъ случаѣ задержать, елико возможно). Но правительственное большинство, которое предпочитало Руэра Эмилю Оливье и понимало его съ полуслова, покрыло его лицемѣрную выходку бурными апплодисментами. Подъ верховнымъ покровительствомъ государственнаго министра составилась обширная группа депутатовъ (такъ наз. „кружокъ улицы Аркадъ“) съ чисто реакціонной или консервативной программой.

Сенатъ, какъ бы встревоженный возросшимъ значеніемъ нижней палаты, пожелалъ составить ей противовѣсъ и принять участіе въ законодательной дѣятельности. Правительство пошло навстрѣчу этому желанію, предложивши ему вотировать сенатусъ-консультъ 12 марта, который далъ Сенату право не только рѣшать вопросъ о конституціонномъ характерѣ законовъ, но и разсматривать законопроекты по существу и отсылать ихъ обратно въ Законодательный Корпусъ.

Разсмотрѣніе обѣщанныхъ законовъ о печати и народныхъ собраніяхъ систематически откладывалось и, казалось, правительство совершенно забыло о своемъ

обѣщаніи. Однимъ словомъ, Эмиль Оливье оказался формально одураченъ и сдѣлался мишенью для всеобщихъ насмѣшекъ. Сначала онъ старался скрыть свою досаду, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ потерялъ терпѣнье и въ рѣзкой рѣчи напалъ лично на „вице-императора“, котораго онъ объявилъ злымъ геніемъ имперіи и Франціи. Но этими нападками онъ достигъ того, что положеніе Руэра только упрочилось: императоръ обратился къ нему на слѣдующій день съ самымъ дружескимъ письмомъ и пожаловалъ ему бриллiантовые знаки командорскаго креста Почетнаго Легіона, чтобы вознаградить его за „несправедливыя нападки, которымъ онъ подвергся“ (12 іюля).

1867 годъ; „темное облако“.—Однако декретъ 19 января, несмотря на злую волю правительства и *мамелюковъ* [1]), началъ приносить свои плоды въ томъ смыслѣ, что нѣкоторыя интерпелляціи все-таки невозможно было устранить и что теперь злоупотребленія и ошибки имперіи разоблачались гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде. Особенно рѣзкой критикѣ подвергалась внѣшняя политика Наполеона III. Въ мартѣ 1867 года Тьеръ со свойственной ему ясностью обрисовалъ различныя фазы нѣмецкой революціи, которая угрожала Франціи величайшей опасностью и которую императоръ не сумѣлъ ни предупредить, ни направить, ни использовать. „Нѣтъ такой ошибки,— воскликнулъ онъ въ концѣ своей рѣчи,— которую вы могли бы еще совершить“. Тщетно Руэръ возражалъ, что правительство *не совершило ни одной ошибки.* Хотя большинство и апплодировало этому смѣлому утвержденію, но въ глубинѣ души оно само ему не вѣрило и въ сущности раздѣляло мнѣніе Тьера, выражавшаго общую мысль всей Франціи.

Всемірная выставка, продолжавшаяся отъ 1 апрѣля до 1 ноября 1867 года и привлекшая въ Парижъ многихъ монарховъ, несмотря на весь свой блескъ, не могла заставить Францію забыть о паденіи ея престижа и объ угрожающихъ ей опасностяхъ. Сопровождавшія ее торжественныя празднества были отравлены новыми неудачами во внѣшней политикѣ, какъ, напримѣръ, безуспѣшностью переговоровъ относительно пріобрѣтенія Люксембурга; или инцидентами, способными скомпрометировать отношенія между Франціей и иностранными государствами, какъ враждебныя манифестаціи противъ русскаго императора Александра II и покушеніе на его жизнь во время посѣщенія имъ Парижа [1]); или, наконецъ, печальными извѣстіями, въ родѣ извѣстія о казни французскаго протеже, Максимиліана, который былъ схваченъ мексиканцами послѣ отплытія французскихъ войскъ, приговоренъ къ смертной казни и разстрѣлянъ 19 іюня. Послѣднее событіе нанесло окончательный ударъ и безъ того поколебленной популярности Наполеона III. Онъ палъ духомъ и въ Лилльской рѣчи (27 августа 1867 года) даже призналъ публично, что Франція потерпѣла нѣкоторыя неудачи, и заявилъ, что *на политическомъ горизонтѣ появилось темное облачко* („черныя точки“).

Вторая римская экспедиція и новыя требованія ультрамонтанской партіи.—Затруднительное положеніе императора еше ухудшилось вслѣдствіе новаго взрыва клерикальной оппозиціи. Если республиканцы

[1]) „Мамелюками“ называли непримиримыхъ бонапартистовъ, которые, подобно Гранье де Кассаньяку, отвергали всякую либеральную реформу и не видѣли въ конституціи 1852 года ровно никакихъ недостатковъ.

[1]) Въ то время судьба Польши вызывала во Франціи большое сочувствіе, и возстаніе 1863 года было еще въ памяти у всѣхъ. При проѣздѣ царя раздавались крики: „Да здравствуетъ Польша!“ а молодой полякъ Березовскій выстрѣлилъ въ него изъ пистолета; сенскій судъ присяжныхъ призналъ Березовскаго виновнымъ, но въ то же время призналъ наличность смягчающихъ вину обстоятельствъ (іюнь 1867 года).

и либералы жаловались на то, что онъ нарушаетъ принципы Революціи, то ультрамонтаны, наоборотъ, горько упрекали его въ томъ, что онъ приноситъ этимъ принципамъ въ жертву интересы католической церкви. Стараясь угодить имъ, Наполеонъ III, вопреки сентябрьской конвенціи, продолжалъ держать французскихъ солдатъ и офицеровъ на папской службѣ. Они требовали второй римской экспедиціи и пытались вовлечь императора въ новыя сдѣлки, которыя въ виду безостановочнаго роста революціонной партіи способны были только еще больше ослабить и дискредитировать императорское правительство.

Главный органъ клерикаловъ, L'Univers, которому незадолго до того снова было позволено выходить въ свѣтъ, взялъ болѣе рѣзкій тонъ, чѣмъ когда бы то ни было. Нѣкоторые епископы (Дюпанлу, Пи, Плантье и т. п.) не прекращали своихъ нападокъ на правительство и, какъ бы оно ни старалось имъ угодить, не находили его достаточно преданнымъ католицизму. Мишенью для нападокъ ультрамонтанской партіи сдѣлался въ особенности министръ Дюрюи, который усиленно старался демократизировать народное образованіе [1]). Клерикалы не могли ему простить того, что онъ стремился увеличить число учебныхъ заведеній и просвѣтить народную массу, а въ особенности того, что онъ требовалъ для государства права вмѣшиваться въ воспитаніе женщинъ. Католики объявили его законопроектъ о народныхъ школахъ, обсуждавшійся въ 1867 году, покушеніемъ на религію, такъ какъ онъ клонился къ подчиненію монашескихъ орденовъ, до сихъ поръ пользовавшихся привилегированнымъ положеніемъ, дѣйствію общихъ законовъ.

[1]) Онъ содѣйствовалъ основанію множества народныхъ библіотекъ, чтенію публичныхъ лекцій, организовалъ въ лицеяхъ и коллежахъ „спеціальное преподаваніе“ (реальное) и вообще далъ сильный толчокъ развитію народнаго образованія.

Въ Сенатѣ католики упрекали правительство въ томъ, что оно не заставляетъ чтить воскресный день и предоставляетъ почти неограниченную свободу философіи, имѣющей претензію совершенно игнорировать теологію. Въ верхнюю палату подавались петиціи, требовавшія очищенія народныхъ библіотекъ и удаленія оттуда сочиненій Вольтера, Руссо, Мишлэ, Ренана, Жана Рено, Жоржъ Занда и многихъ другихъ. Сентъ-Бевъ вызвалъ свистки и подвергся оскорбленіямъ со стороны почти всѣхъ сенаторовъ зато, что онъ посмѣлъ выступить въ защиту свободы мысли и науки. Высшая Нормальная Школа была закрыта по желанію императрицы зато, что она привѣтствовала Сентъ-Бева за его мужественное поведеніе (іюль 1867 года).

Послѣ нападенія гарибальдійскихъ отрядовъ на римскую область требованія французскихъ ультрамонтановъ приняли еще болѣе властный и настойчивый характеръ. Наполеонъ III, отъ котораго католики требовали помощи папѣ, тѣмъ охотнѣе согласился пойти навстрѣчу ихъ желаніямъ, что Гарибальди до принятія команды надъ своими волонтерами предсѣдательствовалъ на состоявшемся въ Женевѣ „Конгрессѣ мира“, который вмѣстѣ съ Международной Ассоціаціей Рабочихъ [1]) высказался за всемірную Республику. Выступая въ защиту папы, Наполеонъ преслѣдовалъ двойную задачу: вернуть себѣ утраченныя симпатіи католической партіи и вмѣстѣ съ тѣмъ нагнать страху на революціонные элементы; въ концѣ октября онъ послалъ на помощь папѣ французскій корпусъ, шасспо котораго черезъ нѣсколько дней „совершили чудеса“ при Ментанѣ (3 ноября). Благодаря этой поддержкѣ, папа могъ еще оставаться въ теченіе нѣкотораго времени римскимъ государемъ.

[1]) Конгрессъ которой происходилъ въ это самое время въ Лозаннѣ.

Послѣ этой новой услуги, оказанной папѣ, Наполеону III очень хотѣлось бы вернуть себѣ свободу дѣйствій, но католическая партія этого ему не позволила. 29 ноября клерикалы сдѣлали правительству запросъ въ Сенатѣ и хотѣли вырвать у него новыя обязательства въ пользу римскаго первосвященника. Благодаря поддержкѣ стараго галликанца Бонжана и парижскаго архіепископа Дарбуа, оно на этотъ разъ безъ особаго труда выпуталось изъ затруднительнаго положенія. Но не такъ легко ему удалось отдѣлаться въ Законодательномъ Корпусѣ, гдѣ итальянскія дѣла обсуждались 5 декабря въ гораздо болѣе серьезномъ духѣ. Демократическая оппозиція упрекала правительство за новый поворотъ въ пользу папы, но большинство палаты не стояло на сторонѣ этой оппозиціи; это большинство, состоявшее изъ консерваторовъ и католиковъ, въ разсматриваемомъ вопросѣ шло за Тьеромъ и Беррье, отъявленными противниками имперіи, а эти ораторы, наоборотъ, требовали отъ Наполеона III, чтобы онъ ни за что не выводилъ французскихъ войскъ изъ Рима.

Бывшій министръ Луи-Филиппа снова подвергъ рѣзкой критикѣ движеніе въ пользу объединенія Италіи; онъ старался доказать, что паденіе свѣтской власти папы было бы для Франціи величайшимъ несчастіемъ, причемъ онъ говорилъ съ такимъ волненіемъ и страстностью, что большая часть собранія находилась подъ обаяніемъ его рѣчи. Руэръ могъ воздѣйствовать на большинство только тѣмъ, что онъ пошелъ еще дальше Тьера и имѣлъ неосторожность отъ имени государя взять на себя слѣдующее обязательство: „Отъ имени Французскаго правительства мы заявляемъ, что Италія не овладѣетъ Римомъ. Никогда Франція не допуститъ этого посягательства на свою честь и на католицизмъ“. И двѣсти голосовъ съ увлеченіемъ повторили за нимъ: „Никогда! никогда!“

Съ этого момента и вплоть до конца своего царствованія Наполеонъ III оставался плѣнникомъ католической церкви. Ободренное его слабостью, духовенство начало проявлять все большее высокомѣріе и открыто претендовать на руководящую роль въ государственныхъ дѣлахъ. Въ 1868 году епископы усилили свои нападки на университетъ и изобличали членовъ этой великой корпораціи, учащихся и преподавателей, въ распространеніи превратныхъ и безнравственныхъ ученій. Они съ крайней рѣзкостью напали на Дюрюи за открытіе женскихъ гимназій, такъ какъ дѣвушки, по словамъ Дюпанлу, должны воспитываться не иначе, какъ „на лонѣ церкви“. Подъ предлогомъ свободы высшаго образованія они добивались права налагать молчаніе на уста своихъ противниковъ, какъ это неопровержимо доказалъ Сентъ-Бевъ въ своей послѣдней рѣчи въ Сенатѣ (май 1868 года). Наконецъ, когда папа созвалъ вселенскій соборъ, который долженъ былъ открыться въ Римѣ въ декабрѣ слѣдующаго года [1]), то они достаточно ясно заявили, что, отправляясь туда, они въ подавляющемъ большинствѣ твердо рѣшили провозгласить *непогрѣшимость* папы и придать принципамъ Силлабуса характеръ католическихъ догматовъ.

Новые законы о военной организаціи, о печати и о народныхъ собраніяхъ. — Императорское правительство, которое подобные союзники могли только скомпрометировать, не принося ему никакой пользы, окончательно рушилось подъ ударами окружавшей его со всѣхъ сторонъ оппозиціи и никакъ не въ состояніи было оріентироваться. Его намѣренія встрѣчали отрицательное къ себѣ отношеніе, даже если оно въ сущности бывало право, а иногда политика его наталкивалась на

---

1) На этотъ соборъ папа, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, не пригласилъ посланниковъ великихъ католическихъ державъ.

противодѣйствіе не только со стороны противниковъ, но и друзей. Такъ, напримѣръ, только съ величайшимъ трудомъ ему удалось провести военный законъ, съ помощью котораго оно надѣялось создать сильную французскую армію, способную въ случаѣ конфликта потягаться съ прусской арміей (законъ 1 февраля 1868 года).

Республиканцы изъ ненависти къ милитаризму всячески старались провалить этотъ законъ. Либералы „средней партіи" и даже „мамелюки" согласились на его принятіе только скрѣпя сердце въ виду тѣхъ жертвъ, которыя онъ налагалъ на буржуазію; народная масса встрѣтила его враждебно, такъ какъ въ новомъ законѣ она не видѣла ничего, кромѣ увеличенія своихъ повинностей. Вотъ почему испуганное правительство не рѣшилось сразу примѣнить его на практикѣ и вотъ почему мобильная національная гвардія, которая должна была удвоить численный составъ французской арміи, къ моменту объявленія войны съ Пруссіей въ 1870 году существовала почти только на бумагѣ.

Въ продолженіе цѣлаго года императоръ уклонялся отъ исполненія своего обѣщанія, касавшагося свободы печати и права собраній. Но общество такъ настойчиво требовало этой реформы, что Наполеонъ III и его министры сочли благоразумнымъ не отказывать ему дольше въ этомъ удовлетвореніи. Законъ о печати, обнародованный 11 мая, предоставлялъ прессѣ свободу въ томъ смыслѣ, что отмѣнялъ систему предварительнаго разрѣшенія, предостереженій, административныхъ пріостановокъ и запрещеній. Но при этомъ процессы по дѣламъ печати объявлены были подсудными не суду присяжныхъ, а исправительнымъ трибуналамъ, политическая независимость которыхъ подлежала большому сомнѣнію; кромѣ того, наряду съ весьма стѣснительными фискальными помѣхами (гербовый сборъ, залогъ и т. п.) оставлены были въ силѣ несоразмѣрно высокія наказанія, привилегированное положеніе чиновниковъ и крайне неясное опредѣленіе проступковъ печати: все это вмѣстѣ на практикѣ способно было сдѣлать пользованіе этой свободой невозможнымъ или же весьма опаснымъ.

Точно такъ же законъ 6 іюня 1868 года въ принципѣ разрѣшалъ публичныя собранія, но съ такими оговорками, что администрація и полиція фактически имѣли полную возможность запретить или распустить всякое собраніе по произволу. Что же касается давно отмѣненнаго имперіей права союзовъ, то законъ не упоминалъ о немъ ни однимъ словомъ.

Республиканская партія въ 1868 году.— Эти половинчатыя уступки, сдѣланныя правительствомъ противъ своей воли, явились слишкомъ поздно, и притомъ очевидно было, что за ними скрывается задняя мысль при случаѣ взять все обратно. Оппозиція видѣла въ этихъ уступкахъ просто-напросто вынужденное и неполное возвращеніе народу правъ, предательски украденныхъ у Франціи 2 декабря; она не только не выказала имперіи никакой за нихъ благодарности, но воспользовалась предоставленнымъ ей оружіемъ для еще болѣе яростной и дѣйствительной борьбы противъ деспотизма.

Съ изданіемъ новаго закона о печати возникла масса газетъ, которыя открыто поставили себѣ задачей ниспроверженіе имперіи и возстановленіе республики, не только не опасаясь преслѣдованій и судебныхъ приговоровъ, но даже ища ихъ въ цѣляхъ увеличенія своей популярности. До тѣхъ поръ оппозиціонныя газеты обыкновенно нападали на положеніе дѣлъ и на дѣятелей имперіи, сохраняя при этомъ извѣстную внѣшнюю сдержанность и осторожность въ выборѣ выраженій. Все это прекратилось съ того момента, когда на сцену выступилъ Анри Рошфоръ,

который, срывая всѣ маски и развѣнчивая всѣхъ идоловъ, высказывая во всеуслышаніе то, что наканунѣ еще рѣшались только нашептывать другъ другу на ухо, поставилъ себѣ задачей выставить императора, его приближенныхъ и министровъ не только въ ненавистномъ, но и въ смѣшномъ свѣтѣ — и достигъ своей цѣли изданіемъ знаменитаго „Фонаря". Этотъ небольшой еженедѣльный памфлетъ, горячо написанный и дышавшій непочтительностью, близкой къ оскорбленію, имѣлъ колоссальный успѣхъ. Тщетно правительство пыталось убить его судебными преслѣдованіями. Рошфоръ, избѣгая тюремнаго заключенія, эмигрировалъ въ Бельгію, гдѣ рѣзкій тонъ его писаній еще усилился, а „Фонарь", ввозимый во Францію контрабанднымъ путемъ, пріобрѣлъ только вкусъ запрещеннаго плода и продолжалъ пользоваться широкимъ распространеніемъ.

Въ то же время въ большихъ городахъ и главнымъ образомъ въ Парижѣ происходило множество народныхъ собраній, куда свободно сходились соціалисты и крайніе республиканцы подъ предлогомъ обсужденія чисто экономическихъ вопросовъ и гдѣ они ежедневно подвергали критическому разсмотрѣнію не только институты религіи и собственности, но и учрежденія имперіи. Эти сходки, отличавшіяся весьма бурнымъ характеромъ, а часто даже сопровождавшіяся рѣзкими столкновеніями, почти всегда распускались полицейскими комиссарами, что не мѣшало имъ повторяться и съ каждымъ днемъ принимать все болѣе агитаціонную окраску. Рабочій классъ и учащаяся молодежь находились въ возбужденномъ состояніи, которое еще усиливалось чтеніемъ новыхъ газетъ и историческихъ сочиненій зажигательнаго характера, какъ, напримѣръ, „Парижъ въ декабрѣ 1851 г." Эженя Тено [1]).

[1]) Имѣется русскій переводъ. *Прим. перев.*

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали отплаты за государственный переворотъ. Вскорѣ начали устраиваться уличныя манифестаціи. 2 ноября 1868 года на могилу Бодэна [1]), открытую на Монмартрскомъ кладбищѣ, организовано было республиканцами настоящее паломничество, подавшее поводъ къ рѣзкимъ призывамъ въ пользу возстанія. Нѣкоторыя газеты открыли подписку на постановку этому народному представителю достойнаго его памятника, а правительство имѣло неосторожность возбудить судебное преслѣдованіе противъ иниціаторовъ этой подписки; процессъ этотъ возбудилъ во всей странѣ самые нежелательные для имперіи толки. Этотъ процессъ замѣчателенъ главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ впервые обнаружилъ ораторскій талантъ Леона Гамбетты, который наканунѣ еще былъ совершенно неизвѣстенъ широкой публикѣ, но который, благодаря своему громовому краснорѣчію, сразу выдвинулся какъ величайшій ораторъ новой Франціи.

Общіе выборы 1869 года. — Императоръ тѣмъ яснѣе долженъ былъ понимать всю серьезность положенія, что помимо чтенія газетъ онъ давно уже получалъ отъ префекта полиціи Пьетри самые тревожные доклады о состояніи умовъ въ обществѣ [2]). При открытіи палатъ (18 января 1869 г.) онъ съ грустью констатировалъ, что *безпокойные и разрушительные элементы стараются нарушить общественное спокойствіе*. Правда, при этомъ онъ прибавлялъ, что *нація остается въ сторонѣ отъ* этой *искусственной агита-*

[1]) Членъ Законодательнаго Собранія, павшій 3 декабря 1851 года на баррикадѣ жертвой своей преданности закону.

[2]) Начиная съ сентября 1867 года этотъ полицейскій чиновникъ неоднократно указывалъ Наполеону III на систематическую вражду „правящаго" класса, т.-е. буржуазіи, и высказывалъ опасеніе, что народная масса вскорѣ будетъ вовлечена въ оппозицію (смотри его доклады въ *Papiers secrets et correspondance de la famille impériale*).

ціи, такъ какъ *она разсчитываетъ на твердость правительства въ дѣлѣ охраны порядка,* но это были голыя фразы и больше ничего.

Оппозиція продолжала усиливаться въ Законодательномъ Корпусѣ. Такъ, напримѣръ, она принудила правительство отказаться отъ давно уже присвоеннаго имъ себѣ права произвольно распоряжаться финансами города Парижа [1]). А за стѣнами Бурбонскаго Дворца ея успѣхи съ каждымъ днемъ все болѣе бросались въ глаза. Общіе выборы, которые должны были вскорѣ имѣть мѣсто, открывали для правительства такія непріятныя перспективы, что нѣкоторые депутаты, обязанные ему своими мѣстами, отклоняли его покровительство, а оффиціальные кандидаты, чтобы замаскировать истинную свою природу, приняли названіе „либеральныхъ консерваторовъ".

Новые выборы въ Законодательный Корпусъ состоялись 23 и 24 мая 1869 г. и, какъ и слѣдовало ожидать, закончились неблагопріятно для имперіи. Отчаянныя усилія администраціи въ значительномъ числѣ избирательныхъ округовъ были нейтрализованы республиканской и либеральной пропагандой газетъ, публичныхъ собраній, избирательныхъ комитетовъ и тайныхъ обществъ. На этотъ разъ враждебныя имперіи партіи не составили такой коалиціи, какъ въ 1863 году; каждая изъ нихъ въ отдѣльности чувствовала себя теперь достаточно сильной для того, чтобы завоевать нѣсколько мѣстъ собственными силами. И каждая партія могла похвастать нѣкоторыми своими побѣдами.

Но самый громкій и, повидимому, представлявшій наибольшую важность успѣхъ выпалъ, какъ и въ 1863 году, на долю республиканской партіи, которая на этотъ разъ боролась съ высоко поднятымъ забраломъ, не считаясь съ конституціонными приличіями. Одно время казалось, что Парижъ рѣшилъ выбирать только „неприсяжныхъ" кандидатовъ [1]); въ концѣ-концовъ онъ выбралъ отъявленныхъ противниковъ имперіи, „непримиримыхъ", которые сами себя такъ называли или были извѣстны какъ таковые. Онъ съ презрѣніемъ отвергъ Эмиля Оливье, которому удалось пройти только въ Варскомъ департаментѣ, и замѣнилъ его декабрьскимъ изгнанникомъ Банселемъ. Тѣ кандидаты, которыхъ поддерживала администрація, получили въ Парижѣ ничтожное число голосовъ; за всѣхъ ихъ подано было всего 74.000 голосовъ, тогда какъ за остальныхъ кандидатовъ 231.000.

Если въ общемъ итогѣ правительство и одержало матеріальную побѣду, то на этотъ разъ она была далеко не рѣшительной, такъ какъ общая сумма голосовъ, поданная во всей странѣ за оффиціальныхъ кандидатовъ, достигла лишь 4.636.713, тогда какъ противники его получили 3.266.366 голосовъ.

По этимъ цифрамъ мы можемъ судить о тѣхъ громадныхъ успѣхахъ, которые сдѣлала оппозиція съ 1863 года. Теперь она не только господствовала въ городахъ, но сильно задѣла и чисто сельскіе округа. Эти выборы были для имперіи моральнымъ пораженіемъ, которое, повергая въ глубокое уныніе ея сторонниковъ, должно было въ то же время ободрить и укрѣпить ея враговъ, и безъ того крайне дерзкихъ и сильныхъ. Съ этого момента для многихъ здравомыслящихъ людей стало очевиднымъ, что имперія погибла, если только, вернувши

[1]) Закономъ 1869 года постановлено было, что отнынѣ чрезвычайный бюджетъ города Парижа вотируется сначала муниципальнымъ совѣтомъ, а затѣмъ передается на разсмотрѣніе Законодательнаго Корпуса и что такой же порядокъ устанавливается для сведенія окончательныхъ счетовъ по исполненію росписи.

[1]) Т.-е. такихъ, которые отказались бы принести присягу, требовавшуюся отъ кандидатовъ съ 1858 года.

себѣ популярность какой-нибудь счастливой войной, она не прибѣгнетъ къ новому государственному перевороту.

Послѣдніе выборы довели оппозицію въ Бурбонскомъ Дворцѣ приблизительно до 90 человѣкъ. Изъ этого числа около сорока депутатовъ были непримиримыми врагами Наполеона III и его династіи. Остальныхъ при извѣстномъ стараніи можно было бы, пожалуй, привлечь на свою сторону; но для этого императоръ долженъ былъ безотговорочно и добросовѣстно капитулировать передъ ихъ конституціоналистическими требованіями и собственными руками возстановить тотъ парламентскій режимъ, который онъ самъ разрушилъ 2 декабря и который съ тѣхъ поръ неоднократно предавался анаѳемѣ и вышучивался имъ самимъ и его министрами. Онъ прекрасно понималъ, что если онъ будетъ упорствовать въ прежней политикѣ, то со скамей лѣвой оппозиція быстро перекинется на центръ и безъ особаго труда поглотитъ большинство, преданность котораго неограниченной имперіи давно уже поколебалась. Но онъ не хотѣлъ примириться съ этимъ исходомъ иначе, какъ въ крайней необходимости, и оставлялъ себѣ возможность въ одинъ прекрасный день отнять одной рукой то, что онъ принужденъ былъ отдать другой.

Прежде чѣмъ рѣшиться на окончательную уступку, онъ снова попытался напугать страну краснымъ призракомъ и такимъ образомъ привлечь ее на свою сторону. Бонапартистскія газеты силились убѣдить общество, что революція и анархія стоятъ у воротъ Франціи. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ рабочемъ классѣ, особенно въ Парижѣ, замѣчалось нѣкоторое броженіе, способное поселить тревогу въ сердцахъ буржуазіи и деревенскаго населенія; среди рабочихъ начали распространяться теоріи революціоннаго соціализма, а подсылаемые правительствомъ агенты - провокаторы старались всячески разжечь это броженіе.

Въ нѣкоторыхъ округахъ народъ относился съ подозрѣніемъ къ республиканцамъ 1848 года въ виду ихъ умѣреннаго направленія. Жюль Фавръ на этотъ разъ прошелъ только во время перебаллотировки. Гамбетта, для того чтобы получить голоса Бельвильскихъ избирателей, долженъ былъ принять программу, требовавшую, между прочимъ, наряду съ другими реформами, отдѣленія церкви отъ государства, избранія всѣхъ чиновниковъ народомъ и уничтоженія постоянной арміи. Наконецъ, въ нѣсколькихъ городахъ, и главнымъ образомъ въ столицѣ, на другой день послѣ выборовъ произошли безпорядки. Правительство старалось раздувать эти безпорядки черезъ своихъ агентовъ, разжигавшихъ толпу [1]), и, придавая имъ такимъ образомъ болѣе рѣзкую форму, надѣялось запугать буржуазію. А затѣмъ оно пользовалось этими волненіями для того, чтобы производить обыски и аресты и выступать передъ страной въ роли спасителя общества отъ грозящей ему опасности.

Средняя партія и программа 116-ти.— Но эта тактика далеко не приводила къ желательнымъ для правительства результатамъ. Республиканцевъ она только забавляла, а черезъ нѣсколько дней они научились уже остерегаться всякихъ полицейскихъ ловушекъ. Правда, умѣренная оппозиція готова была сблизиться съ правительствомъ, которое старалось возстановить внутренній миръ и общественный порядокъ, но она соглашалась оказать содѣйствіе партизанамъ имперіи лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣдніе, съ своей стороны, примкнули къ ея либеральнымъ требованіямъ. Ей безъ

[1]) Это были шпіоны, надѣвавшіе бѣлыя блузы, для того чтобы походить на рабочихъ; несмотря на всѣ учинявшіеся ими скандалы, они никогда не арестовывались полиціей и всегда оставались безнаказанными.

особаго труда удалось склонить многихъ правительственныхъ депутатовъ на свою сторону, и вскорѣ въ Законодательномъ Корпусѣ составилась „средняя партія", болѣе сильная, сплоченная и рѣшительная, чѣмъ въ 1866 году, съ вполнѣ опредѣленной программой, которую правительство не могло долго игнорировать.

Новая палата собралась 28 іюня 1869 года, и почти сейчасъ же *сто шестнадцать депутатовъ* подписали интерпелляцію, въ которой правительство запрашивалось „относительно необходимости дать удовлетвореніе чувствамъ страны путемъ болѣе близкаго ея привлеченія къ управленію государственными дѣлами. *Для достиженія этой цѣли,*— говорилось далѣе въ этомъ манифестѣ, — *безусловно необходимо составленіе отвѣтственнаго министерства, предоставленіе Законодательному Корпусу права опредѣлять органическія условія своихъ работъ и форму своихъ сношеній съ правительствомъ*".

Преобразованіе имперіи въ конституціонномъ духѣ.—Наполеонъ III, не рѣшаясь отвергнуть эту просьбу, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желая допустить обсужденія въ Бурбонскомъ Дворцѣ конституціонныхъ вопросовъ, на что̀ имѣли право только императоръ и Сенатъ, выпутался изъ затруднительнаго положенія путемъ отсрочки засѣданій Законодательнаго Корпуса (13 іюля). Затѣмъ, вынужденный, хотя и противъ воли, пойти на уступки, онъ упразднилъ постъ государственнаго министра, назначилъ Руэра президентомъ Сената и предложилъ на обсужденіе этого собранія сенатусъ - консультъ, который долженъ былъ, казалось, дать группѣ 116-ти самое широкое удовлетвореніе.

По этому проекту, получившему силу закона 6 сентября, Законодательному Корпусу предоставлено было право законодательной иниціативы наравнѣ съ императоромъ; отнынѣ онъ самъ избиралъ своего президента и своихъ секретарей; ограниченія, стѣснявшія право интерпелляцій и поправокъ, были отмѣнены; право вотировать бюджетъ по отдѣльнымъ статьямъ было возстановлено; утвержденіе таможенныхъ и почтовыхъ договоровъ предоставлено было Законодательному Корпусу. Засѣданія Сената объявлены были публичными, а право его отсылать законопроекты нижней палатѣ для вторичнаго разсмотрѣнія было подтверждено.

По новому закону конституціонныя отношенія между императоромъ и палатами могли быть измѣнены только сенатусъ-консультомъ. Но самымъ важнымъ нововведеніемъ было, безъ сомнѣнія, установленіе отвѣтственности министровъ; кромѣ того, въ законѣ было сказано, что министры могутъ быть членами той или другой палаты и что во всякомъ случаѣ они имѣютъ право присутствовать на засѣданіяхъ и получать слово. Это было цѣлымъ переворотомъ. Правда, сенатусъ-консультъ прибавлялъ, что министры *зависятъ отъ императора.* Какимъ же образомъ возможно было примирить эту зависимость съ отвѣтственностью передъ палатами? Этотъ именно вопросъ не безъ нѣкотораго коварства и ставилъ принцъ Наполеонъ, всегда готовый щегольнуть своими демократическими чувствами, въ одной рѣчи, которую чистые имперіалисты находили „прискорбной и скандальной" и которую одинъ министръ назвалъ „программой младшей линіи". Сенатъ оставилъ этотъ вопросъ безъ вниманія; а между тѣмъ не подлежало никакому сомнѣнію, что съ помощью этой лазейки императоръ надѣялся сохранить руководство политическими дѣлами лично за собой и въ случаѣ нужды поступать вопреки желанію палатъ.

Въ сущности всѣ его симпатіи продолжали оставаться на сторонѣ „мамелюковъ"; эта партія находила дѣятельную поддержку въ лицѣ императрицы, вліяніе которой возрастало по мѣрѣ того, какъ ослабѣвала физическая и моральная энергія Наполеона III. Отставка Руэра

имѣла чисто фиктивный характеръ; въ Тюильри попрежнему продолжали спрашивать его совѣта и считаться съ его мнѣніемъ. Такъ обстояло дѣло до конца имперіи, а министерство Оливье, котораго ждала „средняя партія“, должно было сыграть роль безсознательнаго орудія въ рукахъ камарильи.

Общественное броженіе не только не ослабѣвало, но, напротивъ, все усиливалось. Одно время въ столицѣ можно было опасаться революціоннаго „дня“, который намѣревались организовать на 26 октября [1]) вожаки республиканской партіи (и даже нѣкоторые либералы). Этотъ проектъ не осуществился; но Парижъ готовъ былъ попрежнему воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для проявленія своихъ враждебныхъ чувствъ противъ правительства. Онъ доказалъ это на дополнительныхъ выборахъ 21 и 22 ноября, пославши въ палату самаго рѣзкаго хулителя имперіи, Анри Рошфора, избраніе котораго могло разсматриваться какъ личное оскорбленіе, нанесенное Наполеону III.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этихъ выборовъ глава государства, открывая очередную сессію парламента (29 ноября), не безъ грусти умолялъ палаты „помочь ему спасти свободу“. Онъ прибавилъ къ этому, что „за порядокъ онъ отвѣчаетъ“, но эта притворная увѣренность не въ силахъ была скрыть его тревоги и безсилія. „Средней партіи“ уже надоѣло вѣрить императору на слово; она заставила его дать новую конституцію, и теперь она хотѣла получить власть, для того чтобы испытать ее на практикѣ. Можно было опасаться, что если правительство попрежнему будетъ оттягивать это удовлетвореніе, котораго требовала „средняя партія“, то послѣдняя будетъ увлечена лѣвой, которая устами Жюля Фавра уже требовала предоставленія Законодательному Корпусу учредительной власти.

Въ виду этого Наполеонъ III рѣшилъ сдѣлать новый шагъ по пути уступокъ. Онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ велъ тайные переговоры съ Эмилемъ Оливье, а послѣдній даже отправлялся къ нему по ночамъ въ Компьень для секретныхъ совѣщаній. 28 декабря 1869 года Франція узнала, что бывшему товарищу Жюля Фавра по группѣ „пяти“ поручено составить министерство, а 2 января 1870 года новое министерство было сформировано. Такъ возникла *Либеральная имперія*. „Средняя партія“ привѣтствовала ее какъ прочный режимъ, которому суждено возродить имперію; правая, не раздѣлявшая ея воззрѣній, смотрѣла на поворотъ къ либеральной политикѣ какъ на переходную мѣру, имѣющую смыслъ для того, чтобы выиграть время и подготовить возвращеніе къ неограниченной власти. А въ глазахъ лѣвой новый режимъ являлся просто переходной стадіей къ Республикѣ.

---

[1]) Въ видѣ протеста противъ новой (неконституціонной, по ихъ мнѣнію) отсрочки правительствомъ засѣданій Законодательнаго Корпуса.

А. Мерсье.

Жанна д'Аркъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

Глава VI.

Восточный вопросъ.

Крымская война. Турецкая имперія и христіанскія народности Балканскаго полуострова.

I.—Турція, Россія и Европа.

Молдаво-Валахская революція.—Революція 1848 года послужила толчкомъ, который пробудилъ политическую жизнь въ вассальныхъ турецкихъ княжествахъ Молдавіи и Валахіи, гдѣ движеніе приняло такой же характеръ, какъ и въ остальныхъ странахъ Европы: оно отличалось конституціоннымъ и либеральнымъ духомъ, а также стремленіемъ къ національному единству. Въ Молдавіи все движеніе ограничилось съѣздомъ, состоявшимся въ Яссахъ 27 марта, почти на глазахъ господаря Михаила Стурдзы; на этомъ собраніи выработанъ былъ проектъ конституціи, который господарь обѣщалъ принять во вниманіе. Въ тотъ же вечеръ онъ приказалъ арестовать вожаковъ движенія—и все успокоилось.

Болѣе серьезнымъ характеромъ отличалось движеніе въ Валахіи. Несмотря на то, что господарь Бибеско осуществилъ нѣсколько полезныхъ реформъ, онъ сдѣлался страшно непопуляренъ главнымъ образомъ благодаря своимъ тѣснымъ отношеніямъ къ Россіи. Оппозиціонная партія, состоявшая изъ проникшейся французскими идеями молодежи, крайне враждебной русскому вліянію, готова была въ интересахъ освобожденія своей страны изъ-подъ „ига протектората искренне присоединиться къ Портѣ“ [1]). Дѣятели этой партіи мечтали объ объединеніи Молдавіи и Валахіи и даже румынской части Трансильваніи; а пока они требовали отмѣны органическаго регламента 1831 года и введенія конституціи, обезпечивающей гражданское и политическое равенство, свободу печати, административную и законодательную автономію подъ простымъ контролемъ Турціи. Нѣсколько тайныхъ обществъ, какъ, напримѣръ, образовавшійся въ 1844 году „Союзъ братьевъ“, пропагандировали эти идеи и старались сгруппировать недовольныхъ.

Когда либералы, которые въ первое время разсчитывали дѣйствовать исключительно легальными средствами, убѣдились, что надѣяться на какія-либо уступки со стороны Бибеско нѣтъ никакихъ основаній, то они рѣшили прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. 21 іюня въ Ислазѣ „на полѣ возрожденія“ они провоз-

[1]) Записка, представленная турецкому комиссару, Талаату-эффенди; напечатана въ „*Mémoire justificatif de la Révolution roumaine*“, Парижъ, 1849, стр. 74.

гласили конституцію; въ Бухарестѣ солдаты заявили, что „противъ своихъ братьевъ они драться не станутъ“, а 23 іюня господарь согласился подписать конституцію. 25 іюня, „чувствуя, что силы его не соотвѣтствуютъ требованіямъ обстоятельствъ“, онъ отрекся отъ престола и былъ немедленно замѣненъ временнымъ правительствомъ. Революція совершилась безъ пролитія крови.

Вмѣшательство Россіи и Турціи.—Такъ какъ либералы требовали возстановленія одного только турецкаго протектората, то султанъ, вѣроятно, призналъ бы новый порядокъ вещей. Но царь Николай, помимо своего инстинктивнаго отвращенія ко всякому революціонному движенію, не могъ допустить такого переворота, результатомъ котораго было бы ослабленіе русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Поэтому 28 іюня 12.000-ный русскій корпусъ вступилъ въ Молдавію и двинулся въ Валахію. Этотъ походъ былъ на нѣкоторое время пріостановленъ вслѣдствіе протеста Турціи, а также Франціи и Англіи, потребовавшихъ отъ русскаго правительства объясненій. Но царь усилилъ свою армію и держалъ ее готовой къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Съ своей стороны, султанъ отправилъ за Дунай 20.000 человѣкъ, отказался, по совѣту русской дипломатіи, признать временное правительство и поручилъ чрезвычайному комиссару, Солиману-пашѣ, возстановить законный порядокъ. Солиманъ, отличавшійся умѣреннымъ характеромъ, предложилъ валахамъ самимъ выбрать намѣстника (каймакана) согласно органическому регламенту, но вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ, что послѣ того, какъ „въ странѣ возстановленъ будетъ прежній порядокъ, основательныя жалобы населенія приняты будутъ во вниманіе“.

4 августа выбрано было „княжеское намѣстничество румынской земли“. Вѣрный своему обѣщанію, Солиманъ съ величайшимъ вниманіемъ разсмотрѣлъ обращенныя къ нему требованія реформъ, въ результатѣ чего принята была за вычетомъ нѣкоторыхъ частностей конституція, провозглашенная на „полѣ возрожденія“. Тѣсное соглашеніе, установившееся между валахами и турецкимъ представителемъ, не понравилось русскому правительству; оно потребовало немедленнаго отозванія Солимана и назначенія новаго комиссара, который долженъ былъ дѣйствовать по соглашенію съ русскимъ комиссаромъ. Не встрѣчая ни откуда поддержки, султанъ принужденъ былъ уступить; Фуадъ-Эффенди и Омеръ-паша, за которыми внимательно слѣдилъ русскій комиссаръ, вступили въ Бухарестъ; намѣстничество было замѣнено каймаканомъ Константиномъ Кантакузеномъ; вожаки либеральной партіи подверглись заточенію или изгнанію. Чтобы обезпечить точное исполненіе своей воли, царь въ концѣ сентября послалъ въ Бухарестъ 60.000 солдатъ; правительственная власть фактически очутилась въ рукахъ генерала Дюгамеля, который безъ суда арестовалъ, заключилъ въ тюрьму и изгналъ всѣхъ противниковъ русскаго протектората.

Балта-Лиманская конвенція. — 1 мая 1849 года Россія и Турція подписали въ Балта-Лиманѣ конвенцію, опредѣлявшую новыя условія существованія Дунайскихъ княжествъ. Отнынѣ господари, назначаемые на семилѣтній срокъ царемъ и султаномъ, должны были играть роль простыхъ губернаторовъ; общія собранія отмѣнялись; назначенные русскимъ и турецкимъ комиссарами комитеты должны были пересмотрѣть старый органическій регламентъ; оккупація княжествъ должна была продолжаться впредь до полнаго возстановленія порядка и до завершенія комитетами своихъ работъ. На основаніи этого договора русскій протеже князь Стирбей, назначенъ былъ валахскимъ господаремъ, а господаремъ Молдавіи сдѣлался турецкій кандидатъ, князь Гика.

Такимъ образомъ единственнымъ ре-

зультатомъ мирной валахской революціи была потеря довольно широкихъ вольностей, предоставленныхъ княжествамъ по Адріанопольскому трактату: они лишились права самостоятельно выбирать своихъ господарей и имѣть общія выборныя собранія. Реакціонная политика Николая восторжествовала въ Бухарестѣ и въ Яссахъ точно такъ же, какъ ей предстояло черезъ нѣсколько недѣль восторжествовать и въ Венгріи. Попытка младо-валаховъ освободиться отъ вліянія и вмѣшательства Россіи привела только къ усиленію послѣдней, получившей новыя легальныя средства для воздѣйствія на княжества. Съ другой стороны, этотъ результатъ означалъ также побѣду царя надъ султаномъ, новый успѣхъ въ дѣлѣ медленнаго завоеванія Россіей Балканскаго полуострова, новый шагъ впередъ въ терпѣливомъ и безостановочномъ движеніи ея къ Царьграду.

Возстанія въ Босніи и въ Болгаріи.— Въ другихъ областяхъ Турецкой имперіи русская политика не могла похвастаться такой же удачей. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что волненія, имѣвшія мѣсто въ Босніи и Болгаріи въ 1849—1851 годахъ, не обошлись безъ участія русскихъ агентовъ. Въ Босніи въ іюлѣ 1849 года національныя стремленія впервые объединили тѣ элементы, которые до сихъ поръ вслѣдствіе религіозныхъ различій всегда выступали въ качествѣ братьевъ-враговъ, а именно—перешедшихъ въ мусульманство беговъ и христіанскую райю. Это возстаніе было организовано для того, чтобы парализовать всякое поползновеніе Турціи вмѣшаться въ венгерскія дѣла. Инсургенты провозгласили учрежденіе „славянской федераціи“, написали на своихъ знаменахъ имя кроатскаго бана Іеллачича и объявили одного изъ его родственниковъ своимъ вождемъ. Они разсчитывали на содѣйствіе Сербіи и Черногоріи; но сербскій князь, Александръ Карагеоргіевичъ, изъ ненависти къ Россіи, заявилъ, что намѣренъ вѣрно исполнить свой долгъ турецкаго вассала, а черногорцы изъ вражды къ ренегатамъ-бегамъ напали на боснійскихъ бунтовщиковъ.

Султанъ отозвалъ Омера-пашу изъ Бухары и весной 1850 года послалъ его въ Боснію; тогда русскіе агенты, воспользовавшись невыносимыми страданіями болгарской райи, поспѣшили возмутить ее и поднять противъ мучителей болгарскаго народа, спаги. Ихъ несомнѣнное пораженіе должно было доставить русскому царю предлогъ для вмѣшательства; несчастные крестьяне, вооруженные большей частью косами и обитыми желѣзомъ дубинами, не могли устоять противъ турокъ. Началась дикая расправа, но она настолько быстро прекращена была внезапнымъ возвращеніемъ Омера-паши, что русскіе не успѣли вмѣшаться.

Омеръ-паша, назначенный генералъ-губернаторомъ Европейской Турціи, даровалъ полную амнистію инсургентамъ и воспользовался обстоятельствами для того, чтобы принудить болгарскихъ спаги къ признанію *тансимата;* къ тому же онъ принудилъ и боснійскихъ беговъ, противъ которыхъ онъ поспѣшилъ снова начать военныя дѣйствія. Обѣщанныя тансиматомъ вольности быстро успокоили райю, которая начала даже помогать турецкимъ солдатамъ преслѣдовать взбунтовавшихся беговъ. Въ интересахъ усиленія турецкаго могущества Омеръ-паша самъ поспѣшилъ примѣнить наиболѣе важныя постановленія закона; онъ обложилъ беговъ налогами наравнѣ съ райей и началъ набирать рекрутовъ среди христіанъ, какъ и среди мусульманъ; эта система вербовки доставила ему нѣкоторые изъ наилучшихъ элементовъ той арміи, которая вскорѣ послѣ того должна была остановить движеніе русскихъ войскъ у подошвы Балканъ.

Россія и Турція. — Быстрое подавленіе боснійскаго и балканскаго возстаній, энергическій отказъ султана выдать царю и

австрійскому императору венгерскихъ эмигрантовъ, тотъ фактъ, что онъ принудилъ даже египетскаго вице-короля примѣнить тансиматъ (май 1852 года),—все это показывало, что турки начинаютъ снова собираться съ силами. Николай не могъ остаться хладнокровнымъ зрителемъ турецкаго возрожденія; съ момента своего вступленія на престолъ онъ выжидалъ удобнаго момента для того, чтобы силой (какъ во время Адріанопольскаго трактата) или дипломатическими хитростями (какъ во время заключенія договора въ Ункіаръ - Скелесси) завладѣть наслѣдствомъ „больного человѣка", какъ онъ назвалъ Турцію въ разговорѣ съ англійскимъ посланникомъ. А такъ какъ реформы Абдулъ-Меджида и энергія Решида-паши измѣняли условія существованія больного, который началъ подавать надежды на выздоровленіе, то необходимо было ускорить развязку. Борьба за вліяніе, возгорѣвшаяся въ 1851 году между Россіей и Франціей по поводу обладанія Святыми Мѣстами, доставила Николаю предлогъ къ разрыву съ Турціей.

Вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ.—Двѣнадцативѣковая традиція, подтвержденная многочисленными фирманами, обезпечивала католикамъ или „латинянамъ", состоявшимъ подъ покровительствомъ Франціи, охрану Святыхъ Мѣстъ въ Іерусалимѣ и Виѳлеемѣ; эта привилегія съ незапамятныхъ временъ возбудила зависть армянъ и грековъ, которые неоднократно пытались оспаривать это право у католиковъ. Въ 1757 году имъ удалось захватить нѣкоторыя святыни; несмотря на протестъ и требованія Франціи, этотъ инцидентъ не былъ улаженъ къ 1789 году; а такъ какъ Революція и Имперія совершенно не интересовались этимъ вопросомъ, то въ 1808 году греки, при рѣшительной поддержкѣ православныхъ русскихъ, окончательно отняли у католиковъ обладаніе Святыми Мѣстами.

Политика Наполеона III.—Революція и Іюльская монархія не пытались добиться отъ султана перемѣны въ положеніи дѣлъ, хотя этотъ вопросъ имѣлъ важное значеніе для французскаго престижа и вліянія на Востокѣ. Но все измѣнилось съ того момента, какъ Наполеонъ III сдѣлался президентомъ; онъ не намѣренъ былъ допускать какого бы то ни было отступленія отъ историческихъ правъ Франціи, особенно, если это отреченіе могло пойти на пользу царю Николаю. Съ другой стороны, онъ нуждался въ духовенствѣ для успѣховъ своей внутренней политики, а выступая въ защиту католическихъ интересовъ въ Святой Землѣ, онъ, конечно, привлекалъ этимъ симпатіи духовенства на свою сторону. Наконецъ онъ, повидимому, усматривалъ въ конфликтѣ на Востокѣ, гдѣ интересы Австріи и Россіи были по необходимости противоположны, вѣрнѣйшее средство поссорить обѣ эти державы и изолировать Австрію на случай итальянской войны, о которой онъ тогда уже помышлялъ.

Въ маѣ 1851 года французскій посолъ, маркизъ Лавалетъ, потребовалъ отъ Блистательной Порты предоставленія латинянамъ въ Іерусалимѣ: гробницы и купола въ церкви Святого Гроба, а также совмѣстнаго владѣнія съ православными Камнемъ Преткновенія; на Голгоѳѣ: гробницъ франкскихъ королей и совмѣстнаго владѣнія Голгоѳскимъ алтаремъ; Геѳсиманской церкви и гробницы Пресвятой Дѣвы; верхней Виѳлеемской церкви съ примыкающими къ ней садами и кладбищами. Султанъ призналъ основательность французскихъ требованій, но въ виду протестовъ со стороны Россіи оставилъ все попрежнему.

Тогда въ Константинополѣ начался между Франціей и Россіей настоящій поединокъ, который принялъ особенно рѣзкій характеръ благодаря поведенію Николая по отношенію къ Наполеону послѣ возстановленія Имперіи. Усматри-

вая въ этой реставраціи вопіющее нарушеніе трактатовъ 1815 года, раздраженный тѣмъ, что новый императоръ ссылается на плебисциты и революціонный принципъ народнаго духовенства, царь хотѣлъ, чтобы старыя монархіи отказались его признать или, по крайней мѣрѣ, держали его на почтительномъ отдаленіи. Но онъ самъ долженъ былъ признать Наполеона III въ началѣ января 1853 года; онъ сдѣлалъ это съ величайшей неохотой и вмѣсто традиціоннаго эпитета „братъ" употребилъ въ своемъ письмѣ выраженіе „добрый другъ", причемъ объясненія русскаго посланника еще сильнѣе подчеркнули оскорбительный характеръ царскаго намѣренія.

Проекты Николая и Англія.—Императоръ, глубоко оскорбленный этими пріемами Николая, естественно меньше, чѣмъ когдалибо, расположенъ былъ сдѣлать какія бы то ни было уступки царскимъ претензіямъ въ Палестинѣ. Съ другой стороны, Николай, ободряемый проявленной султаномъ робостью, рѣшился дѣйствовать смѣло и сдѣлать рѣшительный шагъ; онъ разсуждалъ такъ: если бы ему удалось осуществить свой планъ, то онъ сразу вернулъ бы себѣ то привилегированное положеніе, которое одно время было ему обезпечено договоромъ въ Ункіаръ-Скелесси, и дѣйствительно установилъ бы русскій протекторатъ надъ Турціей; въ случаѣ же неудачи онъ получилъ бы столь давно ожидаемый предлогъ для того, чтобы объявить Турціи войну. Но при этомъ Николай совершилъ ошибку въ томъ отношеніи, что онъ преждевременно раскрылъ британскому правительству планъ, осуществленіе котораго, помимо согласія и содѣйствія Англіи, было, какъ онъ понималъ, почти невозможно.

Во время одного бала, происходившаго въ Петербургѣ 9 января 1853 года, царь въ разговорѣ съ англійскимъ посланникомъ, Гамильтономъ Сеймуромъ, высказалъ свое удовольствіе по поводу дружественныхъ отношеній между русскимъ и англійскимъ правительствами. „Когда мы дѣйствуемъ согласно, — сказалъ онъ, — то я совершенно равнодушно отношусь къ западно-европейскимъ государствамъ; то, что дѣлаютъ или думаютъ другіе, не имѣетъ особеннаго значенія". А черезъ пять дней послѣ вышеописаннаго разговора онъ пригласилъ посланника и повелъ рѣчь о турецкомъ вопросѣ. По его словамъ, Турція впала въ „состояніе такой дряхлости", что этотъ „больной человѣкъ" можетъ внезапно умереть и „остаться на рукахъ" у державъ; царь полагалъ, что было бы неблагоразумно „довести дѣло до такого сюрприза", не выработать заранѣе „какой-нибудь системы" и не установить „предварительнаго соглашенія". — „Я хочу поговорить съ вами, какъ съ другомъ и съ джентльменомъ, — прибавилъ онъ: если мнѣ удастся столковаться съ Англіей по этому вопросу, то остальное мнѣ не важно: я рѣшительно не интересуюсь мнѣніемъ и дѣйствіями другихъ". При этомъ онъ напомнилъ, что во время своей поѣздки въ Лондонъ, въ 1844 году, онъ уже пытался войти по этому поводу въ соглашеніе съ англійскимъ правительствомъ.

Впрочемъ, на этотъ разъ онъ не сталъ входить въ подробности своего проекта; окончательно онъ раскрылъ свои карты при третьей бесѣдѣ, имѣвшей мѣсто 21 февраля. По словамъ Николая, онъ не унаслѣдовалъ „тѣхъ мечтаній, которыми любила тѣшиться императрица Екатерина"; онъ не хочетъ „постоянной оккупаціи Константинополя русскими", но онъ не хочетъ также, чтобы Константинополь былъ занятъ англичанами, французами или какой-либо другой великой державой; онъ не намѣренъ также допустить возстановленія Византійской имперіи или территоріальнаго расширенія Греціи, способнаго превратить ее въ „сильное государство". Еще меньше онъ по-

мышлялъ о раздѣлѣ Турціи на мелкія республики, которыя „послужили бы готовымъ убѣжищемъ для революціонеровъ".

Его предложенія сводились къ слѣдующему. Дунайскія княжества сохраняютъ свою независимость подъ покровительствомъ Россіи. „Аналогичное устройство получаютъ Сербія и Болгарія". „Что касается Египта,— продолжалъ Николай,— то я прекрасно понимаю важное значеніе этой территоріи для Англіи... Если въ случаѣ паденія и раздѣла Турецкой имперіи вы завладѣете Египтомъ, то я не стану дѣлать противъ этого никакихъ возраженій. То же самое я могу сказать относительно Крита; этотъ островъ вамъ подходитъ, и я не вижу, почему бы онъ не могъ войти въ составъ англійскихъ владѣній". Разговоръ закончился слѣдующими словами: „Предложите вашему правительству высказать свое мнѣніе по этому вопросу. Я не требую отъ него обязательствъ или формальной конвенціи, а свободнаго обмѣна мыслями и, въ крайнемъ случаѣ, слова джентльмена. Между нами этого довольно".

Эти заявленія вызвали въ Лондонѣ величайшее волненіе. Напрасно царь увѣрялъ, что „для него не имѣетъ никакого смысла стремиться къ дальнѣйшему расширенію своей территоріи" и что расширеніе предѣловъ его „и безъ того обширной" Имперіи угрожало бы только опасностью; напрасно настаивалъ онъ на увѣреніи, что онъ желаетъ „продолжить существованіе больного". Если нѣкоторые министры, какъ Абердинъ, дѣлали видъ, что придаютъ весьма важное значеніе этому послѣднему заявленію, то другіе, вмѣстѣ съ Гамильтономъ Сеймуромъ, полагали, что „государь, который съ такимъ упорствомъ настаивалъ на неминуемо предстоящемъ паденіи сосѣдняго государства, въ душѣ твердо рѣшилъ, что наступила пора не дожидаться его разложенія, а ускорить его".

Князь Меньшиковъ отправляется посломъ въ Константинополь. — Не меньшее безпокойство вызывала поѣздка въ Константинополь чрезвычайнаго посольства, миссія котораго была объяснена царемъ сэру Гамильтону Сеймуру въ слѣдующихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: „Вы видите, какъ я дѣйствую по отношенію къ султану. *Этотъ господинъ* нарушаетъ свое слово и ведетъ себя по отношенію ко мнѣ самымъ несноснымъ образомъ; однако я довольствуюсь тѣмъ, что отправляю въ Константинополь посла, который долженъ потребовать удовлетворенія". Но высокое положеніе лица, на которое возложена была эта миссія, а именно бывшаго морского министра и финляндскаго генералъ-губернатора, адмирала князя Меньшикова, заставило предполагать, что дѣло идетъ не просто о „демонстраціи"; такъ думало и французское правительство, которое ничего еще не знало о тайныхъ замыслахъ царя, но которое съ величайшимъ вниманіемъ слѣдило за всѣми его ходами и за движеніями русскихъ войскъ на Прутѣ. Наполеонъ III и его министръ Друэнъ-де-Люисъ были убѣждены, что моментъ кризиса близокъ. И скоро поведеніе Меньшикова въ Константинополѣ подтвердило ихъ опасенія.

Прибывши въ турецкую столицу 28 февраля, русскій посолъ сразу повелъ себя самымъ грубымъ и вызывающимъ образомъ и отказался сдѣлать традиціонный визитъ министру иностранныхъ дѣлъ, Фуаду-эффенди, „лживому" субъекту, съ которымъ онъ не могъ вступить ни въ какіе переговоры; такимъ образомъ онъ принудилъ министра выйти въ отставку. Черезъ пятнадцать дней послѣ того онъ объявилъ о предметѣ своей миссіи: онъ открыто потребовалъ окончательнаго рѣшенія вопроса о Святыхъ Мѣстахъ,—вопроса, въ которомъ онъ могъ опасаться противодѣйствія только со стороны Франціи. Затѣмъ подъ величайшимъ секретомъ и въ формѣ ультиматума онъ по-

требовалъ, чтобы турецкое правительство подписало тайный договоръ, по которому России обезпечивался дѣйствительный протекторатъ надъ всѣмъ православнымъ населеніемъ Турецкой имперіи. Если бъ это предложеніе было принято, то царь получилъ бы возможность по всякому поводу вмѣшиваться въ турецкія дѣла. Зато онъ предлагалъ Турціи оборонительный и наступательный союзъ, который долженъ былъ обезпечить султана отъ возможнаго нападенія со стороны Франціи. Меньшиковъ требовалъ отъ турецкаго правительства полнаго молчанія, потому что, если бы предложенія России сдѣлались извѣстны, то они должны были бы вызвать оппозицію и Франціи, и Англіи, и большинства остальныхъ державъ. Но англійскій посланникъ, лордъ Стратфордъ Редклифъ, заставилъ Меньшикова раскрыть свои карты.

Взявши на себя помочь Меньшикову въ вопросѣ о Святыхъ Мѣстахъ, онъ, по соглашенію съ французскимъ представителемъ, дѣйствовалъ такъ искусно, что 4 мая дѣло было улажено къ полному удовольствію всѣхъ трехъ заинтересованныхъ сторонъ (султана, царя и императора) и что Меньшикову не оставалось никакого иного исхода, какъ или удалиться, или публично высказать дѣйствительную цѣль своего посольства. Онъ избралъ послѣдній выходъ. 5 мая онъ потребовалъ отъ султана въ пятидневный срокъ „ненарушимыхъ гарантій на будущее время въ формѣ торжественнаго обязательства, имѣющаго силу договора“. 10 мая турецкіе министры, поддерживаемые французскимъ и англійскимъ послами, отвѣтили, что султанъ „будетъ покровительствовать православной вѣрѣ и уважать ея привилегии“, но что онъ не можетъ поэтому заключить съ Россіей никакого договора, способнаго „скомпрометировать основные принципы его независимости и верховной власти“. 18 мая Меньшиковъ заявилъ, что миссія его кончена; „отказъ Турціи дать гарантіи православной вѣрѣ,—сказалъ онъ,—создаетъ для императорскаго правительства необходимость отнынѣ искать ее въ собственной силѣ“. 21 мая онъ выѣхалъ изъ Константинополя.

Царь порываетъ съ Турціей.—Царь немедленно приказалъ своимъ войскамъ вступить въ Дунайскія княжества; „онъ чувствовалъ,—говорилъ онъ,—на своей щекѣ слѣды пяти пальцевъ султана“. Однако нота канцлера Нессельроде отъ 31 мая объясняла, что движеніе русскихъ войскъ не означаетъ открытія враждебныхъ дѣйствій, а что дѣло идетъ просто о принятіи извѣстныхъ матеріальныхъ мѣръ для того, чтобы склонить „султана къ болѣе справедливымъ чувствамъ“ и добиться отъ него „моральныхъ гарантій“. Однако англійское правительство рѣшило, что наступилъ моментъ для принятія предохранительныхъ мѣръ, и 2 іюня стоявшій въ Мальтѣ англійскій флотъ присоединился къ французской эскадрѣ, которая съ марта стояла у Сахалина, а 13 іюня пришла въ Безику, у входа въ Дарданельскій проливъ. Посланникамъ обѣихъ державъ дано было разрѣшеніе призвать эскадры въ Константинополь для защиты султана.

Военныя дѣйствія должны были открыться только черезъ пять мѣсяцевъ. Турція была не подготовлена къ войнѣ, а царь былъ совершенно смущенъ неожиданнымъ для него сближеніемъ Франціи съ Англіей. Если Пальмерстонъ склонялся къ активной политикѣ, то руководящій министръ, лордъ Абердинъ, стоялъ за миръ; Наполеонъ, удовлетворенный изолированнымъ положеніемъ Николая, не хотѣлъ ускорять естественнаго хода событій и такимъ образомъ возбудить недовѣріе, которое онъ всегда чувствовалъ вокругъ себя; онъ предложилъ подвергнуть этотъ споръ разсмотрѣнію пяти державъ, подписавшихъ договоръ 1841 года.

Австрійскій императоръ, котораго свя-

зывало съ царемъ воспоминаніе объ услугахъ, оказанныхъ ему русской арміей при подавленіи венгерской революціи, но который въ то же время боялся всякаго нарушенія равновѣсія на Востокѣ, охотно примкнулъ къ этому проекту; казалось, что и царь на него соглашается. Къ концу іюля собравшіеся въ Вѣнѣ посланники выработали примирительную ноту, которой царь былъ удовлетворенъ, такъ какъ она составлена была въ совершенно неопредѣленныхъ выраженіяхъ, и которую султанъ отвергъ, потому что онъ, наоборотъ, хотѣлъ вполнѣ опредѣленной ея формулировки.

Пока велись эти переговоры, пробудился мусульманскій фанатизмъ, раздраженный манифестомъ, который изданъ былъ въ Россіи и въ которомъ Николай призывалъ православныхъ къ крестовому походу противъ турокъ. Улемы требовали, чтобы султанъ объявилъ царю войну или отрекся отъ престола; 25 сентября совѣтъ, состоявшій изъ 163 лицъ, предложилъ султану открыть военныя дѣйствія. 8 октября Омеръ-паша обратился къ князю Горчакову съ требованіемъ очистить княжества въ пятнадцатидневный срокъ, а 23 октября на Дунаѣ начались военныя дѣйствія.

Война; англо-французское вмѣшательство.—Въ тотъ же день англійская и французская эскадры вошли въ Босфоръ; однако вооруженное вмѣшательство обѣихъ западныхъ державъ окончательно опредѣлилось только послѣ катастрофы 30 ноября, когда двѣнадцать турецкихъ кораблей, атакованныхъ на Синопскомъ рейдѣ вице-адмираломъ Нахимовымъ, были потоплены послѣ трехчасоваго боя. Тогда соединенный англо-французскій флотъ вошелъ въ Черное море, съ тѣмъ чтобы прекратить плаваніе по немъ какихъ бы то ни было русскихъ судовъ. „Мы сохранимъ Черное море въ качествѣ залога вплоть до очищенія княжествъ и до возстановленія мира“, писалъ Друэнъ-де-Люисъ.

Дипломатическія сношенія были прерваны 4 февраля 1854 года. На личное письмо Наполеона III, предлагавшаго заключеніе немедленнаго перемирія и одновременнаго очищенія княжествъ и Чернаго моря, Николай отвѣтилъ 8 февраля отказомъ и заявилъ, что „Россія сумѣетъ въ 1854 году показать себя такой же, какой она была въ 1812 году“. 27 февраля Лондонскій и Парижскій кабинеты потребовали удаленія русскихъ войскъ изъ Дунайскихъ княжествъ до 30 апрѣля; 18 марта Нессельроде отвѣтилъ, что императоръ не считаетъ нужнымъ отвѣчать на это требованіе, а 27 марта въ французскомъ и англійскомъ парламентахъ оффиціально объявлено было о началѣ войны.

Константинопольскій и Лондонскій трактаты; Вѣнскій протоколъ.—12 марта Англія и Франція подписали въ Константинополѣ договоръ съ турецкимъ султаномъ; онѣ обязались защищать Турцію оружіемъ вплоть до заключенія мира, гарантирующаго независимость Турецкой имперіи и права султана; съ своей стороны, Порта брала на себя обязательство преобразовать учрежденія Турецкой имперіи въ смыслѣ обезпеченія всѣмъ турецкимъ подданнымъ, безъ различія вѣроисповѣданія, полнаго равенства предъ закономъ и судомъ, допущенія ко всѣмъ должностямъ и равномѣрнаго распредѣленія налоговъ.

10 апрѣля Англія и Франція заключили въ Лондонѣ договоръ, по которому онѣ обязались не вступать въ отдѣльные переговоры съ Россіей, не добиваться въ этой войнѣ никакихъ отдѣльныхъ выгодъ и удержать отъ необдуманныхъ поступковъ грековъ, подготовлявшихъ возстаніе въ Акарнаніи, Ѳессаліи и Македоніи.

Наканунѣ представители Франціи, Англіи, Австріи и Пруссіи подписали въ Вѣнѣ очень важный протоколъ, который опредѣлялъ основные принципы и условія *sine qua non* другихъ переговоровъ, а именно: неприкосновенность Турецкой

имперіи, очищеніе княжествъ, независимость султана, который долженъ былъ собственной властью предоставить своимъ христіанскимъ подданнымъ необходимыя вольности и привилегіи. Державы обязались дѣйствовать солидарно въ дѣлѣ разрѣшенія выдвинутыхъ вопросовъ и не заключать съ Россіей никакихъ отдѣльныхъ договоровъ, условія которыхъ не были бы предварительно установлены по взаимному соглашенію. Этотъ протоколъ имѣлъ важное моральное значеніе; онъ констатировалъ и санкціонировалъ изолированное положеніе Россіи и, успокоивши союзниковъ относительно намѣреній центральной Европы, позволилъ имъ употребить всѣ свои силы на веденіе войны, которая, благодаря отдаленности театра военныхъ дѣйствій, сопряжена была съ величайшими затрудненіями.

II. Крымская война; военныя дѣйствія.

Характеръ войны.—Съ военной точки зрѣнія Крымскую войну слѣдуетъ признать одной изъ самыхъ своеобразныхъ и тяжелыхъ войнъ. Воюющія государства расположены были на двухъ противоположныхъ концахъ Европы; не имѣя точекъ соприкосновенія, они могли добраться другъ до друга только по морю, такъ что англо-французская армія должна была снабжаться боевыми припасами и продовольствіемъ изъ пунктовъ, отстоявшихъ больше чѣмъ на 4.000 километровъ. Транспорты, большей частью парусные, должны были употреблять не меньше 12 дней, а часто и до 30 дней на переходъ изъ Марселя въ Галлиполи, а оттуда въ Севастополь приходилось идти еще отъ шести до семи дней. Снабженіе русской арміи всѣмъ необходимымъ связано было почти съ такими же трудностями благодаря огромнымъ разстояніямъ, несовершенству путей сообщенія, отсутствію или дурному качеству дорогъ.

Съ другой стороны, союзники не имѣли заранѣе выработаннаго и согласованнаго плана дѣйствій, такъ что проекты англійскаго и французскаго штабовъ сильно различались между собою. Первоначальной цѣлью союзниковъ было остановить движеніе русскихъ войскъ на Дунаѣ; затѣмъ, когда они очистили княжества, Наполеонъ началъ подумывать о войнѣ на сушѣ, а англичанамъ хотѣлось произвести высадку въ Крыму и разрушить морской арсеналъ въ Севастополѣ. Когда Крымская экспедиція была наконецъ рѣшена, то возникли разногласія по поводу того, какимъ образомъ вести кампанію на полуостровѣ. По соображеніямъ національнаго самолюбія за все время войны союзныя войска не имѣли общей команды; три арміи имѣли три отдѣльныхъ генеральныхъ штаба, которые составляли планы, вели между собой переговоры, обмѣнивались нотами, посылали другъ другу меморандумы, подписывали протоколы и подготовляли каждую военную операцію такъ, какъ дипломаты вырабатываютъ мирный трактатъ. Кромѣ того, въ каждой арміи командующіе мѣнялись довольно часто; такъ, въ главѣ французской арміи поочередно стояли Сентъ-Арно, Канроберъ и Пелисье, а во главѣ англійской—Рагланъ и Симпсонъ, причемъ каждый изъ нихъ имѣлъ свой собственный планъ, который ему приходилось приспособлять къ положенію, унаслѣдованному отъ своего предшественника.

Вся эта путаница еще осложнялась разными правительственными, государственными людьми и министрами, которые претендовали не только на общій контроль, но и на руководство военными дѣйствіями, нагромождали одинъ проектъ на другой и пытались—впрочемъ, тщетно—навязать генераламъ стратегическіе планы, которые (какъ напр., планъ, принадлежавшій Наполеону III и относившійся къ главной кампаніи) отличались полнѣйшей раціональностью и наиболѣе соотвѣт-

ствовали истиннымъ принципамъ великой войны, но возникали слишкомъ поздно, когда военныя операціи уже развертывались. Какъ бы твердо генералы ни рѣшались не прерывать разъ начатыхъ операцій, они не могли тѣмъ не менѣе всецѣло игнорировать инструкціи своего государя; приходилось соблюдать внѣшнія приличія, лавировать, стараться выиграть время, то-есть терять его. Къ этому слѣдуетъ прибавить необычайно суровую зиму, которая въ январѣ 1855 года уложила въ госпиталь 9.000 человѣкъ, т. е. восьмую часть наличнаго состава французской арміи; болѣзни, холеру, скорбутъ, тифъ, а въ особенности—противника, одареннаго рѣдкими военными качествами, безстрашнаго, упорнаго, не впадающаго въ уныніе, а, напротивъ, послѣ каждаго пораженія бросавшагося въ бой съ возросшей энергіей.

Сентъ-Арно и Рагланъ.—Первыя французскія войска выѣхали изъ Марселя 18 марта подъ начальствомъ Канробера и отправились въ Галлиполи, чтобы подготовить тамъ квартиры для главныхъ французскихъ силъ. Восточная армія (таково было оффиціальное названіе экспедиціоннаго корпуса) первоначально должна была состоять изъ четырехъ дивизій, въ томъ числѣ одной резервной, т. е. приблизительно изъ 30.000 человѣкъ. Англичане думали послать 25.000 человѣкъ. Главное начальство надъ военными силами принадлежало маршалу Сентъ-Арно и лорду Раглану. Первый былъ еще молодой, блестящій африканскій солдатъ, прославившійся завоеваніемъ Малой Кабиліи и сыгравшій выдающуюся роль въ декабрьскомъ государственномъ переворотѣ; это былъ весьма дѣятельный генералъ, способный по честолюбію и стремленію къ славѣ вести кампанію смѣло и рѣшительно. Канроберъ отличался въ то же время крайней простотой, что давало ему возможность поддерживать хорошія отношенія со своимъ англійскимъ коллегой. Лорду Раглану было въ то время шестьдесятъ шесть лѣтъ; ветеранъ Португальской и Испанской войнъ, раненный при Ветерлоо, нѣсколько тяжеловатый на подъемъ, холодный, рѣзкій и подозрительный, онъ ревниво относился къ своей власти и хотѣлъ быть вполнѣ самостоятельнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Силистрія; Добруджа; Бомарзундъ. — Когда генералы прибыли въ Константинополь, русская армія, на нѣкоторое время задержанная маневрами Омера-паши въ княжествахъ, перешла въ наступленіе и 23 марта переправилась черезъ Дунай, а 14 апрѣля русскіе начали осаду Силистріи. Послѣ совѣщанія съ Омеромъ-пашой въ Варнѣ, Сентъ-Арно и Рагланъ рѣшили немедленно открыть военныя дѣйствія (10 мая). Но когда пришлось перейти къ дѣлу, то оказалось, что въ Галлиполи ничего не приготовлено; войска, поспѣшно отправленныя на пароходахъ, испытывали недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ вещахъ, посланныхъ на парусныхъ судахъ. „У насъ нѣтъ ни хлѣба, ни сапогъ, ни котловъ, ни манерокъ", писалъ Сентъ-Арно, объявлявшій, что онъ располагаетъ упряжкой только для 24 орудій. Сначала пришлось ограничиться отправкой въ Варну одной англійской дивизіи и одной французской бригады.

Когда союзники получили, наконецъ, возможность дѣйствовать, русскіе послѣ шести безплодныхъ штурмовъ 23 іюля уже сняли осаду съ Силистріи, не столько вслѣдствіе сосредоточенія въ Варнѣ 30.000 французовъ и 20,000 англичанъ, сколько въ виду явно враждебнаго положенія, занятаго Австріей. 2 іюня она потребовала отъ царя очищенія княжествъ и сосредоточила значительныя силы въ Трансильваніи; вмѣстѣ съ тѣмъ она подписала 23 іюня съ Турціей конвенцію, разрѣшавшую ей занять своими войсками Молдавію и Валахію вплоть до заключенія мира. Съ этого момента военныя дѣйствія на Дунаѣ потеряли всякій смыслъ. Един-

ственная имѣвшая здѣсь мѣсто операція состояла въ безпрерывныхъ развѣдкахъ въ Добруджѣ и стычкахъ съ казаками; во время этого похода среди дивизіи Канробера начала свирѣпствовать холера, въ двадцать дней унесшая 1.900 человѣкъ.

Серьезныя столкновенія произошли въ другихъ мѣстахъ. 21 апрѣля на Черномъ морѣ англо-французская эскадра бомбардировала и разрушила Одесскій портъ, стараясь не повредить самаго города. На Балтійскомъ морѣ англійскій флотъ бомбардировалъ Бомарзундъ, крѣпость на Аландскихъ островахъ, которая 16 августа была взята французскимъ корпусомъ, состоявшимъ подъ начальствомъ Барагед'Ильера.

Крымская экспедиція.—Послѣ того какъ отступленіе русской арміи поставило внѣ всякой опасности Константинополь и Европейскую Турцію, возникалъ вопросъ: что̀ должна предпринять союзная армія, сосредоточенная въ Варнѣ? Какимъ образомъ принудить царя къ принятію условій, установленныхъ Вѣнскимъ протоколомъ? Австрійцы, объявляя о своемъ намѣреніи занять Валахію, выразили желаніе совершить эту операцію совмѣстно съ французской арміей; такимъ образомъ въ перспективѣ вырисовывалась война на Прутѣ, и эта идея улыбалась Наполеону. Но Лондонскій кабинетъ 29 іюня послалъ лорду Раглану приказъ приготовиться къ отплытію и предложилъ французскому правительству экспедицію на Крымскій полуостровъ.

Севастополь.—На юго-западной оконечности полуострова, въ его горной части, въ центрѣ скалистаго плато, извѣстнаго подъ названіемъ Херсонесскаго, море врѣзывается въ материкъ глубокой бухтой, называемой Сѣверной бухтой. На южной ея сторонѣ открывается перпендикулярно болѣе узкая и короткая южная бухта; вмѣстѣ обѣ онѣ образуютъ нѣчто въ родѣ буквы Т. Здѣсь русскіе устроили сильный морской арсеналъ: на востокѣ—арсеналъ въ собственномъ смыслѣ слова; эта часть называлась Корабельной бухтой; на западѣ развертывался городъ. Послѣ того какъ союзныя эскадры прошли черезъ Босфоръ, въ Севастопольской бухтѣ укрылся русскій военный Черноморскій флотъ, состоявшій изъ 14 линейныхъ кораблей, 7 фрегатовъ и 11 кораблей меньшаго размѣра. Въ общемъ это былъ довольно сильный флотъ, который въ одинъ прекрасный день могъ причинить Константинополю большія непріятности; англичане хотѣли его уничтожить, а для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ его возстановленіе, разрушить и самый Севастополь.

Съ другой стороны, оккупація Крыма способна была безъ всякаго сомнѣнія принудить царя къ заключенію мира и во всякомъ случаѣ дать союзникамъ въ руки важный залогъ къ моменту открытія переговоровъ. Англичане полагали, что этотъ планъ можетъ быть осуществленъ очень быстро, но французы не раздѣляли этой иллюзіи. „Россія допуститъ оккупацію Крыма только послѣ самаго упорнаго сопротивленія и самыхъ крупныхъ жертвъ, — писалъ маршалъ Вальянъ Сентъ-Арно.—Поэтому мы должны быть готовы ко всему и не питать никакихъ иллюзій насчетъ тѣхъ жертвъ, которыя намъ самимъ придется принести“. Несмотря на эту совершенно вѣрную оцѣнку предстоявшихъ затрудненій, экспедиція тѣмъ не менѣе была рѣшена.

Экспедиціонный Корпусъ.—Начались обширныя приготовленія. Англичане отправили семь пѣхотныхъ дивизій, одну кавалерійскую дивизію, девять полевыхъ батарей, осадный паркъ, въ общемъ 21.500 человѣкъ; французы послали 30.000 человѣкъ, раздѣленныхъ на четыре дивизіи (пятая дивизія вмѣстѣ съ кавалерійской дивизіей осталась въ Варнѣ), двѣнадцать полевыхъ батарей и 65 осадныхъ орудій. Кромѣ того, имѣлась турецкая дивизія, состоявшая изъ 6.000 человѣкъ. Армія везла съ собой 13.000 туровъ,

24.000 фашинъ, 180.000 мѣшковъ для земли, продовольствіе и фуражъ на 45 дней. Союзный флотъ, находившійся подъ начальствомъ вице-адмираловъ Амлена и Брюа, Дундаса и Ліонса, состоялъ изъ 89 военныхъ судовъ и 267 транспортовъ, въ общемъ изъ 356 паровыхъ и парусныхъ судовъ. 7 сентября эскадра снялась съ якоря.

Высадка; сраженіе при Альмѣ.—Въ іюлѣ Канроберъ произвелъ рекогносцировку Крымскаго побережья и намѣтилъ пункты для высадки. Избѣгая похода черезъ неровную и лишенную дорогъ область, рѣшено было высадить войско въ низменной части Крыма, сѣвернѣе Севастополя и нѣсколько пониже Евпаторіи, которая сдалась 13 сентября по первому же требованію. 14 сентября началась высадка на широкомъ песчаномъ берегу; русскіе не мѣшали этой операціи. 19 сентября союзныя войска двинулись къ Севастополю.

Высадка союзниковъ была для русскихъ до извѣстной степени неожиданностью. Несмотря на несдержанность англійской прессы, неоднократно разоблачавшей планы союзниковъ, а, быть можетъ, именно благодаря этой несдержанности, русскіе совершенно не предполагали, что врагъ нападетъ на Севастополь; они думали, что цѣлью его стремленій является Одесса. Такимъ образомъ, въ Бессарабіи русскіе сосредоточили 180.000 человѣкъ, между Николаевомъ и Одессой — 32.000, а въ Крыму только 50.000 солдатъ подъ начальствомъ князя Меньшикова. Дѣло въ томъ, что въ Крыму они ожидали только бомбардировки съ моря, а съ этой стороны крѣпость была сильно защищена, снабжена семью фортами и двумя батареями, а также казематными укрѣпленіями съ шестьюстами пушекъ, поставленныхъ въ нѣсколько этажей. Со стороны суши городъ былъ почти не укрѣпленъ, начаты были нѣкоторыя земляныя работы и баррикады сухой кладки, а на всемъ семиверстномъ протяженіи незаконченнаго вала стояло не больше 145 орудій.

Поэтому высадка союзниковъ была для Меньшикова сюрпризомъ, но тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ смѣлую попытку преградить имъ дорогу.

Переведя къ сѣверу отъ Севастополя всѣ силы, которыми онъ располагалъ, т.-е. приблизительно 40.000 человѣкъ, онъ расположился на Евпаторійской дорогѣ, на склонѣ террасы, которая спускалась къ морю почти отвѣснымъ и на видъ неприступнымъ утесомъ, а съ фронта прикрывалась ложемъ рѣки Альмы. По этому-то утесу и взобрались утромъ 20 сентября зуавы и батарея дивизіи Боске, поддержанные огнемъ небольшой французской эскадры, и опрокинули лѣвое крыло русской арміи. Этотъ ударъ рѣшилъ до полудня побѣду, но она была доведена до конца на правомъ флангѣ только къ четыремъ часамъ вечера благодаря медленному движенію англичанъ. „Я бѣжалъ,— сказалъ Сентъ-Арно,—а англичане шли“. Поэтому у нихъ выбыло изъ строя 2.000 человѣкъ, десятая часть ихъ наличнаго состава,— потеря, втрое превышавшая потери французовъ. У русскихъ выбыло изъ строя около 6.000 человѣкъ, что съ достаточной ясностью свидѣтельствовало объ упорствѣ ихъ сопротивленія.

Оборона Севастополя; Тотлебенъ. — Такъ какъ побѣда, одержанная союзниками при Альмѣ, открывала имъ дорогу къ Севастополю, то Меньшикову пришлось принять крайнія мѣры для того, чтобы привести крѣпость въ оборонительное положеніе; и онъ выполнилъ свою задачу съ замѣчательной быстротой и энергіей. Самъ онъ, вмѣсто того чтобы запереться въ Севастополѣ, готовился выйти въ поле, имѣя въ виду поддерживать постоянныя сообщенія съ Россіей; въ тотъ же вечеръ онъ отдалъ приказаніе армиралу Корнилову преградить дорогу непріятельскому флоту, затопивши въ бухтѣ часть своей эскадры; такимъ образомъ были

затоплены пять линейныхъ кораблей и два фрегата. Остальныя суда были отведены во внутреннюю бухту и высадили на берегъ свой экипажъ, артиллерію и всякаго рода запасы; они доставили Севастополю продовольствіе на семь мѣсяцевъ, 3.000 пушекъ и 18.000 матросовъ, оказавшихся прекрасными солдатами; проникнутые духомъ дисциплины и полные беззавѣтной храбрости, они вели себя на бастіонахъ точно такъ же, какъ прежде на своихъ корабляхъ. Начальствовавшіе ими адмиралы Корниловъ и Нахимовъ оказались достойными своихъ людей. Внутренняя организація обороны была облегчена тѣмъ обстоятельствомъ, что Севастополь, по словамъ Руссе, былъ „не столько городомъ, сколько военной колоніей“: изъ 42.000 жителей гражданскаго населенія насчитывалось едва 7.000 человѣкъ.

Для организаціи внѣшней обороны Меньшиковъ нашелъ въ своемъ штабѣ подполковника Тотлебена. Изобрѣтательность и энергія этого инженера превратили почти лишенный всякой защиты городъ въ грозную крѣпость, въ которой фашины и наполненные землей мѣшки замѣнили камень и известь; эти подвижныя укрѣпленія, свободно разрушаемыя бомбами и ядрами, возстановлялись съ такой же легкостью, такъ что на слѣдующій день послѣ сраженія непріятель находилъ пробитыя наканунѣ бреши совершенно задѣланными. Союзники могли убѣдиться въ важномъ значеніи этихъ земляныхъ укрѣпленій при первомъ же штурмѣ: Большой Редантъ, почти до основанія разрушенный англійской артиллеріей 17 октября, утромъ 18 октября оказался совершенно возстановленнымъ и снова укрѣпленнымъ.

Благодаря Тотлебену, оборона Севастополя приняла до нѣкоторой степени наступательный характеръ; защитники города не только не ограничивались обороной первой линіи укрѣпленій, но и продолжали подвигаться впередъ, даже подъ огнемъ союзниковъ, послѣдовательными апрошами, а въ самомъ разгарѣ осады Тотлебенъ воздвигъ передъ Малаховымъ курганомъ знаменитое укрѣпленіе, Зеленый Курганъ. Генералъ Пелисье въ письмѣ къ императору отъ 29 іюня 1855 года удачно обрисовалъ тотъ странный характеръ, который получила осада Севастополя благодаря смѣлости Тотлебена. „Что представляетъ собою осада Севастополя?— писалъ онъ.—Это безостановочная борьба двухъ армій, подвигающихся другъ противъ друга, воздвигая окопы, устанавливая батареи и оспаривая другъ у друга обладаніе браннымъ полемъ, отдѣляющимъ ихъ съ самаго начала, подобно тому какъ противники оспариваютъ другъ у друга рѣшающія позиціи во время сраженія. Это — бой, продолжающійся безостановочно въ теченіе восьми мѣсяцевъ... Каждый разъ, когда мы останавливаемся, непріятель начинаетъ наступать на насъ...“ Земляныя работы производились съ такимъ усердіемъ, что къ концу осады союзники прорыли около 80 километровъ траншей.

Союзники передъ Севастополемъ.—Канроберъ. — Когда союзники 26 сентября появились на Херсонесскомъ плато, на востокѣ и на югѣ отъ Севастополя, то крѣпость была уже застрахована отъ нечаяннаго нападенія. Впрочемъ, союзная армія осадила городъ только съ юга, а съ сѣвера сообщенія съ Россіей продолжались все время. Англичане расположились на востокѣ, противъ Корабельной бухты, которую прикрывали Малаховъ курганъ и Большой Редантъ. На западѣ, передъ городомъ, который защищался Мачтовымъ и Центральнымъ Бастіонами, расположились французы. Сентъ-Арно, захворавшій холерой, долженъ былъ передать команду Канроберу; 29 сентября онъ сѣлъ на пароходъ „Бертолле“ и въ тотъ же вечеръ скончался.

Новый начальникъ французской арміи

былъ извѣстенъ своей храбростью и пользовался любовью солдатъ, о которыхъ онъ постоянно заботился и жизнь которыхъ онъ щадилъ. Но ему недоставало твердости характера; величіе выпавшей на его долю задачи и связанная съ нею отвѣтственность тяготили его. Неувѣренный въ собственныхъ силахъ, онъ колебался и не могъ принимать опредѣленныхъ рѣшеній,—недостатокъ тѣмъ болѣе серьезный, что лордъ Рагланъ и безъ того склоненъ былъ къ чрезмѣрной медлительности. Рядомъ рѣшительныхъ нападеній можно было, по словамъ Тотлебена и маршала Ніеля, скоро овладѣть Севастополемъ. Траншея была прорыта только 9 октября, а 17-го 53 французскихъ орудія и 73 англійскихъ открыли огонь. Несмотря на содѣйствіе флота, французская атака была совершенно отбита. Англичане, разрушившіе Большой Редантъ, не посмѣли воспользоваться своей удачей, и упущенный ими въ этотъ день удобный случай больше уже не повторялся.

Балаклава; Инкерманъ.—Не успѣли союзники какъ слѣдуетъ расположиться на плато, какъ имъ пришлось подумать о собственной защитѣ. 25 октября Меньшиковъ послалъ генерала Липранди, поручивши ему овладѣть Балаклавой, гдѣ англичане устроили свои склады. Попытка русскихъ закончилась неудачей, но англичане потеряли при этомъ лучшую часть своей легкой кавалеріи, брошенной лордомъ Рагланомъ въ „совершенно непостижимую“ атаку (выраженіе Канробера). Впрочемъ, для Меньшикова сраженіе при Балаклавѣ имѣло значеніе просто авангарднаго боя; онъ готовился нанести непріятелю ударъ въ другомъ мѣстѣ, а численный перевѣсъ, обезпеченный ему прибывшими изъ Бессарабіи подкрѣпленіями, подавалъ ему надежды на успѣхъ; онъ могъ выставить 100.000 солдатъ противъ 65.000 человѣкъ, которыми располагали союзники.

5 ноября на зарѣ въ густомъ туманѣ, поднявшемся послѣ проливного дождя, англійскіе аванпосты были внезапно атакованы на Инкерманскихъ высотахъ: нападеніе произведено было одновременно съ Корабельной бухты и изъ долины рѣчки Черной, такъ что англичане подверглись атакѣ съ фронта и съ фланга. Въ продолженіе трехъ часовъ они держались съ поразительной стойкостью, не желая обращаться къ помощи французовъ, которые при звукѣ первыхъ выстрѣловъ схватились за оружіе и готовы были двинуться въ бой по первому сигналу. Однако въ девять часовъ, отброшенный къ своимъ палаткамъ, потерявши шестую часть своего наличнаго состава, валявшагося на залитой кровью землѣ, не имѣя ни одного человѣка въ резервѣ, раздавленный и обойденный справа, лордъ Рагланъ призвалъ на помощь Боске.

Въ то же время на другомъ концѣ линіи союзныхъ войскъ противъ города русскіе произвели вылазку противъ французскихъ окоповъ; они были скоро отброшены, но эта диверсія нѣсколько замедлила прибытіе главныхъ французскихъ силъ къ Инкерману. Бурбаки, прибывшій на мѣсто сраженія бѣглымъ шагомъ съ двумя батальонами, далъ первый отпоръ наступавшимъ русскимъ. Въ одиннадцать часовъ, тѣснимые пѣшими егерями, зуавами и алжирскими стрѣлками, солдаты Меньшикова, оттѣсненные къ обрывистому берегу рѣчки Черной, были отброшены на другой берегъ. Изъ 40.000 русскихъ, принимавшихъ участіе въ сраженіи, выбыло изъ строя 11.800 человѣкъ, въ томъ числѣ пять генераловъ; со стороны англичанъ въ этомъ дѣлѣ участвовало 12.000, а со стороны французовъ 4.000 человѣкъ; у первыхъ выбыло изъ строя девять генераловъ и 2.000 солдатъ, вторые оставили на полѣ сраженія 1.700 человѣкъ. Эти цифры краснорѣчиво говорятъ объ ожесточенномъ характерѣ битвы, во вре-

мя которой союзники дрались не за славу, а за свою жизнь.

Зима.—Осада Малахова кургана. — Хотя русскіе и потерпѣли пораженіе, но они достигли того результата, что сюзники, которые также понесли огромныя потери, не могли произвести предполагавшагося приступа и должны были выждать прибытія подкрѣпленій. Но если число французовъ въ скорости достигло 50.000 человѣкъ, то подкрѣпленій, присылавшихся англичанамъ, не хватало даже для заполненія выбывавшихъ ежедневно изъ строя. Внезапно наступила суровая зима; сначала шли проливные дожди, затѣмъ повалилъ снѣгъ, задули сѣверные вѣтры и ударили морозы; англичане, привыкшіе къ комфорту, лишенные духа иниціативы и не отличавшіеся веселымъ нравомъ, оказались совершенно неподготовленными къ этому суровому климату; въ концѣ ноября люди ходили еще въ холщевыхъ шароварахъ; смертность свирѣпствовала среди нихъ ужасающая: изъ 53.000 человѣкъ, присланныхъ изъ Англіи, на ногахъ оставалось только 12.000. Несмотря на помощь со стороны французовъ, которые дѣлились съ ними всѣмъ, что имѣли сами, англійская армія буквально таяла; въ 1855 году въ теченіе одной только недѣли въ лазареты поступило 2.000 человѣкъ.

Поэтому лордъ Ргланъ, англійское самолюбіе котораго сильно при этомъ страдало, принужденъ былъ сначала отклонить планъ совмѣстнаго штурма, а затѣмъ попросить Канробера усилить его правый флангъ передъ Корабельной бухтой и взять на себя штурмъ укрѣпленія, на которое до тѣхъ поръ обращалось мало вниманія, а именно Малахова кургана. 13 января 1855 года англичане уступили французамъ Инкерманское плато и поле передъ кургàномъ; съ этого момента французская армія окружала англійскую съ обѣихъ сторонъ. Какъ замѣтилъ начальникъ французскихъ саперовъ, генералъ Бизо, отъ котораго не ускользнуло стратегическое значеніе Малахова кургана, здѣсь необходимо было предпринять новую осаду и отложить рѣшительный штурмъ до весны. Бизо ошибся въ своихъ предсказаніяхъ: для овладѣнія Малаховымъ курганомъ, а значитъ и Севастополемъ, понадобилось не меньше девяти мѣсяцевъ.

Несмотря на зимніе холода, военныя операціи не прекращались. Русская армія, начальство надъ которой, вмѣсто Меньшикова, принялъ князь Горчаковъ, сдѣлала неудачную попытку овладѣть Евпаторіей, охранявшейся турками подъ начальствомъ Омера-паши (17 февраля), Смерть Николая, скончавшагося 2 марта, подала надежды на близкое заключеніе мира, но эти надежды скоро разсѣялись. Въ манифестѣ къ своему народу новый царь Александръ II выразилъ вѣру въ лучшее будущее и надежду осуществить виды и пожеланія своихъ славныхъ предшественниковъ—Петра, Екатерины, Александра Благословеннаго и своего августѣйшаго отца незабвенной памяти. Затѣмъ онъ употребилъ всѣ силы для того, чтобы доставить защитникамъ Севастополя новыя подкрѣпленія.

Съ своей стороны, союзники старались сконцентрировать подъ Севастополемъ какъ можно больше силъ. 26 января они подписали союзъ съ сардинскимъ королемъ, Викторомъ-Эммануиломъ, и 15.000 пьемонтцевъ подъ начальствомъ Ламарморы отправлены были въ Крымъ. Наполеонъ послалъ часть своей гвардіи и началъ составлять резервную армію, надъ которой онъ лично намѣревался принять начальство. „Мое присутствіе, — писалъ онъ Пальмерстону 26 февраля 1855 года,— обезпечитъ единство взглядовъ и дѣйствія: это единственное средство для того, чтобы поскорѣе довести до конца это предпріятіе". Этотъ проектъ, который такъ же не нравился англичанамъ, какъ и приближеннымъ императора, не осуществился. Къ веснѣ силы союзниковъ достигли свыше 140.000 человѣкъ.

Пелисье; Зеленый курганъ; штурмъ 18 іюня.—Въ это время Канроберъ, очутившись между двухъ огней: съ одной стороны, между планами императора, который стремился къ полной блокадѣ Севастополя и потому хотѣлъ совершенно очистить Крымъ отъ русскихъ войскъ, а съ другой, — между лордомъ Рагланомъ, который засѣлъ въ своихъ позиціяхъ и не хотѣлъ двигаться,—Канроберъ подалъ въ отставку (16 мая). Онъ былъ замѣненъ Пелисье, человѣкомъ твердой воли и быстрыхъ рѣшеній, считавшимъ безусловно опасными побочные маневры, рекомендуемые императоромъ, и твердо намѣревавшимся держаться тактики безпрестанныхъ и смѣлыхъ нападеній, подготовляя рѣшительный штурмъ. Онъ приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей съ заранѣе выработаннымъ планомъ, отъ котораго онъ ни въ какомъ случаѣ рѣшилъ не отказываться, и напрямки обращался въ письмѣ къ императору съ слѣдующими словами: „Мои плечи достаточно крѣпки для того, чтобы выдержать возложенное на меня тяжелое бремя; но я смогу выполнить свою задачу тѣмъ лучше, чѣмъ свободнѣе я буду чувствовать себя въ дѣйствіяхъ“. А такъ какъ этой относительной свободы ему не предоставили, то онъ взялъ ее самъ и не обращалъ никакого вниманія на самыя строгія приказанія. 25 мая онъ приказалъ занять Керчь и отрѣзалъ такимъ образомъ русскимъ одну изъ ихъ продовольственныхъ линій; 7 іюня онъ овладѣлъ Зеленымъ курганомъ, прикрывавшимъ Малаховъ курганъ, и всѣми внѣшними русскими укрѣпленіями.

Опьяненные первымъ успѣхомъ, Пелисье и Рагланъ 18 іюня, въ годовщину сраженія при Ватерлоо, предприняли штурмъ Малахова кургана и Большого Реданта. Атака, недостаточно подготовленная, издалека начатая и веденная безъ нужнаго единства, закончилась полной неудачей на всѣхъ пунктахъ, причемъ 5.500 человѣкъ были напрасно принесены въ жертву. Неудача этой попытки чуть было не повела къ новой перемѣнѣ французскаго главнокомандующаго: „Мое терпѣніе истощилось, — писалъ императоръ маршалу Пелисье, — и я впредь не потерплю нарушенія моихъ приказаній“; онъ предложилъ маршалу или подчиниться, или передать команду генералу Ніелю, но маршалу Вальяну удалось настоять на томъ, чтобы Наполеонъ взялъ обратно свое письмо.

28 іюня Рагланъ умеръ отъ холеры и былъ замѣненъ Симпсономъ.

Трактиръ; взятіе Малахова кургана. — Проведеніе траншей возобновилось съ новой силой. Князь Горчаковъ, чувствуя, что паденіе Севастополя близко, попытался все-таки съ помощью вновь полученныхъ подкрѣпленій произвести отчаянную диверсію. 16 августа онъ атаковалъ три французскія и одну сардинскую дивизію на Трактирномъ мосту на Черной рѣчкѣ, но потерялъ 8.000 человѣкъ.

Начиная съ 17 августа союзники открыли по Севастополю непрекращавшуюся бомбардировку, которая производила разрушительное дѣйствіе на укрѣпленія, уничтожала по 700—800 человѣкъ въ сутки и наполовину дезорганизовала защиту, а 5 сентября, съ проведеніемъ послѣдней параллели, отстоявшей всего на 25 метровъ отъ Малахова кургана, началась послѣдняя „адская бомбардировка“; въ продолженіе трехъ дней 803 орудія изрыгали на городъ дождь бомбъ и ядеръ; только 7 сентября выпущено было 70.000 снарядовъ; въ эти три дня погибло 7.500 русскихъ.

8 сентября 20.000 франко-пьемонтскихъ войскъ, стоявшихъ передъ городомъ въ собственномъ смыслѣ, 25.000 французовъ, расположенныхъ передъ Корабельной бухтой и Малаховымъ курганомъ, и 11.000 англичанъ, стоявшихъ предъ Большимъ Редантомъ, должны были двинуться на приступъ крѣпости, въ которой Горча-

ковъ располагалъ еще 50.000 солдатъ. Это собственно былъ не штурмъ, а, какъ сказалъ Боске, общая схватка двухъ армій.

Въ полдень батареи сразу замолчали, и 1-й зуавскій полкъ ринулся на Малаховъ курганъ; въ два часа это укрѣпленіе было окончательно занято дивизіей Макъ-Магона. Русскіе, одержавшіе побѣду на всѣхъ остальныхъ пунктахъ, вплоть до пяти часовъ вечера производили отчаянныя атаки для того, чтобы отнять Малаховъ курганъ, потеря котораго равносильна была паденію города. У горжи укрѣпленія разгорѣлась отчаянная борьба, къ концу которой алжирскіе стрѣлки и гвардейскіе зуавы дрались за стѣной труповъ.

Когда Горчаковъ убѣдился, что всякія дальнѣйшія усилія безполезны, онъ приказалъ очистить Севастополь; войска отступили по мосту, переброшенному черезъ Сѣверную бухту; это отступленіе продолжалось всю ночь; въ это время одинъ за другимъ взлетали на воздухъ бастіоны и магазины, а на рейдѣ горѣли послѣдніе русскіе корабли, подожженные собственнымъ экипажемъ. Къ утру отъ Севастополя осталась только безформенная груда дымящихся развалинъ, за которыя союзники въ теченіе послѣдняго дня положили 10.000 человѣкъ, а русскіе—13.000.

Русскіе не очистили Крыма, но война, собственно говоря, была закончена. Хотя союзники располагали почти 200.000 человѣкъ и продолжали все время получать новыя подкрѣпленія, они не пытались ничего предпринять противъ Горчакова, стоявшаго со 150.000 человѣкъ подлѣ Симферополя; англо-французскія войска ограничились занятіемъ Кинбурна, расположеннаго у Днѣпровскаго лимана (17 октября). Въ Севастополѣ англичане требовали систематическаго разрушенія порта, рейда, казармъ, верфей, шлюзовъ и сухихъ доковъ, но этотъ вандализмъ глубоко претилъ французамъ. Въ Лондонѣ, гдѣ національное самолюбіе было сильно задѣто неудачей при штурмѣ Большого Реданта, подготовлялась сильная экспедиція противъ Кронштадта. Но послѣднія военныя дѣйствія имѣли мѣсто въ Малой Азіи, подъ Карсомъ; эта крѣпость была осаждена русскими въ августѣ; Омеру-пашѣ не удалось принудить русскія войска снять блокаду, и 25 ноября Карсъ, вслѣдствіе недостатка жизненныхъ припасовъ, долженъ былъ сдаться на капитуляцію. Взятіе этой крѣпости, возстановившее до нѣкоторой степени честь русскаго оружія, должно было склонить царя къ начатію переговоровъ съ непріятелемъ и облегчило заключеніе перемирія.

III.—Крымская война; дипломатія; Парижскій трактатъ.

Австрійская политика. — Во все продолженіе военныхъ операцій дипломаты не прекращали своей работы. Франція и Англія послѣ подписанія Вѣнскаго протокола старались привлечь Австрію и Пруссію къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи. Въ теченіе всего этого періода Австрія придерживалась двусмысленной политики, свойственной слабымъ, которымъ сознаніе своего безсилія ничуть не мѣшаетъ питать честолюбивые замыслы и которые, не желая подвергаться ни малѣйшему риску, стараются въ то же время добиться максимальныхъ выгодъ. Прежде всего Австрія стремилась къ очищенію дунайскихъ княжествъ русскими войсками, послѣ чего она предполагала занять эти самыя княжества австрійскими войсками. Но, располагая слабыми, немногочисленными и разбросанными силами, она старалась тщательно скрыть эти детали отъ англійскихъ и французскихъ дипломатовъ, которые такъ ихъ и не знали. Поэтому Австрія не хотѣла предпринимать никакихъ рѣшительныхъ шаговъ до тѣхъ поръ, пока она не была увѣрена въ содѣйствіи Пруссіи.

Прусская политика; Германскій Союзъ.— Между тѣмъ Берлинскому двору слабость австрійской арміи была прекрасно извѣстна, благодаря проницательности прусскаго военнаго атташе въ Вѣнѣ, князя Рейса; въ виду этого она согласилась подписать только оборонительный союзъ на тотъ маловѣроятный случай, если Австрія подвергнется нападенію со стороны Россіи (20 апрѣля 1854 г.). Пруссія соглашалась перейти къ наступательной политикѣ только въ томъ случаѣ, если задѣты будутъ *общегерманскіе* интересы; она даже требовала, чтобы къ подписанію договора былъ приглашенъ и Германскій Союзъ.

Зная, съ какой симпатіей мелкія германскія государства относятся къ Россіи, Пруссія была увѣрена, что ихъ участіе въ предполагавшейся комбинаціи послужитъ, по выраженію Бисмарка, „тормазомъ, парализующимъ воинственныя стремленія Австріи“. Эти предположенія оправдались на дѣлѣ: германскія государства вошли въ союзъ только 24 іюля послѣ продолжительныхъ совѣщаній въ Бамбергѣ и потребовали, чтобы безъ ихъ согласія никакихъ шаговъ не предпринималось; они предложили даже принять нѣкоторыя враждебныя дѣйствія противъ союзниковъ, напримѣръ, помѣшать имъ двинуться дальше Дуная; такимъ образомъ, оказалось, что Австрія, стремясь принять предохранительныя мѣры, очутилась въ такомъ положеніи, что руки у нея были связаны и что ей даже грозила опасность выступить въ защиту Россіи и поссориться съ Франціей и Англіей.

Вѣнская конференція; протоколъ „четырехъ гарантій“.—Но такъ какъ послѣднія угрожали создать Австріи затрудненія въ Италіи, то канцлеръ Буоль поспѣшилъ организовать конференцію въ Вѣнѣ, и хотя Пруссія отказала послать туда своего представителя, онъ подписалъ съ союзными дворами протоколъ 8 августа. Этотъ протоколъ устанавливалъ въ качествѣ основныхъ условій мира отмѣну русскаго протектората надъ Валахіей, Молдавіей и Сербіей,—протектората, который замѣнялся коллективной гарантіей державъ; свободу плаванія въ устьяхъ Дуная; пересмотръ конвенціи о проливахъ; отказъ Россіи отъ покровительства христіанамъ въ Турціи, причемъ великія державы брали на себя обязательство добиться отъ иниціативы султана подтвержденія и охраны привилегій различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Это—такъ называемыя „четыре гарантіи“.

Присоединеніе Австріи къ этимъ требованіямъ казалось прелюдіей перехода ея къ активнымъ дѣйствіямъ; но ничего подобнаго въ дѣйствительности не произошло. Съ 31 іюля русскіе приступили къ эвакуаціи дунайскихъ княжествъ, гдѣ ихъ замѣнили австрійцы въ силу договора съ Портой (3 іюня). Австрія достигла своей цѣли и не считала нужнымъ заходить дальше.

Это не ускользнуло ни отъ французскаго, ни отъ англійскаго правительства, а такъ какъ оба они не имѣли никакого желанія тащить каштана изъ огня для Франца-Іосифа, то они открыто возобновили переговоры съ сардинскимъ королемъ; эта тактика отчасти увѣнчалась успѣхомъ.

Союзъ 2 декабря 1854 года. Союзъ съ Сардиніей.—2 декабря 1854 года Австрія подписала съ Франціей и Англіей договоръ, по которому три договаривавшіяся державы обѣщались не заключать съ царемъ никакихъ отдѣльныхъ соглашеній безъ общаго предварительнаго обсужденія; Австрія брала на себя защиту княжества въ случаѣ новаго наступательнаго движенія Россіи, причемъ Англія и Франція должны были поддерживать ее всѣми силами; наконецъ, тайный пунктъ договора постановлялъ, что если миръ не будетъ заключенъ до 1 января 1855 года, то союзники „незамедлительно обсудятъ,

какія слѣдуетъ принять рѣшительныя мѣры для достиженія цѣли составленнаго ими союза". Австрія разсчитывала, что это послѣднее постановленіе дастъ ей возможность какъ можно дольше оттянуть моментъ активнаго выступленія, и льстила себя надеждой, что это фиктивное обязательство позволитъ ей помѣшать заключенію союза съ Сардиніей.

Но державы не позволили себя одурачить. Наполеонъ стоялъ за привлеченіе Сардиніи къ участію въ войнѣ; и дѣйствительно, это было единственнымъ средствомъ для того, чтобы доставить ей возможность попасть на конгрессъ,— которому предстояло заняться разрѣшеніемъ Восточнаго вопроса,— вступить въ среду великихъ державъ и торжественно представить передъ всей Европой итальянскій вопросъ. Начиная съ мая 1854 года французскій посланникъ Граммонъ подготовлялъ съ Викторомъ-Эммануиломъ и Кавуромъ заключеніе договора, который былъ подписанъ 26 января 1855 года и въ силу котораго въ Крымъ посланъ былъ сардинскій корпусъ. Изъ этого договора должна была родиться свобода Италіи. Тщетно Австрія, желая дать союзникамъ формальное удовлетвореніе, обратилась къ Пруссіи и Союзному Сейму съ предложеніемъ мобилизировать германскую армію; Пруссія добилась отклоненія этого предложенія, которое привело лишь къ ухудшенію отношеній между государствами центральной Европы. И въ этомъ пунктѣ Наполеонъ III также достигъ своей цѣли.

Третья Вѣнская конференція. — Вскорѣ послѣ смерти Николая (2 марта 1855 г.), съ цѣлью выработки мирныхъ условій въ Вѣнѣ состоялась новая конференція, къ участію въ которой стараніями союзниковъ Пруссія не была допущена (15 марта). Для участія въ этой конференціи въ Вѣну прибыли Друэнъ-де-Люисъ и Джонъ Россель. Представленныя на совѣщаніи державы не могли столковаться ни относительно вопроса о коллективной гарантіи неприкосновенности Турецкой имперіи, ни относительно вопроса объ ограниченіи морскихъ силъ Россіи на Черномъ морѣ,— и конференція не привела ни къ какимъ другимъ результатамъ, кромѣ выхода въ отставку Друэнъ-де-Люиса и Росселя, поведеніе которыхъ вызвало неодобреніе ихъ правительствъ. А такъ какъ въ Крыму не происходило никакихъ рѣшительныхъ событій, такъ какъ побѣда союзниковъ не казалась уже несомнѣнной, такъ какъ Пруссія и Германскій Союзъ не скрывали своихъ симпатій къ Россіи, то Австрія покинула союзниковъ и распустила 60.000 запасныхъ.

Австрійскій ультиматумъ; Вѣнскія предварительныя условія. — Паденіе Севастополя измѣнило намѣренія Австріи. Опасаясь, чтобы Наполеонъ III въ случаѣ продолженія войны не прибѣгнулъ къ революціоннымъ пріемамъ и не обратился съ воззваніемъ къ полякамъ, а съ другой стороны, зная, что силы русскихъ совершенно истощены и что, слѣдовательно, занявши болѣе воинственную позицію, онъ ровно ничѣмъ не рискуетъ, Вѣнскій кабинетъ сблизился съ Наполеономъ III и въ ноябрѣ предложилъ послать царю ультиматумъ. Даже Пруссія, начавшая опасаться войны на берегахъ Рейна, убѣждала царя покориться; 16 января Александръ II принялъ ультиматумъ, а 1 февраля въ Вѣнѣ подписаны были предварительныя условія мира.

Парижскій конгрессъ; миръ. — Въ виду преобладающей роли, сыгранной Франціей, конгрессъ для заключенія мира состоялся въ Парижѣ; онъ открылся 25 февраля 1856 года подъ предсѣдательствомъ графа Валевскаго, французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Австрія была представлена на конгрессѣ Буолемъ и барономъ Гюбнеромъ; Англія — лордомъ Кларендономъ и лордомъ Каулеемъ; Россія— графомъ Орловымъ, Сардинія—Кавуромъ, Турція—Фуадомъ и Али-пашой. Прусскій

представитель былъ допущенъ на конгрессъ только послѣ открытія засѣданій и благодаря рѣшительнымъ настояніямъ Наполеона. Трактатъ былъ подписанъ 30 марта. Всѣ обратили вниманіе на сердечныя отношенія французскаго и русскаго посланниковъ: война оставила послѣ себя между обоими народами чувство взаимнаго уваженія, вызванное той храбростью, которую русскіе и французскіе солдаты обнаружили на полѣ битвы; съ другой стороны, сближеніе между Россией и Франціей, которое многіе въ то время уже предвидѣли, облегчалось общимъ враждебнымъ отношеніемъ къ Австріи.

Хотя державы и не должны были вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи, однако трактатъ въ окончательной формѣ не могъ быть подписанъ прежде, чѣмъ султанъ торжественнымъ актомъ не обезпечилъ своимъ христіанскимъ подданнымъ извѣстныхъ гарантій; впрочемъ, Франція и Англія принудили его взять на себя въ этомъ смыслѣ вполнѣ опредѣленныя обязательства. 18 февраля 1856 года появился *гатти-гумаюнъ*, который гарантировалъ привилегіи и изъятія, издревле предоставленныя всѣмъ христіанскимъ общинамъ, подтверждалъ постановленія тансимата, провозглашалъ равенство всѣхъ вѣроисповѣданій и народностей и доступъ христіанъ ко всѣмъ должностямъ и обезпечивалъ имъ представительство въ Государственномъ Совѣтѣ.

Этотъ гатти-гумаюнъ былъ сообщенъ конгрессу; статьей 9-й Парижскаго трактата державы объявили о полученіи этого акта и признали „важное его значеніе". При этомъ „предполагалось, что онъ ни въ коемъ случаѣ не даетъ державамъ права сообща или отдѣльно вмѣшиваться въ отношенія Е. В. султана къ своимъ подданнымъ, равно какъ во внутреннія дѣла Турецкой имперіи". Такимъ образомъ, принципъ независимости султана былъ огражденъ отъ посягательствъ. Статья 7-ая гарантировала „территоріальную неприкосновенность" Турецкой имперіи, причемъ „всякое дѣйствіе, способное нарушить ее, будетъ разсматриваться какъ вопросъ обще-европейскаго значенія"; въ случаѣ возникновенія недоразумѣній между Турціей и одной изъ договаривающихся державъ, стороны прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ насильственнымъ дѣйствіямъ, должны обратиться къ посредничеству правительствъ, подписавшихъ договоръ (статья 8).

Слѣдующія статьи касались возстановленія конвенціи 1841 года о проливахъ; нейтрализаціи Чернаго моря, на которомъ ни Россія, ни Турція не могли имѣть ни арсеналовъ, ни военныхъ судовъ; свободы плаванія по Дунаю, устья котораго предполагалось углубить подъ надзоромъ делегатовъ семи державъ. Русская граница въ Бессарабіи была измѣнена такимъ образомъ, что Дунайская дельта цѣликомъ отошла къ Молдавіи; въ Азіи граница между Россией и Турціей была возстановлена въ томъ видѣ, какой она имѣла до войны. Привилегіи и вольности Дунайскихъ княжествъ, оставшихся подъ верховной властью султана, были гарантированы всѣми державами; русскій и турецкій протектораты были совершенно отмѣнены; княжества признаны были автономными и должны были получить національную администрацію.

Результаты. — Таковы были основныя постановленія Парижскаго трактата. Впервые за все XIX столѣтіе султанъ подписалъ договоръ, не сопряженный ни съ какой потерей его владѣній, ни съ ослабленіемъ его могущества; Турція добилась того, въ чемъ ей отказано было въ 1815 году Вѣнскимъ конгрессомъ, т.-е. вступленія въ концертъ державъ и распространенія на нее нормъ европейскаго публичнаго права; ей предоставлено было даже привилегированное положеніе, такъ какъ въ случаѣ возникновенія какого-нибудь касающагося ея конфликта ей во всякое время было обезпечено благосклон-

ное вмѣшательство и посредничество остальныхъ государствъ. Болѣе того, она была объявлена неприкосновенной, и принципъ *„неприкосновенности Оттоманской имперіи“*, равно какъ принципъ ея *„внутренней самостоятельности“* сдѣлались двумя догмами международнаго права и дипломатіи. Наконецъ, Франція и Англія, уничтожившія военное могущество Россіи на Черномъ морѣ, и Европа, поручившаяся въ томъ, что это могущество возстановлено не будетъ, обезпечивали Турціи полную безопасность; такимъ образомъ, именно Турецкая имперія извлекла наибольшую выгоду изъ Крымской войны.

Послѣ Турціи наибольшія выгоды достались на долю Австріи (такъ, по крайней мѣрѣ, могло показаться) и Англіи: на долю первой—въ томъ отношеніи, что Россія была удалена изъ княжествъ и далеко отодвинута отъ Дуная, а на долю второй въ томъ смыслѣ, что ей удалось разрушить морскую силу державы, которая могла въ одинъ прекрасный день появиться на Средиземномъ морѣ и оказать тамъ противодѣйствіе англійской политикѣ. Но Австрія возстановила противъ себя всѣхъ: Россію—своей черной неблагодарностью, а союзниковъ—своей лицемѣрной политикой. На Парижскомъ конгрессѣ Австрія настойчиво требовала уступки Бессарабіи въ пользу Молдавіи. „Господинъ австрійскій уполномоченный,—замѣтилъ графъ Орловъ,—не знаетъ, какого моря слезъ и крови такое исправленіе границъ будетъ стоить его странѣ“. Черезъ три года Россія отомстила Австріи въ Италіи. Что же касается Англіи, то, требуя, чтобы Россія не могла строить на Черномъ морѣ никакихъ арсеналовъ и держать тамъ какихъ-либо военныхъ кораблей, она превзошла этимъ требованіемъ всякую мѣру. Временно истощенная Россія могла подчиниться этимъ условіямъ, но ясно было, что при первомъ удобномъ случаѣ она поспѣшитъ разорвать этотъ унизительный договоръ, сохраненіе котораго въ общемъ выгодно было одной лишь Англіи.

Выигрышъ Франціи имѣлъ чисто моральный характеръ и сводился къ возстановленію ея престижа въ Европѣ и вліянія на Востокѣ; матеріальныхъ выгодъ она не искала, такъ какъ „была достаточно богата для того, чтобы заплатить за свою славу“. Но Наполеонъ достигъ такого результата, на который многіе первоначально не обратили никакого вниманія: онъ разрушилъ коалицію абсолютистскихъ государствъ—Россіи, Пруссіи и Австріи, чѣмъ значительно было облегчено и подготовлено осуществленіе завѣтной его мысли,—освобожденія Италіи. Этотъ фактъ ясно обнаружился, когда къ концу конгресса, вслѣдствіе состоявшагося между императоромъ и Кавуромъ соглашенія, графъ Валевскій, по поводу занятія Пирея французскими войсками, заговорилъ объ итальянскихъ государствахъ, оккупированныхъ иностранными войсками, указавъ на ненормальность и опасность положенія въ Папской Области и королевствѣ Обѣихъ Сицилій и заключивъ заявленіемъ о необходимости обратиться къ итальянскимъ государямъ съ „предостереженіями“. Только австрійскіе уполномоченные протестовали противъ его словъ; если конгрессъ и не принялъ по этому поводу опредѣленной резолюціи, то, во всякомъ случаѣ, какъ долженъ былъ сказать Кавуръ, „итальянскій вопросъ отнынѣ занялъ свое мѣсто въ ряду европейскихъ вопросовъ“. И это обстоятельство было однимъ изъ немаловажныхъ послѣдствій Восточной войны.

По предложенію Франціи конгрессъ на послѣднемъ своемъ засѣданіи принялъ декларацію, состоявшую изъ четырехъ статей и внушенную тѣми правилами, которымъ союзники слѣдовали во время войны. „Каперство отмѣняется. Флагъ покрываетъ непріятельскій товаръ, за исключеніемъ военной контрабанды. Нейтральный товаръ, плавающій подъ непріятельскимъ

флагомъ, не подлежитъ захвату, кромѣ военной контрабанды. Блокада признается обязательной только въ томъ случаѣ, если она установлена фактически". За признаніе этихъ принциповъ Франція боролась въ теченіе цѣлаго столѣтія.

IV. Турція и Балканскіе христіане.

Гатти-гумаюнъ 1856 года. — Если бы „гатти-гумаюнъ" 18 февраля 1856 года могъ быть примѣненъ добросовѣстно и въ полномъ объемѣ, то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, измѣнилъ бы судьбы Турецкой имперіи. На бумагѣ это былъ цѣлый переворотъ, султанскій 1789 годъ; провозглашая равенство всѣхъ вѣроисповѣданій и всѣхъ народностей, равенство всѣхъ турецкихъ подданныхъ въ несеніи налоговъ и въ исполненіи воинской повинности, доступъ христіанъ ко всѣмъ должностямъ (ст. 8), султанъ вносилъ коренную перемѣну въ традиціонную организацію своей имперіи, гдѣ всѣ отношенія испоконъ вѣковъ основывались на подчиненіи христіанъ туркамъ и на угнетеніи райи мусульманами.

Кромѣ того гатти-гумаюнъ постановлялъ учрежденіе смѣшанныхъ судовъ и предоставленіе христіанамъ права посылать своихъ представителей въ Государственный Совѣтъ; онъ обѣщалъ безотлагательную кодификацію гражданскаго и уголовнаго законодательства, реформу полиціи и системы наказаній, преобразованіе провинціальной администраціи, усовершенствованіе путей сообщенія, основаніе кредитныхъ учрежденій для нуждъ торговли, коренную реформу монетной системы и даже ежегодное опубликованіе росписи доходовъ и расходовъ.

Всѣмъ этимъ прекраснымъ проектамъ суждено было остаться мертвой буквой въ виду сопротивленія таинственныхъ лицъ, какъ мусульманъ, такъ и христіанъ. Мусульмане усматривали большую опасность въ вооруженіи райи; еще меньше допускали они предоставленіе этой райѣ права командовать въ арміи надъ поклонниками пророка. Съ своей стороны, христіане предпочитали старую систему *хараджа*, то-есть денежнаго выкупа, системѣ обязательной воинской повинности: денежный налогъ нравился имъ больше налога крови. Турецкое правительство сначала разрѣшило христіанамъ ставить вмѣсто себя охотниковъ, а затѣмъ вернулось къ подушной подати, возстановленной подъ новымъ названіемъ (*бедель-и-аскеріе*).

Съ другой стороны, равенство всѣхъ подданныхъ султана, провозглашенное гатти-гумаюномъ, должно было повлечь за собой отмѣну или, по крайней мѣрѣ, пересмотръ привилегій, которыми пользовались религіозныя общины; эта перспектива вызвала рѣшительное сопротивленіе со стороны патріарховъ и епископовъ, прекрасно понимавшихъ, что только эти привилегіи доставляли имъ нѣкоторую безопасность и что режимъ равенства немедленно превратится для нихъ въ господство полнаго произвола. И въ концѣ-концовъ общая реформа, возвѣщенная въ 1856 году, свелась только къ назначенію нѣкоторыхъ новыхъ чиновниковъ и къ учрежденію двухъ министерствъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія. Тщетно въ 1859 году Россія требовала производства анкеты о положеніи христіанъ, а различныя европейскія правительства оффиціально выразили сожалѣніе по поводу того, что султанъ „не приступаетъ къ постепенному и неуклонному примѣненію реформъ". Разслѣдованіе о положеніи христіанъ, начатое въ 1860 году великимъ визиремъ, ни къ чему не привело.

Ливанскія событія. — Убійство французскаго и англійскаго консуловъ въ Джеддѣ (15 іюля 1858 года), — убійство, за которымъ немедленно послѣдовало бомбардированіе города французскимъ флотомъ, показало, что мусульманскій фанатизмъ сохранилъ прежнюю силу, а событія, имѣв-

шія мѣсто въ Сиріи съ мая по іюль 1860 года, доказали, что Порта всегда будетъ поддерживать этотъ фанатизмъ. Друзы въ Ливанѣ и Антиливанѣ напали на маронитовъ и произвели среди нихъ страшное избіеніе; въ Дамаскѣ (9—14 іюля) поголовное истребленіе христіанскаго населенія было предотвращено только благодаря героическому поведенію Абу-эль-Кадера, который со своими алжирцами бросился въ самую гущу толпы и превратилъ свой дворецъ въ убѣжище для жертвъ побоища.

Турецкія власти, Дамасскій губернаторъ, маршалъ Ахмедъ-паша, и Сирійскій губернаторъ, Куршидъ-паша, ничего не сдѣлали для прекращенія этихъ жестокостей, въ которыхъ кое-гдѣ, особенно въ Дамаскѣ, турецкія войска приняли даже непосредственное участіе. Французское правительство не забыло, что ему принадлежитъ протекторатъ надъ маронитами; оно начало подготовлять отправку экспедиціоннаго корпуса въ Бейрутъ и въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ потребовало отъ турецкаго правительства наказанія виновныхъ. Порта струсила и поспѣшила удовлетворить это требованіе; отправленный въ Сирію Фуадъ-паша приказалъ разстрѣлять Ахмеда-пашу и казнить 185 мусульманъ, виновниковъ и пособниковъ произведенной бойни. Собравшаяся въ 1861 году въ Бейрутѣ международная комиссія пыталась преобразовать управленіе „горной области"; 9 іюня въ Константинополѣ подписана была конференція, по которой управленіе областью поручалось единому губернатору, назначаемому изъ христіанъ, зависящему непосредственно отъ султана, назначающему чиновниковъ и судей, взимающему налоги и обезпечивающему охрану порядка съ помощью мѣстной милиціи безъ всякаго участія турецкихъ войскъ.

Абдулъ-Азисъ; Фуадъ и финансы. — 25 іюня 1861 года умеръ Абдулъ-Меджидъ; партія „старо-турковъ" и противниковъ всякихъ реформъ возлагала всѣ свои надежды на его преемника, Абдулъ-Азиса, но послѣдній, повидимому, обманулъ эти надежды. Онъ началъ съ того, что обратился къ великому визирю съ гатти-шерифомъ, въ которомъ заявлялъ о своемъ твердомъ намѣреніи продолжать политику реформъ; затѣмъ онъ упразднилъ гаремъ и объявилъ, что намѣренъ имѣть только одну жену. Власть фактически почти все время находилась въ рукахъ двухъ представителей „*Молодой Турціи*", сначала Фуада-паши (до 1866 года), а затѣмъ Али-паши; оба они были турецкими уполномоченными на Парижскомъ конгрессѣ, а второй изъ нихъ пользовался громкой извѣстностью во всей имперіи благодаря тому, чрезвычайно рѣдкому, обстоятельству, что онъ никогда не бралъ взятокъ. Оба министра посвятили свои силы двойной задачѣ: попыткѣ возстановить порядокъ въ турецкихъ финансахъ и хотя бы отчасти осуществить обѣщанія 1856 года.

Фуадъ обратилъ главное вниманіе на упорядоченіе финансовъ, которые приведены были въ самое жалкое состояніе, благодаря казнокрадству чиновниковъ, чрезмѣрнымъ издержкамъ султана, въ особенности на содержаніе гарема, бунтамъ и войнамъ, а также волненіямъ, вызваннымъ реформаторскими попытками. Махмудъ II, впервые прибѣгнувшій въ 1830 году къ выпуску бумажныхъ денегъ (*Кайме*), внесъ еще бо́льшій безпорядокъ въ финансы и безъ того разстроенные; подобно всѣмъ правительствамъ, незнакомымъ съ финансовой наукой, турецкое правительство начало злоупотреблять этимъ на первый взглядъ столь удобнымъ средствомъ доставать деньги. Для покрытія дефицита, достигшаго въ 1860 году 80 милліоновъ, оно прибѣгнуло къ усиленнымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ; затѣмъ оно установило принудительный курсъ бумажныхъ денегъ, полагая такимъ путемъ противодѣйствовать паденію ихъ цѣны (кредитные билеты упали до $^2/_7$ своей номинальной цѣнности).

Къ несчастью, султанъ скоро позабылъ о своихъ первыхъ похвальныхъ намѣреніяхъ; онъ возстановилъ свой гаремъ, въ которомъ насчитывалось 900 женщинъ съ 3.000 служителей и въ которомъ ежедневно накрывалось 500 столовъ по двѣнадцать блюдъ. Турецкое правительство безуспѣшно пыталось заключить за границей займы по 8% и даже по 12% въ 1865 году. Проекты коренной финансовой реформы закончились неудачей; единственнымъ результатомъ всѣхъ реформаторскихъ потугъ было только учрежденіе книги государственныхъ долговъ (1865 г.) и основаніе Оттоманскаго банка, организованнаго при содѣйствіи французскихъ и англійскихъ финансистовъ.

Али-паша и административныя реформы.— Въ 1864 году Фуадъ-паша сдѣлалъ попытку отдѣлить судебную власть отъ административной путемъ учрежденія суда и совѣта именитыхъ людей въ каждомъ изъ административныхъ подраздѣленій государства, въ *вилайетѣ* (губерніи) ,*санджакѣ* (уѣздѣ) и *казѣ* (станѣ). Событія, имѣвшія мѣсто на островѣ Критѣ, побудили европейскія державы снова протестовать противъ неисполненія гатти-гумаюна 1856 года; было установлено, что ни одно изъ обѣщаній не было сдержано, что христіане попрежнему не имѣли доступа къ должностямъ, что они попрежнему не могли добиться правосудія и что финансовая организація находилась въ самомъ плачевномъ состояніи.

Али-паша обратилъ серьезное вниманіе на этотъ протестъ; онъ дѣйствительно пытался послѣдовать совѣту Франціи и слить воедино различные составные элементы имперіи. Онъ учредилъ Государственный Совѣтъ, состоявшій наполовину изъ мусульманъ и христіанъ, а султанъ при открытіи этого новаго учрежденія (въ іюнѣ 1868 года) заявилъ, что „для него не существуетъ никакого различія между мусульманами и христіанами“. „До сихъ поръ,—прибавилъ онъ,— религія и права христіанъ пользовались охраной, но христіане не призывались къ занятію высшихъ должностей въ государствѣ. Такова была старая система; но теперь христіанамъ открывается доступъ ко всѣмъ должностямъ, не исключая поста великаго визиря. При назначеніи на государственныя должности правительство будетъ руководиться только заслугами кандидатовъ.

Въ Галатѣ былъ основанъ французскій лицей, имѣвшій цѣлью подготовлять чиновниковъ, получившихъ европейское образованіе и готовыхъ примѣнять реформы. Въ 1869 году учреждено было министерство внутреннихъ дѣлъ; въ томъ же году обнародованы первыя законоположенія, долженствовавшія лечь въ основу свода гражданскихъ законовъ; наконецъ, въ 1870 году разрѣшено было пользоваться метрической системой мѣръ и вѣсовъ.

Но Али-паша скончался въ 1871 году (Фуадъ умеръ еще въ 1869 г.); съ другой стороны, вниманіе Европы было поглощено событіями 1870 — 1871 гг., и Турція снова впала въ состояніе безсилія. Россія добилась отъ Лондонской конференціи (13 мая 1871 г.) отмѣны тѣхъ постановленій трактата 1856 года, которыми Черное море было объявлено нейтральнымъ, а русское вліяніе вытѣснило въ Константинополѣ вліяніе побѣжденной Франціи.

Задача министровъ-реформаторовъ была еще болѣе затруднена двумя возстаніями, вспыхнувшими въ Герцеговинѣ и на Критѣ и вызвавшими осложненія въ дипломатической области.

Черногорія. — Герцеговинское возстаніе разразилось въ 1861 году и немедленно повлекло за собой конфликтъ съ Черногоріей. Въ этомъ небольшомъ сербскомъ государствѣ (Црна Гора, Монтенегро) въ февралѣ 1852 года произошло важное политическое преобразованіе. Съ 1499 года въ Черногоріи господствовала теократическая форма правленія; власть при-

надлежала князьямъ-епископамъ (*владыкамъ*) изъ рода Нѣгошей, причемъ она регулярно переходила отъ дяди къ племяннику. Послѣ смерти Петра II (1851 г.) его племянникъ Данило секуляризовалъ княжеское достоинство.

Такъ какъ съ 1830 года Черногорія находилась подъ русскимъ протекторатомъ, то Данило просилъ и добился одобренія Николая. Султанъ протестовалъ противъ этого переворота; хотя туркамъ никогда не удавалось стать твердой ногой въ этой неприступной горной цитадели, тѣмъ не менѣе они номинально претендовали на сюзеренную власть надъ Черногоріей. Омеру-пашѣ приказано было напасть на маленькую страну; послѣ трехмѣсячной борьбы, въ продолженіе которой турки потерпѣли три пораженія, Австрія принудила султана прекратить военныя дѣйствія (1853 г.). Это вмѣшательство и вліяніе французскаго консула побудили Данилу пойти наперекоръ требованіямъ своего народа, горячо преданнаго Россіи, и держаться во время Крымской войны самаго строгаго нейтралитета.

На Парижскомъ конгрессѣ Али-паша хотѣлъ добиться отъ Европы заявленія, признающаго Черногорію „нераздѣльной частью Оттоманской имперіи“; Данило немедленно протестовалъ, требуя оффиціальнаго признанія своей независимости, исправленія границъ и уступки Антивари съ портомъ; въ отвѣтъ державы пригласили Данилу признать верховную власть султана, и только Наполеонъ принялъ сторону черногорцевъ. Въ 1857 году онъ принялъ Данилу въ Тюильри и былъ воспріемникомъ его наслѣдника. Когда въ 1858 году турки безъ объявленія войны вторглись чъ Черногорію, то адмиралъ Жюрьенъ-де-ла-Гравьеръ блокировалъ Антивари; 13 мая братъ Данилы, князь Мирко Петровичъ, въ рукопашномъ бою при Граховѣ нанесъ двадцатитысячному корпусу Гуссейна-паши рѣшительное пораженіе: 3.000 турокъ было убито, а вся артиллерія попала въ руки горцевъ.

Тогда султанъ согласился признать рѣшенія европейской комиссіи, которая созвана была по инціативѣ Наполеона и которая должна была заняться проведеніемъ границъ между обоими государствами; въ этой комиссіи оффиціально участвовалъ черногорскій делегатъ. Труды этой комиссіи не были еще закончены, когда 13 августа 1860 года Данило былъ убитъ въ Катарѣ однимъ изгнанникомъ; не имѣя сыновей, онъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ племянника своего Николая, сына князя Мирко. Такъ какъ новому князю было только девятнадцать лѣтъ, то фактически дѣлами руководилъ его отецъ.

Возстаніе въ Герцеговинѣ.— Граховская побѣда произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на герцеговинскихъ сербовъ и возбудила среди нихъ надежды на освобожденіе; доведенные до отчаянія злоупотребленіями беговъ и разбоями башибузуковъ, герцеговинцы возстали. Европейскія державы, опасаясь вмѣшательства со стороны Черногоріи, способнаго взбудоражить весь Балканскій полуостровъ и вызвать европейскую войну, настойчиво убѣждали Николая сохранить строгій нейтралитетъ; онъ настолько считался съ этими совѣтами, что допускалъ провозить по Черногорской территоріи обозы, предназначенные для снабженія продовольствіемъ крѣпости Никшичъ; но онъ не могъ помѣшать своимъ горцамъ бандами спѣшить на помощь къ своимъ братьямъ по вѣрѣ и по крови (такъ какъ и черногорцы, и герцеговинцы—сербы).

Сначала Порта организовала блокаду княжества; затѣмъ, послѣ пораженія, нанесеннаго Омеромъ-пашой инсургентамъ при Пивѣ, онъ потребовалъ, чтобы Николай разоружился, а когда послѣдній отказался исполнить это требованіе, турки весной 1862 года перешли черногорскую

границу. Омеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 60.000 солдатъ; 20.000 горцевъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ оказывали упорное сопротивленіе турецкимъ войскамъ. Благодаря поразительной активности и энергіи черногорскаго героя, князя Мирко, который поспѣвалъ рѣшительно всюду, чашка вѣсовъ одно время склонялась было на сторону черногорцевъ. Тамъ, гдѣ проходили турки, они буквально оставляли послѣ себя пустыню. Но раздѣленная Европа оставалась безучастной.

Наполеонъ началъ уже запутываться въ Мексиканскую авантюру; Пальмерстонъ цинически заявилъ въ Палатѣ Общинъ, что „черногорскіе бунтовщики будутъ наказаны войсками султана при рукоплесканьяхъ Англіи". Только папа Пій IX выступилъ въ защиту черногорцевъ; въ энцикликѣ, обращенной къ албанскимъ епископамъ, онъ запретилъ католикамъ этой области оказывать какую бы то ни было помощь туркамъ.

Въ концѣ-концовъ побѣда досталась турецкой арміи, благодаря численному ея перевѣсу. Желая остановить движеніе Омера-паши на Цетинье, Мирко безъ пушекъ съ оставшимися воинами далъ послѣднее замѣчательное сраженіе 25 августа при Ріекѣ и уступилъ только послѣ шестичасового боя подъ градомъ снарядовъ, которыми осыпали его турецкія батареи. Однако Омеръ-паша не могъ вступить въ Цетинье; державы представили султану коллективную ноту, а князю Николаю посланъ былъ ультиматумъ, который онъ принялъ по совѣту французскаго консула. Князь Мирко долженъ былъ навсегда выѣхать изъ Черногоріи; дорога изъ Герцеговины въ Скутари, проходящая черезъ Черногорію, должна была отнынѣ охраняться блокгаузами, занятыми турецкимъ гарнизономъ; ввозъ оружія и военныхъ снарядовъ былъ воспрещенъ, а черногорцы лишались права возводить укрѣпленія на своей границѣ.

Впрочемъ, постановленія этого ультиматума не были исполнены на дѣлѣ. Порта сама отказалась отъ изгнанія Мирко; она, правда, выстроила девять небольшихъ фортовъ на Скутарійской дорогѣ, но Франція и Россія потребовали и добились ихъ эвакуаціи и разрушенія (протоколъ 3 марта 1863 года); но дорога должна была навсегда остаться открытой для торговаго движенія. Что же касается запрещенія ввозить оружіе, то на него никогда не обращали никакого вниманія. Правительство Наполеона III, пославшее въ Черногорію хлѣбъ, для того чтобы спасти страну отъ наступившаго послѣ войны голода, разрѣшило устроить во Франціи лотерею, доходъ съ котораго пошелъ на покупку 12.000 карабиновъ; патроны доставила Россія. Пораженіе, понесенное черногорцами, повлекло за собой подчиненіе Герцеговины, которая была жестоко наказана и снова подпала подъ ненавистное иго беговъ.

Греція. Король Оттонъ.—Не такъ легко удалось туркамъ подавить критское возстаніе, чуть было не приведшее къ войнѣ съ Греціей.

Вступленіе на престолъ Оттона Баварскаго въ 1832 году не доставило юному королевству внутренняго мира. Баварское регентство и иностранныя войска, служившія ему опорой, возбудили недовольство, которымъ старались воспользоваться нѣкоторыя державы-покровительницы, какъ, напримѣръ, Англія и Россія; каждая изъ нихъ хотѣла установить свое вліяніе на страну. Въ 1843 году Англія и Россія, потребовавши уплаты процентовъ по займу, выпущенному греческимъ правительствомъ при вступленіи на престолъ Оттона, вызвали финансовый кризисъ, который принудилъ короля распустить свои баварскія войска. Съ этого момента онъ остался беззащитнымъ, а произведенный греческой арміей бунтъ (3 сентября 1843 года) заставилъ его созвать національное собраніе, которому поручено было выработать конституцію. Съ этого времени (мартъ

1844 года) Грецiя получила отвѣтственное министерство и двѣ палаты: сенатъ, составленный изъ пожизненно назначаемыхъ королемъ членовъ, и палату депутатовъ, избираемую всеобщей подачей голосовъ. Принятiе православiя поставлено было необходимымъ условiемъ для полученiя наслѣдственныхъ правъ на корону.

Введенiе парламентскаго режима не положило конца внутреннимъ распрямъ и борьбѣ державъ за влiянiе. Французская партiя во главѣ съ Колетти, противъ которой боролись Россiя и Англiя, господствовала до 1847 года; чтобы добиться ея паденiя, Англiя поддерживала и даже вызвала возстанiе въ Ахеѣ, Мессенiи и на Эвбеѣ въ 1846—1847 годахъ. А въ 1850 году она пошла еще дальше; когда во время бунта былъ разграбленъ домъ португальскаго еврея, Пачифико, состоявшаго подъ англiйскимъ покровительствомъ, то Пальмерстонъ послалъ флотъ для блокады Пирея (15 января). Греческому правительству посланъ былъ возмутительно-грубый ультиматумъ; Францiя тщетно предлагала свое посредничество и даже отозвала изъ Лондона своего посла. Грецiя принуждена была уступить; но цѣль, поставленная себѣ Англiей и заключавшаяся въ возбужденiи возстанiя противъ Оттона, не была достигнута.

Теперь для Россiи наступила очередь интриговать. Когда въ 1852 году правительство предложило организовать нацiональный синодъ, а съ другой стороны, признало супрематiю Константинопольскаго патрiарха, отвергаемую со времени войны за независимость, то фанатическiй монахъ Христофоръ Папулакисъ поднялъ возстанiе въ Майнѣ (Морея) и былъ поддержанъ русскими агентами. Но и эта попытка закончилась неудачей.

Крымская война послужила причиной для новыхъ волненiй. Патрiоты хотѣли воспользоваться конфликтомъ, въ которомъ оказалась запутанной Турцiя, для расширенiя до смѣшного узкихъ границъ королевства; ѳессалiйскiе инсургенты снабжены были оружiемъ, а множество волонтеровъ явилось въ ихъ ряды для борьбы съ турками. Но Францiя и Англiя не могли допустить благопрiятной для русскихъ диверсiи на Архипелагѣ въ то самое время, какъ онѣ отправляли свои войска на Дунай и Черное море. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что онѣ провозгласили и гарантировали территорiальную неприкосновенность Оттоманской имперiи.

Поэтому 26 мая 1854 года въ Пиреѣ высадилась французская дивизiя, которая оставалась тамъ до 1857 года и принудила грековъ къ соблюденiю мира. Это вмѣшательство Францiи и Англiи, а также разоблаченiе истинныхъ чувствъ Россiи по отношенiю къ грекамъ (благодаря опубликованiю бесѣдъ Николая съ Гамильтономъ Сеймуромъ) подорвали положенiе французской, англiйской и русской партiй, а король Оттонъ сдѣлался окончательно непопулярнымъ зато, что онъ не рискнулъ на отчаянную авантюру и не попытался оказать сопротивленiе Европѣ.

Враждебное отношенiе къ королю приняло особенно рѣзкiй характеръ въ армiи; въ 1861 году раскрыто было два военныхъ заговора. 1 февраля 1862 года въ Навплiи вспыхнулъ военный бунтъ; потребовалась правильная осада для того, чтобы овладѣть этимъ городомъ, гдѣ королевская власть была возстановлена только чрезъ два съ половиной мѣсяца (20 апрѣля). Во время этой осады произошло возстанiе на островѣ Сирѣ; въ странѣ фактически господствовали тайныя общества, гетерiи. Во время одной изъ поѣздокъ короля по странѣ взбунтовался Миссолунгскiй гарнизонъ (19 октября); движенiе распространилось на Аѳины, гдѣ солдаты разграбили королевскiй дворецъ, а 26 октября Оттонъ, понимая невозможность всякаго сопротивленiя, отрекся отъ престола.

Король Георгъ. — Учреждено было временное правительство, состоявшее изъ Канариса, Булгариса и Руфоса; оно созвало національное собраніе, въ которомъ участвовали депутаты заграничныхъ греческихъ колоній. Прежде всего собранію пришлось заняться подысканіемъ короля, такъ какъ предложеніе учредить республику было отклонено подавляющимъ большинствомъ голосовъ.

Желая угодить Англіи и добиться отъ нея уступки Іоническихъ острововъ, которые нѣсколько разъ, и между прочимъ въ 1859 и даже въ 1862 году, уже требовали своего присоединенія къ Греціи, собраніе избрало королемъ принца Альфреда, второго сына королевы Викторіи. Но такъ какъ въ силу Лондонскаго протокола 1830 года греческая корона не могла быть предоставлена членамъ царствующихъ династій державъ - покровительницъ, то Наполеонъ и Александръ отказались признать избраніе принца Альфреда, а затѣмъ своего родственника, принца Лейхтенбергскаго. Тогда дѣло взялъ въ свои руки Пальмерстонъ, правильно разсчитавшій, что если ему удастся дать Греціи короля, то послѣдній по чувству признательности сдѣлается англійскимъ кліентомъ; при этомъ Пальмерстонъ заявилъ, что если новымъ монархомъ будетъ выбранъ желательный для Англіи кандидатъ, то британское правительство подаритъ Греціи Іоническіе острова.

Послѣ неудачнаго обращенія къ Фердинанду Саксенъ-Готскому, отцу португальскаго короля, на престолъ избранъ былъ племянникъ датскаго короля, Вильгельмъ-Георгъ, сестра котораго была замужемъ за принцемъ Уэльскимъ (30 марта 1863 года). Онъ согласился принять корону только 18 іюня. По договору, подписанному въ Лондонѣ 14 ноября, Англія уступила грекамъ Іоническіе острова подъ условіемъ нейтрализаціи Корфу и снесенія укрѣпленій.

Пока велись переговоры объ избраніи короля, анархія въ странѣ достигла крайнихъ предѣловъ; въ февралѣ 1863 года новое военное возстаніе повлекло за собою выходъ въ отставку членовъ временнаго правительства. Съ этого момента вся власть перешла въ руки національнаго собранія, въ которомъ, благодаря борьбѣ личныхъ честолюбій и вмѣшательству арміи, въ свою очередь распадавшейся на различныя партіи, царствовалъ позорнѣйшій безпорядокъ. 30 іюня, уже послѣ назначенія короля Георга, въ Аѳинахъ вспыхнулъ военный бунтъ, и въ продолженіе трехъ дней на улицахъ города происходили кровавыя стычки. Разбойничьи шайки, эта язва первыхъ лѣтъ независимаго существованія Греціи, снова появились по всей странѣ; да иначе и быть не могло послѣ того, какъ собраніе, реабилитировавшее даже убійцъ, какъ напримѣръ, цареубійцу Донзіоса, отняло на десять лѣтъ политическія права у членовъ министерства, которые, исполняя свой долгъ, подавили возстаніе въ Навпліи (1862 г.).

Прибытіе короля Георга (30 октября 1863 года) ничуть не измѣнило положенія; въ первой прокламаціи къ своему народу король обѣщалъ посвятить свою жизнь на то, чтобы сдѣлать изъ Греціи „образецъ королевствъ на Востокѣ“. Въ 1864 году можно было бы подумать, что греки сознательно стремятся къ гибели своего государства. Національное собраніе продолжало засѣдать подъ предлогомъ выработки новой конституціи; депутаты всегда имѣли при себѣ пистолеты и кинжалы. Новая амнистія даровала свободу множеству уголовныхъ преступниковъ, которые для даннаго случая объявлены были „жертвами тираніи“. Военные бунты вспыхивали со всѣхъ сторонъ. У самыхъ воротъ столицы, въ мѣстечкѣ Миниди, муниципальный совѣтъ приговорилъ къ смерти мэра и пятеро его дѣтей, а чернь привела этотъ приговоръ въ испол-

неніе. Министерскіе кризисы происходили почти каждый мѣсяцъ. Въ концѣ-концовъ король пришелъ къ той мысли, что онъ завоюетъ симпатіи большинства народа, если попытается положить конецъ анархіи; 18 октября онъ обратился къ національному собранію съ посланіемъ, въ которомъ приглашалъ его закончить обсужденіе конституціоннаго акта въ десятидневный срокъ. Собраніе повиновалось; 29 октября, ровно черезъ годъ послѣ прибытія Георга въ Грецію, конституція была вотирована огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Конституція 1864 года. — Національное Собраніе, которому пришлось вырабатывать законы для страны, совершенно лишенной какого бы то ни было политическаго воспитанія, сразу вздумало примѣнить почти въ полномъ объемѣ крайнія радикальныя доктрины. Помимо того, что оно провозгласило неограниченную свободу союзовъ, собраній и печати, оно вручило законодательную власть одной палатѣ *(Булѐ)*, избираемой на четыре года всеобщей подачей голосовъ, и объявило министровъ отвѣтственными передъ этой палатой. Сенатъ былъ упраздненъ. Только съ помощью большинства въ двѣнадцать голосовъ королю удалось добиться учрежденія Государственнаго Совѣта, которому поручалось разсмотрѣніе законопроектовъ; но этотъ Государственный Совѣтъ былъ упраздненъ во время первой же легислатуры (1865 г.). Королю предоставлено было право распускать палату съ условіемъ, что новые выборы должны быть произведены; а новая палата созвана—въ трехмѣсячный срокъ.

Съ этого момента началась ожесточенная борьба за власть между политическими партіями, которыя фактически представляли просто группы личностей, связанныхъ мѣстными интересами. Разные Комундуросы, Деліанисы, Делигеоргисы, Булгарисы, Заимисы, Руфосы смѣняли другъ друга, падали, поднимались, проходили и исчезали, какъ въ водоворотѣ. Каждый изъ нихъ тащилъ за собой свою кліентеллу, смѣщалъ всѣхъ чиновниковъ и назначалъ на ихъ мѣсто своихъ сторонниковъ, по обычаю, принятому въ Соединенныхъ Штатахъ. Съ мая до декабря 1865 года у власти смѣнилось пять министерствъ; а съ 30 октября 1863 г. до 17 декабря 1866 г., т.-е. въ продолженіе трехъ лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ, смѣнилось одиннадцать министерствъ. Въ арміи попрежнему господствовалъ самый плачевный духъ, казна была пуста, а внутренняя безопасность становилась все менѣе надежной,—однимъ словомъ, три державы-покровительницы въ концѣ-концовъ встревожились и начали угрожать вмѣшательствомъ. Посреди этой неслыханной анархіи разразилось въ августѣ 1866 года возстаніе на Критѣ.

Критское возстаніе.—На Критѣ, какъ и въ большей части областей Турецкой имперіи, христіанское большинство угнеталось мусульманскимъ меньшинствомъ; въ 1770, затѣмъ въ 1821, 1841, 1858 году критяне пытались сбросить съ себя турецкое иго, которое тѣмъ сильнѣе ихъ тяготило, что они видѣли, какъ греческіе ихъ братья освободились отъ мусульманскаго владычества. Обнародованіе *гатти-гумаюна* въ 1856 году внушило имъ надежды на нѣкоторое улучшеніе ихъ участи, но надежды эти скоро разсѣялись. Въ 1866 году христіане выбрали комиссію, которая представила султану петицію, перечислявшую жалобы критянъ и желательныя реформы; Порта отвѣтила неопредѣленными обѣщаніями, отказалась разсмотрѣть жалобы и угрожала суровыми наказаніями тѣмъ, кто не подчинится волѣ султана и попытается устроить собраніе вопреки запрещенію губернатора Измаила-паши.

Тогда критяне возстали, а общее собраніе въ Сфакіи (23 сентября) провозгласило „нерасторжимый союзъ Крита съ матерью-Греціей“; въ горныхъ ущельяхъ

турки были разбиты и отброшены къ Кандіи и Канеѣ. Порта немедленно послала на возмутившійся островъ 40.000 человѣкъ подъ начальствомъ Омера-паши; попытка послѣдняго овладѣть крѣпостью Сфакіей, этой исторической цитаделью и неприступнымъ убѣжищемъ всѣхъ критскихъ возстаній, закончилась неудачей. Франція, Италія, Пруссія и Россія, полагая, что эти повторныя неудачи внушили султану мысль о необходимости умиротворенія, вмѣшались и предложили послать въ Критъ международную комиссію, которая должна была бы взять въ свои руки управленіе островомъ; но эгоистическая политика Англіи и Австріи, не пожелавшихъ присоединиться къ этому предложенію, сдѣлали его совершенно безполезнымъ. Султанъ, понимая, что европейскія державы далеко не солидарны между собою, а слѣдовательно, ему нечего бояться, отклонилъ предложеніе упомянутыхъ державъ; впрочемъ, онъ послалъ великаго визиря Али для переговоровъ съ инсургентами (октябрь 1867 г.), но эта попытка ни къ чему не привела.

Критское возстаніе заставило на время умолкнуть внутренніе раздоры въ Греціи; всѣ боровшіяся между собой котеріи объединились на національномъ чувствѣ, на желаніи расширить предѣлы своего отечества и помочь освобожденію греческихъ братьевъ великаго острова. Организовались отряды волонтеровъ, которые доставлены были на островъ съ орудіемъ и боевыми припасами, пріобрѣтенными министерствомъ Комундуроса; на протесты Порты король ловко отвѣчалъ, во-первыхъ, указаніемъ на то, что конституція не даетъ ему возможности помѣшать вступленію греческихъ подданныхъ на иностранную службу, а во-вторыхъ, ссылкой на затрудненія, созданныя для греческаго правительства безконечными внутренними волненіями. И дѣйствительно, въ Аѳинахъ скопилось свыше 60.000 бѣглецовъ, для содержанія которыхъ пришлось установить особый налогъ.

Но эти уловки никого не обманули; въ Аѳинахъ общественное мнѣніе съ каждымъ днемъ все громче требовало объявленія войны туркамъ. Когда султанъ убѣдился, что державы изъ страха передъ общимъ конфликтомъ не станутъ оказывать Греціи никакой поддержки, то онъ послалъ (11 декабря 1868 г.) королю Георгу ультиматумъ, въ которомъ требовалъ, чтобы король разогналъ скопища волонтеровъ и закрылъ свои порты для судовъ, доставлявшихъ продовольствіе инсургентамъ; турецкій посланникъ былъ отозванъ изъ Аѳинъ, а всѣ греческіе подданные, проживавшіе въ Турецкой имперіи, были оттуда выселены. Греція уже собиралась поднять брошенную ей перчатку, когда вмѣшались европейскія державы.

По инициативѣ Франціи и Пруссіи въ Парижѣ собралась конференція, на которую допущена была и Греція, но только съ совѣщательнымъ голосомъ; тогда греческій представитель отказался принимать участіе въ ея засѣданіяхъ (январь 1869 г.). Греціи предложено было впредь не допускать на своей территоріи никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Турціи; она подчинилась этому требованію. Что же касается критянъ, то, лишенные всякой поддержки и истощивши свои силы, они были раздавлены турками (январь—февраль 1869 года).

Впрочемъ, 10 января 1868 г. султанъ обнародовалъ фирманъ, настоящій органическій регламентъ, который долженъ бып̆ъ нѣсколько улучшить положеніе критянъ. Христіане освобождались отъ уплаты налога, которымъ они откупались отъ воинской повинности, до тѣхъ поръ, пока мусульмане освобождались отъ несенія этой повинности; греческій языкъ признавался оффиціальнымъ языкомъ наравнѣ съ турецкимъ; учреждены были смѣшанные суды, члены которыхъ выбирались

народомъ, частью выборные административные совѣты, засѣдавшіе вмѣстѣ съ султанскими чиновниками, начиная отъ каймакана и кончая генералъ-губернаторомъ. Такимъ образомъ критяне проливали свою кровь не напрасно.

Какъ только закончилось критское возстаніе, въ Греціи снова начались внутреннія распри. Финансы были разстроены расходами на помощь инсургентамъ и на военныя приготовленія; банды грабителей распространились по всему королевству. Въ 1870 году въ Мараѳонѣ разбойники захватили двухъ секретарей англійскаго и итальянскаго посольствъ и пять путешественниковъ, а затѣмъ умертвили четырехъ изъ своихъ плѣнниковъ; негодованіе, возбужденное этимъ преступленіемъ, помогло Комундуросу провести цѣлый рядъ мѣръ, которыя должны были позволить правительству покончить съ анархіей и подготовить возстановленіе порядка и внутренней безопасности.

Сербія. Александръ Карагеоргіевичъ. — Если послѣ Крымской войны султану удалось сохранить свою власть надъ непосредственно подчиненными ему христіанскими подданными, то, съ другой стороны, вассальныя узы, связывавшія Сербію и Дунайскія княжества съ Турціей, сильно ослабѣли.

Въ Сербіи, послѣ революціи 1842 года, князь Александръ Карагеоргіевичъ, „избранный княземъ, увлеченный и встрѣченный народными привѣтствіями и не успѣвшій хорошенько сообразить, въ чемъ дѣло“, держался по своему темпераменту и по интересамъ мирной политики и оставался покорнымъ султану, своему сюзерену и покровителю. И дѣйствительно, въ то время какъ Милошу и его сыну султанъ пожаловалъ званіе наслѣдственныхъ князей, *бератъ*, пожалованный Александру, не давалъ ему даже пожизненной инвеституры; такимъ образомъ сербскій князь оказался просто высокимъ сановникомъ, смѣняемымъ во всякое время по желанію блистательной Порты. Это было для Сербіи значительнымъ шагомъ назадъ въ отношеніи національной независимости.

Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія сербскихъ патріотовъ, и князь сразу лишился популярности. Съ другой стороны, Александръ слишкомъ подчинялся австрійскому вліянію, что̀ опять-таки оскорбляло національное самолюбіе сербовъ. Въ 1848 году, когда венгерскіе сербы изъ Воеводства начали добиваться автономіи подъ верховной властью австрійскаго дома и подняли оружіе противъ мадьяръ, то князь сначала доставилъ имъ денежную помощь, а затѣмъ послалъ имъ вспомогательный корпусъ; поступая такимъ образомъ, онъ шелъ навстрѣчу стремленіямъ своего народа, но въ то же время служилъ интересамъ Франца-Іосифа. Это съ особенной ясностью обнаружилось, когда послѣ подавленія венгерской революціи императоръ пожаловалъ ему высшіе австрійскіе ордена „за содѣйствіе сохраненію династіи и неприкосновенности имперіи“. Въ то же самое время Александръ не позволялъ посылать никакой помощи возставшимъ босякамъ; султанъ въ свою очередь наградилъ его за это орденомъ Нишамъ-Ифтикаръ и званіемъ *мушира* (маршала).

Когда начался конфликтъ, приведшій къ Крымской войнѣ, сербскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ Илья Гарашанинъ, выдающійся человѣкъ, получившій политическое воспитаніе на Западѣ. Онъ понялъ, что Сербія, поставленная между Австріей, Россіей и Турціей, ненавидимая одной и подстерегаемая обѣими другими, ничего не имѣвшими противъ ея существованія, но не желавшими допустить ея усиленія, что Сербія должна искать себѣ опоры на Западѣ и особенно во Франціи. Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія русскаго правительства, и Меньшиковъ во время своего пребыванія въ Константинополѣ потре-

бовалъ отъ князя Александра, чтобы онъ подъ угрозой разрыва дипломатическихъ сношеній уволилъ своего министра въ двадцать четыре часа. Князь подчинился этому требованію.

Это грубое вмѣшательство Россіи во внутреннія дѣла княжества возстановило противъ нея сербскій народъ, что́ позволило Александру сохранить во все продолженіе Крымской войны строгій нейтралитетъ. За эту мудрую политику Сербія была награждена на Парижскомъ конгрессѣ; она была освобождена отъ русскаго протектората, а ея вольности были торжественно подтверждены и поставлены подъ коллективную гарантію великихъ державъ.

Такой удачный результатъ долженъ былъ бы, повидимому, упрочить положеніе князя; но на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не произошло. Открытое вмѣшательство Австріи въ дѣла управленія раздражало сербскій народъ, который, съ другой стороны, былъ недоволенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что его держали вдалекѣ отъ дѣлъ: съ 1842 года скупщина ни разу не была созвана. Еще сильнѣе сербы были возмущены слабостью князя, пальцемъ о палецъ не ударившаго для того, чтобы добиться отъ султана полнаго примѣненія *гатти-шерифа* 1830 года и статей, коими туркамъ воспрещалось проживать внѣ крѣпостей.

Въ октябрѣ 1857 года раскрытъ былъ заговоръ, въ которомъ принимали участіе президенты сената и Кассаціоннаго суда; послѣ секретнаго дознанія заговорщики были приговорены къ смертной казни. Державы не допустили привести этотъ приговоръ въ исполненіе; князь замѣнилъ смертную казнь каторжными работами, а затѣмъ изгнаніемъ, благодаря вмѣшательству Порты, побуждаемой Франціей и Россіей. Покушеніе на англійскаго генеральнаго консула, совершенное въ Бѣлградѣ однимъ туркомъ (7 іюня 1858 года), сдѣлало созывъ скупщины необходимымъ; на этотъ разъ это было не собраніе тысячъ сербовъ, нѣчто въ родѣ всенароднаго схода, а настоящая выборная палата.

Скупщина собралась 30 ноября 1858 года, въ день Андрея Первозваннаго. Въ большинствѣ своемъ враждебная князю, „Свято - Андреевская скупщина“ (подъ этимъ названіемъ она извѣстна въ исторіи Сербіи) прежде всего составила списокъ жалобъ, а затѣмъ назначила комиссію изъ семнадцати человѣкъ, на которую возложена была „забота о спасеніи отечества“. Комиссія первымъ долгомъ потребовала, чтобы Александръ отрекся отъ престола; князь укрылся въ цитадель, занятую турками. Скупщина провозгласила низложеніе Александра и въ томъ же засѣданіи избрала сербскимъ княземъ Милоша Обреновича „съ правомъ, предоставленнымъ ему нѣкогда Оттоманской Портой, передать престолъ по наслѣдству“; послѣдней фразой она подчеркивала свое желаніе поднять достоинство Сербіи и сдѣлать княжеское званіе совершенно независящимъ отъ прихоти султана.

Милошъ Обреновичъ. — Милошъ, находившійся въ то время въ Бухарестѣ, былъ немедленно признанъ Наполеономъ и царемъ; ихъ примѣру послѣдовала Турція. Австрія, которой угрожала потеря вліянія въ Бѣлградѣ, проявила свое недовольство въ чисто ребяческой формѣ, воспретивши Дунайской Компаніи предоставить въ распоряженіе князя какой-либо пароходъ. Въѣздъ Милоша въ Бѣлградъ (2 января 1859 г.) совершился въ самой торжественной обстановкѣ; общество забыло про его деспотическіе пріемы въ прежнее время. „Единственной моей заботой отнынѣ,—сказалъ онъ,—будетъ сдѣлать васъ счастливыми, васъ, моихъ единственныхъ братьевъ, васъ и вашихъ дѣтей, которыя являются также и моими дѣтьми и которыхъ я люблю, какъ моего единственнаго сына, *наслѣдника сербскаго*

престола, князя Михаила". Такимъ образомъ Милошъ съ первыхъ же словъ высказалъ твердое намѣреніе возстановить принципъ наслѣдственности сербской короны, не считаясь съ желаніями султана по этому поводу. Съ своей стороны, скупщина объявила (сентябрь 1859 г.) княжеское достоинство наслѣдственнымъ въ родѣ Обреновичей и предоставила князю право усыновленія на тотъ случай, если княжескій родъ угаснетъ; она установила совершеннолѣтіе князя въ 18 лѣтъ и выработала условія регентства въ случаѣ несовершеннолѣтія князя.

Такимъ образомъ Сербія, не дожидаясь органическаго регламента отъ своего сюзерена, сама выработала для себя законы и ограничилась тѣмъ, что предложила ихъ султану на утвержденіе; послѣдній отказалъ въ своей ратификаціи. Милошъ, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ, 7 мая 1860 года отвѣтилъ меморандумомъ, въ которомъ, снова повторяя просьбу о ратификаціи принятыхъ скупщиной законовъ, требовалъ точнаго примѣненія *гатти-шерифа* 1830 года въ тѣхъ пунктахъ, которые касались незаконнаго проживанія турокъ въ Сербіи. Порта отклонила его требованіе; тогда 22 августа Милошъ торжественно заявилъ, что „никогда ни онъ лично, ни народъ сербскій не перестанутъ смотрѣть на всѣ постановленія, заключающіяся въ меморандумѣ 7 мая, какъ на пріобрѣтенныя и неотмѣняемыя права".

Этой декларацiей фактически провозглашалась независимость Сербіи. Черезъ мѣсяцъ, 26 сентября, Милошъ умеръ. Сынъ его, Михаилъ, принялъ власть „самостоятельно, въ качествѣ наслѣдственнаго князя, въ силу пожеланій сербской націи, *согласно закону 1859 года*". Это равносильно было открытому вызову по адресу сюзерена, который тѣмъ не менѣе далъ Михаилу свою инвеституру.

Князь Михаилъ.—Князь Михаилъ въ моментъ вступленія на престолъ имѣлъ 37 лѣтъ отъ роду. Его обширный умъ развился и созрѣлъ въ продолженіе шестнадцати лѣтъ, проведенныхъ въ изгнаніи; онъ посѣтилъ главные европейскіе города: Берлинъ, Лондонъ, Парижъ, проникся западными идеями и поставилъ себѣ задачей довести до конца освобожденіе своей страны, добиться удаленія турецкихъ войскъ, расположенныхъ еще въ крѣпостяхъ, подготовить и осуществить возстановленіе стариннаго сербскаго королевства, вырвавши изъ-подъ власти султана еще подчиненныхъ ему сербовъ, т.-е. босняковъ и герцеговинцевъ.

Возстаніе 1862 года могло бы доставить удобный случай для частичнаго осуществленія этого плана, если бы Сербія оказалась подготовленной въ военномъ отношеніи; князю Михаилу пришлось ограничиться принятіемъ нѣкоторыхъ мѣръ въ защиту несчастныхъ бѣглецовъ, искавшихъ спасенія отъ мстительности турокъ, и изданіемъ закона, дозволявшаго имъ селиться въ княжествѣ (17 апрѣля 1862 г.). Въ то же время Михаилъ провелъ законъ объ организаціи національной милиціи, составившей резервъ для постоянной арміи; протесты Турціи по этому поводу были одобрены Англіей, но встрѣтили самый дурной пріемъ со стороны Франціи и Россіи, которыя относились къ князю Михаилу съ явной симпатіей.

Вопросъ о турецкихъ гарнизонахъ. — Вскорѣ разыгрался очень серьезный конфликтъ, во время котораго Франція рѣшительно приняла сторону князя Махаила. Между жителями Бѣлграда и мусульманами, остававшимися тамъ вопреки договорамъ, происходили частыя стычки; 16 іюня 1862 года одинъ турецкій сержантъ убилъ сербскаго ребенка у фонтана; населеніе взялось за оружіе. Началась битва, которая была прекращена только благодаря энергическому вмѣшательству Гарашанина и французскаго консула Тастю; сербы въ силу писанаго соглашенія позволили турецкому населенію

Бѣлграда войти въ цитадель. На слѣдующій день, въ девять часовъ утра, когда инцидентъ казался совершенно улаженнымъ, цитадель открыла по городу огонь, осыпая его въ продолженіе пяти часовъ бомбами и ядрами.

Этотъ варварскій поступокъ возмутилъ Европу, и Друэнъ-де-Люисъ предложилъ немедленно созвать въ Константинополѣ конференцію; французскій посланникъ Мустье, поддержанный русскимъ и итальянскимъ посланниками, потребовалъ очищенія еще занятыхъ турецкими гарнизонами укрѣпленныхъ пунктовъ. Австрія воспротивилась этому требованію, а Англія, относившаяся къ сербамъ съ еще бо́льшей враждой, осмѣлилась предложить протоколъ, оправдывавшій происшедшую бомбардировку и разрѣшавшую будущія бомбардировки. Протоколъ, подписанный 8 сентября, требовалъ разрушенія двухъ крѣпостцъ, Сокола и Ужицы; кромѣ того, турки, проживавшіе еще въ городахъ, должны были выѣхать, оставивши свое недвижимое имущество сербскому правительству за извѣстное вознагражденіе. Это равносильно было примѣненію *гаттишерифа* 1830 г., котораго въ свое время тщетно добивался Милошъ.

Но вопросъ не былъ еще рѣшенъ окончательно; было до очевидности ясно, что сербы не успокоятся до тѣхъ поръ, пока турецкіе солдаты не оставятъ крѣпостей. „Всякій дѣйствительный прогрессъ невозможенъ въ Сербіи до тѣхъ поръ,—говорила скупщина въ адресѣ князю,—пока крѣпости держатъ страну въ вѣчномъ страхѣ“. Въ 1867 году Австрія, въ министерство Бейста, перестала сопротивляться этой эвакуаціи, которой всегда требовала французская дипломатія. Послѣдніе турецкіе солдаты были отозваны, и единственнымъ символомъ вассальнаго подчиненія Сербіи осталось турецкое знамя, развѣвавшееся надъ Бѣлградской цитаделью рядомъ съ трехцвѣтнымъ сербскимъ знаменемъ.

Смерть князя Михаила.—Однако князь Михаилъ продолжалъ усиливать свою армію и организовывать милицію при содѣйствіи французскаго полковника Мондэна. Парижскій, Вѣнскій и Лондонскій кабинеты начали съ безпокойствомъ смотрѣть на лихорадочную дѣятельность и честолюбивыя стремленія юнаго княжества, этого „восточнаго Пьемонта“; державы сдѣлали даже сербскому правительству представленія, не имѣвшія никакого результата. Во избѣжаніе конфликта султанъ подумывалъ даже назначить князя Михаила пожизненнымъ губернаторомъ Босніи за уплату извѣстной дани, когда 10 іюня 1869 г. во время прогулки въ Оленьемъ паркѣ онъ былъ умерщвленъ бандой убійцъ, выскочившихъ изъ-за кустовъ. Глава заговора, вербовавшій своихъ сторонниковъ даже среди бѣлградскихъ каторжниковъ, состоялъ въ сношеніяхъ съ княземъ Александромъ Карагеоргіевичемъ, но на процессѣ онъ заявилъ, что составилъ свой заговоръ исключительно съ цѣлью основать республику.

Смерть князя Михаила была для Сербіи величайшимъ несчастьемъ; но она лишній разъ доказала, что фактически княжество сдѣлалось независимымъ. Хотя султанъ не призналъ закона 1859 г. о престолонаслѣдіи, тѣмъ не менѣе сербскимъ княземъ немедленно былъ провозглашенъ ближайшій родственникъ Михаила, его внучатный племянникъ, Миланъ Обреновичъ, четырнадцатилѣтній мальчикъ, воспитывавшійся тогда въ парижскомъ лицеѣ Людовика Великаго.

Въ правленіе Александра и Михаила Сербія сдѣлала большіе успѣхи въ культурномъ отношеніи. Въ 1856 году основаны были школьные классы для развитія первоначальнаго народнаго образованія; въ 1863 году организованы были среднія учебныя заведенія *(гимназіи)*, въ 1858—1865 гг.—реальное образованіе *(реальныя училища)* и преобразованы были высшія учебныя заведенія *(великая*

школа). Въ 1844—1865 гг. обнародованы были своды гражданскій, уголовный и торговый и изданъ законъ о судебномъ устройствѣ; въ 1864 г. изданъ законъ объ устройствѣ податной системы. Въ 1853 году открыта военная академія, а въ 1861 г. учреждено военное министерство; двумя законами 1861 и 1864 г. организована была армія, которая при полной мобилизаціи состояла изъ 150.000 человѣкъ (въ странѣ, насчитывавшей около 1 милліона жителей).

Дунайскія княжества.—Въ то время какъ Сербія съ помощью Франціи и Россіи добивалась права на полное самоопредѣленіе, Дунайскія княжества при содѣйствіи тѣхъ же двухъ державъ осуществили свое объединеніе.

Такъ какъ Парижскимъ трактатомъ Балта-Лиманскій договоръ былъ отмѣненъ, то естественно возникалъ вопросъ о реорганизаціи Молдавіи и Валахіи, поставленныхъ подъ коллективный протекторатъ европейскихъ державъ. Выполненіе этой задачи возложено было на европейскую комиссію, которой помогали въ ея работѣ два *дивана*, выбранные населеніемъ княжествъ.

Среди европейскихъ державъ Франція, Россія и Пруссія благосклонно относились къ объединенію румынской націи; Франція внесла на Парижскомъ конгрессѣ предложеніе въ этомъ смыслѣ, и всѣ прекрасно знали, что свободно выбранные депутаты обоихъ княжествъ навѣрно потребовали бы того же. Турція, Австрія и Англія желали сохранить *statu quo*; Англія опасалась, чтобы объединенное румынское государство не сдѣлалось опаснымъ для Турціи союзникомъ русскихъ; Австрія боялась, что сліяніе Молдавіи и Валахіи послужитъ заразительнымъ примѣромъ для трансильванскихъ румынъ; кромѣ того, занимая своими войсками княжества до ноября 1856 года, она надѣялась рано или поздно окончательно присоединить ихъ къ своимъ владѣніямъ. Поэтому въ іюнѣ 1857 года Англія и Австрія заключили тайный договоръ, имѣвшій цѣлью воспрепятствовать объединенію Молдавіи и Валахіи.

Выборы, произведенные (іюль 1857 г.) подъ надзоромъ назначенныхъ Портой каймакановъ, благодаря беззастѣнчивому давленію, оказались крайне благопріятными для противниковъ объединенія; Франція, Россія, Пруссія и Сардинія потребовали признанія этихъ выборовъ недѣйствительными и добились отъ султана удовлетворенія этого требованія только послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній съ Константинополемъ (6 августа 1857 г.). Оба *дивана*, выбранные въ сентябрѣ, потребовали объединенія обоихъ княжествъ въ одно, во главѣ котораго былъ бы поставленъ какой-нибудь изъ иностранныхъ принцевъ, введенія представительнаго правленія и объявленія новаго государства нейтральнымъ.

Султанъ распустилъ диваны. Но такъ какъ послѣ свиданія въ Штутгартѣ между царемъ и Наполеономъ III установилось тѣсное согласіе, то оба они потребовали созыва въ Парижѣ конференціи для улаженія вопроса о княжествахъ (май—августъ 1858 г.). Конференція закончилась компромиссомъ; княжества сохраняли отдѣльныя представительныя собранія и каждое имѣло своего государя, выбираемаго собраніями изъ среды мѣстныхъ уроженцевъ; но зато въ Фокшанахъ учреждалась общая для обоихъ княжествъ Центральная Комиссія, Верховный Судъ и кассаціонный трибуналъ; Молдавія и Валахія получили названіе *Соединенныхъ Княжествъ*.

Князь Куза. Румынія.—Молдаване и валахи воспользовались этимъ рѣшеніемъ для осуществленія національнаго единства; оба *дивана* избрали господаремъ одно и то же лицо, полковника Александра Кузу (январь 1859 г.). Турція, конечно, протестовала; въ Парижѣ собралась вторая конференція, и въ концѣ-концовъ

султанъ „въ видѣ исключенія“ далъ ему эту двойную инвеституру (сентябрь 1859 г.).

Князь составилъ два отдѣльныхъ министерства: одно въ Яссахъ, а другое въ Бухарестѣ; эта комедія продолжалась два года. Но въ маѣ 1861 года оба *дивана* высказали пожеланіе, чтобы оба собранія сошлись для совмѣстнаго обсужденія вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ, а по случаю годовщины революціи 1848 года сорокъ тысячъ человѣкъ устроили манифестацію, требуя полнаго объединенія княжествъ. Порта снова уступила; въ декабрѣ она изъявила согласіе на объединеніе обоихъ княжествъ въ законодательномъ и административномъ отношеніяхъ; допустивши для обѣихъ провинцій одного князя, она теперь допустила одно собраніе и единое министерство. На всякій случай она сдѣлала оговорку, что ограничиваетъ свое разрѣшеніе исключительно правленіемъ князя Кузы, но тѣмъ не менѣе послѣдній въ прокламаціи къ своимъ народамъ имѣлъ полное право заявить, что „отнынѣ Румынія основана“ (23 сентября 1861 года).

15 февраля оба *дивана* составили единое національное собраніе въ Бухарестѣ, который сдѣлался столицей новаго княжества. Почти съ самаго начала вспыхнулъ конфликтъ между княземъ, намѣревавшимся управлять страной по своему произволу, по-диктаторски, и состоявшимъ изъ дворянъ большинствомъ собранія, которое требовало примѣненія конституціоннаго режима. Собраніе констатировало, а князь подготовлялъ государственный переворотъ; убійство президента совѣта, Барбо-Катарджи, у самыхъ дверей собранія на время измѣнило намѣренія большинства, которое предоставило князю на шесть мѣсяцевъ диктаторскія полномочія (10 іюня 1862 г.).

Дѣло „посвященныхъ монастырей“.—Международныя осложненія, вызванныя вопросомъ о „посвященныхъ монастыряхъ“, привели къ почти полному примиренію враждовавшихъ сторонъ, объединенныхъ патріотическимъ чувствомъ. Въ Румыніи существовало множество очень богатыхъ монастырей; многіе изъ нихъ, скверно управляемые занимавшими ихъ общежитіями, особыми княжескими грамотами поставлены были подъ надзоръ иностранныхъ монастырей, Іерусалимскаго, Аѳонскаго и Синайскаго, пользовавшихся громкой репутаціей. Доходы съ монастырскихъ имуществъ должны были употребляться „на благотворительныя и богоугодныя дѣла внутри страны“, и только излишки должны были идти на заграничныя предпріятія; но въ дѣйствительности почти всѣ доходы румынскихъ монастырей присваивались константинопольскимъ патріархомъ и греческими монахами.

Такимъ образомъ, по словамъ европейской комиссіи, собравшейся въ 1857 году, въ рукахъ иностранцевъ очутилась восьмая часть молдаво-валахской земли; комиссія пришла къ тому заключенію, что „такое положеніе вещей весьма плачевно“ и что греческіе монахи за извѣстную годичную ренту должны уступить румынскому правительству имущества „посвященныхъ монастырей“. Послѣднее въ полученныхъ такимъ образомъ земельныхъ владѣніяхъ, подвергнутыхъ болѣе раціональной обработкѣ, должно было найти необходимыя средства для упорядоченія своего финансоваго хозяйства и для улучшенія участи нѣкоторой части крестьянъ, которые до сихъ поръ были простыми арендаторами и которыхъ предполагалось сдѣлать собственниками обрабатываемой ими земли. Но Россія, для которой греческіе монахи играли роль политическихъ агентовъ, высказалась противъ заключеній комиссіи, а Порта поддержала протесты царя.

Въ 1863 году вопросъ не получилъ еще разрѣшенія; тогда князь Куза рѣшилъ наложить секвестръ на имущества „посвященныхъ“ монастырей, предложивши выплатить греческимъ монахамъ извѣст-

ное вознагражденіе. Послѣднимъ удалось помѣшать благополучному исходу переговоровъ князя съ Портой; тогда палата вотировала секуляризацію всѣхъ монастырей, „посвященныхъ“ и другихъ (15 декабря). Около того же времени Франція заявила, что она не допуститъ никакихъ репрессивныхъ мѣръ, направленныхъ противъ Румыніи; Порта приняла вознагражденіе, предложенное греческимъ монахамъ, которые заявили, что они не могутъ согласиться ни на экспропріацію, ни на предложенное имъ вознагражденіе (сентябрь 1864 года).

Князь воспользовался этимъ конфликтомъ для того, чтобы превратить румынскую церковь въ національную и сдѣлать ее совершенно независимой отъ Константинопольскаго вселенскаго патріархата. Сначала онъ присвоилъ себѣ право назначать митрополитовъ и епархіальныхъ епископовъ; а затѣмъ онъ объявилъ ихъ подсудными національному синоду по духовнымъ дѣламъ и кассаціонному суду по всѣмъ другимъ дѣламъ. Первое засѣданіе перваго національнаго синода состоялось 13 декабря 1865 года. Такимъ образомъ разбито было еще одно изъ звеньевъ той цѣпи, которая привязывала Румынію къ Турціи.

Государственный переворотъ 14 мая.— Согласіе, установившееся между княземъ и палатой по поводу „посвященныхъ монастырей“, рушилось даже раньше, чѣмъ этотъ вопросъ былъ окончательно разрѣшенъ. Впервые палата вотировала порицаніе князю въ 1863 году; составленная почти исключительно изъ дворянъ, представлявшихъ меньшинство румынскаго населенія, она высказывалась противъ всякихъ проектовъ демократическихъ реформъ, задѣвавшихъ эгоистическіе интересы и предразсудки дворянства. Когда палата вотировала порицаніе министерству зато, что оно внесло аграрный законопроектъ, клонившійся къ превращенію крестьянъ-арендаторовъ въ собственниковъ, то князь рѣшился на государственный переворотъ, который онъ давно уже замышлялъ.

14 мая 1864 года палата была распущена, а свобода печати временно отмѣнена; князь обнародовалъ избирательный законъ, вводившій всеобщую подачу голосовъ, и дополнительный конституціонный актъ, коимъ наряду съ палатой учреждался сенатъ. Народъ, призванный высказаться по поводу этого переворота, одобрилъ дѣйствія князя 713.285 голосами противъ 57 „нѣтъ“ и 70.000 воздержавшихся. Этотъ государственный переворотъ, являвшійся подражаніемъ *coup d'état* 2 декабря, доставилъ князю Кузѣ энергическую поддержку Наполеона III, а слѣдовательно, и одобреніе Турціи, а затѣмъ и всей Европы.

Протоколомъ 27 іюня за Румыніей признано было даже право измѣнять порядокъ своего внутренняго управленія, не обращаясь къ утвержденію султана. Такимъ образомъ Румынія, болѣе счастливая, чѣмъ Сербія, юридически и фактически добилась неограниченной внутренней автономіи, которую Сербія фактически тоже завоевала, но которая юридически ей не была предоставлена.

Съ этого момента князь Александръ началъ управлять съ помощью декретовъ. Въ такой именно формѣ онъ осуществилъ самую настоятельную реформу—аграрную. Сначала крестьяне были освобождены отъ барщины; а затѣмъ они получили въ собственность тѣ земли, которыя раньше находились только въ ихъ пользованіи. Съ этой цѣлью государство совершило принудительное отчужденіе около двухъ третей помѣщичьей земли за извѣстное вознагражденіе и роздало эти земли 400.000 крестьянскихъ семей, которыя въ теченіе пятнадцати лѣтъ должны были вносить выкупные платежи.

Затѣмъ князь создалъ законченную систему общинныхъ и окружныхъ совѣтовъ, построенную по французскому об-

разцу, подобно тому какъ румынскій сводъ гражданскихъ законовъ, уложеніе о наказаніяхъ и судебные уставы скопированы были съ Наполеоновскихъ кодексовъ; онъ ввелъ судъ присяжныхъ для уголовныхъ преступленій, установилъ акты гражданскаго состоянія, объявилъ первоначальное образованіе обязательнымъ, основалъ сельскохозяйственныя комиціи и конскіе заводы, измѣнилъ законъ о рекрутскомъ наборѣ. И наконецъ ему удалось на очень выгодныхъ условіяхъ заключить заемъ, необходимый для уплаты обѣщаннаго вознагражденія экспропріированнымъ монашескимъ общинамъ.

Все это было выполнено въ продоженіе семи мѣсяцевъ. Палата, избранная въ декабрѣ и собравшаяся черезъ нѣсколько дней послѣ выборовъ, утвердила всѣ дѣйствія князя и въ теченіе почти цѣлаго года послушно вотировала все, что отъ нея требовали. Но реформы, затронувшія множество частныхъ интересовъ: диктаторскій режимъ, нежеланіе румынскихъ бояръ подчиняться князю, вышедшему изъ ихъ же среды,—все это доставило Кузѣ массу враговъ; число недовольныхъ еще возросло, благодаря повышенію налоговъ и финансовымъ скандаламъ, въ которыхъ оказались замѣшанными нѣкоторые изъ приближенныхъ князя. Произошло нѣсколько бунтовъ, подавленныхъ строгими мѣрами.

Князь Карлъ Гогенцоллернъ. — Въ ночь съ 22 на 23 февраля 1866 года, въ Бухарестѣ, князь, въ спальню котораго ворвалась группа военныхъ заговорщиковъ подъ предводительствомъ депутата-журналиста Розетти, принужденъ былъ подписать отреченіе отъ престола. Учреждено было временное правительство, а затѣмъ начались поиски государя; всѣ румыны сошлись на томъ, что корона должна быть предложена иностранному принцу. Сначала они избрали графа Фландрскаго, брата бельгійскаго короля, но онъ отказался отъ предложеннаго ему престола по личному приглашенію Наполеона III. Россія интриговала въ Молдавіи противъ единства; поэтому необходимо было найти такого кандидата, который былъ бы угоденъ Наполеону III и благодаря которому временное объединеніе княжествъ могло бы такимъ образомъ быть увѣковѣчено.

Выборъ палъ на принца Карла Гогенцоллерна, родственника Наполеона и племянника прусскаго короля, лейтенанта 2-го гвардейскаго драгунскаго полка прусской арміи. Собравшаяся въ Парижѣ европейская конференція, вопреки мнѣнію Франціи, отвергла эту кандидатуру и заявила, что она согласна только на избраніе румына. Прусскій король, котораго оскорбляла мысль о томъ, что Гогенцоллернъ можетъ быть вассаломъ султана, убѣждалъ своего племянника подождать, но Бисмаркъ посовѣтовалъ ему „сдѣлать рѣшительный шагъ и немедленно выѣхать въ Румынію“, для того чтобы державы очутились передъ „совершившимся фактомъ“. Такое же мнѣніе высказалъ и Наполеонъ.

22 мая князь былъ уже въ Бухарестѣ. Турція начала готовиться къ вооруженному вмѣшательству, но державы, хотя и порицавшія образъ дѣйствій принца, воспротивились осуществленію турецкаго плана. Въ концѣ-концовъ султанъ по совѣту Франціи призналъ принца Карла, который пріѣхалъ (октябрь 1866 г.) въ Константинополь за полученіемъ инвеституры. Объединеніе княжествъ окончательно было освящено, а княжеское достоинство сдѣлалось наслѣдственнымъ.

Конституція 1866 года. — Палаты выработали и приняли новую конституцію, составленную по образцу бельгійской конституціи и вводившую національную гвардію, а также свободу собраній и печати; законодательная власть принадлежала двумъ палатамъ: *сенату*, выбираемому двумя коллегіями избирателей, удовлетворявшихъ извѣстному цензу и *палатѣ депутатовъ*, выбираемой четырьмя колле-

гіями, въ которыя входили всѣ плательщики налоговъ. Назначаемые королемъ министры были отвѣтственны передъ парламентомъ; административное устройство было организовано по французскому образцу съ сильной централизацiей и съ раздѣленіемъ страны на префектуры и су-префектуры.

Примѣненіе парламентскаго режима на практикѣ совершалось не безъ частыхъ министерскихъ кризисовъ. Три партіи ожесточенно оспаривали власть другъ у друга: *бѣлая* или консервативная партія, составленная изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, враждебная реформамъ и стоявшая за союзъ съ Россіей; *красная* или либеральная партія, составленная изъ буржуа и сторонниковъ союза съ Германіей и Австріей (понятно, что эта партія пользовалась поддержкой князя. Во главѣ ея стоялъ Иванъ Братіано „румынскій Бисмаркъ"; но скоро въ рядахъ этой партіи произошелъ расколъ и отъ нея отдѣлилась подъ руководствомъ Розетти вліятельная группа, выдвинувшая требованіе всеобщаго избирательнаго права); наконецъ, *молодая правая*, враждебно выступившая противъ политики Братіано.

Братіано произвелъ новые выборы и съ декабря 1867 г. располагалъ вѣрнымъ большинствомъ; кромѣ того, онъ пользовался поддержкой князя, цѣнившаго въ немъ выдающуюся энергію.

Серьезныя затрудненія возникли въ 1868 г. для румынскаго правительства по поводу вопроса о положеніи евреевъ въ Молдавіи (такъ какъ международная еврейская печать раздула неважные инциденты, имѣвшіе мѣсто въ Бакау, стараясь возбудить европейское общественное мнѣніе), а затѣмъ по поводу образованія болгарскихъ повстанческихъ бандъ въ Журжевѣ. Державы заподозрили, что Румынія замышляетъ напасть на Турцію, вниманіе которой было тогда отвлечено критскими и греческими дѣлами; принятіе военнаго закона (13 іюня), доводившаго численность арміи въ военное время до 150.000 человѣкъ, сдѣланные берлинскимъ фирмамъ заказы оружія, отправка посольства въ Россію съ цѣлью сближенія съ русскимъ правительствомъ — все это, повидимому, подтверждало возникшія подозрѣнія. Турція, Австрія, Франція и Англія приняли угрожающее положеніе, и министерство Братіано въ концѣ 1868 года вышло въ отставку.

Это послужило исходнымъ пунктомъ для цѣлаго ряда новыхъ министерскихъ кризисовъ (два въ 1869 году и четыре въ 1870 г.) и распущеній палатъ; положеніе князя при такихъ условіяхъ не могло упрочиться, такъ что событія 1870 года въ виду обнаруженныхъ Румыніей симпатій къ Франціи чуть было не привели къ паденію Карла.

Итоги: французское вліяніе съ 1848 до 1870 года. — Если мы бросимъ общій взглядъ на исторію балканскихъ государствъ за періодъ 1848 — 1870 гг., то мы замѣтимъ слѣдующіе основные факты.

Прежде всего, въ главномъ государствѣ Балканскаго полуострова, въ Турціи, сдѣлана попытка измѣнить традиціонный религіозно-сектантскій характеръ государственнаго устройства, но эта попытка разбилась о сопротивленіе турецкихъ консерваторовъ и объ основательное недовѣріе христіанъ. Такимъ образомъ старыя учрежденія были приведены въ окончательное разстройство, не будучи въ то же время замѣнены новыми, раціональными, здравыми и прочными учрежденіями; въ результатѣ получилась административная анархія и полный финансовый безпорядокъ.

Второстепенныя государства Балканскаго полуострова стремились къ достиженію двоякой цѣли. Тѣ изъ нихъ, которыя оставались вассалами Турціи, какъ напр., Сербія и Дунайскія княжества, старались все болѣе ослабить узы вассальныхъ отношеній и превратить свою автономію въ независимость. Въ этомъ пунктѣ

они встрѣтили полное сочувствіе и дѣятельную поддержку со стороны французской дипломатіи, благодаря которой они добились права устраивать свои внутреннія дѣла съ полной свободой и безъ всякаго посторонняго контроля. Инвеститура, даваемая Портой ихъ князьямъ, обратилась въ формальную церемонію и въ простой символъ верховной власти султана.

Кромѣ того, всѣ они старались завершить свое національное объединеніе, но только Молдавія и Валахія добились своей цѣли и составили одно государство, Румынію. Убійство князя Михаила помѣшало объединенію Сербіи съ Босніей, которое могло бы состояться въ какой-нибудь формѣ. Европейскія державы, въ особенности Англія и Австрія, не допустили присоединенія Крита къ Греціи. Въ этой области французская политика отличалась болѣе нерѣшительнымъ характеромъ. Теоретически она относилась благопріятно къ развитію національностей. *Въ Крыму французскія войска сражались не за Турцію, а противъ Россіи.* Для того, чтобы преградить Россіи дорогу къ Средиземному морю, Наполеонъ хотѣлъ на мѣсто клонившейся къ разложенію Турціи поставить новыя и сильныя государства, объединенныя въ союзъ [1]).

Такъ какъ созданіе объединенной Румыніи не связано было съ какимъ-либо раздѣломъ Турецкой имперіи, то являлась возможность энергически поддержать дѣло румынскихъ уніонистовъ и доставить ему побѣду, не рискуя вызвать европейскую войну; и Наполеонъ воспользовался этой возможностью. Но по отношенію къ другимъ балканскимъ странамъ дѣло обстояло иначе; здѣсь Франція столкнулась бы съ Англіей и Австріей, враждебно относившимися къ мысли о какихъ бы то ни было перемѣнахъ на Балканскомъ полуостровѣ. Такое отношеніе Англіи объяснялось систематическимъ и традиціоннымъ противодѣйствіемъ французской политикѣ, а отношеніе Австріи — тѣмъ, что *она сама является Турціей центральной Европы,* что нѣкоторыя провинціи складывавшихся Балканскихъ государствъ подчинены ея игу и что въ тотъ день, когда произойдетъ раздѣлъ Оттоманской имперіи, добившіеся независимости сербы и румыны протянутъ руку своимъ братьямъ, населяющимъ берега Савы и трансильванскія возвышенности.

Франція по необходимости должна была ограничиться выраженіемъ платоническихъ симпатій и проявленіемъ своей доброй воли, тѣмъ болѣе, что въ ту эпоху, когда Сербія могла бы попытать счастья, т.-е. въ 1867—1868 гг., власть императора склонялась къ упадку, и все вниманіе Наполеона было поглощено заботами о предстоявшихъ осложненіяхъ на Западѣ. Тѣмъ не менѣе остается твердо установленнымъ тотъ фактъ, что въ періодъ 1848—1870 гг. Франція неуклонно придерживалась въ балканскихъ дѣлахъ благородной и умной политики и что въ продолженіе долгаго времени она, по выраженію румынскаго короля Карла, играла на Балканскомъ полуостровѣ „центральную роль“.

---

[1]) См. по этому поводу брошюру *V. Urechia,* L'alliance des Roumains et des Hongrois en 1859. Bucarest, 1894.

Глава VII.

Объединеніе Италіи.

1850—1870.

I. — Викторъ-Эммануилъ. Кавуръ и Наполеонъ.

(1850—1859.)

Состояніе Италіи въ 1850 году.—Послѣ революціоннаго взрыва 1848 г. и реакціи 1849 г. Италія, казалось, снова сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ ее видѣть Вѣнскій конгрессъ: географическимъ терминомъ. Вслѣдствіе проявленной ею неспособности совмѣстными силами добиваться національной независимости и политической свободы, она теперь казалась столь же далекой отъ достиженія той и другой цѣли, какъ и въ 1815 году. Раздробленная и скованная, какъ во времена Меттерниха, она снова подпала почти подъ неограниченную власть чужеземцевъ.

Австрія, покоривши Венецію и Миланъ, возстановила свое преобладаніе на Аппенинскомъ полуостровѣ; итальянскіе монархи сдѣлались попрежнему полными ея рабами, а вмѣстѣ съ тѣмъ тиранами для своихъ подданныхъ. Въ ломбардскихъ и венеціанскихъ провинціяхъ господствовала система военнаго террора; генералы Франца-Іосифа вели себя здѣсь какъ въ завоеванной странѣ и не щадили ни личности, ни имущества жителей. Герцогъ Пармскій, Карлъ III, и герцогъ Моденскій, Францискъ V, играли роль средневѣковыхъ „подестъ“, которые мучили свой собственный народъ въ такой же мѣрѣ, въ какой они холопствовали передъ Вѣнскимъ дворомъ. Въ Тосканѣ Леопольдъ II, менѣе обуреваемый чувствомъ мести, чѣмъ вышеупомянутые государи, все-таки отмѣнилъ всѣ конституціонныя вольности, бросилъ въ тюрьму или изгналъ благороднѣйшихъ патріотовъ и возобновилъ религіозныя гоненія. А для большей вѣрности онъ окружилъ себя охраной изъ 12.000 австрійскихъ солдатъ. Въ королевствѣ обѣихъ Сицилій Фердинандъ II („король-бомба“) отмѣнилъ конституцію 1848 года, возстановилъ привилегіи и царство произвола; полиція пользовалась неограниченной властью, множество лицъ казнено было за политическія преступленія, галеры и тюрьмы переполнены были лучшими гражданами, а народъ коснѣлъ въ невѣжествѣ и нищетѣ.

Въ Папской Области австрійцы занимали Романью, гдѣ папскіе легаты подвергли патріотовъ безпощаднымъ преслѣдованіямъ (за восемь лѣтъ свыше пятисотъ человѣкъ было приговорено къ смерти и казнено). Въ Римѣ присутствіе французскихъ войскъ (которыхъ Луи-Наполеонъ не рѣшался отозвать изъ страха ли-

шиться поддержки католической церкви) не допускало примѣненія подобныхъ звѣрскихъ мѣръ, но даже въ этомъ городѣ правительство выказывало крайнюю строгость и ни на іоту не отступало отъ теократическаго абсолютизма, который сдѣлался для Пія IX со времени его бѣгства въ Гаету неприкосновенной догмой. Тщетно глава французскаго правительства, краснѣвшій при мысли о томъ, что его могутъ счесть соучастникомъ этой дикой реакціи, просилъ или требовалъ отъ папы, чтобы онъ выказалъ побольше снисходительности, секуляризовалъ свою администрацію, преобразовалъ законы въ современномъ духѣ и ввелъ нѣкоторыя свободныя учрежденія. Подъ вліяніемъ деспотическаго Антонелли, Пій IX не соглашался ни на какія уступки или дѣлалъ чисто формальныя уступки [1]), оставлялъ за собой право назначенія на всѣ должности и окончательнаго рѣшенія по всѣмъ вопросамъ, сохранялъ вмѣстѣ съ церковными судами возмутительное и устарѣлое законодательство и съ крайнимъ отвращеніемъ относился къ великимъ прогрессивнымъ новшествамъ. Истинную симпатію онъ питалъ только къ Австріи. Немудрено, что тотъ папа, котораго вся Италія съ энтузіазмомъ привѣтствовала въ 1846 году какъ патріота и либерала, давно уже утратилъ всякую популярность.

Викторъ-Эммануилъ и первые годы его царствованія. — Теперь итальянцы ждали своего освобожденія не отъ Рима, а отъ Турина. Здѣсь царствовалъ съ 1849 года единственный итальянскій монархъ, оставшійся вѣрнымъ національному дѣлу и не возстановившій деспотическаго режима. Послѣ пораженія при Новарѣ Викторъ-Эммануилъ [2]), едва вступивъ на шатскій престолъ, оставленный ему Карломъ-Альбертомъ, началъ держаться — какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ — самой достойной, лойяльной и твердой политики. Этотъ молодой и мужественный король, хотя и не одаренный большимъ умомъ, скрывалъ подъ чисто солдатской грубоватостью ухватокъ и языка много здраваго смысла и проницательности. Онъ прекрасно понималъ, что опираясь на Альпы и поддерживаемый Франціей, которая изъ ненависти къ Австріи должна была раньше или позже придти къ нему на помощь, Пьемонтъ могъ сдѣлаться для итальянскихъ патріотовъ центромъ сплоченія силъ и привлечь къ себѣ всѣ ихъ симпатіи.

Для этого необходимо было, чтобы глава этого маленькаго государства жилъ въ добромъ согласіи со своимъ народомъ, соблюдалъ конституцію, нарушавшуюся и уничтожавшуюся остальными государями полуострова, и, наконецъ, (и это было главнѣе всего) смѣло велъ себя по отношенію къ Австріи. Поэтому онъ не рѣшился отмѣнить „Основной Статутъ“ 1848 года и уничтожить вольности, обезпечивавшія его функціонированіе. Тщетно Вѣнскій дворъ при подписаніи мирнаго трактата 6 августа 1849 года предлагалъ Виктору-Эммануилу составить этотъ договоръ въ менѣе обременительномъ для Пьемонта духѣ, если онъ согласится отмѣнить конституцію и открыто отказаться отъ національныхъ требованій, борцомъ за которыя выступилъ Карлъ-Альбертъ. Викторъ-Эммануилъ предпочелъ покориться всѣмъ тяжкимъ условіямъ побѣдителя, лишь бы никто не могъ упрекнуть его въ заключеніи сдѣлки съ чужеземцами, и вмѣсто того, чтобы возстановить собственное знамя Сардинскаго королевства, онъ съ гордостью сохранилъ трехцвѣтное ита-

---

[1]) «Motu proprio» отъ 12 сентября 1849 года и эдикты отъ 10 сентября 1850 года.

[2]) Родился въ Туринѣ 14 марта 1820 г., сдѣлался Сардинскимъ королемъ вслѣдствіе отреченія своего отца, Карла-Альберта, 23 марта 1849 г., Итальянскимъ королемъ въ 1861 году, умеръ въ Римѣ 9 января 1878 года.

Викторъ Эммануилъ II.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

льянское знамя, символъ реванша и національнаго освобожденія.

Благодаря ему и его умному министру Азеліо [1]), Пьемонтъ служилъ убѣжищемъ для множества эмигрантовъ, бѣжавшихъ изъ различныхъ итальянскихъ государствъ и проникшихся такимъ образомъ преданностью къ Савойскому дому. Въ продолженіе извѣстнаго періода это небольшое государство являлось какъ бы воплощеніемъ итальянскаго отечества; и всѣ прекрасно понимали, что близокъ день, когда Италія добьется своего объединенія и раздвинетъ границы Пьемонта до Адріатическаго моря и Сициліи. А пока Пьемонтъ усиливался, благодаря быстрому развитію торговли и промышленности, вооружалъ свои крѣпости, реорганизовалъ свою армію, съ твердостью отстаивалъ свои права [2]) и не поддавался запугиваніямъ даже Австріи.

Инстинктивно онъ старался сблизиться съ французскимъ правительствомъ, глава котораго, несмотря на римскую экспедицію, сохранялъ неизмѣнную симпатію къ итальянской націи и не переставалъ питать желаніе и надежду рано или поздно освободить ее изъ-подъ австрійскаго ига. Послѣ государственнаго переворота 2 декабря 1851 года Викторъ-Эммануилъ, не переставая играть свою роль конституціоннаго короля, не отказался выказать Луи-Наполеону извѣстное уваженіе, чѣмъ послѣдній былъ весьма тронутъ [3]). А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ съ самой дружеской торопливостью поспѣшилъ признать его императоромъ. Поэтому въ концѣ 1852 года Наполеонъ III не поколебался обратиться къ сардинскому посланнику, маркизу Вилламаринѣ, со слѣдующими словами: „Наступитъ время, когда обѣ наши страны въ качествѣ товарищей по оружію будутъ вмѣстѣ бороться за благородное дѣло Италіи“. Спустя нѣкоторое время, въ февралѣ 1853 года, пьемонтскій дипломатъ выслушалъ отъ императора слѣдующее заявленіе: „Слѣдуетъ подождать, чтобы какая-нибудь угроза, сдѣланная Австріей Пьемонту, доставила удобный случай“. А въ мартѣ того же года Наполеонъ III говорилъ Вилламаринѣ о „крупныхъ территоріальныхъ перетасовкахъ, которыя сдѣлаютъ возможнымъ возрожденіе итальянской національности“.

Кавуръ и его политика.—Добрыя намѣренія французскаго императора относительно Пьемонта заботливо поддерживались и ловко использованы были выдающимся государственнымъ дѣятелемъ, который сначала выдвинулся въ качествѣ сотрудника маркиза Азеліо и котораго Викторъ-Эммануилъ по счастливому наитію пригласилъ 4 ноября 1852 года на постъ перваго министра. Этому великому политическому дѣятелю выпала на долю главная слава осуществить мечту объ итальянскомъ единствѣ.

Графъ Камилло Бензо Кавуръ, родившійся въ 1810 году въ старинной дворянской семьѣ, сначала служилъ по инженерному вѣдомству, но скоро военная служба ему наскучила, и онъ вышелъ въ отставку; въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ путешествовалъ съ цѣлью самообразованія, занимался сельскимъ хозяйствомъ и изучалъ политическую экономію, а въ 1847 году онъ вмѣстѣ съ Бальбо основалъ газету „Risorgimento“ („Возрожденіе“). Будучи избранъ въ 1849 году въ палату депутатовъ, онъ въ слѣдующемъ году получилъ въ кабинетѣ Азеліо порт-

---

[1]) Президентъ совѣта съ 1849 года.

[2]) Напримѣръ, отъ посягательствъ римской куріи, которая въ 1850 году тщетно пыталась воспротивиться „Закону Сиккарди“, отмѣнявшему *foro ecclesiastico* или судебныя привилегіи духовенства. Когда министръ торговли, Санта-Роза, вскорѣ послѣ того скончался, не выразивъ раскаянья въ своемъ присоединеніи къ этому закону, то туринскій архіепископъ отказался хоронить его. Его преемникомъ назначенъ былъ графъ Кавуръ.

[3]) Такъ, напримѣръ, онъ провелъ законъ, по которому разсмотрѣніе дѣлъ объ оскорбленіи иностранныхъ правительствъ изъято было изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ.

фель земледѣлія и торговли. На этомъ посту онъ заключилъ съ нѣсколькими государствами выгодные для Пьемонта торговые договоры и небезуспѣшно старался развить естественные ресурсы страны и расширить ея коммерческія сношенія. Сардинскій парламентъ обязанъ ему господствомъ того духа дисциплины и послѣдовательности, безъ котораго осуществленіе его обширныхъ замысловъ было бы невозможно. Благодаря его усиліямъ состоялось соглашеніе (connubio) праваго центра, душой котораго онъ былъ, и лѣваго центра, которымъ руководилъ Ратацци, и сформировалось большинство, способное понимать положеніе дѣлъ съ полуслова, готовое съ самоотреченіемъ работать для будущаго и налагать на страну всѣ жертвы, необходимыя для осуществленія широкихъ плановъ Кавура, разсчитанныхъ на долгое время. Временно устраненный отъ министерской должности (16 мая 1852 года), онъ вскорѣ вернулся туда въ качествѣ президента совѣта. Съ этого момента онъ является какъ бы живымъ воплощеніемъ итальянскаго дѣла.

Отличаясь внѣшнимъ добродушіемъ, веселымъ и простымъ нравомъ, давно уже доставившимъ ему значительную популярность, Кавуръ былъ несравненнымъ дипломатомъ, умѣющимъ съ одинаковымъ искусствомъ форсировать событія и выжидать ихъ или подготовлять, наступать или уступать. Присутствіе духа никогда не покидало его; никто не умѣлъ съ такой быстротой, какъ Кавуръ, извлекать выгоду изъ встрѣчавшихся ему препятствій и заставлять ихъ служить своимъ цѣлямъ. Дерзкій и въ то же время уклончивый и осторожный, мало останавливающійся передъ соображеніями щепетильности, преданный душой и тѣломъ партіи объединенія, Кавуръ, естественно, не отличался особенной разборчивостью въ выборѣ средствъ. Но слѣдуетъ признать, что въ самомъ началѣ онъ прибѣгалъ только къ честнымъ и законнымъ пріемамъ.

Сдѣлать Пьемонтъ не только хорошо управляемой страной, но также богатымъ и хорошо вооруженнымъ государствомъ, способнымъ внушить довѣріе своимъ покровителямъ,—такова была первоначально его главная забота. Поэтому онъ старался усиленно развить сельское хозяйство, промышленность и торговлю и, не останавливаясь передъ соображеніями ложной экономіи, онъ съ большими издержками покрылъ страну сѣтью желѣзныхъ дорогъ, доходы которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ возросли вдвое. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приводилъ пьемонтскія крѣпости въ оборонительное положеніе, наполнилъ арсеналы и значительно увеличилъ сардинскую армію, которая подъ командой Ламарморы вскорѣ сдѣлалась если не одной изъ многочисленнѣйшихъ, то во всякомъ случаѣ одной изъ сильнѣйшихъ въ Европѣ.

Привязанный къ свободѣ не менѣе, чѣмъ къ власти, онъ съ еще большей твердостью, чѣмъ Азеліо, отстаивалъ права гражданскаго общества противъ католической церкви и не побоялся закрытіемъ нищенствующихъ орденовъ (1854 г.) открыто задѣть римскую курію. Это энергическое поведеніе по отношенію къ св. престолу было съ тѣмъ большей симпатіей встрѣчено итальянцами, что въ это самое время австрійское правительство, казалось, цѣликомъ отдавало себя во власть папы и собиралось заключить конкордатъ 1855 года, который представлялъ собой полное самоотреченіе свѣтской власти въ пользу духовной.

Съ другой стороны, онъ благоразумно воздерживался отъ оказанія поддержки революціонной партіи, которая, подстрекаемая лондонскими эмигрантами (Мадзини и другіе), продолжала по временамъ прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ въ родѣ возстаній или убійствъ [1]). Онъ

[1]) Въ 1853 году имѣла мѣсто попытка къ возстанію, а въ слѣдующемъ году герцогъ Пармскій палъ жертвой тайныхъ обществъ.

хотѣлъ убѣдить европейскихъ монарховъ, а въ особенности императора французовъ, въ томъ, что его политика направлена не къ ниспроверженію престоловъ, а, напротивъ, къ ихъ укрѣпленію, такъ какъ она даетъ ему возможность сдерживать революціонное движеніе и руководить имъ.

Роль, сыгранная Пьемонтомъ во время Крымской войны.—Австрія, которая ясно видѣла, къ чему онъ стремится, начала угрожать ему, но не въ состояніи была его запугать. Покровительство, которое ломбардскіе эмигранты находили въ Пьемонтѣ, привело въ 1853 году къ разрыву дипломатическихъ сношеній между Вѣнскимъ и Туринскимъ дворами. Но Кавура этотъ инцидентъ тѣмъ менѣе трогалъ, что въ это самое время онъ замышлялъ обезпечить Пьемонту покровительство двухъ первоклассныхъ державъ на случай конфликта съ Австріей. Франція и Англія собирались тогда выступить въ защиту Турціи и объявить Россіи войну. Австрійскій императоръ, несмотря на громадную услугу, оказанную ему царемъ Николаемъ въ 1849 году, подавалъ этимъ державамъ надежду на свое присоединеніе къ нимъ, и Кавуръ хотѣлъ, чтобы Викторъ-Эммануилъ поступилъ точно такъ же, въ надеждѣ, что Францъ-Іосифъ, завладѣвши обширными и богатыми землями на востокѣ, согласится уступить Сардинскому королю ломбардо-венеціанскую область. А если бы австрійскій императоръ не пожелалъ впутываться въ эту войну, то предложеніе своихъ услугъ Пьемонтомъ было бы еще лучше встрѣчено западными державами и впослѣдствіи было бы вознаграждено тѣмъ щедрѣе, чѣмъ менѣе эти державы имѣли бы основаній быть довольными Австріей.

Извѣстно, что Франція и Англія, открывшія (въ апрѣлѣ 1854 года) военныя дѣйствія противъ Россіи, не были поддержаны Вѣнскимъ дворомъ, двуличная и коварная политика котораго принудила союзныя арміи оставить Дунайскія княжества и перейти въ Крымъ, гдѣ онѣ въ продолженіе цѣлаго года истощали свои силы надъ осадой Севастополя. Послѣ долгихъ и безнадежныхъ переговоровъ союзники, видя, что Австрія ихъ одурачила, рѣшили воспользоваться предложеніемъ Сардиніи.

Въ ноябрѣ 1854 года наперсникъ Наполеона III, Персиньи, отправился въ Туринъ и скоро пришелъ къ соглашенію съ Кавуромъ, который только и ждалъ возможности заключить союзъ съ западными державами. Министръ Виктора-Эммануила понималъ, что, оказывая этимъ державамъ помощь въ Крыму, Сардинія получаетъ такимъ образомъ право на участіе въ конгрессѣ, который будетъ созванъ по окончаніи войны, что на этомъ конгрессѣ она будетъ имѣть возможность поставить передъ всей Европой итальянскій вопросъ и что Англія и Франція окажутъ ей поддержку, а Россія, изъ желанія наказать неблагодарную Австрію, не станетъ ей мѣшать; что же касается Пруссіи, то не подлежало никакому сомнѣнію, что отъ нея-то Австріи нечего ждать никакой помощи.

Однимъ словомъ, союзъ былъ заключенъ 26 января 1855 года. Имѣя въ виду впослѣдствіи потребовать возможно болѣе высокой платы за свои услуги, Сардинія пожелала вступить въ коалицію не въ качествѣ простого помощника союзниковъ (какъ предполагала Англія), а какъ равноправный съ другими договаривающимися сторонами контрагентъ, на свой страхъ и рискъ. Въ виду этого она предложила выставить вспомогательный корпусъ силою въ 15.000 человѣкъ подъ командой пьемонтскаго генерала и согласилась принять предоставленную ей Англіей субсидію на содержаніе этой маленькой арміи не иначе, какъ въ качествѣ займа. Можно сказать, что изъ этого договора родилось объединеніе Италіи.

Пьемонтскій парламентъ понялъ все патріотическое значеніе этого союза и

безъ особаго сопротивленія присоединился къ смѣлой политикѣ Кавура. Вскорѣ послѣ того (въ апрѣлѣ 1855 года) войска подъ начальствомъ генерала Ламарморы отправились на востокъ. На театрѣ военныхъ дѣйствій они вели себя молодецки, особенно въ сраженіи при рѣчкѣ Черной (16 августа), и содѣйствовали удачному окончанію войны.

Поэтому, когда Австрія, опасаясь, чтобы Наполеонъ III съ цѣлью ей досадить не возбудилъ революціоннаго движенія въ Италіи, своими угрозами побудила наконецъ Россію положить оружіе, то она уже не могла воспротивиться участію Пьемонта на Парижскомъ конгрессѣ. Въ іюлѣ 1855 года Наполеонъ III объявилъ о своемъ намѣреніи привлечь Сардинію къ участію какъ въ рискѣ, такъ и въ выгодахъ войны: „Опасности, почести, выгоды,— сказалъ онъ,—все должно быть раздѣлено поровну". Вскорѣ послѣ того Виктору-Эммануилу и Кавуру оказанъ былъ какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Парижѣ знаменательно-благопріятный пріемъ, а коронованный карбонарій пригласилъ ихъ объяснить ему, что̀, по ихъ мнѣнію, онъ могъ бы сдѣлать для Италіи (ноябрь—декабрь 1855 года).

Кавуръ на Парижскомъ конгрессѣ.—На конгрессѣ, открывшемся въ февралѣ 1856 года, Сардинія заняла мѣсто, которое совершенно не соотвѣтствовало ея дѣйствительному значенію. Цѣлый рядъ затрудненій былъ улаженъ на конгрессѣ Кавуромъ, что̀ сильно увеличило и его собственный престижъ и престижъ его отечества. Всѣ державы, за исключеніемъ Австріи, въ концѣ-концовъ начали искать съ нимъ сближенія [1]). Ни для кого не составляло секрета, что тайныя стремленія Пьемонта поддерживаются Наполеономъ III. Поэтому никто не удивился, когда послѣ подписанія Парижскаго трактата президентъ конгресса Валевскій, министръ Наполеона III, основываясь на поданной ему 27 марта Кавуромъ запискѣ о печальномъ положеніи Италіи, счелъ нужнымъ обратить вниманіе высокаго собранія на ненормальное состояніе папскихъ владѣній. По его словамъ, для папы наступила пора отказаться отъ присутствія въ его владѣніяхъ австрійскихъ и французскихъ войскъ, а для этого онъ долженъ упрочить свое правленіе введеніемъ либеральныхъ учрежденій. Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію положенія остальныхъ государствъ полуострова, онъ заявилъ, что, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а въ особенности въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, крайности абсолютистской реакціи и господствующій тамъ неслыханный произволъ съ роковой неизбѣжностью подготовляютъ новыя революціонныя вспышки. Собравшіяся на конгрессѣ державы должны были сдѣлать предостереженіе такимъ монархамъ, которые, какъ, напримѣръ, неаполитанскій король, злоупотребляютъ репрессіей по отношенію къ „заблудшимъ, но не развращеннымъ" умамъ.

Эти предложенія, поддержанныя Кавуромъ, вызвали, какъ и слѣдовало ожидать, рѣзкія возраженія со стороны Австріи, и конгрессъ не посмѣлъ принять по этому поводу никакого рѣшенія. Но Валевскій, резюмируя дебаты, могъ констатировать, что австрійскіе делегаты не возражали противъ необходимости вывести иностранныя войска изъ папскихъ владѣній, какъ только эта операція не будетъ угрожать никакой опасностью для святого престола, и что большинство уполномоченныхъ признало важное значеніе мѣръ милосердія, которыя были бы кстати приняты итальянскими правительствами и въ особенности правительствомъ неаполитанскимъ (8 апрѣля 1856 года).

Вскорѣ послѣ этого, когда конгрессъ приходилъ уже къ концу (16 апрѣля), Кавуръ обратился къ парижскому каби-

[1]) Такъ, напримѣръ, не ссорясь съ Австріей, онъ успѣлъ снискать расположеніе русскаго правительства, которое ему удалось сблизить съ французскимъ.

нету съ рѣзкой запиской, въ которой онъ опредѣленно ставилъ итальянскій вопросъ и доказывалъ, что Европа безъ риска для собственнаго спокойствія не можетъ дольше его игнорировать. Положеніе дѣлъ на полуостровѣ,— говорилъ онъ,—серьезнѣе, чѣмъ когда-либо, благодаря разгулу политической реакціи и присутствію иностранныхъ войскъ. Главная отвѣтственность за всѣ бѣды падаетъ на Австрію; такъ какъ эта держава всячески мѣшаетъ лѣченію болѣзни, то въ близкомъ будущемъ на полуостровѣ несомнѣнно предстоитъ новая вспышка революціоннаго броженія. Вѣнскій дворъ разрушилъ то равновѣсіе, которое въ Италіи установлено было трактатами 1815 года; онъ угрожаетъ Пьемонту, принуждаетъ его предпринимать разорительныя вооруженія и въ каждый моментъ способенъ принудить его къ „крайнимъ мѣрамъ". Пьемонтъ оказался единственнымъ государствомъ въ Италіи, которое сумѣло сдержать революціонное движеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить національную независимость; если бы онъ палъ, то всемогущество Австріи на Аппенинскомъ полуостровѣ не встрѣтило бы больше никакихъ препятствій.

Записка приглашала западныя державы, сильно заинтересованныя въ томъ, чтобы не допустить такого исхода, принять надлежащія мѣры. И Кавуръ зналъ, что онѣ это сдѣлаютъ. Поэтому Туринскій парламентъ понялъ его съ полуслова, когда онъ (6 мая 1856 года) отдалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, утверждая при этомъ, что если въ данный моментъ Викторъ-Эммануилъ и не добился своимъ участіемъ въ Крымской войнѣ никакихъ осязательныхъ результатовъ, то тѣмъ не менѣе Пьемонтъ не напрасно расточалъ свое золото и проливалъ свою кровь.

Наполеонъ III и политика національностей.— „Будьте спокойны,—говорилъ Наполеонъ III Кавуру на прощаніе,—я предчувствую, что нынѣшній миръ долго не продолжится". И дѣйствительно, этотъ романтическій теоретикъ и любитель приключеній, для котораго принципъ національностей сдѣлался настоящей маніей, мечталъ о полномъ разрушеніи трактатовъ 1815 года и о передѣлкѣ политической карты Европы. Самой настоятельной задачей представлялось ему сплоченіе всей Италіи, къ которой онъ чувствовалъ особую симпатію, въ единый національный организмъ. Въ свое время онъ былъ членомъ боровшихся за свободу тайныхъ обществъ, но и теперь въ глубинѣ души онъ раздѣлялъ чувства старыхъ карбонаріевъ 1831 года.

Его родственники, почти всѣ итальянцы, Канино, Пеполи, Чипріани и т. д., просили его придти на помощь ихъ несчастному отечеству. Въ этомъ же духѣ дѣйствовали на него и интимно-семейныя вліянія; его двоюродный братъ, принцъ Наполеонъ, какъ по мотивамъ личнаго честолюбія [1]), такъ и по революціонному инстинкту, побуждалъ его выступить въ защиту Италіи. При этомъ онъ прекрасно понималъ, что со времени римской экспедиціи всѣ его прежніе итальянскіе друзья смотрѣли на него какъ на отступника, достойнаго, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже смерти. И онъ могъ опасаться, что если онъ не поспѣшитъ загладить причиненное Италіи зло, то рано или поздно онъ падетъ отъ руки тайнаго убійцы [2]).

Съ другой стороны, Наполеонъ III не могъ не понимать, что подать сигналъ къ революціи въ Италіи значило бы встревожить и разгнѣвить папу, которому онъ

1) Съ момента рожденія императорскаго принца (16 марта 1856 г.) принцъ Наполеонъ пересталъ считаться наслѣдникомъ престола. Поэтому онъ началъ мечтать о какой-нибудь другой коронѣ и не скрывалъ, что ему очень хотѣлось бы получить, напримѣръ, Тоскану.

2) Противъ его жизни эмигрантами организовано было уже нѣсколько заговоровъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ. И еще недавно (въ 1855 г.) произошло покушеніе Піанори.

вернулъ свѣтскую власть силой оружія и которому онъ обѣщалъ свою защиту; онъ рисковалъ такимъ образомъ возстановить противъ себя католическое духовенство, содѣйствіе котораго было ему необходимо для господства надъ Франціей, и раздражить всеобщее избирательное право, служившее основой Второй Имперіи. Такъ именно думали, вмѣстѣ съ императрицей, нѣкоторые его министры, значительная часть Законодательнаго Корпуса и огромное большинство Сената.

Но коронованный мечтатель придумалъ, какъ ему казалось, вѣрное средство для того, чтобы примирить свои личныя симпатіи съ своими интересами. По его мысли, освобожденная Италія должна была составить не унитарное государство, а конференцію, руководимую Пьемонтомъ, независимую отъ Австріи и привязанную къ Франціи по чувству благодарности и по политическимъ соображеніямъ. Папа, которому пришлось бы только потерять Романью, сохранилъ бы престолъ и не нуждался бы больше во французской охранѣ. Но думать, что итальянскіе монархи, съ одной стороны, и итальянскій народъ—съ другой, согласятся на подобную комбинацію; что принцы, находящіеся подъ австрійскимъ вліяніемъ, позволятъ вовлечь себя въ эту сдѣлку, выгодную только для Пьемонта или, скорѣе, для Франціи; что нація, призванная устроить свою судьбу, пожелаетъ остановиться на полдорогѣ; что вопросъ не осложнится вмѣшательствомъ заинтересованныхъ державъ,—думать такъ, вызывать бурю и воображать, что въ желательный моментъ удастся поставить ей предѣлы—это было непростительной наивностью, за которую Наполеону III и самой Франціи пришлось впослѣдствіи жестоко поплатиться.

Первые признаки итальянской революціи.— Вскорѣ послѣ Парижскаго конгресса тучи сгустились надъ небомъ Италіи. Неаполитанскій король, поведеніемъ котораго во время Крымской войны Англія и Франція не могли быть особенно довольны, получилъ отъ этихъ двухъ державъ суровыя представленія по поводу практикуемаго имъ правительственнаго режима и предложеніе произвести въ немъ нѣкоторыя перемѣны. Увѣренный въ поддержкѣ Австріи, онъ отвѣтилъ, что онъ не допуститъ посторонняго вмѣшательства во внутреннія дѣла своего государства, совершенно не будетъ съ ними считаться и даже усилитъ строгость репрессій противъ своихъ недовольныхъ подданныхъ. Поэтому послѣ обмѣна рѣзкими депешами между Неаполемъ, Парижемъ и Лондономъ, оба правительства, французское и англійское, отозвали своихъ посланниковъ при Неаполитанскомъ дворѣ (октябрь 1856 года).

Съ другой стороны, Наполеонъ III не могъ добиться отъ папы согласія ни на одну изъ реформъ, лойяльное осуществленіе которыхъ дало бы, по его мнѣнію, возможность эвакуировать папскія владѣнія. Поддерживаемый въ своемъ сопротивленіи кардиналомъ Антонелли и, кромѣ того, ободренный несомнѣнными успѣхами, которые сдѣланы были папствомъ за послѣднее время въ христіанскомъ мірѣ [1]), Пій IX относился не съ бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ Неаполитанскій король, къ тѣмъ совѣтамъ, которые позволяли себѣ давать ему Тюильрійскій кабинетъ и которые далеко не поддерживались австрійскимъ правительствомъ. Послѣднему, само собою разумѣется, вовсе не хотѣлось выводить свои войска изъ Папской области. Но столь же понятно, что его злая воля только усиливала ту глухую вражду, которую питалъ къ Австріи императоръ французовъ.

---

[1]) Возстановленіе католической іерархіи въ Англіи и Италіи (1850—1851); установленіе во Франціи выгодной для духовенства свободы средняго и низшаго образованія (1850); провозглашеніе догмата Непорочнаго Зачатія (1854); заключеніе конкордата съ Австріей (1855) и т. п.

Вѣнскій дворъ ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ отказаться отъ своего преобладающаго вліянія въ Италіи. Поэтому онъ съ величайшей подозрительностью слѣдилъ за всѣми шагами Сардинскаго королевства, которое, чувствуя за собой поддержку Франціи, было единственнымъ государствомъ на полуостровѣ, сопротивлявшимся австрійскому вліянію. Когда Кавуръ въ засѣданіи парламента заявилъ, что скоро наступитъ день священной войны (май 1856 г.), то австрійское правительство протестовало и объявило смѣлаго министра подстрекателемъ къ революціи. Но Кавуръ, ничуть не смущенный этимъ обстоятельствомъ, продолжалъ свое дѣло пропагандиста. Въ 1856 году Манинъ [1]), Паллавичино и Лафарина основали подъ его покровительствомъ „Національный Союзъ", который старался объединить въ своихъ рядахъ всѣ живыя силы націи для предстоящей борьбы. Въ это время Кавуръ устроилъ большой морской арсеналъ въ Спецціи, ускорилъ постройку Монсениской желѣзной дороги, укрѣпилъ Александрію, а для вооруженія этой крѣпости пушками велѣлъ открыть публичную подписку, успѣхъ которой въ Миланѣ и Венеціи не предвѣщалъ для австрійскаго правительства ничего хорошаго.

Немудрено, что Вѣнскій кабинетъ былъ крайне возстановленъ противъ Туринскаго. Онъ рѣзко упрекалъ Кавура въ томъ, что онъ позволяетъ пьемонтскимъ газетамъ нападать на императора Франца-Іосифа и на его министровъ. Совѣтникъ Виктора-Эммануила холодно отвѣтилъ, что „Основной Статутъ" не даетъ пьемонтскому правительству никакого права налагать узду на печать. Вскорѣ дипломатическія сношенія между обоими дворами были прерваны, и война казалась неизбѣжной (мартъ 1857 года).

Если она не вспыхнула въ тотъ моментъ, то только благодаря тому, что Наполеонъ III не былъ готовъ и что нѣкоторыя осложненія (Невшательскій вопросъ и вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ), наступившія послѣ Парижскаго конгресса, нѣсколько отвлекли тогда его вниманіе отъ итальянскихъ дѣлъ. Впрочемъ, пьемонтское правительство прекрасно использовало эту невольную отсрочку.

Положеніе дѣлъ на полуостровѣ становилось все болѣе серьезнымъ. Раздраженіе противъ Австріи и деспотическихъ правительствъ сдѣлалось въ Италіи всеобщимъ. Революціонная партія, побѣжденная въ 1849 году и потерявшая тогда своихъ вождей, изгнанныхъ изъ отечества, снова стала повсюду проявлять признаки жизни, а Кавуръ закрывалъ глаза на ея дѣятельность въ Пьемонтѣ. Его тактика заключалась въ слѣдующемъ: онъ старался напугать и увлечь Наполеона III тѣмъ соображеніемъ, что если онъ не поспѣшитъ подать сигналъ къ войнѣ, то будетъ опереженъ народными агитаторами, дѣйствующими на полуостровѣ, что онъ самъ, Кавуръ, и пьемонтскій король не въ силахъ будутъ совладать съ демагогіей и что республиканское движеніе, разразившись въ Италіи, перейдетъ и во Францію.

Возвратившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Америки Гарибальди [1]) от-

[1]) Манинъ проживалъ въ то время, какъ эмигрантъ, во Франціи, но подобно многимъ итальянскимъ республиканцамъ, изъ патріотическихъ побужденій примкнулъ къ Савойскому дому, который въ то время одинъ только и былъ способенъ осуществить ихъ мечту о національной независимости и объединеніи Италіи.

[1]) Джузеппе Гарибальди родился въ Ниццѣ 4 іюля 1807 года; служилъ сначала въ сардинскомъ флотѣ. Замѣшанный въ патріотическій заговоръ (1834), уѣхалъ во Францію, находился нѣкоторое время на службѣ у тунисскаго бея, затѣмъ уѣхалъ въ Америку (1836), долго сражался за республику Ріо-Гранде, а въ 1843 году поступилъ на службу къ Урагвайской республикѣ вмѣстѣ съ которой онъ сражался на сушѣ и на морѣ съ Розасомъ. Страстно преданный идеѣ національной независимости и объединенія Италіи, онъ въ

крыто сдѣлался однимъ изъ вождей „Національнаго Союза“, въ который онъ старался внести крайне интенсивный духъ. Вѣчный конспираторъ Мадзини находился въ Генуѣ, гдѣ ему съ трудомъ удавалось скрыть свое мѣстопребываніе. Въ іюнѣ 1857 года по его иниціативѣ въ этомъ городѣ сдѣлана была попытка къ возстанію. По его приказу, изъ этого порта предпринято было нѣсколько экспедицій, причемъ революціонеры высадились въ Ливорно, Террачино и на Неаполитанскомъ побережьѣ. Правда, всѣ эти экспедиціи закончились неудачей, но эти попытки возбудили новое броженіе во всей Италіи. Кавуръ пользовался революціоннымъ движеніемъ, чтобы поддерживать это броженіе. Когда Сардинское судно, на которомъ товарищи Мадзини отправились въ королевство Обѣихъ Сицилій, было захвачено неаполитанскими властями, то онъ имѣлъ смѣлость потребовать его возвращенія, а послѣ отказа Франциска II занялъ по отношенію къ этому государю такое угрожающее положеніе, какъ будто хотѣлъ вызвать военный конфликтъ (конецъ 1857 года).

Тайный договоръ въ Пломбьерѣ. — Въ такомъ положеніи находились дѣла Италіи, когда покушеніе Орсини (14 января 1858 года), которому предшествовалъ цѣлый рядъ другихъ заговоровъ итальянскихъ революціонеровъ противъ Наполеона III [1]), побудилъ этого государя не откладывать долѣе рѣшенія этого вопроса. Въ главѣ V этого тома разсказывается, какое впечатлѣніе это событіе произвело на Наполеона III; письмо, въ которомъ Орсини передъ смертью умолялъ его вернуть Италіи свободу, получило благодаря императору самую широкую огласку [1]), а Кавуръ, черезъ тайныхъ агентовъ императора получилъ приглашеніе явиться къ нему для совѣщанія о будущности Италіи.

Тайное соглашеніе, которое должно было привести къ великой войнѣ 1859 года, состоялось между министромъ Виктора-Эммануила и французскимъ императоромъ въ Пломбьерѣ (20 — 21 іюля 1858 года). Наполеонъ III и Кавуръ рѣшили, что Франція и Пьемонтъ изгонятъ австрійцевъ изъ Италіи совмѣстными силами; война должна была начаться весной слѣдующаго года; Пьемонтъ получитъ Ломбардію, Венецію и, быть можетъ, также герцогства Пармское и Моденское и Романью, и такимъ образомъ составитъ государство, насчитывающее отъ десяти до двѣнадцати милліоновъ жителей; Франція получитъ Ниццу и Савойю; къ Тосканѣ будутъ, быть можетъ, присоединены нѣкоторыя провинціи Папской области; Италія, состоящая такимъ образомъ всего изъ четырехъ государствъ, составитъ союзное государство подъ дѣйствительной гегемоніей Сардинскаго короля и подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы, какъ римскаго государя. Принцъ Наполеонъ (которому императоръ подумывалъ отдать Тосканскій престолъ) долженъ былъ сочетаться бракомъ съ старшей дочерью Виктора-Эммануила. Наконецъ, сигналъ къ войнѣ должна была подать только Франція.

Кавуръ не возражалъ на эту оригинальную комбинацію. Онъ надѣялся на то, что разъ революція начнется, то не въ

апрѣлѣ 1848 года предложилъ свои услуги Миланскому комитету обороны и во главѣ легіона волонтеровъ принялъ участіе въ первой кампаніи Карла-Альберта противъ Австріи. Генералъ римской арміи въ 1849 г., онъ принужденъ былъ послѣ понесеннаго его партіей пораженія снова покинуть Италію, отправился въ Соединенные Штаты, гдѣ онъ предался промышленнымъ занятіямъ, затѣмъ въ Китай (1852), затѣмъ въ Перу, вернулся въ 1854 г. въ Геную и послѣ того нѣкоторое время командовалъ торговымъ судномъ.

[1]) Напримѣръ, заговоръ Тибальди въ 1857 году.

[1]) Онъ не только разрѣшилъ защитнику Орсини, Жюлю Фавру, привести это письмо въ своей защитительной рѣчи, но и приказалъ напечатать его въ *Монитёрѣ* и, что еще знаменательнѣе, въ правительственной газетѣ Сардинскаго королевства.

силахъ Наполеона III будетъ остановить ее. При этомъ онъ прекрасно зналъ, какими средствами можно возбудить революціонное движеніе, расширить его и придать ему необходимую силу, тѣмъ болѣе, что въ рукахъ его находилось такое могучее оружіе, какъ „Національный Союзъ“. Такимъ образомъ министръ Виктора-Эммануила ясно видѣлъ, куда онъ идетъ, и можно только удивляться, что его царственный соумышленникъ этого не замѣчалъ и давалъ себя увлечь на это дѣло.

Прелюдіи къ великой войнѣ.— Изъ Пломбьера Кавуръ отправился въ Германію; тамъ онъ могъ убѣдиться, что Пруссія ни въ коемъ случаѣ не станетъ рисковать войной изъ-за Австріи, и полный надеждъ, возвратился въ Туринъ, гдѣ онъ открыто, съ конца 1858 года, началъ готовиться къ войнѣ и продолжать вести тайные переговоры съ Франціей. Что же касается Наполеона III, то его потворство газетамъ, требовавшимъ войны съ Австріей и освобожденія Италіи, скоро заставило публику заподозрить истинныя его намѣренія. А вскорѣ онъ взялъ на себя трудъ самому раскрыть ихъ передъ всѣмъ міромъ.

1 января 1859 года на новогоднемъ пріемѣ дипломатическаго корпуса въ Тюильрійскомъ дворцѣ онъ обратился къ австрійскому посланнику со слѣдующими словами: „Сожалѣю, что наши отношенія съ вашимъ правительствомъ стали менѣе дружественными, чѣмъ прежде...“ Эти слова возбудили въ Вѣнѣ крайнее волненіе. Нѣсколько австрійскихъ армейскихъ корпусовъ было отправлено въ Ломбардо-Венеціанское королевство, а черезъ нѣсколько дней Викторъ-Эммануилъ говорилъ въ Пьемонтскомъ парламентѣ о тучахъ, заволакивающихъ горизонтъ, о патріотическомъ долгѣ Сардиніи и заявилъ, что онъ не можетъ хладнокровно относиться къ доносящимся со всѣхъ сторонъ *стонамъ* угнетенной Италіи.

30 января въ Туринѣ состоялось бракосочетаніе принца Наполеона съ принцессой Клотильдой. Около того же времени подъ заглавіемъ „Наполеонъ III и Италія“ вышла брошюра, внушенная императоромъ французовъ и составлявшая не что иное, какъ парафразъ тайнаго соглашенія въ Пломбьерѣ. Наконецъ, неизбѣжность войны стала ясна для всѣхъ, когда по требованію Кавура сардинскій парламентъ вотировалъ заемъ въ 50 милліоновъ, предназначенный для приведенія Пьемонта въ оборонительное состояніе (9 февраля). Войска поспѣшно стягивались въ Италію, и скоро на берегахъ Тичино собралось около 200.000 австрійцевъ.

Англія старалась помѣшать открытію военныхъ дѣйствій, такъ какъ она опасалась, что война приведетъ къ чрезмѣрному усиленію Франціи. Но ея предложеніе о посредничествѣ разбилось о сопротивленіе Наполеона III и русскаго императора (который въ то время горячо желалъ униженія Австріи). Французскій и русскій государи въ срединѣ марта предложили отдать итальянскій вопросъ на разсмотрѣніе спеціальнаго конгресса, что́ въ сущности равносильно было желанію запутать этотъ вопросъ. И дѣйствительно, Вѣнскій дворъ, увѣренный въ своей побѣдѣ [1]), потребовалъ, чтобы Сардинія не была допущена на этотъ конгрессъ (въ то время какъ остальныя итальянскія государства туда допускались) и чтобы она безотлагательно приступила къ разоруженію.

Туринское правительство всячески старалось довести Австрію до такого раздраженнаго состоянія, при которомъ го-

---

1) Австрія разсчитывала на помощь со стороны Германскаго Союза, а также на благожелательный нейтралитетъ, а, быть можетъ, и на союзъ съ Англіей. Кромѣ того, она считала себя подготовленной къ переходу въ нападеніе и, благодаря слухамъ, распускаемымъ ея противниками, была убѣждена, что они къ этому не подготовлены.

лосъ разсудка умолкаетъ, и люди очертя голову кидаются въ пропасть. Кавуръ обратился къ итальянскимъ патріотамъ съ громкимъ воззваніемъ, подстрекалъ пьемонтскую прессу къ самымъ рѣзкимъ выходкамъ и оффиціально поручилъ Гарибальди сформировать корпусъ волонтеровъ. Словомъ, въ началѣ апрѣля Вѣнскій дворъ твердо рѣшилъ перейти въ нападеніе, и всѣ усилія Англіи могли отсрочить приведеніе этого рѣшенія въ исполненіе только на нѣсколько дней. Кавуръ, убѣдившись въ томъ, что Австрія готова совершить эту непоправимую ошибку, счелъ возможнымъ безъ всякаго риска занять примирительную позицію: 21 апрѣля онъ заявилъ, что примыкаетъ къ выставленному Лондонскимъ кабинетомъ принципу *всеобщаго разоруженія* [1]).

Въ этотъ моментъ ему было уже извѣстно, что австрійское правительство рѣшило послать Сардиніи ультиматумъ съ требованіемъ безотлагательно приступить *одной* къ разоруженію подъ угрозой немедленнаго открытія военныхъ дѣйствій. И дѣйствительно, это требованіе было передано Сардинскому правительству 23 апрѣля; Туринскому кабинету давался трехдневный срокъ, по истеченіи котораго онъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Теперь война сдѣлалась неизбѣжной. Французское правительство поспѣшило заявить, что оно не оставитъ союзника на произволъ судьбы. Сдѣланная Англіей послѣдняя попытка предложить свое посредничество не увѣнчалась успѣхомъ, и 29 апрѣля 1859 года австрійскія войска подъ командой Гіулая перешли Тичино; въ этотъ самый моментъ первыя колонны французской арміи переходили черезъ Альпы. Австрія начала скверную игру, которую она фатально должна была проиграть.

1) Пьемонтъ хотѣлъ играть роль защищающейся стороны, такъ какъ если бы онъ первый напалъ на Австрію, то она получила бы право требовать помощи отъ Германскаго Союза.

II. — Образованіе Итальянскаго королевства.

Наполеонъ III въ Миланѣ. — Въ продолженіе пятнадцати дней Гіулай нащупывалъ почву и не рѣшался двинуться дальше Навары. А когда онъ захотѣлъ наконецъ пойти впередъ, то оказалось, что четыре французскихъ корпуса численностью въ 100.000 человѣкъ и 50.000 солдатъ Виктора-Эммануила прикрываютъ столицу Пьемонта. Пятый французскій корпусъ, подъ командой принца Наполеона, шелъ на Тоскану, откуда онъ долженъ былъ двинуться на берега По. Наконецъ, императоръ въ своей прокламаціи отъ 3 мая гордо заявилъ о своемъ намѣреніи освободить Италію *до береговъ Адріатическаго моря*, а затѣмъ выѣхалъ изъ Парижа, для того чтобы стать во главѣ своей арміи (10 мая).

Какъ только онъ прибылъ въ Италію, союзники перешли въ нападеніе. На сѣверѣ Гарибальди со своими *альпійскими охотниками* обошелъ австрійцевъ съ праваго фланга, овладѣлъ Варезе и въ нѣсколько недѣль побѣдоносно дошелъ до самаго Комо. Но рѣшительные удары были нанесены австрійцамъ не съ этой стороны. Когда французская армія сдѣлала видъ, что она намѣрена сконцентрироваться къ югу отъ По и угрожать Піаченцѣ, то Гіулай съ главными своими силами двинулся къ этой крѣпости и столкнулся съ непріятелемъ у Монтебелло, гдѣ австрійцы потерпѣли первую неудачу (20 мая). Этимъ ложнымъ маневромъ онъ открылъ Миланскую дорогу. Франко-сардинская армія, быстро повернувши налѣво, бросилась къ рѣкѣ Сесіи, которую они перешли у Палестро (31 мая), а черезъ два дня имъ удалось переправиться черезъ Тичино у Турбиго и Буффалоры.

Австрійскій генералъ, который самъ отвелъ свои войска на сѣверъ, пытался остановить союзниковъ при Маджентѣ, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ

Дж. Гарибальди.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

(4 іюня) онъ успѣшно боролся съ Наполеономъ III, который имѣлъ при себѣ только французскую гвардію и одно время подвергался величайшей опасности. Но своевременное прибытіе на поле сраженія генерала Макъ-Магона, который къ вечеру атаковалъ правое крыло непріятеля, превратило пораженіе императора въ блестящую побѣду.

Черезъ четыре дня, въ то время какъ Барагэ-д'Ильеръ добивалъ при Меленьяно остатки побѣжденной арміи и отбрасывалъ ихъ за Минчіо, Наполеонъ III и Эммануилъ въѣхали въ Миланъ, и французскій императоръ, опьяненный успѣхомъ, имѣлъ неосторожность обратиться къ итальянской націи съ воззваніемъ, которому она съ величайшей охотой готова была послѣдовать. „Объединитесь, — говорилъ онъ жителямъ полуострова,—съ единой цѣлью освобожденія вашего отечества. Организуйтесь по-военному, спѣшите подъ знамена короля Виктора-Эммануила... и, одушевленные священнымъ огнемъ патріотизма, будьте теперь прежде всего солдатами; а завтра вы станете свободными гражданами великой страны".

Возстаніе центральной Италіи. — Въ это же время Наполеону III удалось низвергнуть въ Англіи министерство Дерби (11 іюня 1859 г.), которое было замѣнено министерствомъ Пальмерстона, относившимся съ гораздо большей симпатіей къ дѣлу итальянскаго освобожденія. Французскій императоръ вошелъ въ сношенія съ Кошутомъ съ цѣлью вызвать возстаніе въ Венгріи; однимъ словомъ, ему везло, повидимому, во всѣхъ отношеніяхъ. Но скоро онъ замѣтилъ, что одерживаемыя имъ побѣды могутъ причинить ему больше вреда, чѣмъ понесенныя имъ пораженія. Возбудивши въ Италіи революціонное движеніе, онъ теперь съ изумленіемъ могъ констатировать, что оно охватываетъ центральную часть полуострова и перестаетъ ему повиноваться; ему пришлось убѣдиться, что онъ не въ силахъ удержать его размахъ и что Кавуръ, подобно всѣмъ итальянскимъ патріотамъ, стремится вовсе не къ созданію итальянскаго *союза*, а къ образованію *унитарнаго* Итальянскаго государства.

Въ концѣ апрѣля Тоскана возмутилась и изгнала великаго герцога Леопольда, причемъ она ясно показала, что ничуть не расположена признать принца Наполеона своимъ государемъ. Въ Пармѣ и Моденѣ народъ также принудилъ своихъ государей бѣжать (май — іюнь 1859 г.). Папскія владѣнія, эвакуированныя австрійцами послѣ сраженій при Маджентѣ и Меленьяно, заволновались и въ нѣсколько дней стряхнули съ себя иго папской власти. Папа и молодой неаполитанскій король, Францискъ II, 22 мая наслѣдовавшій своему отцу Фердинанду II, должны были вести себя смирно въ виду присутствія въ Римѣ французскаго гарнизона.

Наполеонъ III не имѣлъ права препятствовать возстаніямъ, которыя прежде всего приводили къ усиленію франко-пьемонтской арміи, но онъ не могъ вмѣстѣ съ тѣмъ скрывать отъ себя, что результатомъ ихъ будетъ присоединеніе возставшихъ областей къ Сардиніи. Въ Пармѣ, Моденѣ, Болоньѣ власть находилась уже въ рукахъ агентовъ Кавура [1]). Императоръ французовъ былъ смущенъ и почти совершенно растерялся. Отъ императрицы и министра Валевскаго онъ получалъ самые тревожные доклады о внутреннемъ состояніи имперіи, гдѣ богатые слои и сельское населеніе подъ вліяніемъ духовенства начали выказывать крайнее недовольство политикой, противной интересамъ св. престола, и о настроеніи Европы, гдѣ грозятъ якобы возникнуть серьезныя осложненія, такъ какъ поведеніе Германіи начинаетъ внушать Франціи самыя тревожныя опасенія.

---

[1]) Буонкомпаньи во Флоренціи, Фарини въ Моденѣ, Азеліо въ Болоньѣ.

Сольферино и Виллафранка.—Тѣмъ временемъ австрійская армія получила подкрѣпленія, и во главѣ ея сталъ лично Францъ-Іосифъ [1]); австрійцы двинулись къ Минчіо и расположились на высотахъ, тянущихся отъ Кастильоне до Санъ-Мартино. Здѣсь-то союзники почти неожиданно и столкнулись съ австрійской арміей. 24 іюня завязалось сраженіе при Сольферино, въ которомъ приняли участіе 350.000 человѣкъ, растянувшихся по фронту на 5 миль. Послѣ пятнадцатичасового сопротивленія австрійцы, атакованные въ центрѣ и съ лѣваго фланга французами, а справа—пьемонтцами, были снова разбиты и отступили съ большими потерями.

Союзники одержали, безъ сомнѣнія, славную побѣду. Но Наполеонъ III воспользовался ею только для того, чтобы поспѣшно предложить Францу-Іосифу мирныя условія, своей скромностью изумившія всю Европу. Опечаленный ужаснымъ кровопролитіемъ [2]), смущенный перспективой дальнѣйшей борьбы за линію Минчіо и за обладаніе грознымъ четыреугольникомъ крѣпостей [3]), гдѣ Австрія могла еще долго сопротивляться его усиліямъ, встревоженный поведеніемъ царя, который опасался венгерской революціи, и Германскаго Союза, который началъ уже мобилизировать свои войска, напуганный раздраженіемъ ультрамонтанской партіи во Франціи, Наполеонъ III не поколебался взять на себя иниціативу переговоровъ съ австрійскимъ императоромъ, который, являясь побѣжденной стороной и не желая отдавать себя во власть такой сомнительной и требовательной союзницы, какъ Пруссія, не счелъ возможнымъ отвергнуть сдѣланныхъ ему предложеній.

1) По крайней мѣрѣ, номинально; дѣйствительнымъ главнокомандующимъ австрійской арміи былъ фельдмаршалъ Гессъ.

2) Битва при Сольферино стоила одной только французской арміи 10.000 человѣкъ.

3) Т.-е. четырехъ крѣпостей: Верона и Леньяно на Эчѣ и Пескіеры и Мантуи на Минчіо.

8 іюля заключено было перемиріе, а черезъ три дня во время личнаго свиданія обоихъ императоровъ въ Виллафранкѣ установлены были предварительныя условія мирнаго договора: Ломбардія уступалась Франціи, которая въ свою очередь переуступала ее Сардиніи; Австрія сохранила Венецію; эта провинція должна была войти въ итальянскую конфедерацію, которую предполагалось поставить подъ почетное предсѣдательство папы; великій герцогъ Тосканскій и герцогъ Моденскій должны были возвратиться въ свои государства; папѣ предложено будетъ ввести въ своихъ владѣніяхъ *необходимыя реформы;* и, наконецъ, лицамъ, замѣшаннымъ въ послѣднія событія, даровалась общая амнистія.

Безсиліе Наполеона III передъ итальянской революціей.—Это соглашеніе явилось полной неожиданностью для Европы, а въ особенности для итальянской націи. По общему мнѣнію, Австрія вышла изъ войны съ небольшими потерями, а вліяніе ея на Аппенинскомъ полуостровѣ осталось по прежнему угрожающимъ, такъ какъ она сохранила въ своихъ рукахъ Венеціанскій четыреугольникъ и вступила въ итальянскую конфедерацію, гдѣ къ ея услугамъ были прежніе ея вассалы, мелкіе государи. Она поддерживала великаго герцога Тосканскаго и герцога Моденскаго и оказывала имъ матеріальную помощь.

Итальянскій народъ считалъ Наполеона III измѣнникомъ и со всѣхъ сторонъ требовалъ присоединенія къ Пьемонту. Получивши извѣстіе о мирномъ договорѣ, Кавуръ впалъ въ величайшее раздраженіе; 13 іюля онъ съ трескомъ подалъ въ отставку и былъ замѣненъ въ министерствѣ Ратацци. Но въ глубинѣ души онъ сохранилъ все свое хладнокровіе; въ качествѣ частнаго лица онъ снова получилъ полную свободу дѣйствій и широко ею воспользовался. Подъ его вліяніемъ до конца іюля во Флоренціи, Моденѣ и

Болоньѣ учреждены были временныя правительства, формально независимыя, но въ дѣйствительности руководимыя Туринскимъ дворомъ; ободряемыя англійскимъ правительствомъ, которое теперь относилось къ итальянскому дѣлу съ большей симпатіей, чѣмъ Наполеонъ III [1]), они не остановились передъ организаціей плебисцита (16—20 августа), высказавшагося въ пользу присоединенія къ Сардинскому королевству.

Наполеонъ III, другъ итальянской націи и теоретикъ всеобщаго избирательнаго права, не рѣшаясь ни одобрить дѣйствія революціонеровъ полуострова ни открыто выступить противъ нихъ, умолялъ Пія IX вступить въ конфедерацію, произвести реформы и предоставить своимъ владѣніямъ автономію. Въ то же время онъ послалъ въ Тоскану и Эмилію дипломатическихъ агентовъ съ тѣмъ, чтобы убѣдить временныя правительства добровольно подчиниться условіямъ Виллафранкскаго договора; въ этомъ духѣ онъ печаталъ замѣтки въ *Монитёръ* и писалъ Виктору-Эммануилу (20 октября).

Но напрасны были всѣ его усилія. Римская курія отказывалась произвести какія бы то ни было реформы до тѣхъ поръ, пока населеніе Романьи не изъявитъ полной покорности. Жители возставшихъ областей отвѣчали, что Наполеонъ III не спрашивалъ у нихъ совѣта при заключеніи Виллафранкскаго договора, а слѣдовательно постановленія его для нихъ не обязательны. Сардинскій король, съ своей стороны, указывалъ на то, что если онъ станетъ противодѣйствовать желаніямъ патріотовъ, то онъ самъ будетъ низвергнутъ революціей; что Гарибальди и его товарищи въ такомъ случаѣ провозгласятъ въ Италіи республику, а такой примѣръ можетъ оказаться заразительнымъ [1]). Если онъ и не разрѣшилъ своему родственнику, принцу Кариньянскому, отправиться въ Модену, куда его приглашала для занятія должности регента Центрально-итальянская Лига, то вмѣсто него онъ позволилъ поѣхать туда Буонкомпаньѣ, который, какъ всѣмъ это стало прекрасно извѣстно, былъ не чѣмъ инымъ, какъ агентомъ пьемонтскаго правительства.

Однимъ словомъ, присоединеніе центральной Италіи къ Пьемонту было фактически осуществлено. И въ это самое время уполномоченные Франціи, Сардиніи и Австріи, собравшіеся въ Цюрихѣ, философски заключали три договора, имѣвшихъ цѣлью обезпечить исполненіе Виллафранкскихъ предварительныхъ условій (10 ноября). Правда, эти новыя конвенціи формально не постановляли, какъ это было сдѣлано въ предварительномъ договорѣ, чтобы лишеннымъ престола итальянскимъ принцамъ возвращены были ихъ прежнія владѣнія, но онѣ опредѣленно оговаривали ихъ права. Окончательное рѣшеніе по этому вопросу долженъ былъ постановить спеціальный конгрессъ, созванный императоромъ французовъ. Но будетъ ли когда-нибудь созванъ такой конгрессъ, это подлежало большому со-

[1]) Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Джонъ Россель, въ циркулярѣ отъ 27 іюля высказался за очищеніе французами Папской области и за признаніе за населеніемъ центральной Италіи права свободно располагать своей судьбой. Англіи выгодно было эксплуатировать недовольство итальянцевъ противъ Наполеона III и содѣйствовать образованію не какой-нибудь конфедераціи, стоящей въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Франціи, а сильнаго государства, независимаго и отъ Австріи, и отъ Франціи, и способнаго при случаѣ послужить для этой послѣдней державы источникомъ затрудненій или безпокойствъ.

[1]) Въ сентябрѣ правительства Флоренціи, Болоньи и Модены составили лигу и выставили армію, которая находилась подъ революціонной командой Гарибальди и росла со дня на день. Въ октябрѣ Гарибальди обратился съ воззваніемъ ко всей Италіи, открывъ подписку на покупку милліона ружей и объявилъ о своемъ намѣреніи двинуться на Мархію и на королевство Обеихъ Сицилій.

мнѣнію, такъ какъ Англія хотѣла, чтобы итальянцамъ предоставлена была полная свобода рѣшать вопросъ о возвращеніи принцевъ, итальянцы и слышать не хотѣли объ этихъ принцахъ, а Австрія ставила свое участіе на конгрессѣ въ зависимость отъ предварительнаго ихъ возстановленія въ своихъ правахъ.

Наполеонъ III, Кавуръ и Туринскій договоръ. — Наполеонъ III самъ сдѣлалъ невозможнымъ созывъ этого конгресса, совершивши неожиданно новый поворотъ, чтобы выйти изъ того смѣшного положенія, въ которое онъ себя поставилъ. Убѣдившись въ неизбѣжности присоединенія итальянскихъ областей къ Пьемонту, онъ рѣшилъ приспособиться къ обстоятельствамъ и попытаться, по крайней мѣрѣ, извлечь изъ нихъ какую-нибудь выгоду. Онъ началъ съ распространенія (въ декабрѣ 1859 г.) анонимной брошюры („Папа и конгрессъ"), въ которой папѣ предлагалось отказаться отъ значительнѣйшей части своей свѣтской власти; затѣмъ онъ обратился къ Пію IX съ письмомъ, въ которомъ онъ совѣтовалъ ему уступить хотя бы Романью (31 декабря). Папа отвѣтилъ рѣзкой энцикликой, въ которой противники его свѣтской власти объявлялись достойными такой же анаѳемы, какъ и противники его духовной власти (19 января 1860 года).

Но Наполеонъ III, мало этимъ смущенный, вошелъ въ соглашеніе съ англійскимъ правительствомъ, причемъ оба они признали принципъ невмѣшательства въ итальянскія дѣла и законность присоединеній Итальянскихъ государствъ къ Пьемонту, если этого присоединенія потребуютъ правильно избранныя собранія. Съ другой стороны, онъ подготовлялъ возвращеніе къ власти Кавура и присоединеніе къ Франціи Савойи и Ниццы, которыхъ онъ не рѣшался требовать въ 1859 году и которыя должны были послужить платой за новыя его уступки сардинской политикѣ. 20 января 1860 года Кавуръ снова сдѣлался президентомъ совѣта министровъ; 27 января онъ объявилъ о своемъ намѣреніи созвать парламентъ, въ которомъ провинціи Центральной Италіи будутъ представлены наравнѣ съ старыми пьемонтскими провинціями, а 3 февраля императоръ публично высказалъ ту мысль, что если центральная Италія будетъ присоединена къ Пьемонту, то и Франція имѣетъ право на округленіе своихъ границъ со стороны Альпъ.

Сначала это развитіе произвело въ Англіи нѣсколько дурное впечатлѣніе, но скоро англичане успокоились при мысли о томъ, что проявленная Франціей по отношенію къ Италіи требовательность несомнѣнно поведетъ къ охлажденію существовавшаго между обѣими странами согласія. Исходя изъ такихъ же соображеній, Австрія также рѣшила не препятствовать присоединенію Савойи и Ниццы къ Франціи. Такимъ образомъ для осуществленія своего плана Наполеону III приходилось только принять нѣкоторыя предосторожности, обусловливаемыя тѣмъ деликатнымъ положеніемъ, въ которое Кавуръ, соглашаясь на уступку обѣихъ провинцій, ставилъ себя передъ итальянской націей вообще и пьемонтскимъ народомъ въ частности.

Кавуръ, чтобы не лишиться своей популярности въ странѣ, хотѣлъ выступить въ роли человѣка, дѣйствующаго по принужденію. Императоръ французовъ согласился исполнить его желаніе и для соблюденія формы обратился къ сардинскому королю съ предложеніемъ отказаться отъ Тосканы и удовольствоваться званіемъ намѣстника папы въ церковныхъ владѣніяхъ. Въ отвѣтъ на это предложеніе Туринскій кабинетъ сослался на принципъ народнаго верховенства и на плебисцитъ: населеніе Тосканы, Эмиліи и Папской области, приглашенное этимъ кабинетомъ высказать свое мнѣніе, почти единогласно вотировало (15—20 марта) присоединеніе

вышеупомянутыхъ областей къ Сардинскому королевству.

Викторъ-Эммануилъ выразилъ свое согласіе съ этимъ рѣшеніемъ, а 2 апрѣля созванъ былъ новый парламентъ. А въ такомъ случаѣ Кавуру приходилось поступиться Ниццей и Савойей. Такъ какъ онъ продолжалъ разыгрывать роль человѣка, никакъ не могущаго придти къ опредѣленному рѣшенію, то Наполеонъ III послалъ къ нему спеціальнаго агента, Бенедетти, которому поручено было говорить рѣшительнымъ языкомъ. Викторъ-Эммануилъ и Кавуръ приняли видъ людей, уступающихъ своего рода ультиматуму, и заключили наконецъ въ Туринѣ (24 марта 1860 г.) договоръ, которымъ эти двѣ провинціи предоставлялись Франціи съ тѣмъ условіемъ, что населеніе ихъ будетъ опрошено. Этотъ плебисцитъ состоялся 15 и 22 апрѣля и высказался за присоединеніе къ Франціи.

Новая армія папы; Ламорисьеръ. — „Теперь вы сдѣлались нашими соумышленниками“, — весело сказалъ хитрый министръ французскому уполномоченному при подписаніи трактата 24 марта. Это глубокое замѣчаніе оправдано было дальнѣйшимъ ходомъ событій. Послѣ всего, что за послѣднее время произошло въ Италіи, всѣ прекрасно понимали, что римское и неаполитанское правительства не могутъ быть увѣрены въ завтрашнемъ днѣ. Наполеону III очень хотѣлось бы спасти ихъ отъ гибели, но онъ хотѣлъ также, чтобы они, съ своей стороны, сдѣлали для своего спасенія все необходимое, а между тѣмъ эти правительства, совершенно ослѣпленныя, казалось, употребляли всѣ усилія для ускоренія роковой развязки.

Папа отлучилъ отъ церкви Виктора-Эммануила и его министровъ, — мѣра, которая рикошетомъ задѣла нѣсколько и Наполеона III (26 марта). Пій IX старался возбудить противъ императора французскихъ епископовъ; чтобы не нуждаться въ императорскихъ войскахъ (которыя императоръ и самъ радъ былъ бы отозвать), онъ съ большимъ трескомъ организовалъ состоявшую изъ хвастуновъ и скандалистовъ армію, которая пополнялась французскими легитимистами и публично *манифестировала* въ честь *Генриха V*. Начальство надъ этой арміей онъ поручилъ декабрьскому изгнаннику, заклятому врагу императора, генералу Ламорисьеру; онъ высокомѣрно отклонилъ предложенную ему французскимъ правительствомъ субсидію и гарантію территоріальной неприкосновенности, равно какъ новую просьбу произвести необходимыя реформы (апрѣль 1860 г.). Раздосадованный императоръ готовъ былъ, повидимому, отозвать свои войска, но онъ опасался, чтобы Кавуръ не воспользовался удаленіемъ французскаго гарнизона изъ Рима и подъ предлогомъ какихъ-нибудь новыхъ „стоновъ“ не приступилъ къ новымъ освобожденіямъ и территоріальнымъ захватамъ.

Гарибальди въ Сициліи. — Неаполитанское правительство держалось еще болѣе неблагоразумной и непримиримой политики, чѣмъ римская курія. Преемникъ „короля-бомбы“, невѣжественный и ограниченный юноша, находившійся въ полной власти жестокой и подлой камарильи, искалъ спасенія исключительно въ деспотизмѣ, шпіонствѣ и террорѣ. Въ продолженіе цѣлаго года онъ не обращалъ никакого вниманія на совѣты Наполеона III, который рекомендовалъ ему дать своимъ подданнымъ конституцію и сблизиться съ Сардиніей. А между тѣмъ во всей странѣ господствовало величайшее броженіе, и скоро въ Сициліи вспыхнуло возстаніе (5 апрѣля 1860 года). Это движеніе послужило сигналомъ къ рѣшительной кампаніи въ пользу итальянскаго единства, предпринятой вскорѣ послѣ того революціонной партіей.

Въ Генуѣ, куда со всѣхъ сторонъ стекались волонтеры на призывъ Гарибаль-

ди, послѣдній открыто сформировалъ экспедиціонный корпусъ, во главѣ котораго онъ намѣренъ былъ отправиться на возмутившійся островъ. Кавуръ и Викторъ-Эммануилъ, которые при желаніи могли бы помѣшать ему выполнить свое намѣреніе, закрывали глаза на его дѣйствія, оставляя за собой право въ случаѣ удачи устранить его и самимъ воспользоваться плодами его побѣды, подъ предлогомъ спасенія Италіи и Европы отъ гидры анархіи. Такимъ образомъ отважный кондотьери въ ночь съ 5 на 6 мая могъ посадить свой небольшой отрядъ (менѣе 2.000 человѣкъ) на два корабля, услужливо пропущенные пьемонтской эскадрой адмирала Персано, а 11 мая онъ высадился съ своими волонтерами въ Сициліи. Здѣсь Гарибальди въ нѣсколько дней собралъ вокругъ себя цѣлую армію; населеніе цѣликомъ перешло на его сторону, и вся экспедиція была для него сплошнымъ рядомъ успѣховъ. Въ началѣ іюня онъ послѣ отчаянной борьбы овладѣлъ Палермо, а въ концѣ того же мѣсяца весь островъ, за исключеніемъ Мессины и нѣкоторыхъ второстепенныхъ пунктовъ, очутился въ его власти.

Революція въ Неаполѣ. — По полученіи извѣстій объ этой экспедиціи нѣкоторыя державы, въ томъ числѣ и Франція, заволновались и начали упрекать Кавура въ соучастіи съ Гарибальди. Онъ отрицалъ справедливость послѣдняго обвиненія, но при этомъ замѣтилъ, что если Австрія и Франція не запрещаютъ своимъ подданнымъ поступать на службу къ неаполитанскому королю или къ папѣ, то совершенно естественно, что Сардинія не относится съ большей строгостью къ тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые выступаютъ въ защиту угнетеннаго народа. Когда Неаполитанскій король, незадолго до того обращавшійся за помощью къ Наполеону III, рѣшилъ по совѣту послѣдняго предложить союзъ Сардиніи, то Кавуръ поставилъ вопросъ, имѣетъ ли для Виктора-Эммануила смыслъ компрометировать свою популярность въ Италіи для того лишь, чтобы укрѣпить шатающійся тронъ одного изъ своихъ злѣйшихъ враговъ.

Во всякомъ случаѣ онъ формально не отвергъ предложенія неаполитанскаго короля, но онъ хотѣлъ заключить съ нимъ союзъ лишь при томъ условіи, что Францискъ II дастъ своимъ подданнымъ конституцію и немедленно введетъ ее въ дѣйствіе. Неаполитанскій король обнародовалъ эту конституцію 30 іюня, но никто не относился къ ней серьезно. Придворная камарилья совѣтовала юному королю нарушить данное слово и устраивала абсолютистскія манифестаціи, которыя вызвали повсюду безпорядки, не сулившіе династіи ничего хорошаго. Въ концѣ іюля король объявилъ, что обѣщанные имъ выборы въ парламентъ откладываются на неопредѣленный срокъ. Съ его стороны это было въ полномъ смыслѣ слова актомъ самоубійства; его собственные генералы, совѣтники и родственники начали его оставлять и ему измѣнять, а подавляющее большинство его подданныхъ съ нетерпѣніемъ обращало свои взоры къ Мессинскому проливу.

Смѣлый кондотьери, получившій отъ Виктора-Эммануила оффиціальное приглашеніе остановиться, отвѣтилъ, что, къ величайшему сожалѣнію, онъ вынужденъ ему не повиноваться (27 іюля). Послѣ такого категорическаго отказа король счелъ благоразумнымъ больше не настаивать. Французское правительство охотно отправило бы къ Мессинскому маяку эскадру, но Англія, получивши отъ Туринскаго кабинета увѣреніе, что никакихъ новыхъ территоріальныхъ уступокъ Франціи сдѣлано не будетъ, не усматривала никакого неудобства въ дальнѣйшемъ расширеніи Пьемонта. Она напомнила Наполеону III, что онъ въ свое

время призналъ принципъ невмѣшательства въ итальянскія дѣла, и императоръ французовъ, который въ этотъ моментъ особенно нуждался въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Лондонскимъ кабинетомъ [1]), въ концѣ-концовъ отказался отъ мысли помѣшать походу Гарибальди.

Такимъ образомъ послѣдній могъ 8 августа 1860 года переправиться черезъ Мессинскій проливъ. Тюильрійскій кабинетъ удовольствовался разсылкой дипломатической ноты, въ которой онъ возлагалъ на Англію отвѣтственность за серьезныя событія, могущія произойти въ Италіи. Лондонскій дворъ, который не желалъ ссориться ни съ Франціей, ни съ Австріей, поспѣшилъ заявить, что онъ будетъ считать незаконнымъ всякое нападеніе Гарибальди на Римъ или на Венецію. Но развѣ могъ кто-нибудь поручиться, что такого нападенія не произойдетъ?

Гарибальди быстро приближался къ Неаполю. Всѣми оставленный Францискъ II отступилъ къ Гаетѣ. На слѣдующій день Гарибальди торжественно безъ всякаго эскорта вступилъ въ городъ Неаполь, окруженный ликующей толпой, учредилъ тамъ временное правительство и объявилъ о своемъ намѣреніи двинуться дальше на сѣверъ. Онъ говорилъ, что хочетъ провозгласить Виктора-Эммануила королемъ Италіи съ высоты Квиринала. Въ то время, какъ казалось, Гарибальди находился всецѣло подъ вліяніемъ демократической партіи, Мадзини пріѣхалъ въ Неаполь; друзья его собрались вокругъ диктатора, и итальянская революція, начавшаяся во имя монархіи, грозила закончиться торжествомъ республики.

Кавуръ и его „соучастникъ"; сраженіе при Кастельфидардо и его послѣдствія.— Кавуръ, сильно желавшій остановить Гарибальди изъ опасенія, что онъ своими крайностями способенъ погубить итальянское дѣло, отправилъ къ Неаполю, даже до удаленія оттуда Франциска II, нѣсколько кораблей и 2—3.000 „берсальери", которые высадились на берегъ по отъѣздѣ короля, но не могли и думать о томъ, чтобы преградить дорогу революціонной арміи и ея вождю. Кавуръ сумѣлъ извлечь величайшую выгоду изъ осложненія, предупредить которое онъ былъ не въ состояніи. Въ концѣ августа онъ отправилъ къ Наполеону III, путешествовавшему тогда по Савойѣ, своего коллегу министра Фарини и генерала Чіальдини, которымъ поручено было выяснить императору необходимость остановить Гарибальди, готоваго двинуться на Римъ; они должны были также убѣдить его въ томъ, что Франція, не имѣя возможности повернуть свои пушки противъ итальянской революціи или позволить Австріи произвести контръ-революцію, а съ другой стороны, не желая впутываться въ новую войну съ этой державой, должна предоставить Сардиніи спасти монархическій порядокъ.

Пьемонтская армія должна была двинуться къ неаполитанской границѣ, а для этого ей приходилось переѣзжать Мархію и пройти по мѣстности, охраняемой Ламорисьеромъ. Возникалъ вопросъ, считать ли это нарушеніемъ международнаго права? Развѣ папская армія не угрожала открыто бывшимъ папскимъ владѣніямъ и Тосканѣ? Развѣ населеніе Мархіи не зоветъ къ себѣ Виктора-Эммануила? Наполеонъ III помнилъ компрометирующія обязательства, которыми онъ связалъ себя передъ Кавуромъ и доказательства которыхъ послѣдній имѣлъ въ своихъ рукахъ; а папой онъ былъ доволенъ менѣе, чѣмъ когда-либо. Поэтому онъ далъ понять, что, будучи принужденъ на словахъ выражать неодобреніе новой пьемонтской политикѣ, онъ на дѣлѣ мѣшать ей не станетъ. „*Fate presto*, дѣйствуйте быстро!", сказалъ онъ посланцамъ Кавура и, какъ бы желая избѣжать зрѣ-

---

[1]) По случаю китайскихъ и сирійскихъ дѣлъ.

лища готовящихся событій, онъ поспѣшилъ уѣхать въ Алжиръ.

Дѣйствовать быстро!—да, именно таково и было намѣреніе Кавура. 7 сентября онъ потребовалъ отъ папскаго правительства распущенія арміи Ламорисьера, и раньше даже, чѣмъ отказъ его могъ прибыть въ Туринъ, Чіальдини перешелъ границу Умбріи. Черезъ нѣсколько дней папскія войска были разбиты при Кастельфидардо (18 сентября), а затѣмъ ихъ предводитель, осажденный въ Анконѣ, принужденъ былъ сдаться на капитуляцію (29 сентября). Такъ какъ французы занимали Римъ и небольшую территорію, извѣстную подъ названіемъ „Наслѣдіе св. Петра", то пьемонтцы ихъ не тронули; но они заняли Умбрію, Мархію и къ началу октября достигли границы королевства Обѣихъ Сицилій.

Хотя Пьемонтъ и не былъ въ войнѣ съ неаполитанскимъ королемъ, сардинскія войска перешли все-таки эту границу. Дѣйствія Гарибальди возбуждали въ сардинскомъ правительствѣ все болѣе сильное безпокойство; диктаторъ, казалось, намѣревался отложить плебисцитъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ въ пользу Пьемонта вплоть до завоеванія Рима. Онъ управлялъ, какъ ему хотѣлось, слѣдуя указаніямъ окружавшей его революціонной партіи, которая не питала особенной симпатіи къ Кавуру и даже къ сардинскому королю. А самъ Гарибальди требовалъ удаленія великаго пьемонтскаго министра въ отставку. Чтобы положить конецъ проискамъ Гарибальди, Кавуръ созвалъ въ Туринѣ парламентъ, который первымъ дѣломъ долженъ былъ уполномочить короля присоединить къ своимъ владѣніямъ недавно занятыя папскія провинціи и королевство Обѣихъ Сицилій.

Притомъ войска Франциска II перешли въ нападеніе и на берегу Волтурно причинили Гарибальди тяжелыя потери; своей нерѣшительной побѣдой при Капуѣ (1 октября) онъ обязанъ былъ исключительно помощи прибывшихъ изъ Неаполя „берсальери". Такимъ образомъ съ точки зрѣнія Кавура движеніе генерала Чіальдини къ Неаполю вызывалось двойной необходимостью. Въ циркулярѣ, обращенномъ къ европейскимъ дворамъ, сардинскій министръ оправдывался тѣмъ соображеніемъ, что, покинувъ свою столицу, Францискъ II фактически отрекся отъ престола, а слѣдовательно, никто ничего у него не отнимаетъ; да притомъ должно же спасти Италію отъ грозящей ей анархіи. Съ итальянской націей онъ говорилъ другимъ языкомъ: по его словамъ, Викторъ-Эммануилъ долженъ былъ считаться съ голосомъ народа, который призывалъ его со всѣхъ сторонъ.

Въ это время пьемонтскій король уже направлялся въ Неаполь. 21 октября королевство Обѣихъ Сицилій торжественнымъ плебисцитомъ признало его своимъ королемъ, и то же самое сдѣлала Мархія. А черезъ нѣсколько дней онъ встрѣтился съ Гарибальди, который безъ особенной охоты, но все же лойяльно уступилъ ему свое мѣсто. Тѣмъ временемъ Францискъ II, выбитый изъ своихъ позицій на берегу Волтурно пьемонтскими войсками, заперся въ единственной оставшейся въ его рукахъ крѣпости Гаетѣ и собирался оказать тамъ рѣшительное сопротивленіе, пытаясь вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзкими, но безплодными протестами заинтересовать въ своей судьбѣ Европу.

Европа и Итальянское королевство. — Французское правительство для соблюденія приличій сочло нужнымъ выразить свое неудовольствіе и отозвало изъ Турина своего посланника; но оно оставило тамъ повѣреннаго въ дѣлахъ, показывая этимъ, что разрывъ не носитъ серьезнаго характера. Берлинскій кабинетъ ограничился чисто-платоническимъ протестомъ по поводу послѣднихъ дѣйствій Кавура и нисколько не обидѣлся, когда сардинскій министръ отвѣтилъ ему: „Я подалъ

примѣръ, и увѣренъ, что Пруссія въ скоромъ времени съ удовольствіемъ ему послѣдуетъ".

Но австрійское правительство сдѣлало видъ, будто намѣрено воспользоваться этимъ случаемъ для объявленія Пьемонту войны, и оно навѣрно напало бы на Виктора-Эммануила, если бы могло съ увѣренностью разсчитывать на согласіе Россіи. Но хотя царь и не одобрялъ ограбленія неаполитанскаго короля, онъ могъ обѣщать Австріи благожелательный нейтралитетъ лишь въ томъ случаѣ, если бы Викторъ-Эммануилъ взялъ на себя иниціативу нападенія, да и то *въ согласіи съ императоромъ французовъ*. А такъ какъ Наполеонъ III заявилъ ему, что онъ ни въ коемъ случаѣ не поможетъ Сардиніи напасть на Австрію и намѣренъ только гарантировать Пьемонту—при всѣхъ обстоятельствахъ—выгоды, обезпечиваемыя ему Виллафранкскимъ договоромъ, то Александръ II при личномъ свиданіи въ Варшавѣ убѣдилъ Франца-Іосифа не начинать войны (22—26 октября), и австрійскій императоръ, въ владѣніяхъ котораго замѣчалось общее броженіе, не счелъ нужнымъ настаивать на своихъ воинственныхъ проектахъ.

Около того же времени (27 октября) англійское правительство, въ лицѣ Джона Росселя, высказалось въ пользу народовъ, признавшихъ Виктора-Эммануила своимъ королемъ, и начало поддерживать положеніе, гласящее, что націи имѣютъ право во всякое время перемѣнить свое правительство. Выставляя такой принципъ, Россель имѣлъ главнымъ образомъ въ виду Наполеона III, признаннаго апостола народнаго суверенитета и всеобщаго избирательнаго права; англійскій министръ хотѣлъ доставить себѣ коварное удовольствіе и побить Наполеона III собственнымъ его оружіемъ.

Императоръ французовъ проявлялъ еще нѣкоторую заботливость по отношенію къ неаполитанскому королю изъ желанія угодить папѣ, который открыто принялъ сторону Франциска II; вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечивая этому принцу личную свободу, Наполеонъ III оставлялъ себѣ возможность нѣсколько смутить спокойствіе Виктора-Эммануила. Передъ Гаетой крейсировала французская эскадра, не позволявшая сардинскому флоту блокировать эту крѣпость съ моря. Но Англія во имя принципа невмѣшательства не замедлила потребовать удаленія этой эскадры, и Наполеонъ III, который изъ-за китайскихъ и сирійскихъ дѣлъ снискивалъ расположеніе Великобританіи, поспѣшилъ дать ей удовлетвореніе въ этомъ вопросѣ (19 января 1861 г.). Съ этого момента крѣпость Гаета обречена была на гибель; 13 февраля она принуждена была капитулировать, а Францискъ II уѣхалъ въ Римъ къ Пію IX, который считалъ за честь оказать гостепріимство сыну Фердинанда II, доставившаго ему самому убѣжище въ Гаетѣ въ 1848 году.

Блестящая судьба Савойскаго дома составляла рѣзкій контрастъ съ плачевной участью этого жалкаго принца. Всѣ присоединившіяся къ Пьемонту области приглашены были выбрать своихъ депутатовъ; первый итальянскій парламентъ собрался въ Туринѣ (18 февраля 1861 года) и провозгласилъ Виктора-Эммануила королемъ Италіи. Политика Кавура принесла свои плоды, и политическое объединеніе полуострова стало совершившимся фактомъ. Правда, возстановленному итальянскому отечеству недоставало еще Рима и Венеціи, но великій министръ былъ полонъ вѣры въ будущее. Поэтому онъ не поколебался 27 марта побудить палату депутатовъ въ принципѣ объявить Римъ столицей Италіи.

III. Венеція и Римъ.

Пій IX и политика „non possumus".—Сторонникъ „свободной церкви въ свободномъ государствѣ", Кавуръ не отчаявался

убѣдить папу въ необходимости добровольнаго отказа отъ послѣднихъ остатковъ свѣтской власти. Черезъ посредство аббата Стеллярди, доктора Панталеони и о. Пассаліа, онъ старался доказать Пію IX, что за отказъ отъ незначительной и обременительной свѣтской власти онъ будетъ щедро вознагражденъ тѣми гарантіями, которыми Италія обставитъ его духовную власть. Для Ватикана эти аргументы не представляли никакого значенія, но они имѣли нѣкоторый успѣхъ въ Тюильри, такъ какъ Наполеону III сильно хотѣлось разъ навсегда покончить съ вопросомъ объ оккупаціи Рима. При этомъ онъ тщательно избѣгалъ ссоры съ католическою церковью.

Смерть Кавура, скончавшагося почти скоропостижно 6 іюня 1861 года, поразила Европу и глубоко опечалила Италію. Императоръ французовъ, не желая усиливать того затруднительнаго положенія, въ которое эта потеря способна была поставить Виктора - Эммануила, поспѣшилъ признать новое королевство. Затѣмъ организаціей стараго надзора въ папскихъ владѣніяхъ онъ помогъ ему уничтожить въ неаполитанскихъ провинціяхъ шайки бандитовъ, дѣйствовавшихъ во имя Бурбоновъ и получавшихъ помощь изъ Рима благодаря Франциску II и папѣ; только съ величайшимъ трудомъ генералу Чіальдини удалось справиться съ этими разбойничьими шайками (іюль—сентябрь 1861 г.).

Замѣнившій въ министерствѣ Кавура Рикасоли нашелъ самую энергичную поддержку при римской куріи въ лицѣ французскаго посланника при Ватиканѣ, Лавалетта. 11 января 1862 года французское правительство поручило своему послу запросить курію, не согласится ли она, не отказываясь формально отъ своихъ правъ, „на фактическую сдѣлку, которая вернетъ внутренній миръ католической церкви и привлечетъ папу къ участію въ торжествѣ итальянскаго патріотизма“. Но статсъ-секретарь св. престола отвѣтилъ, что въ этомъ отношеніи „ни Пій IX, ни кто-либо изъ его преемниковъ не согласится во вѣки вѣковъ ни на какія уступки“.

Раттацци и Гарибальди въ 1862 году.— Этотъ категорическій отказъ „non possumus“ вызвалъ, естественно, во всей Италіи величайшее волненіе. Революціонная партія снова вышла на улицу и начала подготовлять новую вооруженную экспедицію. Національный Комитетъ *Provedimento* началъ подготовлять угрожающія манифестаціи за Венецію и Римъ, а Гарибальди собирался снова двинуться въ походъ. Рикасоли старался ничего не замѣчать; поэтому французское правительство лишило его своей поддержки и радостно привѣтствовало переходъ власти въ руки Раттацци, который занялъ постъ перваго министра въ мартѣ 1862 года.

Раттацци, которымъ сильно дорожили и Наполеонъ III, и Викторъ-Эммануилъ, принялъ рѣшительныя мѣры для подавленія революціонной агитаціи. Тюильрійскій кабинетъ счелъ поэтому своимъ долгомъ придти къ нему на помощь и поручилъ Лавалетту формально предложить римской куріи слѣдующій компромиссъ: въ территоріальномъ отношеніи въ Италіи сохраняется *statu quo;* папа, не отказываясь отъ своихъ правъ, отнынѣ будетъ пользоваться властью только въ предѣлахъ „Наслѣдія св. Петра“; между Римомъ и Туриномъ возобновляются дипломатическія сношенія; католическія державы совмѣстными силами обезпечиваютъ папѣ приличный цивильный листъ; наконецъ, онѣ гарантируютъ ему обладаніе Римомъ и оставшейся въ его рукахъ территоріей, если онъ согласится предоставить своимъ подданнымъ реформы, соотвѣтствующія духу времени (30 мая 1862 года).

И на эту программу Антонелли отвѣтилъ категорическимъ отказомъ. И въ то

же самое время Пій IX въ рѣчи, обращенной къ 250 епископамъ, уже предвосхищалъ ту анаѳему, которую онъ черезъ два года произнесъ противъ всѣхъ безъ исключенія принциповъ Революціи (10 іюня).

Эти выходки раздражили Наполеона III, который началъ относиться къ Туринскому кабинету съ удвоенной любезностью. Благодаря ему, Итальянское королевство было въ іюнѣ 1862 года признано Россіей, а вскорѣ послѣ того и Пруссіей, такъ что уже въ то время можно было предвидѣть тѣ дружественныя отношенія, которыя впослѣдствіи должны были установиться между Берлинскимъ дворомъ и итальянскимъ правительствомъ.

Превосходное положеніе занятое министерствомъ Раттацци, было сразу разрушено шальной затѣей Гарибальди, который твердо рѣшился идти на Римъ и на котораго никакіе уговоры не дѣйствовали. 19 іюля смѣлый партизанъ высадился въ Сициліи съ 1.500 волонтеровъ, а вскорѣ послѣ того онъ переправился черезъ Мессинскій проливъ и объявилъ о своемъ намѣреніи вторгнуться въ папскія владѣнія. Итальянское правительство поспѣшило преградить ему дорогу, но могло остановить его только ружейными выстрѣлами; Гарибальди былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ при Аспромонте (27 августа), а небольшой его отрядъ разсѣялся. Герой былъ увезенъ въ Спеццію, гдѣ оказалось, что, благодаря нанесенной ему ранѣ, онъ утратилъ способность свободно двигаться; спустя нѣкоторое время онъ былъ амнистированъ.

Наполеонъ III и реакціонная политика.— Вскорѣ послѣ того кабинетъ Раттацци воспользовался той корректностью, съ которой онъ велъ себя въ этомъ случаѣ, для того чтобы объявить Европѣ (циркуляромъ отъ 10 сентября 1862 года), что „вся нація требуетъ своей столицы и что современное положеніе дѣлъ, сдѣлавшееся совершенно невыносимымъ, повлечетъ для королевскаго правительства самыя нежелательныя послѣдствія, способныя самымъ серьезнымъ образомъ нарушить спокойствіе Европы и религіозные интересы католицизма“.

Это заявленіе, холодно встрѣченное Россіей и Пруссіей и враждебно встрѣченное Австріей, вызвало рукоплесканія британскаго кабинета, который былъ весьма доволенъ затруднительнымъ положеніемъ Франціи. Что же касается Наполеона III, то онъ въ глубинѣ души радъ былъ бы уступить желанію итальянскаго народа. Принцъ Наполеонъ и сторонники послѣдняго старались повліять на него въ этомъ именно смыслѣ; но императрица, Валевскій и вожди консервативной партіи всѣми силами старались удержать его отъ такого шага. Они указывали императору на то, что клерикальная оппозиція, составившаяся противъ него во Франціи съ 1859 года, можетъ оторвать отъ него значительную часть страны на выборахъ 1863 года. Поэтому императоръ круто повернулъ назадъ, отозвавъ Бенедетти изъ Турина, а Лавалетта изъ Рима, передалъ портфель иностранныхъ дѣлъ Друэнъ-де-Люису, который пользовался симпатіями римской куріи (15 октября), и сообщилъ Туринскому кабинету, что въ настоящій моментъ не находитъ возможнымъ удовлетворить тѣ предложенія, которыя содержатся въ циркулярѣ отъ 10 сентября.

Результатомъ этого заявленія было паденіе министерства Раттацци (5 декабря). Викторъ-Эммануилъ долженъ былъ составить дѣловой кабинетъ и занять выжидательное положеніе. Франко-итальянская дружба казалась фактически разрушенной.

Новый поворотъ; конвенція 15 сентября 1864 года.—Въ теченіе всего 1863 года и части 1864 г. итальянское правительство (при министерствахъ Фарини и Мингетти) занято было, повидимому, исклю-

чительно указаніемъ внутреннихъ затрудненій (приведеніемъ въ порядокъ финансовъ, закрытіемъ монашескихъ орденовъ и т. п.). Въ тотъ же самый періодъ вниманіе великихъ державъ поглощено было польскимъ и датскимъ вопросами. Извѣстно, что связанныя съ ними событія сильно уронили и дискредитировали французское правительство. Наполеонъ III велъ себя настолько безтактно, что успѣлъ возстановить противъ себя одновременно и Россію, и Пруссію, и Австрію; одно время онъ могъ даже опасаться, что эти державы соединятся противъ него и возстановятъ Священный Союзъ. А такъ какъ въ тотъ моментъ онъ по цѣлому ряду причинъ не могъ ждать никакой помощи отъ Англіи, то у него оставался тогда единственный возможный союзникъ: это— Италія.

Поэтому онъ снова повернулъ фронтъ и въ іюнѣ 1864 года возобновилъ дипломатическія сношенія съ Туриномъ, прерванныя въ 1862 году. На этотъ разъ дипломатическіе агенты Виктора-Эммануила, поддерживаемые принцемъ Наполеономъ, Бенедетти и Лавалеттомъ, остерегались требовать Рима; но они напомнили Наполеону III про его обѣщаніе *освободить Италію до Адріатическаго моря.* На это императоръ возразилъ, что онъ можетъ отдать итальянцамъ Венецію не иначе, какъ послѣ войны съ тремя сѣверными державами. Пеполи и Нигра не стали настаивать, но они позволили себѣ замѣтить, что если Италія сама не начнетъ войны, то она раньше или позже подвергнется нападенію со стороны Австріи, а въ такомъ случаѣ ей безусловно необходима въ полномъ смыслѣ слова *стратегическая* столица, находящаяся въ безопасномъ мѣстѣ, и Флоренція, прикрываемая рѣкой По и Аппенинами, представляетъ гораздо больше безопасности, чѣмъ Туринъ.

Французское правительство не стало противорѣчить. Тогда итальянскіе дипломаты начали доказывать, что перемѣщеніе правительства въ Тоскану произведетъ на всемъ полуостровѣ самое дурное впечатлѣніе, и что если итальянцамъ, страстно желающимъ имѣть Римъ своей столицей, суждено еще пережить такое глубокое разочарованіе, то было бы справедливо доставить имъ хоть нѣкоторое утѣшеніе въ видѣ прекращенія оккупаціи Папской области чужеземными войсками. При этомъ, какъ объясняли дипломаты, свѣтская власть папы не подвергается ровно никакой опасности; Викторъ-Эммануилъ не коснется папскихъ владѣній, а въ случаѣ нужды станетъ даже защищать ее ото всякихъ посягательствъ.

Наполеонъ III только и ждалъ убѣдительныхъ аргументовъ. Такимъ-то путемъ и заключена была конвенція 15 сентября 1864 года, по которой Италія обязалась не нападать на владѣнія св. престола и даже защищать ихъ отъ всякихъ покушеній, а Франція обѣщала отозвать свои войска, когда будетъ организована собственная армія папы, но во всякомъ случаѣ не позже двухлѣтняго срока. Папа могъ сформировать эту армію въ той формѣ, въ какой ему заблагоразсудится, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она ни въ какомъ случаѣ не могла быть превращена въ орудіе нападенія на Италію. Наконецъ, Италія должна была принять на себя извѣстную долю долга бывшихъ церковныхъ владѣній.

Этотъ договоръ былъ, очевидно, преисполненъ недомолвокъ и заднихъ мыслей. Если бы въ Римѣ вспыхнула революція, которую итальянскому правительству нетрудно было вызвать, то оно поспѣшило бы, конечно, занять городъ подъ предлогомъ *возстановленія порядка.* Но въ предвидѣніи этой возможности французское правительство, съ своей стороны, оставило за собой полную свободу вмѣшательства. Одно время казалось, что сентябрьская конвенція послужитъ залогомъ примиренія между Италіей и Напо-

леономъ III, но впослѣдствіи оказалось, что она-то окончательно поссорила ихъ другъ съ другомъ.

Пій IX и Силлабусъ.—Этотъ договоръ, который императоръ заключилъ, не посовѣтовавшись предварительно съ римской куріей, долженъ былъ, естественно, привести папу въ крайнее негодованіе. Пій IX далъ на этотъ актъ такой отвѣтъ, который долженъ былъ значительно усилить затруднительное положеніе французскаго императора. 8 декабря 1864 года онъ обнародовалъ энциклику „Quanta-cura“, къ которой приложенъ былъ „Силлабусъ“, заключавшій рядъ положеній, которыя папа отъ имени католической церкви предавалъ анаѳемѣ, какъ нечестивыя и еретическія. Это двойное profession de foi, проникнутое средневѣковымъ духомъ, было кореннымъ отрицаніемъ всѣхъ современныхъ вольностей; оно осуждало съ грубой и наивной откровенностью элементарные принципы публичнаго права, провозглашенные Франціей въ 1789 году и въ концѣ-концовъ признанные вслѣдъ за нею почти всѣми европейскими государствами (въ частности—Италіей).

Прусско-итальянскій союзъ.—Опубликованіе папскаго манифеста, который Викторъ-Эммануилъ обошелъ презрительнымъ молчаніемъ, но которымъ Наполеонъ III былъ крайне раздраженъ (такъ какъ онъ усилилъ наглость французскаго духовенства), снова сблизило Францію и Италію. Чтобы ослабить нетерпѣніе итальянцевъ, для которыхъ обладаніе Римомъ попрежнему составляло предметъ самыхъ пылкихъ желаній, Наполеонъ III выразилъ готовность облегчить имъ пріобрѣтеніе Венеціи; для достиженія этой цѣли онъ не объявилъ войны Австріи, а просто помогъ Италіи сблизиться съ Пруссіей, которая, по окончаніи войны за герцогства, искала ссоры съ Австріей.

Незадолго до того Викторъ-Эммануилъ поставилъ во главѣ министерства генерала Ламармору, извѣстнаго „пруссомана“, а испытанный другъ Италіи, Бенедетти, отправленъ былъ въ Берлинъ въ качествѣ французскаго посланника (октябрь 1864 года). Между Бисмаркомъ и Наполеономъ III уже происходили совѣщанія относительно основательной перетасовки границъ европейскихъ государствъ.

Около средины 1865 года прусскій канцлеръ, увѣренный, что ему удастся убѣдить своего государя рѣшиться на войну съ Австріей, обратился къ Ламарморѣ съ формальнымъ предложеніемъ союза, условія котораго были быстро выработаны между Берлинскимъ и Флорентинскимъ дворами. Но въ рѣшительный моментъ король Вильгельмъ, мучимый угрызеніями легитимистской и консервативной совѣсти, предпочелъ вступить въ переговоры съ Австріей, которая, испугавшись прусско-итальянскаго сближенія, согласилась на Гаштейнскую конвенцію (14 августа 1865 года).

Италія, напрасно скомпрометировавшая себя и такъ благородно оставленная на произволъ судьбы, сначала выказала крайнее недовольство, которое раздѣлялось и Наполеономъ III. Послѣдній началъ тайные переговоры съ Австріей и силился ее убѣдить, что въ ея интересахъ лежитъ добровольная уступка Венеціи Виктору-Эммануилу, такъ какъ ей въ такомъ случаѣ не придется воевать одновременно на два фронта, съ Пруссіей и съ Италіей (сентябрь 1865 г.). Но Францъ-Іосифъ отклонилъ это предложеніе, какъ оскорбительное для своей чести. Напротивъ, Бисмаркъ вскорѣ послѣ того снова пріѣхалъ въ Біаррицъ для того, чтобы постараться обойти императора французовъ. Наполеонъ III, съ одной стороны, увлеченный этимъ великимъ соблазнителемъ, а съ другой—воображая, что онъ, когда захочетъ, сумѣетъ одурачить Бисмарка и въ удобный моментъ выступить

въ качествѣ верховнаго посредника между Австріей и Пруссіей, снова согласился на союзъ Виктора-Эммануила съ Вильгельмомъ для завоеванія Венеціи.

Во второй разъ австро-прусская война, казалось, должна была разразиться съ минуты на минуту, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Берлинъ прибылъ генералъ Говоне, котораго Ламармора командировалъ въ прусскую столицу подъ предлогомъ ознакомленія съ прусской фортификаціонной системой, а на самомъ дѣлѣ для заключенія союза съ прусскимъ правительствомъ (9 марта 1866 г.). Но на этотъ разъ Италія рѣшила принять всѣ мѣры предосторожности. По договору, заключенному 8 апрѣля 1866 года, Италія обязалась со всѣми своими силами атаковать Австрію, но только послѣ того, какъ Пруссія нападетъ на нее первой. Послѣдней предоставлено было выбрать удобный моментъ для объявленія войны; но если бы война не началась въ трехмѣсячный срокъ, то итальянское правительство имѣло право считать договоръ недѣйствительнымъ. Союзники обязались не заключать мира одинъ безъ другого и не полагать оружія до тѣхъ поръ, пока Италія не получитъ Венецію, а Пруссія не добьется такого же территоріальнаго расширенія въ Германіи. Наконецъ прусскій король долженъ былъ дать Виктору-Эммануилу субсидію въ 120 милліоновъ.

Кампанія 1866 года и присоединеніе Венеціи. — Разрывъ снова былъ замедленъ дипломатическими осложненіями. Политика Наполеона III принимала все болѣе запутанный и противорѣчивый характеръ. Онъ снова началъ таинственные переговоры съ Австріей и 12 іюня заключилъ съ ней тайный договоръ, благодаря которому онъ надѣялся склонить Италію къ отдѣльному соглашенію съ Австріей, за что послѣдняя уступила бы ей Венецію. Бисмаркъ, опасаясь отпаденія Италіи отъ Пруссіи, рѣшилъ ускорить открытіе военныхъ дѣйствій, которыя и начались въ Германіи 16 іюня.

Тогда итальянская армія немедленно была мобилизована, и въ то время какъ Гарибальди во главѣ корпуса волонтеровъ собирался вторгнуться въ Тироль, два значительныхъ корпуса регулярныхъ войскъ двинулись на Венеціанскую область, одинъ черезъ Минчіо, а другой— черезъ нижнее теченіе По (20 іюня). Но первая (и болѣе сильная) итальянская армія, наступавшая въ крайнемъ безпорядкѣ подъ начальствомъ Ламарморы, наткнулась на извѣстныхъ уже высотахъ при Кустоццѣ на эрцгерцога Альбрехта и была разбита на голову (24 іюня). Эта неудача, постигшая итальянцевъ при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, не предвѣщала для нихъ ничего хорошаго. Но черезъ нѣсколько дней пруссаки одержали громкую побѣду при Садовой (3 іюля), и итальянцы подняли голову.

На другой же день послѣ сраженія при Садовой растерявшаяся Австрія поспѣшила обратиться къ посредничеству Наполеона III и предложила уступить ему Венецію, которую онъ, со своей стороны, долженъ былъ переуступить Италіи. Императору французовъ очень хотѣлось склонить Италію къ прекращенію военныхъ дѣйствій и такимъ образомъ принудить Пруссію къ заключенію мира, но для этого ему пришлось бы произвести вооруженную демонстрацію, которую онъ не могъ или не смѣлъ сдѣлать. Италія воспользовалась его бездѣйствіемъ (или безсиліемъ) и осталась вѣрна Пруссіи; несмотря на испытанныя ею неудачи, она вовсе не хотѣла слагать оружія. Если бы Пруссія была побѣждена, то она, конечно, вела бы себя совершенно иначе и поспѣшила бы принять предлагаемую ей Наполеономъ III Венецію. Но послѣ Садовой она считала своимъ долгомъ не проявлять уступчивости; мысль о пораженіи при Кустоццѣ мучила итальянцевъ, и они страстно желали возстано-

вить честь своего знамени и овладѣть Венеціей силою оружія.

Кромѣ того, итальянцы не довольствовались одной Венеціанской областью; имъ хотѣлось овладѣть Тріентомъ и даже Тріестомъ. Они протестовали противъ стремленія Франціи унизить ихъ и держать ихъ подъ своей опекой; поэтому они отвергли всякія предложенія о перемиріи и 8 іюля снова попытались вторгнуться на венеціанскую территорію (гдѣ, впрочемъ, они непріятеля не нашли). Но если они не встрѣтили сопротивленія на сушѣ, то они были не такъ счастливы на морѣ, гдѣ флотъ ихъ, которымъ они разсчитывали воспользоваться для высадки на Иллирійскомъ берегу, былъ совершенно разбитъ при Лиссѣ австрійскимъ адмираломъ Тегетгофомъ (20 іюля) [1]. Въ довершеніе разочарованій черезъ нѣсколько дней послѣ этой битвы, а именно 26 іюля, Пруссія, которая, благодаря неожиданной поддержкѣ Наполеона III, получила полное удовлетвореніе въ вопросѣ о территоріальномъ расширеніи, безъ совѣта съ Италіей заключила съ Австріей перемиріе въ Никольсбургѣ, за которымъ скоро послѣдовалъ Пражскій миръ (24 августа).

Италія была глубоко возмущена этимъ новымъ предательствомъ; она протестовала, но тщетно. Бисмаркъ отвѣтилъ, что ей обѣщана была помощь въ дѣлѣ завоеванія Венеціи—и больше ничего; но вѣдь обладаніе этой областью ей обезпечено. Наполеонъ III отправилъ въ Венецію генерала Лебёфа для того, чтобы передать эту область послѣ плебисцита итальянцамъ; такимъ образомъ Викторъ-Эммануилъ принужденъ былъ подписать 10 августа предварительныя условія мира, а черезъ нѣкоторое время (3 октября 1866 года)—подтверждавшій ихъ окончательный договоръ. Итальянскій народъ не скрывалъ своего неудовольствія, и—что всего удивительнѣе — главное его раздраженіе обратилось противъ Франціи; а между тѣмъ послѣдняя подарила Италіи область, которую она сама не въ силахъ была завоевать

Римскій вопросъ въ 1867 году.—Испытанное Италіей униженіе лишь разжигало въ ней желаніе загладить непріятное воспоминаніе захватомъ Рима, отъ котораго она никогда не отказывалась. Теперь для полноты территоріальнаго объединенія ей недоставало только столицы; она громко требовала присоединенія Рима и не могла сдержать своего нетерпѣнія. Въ началѣ 1867 года она съ тѣмъ большей рѣшимостью и смѣлостью начала выставлять свои требованія, что къ этому времени съ достаточной опредѣленностью выяснилось политическое банкротство Наполеона III, губившаго въ безплодныхъ переговорахъ съ Пруссіей и тотъ послѣдній престижъ, который еще оставался у него послѣ сраженія при Садовой.

Въ разгаръ Люксембургскаго кризиса [1]) Раттацци снова сдѣлался президентомъ Флорентинскаго кабинета (10 апрѣля 1867 года). Этотъ министръ, нравившійся императору, не переставалъ расточать ему увѣренія въ своей преданности, но когда Наполеонъ III предложилъ ему союзъ, то онъ постарался отдѣлаться пустыми фразами и заявилъ, что въ конфликтѣ между двумя своими благодѣтельницами, Франціей и Пруссіей, Италія никакъ не можетъ принять чью-либо сторону. На самомъ дѣлѣ Раттацци не хотѣлъ дѣйствовать ни въ пользу одной, ни въ пользу другой; всѣ его помыслы сосредоточились на овладѣніи Римомъ. Гарибальди открыто стремился возбудить волненія въ папскихъ владѣніяхъ и организовалъ новыя банды; министръ не

[1]) Командовавшій итальянскимъ флотомъ адмиралъ Персано впослѣдствіи былъ обвиненъ въ томъ, что не исполнилъ во время этого сраженія своего дѣла, и былъ преданъ военному суду, который приговорилъ его къ лишенію чиновъ.

[1]) Какъ извѣстно, въ началѣ апрѣля 1867 года вопросъ о Люксембургѣ чуть было не привелъ къ столкновенію между Франціей и Пруссіей.

мѣшалъ ему, увѣренный въ томъ, что франко-прусскій конфликтъ дастъ ему несомнѣнно возможность безнаказанно водрузить знамя итальянскаго единства на берегахъ Тибра.

Правда, этотъ конфликтъ былъ задержанъ лондонской конференціей (май 1867 года), и Савойскому дому пришлось отложить осуществленіе своихъ проектовъ, но онъ не отказался отъ своихъ надеждъ. Но гарибальдійская агитація не прекращалась; прусское правительство поддерживало ее, такъ какъ въ его интересахъ было сѣять недоразумѣнія между Флорентинскимъ кабинетомъ и Наполеономъ III. Раттацци съ своей стороны не ставилъ помѣхъ Гарибальди и, продолжая во всеуслышаніе заявлять о точномъ соблюденіи сентябрьской конвенціи, съ другой стороны, объяснялъ императору французовъ, что онъ не можетъ, не рискуя вызвать революціи, принять рѣзкихъ мѣръ, такъ какъ итальянская нація упорно желаетъ имѣть Римъ своей столицей.

Наполеону III очень хотѣлось разъ навсегда покончить съ римскимъ вопросомъ, мучившимъ его какъ неотступный кошмаръ, но онъ ни съ чьей стороны не встрѣчалъ помощи. Въ концѣ 1866 года онъ предложилъ великимъ державамъ созвать спеціальный конгрессъ для рѣшенія этого вопроса, но это предложеніе осталось безрезультатнымъ. Римская курія упорно продолжала отказывать своимъ подданнымъ въ какихъ бы то ни было либеральныхъ реформахъ. Въ іюнѣ 1867 года Пій IX добился отъ 450 епископовъ полнаго признанія доктринъ, выраженныхъ имъ въ Силлабусѣ, и поговаривалъ о созывѣ вселенскаго собора, который долженъ былъ провозгласить догматомъ католической церкви не только это изумительное ученіе, но и принципъ непогрѣшимости папы.

Но всѣ эти провокаціи не могли, казалось, поколебать благожелательнаго настроенія французскаго правительства, которое, желая угодить папѣ, позволяло себѣ въ то время такое вольное толкованіе сентябрьской конвенціи, что Флорентинскій кабинетъ долженъ былъ сдѣлать ему самыя серьезныя представленія. Дѣло въ томъ, что на папской службѣ находились тогда нѣсколько тысячъ французовъ, называвшихъ себя добровольцами, но на самомъ дѣлѣ большей частью выходившихъ изъ рядовъ французской арміи, причемъ нѣкоторые изъ нихъ состояли даже на дѣйствительной службѣ; среди ихъ начальниковъ многіе были офицерами, причисленными къ французскимъ войскамъ и получившими отъ своего правительства разрѣшеніе поступить на папскую службу съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ правъ. Это былъ такъ называемый „Антибскій легіонъ", такъ какъ онъ открыто сформировался въ городѣ Антибѣ, имѣлъ тамъ свое депо и продолжалъ вербовать новыхъ рекрутовъ. Въ іюнѣ—іюлѣ 1867 года состоявшій на дѣйствительной службѣ французскій генералъ [1]) открыто устраивалъ этому легіону смотры въ Римѣ, переформировалъ его и держалъ къ нему рѣчи, не оставлявшія никакого сомнѣнія относительно соучастія Тюильри съ Ватиканомъ [2]).

Раттацци протестовалъ противъ этого мошенничества. Наполеонъ III обѣщалъ отказаться отъ всякой солидарности съ Антибскимъ легіономъ, но съ своей стороны жаловался на гарибальдійскихъ волонтеровъ, которые съ каждымъ днемъ все болѣе приближались къ римской территоріи. Флорентинскій кабинетъ отдѣлывался общими словами, но не предпринималъ никакихъ мѣръ противъ движенія Гарибальди. Къ этому моменту отношенія между Франціей и Пруссіей снова сильно обострились; недоставало только толчка, и Гарибальди взялъ на себя задачу подать сигналъ.

[1]) Генералъ Дюмонъ.

[2]) A. Debidour, *Histoire diplomatique de l'Europe*, т. II, глава IX.

Гарибальди при Ментанѣ. — Въ началѣ сентября старый партизанъ отправился въ Женеву, гдѣ подъ его предсѣдательствомъ долженъ былъ состояться „Конгрессъ Мира“, на который съѣхались представители самыхъ передовыхъ революціонныхъ идей въ Европѣ. На всемъ пути народъ толпами стекался при его проѣздѣ. „Будьте готовы,—говорилъ онъ имъ,—избавиться отъ *vomito negro*; смерть черной породѣ! Пойдемъ въ Римъ разрушить это змѣиное гнѣздо; необходима рѣшительная чистка“. Не менѣе рѣзкимъ языкомъ онъ говорилъ и въ Швейцаріи: „Вы нанесли первый ударъ чудовищу,— сказалъ онъ женевцамъ, — Италія въ сравненіи съ вами отстала... *Нашъ долгъ пойти въ Римъ, и мы скоро туда пойдемъ*“.

Тюильрійскій дворъ, въ которомъ усиленіе революціонной партіи начинало возбуждать живѣйшее безпокойство, хотѣлъ положить конецъ этимъ зажигательнымъ воззваніямъ. Поэтому, когда возвратившійся въ Италію Гарибальди приблизился къ предѣламъ папскихъ владѣній, то французское правительство потребовало, чтобы онъ былъ лишенъ возможности вредить. Раттацци повиновался и приказалъ отправить стараго кондотьери на Капреру, гдѣ за нимъ, по словамъ министра, учрежденъ былъ строжайшій надзоръ. Но Наполеонъ III торжествовалъ недолго. Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго происшествія (28 сентября) гарибальдійскіе отряды вторгнулись на папскую территорію и въ нѣсколько недѣль достигли почти самаго Рима.

Раттацци поспѣшилъ, конечно, заявить, что онъ ни при чемъ во всей этой исторіи, и предложилъ занять папскія владѣнія одновременно итальянскими и французскими войсками (13 октября), на что Наполеонъ III, находившійся тогда всецѣло подъ вліяніемъ ультрамонтанской партіи, отвѣтилъ просто требованіемъ, чтобы Раттацци принялъ мѣры къ соблюденію неприкосновенности римской границы. Итальянскій министръ немедленно подалъ въ отставку (21 окт.) и раньше, чѣмъ Чіальдини успѣлъ составить по порученію короля новый кабинетъ, Гарибальди бѣжалъ съ острова Капреры, снова появился въ Тосканѣ, затѣмъ во Флоренціи, гдѣ онъ издалъ прокламацію къ итальянцамъ (22 октября), открыто выѣхалъ въ спеціальномъ поѣздѣ къ своимъ войскамъ, вступилъ въ предѣлы папскихъ владѣній и дошелъ до стѣнъ Рима.

На этотъ разъ Наполеонъ III больше не колебался. Войска, собранныя за нѣсколько недѣль до того въ Тулонѣ, получили приказъ немедленно сѣсть на корабли; а 30 октября французскій авангардъ уже вступалъ въ Римъ. Во всей Италіи господствовало сильнѣйшее возбужденіе. Послѣ Чіальдини, не успѣвшаго выполнить возложенное на него порученіе, генералъ Менабреа наскоро составилъ новое министерство и, для удовлетворенія общественнаго мнѣнія, съ своей стороны послалъ въ папскія владѣнія нѣсколько итальянскихъ полковъ. 3 ноября папскія войска наткнулись при Ментанѣ на гарибальдійцевъ; они были почти разбиты, но спасены французами, которые нанесли вождю „красныхъ рубашекъ“ рѣшительное пораженіе. „Шассно совершили чудеса“, телеграфировалъ французскій генералъ Файи.

Кардиналъ Антонелли потребовалъ, чтобы теперь французскія войска обратились противъ солдатъ Виктора-Эммануила, но французскій генералъ не послушался его совѣтовъ, притомъ Менабреа поспѣшилъ отдать приказъ объ эвакуаціи занятыхъ итальянцами пунктовъ церковной территоріи. Въ то же время онъ приказалъ (на этотъ разъ серьезно) арестовать Гарибальди, сторонники котораго немедленно разсѣялись. Но, желая доказать, что въ патріотизмѣ онъ не уступитъ Гарибальди, онъ 9 ноября разослалъ циркуляръ, въ которомъ во всеуслышаніе про-

возглашалъ неотъемлемое право Италіи на обладаніе Римомъ.

Новыя колебанія Наполеона III. — Наполеонъ III очутился въ болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ когда-либо. Что было ему дѣлать? Продолжать оккупацію папскихъ владѣній? Италія этого бы ему не простила. Снова эвакуировать ихъ? Но въ такомъ случаѣ клерикальная партія объявила бы ему войну не на животъ, а на смерть. Онъ снова заговорилъ тогда о европейскомъ конгрессѣ, но слишкомъ многія державы (а въ особенности Пруссія и Венгрія) были заинтересованы въ затруднительномъ положеніи Наполеона III, и эта идея не имѣла никакихъ шансовъ на успѣхъ. Кромѣ того, французскій министръ Руэръ, для того чтобы угодить клерикальному большинству Законодательнаго Корпуса, имѣлъ неосторожность взять на себя обязательство никогда не допустить итальянцевъ въ Римъ; такимъ образомъ вопросъ былъ предрѣшенъ, и конгрессъ сдѣлался совершенно безполезенъ. „Отъ имени французскаго правительства, — воскликнулъ ораторъ,—мы заявляемъ, что Италія не овладѣетъ Римомъ. Никогда Франція не допуститъ этого посягательства на свою честь и на католическій міръ“ (5 декабря).

Съ этого момента для дружественныхъ отношеній между Парижскимъ и Флорентинскимъ кабинетами не могло быть мѣста; точно такъ же не могло быть больше рѣчи о европейскомъ рѣшеніи этого вопроса, и о немъ перестали говорить. Сентябрьская конвенція 1864 года осталась простымъ воспоминаніемъ; французскія войска продолжали охранять папу, а Италія проникласъ враждебнымъ чувствомъ къ французскому народу, купившему ея свободу своей собственной кровью, и стала дожидаться его несчастья, которое должно было позволить ей безъ риска вступить во владѣніе Римомъ.

Италія и Австро-Венгерская политика въ 1868 и 1869 году. — Однако нѣкоторые политическіе дѣятели не отказались отъ надежды не только сблизить, но и связать узами тѣсной дружбы Парижскій и Флорентинскій кабинеты. Въ теченіе двухъ лѣтъ, предшествовавшихъ франко-нѣмецкому конфликту 1870 года, въ этомъ направленіи неоднократно дѣлались серьезныя усилія. Первая попытка въ этомъ смыслѣ сдѣлана была австрійскимъ правительствомъ, которое въ управленіе Бейста, яраго противника Бисмарка, мечтало о реваншѣ за Садовую, а для подготовленія этого реванша считало сближеніе съ Франціей наиболѣе вѣрнымъ средствомъ. Наполеонъ III, который со времени своихъ неудачъ 1866 и 1867 гг. также помышлялъ о рѣшительной войнѣ противъ Пруссіи, охотно готовъ былъ соединиться съ Францемъ-Іосифомъ и предложилъ ему свой союзъ.

Въ 1868 году переговоры приняли болѣе опредѣленную форму. Бейстъ уже и тогда не скрывалъ, что союзъ Франціи съ Австріей невозможенъ безъ участія Италіи; въ союзѣ съ одной Франціей Австрія не рѣшалась начинать войну съ Пруссіей. Она опасалась нападенія Италіи съ фланга, такъ какъ она помнила, что въ 1866 году Италія намѣревалась отнять у нея Тріентъ, Тріестъ и Истрію, и знала, что она попрежнему готова была требовать предоставленія ей этихъ территорій [1]). Между тѣмъ, если бы Австріи удалось помирить Виктора-Эммануила съ Наполеономъ III и если бы Франція и Италія составили съ Австріей тройственный союзъ, то война съ Пруссіей не представляла бы никакой опасности. А для того чтобы привлечь на свою сторону Италію, необходимо было дать ей

[1]) Итальянскіе патріоты не переставали требовать отъ Австріи, да и сейчасъ еще требуютъ части этой „Italia irredenta“ (нѣкоторые заявляютъ сверхъ того притязаніе и на Далмацію), а съ другой стороны, они мечтаютъ о присоединеніи Тессинскаго кантона, Савойи, Ниццы, Корсики и даже, острова Мальты.

возможность овладѣть Римомъ; Бейстъ, съ своей стороны, ничего не имѣлъ противъ такого исхода, такъ какъ въ разсматриваемый моментъ онъ былъ недоволенъ римской куріей и ничуть не былъ заинтересованъ въ защитѣ свѣтской власти папы.

Присоединеніе Наполеона III къ подобной программѣ было бы тѣмъ естественнѣе, что въ это время онъ имѣлъ больше, чѣмъ когда-либо, основаній быть недовольнымъ папской политикой. 26 іюня 1868 года Пій IX созвалъ наконецъ на 8 декабря слѣдующаго года вселенскій соборъ, съ помощью котораго онъ намѣревался провозгласить догматъ папской непогрѣшимости и санкціонировать доктрины Силлабуса. Порывая съ исторической традиціей церкви, онъ не пригласилъ на соборъ посланниковъ католическихъ правительствъ, среди которыхъ посланникъ Франціи долженъ былъ бы занять первое мѣсто. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ февралѣ 1869 года) „*Civiltà cattolica*", оффиціальный органъ Ватикана, изложилъ въ совершенно опредѣленныхъ выраженіяхъ программу предстоящаго собора. „Эта программа,—какъ замѣтилъ одинъ современный историкъ, — сводилась къ признанію безусловной власти католической церкви надъ обществомъ, къ полному подчиненію всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ и всѣхъ свѣтскихъ властей власти непогрѣшимаго папы. Это равносильно было полному отрицанію духа и текста положительныхъ законовъ, давно уже дѣйствующихъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ" [1]).

Французская демократія не могла понять, какъ можетъ Наполеонъ III, заявляющій себя сыномъ Революціи, охранять своими солдатами авторовъ подобныхъ теорій. Но этотъ государь, колебавшійся, какъ всегда, между двумя политическими принципами, хотя и дѣлалъ значительныя уступки либеральной партіи (особенно послѣ общихъ выборовъ 1869 года), не рѣшался открыто порвать съ ультрамонтанами, плѣнникомъ которыхъ онъ сдѣлался уже давно. Въ срединѣ 1869 года тайные переговоры, клонившіеся къ созданію тройственнаго союза, готовы были, повидимому, привести къ положительному результату. Камнемъ преткновенія, о который разбилась эта комбинація, явился римскій вопросъ. Наполеонъ III не соглашался удовлетворить требованіе итальянцевъ; поэтому переговоры между тремя державами были прерваны, причемъ онѣ (въ августѣ) ограничились неяснымъ обѣщаніемъ придерживаться общей политики, а Италія и Австрія оставили за собой право объявить нейтралитетъ въ томъ случаѣ, если Франція несвоевременно возьметъ на себя иниціативу войны.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Бейстъ, убѣжденный въ неизбѣжности франко-прусской войны и не желая быть противъ своей воли вовлеченнымъ въ этотъ конфликтъ Наполеономъ III, задумалъ заключить съ Флорентинскимъ кабинетомъ договоръ, по которому Италія и Австрія должны были выжидать событій, а въ удобный моментъ выступить въ роли вооруженнаго посредника между воюющими сторонами. Наполеонъ III не только прекрасно зналъ объ этихъ переговорахъ, но даже выказалъ готовность содѣйствовать ихъ благополучному концу. Эрцгерцогъ Альбрехтъ въ началѣ 1870 года прибылъ въ Парижъ для ознакомленія съ военной организаціей Франціи. „Любопытно, что онъ остался вполнѣ ею доволенъ, что̀, безъ всякаго сомнѣнія, не мало способствовало ослѣпленію Наполеона III, которое французскій императоръ вскорѣ обнаружилъ, вызвавши войну съ Пруссіей. Но политика Бейста наталкивалась на упорное сопротивленіе Наполеона III желанію итальянцевъ овладѣть Римомъ. И такимъ-то образомъ она па-

[1]) Юліусъ Целлеръ въ сочиненіи „Пій IX и Викторъ-Эммануилъ".

рализовалась вплоть до наступленія катастрофы, положившей конецъ Второй Имперіи“ [1]).

Наполеонъ III и Ватиканскій Соборъ.— Засѣданія собора открылись въ декабрѣ 1869 года. Папа собственной властью и деспотически установилъ порядокъ его занятій, оставивши ему только то, что католическая церковь называетъ „свободой добра“. Онъ намѣревался провести на этомъ соборѣ не только догматъ папской непогрѣшимости, но и канонъ (схема *De Ecclesia*), который, медіатизируя всѣхъ епископовъ въ пользу верховнаго первосвященника и санкціонируя принципы Силлабуса, являлся немаловажнымъ посягательствомъ на власть свѣтскаго государства. Тюильрійскій кабинетъ, который имѣлъ больше всѣхъ остальныхъ правительствъ основаній опасаться подобныхъ притязаній, одно время подъ вліяніемъ министра иностранныхъ дѣлъ, графа Дарю, хотѣлъ было потребовать допущенія на соборъ французскаго посланника и счелъ нужнымъ пригласить христіанскія державы къ совмѣстному противодѣйствію папской политикѣ. Но послѣднія, вслѣдствіе ли индифферентизма или по зложелательству, не откликнулись на его призывъ.

Римская курія не обращала на него никакого вниманія; онъ не могъ даже добиться отъ нея права представить собору меморандумъ отъ имени французскаго правительства. Тогда онъ попытался расшевелить и увлечь за собой хотя бы Австрію и Италію, но первая изъ этихъ державъ не хотѣла ничего предпринимать безъ второй, а послѣдняя упорно домогалась Рима. Въ Тюильри возникла было мысль отказаться отъ всякой солидарности съ Ватиканомъ, но на такую крайнюю мѣру французское правительство не рѣшилось. Дарю вышелъ въ отставку (апрѣль 1870 года). Съ этого момента императорское правительство сочло благоразумнымъ держаться пассивной политики, заявивши, что оно оставляетъ за собой „свободу оцѣнки дальнѣйшихъ дѣйствій“ (іюнь). Черезъ шесть недѣль (въ іюлѣ) соборъ вотировалъ *De Ecclesia* и догматъ папской непогрѣшимости. Теперь папа, сдѣлавшійся неограниченнымъ владыкой католической церкви, могъ лишиться остававшагося еще въ его рукахъ клочка земли: ему принадлежало полміра; не было ни одного католическаго государства, въ которомъ онъ съ помощью послушнаго и дисциплинированнаго духовенства не могъ бы по желанію вызвать смуты и которое не принуждено было бы считаться съ нимъ болѣе, чѣмъ когда-либо.

Итальянская политика въ іюлѣ и августѣ 1870 года. — Въ этотъ именно моментъ осужденный рокомъ Наполеонъ III объявилъ войну Пруссіи, пустившись въ эту авантюру безъ всякихъ союзниковъ. 11 іюля Австро-Венгрія объявила ему, что она не дастъ себя увлечь въ войну и что возлагаетъ на него самого всю отвѣтственность за серьезное рѣшеніе, которое онъ собирался принять. Что же касается Флорентинскаго двора, которому французское правительство снова сдѣлало предложеніе (16 іюля), то онъ отказался вступить съ нимъ въ союзъ зато, что оно не соглашалось отдать Италіи Римъ. Италія могла добиться отъ императора только согласія на отозваніе французскихъ войскъ изъ папскихъ владѣній и на возстановленіе сентябрьской конвенціи (20 іюль). Но она надѣялась черезъ посредство австро-венгерскаго правительства вырвать у него согласіе на жертву, которую до сихъ поръ Франція не хотѣла принести.

Въ это время Бейстъ употреблялъ величайшія усилія для того, чтобы осуществить наконецъ тотъ австро-итальянскій союзъ, мечту о которомъ онъ давно уже лелѣялъ, и въ концѣ іюля онъ могъ счи-

[1]) A. Debidour, *Histoire diplomatique de l'Europe*, т. II, глава X.

тать себя близкимъ къ достиженію цѣли. Было условлено, что оба государства соединятъ свои силы для вооруженнаго посредничества и что Австрія пошлетъ свои войска не только въ Силезію, но и въ Баварію, куда, съ своей стороны, двинутся итальянскія войска. Но Францъ-Іосифъ и Викторъ-Эммануилъ просили дать имъ шесть недѣль на мобилизацію своихъ армій и хотѣли перейти къ активнымъ дѣйствіямъ не раньше, чѣмъ французы вторгнутся въ Южную Германію. Наконецъ, Наполеонъ III долженъ былъ допустить вступленіе итальянцевъ въ Римъ.

Послѣднее условіе погубило весь планъ. Сторонники свѣтской власти папы старались объяснить императору, что если онъ выйдетъ изъ войны побѣдителемъ, то Италія вступитъ съ нимъ въ союзъ и безъ Рима, а въ противномъ случаѣ онъ не добьется итальянскаго союза ни за какую цѣну. Въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ III выѣзжалъ изъ Парижа къ своей арміи (28 іюля), ничего еще не было рѣшено. Итальянскій агентъ Вимеркати отправился въ Мецъ для личнаго свиданія съ императоромъ; принцъ Наполеонъ, съ своей стороны, присоединилъ свои усилія къ усиліямъ дипломатіи. Но все это было безполезно; еще 5 августа императоръ не могъ придти ни къ какому опредѣленному рѣшенію. На слѣдующій день французская армія потерпѣла полное пораженіе при Рейхсгофенѣ, а черезъ восемь дней пруссаки проникли уже въ сердце Франціи.

„Викторъ-Эммануилъ находился въ театрѣ, когда ему сообщили про постигшую французовъ катастрофу. „Бѣдный императоръ! — воскликнулъ король *galantuomo*,—бѣдный императоръ! Но я-то, чортъ побери, ловко вывернулся!“ Понятно, что съ этого момента о союзѣ не могло уже быть никакой рѣчи. „Съ побѣжденными не заключаютъ союза“, сказалъ Наполеону III одинъ изъ его министровъ. Тщетно императоръ 8 августа обратился за помощью къ тѣмъ государямъ, для которыхъ онъ былъ въ теченіе многихъ лѣтъ защитникомъ и другомъ. Викторъ-Эммануилъ выражалъ полное сочувствіе несчастію Франціи, но прятался за свои обязанности конституціоннаго короля. А его министерство не желало придти на помощь Наполеону III. Онъ вооружался, но лишь для того, чтобы захватить Римъ, которымъ онъ давно уже надѣялся овладѣть безъ всякаго риска“ [1]).

Чтобы разъ навсегда положить конецъ французскимъ ходатайствамъ, Викторъ-Эммануилъ внушилъ Лондонскому кабинету (10 августа) первую идею нейтральной лиги, которая быстро составилась и къ которой Италія оффиціально примкнула 19 августа. Но Наполеонъ III, который чувствовалъ, что имперія рушится благодаря иностранному нашествію, съ одной стороны, и подъ вліяніемъ революціоннаго движенія—съ другой, не хотѣлъ все-таки терять надежду. Онъ все еще вѣрилъ въ помощь Италіи, которую онъ такъ любилъ и которая могла его спасти. Онъ послалъ во Флоренцію (19 августа) принца Наполеона, чтобы въ послѣдній разъ попытаться подѣйствовать на Виктора-Эммануила, но и эта попытка, подобно предыдущимъ, закончилась неудачей. Но даже въ эту критическую минуту императоръ не рѣшался выразить свое согласіе на занятіе Рима итальянцами. А между тѣмъ они съ большей энергіей, чѣмъ когда бы то ни было, перомъ Висконти-Веноста (29 августа) заявили, что они считаютъ себя вправѣ занять *свою столицу*.

Занятіе Рима.—Пораженіе Наполеона III подъ Седаномъ и революція 4 сентября позволили, наконецъ, итальянцамъ овладѣть Римомъ безъ всякаго риска. Французскія войска еще раньше оставили пап-

[1]) A. Debidour, *Histoire diplomatique*, т. II, глава X.

скія владѣнія. 6 сентября Флорентинскій кабинетъ сообщилъ правительству Національной Обороны, что отнынѣ онъ не считаетъ себя связаннымъ сентябрьской конвенціей, а французское правительство, не входя въ обсужденіе вопроса съ юридической стороны, предоставило Италіи полную свободу дѣйствій. 8 сентября Викторъ-Эммануилъ послалъ Пію IX ультиматумъ; папа, какъ и слѣдовало ожидать, рѣшительно отказался вступать съ Флорентинскимъ правительствомъ въ какіе бы то ни было переговоры.

Старый папа прекрасно понималъ, что онъ не въ силахъ помѣшать итальянцамъ занять Римъ. Но онъ считалъ вопросомъ чести не отрекаться отъ своихъ правъ добровольно и уступить только насилію. При извѣстіи о приближеніи генерала Кадорна, на котораго возложена была угрожавшая папѣ военная экзекуція, онъ приказалъ запереть и забаррикадировать городскія ворота. Но когда итальянцы пушечными ядрами пробили брешь въ воротахъ *Pia*, папа не пожелалъ подвергать безполезному риску своихъ послѣднихъ защитниковъ и приказалъ вывѣсить бѣлый флагъ на замкѣ Святого Ангела. Такимъ образомъ Кадорна спокойно овладѣлъ (20 сентября) Римомъ, а Пій IX въ качествѣ добровольнаго плѣнника заперся навсегда въ Ватиканѣ. Черезъ нѣсколько дней (2 октября) населеніе небольшого папскаго государства почти единогласно вотировало присоединеніе этой территоріи къ Итальянскому королевству. Итакъ, благодаря постигшему Наполеона III несчастью завершилась великая революція, которая столькимъ обязана была его благополучію и которую Викторъ-Эммануилъ, Кавуръ и Гарибальди не могли бы безъ его помощи довести до конца, а быть можетъ, даже и начать.

Глава VIII.

Объединеніе Германіи.

1852—1870.

Германія отъ 1852 до 1855 года.—Революціонное движеніе 1848 года въ Германіи выдвинуло лозунги объединенія и свободы, и эта сложность программы явилась, быть можетъ, одной изъ причинъ пораженія революціи. Сторонники германскаго единства, не столько обезкураженные своимъ конечнымъ пораженіемъ, сколько возбужденные своей временной побѣдой, внимательно вдумались въ свое положеніе, признали свою относительную слабость и ограничили свои пожеланія; а общность стремленій тѣсно сблизила ихъ съ Гогенцоллернами.

Ихъ гнѣвъ былъ бы безсиленъ, если бы побѣдители намѣрены были просто вернуться къ прежнему положенію вещей; но второстепенные нѣмецкіе государи, не успѣвшіе еще вполнѣ оправиться отъ пережитыхъ ими треволненій, вывели изъ постигшихъ ихъ испытаній то заключеніе, что необходимо дать нѣкоторое удовлетвореніе народнымъ требованіямъ. Они начали требовать отъ Сейма активныхъ дѣйствій, къ которымъ онъ не былъ способенъ ни по своему происхожденію, ни по своему характеру; этимъ путемъ они поддерживали агитацію, которая въ конечномъ счетѣ обратилась противъ нихъ самихъ, такъ какъ они возбуждали надежды, удовлетворить которыя они были безсильны.

Австрія, съ своей стороны, послѣ событій послѣдняго времени относилась къ Пруссіи съ величайшимъ недовѣріемъ, въ такой же степени преувеличивая свои силы; она уже не довольствовалась моральнымъ авторитетомъ и косвеннымъ воздѣйствіемъ, которое она оказывала во времена Меттерниха, и хотѣла превратить Франкфуртскій Сеймъ въ орудіе своего господства; при всей доброй волѣ Фридриха Вильгельма IV Пруссія не могла позволить себя „майоризировать“ и согласиться на отводимое ей подчиненное положеніе. Сердечная дружба обоихъ крупныхъ нѣмецкихъ государствъ, продолжавшаяся отъ 1815 до 1848 года и составлявшая основное условіе существованія Германскаго Союза, уступила мѣсто нескончаемому соперничеству, которое съ неизбѣжной необходимостью вело къ конфликту между ними. Въ этой борьбѣ Пруссія имѣла на своей сторонѣ сочувствіе образованныхъ слоевъ, а ея честолюбивыя стремленія нашли для себя благопріятную почву въ развитіи демократическихъ идей въ Европѣ и въ принципѣ національностей, глашатаемъ котораго выступилъ Наполеонъ III. Дипломатиче-

скій геній Бисмарка сумѣлъ использовать эти благопріятныя условія въ интересахъ величія своего отечества, а Роонъ и Мольтке доставили своему государю военныя средства, необходимыя для преодолѣнія тѣхъ препятствій, которыя ставились его честолюбивымъ планамъ традиціями и враждебными интересами.

Чтобы оправиться отъ оцѣпенѣнія, либераламъ понадобилось нѣсколько лѣтъ; въ періодъ 1851—1859 г. реакція торжествовала побѣду безъ стыда и удержа, а монархи, соединившіеся съ дворянствомъ и духовенствомъ для борьбы съ революціонными идеями, рѣшили обезопасить себя отъ новыхъ сюрпризовъ путемъ копированія правительственныхъ пріемовъ Второй Имперіи. Всѣ граждане, такъ или иначе замѣшанные въ послѣднихъ событіяхъ, были взяты подъ надзоръ и подверглись самымъ оскорбительнымъ преслѣдованіямъ; тысячи либераловъ принуждены были покинуть страну, а другіе, придя въ отчаяніе и павши духомъ, устранились отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ.

Чиновники, подчиненные режиму шпіонства, заботились только о томъ, чтобы угодить своему начальству, хотя бы путемъ самаго низкаго холопства. Уровень общественной нравственности понизился, а общественное самосознаніе притупилось; цѣлый рядъ скандальныхъ процессовъ, изъ которыхъ наибольшую извѣстность получилъ процессъ Вальдека въ Берлинѣ, доказалъ глубокое нравственное паденіе администраціи.

Еще живѣе ощущалась въ Германіи религіозная реакція. Обратившійся въ христіанство еврей Шталь, который до самой своей смерти оставался теоретикомъ „Партіи Крестовой Газеты", провозгласивъ, что наука „должна сдѣлать налѣво кругомъ", осуждалъ терпимость, „дочь нечестія", и утверждалъ, что свобода совѣсти „отчасти виновна въ томъ процессѣ разрушенія и разложенія, который характеризуетъ современное состояніе умовъ и грозитъ спокойствію Европы". Суровая ортодоксія пыталась подавить духъ анализа и свободнаго изслѣдованія; въ литературѣ повѣяло вѣтромъ піетизма и реакціи: Оскаръ фонъ-Редвицъ воспѣвалъ въ слащавыхъ и напыщенныхъ поэмахъ какой-то ханжескій мистицизмъ; Викторъ Штрауссъ въ своихъ „Письмахъ о политикѣ" (1853 г.) выставлялъ въ качествѣ идеала человѣчества Мекленбургъ, гдѣ феодальныя учрежденія сохранились во всей своей чистотѣ; Риль подъ предлогомъ организаціи народа проповѣдывалъ возвращеніе къ корпораціямъ и кастамъ.

Въ Пруссіи реакція отличалась такой же жестокостью и нелѣпостью, какъ и въ остальныхъ государствахъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, отчасти по соображеніямъ порядочности, отчасти изъ опасенія окончательно возстановить противъ себя германскихъ либераловъ, наконецъ, и по желанію консерваторовъ, которые видѣли въ конституціи гарантію противъ возможныхъ превратностей судьбы и капризовъ монарха, не отмѣнилъ хартіи; но онъ такъ ловко ее передѣлалъ, что она оставляла ему полную „свободу осуществленія своей власти".

Палата депутатовъ, не имѣвшая даже права вотировать налоги, являлась просто совѣщательнымъ собраніемъ, состоявшимъ изъ людей, которыхъ ландраты рекомендовали въ качествѣ кандидатовъ запуганнымъ избирателямъ; въ палатѣ 1855 года насчитывалось 72 ландрата. Власть принадлежала „юнкерамъ" и кликѣ „Крестовой Газеты"; Герлахъ, совѣтникъ Нибуръ, Зенфтъ фонъ-Пильзахъ, Клейстъ-Ретцовъ, Редернъ, Массовъ, Лео, генералъ фонъ-Гребенъ, Штольбергъ, пользуясь громаднымъ вліяніемъ на короля и увѣренные въ палатѣ господъ, сумѣли вернуть дворянству всѣ привилегіи, поколебленныя было конституціей; они настолько злоупотребляли своей властью, что въ концѣ концовъ возста-

новили противъ себя часть чиновниковъ и ожесточили средніе классы; борьба партій съ особенной рѣзкостью проявилась во время Крымской войны, когда либералы старались склонить правительство къ заключенію союза съ западными державами, тогда какъ феодалы не хотѣли отдѣляться отъ Россіи.

Крымская война. — Президентъ совѣта старался лавировать между враждующими сторонами; это былъ какъ бы робкій опытъ той политики, которую впослѣдствіи съ такимъ блескомъ практиковалъ Бисмаркъ. Стараясь одинаково угодить и восточнымъ и западнымъ сосѣдямъ, Мантейфель маневрировалъ такъ, чтобы заслужить признательность Россіи, которая представлялась ему не столь грозной и болѣе надежной, и въ то же время не отнимать окончательно надежды у Франціи и Англіи. Король, хотя въ общемъ и раздѣлялъ взгляды своего министра, тѣмъ не менѣе по временамъ ставилъ его въ затруднительное положеніе; онъ не отличался достаточнымъ хладнокровіемъ и неоднократно готовъ былъ нарушить тактику нейтралитета.

Зато министръ нашелъ драгоцѣннаго союзника въ лицѣ Бисмарка, который, будучи назначенъ посланникомъ Пруссіи при Франкфуртскомъ Сеймѣ, скоро отказался отъ своихъ иллюзій относительно Австріи и, убѣдившись, что рано или поздно придется силой оружія оспаривать у нея господствующую роль въ Германіи, намѣренъ былъ сохранить всѣ силы Прусскаго королевства для этой рѣшительной борьбы. Онъ сгруппировалъ вокругъ себя представителей всѣхъ мелкихъ дворовъ, которые ни въ коемъ случаѣ не желали порывать съ царемъ, и пользовался ими, „какъ тормазомъ для противодѣйствія воинственнымъ стремленіямъ Австріи“; Россія долго помнила оказанныя ей Бисмаркомъ услуги, а Франція не могла простить Австріи ея колеблющейся и безхарактерной политики.

„Германія слишкомъ тѣсна для Австріи и Пруссіи,—писалъ Бисмаркъ въ своемъ извѣстномъ Мемуарѣ 26 апрѣля 1856 года. Поэтому въ близкомъ будущемъ намъ придется отстаивать противъ Австріи наше право на существованіе, и не отъ насъ зависитъ избѣжать конфликта; теченіе событій въ Германіи не допускаетъ другого исхода“. Уже тогда онъ предвидѣлъ, что политическая группировка, обусловленная Восточнымъ Вопросомъ, имѣетъ чисто временный характеръ; противъ Австріи и Англіи, представлявшихъ *statu quo*, стояли Франція и Россія, желавшія передѣлать карту Европы; Бисмаркъ предвидѣлъ, что онѣ постараются сблизиться и совѣтовалъ „броситься въ ихъ союзъ очертя голову“.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV относился къ Наполеону со смѣшаннымъ чувствомъ; его недовѣрчивое отношеніе къ Франціи не исчезло, но онъ отдавалъ должное императору зато, что онъ подавилъ революцію, и его привлекала къ Наполеону извѣстная общность взглядовъ и темперамента. Благодаря императору французовъ онъ попалъ на Парижскій конгрессъ; а его поведеніе въ Невшательскомъ вопросѣ еще больше тронуло прусскаго короля.

Невшательское княжество съ 1814 года входило въ Швейцарскій союзъ, продолжая въ то же время принадлежать прусскому королю; въ 1848 г. радикалы провозгласили тамъ республику, а всѣ протесты короля противъ этого переворота ни къ чему не приводили. Въ 1856 г. нѣкоторые роялисты попытались произвести контръ-революцію; но они были безъ труда разсѣяны, и противъ нихъ возбужденъ былъ швейцарскимъ правительствомъ скандальный процессъ. Король въ отчаяніи потребовалъ ихъ освобожденія, а послѣ отказа Швейцаріи пришелъ въ ярость и началъ говорить о войнѣ; однимъ словомъ, попалъ въ крайне неудобное положеніе. Въ то время какъ Австрія по

своей безтактности ставила ему одно препятствіе за другимъ, Наполеонъ вмѣшался въ эту исторію и добился отъ Швейцаріи такихъ уступокъ, которыя дали Фридриху-Вильгельму возможность совершить почетное отступленіе (май 1857 года).

Несмотря ни на что, Фридрихъ-Вильгельмъ чрезвычайно недовольный той поддержкой, которую встрѣчали у Австріи проекты союзной реформы, выдвигавшіеся второстепенными нѣмецкими дворами и явно направленные противъ Пруссіи, относился все-таки къ Габсбургамъ съ умиленіемъ и глубокимъ уваженіемъ, пережившимъ всѣ испытанія. Теперь, какъ и въ 1850 году, его невозможно было склонить къ энергической политикѣ, вдобавокъ не допускавшейся внутреннимъ положеніемъ Пруссіи. Въ администраціи господствовало глубокое раздѣленіе, а нѣмецкіе либералы съ негодованіемъ отворачивались отъ страны, отданной въ руки господъ Нибуровъ и Герлаховъ.

Послѣ потрясеній, пережитыхъ королемъ въ 1848 году, здоровье его значительно ухудшилось; нервное раздраженіе, выражавшееся въ смѣнѣ крайняго возбужденія меланхолической прострацiей, закончилось осенью 1857 года рядомъ припадковъ, окончательно разрушившихъ его разумъ и волю. Въ продолженіе цѣлаго года королева Елисавета и феодалы судорожно цѣплялись за власть и убѣдили благочестиваго брата короля, Вильгельма, прикрывать ихъ правленіе своимъ именемъ. Это междуцарствіе еще ухудшило положеніе дѣлъ. Реакціонеры, чувствуя, что власть ускользаетъ изъ ихъ рукъ, удвоили свои требованія и провокаціи; либералы, которые думали, что наступилъ желанный мигъ свободы, не скрывали своего нетерпѣнія. Вильгельмъ понялъ, что необходимо выйти изъ этого неопредѣленнаго положенія; онъ потребовалъ, чтобы ему представлено было дѣйствительное руководство политическими дѣлами, и взялъ въ свои руки управленіе страной съ титуломъ регента (7 октября 1858 года).

Регентство принца Вильгельма. Итальянская война.—Принцъ Вильгельмъ родился въ 1797 году. Онъ не былъ выдающейся личностью, и самые убѣжденные его панегиристы могли приписывать ему титулъ „Побѣдоносный“, но не „Великій“; онъ не обладалъ ни пылкой фантазіей, ни обольстительнымъ обращеніемъ своего брата; зато онъ отличался способностью къ усидчивому труду, упорствомъ въ преслѣдованіи своихъ проектовъ, твердой волей, умѣніемъ угадывать людей и пользоваться ихъ талантами для осуществленія своихъ цѣлей. Ему недоставало иниціативы, и онъ былъ рѣшительно неспособенъ придумать тотъ поражающій своей простотой планъ, который ему рекомендовалъ Бисмаркъ, и тѣ тонкіе пріемы, съ помощью которыхъ ему удалось его осуществить; но разъ принявши этотъ планъ, что иногда удавалось не безъ упорной борьбы, онъ держался его съ непоколебимой твердостью и самоотверженіемъ и шелъ къ его осуществленію съ рѣдкимъ постоянствомъ и твердостью.

Легенда, представляющая его Людовикомъ XIII новаго Ришелье, грѣшитъ преувеличеніемъ, почти искажающимъ дѣйствительность. Безъ сомнѣнія, въ общемъ дѣлѣ объединенія Германіи прусскій министръ сыгралъ преобладающую роль; но еще требуется доказать. что его усилія могли бы увѣнчаться такой рѣшительной побѣдой безъ личнаго вмѣшательства монарха, который поддерживалъ и развивалъ дальше его начинанія. Вильгельмъ обладалъ чрезвычайно развитымъ чутьемъ дѣйствительности, уваженіемъ къ прошлому и культомъ своей династіи; подобно всѣмъ людямъ своего поколѣнія онъ вѣрилъ, что Германіи суждено играть въ мірѣ выдающуюся роль, если только

она останется подъ гегемоніей Пруссіи и признаетъ верховенство Гогенцоллерновъ, которымъ Самъ Богъ предназначилъ эту высокую миссію.

Ему было уже шестьдесятъ лѣтъ, когда онъ взялъ въ свои руки бразды правленія; къ этому моменту онъ испытывалъ нѣкоторую усталость и упадокъ духа. Во время Крымской войны ему очень хотѣлось наказать Россію за ту помощь, которую она нѣкогда оказала Шварценбергу; но ему не пришла на умъ болѣе утонченная месть Бисмарка, который предназначилъ для Александра II и Горчакова роль воспріемниковъ новой Германской Имперіи. Его политика навлекла на него яростныя нападенія „партіи Крестовой Газеты"; и это привело къ недоразумѣнію, имѣвшему самыя серьезныя послѣдствія.

Либералы восторженно привѣтствовали его вступленіе во власть, которое, по ихъ мнѣнію, должно было привести къ господству конституціоннаго режима. Нѣкогда Вильгельмъ боролся съ реформаторскими стремленіями своего брата; но когда реформы все-таки были проведены, то Вильгельмъ, не любившій отстаивать потерянныя позиціи, примирился съ совершившимся фактомъ, но онъ рѣшилъ точно такъ же „точно исполнять данныя обѣщанія, какъ и отвергать все то, что не обѣщано". Онъ отрицательно относился къ тому употребленію, которое Фридрихъ-Вильгельмъ сдѣлалъ изъ своей власти изъ нежеланія ослабить силу монархіи; онъ полагалъ, что король долженъ стоять выше партій, и сожалѣлъ, что братъ его сдѣлался орудіемъ въ рукахъ феодальной котеріи; съ своей стороны, онъ отнюдь не намѣренъ былъ править отъ имени буржуазіи, а тѣмъ менѣе стать въ зависимое отъ нея положеніе. На парламентъ онъ смотрѣлъ, какъ на совѣщательное собраніе, и полагалъ, что во всѣхъ важныхъ вопросахъ послѣднее слово должно принадлежать монарху. Между нимъ и либералами существовало принципіальное разногласіе, и конфликтъ рано или поздно долженъ былъ разразиться.

Сначала либералы старались не задѣвать его завѣтныхъ чувствъ. На выборахъ 1858 года они поставили за правило устранять такихъ кандидатовъ, съ именами которыхъ связаны были непріятныя воспоминанія. Но напрасны были всѣ ихъ старанія; консервативная партія была совершенно разгромлена; это пораженіе консерваторовъ произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на регента, который опасался очутиться въ полной власти у лѣвой. Уже появились первые признаки разногласій въ вопросахъ внѣшней политики: не успѣлъ онъ придти въ себя, какъ разразилась итальянская война. Либералы сочувствовали Пьемонту, въ которомъ они предчувствовали будущаго союзника Пруссіи; Вильгельмъ же боялся повторить ошибку Фридриха-Вильгельма, воздержаніе котораго въ 1795 году позволило Франціи раздавить по одиночкѣ и Австрію и Пруссію.

Онъ рѣшилъ предложить Францу-Іосифу свою поддержку, но такъ, чтобы заставить себя просить; онъ хотѣлъ, чтобы французская армія не была сразу двинута къ берегамъ Рейна и чтобы, съ другой стороны, Австрія заплатила ему за его услугу. Въ 1849 году онъ рекомендовалъ силой овладѣть Германіей; но затѣмъ онъ пришелъ къ мысли о необходимости соглашенія съ Австріей, которая должна была добровольно уступить ему начальство военными силами Германскаго Союза. Этотъ планъ былъ чистой химерой: Францъ-Іосифъ предпочелъ бы скорѣе отказаться отъ Ломбардіи, чѣмъ отдать въ руки Пруссіи союзную армію. Первая дипломатическая кампанія Вильгельма закончилась полной неудачей; онъ возстановилъ противъ себя рѣшительно всѣхъ: Францію, которой онъ помѣшалъ добиться полной побѣды, Австрію, которая возмущена была его воздержаніемъ,

Южную Германію, которая упрекала его въ оставленіи ея на произволъ судьбы, и, наконецъ, своихъ собственныхъ подданныхъ, которые были крайне недовольны его колеблющимися и нерѣшительными дѣйствіями.

Самъ Вильгельмъ приписывалъ свои неудачи недостаткамъ военной организаціи Германіи и предложилъ Сейму произвести военную реформу, но принцы отвергли его проекты безъ преній. Однако они сами понимали, что необходимо дать общественному мнѣнію нѣкоторое удовлетвореніе: Дальвикъ, министръ Гессенъ-Дармштадта, Пфордтенъ въ Баваріи, а въ особенности Бейстъ въ Саксоніи сильно волновались, созывали конференціи, вырабатывали одинъ проектъ за другимъ. Политика второстепенныхъ нѣмецкихъ дворовъ страдала внутреннимъ противорѣчіемъ: ихъ слабость требовала присутствія въ Союзѣ обоихъ крупныхъ государствъ, соперничество которыхъ составляло единственную гарантію независимости мелкихъ государствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ это соперничество не позволяло Германіи играть вовнѣ ту активную роль, которой они для нея требовали; они хотѣли расширить права Сейма, но до тѣхъ поръ, пока Австрія была на немъ представлена, Пруссія не могла согласиться на эту реформу, такъ какъ въ этомъ случаѣ ей пришлось бы подчинять свою политику постороннимъ вліяніямъ. До тѣхъ поръ Союзъ существовалъ лишь потому, что онъ согласился обречь себя на своего рода политическую инерцію; въ случаѣ перехода къ активнымъ дѣйствіямъ ему грозило распаденіе. Съ другой стороны, въ виду возбужденія, вызваннаго этими проектами, Пруссія, сохраняя полный индифферентизмъ,—рисковала потерять всякое вліяніе на умы; ей приходилось дѣлать еще болѣе крайнія предложенія, чѣмъ другимъ дворамъ. Политика короля, до тѣхъ поръ сводившаяся къ выжиданію и невмѣшательству, теперь уже не могла удовлетворить новымъ потребностямъ; при этомъ внутреннія неурядицы, вызываемыя вопросомъ о военной реформѣ, побуждали Вильгельма стремиться къ поднятію престижа прусской монархіи путемъ болѣе энергичной и опредѣленной политики.

Національный Союзъ и Союзъ Реформы.— Молчаніе, царившее въ Германіи съ 1851 года, уступило мѣсто шумному броженію. Періодъ отъ 1859 до 1866 года былъ однимъ изъ самыхъ бурныхъ и смутныхъ. Вступленіе на прусскій престолъ государя, не желавшаго быть послушнымъ слугой феодаловъ, съ другой стороны, итальянская война, заставили большую часть остальныхъ нѣмецкихъ государей отказаться отъ своей репрессивной политики. Дѣятельность ландтаговъ всюду оживилась; вниманіе общества обратилось главнымъ образомъ къ вопросамъ союзной реформы; публицисты въ общемъ высказывались за болѣе тѣсное сближеніе съ Пруссіей; либералы различныхъ нѣмецкихъ государствъ, Браунъ и Лангъ—изъ Нассау, Беннигсенъ и Микель—изъ Ганновера, Шульце-Деличъ и фонъ-Унру— изъ Пруссіи, баварецъ Братеръ, гессенецъ Эктеръ и т. д. сочли моментъ удобнымъ для возобновленія унитарной и либеральной пропаганды.

Во Франкфуртѣ состоялся (15 и 16 ноября 1859 года) большой съѣздъ, основавшій „Національный Съѣздъ", который призналъ своей программой „объединеніе и развитіе общаго отечества". Онъ старался не оттолкнуть отъ себя „великогерманцевъ", которые не соглашались оставить на произволъ судьбы одиннадцать милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ и, исключивши ихъ изъ Германскаго Союза, отдать ихъ такимъ образомъ во власть мадьяровъ и славянъ. „Національный Союзъ,— говорилось въ манифестѣ 4 сентября 1860 года,— признаетъ нѣмецкія провинціи Австріи интегральной частью отечества. Въ случаѣ же, если непред-

видѣнныя обстоятельства и непобѣдимыя препятствія помѣшаютъ непосредственно включить эти области въ составъ Германскаго союзнаго государства, то онъ не перестанетъ тѣмъ не менѣе упорно стремиться къ возсоединенію этой части нѣмецкаго отечества".

Монархи заволновались; центральный комитетъ Національнаго Союза былъ изгнанъ изъ Франкфурта, а въ Саксоніи, Мекленбургѣ, Ганноверѣ и обоихъ Гессенахъ общество это было запрещено. Однако Бейсту не удалось склонить Сеймъ къ принятію общихъ репрессивныхъ мѣръ. „Современное положеніе не имѣетъ себѣ подобнаго, — писалъ онъ, — обыкновенно, когда приходится имѣть дѣло съ движеніемъ, стремящимся къ ниспроверженію конституціи, то или отмѣняютъ эту конституцію или борются съ этимъ движеніемъ; здѣсь не дѣлаютъ ни того, ни другого; результатъ можетъ быть только одинъ: внезапная революція". Другіе министры считали его опасенія преувеличенными и предпочитали палліативныя мѣры репрессивнымъ законамъ; они содѣйствовали образованію „Союза Реформы", въ которомъ главная роль принадлежала партикуляристамъ и ультрамонтанамъ.

Національный Союзъ насчитывалъ на югѣ очень мало сторонниковъ, и ему пришлось скоро убѣдиться, что онъ не въ состояніи будетъ собственными силами сломить сопротивленіе правительствъ и вѣковыхъ традицій. Тѣмъ не менѣе ошибочно было бы думать, что его дѣятельность не имѣла никакого значенія. Послѣ двухлѣтней пропаганды онъ насчитывалъ всего 15.000 членовъ, изъ нихъ 8.000 въ Пруссіи, но всѣ они принадлежали къ правящимъ классамъ и пользовались громаднымъ вліяніемъ. На организуемыя ими празднества со всѣхъ сторонъ собирались тысячныя толпы, бурно привѣтствовавшія идею германскаго единства. Прусская армія низвергла нѣсколько нѣмецкихъ династій, но къ этому нападенію ее подстрекнули либералы, а когда партикуляристическія монархіи рушились подъ ея ударами, то всѣ замѣтили, что въ сущности корни ихъ были подорваны гораздо раньше.

Военная реформа въ Пруссіи. — Въ разсматриваемый моментъ всякое соглашеніе между прусскимъ правительствомъ и либералами другихъ нѣмецкихъ государствъ казалось рѣшительно невозможнымъ въ виду того внутренняго конституціоннаго конфликта, который вызванъ былъ прусской военной реформой.

Законъ 1814 года, дополненный и измѣненный указомъ 1820 года, установилъ всеобщую воинскую повинность: послѣ трехъ лѣтъ дѣйствительной службы солдаты на два года зачислялись въ запасъ, послѣ чего они переходили въ ландверъ, который дѣлился на два срока и въ которомъ они состояли вплоть до достиженія сорокалѣтняго возраста. Однако, хотя съ 1814 года населеніе Пруссіи возросло съ 11 до 18 милліоновъ душъ, ежегодно призывалось попрежнему только 40.000 новобранцевъ, такъ что 25.000 молодыхъ людей ускользали ежегодно отъ рекрутскаго набора. Поэтому контингентъ прусской арміи былъ настолько незначителенъ, что когда обстоятельства требовали приведенія арміи на военное положеніе, то приходилось сдѣлать ландверъ и призывать подъ знамена людей, достигшихъ довольно солиднаго возраста, успѣвшихъ въ большинствѣ случаевъ обзавестись семьей и отрывавшихся отъ своихъ обычныхъ занятій къ величайшему вреду для экономической жизни страны. А такъ какъ, вдобавокъ ко всему, ландверъ и дѣйствующая армія были тѣсно связаны между собою (каждая бригада состояла изъ одного линейнаго полка и одного полка ландвера), то всѣ недостатки организацій ландвера отражались на всей арміи. Очень часто офицерскіе чины въ ландверѣ доставались бывшимъ вольно-

определяющимся, служившимъ одинъ годъ, мало обученнымъ и не пользовавшимся въ глазахъ своихъ людей особымъ авторитетомъ.

Необходимость радикальной реформы сознавалась такъ сильно, что трудно рѣшить, кому собственно принадлежала первая идея произведенныхъ преобразованій. Въ основныхъ чертахъ проектъ составленъ былъ, кажется, подполковникомъ Клаузевицемъ и генераломъ Фойгтсъ-Ретцомъ; имъ помогали своими указаніями военные совѣтники регента, Альвенслебенъ и въ особенности Эдвинъ Мантейфель, которые пользовались огромнымъ на него вліяніемъ. Принцъ-регентъ, который съ молодыхъ лѣтъ предался изученію военнаго дѣла, ободрялъ ихъ работу, проникся ихъ идеями и сдѣлалъ осуществленіе ихъ проектовъ вопросомъ собственной чести.

По новому порядку на службу призывались всѣ рекруты, такъ что всеобщая воинская повинность была возстановлена на дѣлѣ; время пребыванія въ запасѣ было увеличено съ двухъ до четырехъ лѣтъ. Такимъ образомъ численность дѣйствующей арміи доводилась до 400.000 солдатъ, что давало возможность не прибѣгать сразу къ призыву ландвера; послѣдній былъ сохраненъ въ качествѣ арміи второй линіи, но въ ландверъ запасные теперь зачислялись только до 32-хъ лѣтъ. Послѣ мобилизаціи 1859 года, снова раскрывшей недостатки прежней системы, регентъ приступилъ къ выполненію своего плана; онъ сохранилъ кадры ландвера, причислилъ туда новыхъ рекрутовъ и потребовалъ отъ палатъ, чтобы онѣ отпустили ему $9^1/_2$ милліоновъ талеровъ на нужды этого преобразованія.

Сумма эта показалась парламенту чрезмѣрной, и возникъ вопросъ, нельзя ли уменьшить расходъ путемъ сокращенія срока дѣйствительной службы съ трехъ лѣтъ до двухъ. Кромѣ того, парламенту не нравилось исключеніе ландвера, какъ бы выброшеннаго изъ дѣйствующихъ войскъ. Хотя регентъ и позаботился указать въ объяснительной запискѣ, что „онъ не намѣревается порвать съ наслѣдіемъ великой эпохи и что прусская армія какъ до тѣхъ поръ, такъ и впредь останется не чѣмъ инымъ, какъ вооруженнымъ прусскимъ народомъ“, въ обществѣ обнаружились два противоположныхъ теченія. Бойенъ, Шарнгорстъ и преобразователи Пруссіи въ началѣ XIX столѣтія были идеалистами, воспитавшимися въ школѣ Канта и подъ вліяніемъ французской революціи; они полагали, что достаточно вооружить націю для того, чтобы обезпечить страну отъ всякихъ покушеній на ея независимость. Клаузевицъ, Фойгтсъ-Ретцъ, Роонъ и иниціаторы реформы 1859 года были реалистами и солдатами по профессіи; они хотѣли „не національной арміи, а военной націи“ (Шербюлье), они создали военное сословіе: въ другихъ странахъ, какъ кто-то замѣтилъ, есть арміи, а въ Пруссіи есть армія, которая владѣетъ страной.

Опасенія парламента въ этомъ пунктѣ были тѣмъ сильнѣе, что бо́льшая часть вновь созданныхъ офицерскихъ чиновъ предполагалось предоставить дворянамъ, а буржуазія не имѣла никакой охоты взваливать на свои плечи новое бремя только для того, чтобы увеличить вліяніе ненавистной касты. Наконецъ, парламентское большинство было недовольно министерствомъ, не желавшимъ дать ему удовлетвореніе по двумъ наиболѣе дорогимъ для него вопросамъ: радикальному преобразованію палаты господъ, въ которой засѣли юнкера, отвергавшіе всѣ принимаемые палатой проекты, и очисткѣ администраціи. Совершенно естественно, что конфликтъ, который долженъ былъ разразиться рано или поздно, возгорѣлся по вопросу о военной реформѣ, такъ какъ на этой почвѣ сталкивались самыя пылкія страсти и самые сложные интересы, хотя слѣдуетъ признаться, что либералы

сдѣлали нѣкоторый промахъ, перенося борьбу на такую почву, на которой они рисковали задѣть интимныя чувства монарха.

Палата отпустила „временные" кредиты на вновь сформированные полки (1860 г.). Это было безтактностью, такъ какъ слѣдовало понять, что правительство не откажется отъ разъ начатаго дѣла. Временно сформированные полки были зачислены въ дѣйствующую армію и получили свои знамена. Когда палата потребовала ихъ распущенія, то принцъ былъ возмущенъ этимъ требованіемъ, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на узурпацію. Въ 1861 году кредиты были вотированы только послѣ бурныхъ преній; оппозиція усиливалась, а дебаты принимали болѣе рѣзкій характеръ. Супруга регента, Августа, его сынъ, его невѣстка, дочь англійской королевы, умоляли его не ссориться съ большинствомъ; ихъ совѣты не могли его поколебать, а лишь опечалить; въ душѣ его происходила глубокая внутренняя борьба.

Военный министръ Роонъ, желая его успокоить, старался доказать ему законность его поведенія, мало-по-малу расширялъ вопросъ и измѣнялъ его постановку. Роонъ былъ выдающимся офицеромъ и перворазряднымъ администраторомъ. Съ помощью своего адъютанта Гартрота, Эдвина Мантейфеля, генералъ-инспектора Пейкера онъ лихорадочно трудился надъ организаціей новой арміи; игольчатое ружье Дрейзе уже давало ей серьезное матеріальное преимущество; Роонъ подготовилъ сплоченный офицерскій корпусъ, проникнутый сильнымъ кастовымъ духомъ. Во главѣ главнаго штаба поставленъ былъ съ 1858 года Мольтке, который вырабатывалъ планы мобилизаціи, изучалъ военное примѣненіе желѣзныхъ дорогъ и создалъ современный научный способъ веденія войны.

Вильгельмъ слѣдилъ за постепеннымъ развитіемъ дорогого ему дѣла; онъ видѣлъ, какъ на его глазахъ растетъ орудіе прусскаго могущества, и все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ нетерпѣніемъ выслушивалъ критическія замѣчанія дилетантовъ и профановъ; теперь онъ не хотѣлъ уже и слышать ни о какомъ компромиссѣ. Роонъ, который не отличался, быть можетъ, такимъ деспотическимъ характеромъ, какъ его повелитель, вносилъ въ дебаты рѣзкость и жестокость, ожесточавшія палату; вся его фигура дышала „суровостью и грустью"; его вызывающій взглядъ, ясная и рѣзкая рѣчь, его затянутый и подобранный видъ дѣлали его типичнымъ прусскимъ офицеромъ и заранѣе предназначали его для роли боевого министра.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV скончался въ началѣ 1861 года; братъ его, беря корону „съ престола Господа", проникся какъ бы мистическимъ духомъ, который владѣлъ его предшественникомъ. Прусская конституція отличалась еще незаконченностью и неясностью; либералы стремились расширить ее; они хотѣли добиться права вотировать налоги и ежегодный контингентъ и такимъ образомъ превратить конституціонную монархію въ парламентарный режимъ. Въ Пруссіи, отвѣчалъ имъ Роонъ, монархія не есть фикція, какъ въ Бельгіи или въ Англіи; мы хотимъ „разорвать сковывающія орла цѣпи и сдѣлать короля Божьей милостью дѣйствительнымъ главой своего народа, центромъ государственной жизни, владыкой страны". Большинство громко заявляло о своихъ лойяльныхъ чувствахъ и не отдавало себѣ яснаго отчета въ истинномъ значеніи своихъ требованій; сознавало ли оно или нѣтъ, но въ данномъ случаѣ дѣло шло, конечно, не о формѣ, а о самомъ характерѣ политическаго устройства. Этимъ и объясняется упорство, страстность и серьезность борьбы; въ это именно время окончательно сложилась прусская монархія въ той формѣ, въ какой она сохранилась до нашихъ

дней и при которой верховная власть монарха только прикрывается—а не ограничивается—контролемъ совѣщательнаго собранія.

Въ 1861 году Вильгельмъ уже цѣликомъ примкнулъ ко взглядамъ Роона. „Я—первый король, вступающій на тронъ, окруженный новѣйшими учрежденіями,—сказалъ онъ во время своей коронаціи (октябрь),—но я не забываю, что корона дается только Богомъ". Убѣжденный въ томъ, что „военная сила обезпечиваетъ власть государей" и что тѣ монархи, которые недостаточно о ней заботятся, становятся жертвой революціи, онъ всегда находился подъ впечатлѣніемъ участи Карла I; тѣмъ не менѣе онъ съ большой робостью вступалъ на путь борьбы съ парламентомъ, и его колебанія могли повлечь за собой самыя серьезныя послѣдствія, такъ какъ ему приходилось имѣть дѣло съ противниками, раздраженіе и требовательность которыхъ возрастали по мѣрѣ того, какъ борьба затягивалась.

Прогрессистская партія, составленная Шульце-Деличемъ, Іоанномъ Якоби, Форкенбекомъ, Вирховымъ, Моммзеномъ, выставила программу реформъ, которыя въ своей совокупности должны были обезпечить торжество буржуазіи и парламентскаго режима. Выборы 1861 года доказали упадокъ консервативной партіи; феодалы потерпѣли полное пораженіе; Шталя уже не было въ живыхъ; Герлахъ, Вагенеръ и Бланкенбургъ провалились. Большинство выказало полную несговорчивость въ военномъ вопросѣ, и палата была распущена. Но страна поддержала своихъ депутатовъ, а трехклассная система обратилась противъ своихъ авторовъ. Министерское давленіе только подлило масла въ огонь, и выборы 1862 года носили еще болѣе радикальный характеръ, чѣмъ выборы 1861 года: теперь противъ 253 либераловъ стояло всего 16 консерваторовъ. Послѣ семидневныхъ преній большинство отвергло поправку Зибеля и Твестена, старавшихся уладить конфликтъ путемъ компромисса, и вычеркнула изъ военнаго бюджета добавочные кредиты, даже тѣ, которые были уже израсходованы. Тогда король пригласилъ въ министерство Бисмарка.

Бисмаркъ.—Оттонъ Эдуардъ Леопольдъ фонъ-Бисмаркъ Шенгаузенъ родился въ Шенгаузенѣ, въ старой Бранденбургской маркѣ, въ 1815 году. Послѣ бурно проведенной молодости онъ проживалъ въ своихъ помѣстьяхъ, когда въ 1847 году былъ избранъ депутатомъ въ соединенный ландтагъ, созванный Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV. Саркастическая наглость, съ которой онъ выступалъ противъ новыхъ стремленій, его пренебрежительное отношеніе къ общественному мнѣнію, показное презрѣніе къ популярнымъ фразамъ и къ выдающимся дѣятелямъ эпохи, произвели скандалъ; но даже его противники признавали его смѣлость и таланты; онъ не владѣлъ даромъ рѣчи и запинался, но умѣлъ въ надлежащій моментъ найти ловкое словцо и образъ, врѣзывающійся въ память. Онъ отличался всѣми типическими чертами юнкерской касты, простой и живой набожностью, ненавистью къ демократіи и къ городамъ, невозмутимымъ хладнокровіемъ и мужествомъ, ясными и опредѣленными мыслями и абсолютной вѣрой въ собственное сужденіе. Во время революціи 1848 года онъ примыкалъ къ камарильѣ, которая, пріютившись вокругъ Фридриха-Вильгельма IV, боролась противъ политики Кампгаузена, Бунзена и Радовица.

Впослѣдствіи неоднократно указывали, что между его поведеніемъ въ 1848 году и его политикой въ послѣдующіе годы замѣчаются противорѣчія, но эти противорѣчія скорѣе формальнаго свойства, чѣмъ реальнаго. Онъ и въ то время отвергалъ не идею германскаго единства, а тѣ условія, которыя Франкфуртскій парламентъ хотѣлъ навязать Пруссіи, а если

Фр. Ленбахъ.

Князь Бисмаркъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

онъ высказывался противъ войны за Герцогства, то лишь потому, что въ то время она могла только привести къ замѣнѣ власти датскаго короля господствомъ какого-нибудь мелкаго князька, сосѣдство котораго было бы связано для Пруссіи съ большими неудобствами. Онъ вѣрилъ еще въ возможность тѣснаго сближенія съ Австріей, но его иллюзіи скоро были разбиты опытомъ. Будучи представителемъ Пруссіи при Союзномъ Сеймѣ, онъ вступилъ въ открытую борьбу съ австрійскими делегатами Туномъ, Прокешъ-Остеномъ и Рехбергомъ (1851 — 1859). Впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этой борьбы, онъ выразилъ въ знаменитомъ отчетѣ: „Въ нашихъ союзныхъ отношеніяхъ я усматриваю ненормальность, которую раньше или позже придется лѣчить мечомъ и огнемъ".

Изъ этого исходнаго пункта, т.-е. изъ мысли о неизбѣжности разрыва съ Австріей, вытекала вся его политика. Не было человѣка, больше проникнутаго реализмомъ и менѣе подчиненнаго предразсудкамъ и сантиментальности, чѣмъ Бисмаркъ; воспоминаніе о 1806 годѣ такъ же мало мѣшало ему снискивать благоволеніе Наполеона III, какъ воспоминаніе объ Ольмюцскомъ униженіи—гнаться за благопріятнымъ отношеніемъ Горчакова. Долги, въ которые онъ входилъ, нисколько его не мучили, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что съ помощью ловкихъ пріемовъ онъ такъ или иначе выпутается изъ своихъ обязательствъ; если бы его кредиторы вздумали проявить излишнюю требовательность, то, будучи „больше пруссакомъ, чѣмъ нѣмцемъ", онъ не сталъ бы оспаривать ихъ векселей, лишь бы собственный его барышъ показался ему достаточнымъ. Ставка была огромная, и онъ внимательно слѣдилъ за игрой и старался играть навѣрняка; а во всемъ остальномъ онъ полагался на счастье и, какъ завзятый игрокъ, любилъ рискъ и сильныя ощущенія. Сильно развитое воображеніе и смѣлая предпріимчивость, характерныя для выдающихся политическихъ дѣятелей, компенсировались въ Бисмаркѣ величайшей хитростью, осторожностью и здравымъ смысломъ. Онъ не зналъ ни щепетильности, ни злопамятства; на договоры онъ смотрѣлъ, какъ на временныя комбинаціи, и считалъ ихъ истекшими, какъ только извлекалъ изъ нихъ всю возможную выгоду.

Очутившись у власти, онъ открыто заявилъ австрійскому посланнику: „Отношенія между Пруссіей и Австріей должны измѣниться къ лучшему или къ худшему; мы желаемъ перваго рѣшенія вопроса, но должны готовиться и ко второму". А когда графъ Кароли сталъ приводить смягчающія обстоятельства и доказывать, что затрудненія, вызывавшія недовольство Бисмарка, коренятся въ исторіи и въ той роли, которую Австрія въ теченіе ряда столѣтій играла въ Германіи, его собесѣдникъ возразилъ: „Такъ перенесите свой центръ въ Пештъ". Австрійскій министръ Рехбергъ съ неудовольствіемъ отнесся къ этому приглашенію. Его неудовольствіе не удивило Бисмарка, который не былъ настолько наивенъ, чтобы надѣяться на достиженіе своихъ цѣлей путемъ убѣжденія противника. Съ этого момента онъ началъ подготовлять въ Европѣ благопріятную для Пруссіи политическую атмосферу.

Противники Бисмарка обвиняли его въ томъ, что его внѣшняя политика являлась диверсіей противъ внутреннихъ замѣшательствъ; они преувеличивали. Онъ не чувствовалъ никакой симпатіи къ либераламъ, не столько потому, что онъ ихъ боялся, сколько потому, что ему противна была ихъ простоватость, ихъ манера принимать абстрактныя формулы за нѣчто реальное. Однако онъ признавалъ, что ихъ жалобы имѣютъ подъ собой нѣкоторое законное основаніе; если они упорно отказывали правительству въ отпускѣ военныхъ кредитовъ, то потому,

что они не вѣрили въ его энергію, и лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы обезоружить ихъ оппозицію, являлось, по его мнѣнію, удовлетвореніе національной гордости; онъ не забылъ революціи 1848 года и хорошо помнилъ, какъ франкфуртскіе доктринеры отреклись отъ своей программы и примкнули къ Фридриху-Вильгельму IV; и онъ разсчитывалъ цѣной славы купить отреченіе либераловъ.

Король былъ крайне взволнованъ и готовъ былъ отречься отъ престола; но Бисмаркъ объявилъ ему, что готовъ править безъ большинства и безъ бюджета; депутатамъ, упрекавшимъ его въ нарушеніи конституціи, онъ отвѣчалъ, что конституція не предусматриваетъ того случая, когда палата отказываетъ монарху въ необходимыхъ средствахъ, что вся жизнь соткана изъ компромиссовъ и что если одна изъ сторонъ отказывается отъ сдѣлки, то конфликтъ неизбѣженъ, а тогда побѣждаетъ сильнѣйшій. Графъ Шверинъ придалъ этой мысли рѣзкую формулировку въ извѣстной фразѣ: сила господствуетъ надъ правомъ.

Палата вотировала министерству недовѣріе (1863) и была снова распущена. Правительство издало указъ, дававшій администраціи право пріостанавливать газеты послѣ двухъ предостереженій. Въ странѣ началось сильнѣйшее волненіе; нѣкоторые муниципальные совѣты умоляли короля возстановить согласіе между династіей и народомъ, но ихъ адреса встрѣтили самый недоброжелательный пріемъ; тогда они перестали участвовать въ оффиціальныхъ торжествахъ и отказались праздновать день рожденія короля. Наслѣдный принцъ, всегда враждебно относившійся къ Бисмарку, публично протестовалъ противъ его политики. Всѣ ухищренія министра внутреннихъ дѣлъ, Эйленбурга, не помѣшали избирателямъ снова послать въ палату оппозиціонныхъ депутатовъ, и сессіи 1863 и 1864 года отличались особенно бурнымъ характеромъ.

Франкфуртскій Конгрессъ и Польскія дѣла. — Этотъ конституціонный конфликтъ приводилъ въ смущеніе германскихъ партизановъ Пруссіи, а противники ея пытались воспользоваться ихъ затруднительнымъ положеніемъ. Австрійскій министръ Рехбергъ, который нѣкогда во Франціи имѣлъ столкновеніе съ Бисмаркомъ и даже вызвалъ его на дуэль, былъ человѣкомъ сангвиническаго темперамента, но обладалъ здравымъ умомъ; онъ видѣлъ слабыя стороны Австріи и ея изолированное положеніе въ Европѣ; благоразуміе требовало отъ австрійскаго правительства избѣгать широкихъ проектовъ и честолюбивыхъ замысловъ, но, къ несчастію, не всѣ товарищи Рехберга отличались такой же осторожностью.

Шмерлингъ, который въ 1848 году былъ министромъ Имперскаго намѣстника, соединялъ съ крайней увѣренностью въ своемъ геніи величайшую развязность и смѣлость; для того чтобы обезпечить господство нѣмецкаго элемента въ Австріи, онъ хотѣлъ твердо упрочить авторитетъ Франца-Іосифа въ Германіи, не замѣчая, что онъ попадетъ такимъ образомъ въ заколдованный кругъ. На его сторонѣ стояли сами завѣдующіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, Мейсенбургъ и въ особенности Бигелебенъ, человѣкъ образованный и просвѣщенный, но полный предвзятыхъ идей и фанатическихъ предразсудковъ. Подъ Рехберга глухо подкапывался адъютантъ императора, Морицъ Эстергази, остроумный и весьма привлекательный, но неуравновѣшенный и нерѣшительный человѣкъ, съ ужасомъ отступавшій передъ „микробами, заключающимися въ каплѣ воды, которыхъ онъ изучалъ подъ микроскопомъ“ и ревниво относившійся ко всякому сопернику. Клерикальная партія во всей Европѣ была крайне раздражена итальянскими событіями и замышляла крестовый походъ, во главѣ котораго должна была стоять Австрія.

Францъ - Іосифъ, лично руководившій иностранной политикой, не всегда могъ быть увѣренъ, что его природный здравый смыслъ убережетъ его отъ неблагоразумныхъ шаговъ; несмотря на свое добросовѣстное отношеніе къ дѣлу и замѣчательную память, онъ терялся все-таки въ деталяхъ. Наполеонъ III упрекалъ его въ недостаткѣ энергіи; вѣрнѣе было бы сказать, что ему не хватало постоянства. Онъ оставлялъ за собой право высказывать окончательное рѣшеніе въ важныхъ дѣлахъ, а это значило, что среди своихъ приближенныхъ онъ выбиралъ одного, пользовавшагося его особеннымъ довѣріемъ, и слѣдовалъ его совѣтамъ; но онъ не прощалъ ему этого посягательства на свою личность и тайкомъ устранялъ его какъ разъ въ тотъ моментъ, когда давалъ совѣтнику рѣшительныя доказательства своего благоволенія; это придавало его политикѣ извѣстную непослѣдовательность, отчасти объясняющуюся также тѣмъ упадкомъ духа и тѣмъ уныніемъ, которые оставили въ душѣ императора пережитыя имъ испытанія.

Шмерлингъ убѣдилъ его взять на себя иниціативу федеральной реформы, которая поставила бы Пруссію въ подчиненное положеніе въ Германскомъ Союзѣ, а такъ какъ недавній примѣръ доказалъ, что отъ Союзнаго Сейма нельзя будетъ добиться согласія на такую реформу, то Шмерлингъ посовѣтовалъ Францу-Іосифу непосредственно обратиться къ германскимъ государямъ. Австрійскій императоръ созвалъ ихъ на конгрессъ во Франкфуртѣ (17 августа 1863 г.). Собраніе было блестящимъ; Францъ-Іосифъ неожиданно обнаружилъ настоящій предсѣдательскій талантъ; ему удачно помогалъ Саксонскій король, руководившій большинствомъ. Прусскій король по совѣту Бисмарка не поѣхалъ на конгрессъ, а его отсутствіе заранѣе лишало резолюціи Франкфуртскаго съѣзда всякаго значенія. Когда Рехбергъ, который согласился, впрочемъ, на проектъ Шмерлинга только послѣ упорнаго сопротивленія, предложилъ съѣхавшимся монархамъ не обращать на это отсутствіе никакого вниманія, то они уклонились отъ рѣшительныхъ заявленій. И Австрія лишній разъ могла на опытѣ убѣдиться въ дѣйствительной цѣнности своихъ союзниковъ.

Бисмаркъ отнесся ко всей этой затѣѣ съ величайшимъ хладнокровіемъ, а пока его противники гнались за призраками, таявшими у нихъ въ рукахъ, онъ старался обезпечить себѣ поддержку Россіи. Въ началѣ 1863 года въ Польшѣ вспыхнуло возстаніе. Для осуществленія своихъ проектовъ прусскій министръ нуждался въ попустительствѣ Парижскаго и Петербургскаго кабинетовъ. Но дипломатическое сближеніе обоихъ этихъ дворовъ способно было парализовать его проекты; объединенныя Франція и Россія нисколько не нуждались бы въ Пруссіи и не имѣли бы никакихъ основаній допустить замышляемую имъ сумятицу. Въ то время какъ Наполеонъ III далъ себя увлечь въ такіе переговоры съ Австріей и Англіей, которые глубоко возмутили русское правительство, Бисмаркъ пошелъ навстрѣчу желаніямъ русскаго царя и предложилъ ему свою помощь, чѣмъ Александръ II былъ сильно тронутъ. Съ своей стороны, Наполеонъ III, убѣдившись въ тщетѣ предложенной ему Австріей поддержки, былъ гораздо больше возмущенъ слабостью Австріи (слабостью, которая пахла коварствомъ), чѣмъ лойяльнымъ и открытымъ воздержаніемъ Пруссіи.

Такимъ образомъ, къ концу 1863 года общее политическое положеніе въ Европѣ вполнѣ благопріятствовало смѣлой иниціативѣ Бисмарка. Австрія, обезкураженная неудачей Франкфуртскаго Конгресса, была сильно напугана принципіальными деклараціями Парижскаго кабинета; Франція возстановила противъ себя Россію и сама была возстановлена противъ Англіи за ея нелойяльное поведеніе; зато Пруссія

завоевала симпатіи Горчакова, тогда какъ въ лагерѣ ея противниковъ замѣчался разбродъ и несогласія. Смерть датскаго короля Фридриха VII (15 ноября 1863 года) доставила прусскому министерству удобный предлогъ для начатія дѣйствій.

Датская война.—Ни въ чемъ не выразились съ такой замѣчательной ясностью гибкость и сила ума Бисмарка, а также его полное презрѣніе къ писаному праву и традиціонной морали, какъ въ его политикѣ по отношенію къ Герцогствамъ. Лондонскій протоколъ (8 мая 1852 года) имѣлъ чисто временный характеръ; Пруссія и Австрія, признавая цѣлость датской короны и наслѣдіе Христіана Глюксбургскаго, добились „разъясненій", дававшихъ имъ возможность возобновить споръ при первомъ удобномъ случаѣ. Въ дѣйствительности здѣсь столкнулись два принципа; національное чувство, требовавшее возвращенія территоріи, большей частью населенной нѣмцами, рѣшительно отрицало всякое значеніе за трактатами, которыми признавались права Даніи. Горькія жалобы Союзнаго Сейма дѣлали этотъ вопросъ злободневнымъ, и проницательный Бисмаркъ могъ только потирать руки отъ удовольствія. „Здѣсь,—писалъ онъ, — мы имѣемъ дѣло съ такимъ вопросомъ, по поводу котораго можно во всякое время начать войну, какъ только это дозволитъ политическое положеніе Европы".

Послѣ смерти Фридриха VII герцогъ Фридрихъ Августенбургскій, несмотря на отреченіе своего отца, заявилъ притязаніе на Герцогства; общественное мнѣніе въ Германіи рѣшительно высказалось въ его пользу, и его же примѣру послѣдовалъ Союзный Сеймъ, хотя большинство нѣмецкихъ правительствъ и примкнуло къ Лондонскому протоколу. Шлезвигъ, выходящій къ Балтійскому и Сѣверному морямъ съ своей чудной гаванью Килемъ, являлся для Пруссіи весьма соблазнительной приманкой. „Я всегда думалъ,—говорилъ впослѣдствіи Бисмаркъ, — что присоединеніе Шлезвига къ Пруссіи составляетъ лучшее изъ всѣхъ рѣшеній вопроса".

Чтобы не испугать Европу, онъ притворно выразилъ порицаніе невоздержности Сейма, не призналъ правъ герцога Августенбургскаго, жаловался только на то, что Данія нарушила постановленія Лондонскаго договора, и предложилъ ей предоставить Герцогствамъ требуемыя ими гарантіи и автономію. Прусская палата возмущена была проявленною имъ слабостью и обвиняла его въ томъ, что онъ предаетъ иностранцамъ Сѣверную Марку. Европейскія державы, съ своей стороны, введенныя имъ въ заблужденіе или желавшія ему потворствовать, предоставили ему полную свободу дѣйствій, а Австрія, въ которой Рехбергъ, вслѣдствіе испытанныхъ имъ въ послѣднее время неудачъ, желалъ сближенія съ Пруссіей, но которая съ ужасомъ отступила бы передъ революціоннымъ рѣшеніемъ вопроса, послѣдовала за нимъ. „Въ 1849 году мы убѣдились,—говорилъ Бисмаркъ, — что не хорошо выступать одному противъ четырехъ; два противъ трехъ—это болѣе благопріятная пропорція". Рехбергу со всѣхъ сторонъ дѣлались предупрежденія въ томъ смыслѣ, что выгнать изъ Герцогствъ датчанъ будетъ нетрудно, но затѣмъ выгнать оттуда пруссаковъ будетъ не такъ-то легко; онъ не отрицалъ опасности, но считалъ болѣе благоразумнымъ не дать Бисмарку дѣйствовать одному.

Въ январѣ 1864 года Пруссія и Австрія, оттѣснивши на задній планъ Союзный Сеймъ, вопреки его протестамъ, напали на Данію; затѣмъ, послѣ того какъ датчане принуждены были очистить Даневеркъ, прикрывавшій входъ въ Шлезвигъ, Бисмаркъ убѣдилъ Австрію вторгнуться въ Ютландію; Дюппельскія укрѣпленія были взяты послѣ шестимѣсячной осады

(18 апрѣля), а Ютландія почти вся занята австро-прусскими войсками. Прусскій король готовъ былъ въ то время признать права Фридриха Августенбургскаго; Бисмаркъ съ неудовольствіемъ соглашался на такое рѣшеніе вопроса, но чтобы обезпечить себя отъ возможной съ его стороны неблагодарности, онъ поставилъ ему такія условія, которыя должны были всецѣло подчинить его Пруссіи. Фридрихъ попытался было спорить, но его возраженія показались какимъ-то неприличіемъ: вѣдь, въ сущности говоря, герцогства принадлежали, молъ, тѣмъ, кто ихъ завоевалъ. Рехбергъ, хотя и считалъ эту теорію нѣсколько опасной, не посмѣлъ протестовать, такъ какъ великія европейскія державы, среди которыхъ въ то время царило полное несогласіе, не оказали бы ему никакой поддержки; его политика, въ общемъ разсудительная и обдуманная, отличалась робостью и нерѣшительностью; онъ не любилъ смотрѣть опасности прямо въ глаза и предпочиталъ тактику выжиданія. По Вѣнскому договору (30 октября 1864 года) права Даніи на Лауэнбургъ, Гольштинію и Шлезвигъ уступлены были Пруссіи и Австріи.

Гаштейнская конвенція.— Австрія была въ высшей степени смущена сдѣланнымъ ею пріобрѣтеніемъ. Чтобы выпутаться изъ затруднительнаго положенія, Рехбергъ охотно готовъ былъ бы уступить свои права за самое незначительное территоріальное вознагражденіе, напримѣръ, за графство Глацъ; но, въ силу принципа Гогенцоллерновъ, территоріи, разъ имѣвшія честь побывать подъ ихъ управленіемъ, не могутъ быть уступлены никакому другому господину. Даже на болѣе скромныя требованія Австрія получила отказъ, и Шмерлингъ, довольный тѣмъ, что можетъ отомстить своему сопернику, добился замѣны Рехберга Менсдорфомъ-Пульи.

Графъ Менсдорфъ былъ генераломъ-отъ-кавалеріи, не обладавшимъ особенно широкимъ дипломатическимъ опытомъ; постъ министра иностранныхъ дѣлъ онъ согласился занять только по чувству подчиненія, а такъ какъ онъ самъ себѣ не довѣрялъ, то онъ не всегда рѣшался поддерживать свои мнѣнія съ достаточной твердостью. Онъ держался благоразумныхъ взглядовъ и полагалъ, что при данныхъ обстоятельствахъ Австрія должна прежде всего позаботиться о томъ, чтобы во что бы то ни стало выбраться изъ того тупого переулка, въ который она зашла, избѣгая при этомъ разрыва съ Пруссіей; но ни Шмерлингъ, ни Эстергази, ни дворъ не раздѣляли его точки зрѣнія.

Отношенія между Берлиномъ и Вѣной послѣ заключенія Вѣнскаго договора далеко нельзя было назвать хорошими. Бисмаркъ, который ни за что не хотѣлъ отказаться отъ герцогствъ, ожидалъ сопротивленія со стороны Австріи и, не отвергая безусловно всякой мысли о соглашеніи, въ глубинѣ души не желалъ примиренія. „Война 1866 года, — писалъ впослѣдствіи Мольтке,—не была вызвана необходимостью защищать наше угрожаемое существованіе: это былъ конфликтъ, признанный необходимымъ въ кабинетѣ, задолго задуманный и постепенно подготовлявшійся“.

Король слѣдовалъ за своими совѣтниками не безъ нѣкотораго отвращенія; Бисмаркъ сближался съ Франціей, предупреждалъ Италію—всѣ эти союзы казались прусскому государю подозрительными и не нравились ему. Ставка была слишкомъ серьезная, результатъ игры казался сомнительнымъ, а Шлезвигская Кампанія не позволяла предвидѣть поразительныхъ успѣховъ 1866 года: во время датской войны австрійскія войска вели себя очень недурно, а прусскіе генералы совершили рядъ ошибокъ, чуть было не скомпрометировавшихъ успѣха выработанныхъ Мольтке плановъ. Съ своей стороны, Бисмаркъ далеко не былъ увѣренъ въ Наполеонѣ III.

Поэтому, когда Австрія. вниманіе которой было тогда цѣликомъ поглощено внутренними преобразованіями и которая прежде, чѣмъ разрѣшить свой давнишній споръ съ Пруссіей, хотѣла примириться съ венгерцами, предложила Пруссіи компромиссное соглашеніе, то она охотно приняла это предложеніе. Гаштейнская конвенція (14 августа 1865 г.), по словамъ прусскаго короля, была „побѣдой, не стоившей ни одной капли крови". По этому договору Пруссія и Австрія, сохраняя право общаго владѣнія, подѣлили между собою управленіе герцогствами; Лауэнбургъ предоставленъ былъ Пруссіи въ полное владѣніе подъ условіемъ уплаты $2^1/_2$ милліоновъ датскихъ талеровъ. Этотъ прецедентъ имѣлъ самое серьезное значеніе, особенно для Австріи, которая снова скомпрометировала себя этимъ двусмысленнымъ торгомъ, возбудила неудовольствіе остальныхъ нѣмецкихъ государей и, по крайней мѣрѣ, формально оставила герцога Августенбургскаго на произволъ судьбы.

Война 1866 года.—Францъ-Іосифъ дорого заплатилъ за политику проволочекъ, которую онъ считалъ необходимою. Гаштейнская конвенція ничуть не уладила прежнихъ недоразумѣній; Бисмаркъ горько жаловался на поведеніе Габленца, австрійскаго представителя въ Гольштиніи, который, по его словамъ, „угрожалъ монархическимъ принципамъ, общественному порядку и дружбѣ обоихъ государствъ". Бисмаркъ отправился въ Біаррицъ, чтобы окончательно выяснить себѣ намѣренія Наполеона III; императоръ отказался взять на себя какія-либо опредѣленныя обязательства, онъ хотѣлъ оставить за собой свободу дѣйствій для того, чтобы извлечь изъ положенія максимумъ взаимныхъ выгодъ, но очень желалъ конфликта между Пруссіей и Австріей; онъ не обезкураживалъ пруссаковъ и тайно подстрекалъ итальянскій кабинетъ. Австрія, которой опасность грозила съ двухъ сторонъ, встревожилась и собрала нѣсколько полковъ; тогда Пруссія подняла громкій крикъ, быстро закончила свои военныя приготовленія и подписала съ посланцемъ Ламарморы, генераломъ Говоне, договоръ 8 апрѣля 1866 г., по которому Италія обязалась напасть на Австрію, если въ трехмѣсячный срокъ Пруссія начнетъ военныя дѣйствія.

Возникалъ вопросъ; что сдѣлаетъ Сеймъ? Несмотря на свое недавнее недовольство Вѣной, нѣмецкіе государи склонились на сторону Австріи. Бисмаркъ бросилъ имъ подъ ноги проектъ радикальной реформы союзной конституціи и потребовалъ созыва выбраннаго всеобщей подачей голосовъ парламента, въ которомъ представители народа должны были обсудить вмѣстѣ съ представителями государей основы новаго устройства Германіи. Этотъ либерализмъ показался чрезвычайно подозрительнымъ; тѣмъ не менѣе, ослѣпленные открывавшейся передъ ними блестящей перспективой, либералы смѣшались, а противниками Пруссіи овладѣло смущеніе. Предложенія Бисмарка не помѣшали нѣмецкимъ кабинетамъ присоединиться къ Австріи, да онъ на это и не разсчитывалъ; но они замедлили ихъ дѣйствія и послужили удобнымъ предлогомъ сначала для ихъ колебаній, а затѣмъ и для рѣшительнаго отпаденія отъ Австріи. Кромѣ того, они поставили вопросъ въ опредѣленной формѣ. „Теперь дѣло шло уже не о завоеваніи новой территоріи,—писалъ впослѣдствіи Мольтке,—а о господствѣ надъ Германіей". На самомъ дѣлѣ одно не исключало другого; но зато война получила менѣе эгоистическій характеръ, дававшій притомъ успокоеніе тѣмъ слабымъ душамъ, которыя рады были перемѣнить фронтъ, но какъ-то на это не рѣшались.

Событія доказали огромное превосходство Пруссіи надъ ея противниками, а вѣра прусскихъ генераловъ въ побѣду не имѣла границъ. Но любопытно, что въ

моментъ открытія военныхъ дѣйствій самъ король испытывалъ нѣкоторое безпокойство. Баварія, Саксонія, Ганноверъ, Вюртембергъ и даже Баденъ присоединились къ Австріи, и хотя арміи этихъ государствъ не представляли серьезнаго значенія, но для борьбы съ ними Пруссіи приходилось отдѣлить часть своихъ силъ; подданные сплотились вокругъ своихъ монарховъ, а манифестъ центральнаго Комитета Національнаго Союза протестовалъ противъ войны, „которой причины и цѣль были неясны".

Въ самой Пруссіи общественное мнѣніе было крайне раздражено противъ министра, и 7 мая студентъ Юліусъ Когенъ произвелъ въ него пять выстрѣловъ изъ револьвера. Со всѣхъ сторонъ получались адреса въ пользу мира; въ Силезіи священники съ церковной каѳедры проповѣдывали противъ политики кабинета; въ рейнскихъ провинціяхъ пришлось прибѣгнуть къ силѣ, для того чтобы заставить запасныхъ войти въ вагоны, а Майнцскій архіепископъ въ письмѣ почти угрожающаго характера оправдывалъ поведеніе солдатъ, которые повиновались приказаніямъ начальства „съ неудовольствіемъ и отвращеніемъ, единственно по чувству дисциплины, но безъ всякихъ признаковъ энтузіазма". При такихъ условіяхъ пораженіе могло повлечь за собой самыя серьезныя послѣдствія для династіи. Въ то же время изъ-за границы получались извѣстія столь же неутѣшительнаго свойства.

Во Франціи общественное мнѣніе протестовало противъ нарушенія традиціонныхъ принциповъ французской дипломатіи, и императоръ по временамъ начиналъ задумываться надъ той отвѣтственностью, которую онъ бралъ на себя. Его симпатіи къ Пруссіи не исключали возможности поворота во французской политикѣ. Когда Австрія выказала намѣреніе сблизиться съ Франціей и уступить Венецію Италіи, то Наполеонъ III не отвергъ австрійскихъ предложеній и съ цѣлью выгадать время предложилъ созывъ европейскаго конгресса. Вѣнскій кабинетъ долженъ былъ, очевидно, согласиться на это въ своихъ прямыхъ интересахъ; но Италія не выказала никакого энтузіазма по поводу предлагаемаго ей дара, ссылаясь на то, что она связана договоромъ 8 апрѣля; 8 іюля ея щепетильность потеряла бы всякій смыслъ.

По непонятному ослѣпленію Вѣнскій кабинетъ отклонилъ идею европейскаго конгресса. Фактическое управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ это время уже ускользнуло изъ рукъ Менсдорфа-Пульи, который печально отдался на волю теченія. Отвѣтственность за это рѣшеніе, въ результатѣ котораго Австрія осталась изолированной подъ совмѣстными ударами Пруссіи и Италіи, возлагаютъ на генерала Морица Эстергази, дѣйствовавшаго, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ клерикальныхъ элементовъ. Это вытекаетъ, повидимому, изъ договора, подписаннаго Австріей и Франціей (12 іюня); по этому договору Австрія обязалась уступить Венецію во всякомъ случаѣ и не вносить никакихъ измѣненій въ политическое и территоріальное положеніе Германіи безъ согласія Франціи; зато она добилась обѣщанія, что владѣнія папы не подвергнутся никакой опасности. Конечно, кромѣ клерикальныхъ явленій странное рѣшеніе Вѣнскаго двора объясняется еще его тогдашней растерянностью, крайнимъ раздраженіемъ и отчаяніемъ, въ которое его повергли махинаціи противника.

11 іюня пруссаки заняли Гольштинію; Австрія потребовала отъ Франкфуртскаго Сейма мобилизаціи союзной арміи, которая и была вотирована представителями четырехъ королевствъ, обоихъ Гессеновъ и Нассау. Пруссіи приходилось имѣть дѣло съ тремя группами противниковъ: Кассель и Ганноверъ на Западѣ, южногерманскія государства за Майномъ и,

наконецъ, Австрія, авангардомъ которой была Саксонія. Она имѣла предъ своими противниками преимущества въ положеніи, организаціи и вооруженіи. Мольтке, не будучи стратегическимъ геніемъ, сумѣлъ понять значеніе новѣйшихъ научныхъ открытій и создалъ научный способъ веденія войны, а Роонъ подготовилъ, съ своей стороны, офицерскій корпусъ, полный усердія, довѣрія и энтузіазма, рѣшившій успѣхъ своей смѣлостью и духомъ иниціативы.

Нѣсколько быстрыхъ переходовъ рѣшили участь Гессенскаго курфюрста и Ганноверскаго короля. Ганноверская армія, пытавшаяся отступить для соединенія съ войсками южно-германскихъ государствъ, подвигалась очень медленно и послѣ сраженія при Лангензальцѣ принуждена была капитулировать (29 іюня). Пруссаки заняли Франкфуртъ, наложили на него контрибуцію въ 25 милліоновъ флориновъ и такъ жестоко обращались съ жителями, что одинъ изъ бургомистровъ, доведенный до отчаянія, покончилъ самоубійствомъ. „Всѣ земли къ сѣверу отъ Майна — у ногъ Вашего Величества", писалъ своему повелителю генералъ Фогель фонъ-Фалькенштейнъ. Замѣнившій его Мантейфель быстро гналъ передъ собой баденскія и гессенскія войска; Нюренбергъ открылъ предъ побѣдителями свои ворота, и пруссаки собирались вторгнуться въ Старую Баварію, когда прибыло извѣстіе о заключеніи перемирія.

Въ Богеміи Бенедекъ могъ выставить 250.000 человѣкъ противъ 300.000 солдатъ, которыми командовалъ прусскій наслѣдный принцъ и принцъ Фридрихъ-Карлъ. Австрійцы располагали лучшей артиллеріей, чѣмъ пруссаки, и превосходной кавалеріей. Но зато ружье Дрейзе давало прусской пѣхотѣ огромное преимущество; во всѣхъ столкновеніяхъ австрійскія потери были втрое выше, чѣмъ потери ихъ противниковъ. Послѣ итальянской кампаніи австрійскій главный штабъ усвоилъ тактику нападенія и атаки сомкнутыми рядами; пруссаки, сражавшіеся стрѣлковыми цѣпями, пользуясь всѣми удобствами почвы, пріученные къ обходнымъ движеніямъ и фланговымъ атакамъ, останавливали непріятельскія колонны своимъ мѣткимъ огнемъ, а когда заколебавшійся непріятель начиналъ отступать, вносили въ его ряды страшное опустошеніе.

Бенедекъ, который прославился своими успѣхами въ Италіи и назначеніе котораго на постъ главнокомандующаго состоялось благодаря давленію общественнаго мнѣнія, былъ прекраснымъ дивизіоннымъ генераломъ, но совершенно не обладалъ качествами командира цѣлой арміи; онъ согласился занять этотъ отвѣтственный постъ только вслѣдствіе настойчивыхъ просьбъ императора и эрцгерцога Альбрехта и обнаружилъ нѣсколько излишнюю скромность, безпрекословно исполняя всѣ планы Геникштейна и Крисманика. Послѣдній былъ скорѣе педантическимъ, чѣмъ сообразительнымъ теоретикомъ, находившимся всецѣло подъ вліяніемъ традицій XVIII столѣтія; быстрое наступленіе пруссаковъ сразу разстроило его проекты, вырабатываемые съ медленностью и осторожностью. Въ то время какъ Мольтке, выяснивши свои планы генераламъ, оставлялъ имъ самую широкую иниціативу въ дѣлѣ практическаго осуществленія этихъ проектовъ, австрійская главная квартира хотѣла всѣмъ руководить, а корпусные командиры скверно исполняли приказанія, которыхъ имъ не объясняли; при этомъ не всѣ австрійскіе генералы одинаково удовлетворяли своимъ задачамъ, такъ какъ многіе изъ нихъ обязаны были своимъ положеніемъ не столько своимъ талантамъ, сколько своему происхожденію. Не слѣдуетъ, впрочемъ, преувеличивать значеніе этихъ личныхъ достоинствъ или недостатковъ, такъ какъ весьма сомнительно, чтобы геній какого-нибудь гене-

рала способенъ былъ надолго перевѣсить тѣ преимущества, которыя пруссакамъ давали ихъ организація и вооруженіе.

Медлительность Бенедека дала возможность пруссакамъ занять всю Саксонію безъ одного выстрѣла, но они боялись вторгнуться въ Силезію и сконцентрировали тамъ колоссальную армію подъ командой наслѣднаго принца. Затѣмъ, стараясь отыскать австрійцевъ въ Богеміи, они двинулись туда тремя сильно удаленными другъ отъ друга корпусами. Между Фридрихомъ-Карломъ, который подвигался долиной между Эльбой и Рейхенбергомъ, и наслѣднымъ принцемъ, который долженъ былъ выйти изъ ущелій Исполиновыхъ горъ, Бенедекъ занималъ очень выгодную позицію, которой онъ не сумѣлъ, какъ слѣдуетъ, воспользоваться. Фридрихъ-Карлъ, которому пришлось имѣть дѣло съ слабѣйшими силами противника, переправился черезъ Изеръ, плохо защищаемый Кламъ-Галласомъ, и послѣ сраженій при Гюнервассерѣ, Либенау, Подолѣ, Мюнхенгрецѣ и Ичинѣ (26—29 іюня) отбросилъ разстроенное лѣвое крыло австрійской арміи къ Садовой и Кениггрецу. Крисманикъ хотѣлъ разбить его до прибытія наслѣднаго принца, но потерялъ сорокъ восемь часовъ, а тѣмъ временемъ подошла Силезская армія. Одинъ изъ корпусовъ этой арміи сначала былъ остановленъ Габленцомъ при Траутенау (27 іюня), но Габленцъ, подвергшійся нападенію прусской гвардіи съ фланга, былъ разбитъ при Буркерсдорфѣ (Траутенау-Зооръ) и отступилъ въ безпорядкѣ; Штейнмецъ одержалъ побѣду при Находѣ (27 іюня), при Скалицѣ (28 іюня) и при Швейншеделѣ (29 іюня). Обѣ прусскія арміи пришли въ соприкосновеніе, и король прибылъ въ главную квартиру вмѣстѣ съ Мольтке, Рooномъ и Бисмаркомъ.

Послѣднія сраженія стоили австрійцамъ 40.000 человѣкъ; почти всѣ австрійскія дивизіи принимали въ нихъ участіе и были болѣе или менѣе деморализованы. „Я настоятельно прошу Ваше Величество,— телеграфировалъ Бенедекъ (1 іюля),— заключить миръ во что бы то ни стало; арміи грозитъ неизбѣжная катастрофа“. Благоразуміе требовало всячески уклоняться отъ рѣшительной битвы, сберечь силы монархіи и дать иностраннымъ державамъ время для вмѣшательства. Но Францъ-Іосифъ хотѣлъ спасти честь Австріи крупнымъ сраженіемъ.

Австрійская армія занимала, нѣсколько къ сѣверу отъ Кениггреца, на правомъ берегу Эльбы сильную позицію, хорошо защищенную окопами на высотахъ Липы и Чистовца, прикрывающихъ Быстрицу и Тротину. 3 іюля Фридрихъ-Карлъ безъ особаго труда переправился черезъ Быстрицу, но когда онъ хотѣлъ выйти изъ Садовой, то былъ остановленъ убійственнымъ огнемъ австрійской артиллеріи, расположенной въ нѣсколько рядовъ на высотахъ; если бы въ этотъ моментъ Бенедекъ двинулъ свои резервы на поколебавшіяся прусскія дивизіи, то ему, быть можетъ, удалось бы нанести имъ пораженіе. Но онъ опасался нападенія со стороны наслѣднаго принца, который перешелъ въ атаку около полудня. На правомъ флангѣ австрійцевъ Фестетицъ, Тунъ и Моллинари, увлеченные разгорѣвшимся боемъ, безъ всякаго приказа атаковали Свинъ-Вальдъ, героически защищаемый прусскимъ генераломъ Франсецкимъ; австрійскіе солдаты были уже истощены продолжительнымъ боемъ, когда неожиданно на нихъ напали новыя непріятельскія войска. Наслѣдный принцъ быстро дошелъ до Хлума, этого ключа австрійскихъ позицій. Австрійская колонна, состоявшая изъ 18.000 человѣкъ, произвела яростную атаку, для того чтобы взять обратно Хлумъ, но потеряла при этомъ треть своего состава. Войска заколебались, и Бенедекъ отдалъ приказъ объ отступленіи. Отступленіе прикрывалось артиллеріей, которая вела себя при

15*

этомъ съ замѣчательнымъ самопожертвованіемъ. Утомленные побѣдители, не успѣвшіе сразу отдать себѣ точный отчетъ во всей важности одержанной ими побѣды, въ продолженіе двухъ дней не преслѣдовали австрійцевъ, которыхъ эта задержка спасла отъ полнаго разгрома: они потеряли 13.000 человѣкъ убитыми, 18.000 ранеными и 13.000 плѣнными; у пруссаковъ выбыло изъ строя 9.000 человѣкъ.

Никольсбургское перемиріе и Пражскій миръ. — Бенедекъ отступилъ къ Ольмюцу, преслѣдуемый арміей наслѣднаго принца, тогда какъ Фридрихъ-Карлъ шелъ на Вѣну; теперь Францу-Іосифу оставалось только надѣяться на вмѣшательство Европы. Эрцгерцогъ Альбрехтъ 24 іюня разбилъ итальянцевъ при Кустоццѣ; слѣдовательно, съ этой стороны военная честь была спасена: императоръ оффиціально уступилъ Венецію Наполеону III и просилъ его посредничества. Французская дипломатія, всѣ разсчеты которой были построены на пораженіи Пруссіи или, по крайней мѣрѣ, на продолжительной и изнурительной войнѣ, способной истощить силы враждующихъ сторонъ, совершенно растерялась. Самымъ разумнымъ выходомъ было бы обратиться къ Европѣ и согласиться на предложенный Горчаковымъ конгрессъ; вмѣсто того австрійское правительство отклонило предложеніе Россіи и завело длиннѣйшіе и безплодные переговоры, а Пруссія ловко воспользовалась этой ошибкой и продолжала свое наступленіе.

14 іюля занята была вся Моравія, кромѣ Ольмюца, а прусскіе аванпосты достигли Знаима, расположеннаго въ десяти миляхъ отъ Вѣны; послѣ сраженія при Тобичау (15 іюля), доказавшаго полную дезорганизацію австрійской арміи, Бенедекъ былъ отрѣзанъ отъ Дуная, до котораго онъ могъ теперь добраться только длиннымъ обходнымъ путемъ къ востоку, а прусская главная квартира перенесена была въ Никольсбургъ, въ двѣнадцати миляхъ отъ австрійской столицы. Въ австрійской монархіи, которая всегда была не чѣмъ инымъ, какъ безсвязнымъ аггрегатомъ различныхъ народностей, пораженіе правительства вызвало новый взрывъ партикуляристическихъ стремленій. Венгрія отказывалась отъ какой бы то ни было помощи правительству до тѣхъ поръ, пока ей не возвращены будутъ ея права; Австрія падала не столько подъ ударами врага, сколько подъ тяжестью вѣковыхъ грѣховъ своей династіи и своихъ внутреннихъ недостатковъ.

Надежды, которыя Францъ-Іосифъ возлагалъ на Францію, быстро разсѣялись; Друэнъ-де-Люисъ совѣтовалъ ему принять условія Бисмарка, потому что „продолженіе борьбы при данныхъ условіяхъ привело бы къ гибели монархіи, а Наполеонъ твердо рѣшилъ не втягивать Францію въ войну“. Успокоившись съ этой стороны, Пруссія не знала удержа; король выказалъ чрезмѣрную требовательность; при своемъ ограниченномъ умѣ онъ стремился не столько къ расширенію своего вліянія, сколько къ увеличенію своей территоріи. И Бисмарку съ величайшимъ трудомъ удалось его убѣдить, что, выставляя преувеличенныя требованія, онъ рискуетъ скомпрометировать все дѣло. Францъ-Іосифъ отправилъ Бейста въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать послѣднюю попытку; но императоръ французовъ былъ боленъ, безволенъ и лепеталъ, какъ дитя: я не подготовленъ. „Когда цѣломудренная Австрія рѣшилась отдать Наполеону свои послѣднія ласки, то передъ ней оказался... просто Абеляръ съ мѣткой“, сказала одна дама.

Основныя условія мирнаго договора были выработаны въ Парижѣ прусскимъ посланникомъ Гольцемъ и Наполеономъ: Австрія выступала изъ Германскаго Союза; Сѣверо-Германскій Союзъ въ военномъ отношеніи подчинялся руководству Пруссіи, которая получала герцогства

Шлезвигъ и Гольштинію; южно-германскія государства должны были составить отдѣльный союзъ. Прусскій король былъ страшно возмущенъ, такъ какъ онъ требовалъ уступки ему части Силезіи, Саксоніи, Ансбаха и Байрейта. Гольцъ добился все-таки отъ Франціи обѣщанія, что она не станетъ противиться присоединенію къ Пруссіи трехъ или четырехъ милліоновъ населенія.

Переговоры, начавшіеся 22 іюля въ Никольсбургѣ, чуть было не разстроились изъ-за вопроса о Саксоніи; Бисмаркъ требовалъ, чтобы король Іоаннъ вступилъ въ Сѣверо-Германскій Союзъ. Въ это время австрійское правительство еще не вполнѣ оставило мысль о возобновленіи военныхъ дѣйствій и оно несомнѣнно рѣшилось бы на продолженіе войны, если бы оно могло съ увѣренностью разсчитывать на энергическую поддержку Франціи. Мольтке упорно утверждалъ, что Пруссія, имѣвшая въ тотъ моментъ 600.000 солдатъ подъ ружьемъ, готова ко всякимъ случайностямъ; но Бисмаркъ вовсе не былъ такъ увѣренъ въ прусскихъ силахъ. Эрцгерцогъ Альбрехтъ защищалъ Дунай съ 250.000 человѣкъ; въ южной Германіи насчитывалось 100.000 баварскихъ, вюртембергскихъ и баденскихъ солдатъ, которые съ присоединеніемъ французскаго корпуса могли бы составить грозную силу; вдобавокъ въ Прусской арміи свирѣпствовала холера. Кромѣ того, Бисмаркъ вовсе не былъ увѣренъ въ томъ, что Россія останется безстрастной зрительницей войны или не захочетъ, по крайней мѣрѣ, дорого продать свой нейтралитетъ. Несомнѣнно, Бисмаркъ руководился весьма здравыми соображеніями, когда старался не доводить дѣла до крайности и склонилъ короля на уступки, которыя ничуть не ослабляли его торжества, но дали Австріи возможность легче примириться со своимъ печальнымъ положеніемъ. 26 іюля были подписаны въ Никольсбургѣ предварительныя условія мира, а 23 августа былъ заключенъ въ Прагѣ окончательный договоръ.

Хотя въ послѣдній моментъ и возникъ цѣлый рядъ недоразумѣній, но было слишкомъ очевидно, что Австрія рѣшится снова попытать счастья лишь послѣ реорганизаціи своей арміи. Франція, задѣтая въ своемъ престижѣ, скомпрометированная нерѣшительностью своей политики, очутилась въ изолированномъ положеніи; когда Бенедетти попросилъ Бисмарка дать Франціи какое-нибудь вознагражденіе, то послѣдній отнесся къ этому предложенію съ крайнимъ высокомѣріемъ и отказался даже отъ какого бы то ни было исправленія границъ. Онъ возстановилъ прежнія сердечныя отношенія съ Россіей, и теперь приходилось оставить всякую надежду на возможность вовлеченія его въ невыгодную сдѣлку. „Теперь царствуетъ игольчатое ружье“, писалъ *Times*.

Французское правительство, которое могло обвинять только самого себя въ постигшихъ его неудачахъ, сохранило зубъ противъ Пруссіи за свою собственную безтактность. Съ другой стороны, прусскій король не могъ простить Наполеону того, что онъ остановилъ его побѣдоносныя войска у воротъ Вѣны. Нѣмецкое національное чувство, отличающееся легкой возбудимостью, возмущалось притязаніями французскаго кабинета, а Бисмаркъ съ величайшей ловкостью старался обратить противъ французовъ раздраженіе, вызванное въ Германіи прусскимъ честолюбіемъ; сначала онъ напугалъ побѣжденныхъ монарховъ своими чрезмѣрными притязаніями, а когда они поняли, чѣмъ можно угодить ему, то съ тѣмъ большей поспѣшностью они постарались сгруппироваться вокругъ него.

Новая Пруссія и Сѣверо-Германскій Союзъ. — Трехнедѣльной кампаніи достаточно было для того, чтобы измѣнить все политическое положеніе Европы и на мѣсто французской гегемоніи поставить

гегемонію нѣмецкую. Было вычислено, что денежная контрибуція, наложенная на побѣжденныхъ, составляла около 300 милліоновъ франковъ, „что доказываетъ,— какъ замѣтилъ полковникъ Борбштедтъ,— что хорошая армія не всегда отличается непроизводительностью, какъ это утверждаютъ профессора политической экономіи“. Но что еще важнѣе, благодаря новымъ договорамъ территорія Пруссіи увеличилась на 1.300 квадратныхъ миль, а населеніе ея возросло на 4.300.000 жителей.

Баварія уступила ей двѣ небольшія территоріи подлѣ Орба въ Спессартѣ и Каульсдорфскій клинъ; Гессенъ-Дармштадтъ отдалъ ей Гессенъ-Гомбургъ, нѣкоторыя части Верхняго Гессена, а также предоставилъ ей исключительное право держать гарнизонъ въ Майнцѣ; законъ 20 сентября 1866 года санкціонировалъ присоединеніе къ Пруссіи Ганноверскаго королевства, курфюршества Гессенъ-Касселя, великаго герцогства Нассаускаго и города Франкфурта, а 24 декабря, послѣ того какъ герцогъ Ольденбургскій согласился отказаться отъ своихъ правъ за значительное денежное вознагражденіе, парламентъ вотировалъ присоединеніе датскихъ герцогствъ. Въ этотъ моментъ въ Пруссіи насчитывалось 24 милліона жителей.

Передъ прусскимъ правительствомъ, желавшимъ достигнуть объединенія Германіи, стояла въ то время троякая задача: необходимо было растворить въ монархіи новыхъ подданныхъ, твердо установить свою власть надъ сѣверо-германскими государствами, не подвергшимися завоеванію, и подготовить южно-германскія государства, независимость которыхъ была обезпечена договорами, къ признанію прусскаго сюзеренитета. При осуществленіи этой программы Бисмаркъ обнаружилъ поразительное искусство, которое нѣсколько затемнено было его дипломатическими успѣхами, но которое навсегда останется однимъ изъ неоспоримѣйшихъ его правъ на славу. Вѣрно и то, что задача его была значительно облегчена побѣдами прусской арміи въ Богеміи.

При всей законности своихъ жалобъ и при всемъ упорствѣ своего негодованія оппозиціонные депутаты чувствовали, что съ 1864 года страна поддерживаетъ ихъ все слабѣе. 3 іюля, то-есть какъ разъ въ день битвы при Садовой, произошли новые выборы; ничего удивительнаго не было въ томъ, что прогрессисты, противъ которыхъ правительство боролось самымъ энергическимъ образомъ, вернулись въ палату въ меньшемъ числѣ; среди либераловъ многіе отказывали министерству въ требуемыхъ имъ средствахъ только потому, что они не вѣрили въ его энергію и искусство; другіе боялись довести до крайности короля, который, будучи опьяненъ побѣдой, могъ склониться на увѣщанія абсолютистовъ и уничтожить конституцію.

24 октября нѣкоторые изъ наиболѣе выдающихся ораторовъ и наиболѣе уважаемыхъ лидеровъ бывшей прогрессистской партіи, Твестенъ, Форкенбекъ, Ласкеръ, фонъ-Унру, рѣшили поддерживать внѣшнюю политику правительства, а въ вопросахъ внутренней политики оставаться на почвѣ бдительной, но лойяльной оппозиціи. Они составили *національ-либеральную* группу, къ которой примкнулъ бывшій лѣвый центръ и которая усилилась либеральными депутатами присоединенныхъ провинцій, не пережившими прежнихъ конфликтовъ, какъ, напримѣръ, Гумбрехтъ — изъ Франкфурта, Эткеръ — изъ Касселя, президентъ Нассаускаго ландтага Браунъ, а въ особенности два ганноверца, Беннигсенъ и Микель, которые съ этого времени начали играть выдающуюся роль въ прусской палатѣ.

Аналогичная эволюція происходила среди консерваторовъ; свободные консерваторы, рекрутировавшіеся главнымъ образомъ среди крупныхъ силезскихъ помѣ-

щиковъ, отдѣлились отъ непримиримыхъ реакціонеровъ партіи „Крестовой Газеты". Такимъ образомъ сложились элементы для правительственнаго большинства, которыми искусившееся за послѣднее время министерство могло очень ловко пользоваться. Либералы не столько дорожили своими политическими принципами, сколько своими экономическими и національными доктринами; рекрутируясь въ общемъ изъ среды буржуазіи, они главнымъ образомъ упрекали правительство въ томъ, что оно смѣшиваетъ свое собственное дѣло съ интересами дворянства. Аристократія, которая такъ горячо поддерживала Бисмарка, скоро убѣдилась въ его неблагодарности.

Уже и въ то время Германія была центромъ оживленной экономической и промышленной дѣятельности; для того чтобы сдѣлать ее грозной соперницей націй, до тѣхъ поръ безраздѣльно господствовавшихъ на всемірномъ рынкѣ, необходимо было освободить ея производительныя силы отъ тѣхъ многочисленныхъ путъ, которыя такъ долго задерживали ея экономическій прогрессъ. Было бы чрезвычайно опасно толкнуть въ ряды оппозиціи средніе классы, вліяніе которыхъ возрастало вмѣстѣ съ ростомъ національнаго богатства; кромѣ того правительство рисковало надолго возстановить противъ себя завоеванныя провинціи, если бы оно вздумало подчинить ихъ господству восточныхъ „юнкеровъ". Бисмаркъ не поступился ни одной крупицей правительственной власти, но онъ старался править въ либеральномъ духѣ, и послѣ монархіи наибольшую пользу изъ новаго режима извлекли именно средніе классы.

Послѣ сраженія при Садовой министръ предложилъ королю положить конецъ конституціонному конфликту, попросивши палату сложить съ министерства отвѣтственность за произведенные до тѣхъ поръ неутвержденные расходы. Со стороны правительства это вовсе не было актомъ раскаянія, такъ какъ король опредѣленно заявилъ, что если подобныя условія повторятся, то онъ снова поступитъ такимъ же образомъ, какъ и прежде. Фактически Бисмаркъ никогда не признавалъ за парламентомъ права оказывать преобладающее вліяніе на общественныя дѣла, безжалостно отказывался отмѣнить пресловутую 109 статью, въ силу которой разъ вотированные налоги продолжаются взиматься до безконечности; либералы горько жаловались на наглость офицеровъ, на то покровительство, которое министръ народнаго просвѣщенія оказываетъ ортодоксальнымъ піетистамъ, и на преслѣдованіе имъ либераловъ. Но ихъ скорбь смягчалась громкими успѣхами Пруссіи во внѣшнихъ дѣлахъ, а въ Германіи смѣялись надъ печалями и недоумѣніями этихъ „людей съ двумя душами", націоналистовъ и либераловъ, но все-таки больше націоналистовъ, чѣмъ либераловъ. Бисмаркъ, которому надоѣдали ихъ жалобы и который не жалѣлъ для нихъ шпилекъ, сумѣлъ избѣжать полнаго разрыва и сохранить формы конституціоннаго режима, которыя очень пригодились ему для борьбы съ сопротивленіемъ присоединенныхъ провинцій.

Населеніе датскихъ герцогствъ, гдѣ герцогъ Августенбургскій имѣлъ многихъ партизановъ, выражало свое недовольство избраніемъ прогрессистскихъ депутатовъ; непримиримый характеръ оппозиція приняла только въ населенныхъ датчанами сѣверныхъ округахъ Шлезвига, которые Пруссія удержала въ своемъ владѣніи вопреки статьѣ 5-ой Пражскаго договора. Въ Нассау и Гессенъ-Касселѣ прежнія династіи не оставили по себѣ хорошей памяти; не совсѣмъ такъ обстояло дѣло въ Ганноверѣ; удалившись въ Гитцингъ, Георгъ V изъ своего изгнанія поддерживалъ надежды своихъ партизановъ, которыхъ было особенно много въ деревняхъ, гдѣ духовенство и

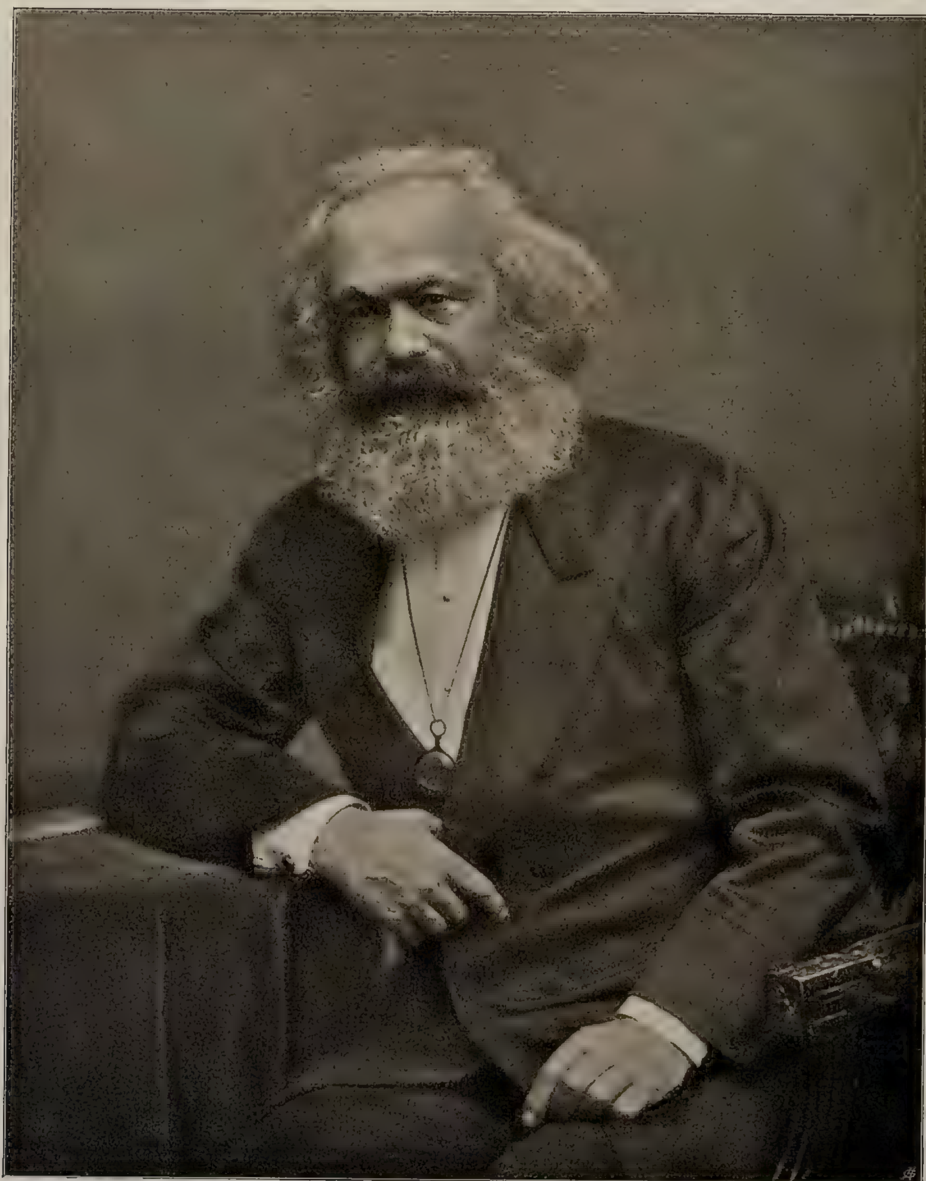
дворянство пользовались преобладающимъ вліяніемъ; изъ нѣсколькихъ сотенъ оставшихся ему вѣрными солдатъ онъ сформировалъ легіонъ вельфовъ, а его органъ „Положеніе“ возбуждалъ къ войнѣ противъ Германіи. Его примѣру послѣдовалъ Гессенъ-Кассельскій курфюрстъ.

Бисмаркъ конфисковалъ громадные капиталы, предназначенные на вознагражденіе государей, лишившихся своихъ владѣній, а палата предоставила этотъ „вельфскій фондъ“ въ его распоряженіе, для того чтобы „слѣдить за этими пресмыкающимися, злобно подстерегающими новое германское государство, вплоть до самыхъ ихъ норъ“. Бисмаркъ воспользовался этими суммами главнымъ образомъ для обрабатыванія общественнаго мнѣнія, основывая или подкупая газеты. Но враждебныя чувства были мало-по-малу ослаблены не столько мѣрами строгости и развращенія, сколько бережнымъ отношеніемъ и уваженіемъ къ мѣстнымъ традиціямъ. Признавая, что только часть населенія высказалась за необходимость присоединенія къ Пруссіи, Бисмаркъ выразилъ надежду, что въ недалекомъ будущемъ присоединенныя провинціи тѣснѣе сольются съ новымъ отечествомъ и начнутъ принимать близкое участіе въ его жизни. Въ общемъ, эти ожиданія не были обмануты. Къ безсильнымъ протестамъ семи вельфскихъ депутатовъ присоединились только датскіе депутаты и тринадцать познанскихъ поляковъ.

Освободившись такимъ образомъ отъ серьезныхъ внутреннихъ заботъ, Пруссія могла отнынѣ начать всей своей тяжестью давить на мелкихъ нѣмецкихъ монарховъ, которыхъ она сгруппировала вокругъ себя. 4 августа 1866 года она предложила государствамъ Сѣверной Германіи заключить съ ней союзъ на годъ, въ теченіе котораго будутъ выработаны основы Сѣверо-Германскаго Союза, предусмотрѣннаго постановленіями Пражскаго мира. Великія герцогства Ольденбургское и Веймарское, оба Мекленбурга, герцогства Брауншвейгъ, Ангальтъ, Кобургъ-Гота и Альтенбургъ, княжества Вальдекъ, Детмольдъ, Шаумбургъ-Липпе, Рейсъ младшей линіи, Рудольштадтъ и Зондерсгаузенъ, равно какъ вольные города Гамбургъ, Бременъ и Любекъ согласились на предложеніе Пруссіи безъ возраженій. А когда регентша княжества Рейсъ старшей линіи, Каролина, не выказала особеннаго энтузіазма, то княжество было занято двумя прусскими ротами; герцогъ Мейнингенскій, Бернардъ, извѣстный своимъ австрофильствомъ, долженъ былъ отречься отъ престола въ пользу своего сына. Саксонскій король Іоаннъ отнесся къ своему несчастью съ меланхолическимъ достоинствомъ, и ему оказаны были нѣкоторыя невинныя милости; Гессенъ-Дармштадтъ вошелъ въ Союзъ своей сѣверной частью, расположенной къ сѣверу отъ Майна.

Что въ самомъ дѣлѣ могли передъ 24 милліонами пруссаковъ сдѣлать эти шесть милліоновъ нѣмцевъ, распредѣленныхъ между 21 государствомъ, изъ которыхъ многіе, не имѣвшіе ни прошлаго, ни будущаго, безъ всякаго сожалѣнія разставались со своей независимостью? Бисмаркъ старался сохранить внѣшнія приличія и увѣрялъ, что требуетъ отъ государей „такихъ минимальныхъ уступокъ, безъ которыхъ существованіе цѣлаго рѣшительно невозможно“; онъ утверждалъ, что намѣренъ основать „новый союзъ на довѣріи, а не на насиліи“. „Посадимъ Германію на сѣдло,— отвѣчалъ онъ централистамъ, удивлявшимся его сдержанности, — а поѣхать она сумѣетъ сама“, и онъ „настолько вѣрилъ въ геній своего народа, чтобы не сомнѣваться, что на этомъ пути онъ сумѣетъ найти надлежащую дорогу, ведущую къ цѣли“.

Эта скромность Бисмарку ничего не стоила; проектъ, выработанный берлинской конференціей (13 декабря 1866 г.—

Карлъ Марксъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

Фр. Энгельсъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

9 января 1867 года), въ конечномъ счетѣ утвердилъ гегемонію Пруссіи. Во главѣ Союза (*Norddeutscher Bund*) стоялъ, въ качествѣ президента и генералиссимуса, прусскій король; союзнымъ знаменемъ (бѣло-черно-красное) признано было прусское знамя въ увеличенномъ размѣрѣ. Компетенція Союза распространялась на всѣ военныя, политическія и торговыя дѣла; союзнымъ властямъ подвѣдомствены были таможни, косвенные налоги, желѣзныя дороги, почтово-телеграфныя учрежденія, монетное дѣло, вѣсы и мѣры, санитарная организація, торговое и морское законодательство, уголовное законодательство. Союзный бюджетъ покрывался таможенными сборами, почтовыми доходами и различными косвенными налогами, а если этихъ доходовъ не хватало для покрытія всѣхъ расходовъ, то дефицитъ пополнялся взносами отдѣльныхъ государствъ, пропорціональными количеству ихъ населенія.

Президентъ представлялъ Союзъ передъ иностранными государствами, обладалъ правомъ объявлять войну и заключать миръ; ему принадлежало высшее начальство надъ всѣми военными силами Союза съ правомъ производить смотры арміи, назначать всѣхъ военныхъ начальниковъ и принимать отъ солдатъ присягу въ вѣрности; большая часть мелкихъ государствъ заключили съ Пруссіей спеціальныя военныя соглашенія, по которымъ ихъ войска были просто-напросто зачислены въ составъ прусской арміи; а всѣ безъ исключенія государства должны были преобразовать свои военныя учрежденія по прусскому образцу. Президенту же предоставлено было право обнародовать законы, созывать и закрывать союзныя представительныя собранія, назначать и увольнять должностныхъ лицъ. Представителемъ президента являлся союзный канцлеръ, облеченный самыми широкими полномочіями. Отдѣльныя государства признаны были автономными и сохранили завѣдываніе дѣлами культа, народнымъ образованіемъ, общественными работами, судоустройствомъ, но они были мало обезпечены противъ посягательствъ центральной власти, и вся исторія Союза представляетъ намъ рядъ послѣдовательныхъ сокращеній ихъ самостоятельности.

Бисмаркъ, съ цѣлью дать удовлетвореніе общественному мнѣнію и обезопасить себя отъ возможныхъ проявленій партикуляризма, поставилъ на ряду съ президентомъ Союза рейхстагъ, выбираемый на основѣ всеобщей подачи голосовъ, но тѣмъ не менѣе онъ сумѣлъ цѣлымъ рядомъ весьма остроумныхъ комбинацій обезпечить монархической власти безусловно преобладающее вліяніе. Союзный парламентъ или *Рейхстагъ*, несмотря на предоставленное ему право интерпелляцій и иниціативы, оказывалъ на общественныя дѣла самое слабое вліяніе; въ финансовой области его контроль ограничивался только новыми налогами, которыхъ правительство у него просило; а вотированные имъ законы получали силу лишь въ томъ случаѣ, если они были одобрены президентомъ Союза и *Союзнымъ Совѣтомъ*.

Этотъ Союзный Совѣтъ (*Bundesrath*) представлялъ довольно своеобразное учрежденіе, въ которомъ соединялись воедино черты государственнаго совѣта, кабинета министровъ и верхней палаты. Пруссія располагала въ немъ 17 голосами изъ 43; она предсѣдательствовала въ семи постоянныхъ комиссіяхъ, на которыя дѣлился Совѣтъ (военная, морская, таможенно-податная, торговая, желѣзнодорожная, почтово-телеграфная, судебная, счетная). Этотъ сложный механизмъ, несмотря на свою кажущуюся безсвязность, былъ построенъ съ умнымъ разсчетомъ; отдѣльныя силы въ немъ уравновѣшивались и взаимно уничтожались такъ, что въ результатѣ получалась одна конкретная власть, а именно власть короля и

его представителя — канцлера, для котораго, казалось, и была составлена конституція, подобно тому какъ рейхстагъ былъ, казалось, придуманъ нарочно для того, чтобы замаскировать честолюбивыя стремленія Пруссіи.

Даже самые смирные либералы стали ворчать и жаловаться, что отвѣтственность канцлера, облеченнаго очень широкими и разносторонними полномочіями, слишкомъ фиктивна, и начали требовать установленія парламентскаго режима. Бисмаркъ отказался удовлетворить это требованіе не столько потому, что онъ не желалъ расширять прерогативъ народнаго представительства, сколько потому, что ему вовсе не хотѣлось имѣть рядомъ съ собой въ министерствѣ коллегъ, съ мнѣніемъ которыхъ ему пришлось бы считаться; онъ смотрѣлъ на власть съ чисто плебисцитарной точки зрѣнія и не предусмотрѣлъ возникновенія новыхъ, непосредственно вышедшихъ изъ народа, партій, съ которыми впослѣдствіи ему не такъ-то легко удавалось справляться.

Въ вопросѣ о вотированіи налоговъ оппозиція заупрямилась. Тогда министръ прибѣгнулъ къ крайнимъ средствамъ, заговорилъ о своемъ выходѣ въ отставку и объявилъ доктринеровъ отвѣтственными за возможную неудачу Союза: „Какой отвѣтъ дадите вы Кениггрецскому инвалиду, если онъ спроситъ васъ: къ чему привели его великія усилія? Вы ему, конечно, отвѣтите: да, нѣмецкое единство еще не доведено до конца, удобный случай для этого еще представится когда-нибудь, но зато мы спасли право прусскаго ландтага ежегодно снова поднимать вопросъ о существованіи арміи; для защиты этого-то права мы и преслѣдовали армію австрійскаго императора вплоть до самыхъ стѣнъ Пресбурга! Вотъ какое утѣшеніе вы предложите искалѣченному инвалиду и вдовѣ, которая оплакиваетъ своего мужа!“ Желѣзный канцлеръ не любилъ пускаться въ декламацію; либералы смирились и вотировали компромисную резолюцію, которая въ темныхъ выраженіяхъ сохраняла въ полной неприкосновенности военныя и финансовыя прерогативы монарха.

Принятая предварительнымъ рейхстагомъ конституція (17 апрѣля 1867 года) была предложена на обсужденіе ландтаговъ отдѣльныхъ государствъ. Въ прусской палатѣ прогрессисты сдѣлали послѣднюю попытку, но большинство и слушать ихъ не хотѣло. „Мы такъ же тщеславны, какъ и французы,— писалъ Бисмаркъ до назначенія своего на постъ союзнаго канцлера, — лишь бы только о насъ хорошо думали въ обществѣ, а у себя дома мы готовы терпѣть чортъ знаетъ что“. Пресыщенная славой, Пруссія охотно готова была довѣрить свою судьбу тѣмъ людямъ, которые содѣйствовали ея возвеличенію. Поправки Вирхова были отвергнуты 226 голосами противъ 91.

1 іюля 1867 года союзная конституція была наконецъ обнародована. Назначенный союзнымъ канцлеромъ, Бисмаркъ пригласилъ въ товарищи Дельбрюка, одно имя котораго было уже цѣлой программой; онъ считался либераломъ и обладалъ значительными познаніями въ области финансовыхъ и торговыхъ вопросовъ.

Союзный Рейхстагъ. Соціалисты.—Первый союзный рейхстагъ, выбранный на основаніи новой конституціи, открылся осенью 1867 года. Крайнія партіи располагали въ немъ ничтожнымъ меньшинствомъ голосовъ. Католики, которые должны были въ лицѣ Виндгорста встрѣтить выдающагося парламентскаго вождя, еще не были организованы. Больше вниманія привлекали къ себѣ соціалисты.

Въ 1847 году вышелъ составленный Карломъ Марксомъ и Фридрихомъ Энгельсомъ „Коммунистическій Манифестъ“, въ которомъ излагались основные принципы партіи. Коммунисты сыграли нѣко-

Фердинандъ Лассаль.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

торую роль въ революціи 1848 года, но наступившая реакція остановила ихъ пропаганду, газеты ихъ были закрыты, а союзы распущены. О нихъ не слышно было вплоть до того момента, когда къ нимъ на помощь пришелъ энергичный и дѣятельный Фердинандъ Лассаль (1825—1864), обладавшій цвѣтистымъ и бурнымъ краснорѣчіемъ. Сынъ богатаго бреславльскаго купца, еврей по происхожденію, этотъ честолюбивый человѣкъ, отличавшійся тонкимъ вкусомъ и аристократическими манерами, далъ рабочей партіи лозунгъ—желѣзный законъ заработной платы, программу — основаніе производительныхъ товариществъ съ помощью государства и указалъ ей почву для дѣятельности — рабочіе союзы. Въ 1863 году онъ основалъ въ Лейпцигѣ *Общегерманскій рабочій союзъ*, имѣвшій многочисленныя развѣтвленія, а послѣ его смерти, наступившей въ 1864 году, соціалисты представляли уже довольно грозную группу.

Рабочіе, увлеченные не столько его ученіемъ, сколько его личностью, довольно скоро отвергли его сравнительно умѣренную теорію и примкнули къ коммунистическому ученію Карла Маркса, который формулировалъ свою систему въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Капиталъ“ и который нашелъ убѣжденныхъ и талантливыхъ апостоловъ въ лицѣ Либкнехта и въ особенности Бебеля (послѣдній былъ самъ рабочимъ и вдобавокъ выдающимся ораторомъ). На Нюренбергскомъ конгрессѣ (1868 г.), гдѣ представлено было 111 рабочихъ кружковъ, 74 примкнули къ Интернаціоналу, а въ слѣдующемъ году въ Эйзенахѣ 262 делегата, имѣвшіе, какъ говорятъ, мандаты отъ 150.000 рабочихъ, основали соціалъ-демократическую партію. Программа ихъ требовала референдума, прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства, установленія нормальнаго рабочаго дня, а конечной своей цѣлью они объявили уничтоженіе частной собственности на орудія производства и обмѣна. Соціалъ-демократы пріобрѣли много сторонниковъ въ Силезіи, Рейнскихъ провинціяхъ и Саксоніи; видя ихъ успѣхи, правительство скоро заволновалось; но въ 1867—1871 гг. они имѣли въ парламентѣ какую-нибудь пару депутатовъ, а ихъ политическая дѣятельность была совершенно ничтожной.

Прогрессистовъ тоже насчитывалось не болѣе двухъ десятковъ; такимъ образомъ націоналъ-либералы, обыкновенно дѣйствовавшіе вмѣстѣ съ свободными консерваторами, располагали громаднымъ большинствомъ, и Бисмаркъ охотно началъ опираться именно на нихъ. Парламентскія сессіи 1867—1870 годовъ были чрезвычайно плодотворны; усвоеніе всѣми государствами прусскихъ военныхъ порядковъ, организація консульствъ, учрежденіе Высшаго Коммерческаго Суда, принятіе Торговаго Устава и Уголовнаго уложенія—все это знаменовало рѣшительный шагъ въ сторону полнаго слiянія. Европейскія державы заволновались. „Сосѣднія государства,—писала *Аугсбургская Газета*, — признавали Сѣверо-Германскій Союзъ постольку, поскольку онъ былъ составленъ изъ самостоятельныхъ государствъ, а этотъ Союзъ прекратилъ свое существованіе съ того момента, какъ входящія въ его составъ государства сохранили свою независимость лишь по имени. Въ самой Германіи, какъ и за ея предѣлами, всѣ прекрасно знаютъ, что выѣденное яйцо уже не яйцо“.

Сами монархи, входившіе въ составъ Сѣверо-Германскаго союза, были обезпокоены этими посягательствами Пруссіи на ихъ самостоятельность, но что значили ихъ жалобы! Съ другой стороны, негодованіе феодаловъ противъ экономическихъ реформъ было столь же безплоднымъ. Пруссія бережно относилась къ крупнымъ землевладѣльцамъ; но она позволила либераламъ вымести весь исто-

рическій соръ, какъ, напримѣръ, всевозможныя монополіи, запрещенія, ограничительные регламенты, цеховыя организаціи, корпораціи, стѣснявшія торговлю и промышленность; парламентъ вотировалъ свободу промышленности, свободу брака, свободу передвиженія, отмѣну максимальныхъ процентовъ, свободу союзовъ, и такимъ образомъ вознаграждалъ себя за свое политическое порабощеніе примѣненіемъ своихъ экономическихъ доктринъ.

Эти реформы задѣвали разнообразные интересы и создавали много недовольныхъ. На новый режимъ со всѣхъ сторонъ раздавались жалобы; населеніе роптало на крайнюю обременительность воинской повинности, на тяжесть налоговъ, на грубость и придирчивость новыхъ чиновниковъ. Бисмаркъ предвидѣлъ неизбѣжность этихъ треній, и именно потому онъ такъ легко согласился на требованіе Наполеона III, желавшаго ограничить прусское господство линіей Майна. Но, несмотря ни на что, идея единства постепенно проникала въ общественное сознаніе, и канцлеръ, считая свое дѣло достаточно упроченнымъ, задумалъ довести его до конца. Рано или поздно южно-германскія государства должны были войти въ Сѣверо-Германскій Союзъ, но безъ промаховъ со стороны Франціи ихъ присоединеніе, безъ всякаго сомнѣнія, наступило бы не такъ скоро.

Южно-германскія государства. — Статья 2-ая Пражскаго договора постановляла, что нѣмецкія государства, расположенныя къ югу отъ Майна, образуютъ „союзъ, національная связь котораго съ Сѣверо-Германскимъ Союзомъ составитъ предметъ особаго соглашенія“. Французское правительство придавало важное значеніе сохраненію этого раздѣльнаго существованія и полагало, что это раздробленіе Германіи на три обломка — Сѣверо-Германскій Союзъ, Южно-Германскій Союзъ, Австрія—является достаточной компенсаціей за территоріальное расширеніе Пруссіи. Съ самаго начала весь вопросъ заключался въ томъ, поймутъ ли шесть милліоновъ южныхъ германцевъ выгоды рекомендуемаго имъ объединенія.

Въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ изъ общаго числа 800.000 жителей 150.000 вошли въ составъ Сѣверо-Германскаго Союза, управленіе почтой было передано Пруссіи, а армія, реорганизованная по прусскому образцу, была зачислена въ союзную армію; населеніе не очень-то дорожило столь ограниченной независимостью, а всѣ упорныя усилія министра Дальвигка могли только отсрочить роковую развязку. Великій герцогъ Баденскій Фридрихъ вступилъ въ бракъ съ дочерью прусскаго короля, которая пользовалась огромнымъ вліяніемъ на мужа. Послѣ событій 1849 года баденскій народъ уже не могъ вполнѣ примириться со своей династіей; поставленный между ультрамонтанами и радикалами, великій герцогъ нуждался въ покровительствѣ иностраннаго государства.

Бисмаркъ имѣлъ партизановъ даже въ Баваріи и Вюртембергѣ. Господствовавшія въ этихъ странахъ сильныя партикуляристическія тенденціи смягчались чувствомъ германскаго патріотизма, которымъ Пруссія сумѣла искусно воспользоваться. При выработкѣ предварительныхъ условій мира въ Никольсбургѣ она старалась выказать великодушіе и отказалась отъ нѣкоторыхъ территорій, уступки которыхъ она раньше было потребовала. Трудно сказать съ увѣренностью, кто первый заговорилъ о союзѣ, Бисмаркъ или вюртембергскій министръ Варнбюлеръ, и какое вліяніе на рѣшеніе южно-германскихъ государей оказали проекты Друэнъ-де-Люиса, потребовавшаго уступки Палатината французамъ. Не слѣдуетъ только преувеличивать значеніе этихъ инцидентовъ. Южно-германскія государства были слишкомъ слабы для того, чтобы остаться въ изолированномъ по-

ложеніи; Австрія была разбита, Франція дискредитирована, и онѣ заключили съ Пруссіей наступательный и оборонительный союзъ, по которому договаривающіяся стороны взаимно гарантировали другъ другу неприкосновенность своихъ владѣній и обязались въ этихъ видахъ соединять свои силы въ случаѣ войны.

Существованіе этихъ договоровъ стало извѣстно Европѣ во время Люксембургскаго дѣла, и это разоблаченіе произвело повсюду сильнѣйшее впечатлѣніе. Хотя текстъ договоровъ и допускалъ различное толкованіе, но не подлежало сомнѣнію, что Баварія и Вюртембергъ ставили свою политику въ зависимость отъ политики Пруссіи; они преобразовали свои арміи по прусскому образцу, а этимъ устранялось одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ препятствій къ грядущему объединенію.

Но Бисмаркъ не только воздѣйствовалъ на Южную Германію въ военной области,—онъ связалъ ее съ Пруссіей узами экономическихъ интересовъ. Въ силу конвенціи 4 іюня 1867 года, преобразовавшей устройство Таможеннаго Союза, „законы обо всѣхъ таможенныхъ вопросахъ, о налогахъ на сахаръ, соль и табакъ, о мѣрахъ, необходимыхъ для охраны общихъ таможенныхъ границъ, вырабатывались общимъ органомъ договаривающихся государствъ и общимъ народнымъ представительствомъ"; роль этого общаго органа и общаго парламента сыграли Союзный Совѣтъ и Союзный Рейхстагъ, къ которымъ для обсужденія торговыхъ вопросовъ присоединялись депутаты южно-германскихъ государствъ. Новые договоры отмѣтили рѣшительный шагъ по пути къ экономическому объединенію и свидѣтельствовали о новомъ успѣхѣ прусской политики; отнынѣ рѣшенія принимались большинствомъ голосовъ, а попытки Баваріи отстоять свое право вето оказались тщетными; взаимный контроль отдѣльныхъ правительствъ уступилъ мѣсто власти президента, т.-е. прусскаго короля, которому вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено было исключительное право заключать почтовые и торговые договоры.

Дипломаты, открывшіе южно-германскимъ депутатамъ доступъ въ Союзный парламентъ, разсчитывали, что это сближеніе вызоветъ взрывъ патріотическаго энтузіазма, который восторжествуетъ надъ послѣднимъ сопротивленіемъ государей и поможетъ оправдать въ глазахъ Европы присоединеніе новыхъ членовъ къ союзу. Но ихъ надежды были разбиты. Временно смущенные ошеломляющими успѣхами Пруссіи, противники ея успѣли нѣсколько оправиться. Бейстъ организовалъ въ Вѣнѣ парламентское правленіе, благопріятно встрѣченное нѣмецкими либеральными кругами, а Францъ-Іосифъ началъ сближаться съ Наполеономъ III. Мустье старался подчеркнуть чисто мирный характеръ Зальцбургскаго свиданія (августъ 1867 г.) и въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно правъ; нѣмцы не потерпѣли бы прямого вмѣшательства Франціи въ ихъ дѣла, но ихъ дипломатія, уже не чувствовавшая себя изолированной передъ Бисмаркомъ, сдѣлалась гораздо смѣлѣе.

Баварскій король Людовикъ II, наслѣдовавшій въ 1864 году Максимиліану II, всецѣло предавшійся своимъ эстетическимъ развлеченіямъ и увлеченію музыкой Вагнера, не проявлялъ въ политическихъ дѣлахъ ни особенной послѣдовательности, ни особенной энергіи, но очень дорожилъ своими королевскими правами и съ недовѣріемъ относился къ Пруссіи. Масса баварскаго населенія была недовольна военными законами, налагавшими на него тяжелое бремя, а сельскіе жители, находившіеся подъ вліяніемъ католическаго духовенства, враждебно относились къ протестантамъ Сѣвера. Во время выборовъ въ таможенный парламентъ патріоты (партикуляристы) одержали полную побѣду, а вскорѣ они по-

лучили большинство въ баварскомъ ландтагѣ. Въ Вюртембергѣ радикалы были всемогущи, а министръ Варнбюлеръ, не отличавшійся постоянствомъ, вовсе не намѣренъ былъ пускаться въ опасную борьбу съ собственнымъ парламентомъ изъ-за одного удовольствія стать въ зависимость отъ иностраннаго государя. Демократическая пропаганда съ нѣкоторой силой проявилась также и въ Баденѣ, такъ что въ 1870 году объединеніе Германіи казалось не болѣе близкимъ, чѣмъ въ 1866 году. Но неосторожность французскаго правительства дала Бисмарку возможность осуществить свой планъ.

Франко-нѣмецкая война. Новая Германская имперія.—Война была для него очень полезна, и неудивительно, что его обвиняли въ томъ, будто онъ вызвалъ ее; во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ предвидѣлъ ея неизбѣжность. Будучи пруссакомъ до мозга костей и трезвымъ реалистомъ, Бисмаркъ, по всей вѣроятности, давно уже подумывалъ о завоеваніи Эльзаса, но для него не было тайной, что французскіе военные и дипломатическіе круги желаютъ разрыва съ Пруссіей, и онъ понималъ, что императоръ увлечетъ за собой Австрію и Италію; подобно Фридриху II въ 1755 году, онъ зорко слѣдилъ за „европейскимъ заговоромъ", которому онъ несомнѣнно приписывалъ гораздо болѣе реальное значеніе, чѣмъ какое существовало въ дѣйствительности. Возникаетъ вопросъ: провоцировалъ ли онъ сознательно французское правительство и вызвалъ конфликтъ, который онъ считалъ неизбѣжнымъ? Это слишкомъ похоже на обычные пріемы Бисмарка, и мы можемъ поэтому допустить вѣроятность этого предположенія, которое подтверждается, повидимому, мемуарами румынскаго короля Карла.

Ошибкой французскаго правительства было превращеніе чисто кабинетнаго вопроса въ вопросъ національной важности. Перевороты, подобные тѣмъ, которые произошли съ 1866 года, потрясаютъ народную душу до самой глубины ея; правительства, которыя должны были бы позаботиться объ успокоеніи народныхъ страстей, сознательно или безсознательно оказались не на высотѣ своей задачи. Коллеги Граммона разсчитывали на отпаденіе южно-германскихъ государствъ отъ Пруссіи, но даже на югѣ всѣ партикуляристическія стремленія были сметены взрывомъ патріотическаго энтузіазма; 19 іюля 1870 года баварскій король Людвигъ предоставилъ свои войска въ распоряженіе Вильгельма на все время войны; часть ультрамонтановъ высказалась въ пользу Пруссіи и обезпечила министерству большинство. Противъ войны высказалось только два голоса въ Вюртембергѣ, въ остальныхъ же нѣмецкихъ государствахъ она была вотирована единогласно.

Послѣ Седанской битвы южно-германскія государства начали съ Пруссіей переговоры о вступленіи ихъ въ Сѣверо-Германскій Союзъ; эти переговоры сопряжены были съ довольно значительными треніями. Баварія выставила требованія, которыя показались чрезмѣрными; вокругъ прусскаго короля создалась атмосфера глубокихъ разногласій. Наслѣдный принцъ, выросшій подъ впечатлѣніемъ событій 1848 года, хотѣлъ, чтобы одновременно съ окончательнымъ объединеніемъ Германіи передѣлана была также конституція въ смыслѣ предоставленія народу болѣе дѣйствительнаго вліянія на политическія дѣла, но Бисмарку легко удалось разстроить его проекты.

Союзъ былъ расширенъ, но характеръ его не былъ измѣненъ; въ силу договоровъ 23 и 25 ноября Баварія и Вюртембергъ, которыхъ въ этомъ отношеніи предупредили Баденъ и Гессенъ, просто вступили въ число вассаловъ Пруссіи, причемъ Баварія выговорила себѣ только военную автономію въ мирное время и самостоятельное управленіе своими поч-

тово-телеграфными учрежденіями, а вюртембергская армія попрежнему должна была составлять отдѣльный корпусъ. Баварія получила въ Союзномъ Совѣтѣ 6 делегатовъ, Вюртембергъ — 4, а Баденъ и Гессенъ—по 3; южно-германскія государства начали посылать въ Союзный рейхстагъ 85 депутатовъ.

Во главѣ Союза поставленъ былъ императоръ. Король Вильгельмъ долго не рѣшался принять этотъ титулъ, но наслѣдный принцъ и Бисмаркъ убѣдили его „принести эту жертву". — „Не сумѣю тебѣ описать, въ какомъ настроеніи я провелъ эти послѣдніе дни,—писалъ онъ 18 января 1871 года своей женѣ,—отчасти въ виду тяжкой отвѣтственности, которую мнѣ приходится на себя взять, а отчасти и прежде всего въ виду того горя, которое я испытываю при мысли о томъ, что мой титулъ прусскаго короля отодвигается на задній планъ. Во время вчерашняго совѣщанія я въ концѣ-концовъ почувствовалъ себя такъ скверно, что чуть было не ушелъ и не предоставилъ всего этого дѣла Фрицу". Бисмаркъ подготовилъ все; онъ попросилъ Людвига II взять на себя иниціативу возстановленія Имперіи и послалъ ему изъ Версаля черновой набросокъ письма, которое изъ Мюнхена было сообщено всѣмъ нѣмецкимъ государямъ. 18 января 1871 года въ Версальской зеркальной галлереѣ было торжественно провозглашено основаніе Германской имперіи.

„Пожелаемъ успѣха этому съ такимъ трудомъ возведенному хаосу!" сказалъ наслѣдный принцъ. И дѣйствительно, новая имперія представляла довольно оригинальное твореніе. „Этотъ *Bund* (союзъ), получившій отнынѣ названіе *Reich* (имперія)", объединилъ въ крайне своеобразный конгломератъ отдѣльныхъ государей, обладавшихъ различными правами и неодинаковымъ вліяніемъ; отдѣльные монархи сохранили свою самостоятельность, но эта послѣдняя обезпечивалась только конституціей и могла быть измѣнена простымъ закономъ. Въ основу государственнаго устройства новой имперіи положенъ былъ принципъ всеобщаго избирательнаго права, но въ дѣйствительности рейхстагъ получилъ характеръ чисто совѣщательнаго учрежденія, а вся власть сосредоточилась въ рукахъ императора. Это была демократія безъ гарантій и союзъ безъ искренности. Германія, давно уже жаждавшая единства и величія и неспособная устроить свою судьбу собственными силами, приняла безъ протеста, если не безъ нѣкоторой печали, условія господъ, доставившихъ ей побѣду. Ко всѣмъ странностямъ имперской конституціи Франкфуртскій миръ (20 мая 1871 года) прибавилъ еще одну. Эльзасъ-Лотарингія (1.550.000 жителей), уступленная по этому договору Германіи, составила имперскую провинцію *(Reichsland)*, непосредственно подчиненную имперскому правительству, то-есть въ дѣйствительности управлявшуюся имперскимъ канцлеромъ.

Такимъ образомъ дѣло, начавшееся въ 1864 году нападеніемъ на герцогства, было доведено до конца. Три побѣдоносныя войны — противъ Даніи, Австріи и Франціи — радикально измѣнили условія европейской политической жизни. Германія, которая до тѣхъ поръ въ сущности не существовала въ качествѣ политической силы (такъ какъ старая Римско-германская имперія имѣла универсальный, а не національный характеръ), сдѣлалась преобладающимъ государствомъ въ Европѣ — и таковымъ осталась до нашихъ дней. Пруссія дала ей то, чего до сихъ поръ ей недоставало, а именно духъ дисциплины и организаціи; она стремилась къ достиженію своей цѣли безъ соображеній щепетильности и безъ жалости. Бисмарку и Гогенцоллернамъ удалось осуществить свои проекты только потому, что на ихъ сторонѣ были симпатіи или снисходительное отношеніе общественнаго мнѣнія. Но демократическія

идеи во внутренней политикѣ, равно какъ и право народовъ располагать своей судьбой во внѣшнихъ дѣлахъ играли для творцовъ Германской Имперіи просто роль извѣстнаго лозунга, извѣстнаго политическаго пріема, нужнаго имъ для вѣрнѣйшаго достиженія своей цѣли; смотря по требованіямъ момента они легко забывали о принципѣ національностей и вмѣсто него выдвигали авторитетъ болѣе или менѣе основательныхъ историческихъ правъ, а въ концѣ-концовъ они начали признавать голое право сильнаго.

Этимъ объясняется то обстоятельство, что тридцать лѣтъ непрерывныхъ успѣховъ не могли искоренить оппозиціонныхъ стремленій; ни шлезвигскіе датчане, ни познанскіе поляки не отказались отъ своихъ историческихъ воспоминаній. Населеніе Эльзасъ-Лотарингіи сохранило непобѣдимую привязанность къ Франціи, а Эльзасскій вопросъ до сихъ поръ остается открытымъ (ибо не можетъ быть установлено давности въ вопросахъ права) и мѣшаетъ примириться съ Германіей даже тѣмъ французамъ, которые съ уваженіемъ относятся къ нѣмецкому генію и которые радостно привѣтствовали бы національное возрожденіе Германіи, если бы она не злоупотребила своими побѣдами и такимъ образомъ сама въ извѣстномъ смыслѣ не подорвала значенія своихъ законныхъ требованій. Начавши угрожать европейскому равновѣсію, она возбудила противъ себя естественное недовѣріе и навязала всему человѣчеству систему вооруженнаго мира, сильно препятствующую нормальному развитію всеобщаго благосостоянія. Такой дорогой цѣной ей пришлось заплатить за прусскую опеку.

Глава IX.

Испанія и Португалія.

1848—1870.

I.—Испанія.

Общій характеръ царствованія Изабеллы II.—Въ продолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ царствованія Изабеллы II исторія Испаніи на первый взглядъ представляетъ собою картину смутъ и безпорядка. Теоретически Испанія является конституціонной монархіей, но основная пружина такого правительства, общественное мнѣніе, отличается здѣсь столь капризнымъ и непостояннымъ характеромъ, что избирательный механизмъ служитъ игрушкой въ рукахъ всѣхъ испанскихъ партій. Кортесы представляютъ обыкновенно ту котерію, которая провела выборы; невѣжественная народная масса попрежнему находится въ полной власти духовенства; время отъ времени ее охватываетъ мимолетный порывъ страсти, она конвульсивно содрогается и затѣмъ снова погружается въ состояніе инерціи. Просвѣщенное меньшинство, боровшееся за установленіе новаго режима, не сумѣло удержать за собою завоеванныхъ позицій.

Усиленные бывшими карлистами, умѣренные все больше и больше проникаются абсолютистскимъ духомъ и, принявши названіе „нео-католиковъ", возвращаются къ традиціонной монархіи „Божьей милостью". Прогрессисты не осмѣливаются открыто порвать съ католической церковью и увѣряютъ публику, что они такіе же хорошіе католики, какъ и ихъ противники; ихъ желанія не заходятъ дальше конкордата. Въ продолженіе долгаго времени они не рѣшаются открыто выступить противъ монархіи и хвастаютъ своей лойяльностью, и только въ самое послѣднее время среди нихъ формируется республиканская партія.

И прогрессисты, и умѣренные отличаются крайней рѣзкостью, непримиримостью и презрѣніемъ къ законамъ; въ той и въ другой партіи главную роль играютъ не принципы, а личности.

Среди всеобщей моральной анархіи прочно стояли три элемента: церковь, дворъ и армія.

Церковь сохранила власть надъ душами. Вплоть до 1869 года въ Испаніи были запрещены всѣ культы, кромѣ католическаго, а всякая попытка иновѣрческой пропаганды строго подавлялась. Духовенство лишилось части своихъ имуществъ, но не потеряло своего вліянія, а такъ какъ ему разрѣшено было пріобрѣтать новыя имущества, то оно лихорадочно старалось пополнить свои потери. Его вліяніе давало себя чувствовать въ

совѣтахъ, кортесахъ, муниципалитетахъ, школахъ и въ литературѣ; самые могучіе министры должны были съ нимъ считаться. Епископы относились къ свѣтской власти вызывающе и съ высокомѣріемъ, а часто и съ открытой враждой.

Дворъ всецѣло подчинился власти церкви, которая проповѣдуетъ народамъ покорность. Вступивши въ неудачный бракъ, королева скоро лишилась всякаго уваженія въ глазахъ своихъ подданныхъ и въ концѣ-концовъ навлекла на себя съ ихъ стороны полное презрѣніе. Она окружила себя священниками и монахинями; однимъ изъ ея наперсниковъ былъ авторъ молитвенной книги, озаглавленной „Золотой Ключъ", монахъ Сирило-де-ла-Аламеда, котораго она сдѣлала толедскимъ архіепископомъ; такимъ же безумнымъ фанатикомъ былъ и ея духовникъ, отецъ Кларетъ; неразлучная подруга королевы, сестра Патрочиніо, была судомъ уличена въ мошенничествѣ, чтò не помѣшало ей пользоваться при дворѣ неограниченнымъ довѣріемъ.

Въ какомъ-то темномъ углу прозябалъ и интриговалъ во дворцѣ принцъ-супругъ донъ Франциско, душа всѣхъ клерикальныхъ заговоровъ; его братъ, донъ Энрико, герцогъ Севильскій, болѣе активный и интеллигентный человѣкъ, стремился играть политическую роль, но это никакъ ему не удавалось, благодаря недостатку такта и послѣдовательности. Герцогъ и герцогиня Монпансье жили въ сторонѣ отъ двора во дворцѣ Санъ-Тельмо въ Севильѣ, но французское происхожденіе герцога и его скупость мѣшали ему пріобрѣсти популярность; жители Севильи прозвали его *naranjero* зато, что онъ продавалъ апельсины изъ своихъ садовъ. Эксъ-регентша Христина пыталась примирить королеву съ ея супругомъ; а герцогъ Ріансаресъ, мужъ Христины, спекулировалъ желѣзнодорожными акціями и заслужилъ въ Мадридѣ всеобщую ненависть.

При всемъ томъ при дворѣ господствовали галантность и великолѣпіе; старый этикетъ мало-по-малу становится менѣе строгимъ; во дворцѣ и въ лѣтнихъ резиденціяхъ устраиваются балы и концерты, королева выѣзжаетъ въ Оперу, на *Toros* (бой быковъ); она любитъ называть себя „испанкой, настоящей испанкой, одной изъ тѣхъ обитательницъ квартала Ла-Палома, которыя носятъ кинжалъ на подвязкѣ". Расточительность ея превосходитъ всякія границы: Нарваэсъ получаетъ отъ нея подарокъ цѣнностью въ 8 милліоновъ реаловъ, она раздаетъ золото направо и налѣво и пользуется поэтому любовью куртизановъ, которыхъ народъ называетъ *Polacos* и которые толкаютъ королеву на дорожку абсолютизма.

Армія сформировалась во время войны за независимость и завоевала власть благодаря побѣдѣ, одержанной надъ карлистами. Какъ это часто бываетъ во время междоусобныхъ войнъ, каждый генералъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и дипломатомъ и воображаетъ себя великимъ государственнымъ дѣятелемъ. Эспартеро, графъ Луханскій и герцогъ де-ла-Витторіа, былъ регентомъ Испаніи и остался идоломъ прогрессистовъ; Нарваэсъ, подобно Эспартеро, былъ героемъ Семилѣтней войны, но зависть къ герцогу де-ла-Витторіа толкнула его въ ряды умѣренной партіи; онъ считался самымъ активнымъ и энергическимъ генераломъ въ арміи. О'Доннель, Примъ и Серрано помогли ему низвергнуть Эспартеро, но О'Доннель всегда отличался бòльшимъ либерализмомъ, чѣмъ Нарваэсъ; Примъ и Серрано въ концѣ-концовъ признали демократическіе принципы, не становясь, впрочемъ, республиканцами. За этими признанными вождями шла цѣлая плеяда другихъ извѣстныхъ генераловъ, какъ Павіа, братья Конча, Дульсе, Санъ-Мигуэль, Эчагуэ, Забала, Росъ-де-Олано, Алкала Галіано и множество другихъ, которые въ глазахъ на-

рода служили воплощеніемъ рыцарской славы Испаніи.

Въ странѣ, гдѣ къ избирательнымъ урнамъ идутъ одни лишь политиканы и гдѣ династія не пользуется никакимъ престижемъ, армія становится господствующей силой, если только она этого пожелаетъ. Преторіанскій режимъ, которому въ теченіе столь продолжительнаго періода подчинена была Испанія, объясняется также глубокими причинами и не причинилъ ей столько вреда, сколько другимъ націямъ. Армія въ Испаніи имѣла чисто національный характеръ; она могла похвалиться тѣмъ, что въ ней сосредоточенъ цвѣтъ націи, всѣ наиболѣе активные, рѣшительные и смѣлые ея элементы. Можно лишь пожалѣть, что къ несчастью для Испаніи армія слишкомъ часто соединялась съ реакціей и съ незаслуженнымъ презрѣніемъ относилась къ гражданскому элементу; лойяльный союзъ между военными вождями и выдающимися дѣятелями либеральной партіи могъ бы сдѣлать военную диктатуру нѣсколько менѣе суровой и придать учрежденіямъ больше устойчивости.

Несмотря на безпрестанныя смѣны министерствъ, на капризы королевы, на бунты, государственные перевороты и революціи, Испанія въ періодъ 1848—1870 гг. сдѣлала большіе успѣхи и начала пожинать плоды тѣхъ печальныхъ пожертвованій, которыя она принесла для завоеванія свободы. Она начала походить на современную націю, и если матеріальный прогрессъ сопровождался, повидимому, замѣтнымъ пониженіемъ нравственнаго уровня, то этотъ досадный симптомъ свойственъ не одной только Испаніи и здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ-либо, объясняется частымъ повтореніемъ революціонныхъ потрясеній.

Нарваэсъ. — Съ 3 октября 1847 г. до 10 января 1851 года Нарваэсъ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ министровъ и правилъ Испаніей, не встрѣчая противодѣйствія; онъ возстановилъ миръ въ королевской семьѣ и послалъ генерала Павію умиротворить Каталонію. Послѣ февральской революціи 1848 года онъ убѣдилъ кортесы вручить ему неограниченныя полномочія и немедленно распустилъ палату (23 марта). Прогрессистская партія пыталась вызвать бунты и пронунсіаменто; Нарваэсъ закрылъ нѣсколько газетъ, выслалъ Олосагу въ Кадиксъ, а нѣкоторыхъ лицъ сослалъ на Филиппинскіе острова, приказалъ разстрѣлять нѣсколькихъ взбунтовавшихся солдатъ, а такъ какъ англійскій посланникъ, какъ ему казалось, поддерживалъ революціонеровъ, то онъ пригласилъ его выѣхать изъ Мадрида (17 мая). Этотъ рѣшительный поступокъ доставилъ Нарваэсу большую популярность и привлекъ къ нему симпатіи иностранныхъ правительствъ; Пруссія, Австрія и римская курія признали наконецъ правительство Изабеллы.

Карлисты старались воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ правительства и возобновить междоусобную войну; карлистскія возстанія въ Наваррѣ, Эстремадурѣ, въ Андалузіи и Сантандерѣ всѣ закончились неудачей; но Кабрерѣ удалось собрать въ Каталоніи 5—6.000 человѣкъ, съ которыми онъ держался до января 1849 года. Въ одной стычкѣ онъ былъ раненъ и долженъ былъ бѣжать во Францію (25 апрѣля). Французское правительство, желавшее побѣды конституціоналистамъ, не позволило графу Монтемолину, сыну дона Карлоса, перейти границу; 9 іюня Нарваэсъ блестяще закончилъ карлистскую войну, даровавши общую амнистію всѣмъ замѣшаннымъ въ ней лицамъ.

Желая показать, что конституціонное правительство остается преданнымъ святому престолу, Нарваэсъ послалъ въ Италію 9.000 испанскихъ солдатъ, чтобы помочь французамъ возстановить свѣтскую власть папы. Испанцы заняли Террачине, затѣмъ Веллетри и во время

осады Рима слѣдили за движеніемъ гарибальдійскихъ отрядовъ; а послѣ взятія города они заняли Сполету и Нарни.

Положеніе Нарваэса казалось совершенно безопаснымъ, какъ вдругъ непонятный капризъ королевы неожиданно лишилъ его власти; король, его духовникъ, монахъ Фульхенсіо, и сестра Патрочиніо добились отставки кабинета Нарваэса и замѣны его абсолютистскимъ министерствомъ, во главѣ котораго поставленъ былъ графъ Клеонардъ. Но въ виду всеобщаго волненія королева испугалась сдѣланнаго ею шага и снова призвала къ власти Нарваэса. „Министерство-молнія" просуществовало только сорокъ восемь часовъ; о. Фульхенсіо былъ высланъ въ Арчидону, сестра Патрочиніо— въ Талаверу, а у короля отнято было управленіе королевскими вотчинами и дворцомъ, но зато Нарваэсъ нажилъ въ его лицѣ непримиримаго врага.

Вернувшись ко власти, маршалъ попытался привести въ порядокъ финансы и развить въ Испаніи крупныя промышленныя предпріятія, но прежде всего необходимо было заняться внесеніемъ равновѣсія въ бюджетъ. Гонсалесъ Браво предложилъ сократить расходы на армію, и Нарваэсъ уволилъ его въ отставку. Приходилось заимствовать авансомъ 183 милліона реаловъ изъ бюджета 1852 года, и Нарваэсъ, чтобы не перемѣнить своего рѣшенія, подалъ въ отставку (10 января 1851 г.).

Крайняя реакція.—Трехлѣтіе, протекшее послѣ выхода Нарваэса въ отставку, отмѣчено было терпѣливыми попытками, направленными къ возстановленію стараго режима. Королева была преисполнена предразсудковъ, считала либерализмъ и парламентаризмъ ересью и была не прочь упразднить кортесы; духовенство толкало ее въ этомъ направленіи, увѣренное, что его собственное дѣло будетъ выиграно въ случаѣ побѣды королевы. Кабинеты Мурильо, Ронкали, Лерсунди и Сарторіуса были простыми орудіями личной политики Изабеллы.

Браво Мурильо подтвердилъ конкордатъ, заключенный съ римской куріей: католическая религія признана была единственно дозволенной въ Испаніи; епископамъ предоставленъ надзоръ за школами и цензура книгъ; отчужденіе проданныхъ церковныхъ имуществъ признано было законнымъ, но зато церкви дано было право пріобрѣтать новыя имущества. Въ общемъ новый конкордатъ оказался весьма выгоднымъ для католической церкви. Рожденіе инфанты Изабеллы (20 декабря 1851 г.) и покушеніе священника Мерино на жизнь королевы вызвали взрывъ вѣрноподданническихъ чувствъ среди народа, а министры воспользовались этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы опубликовать въ „Мадридской Газетѣ" важный проектъ конституціонной реформы.

Громкій протестъ всей прессы принудилъ правительство отказаться отъ мысли о государственномъ переворотѣ; кабинетъ Ронкали попытался провести конституціонную реформу законнымъ порядкомъ, но потерпѣлъ неудачу въ виду сопротивленія сената. Тогда королева назначила президентомъ совѣта Сарторіуса, одного изъ самыхъ рѣшительныхъ партизановъ абсолютистской политики; на эту мѣру королевы сенатъ отвѣтилъ заявленіемъ, что отнынѣ ни одна желѣзнодорожная концессія не будетъ даваться безъ предварительнаго разрѣшенія палатъ. Это былъ прямой намекъ по адресу герцога Ріансареса, и королева немедленно отсрочила засѣданія кортесовъ (10 декабря 1853 г.).

Въ продолженіе семи мѣсяцевъ дворъ, казалось, поставилъ себѣ задачей систематически провоцировать общественное мнѣніе; бюджетъ былъ обнародованъ посредствомъ декрета, и на это обстоятельство было указано націи летучимъ листкомъ, подписаннымъ редакторами семи

большихъ мадридскихъ газетъ Всякая попытка въ пользу созыва кортесовъ каралась тюрьмой или изгнанiемъ, а Мадридъ былъ поставленъ въ осадное положенiе. 26 апрѣля 1854 года появился первый номеръ памфлета, озаглавленнаго „*el Murcielago*“ („Нетопырь“) и разоблачавшаго опасность политическаго положенiя; онъ нападалъ послѣдовательно на банкира Саламанку, на герцога Рiансареса, на королеву-мать Христину, на королеву Изабеллу, на ея тогдашняго фаворита, который названъ былъ полнымъ именемъ. Вся Испанiя читала эти желчныя обличенiя, часть которыхъ принадлежала перу дона Антонiо Кановаса дель-Кастильо, а 28 iюня О'Доннель взбунтовалъ стоявшiе гарнизономъ въ Мадридѣ кавалерiйскiе полки, для того чтобы низвергнуть правительство *Polacos*'овъ.

Викальваро.— 30 iюня 1854 года пѣхота и артиллерiя мадридскаго гарнизона, находившiяся подъ командой генерала Блазера, дали сраженiе кавалерiи О'Доннеля при Викальваро. Сраженiе было нерѣшительнымъ; Блазеръ захватилъ нѣсколько плѣнниковъ, но не могъ преслѣдовать О'Доннеля, который отступилъ къ Аранхуэцу. Тѣмъ не менѣе положенiе инсургентовъ было довольно опаснымъ, когда Кановасу дель-Кастильо пришла въ голову мысль привлечь прогрессистовъ къ дѣлу О'Доннеля; онъ доставилъ генералу готовую политическую декларацiю, которую послѣднiй поспѣшилъ опубликовать и которая извѣстна подъ названiемъ „Мансанаресской программы“; по этой программѣ династiя сохранялась, но созывалось учредительное собранiе, возстановлялась милицiя, и обѣщалась болѣе широкая свобода, серьезное правосудiе и муниципальная децентрализацiя.

Королева уволила Сарторiуса и назначила на его мѣсто Кордову. 17 iюля во время боя быковъ мадридскiй народъ потребовалъ исполненiя гимна Рiего, а вечеромъ вспыхнуло возстанiе при крикахъ: „Да здравствуетъ милицiя! Смерть Христинѣ! Смерть ворамъ!“ Дворецъ королевы-матери былъ разграбленъ; Кордовѣ удалось очистить главныя улицы, но сѣверная часть города покрылась баррикадами. Утромъ 18 iюля королева замѣнила Кордову герцогомъ Ривасомъ и обѣщала созвать кортесы. Но Мадридъ не разоружался; былъ моментъ, когда Изабелла помышляла о бѣгствѣ въ Аранхуэцъ, но по совѣту французскаго посланника она осталась въ Мадридѣ. Полковникъ Гаррига, взятый въ плѣнъ при Викальваро и приговоренный къ смерти, былъ помилованъ и произведенъ въ генералы, причемъ королева умоляла его содѣйствовать прекращенiю возстанiя. Банкиръ Севильяно собралъ у себя на дому нѣсколькихъ друзей, принадлежавшихъ къ прогрессистской партiи; эти люди поставили во главѣ своей группы генерала Сан-Мигуэля и рѣшили выступить въ качествѣ посредниковъ между народомъ и дворомъ. Королева назначила Сан-Мигуэля генералъ-капитаномъ Новой Кастилiи и пригласила въ Мадридъ О'Доннеля и Эспартеро. Въ продолженiе восьми дней Мадридъ находился еще во власти анархiи; наконецъ, утромъ 28 iюля въ Мадридъ прибылъ Эспартеро и въ тотъ же день вечеромъ туда прiѣхалъ О'Доннель. А черезъ мѣсяцъ Христина покинула Испанiю и уѣхала въ Португалiю.

Учредительные Кортесы.—Въ кортесахъ большинство принадлежало либераламъ и прогрессистамъ, которые составили *Либеральный Союзъ;* кромѣ того, тамъ насчитывалось извѣстное число непримиримыхъ прогрессистовъ, двадцать три демократа и одинъ абсолютистъ, донъ Кандидо Носедалъ. Президентомъ былъ назначенъ Эспартеро, а сохраненiе монархiи вотировано внушительнымъ большинствомъ голосовъ.

Конституцiя 1855 года была возвращенiемъ къ конституцiи 1837 года, но кор-

тесы натолкнулись на непреодолимыя финансовыя затрудненія; чтобы покончить съ ними, кортесы распорядились продать всѣ имущества „мертвой руки". Королева утвердила этотъ законъ съ крайней неохотой, причемъ понадобилось еще выслать сестру Патрочиніо, толкавшую королеву къ гражданской войнѣ. Два мадридскіе священника начали распространять слухъ, будто распятіе въ церкви Св. Франциска покрылось потомъ; прогрессистскіе министры изгнали ихъ, какъ и сестру Патрочиніо.

30 марта 1855 г. скончался донъ Карлосъ, права котораго перешли къ его сыну, графу Монтемолину, принявшему имя Карла VI. Въ Наваррѣ, Арагоніи и Каталоніи вспыхнули возстанія, которыя были быстро подавлены, и кортесы, увѣренные въ прочности своего положенія, отсрочили свои засѣданія съ 17 іюля до 1 октября.

Къ открытію новой сессіи многіе депутаты, посѣтившіе Всемірную выставку въ Парижѣ, возвратились въ болѣе умѣренномъ и практическомъ настроеніи; въ общественномъ мнѣніи произошла перемѣна, а памфлетисты начали уже нападать на герцога де-ля-Витторіа, и О'Доннель, который всегда склонялся къ умѣренной партіи, получилъ возможность надѣяться на то, что ему удастся замѣнить Эспартеро. Когда въ старой Кастиліи произошли волненія, вызванныя членами умѣренной партіи, то О'Доннель отказался преслѣдовать виновныхъ въ возбужденіи этихъ безпорядковъ; прогрессистскіе министры подали въ отставку, и королева согласилась принять ее. Эспартеро понялъ, что его обошли, отказался отъ президентскаго мѣста въ кортесахъ, и О'Доннель сдѣлался господиномъ положенія.

Вскорѣ всѣ могли убѣдиться, что честолюбивый генералъ гораздо больше дорожитъ властью, чѣмъ принципами; подавивши нѣсколько прогрессистскихъ бунтовъ, онъ безъ всякихъ околичностей вернулся къ конституціи 1845 года, ограничившись изданіемъ дополнительнаго акта, въ которомъ онъ обѣщалъ кортесамъ четырехмѣсячную сессію въ году и нѣкоторыя гарантіи личной свободы и свободы печати. О'Доннель былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ, но королева перехитрила его; она потребовала, чтобы продажа церковныхъ имуществъ была пріостановлена. О'Доннель сдѣлалъ ей эту уступку и съ этого момента потерялъ всякій кредитъ въ глазахъ своей партіи; а какъ только онъ пересталъ быть опасенъ, королева немедленно уволила его въ отставку. 12 октября 1856 года Нарваэсъ вернулся къ власти и поспѣшилъ возстановить то положеніе вещей, какое имѣло мѣсто до сраженія при Викальваро.

Экономическій прогрессъ Испаніи.—Нарваэсъ пытался утѣшить Испанію въ потерѣ свободы, стараясь доставить ей внутреннее благосостояніе. Заемъ въ 300 милліоновъ реаловъ внесъ нѣкоторое улучшеніе въ финансовое хозяйство; проведеніе воды въ Мадридъ изъ Лосойи, преобразованіе Пуэрта-дель-Соль, основаніе Академіи моральныхъ и политическихъ наукъ и учрежденіе Статистическаго Комитета, открытіе сельскохозяйственной выставки въ Мадридѣ—все это свидѣтельствовало о мудрой дѣятельности Нарваэса. Но суровый характеръ его управленія создалъ ему такую непопулярность, что 25 октября 1857 года королева уволила его въ отставку.

Послѣ рожденія принца Астурійскаго, дона Альфонса (28 ноября), королева совершила путешествіе въ Валенсію и Аликанте; она возвратилась въ Мадридъ для присутствія на освященіи Лосойскаго водопровода и въ этотъ самый блестящій часъ своего царствованія она сумѣла понять, что ей не слѣдуетъ слишкомъ далеко заходить по пути реакціи. Она снова призвала О'Доннеля, который на

этотъ разъ вернулся къ власти съ однороднымъ министерствомъ и вполнѣ опредѣленной программой. Страна послала ему послушные кортесы, провинціальныя депутаціи и муниципальные совѣты, и такимъ образомъ начало при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ функціонировать самое плодотворное министерство всего царствованія.

О'Доннель и Либеральный Союзъ.—О'Доннель понималъ, что благоволеніе королевы для него безусловно необходимо; онъ не заводилъ уже рѣчи о продажѣ церковныхъ имуществъ, іезуиты были водворены въ великолѣпномъ монастырѣ Сан-Маркосъ де-Леонъ, сестра Патрочиніо снова появилась при дворѣ и начала основывать монастыри во всѣхъ королевскихъ резиденціяхъ; О'Доннель шелъ за религіозными процессіями со свѣчой въ рукѣ, а въ 1861 году отказался признать Виктора-Эммануила королемъ Италіи. По отношенію къ демократамъ онъ выказалъ крайнюю жестокость, осудилъ на смерть республиканца Сикста Камару и сослалъ на галеры 400 андалузскихъ крестьянъ, виновныхъ въ организаціи коммунистическаго возстанія, но зато онъ относился съ величайшей угодливостью къ графу Монтемолину и къ его брату, дону Фернандо, арестованнымъ 2 апрѣля 1860 года войсками, которыя генералъ-капитанъ Ортега пытался увлечь въ карлистское возстаніе. Ортега былъ разстрѣлянъ, а Монтемолинъ и его братъ были приглашены подписать отреченіе отъ своихъ правъ (23 апрѣля) и отпущены на свободу. 15 іюня оба принца заявили, что они считаютъ это отреченіе недѣйствительнымъ; но въ январѣ 1861 года оба они умерли въ Тріестѣ отъ тифа, а донъ Хуанъ Бурбонскій, послѣдній представитель этой вѣтви, былъ покинутъ карлистами, которые признали королемъ его двѣнадцатилѣтняго сына, дона Карлоса. Такимъ образомъ карлизмъ пересталъ быть опаснымъ, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ.

Во внутреннихъ дѣлахъ О'Доннель держался политики концентраціи. Поддерживаемый въ кортесахъ компактнымъ большинствомъ, получившимъ кличку О'Доннелевской „ирландской бригады", онъ раздавалъ высшія должности своимъ родственникамъ и своимъ креатурамъ, не обращая никакого вниманія на вопли оппозиціи. Хотя финансовое положеніе далеко нельзя было назвать блестящимъ, а дефицитъ достигъ 740 милліоновъ, общественныя работы получили необыкновенное развитіе; Испанія покрылась желѣзными дорогами, построенными на французскіе капиталы французскими инженерами. Въ 1867 году длина испанской желѣзнодорожной сѣти достигла 6.000 километровъ; въ главныхъ городахъ построены были газовые заводы; въ Мадридѣ, Барселонѣ и Валенсіи основались финансовыя компаніи, въ горномъ дѣлѣ примѣнены были научные методы эксплуатаціи, порты были улучшены, вмѣстимость судовъ торговаго флота достигла 400.000 тоннъ; торговые обороты возросли съ 250 милліоновъ франковъ въ 1848 году до 896 милліоновъ въ 1864 году.

Не ограничиваясь содѣйствіемъ экономическому развитію страны, О'Доннель хотѣлъ еще доставить ей престижъ военной славы. Вмѣстѣ съ Франціей онъ участвовалъ во взятіи Сайгона и Турана; онъ снова присоединилъ республику Сан-Доминго къ Испаніи и воспользовался нападеніемъ Ангерскихъ мавровъ для того, чтобы объявить войну Марокко.

Марокканская кампанія.—Война съ Марокко была личнымъ дѣломъ О'Доннеля, но Испанія не извлекла изъ него ничего, кромѣ пустой славы, да такой исходъ былъ совершенно очевиденъ и до начала кампаніи; испугавшись угрозъ Англіи, О'Доннель заранѣе обязался не дѣлать никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Это донкихотство министра стоило Испаніи 8.000 человѣческихъ жизней.

Война была объявлена 12 октября

1859 года и началась блокадой Танжера, Лараша и Тетуана. Двумя наиболѣе уязвимыми пунктами Марокко являются Танжеръ и Тетуанъ, но испанскій флотъ не могъ доставить надлежащаго количества силъ ни въ одинъ, ни въ другой изъ этихъ пунктовъ. О'Доннель удовольствовался тѣмъ, что сконцентрировалъ въ Санрокскомъ лагерѣ, недалеко отъ Гибралтара, 44.000 человѣкъ и 3.000 лошадей и перевезъ ихъ въ Сеуту, откуда они по морскому берегу должны были двинуться на Тетуанъ. Самъ онъ принялъ главную команду; Эчагуэ, Забала и Росъ-де-Олано командовали корпусами, Примъ — резервомъ и Алкала Галіано — кавалеріей.

Кампанія открылась 19 ноября занятіемъ древняго мавританскаго дворца, извѣстнаго подъ названіемъ *El Serrallo;* испанцы построили передъ нимъ два редута; *Ysabel II* и *Principe Alfonso.* Отбивши 23 и 24 ноября атаки марокканцевъ, испанцы 25 ноября были сами отброшены къ *El Serrallo;* но 26-го прибылъ О'Доннель въ сопровожденіи Прима и Забалы, снова овладѣлъ редутами и приказалъ возвести третье укрѣпленіе, названное *Rey Francisco.* 9 ноября была отбита общая атака марокканцевъ; 12-го высадился съ 3-мъ корпусомъ Росъ-де-Олано, а въ концѣ декабря всѣ атаки марокканцевъ разбились о стойкость испанскихъ войскъ.

1 января 1860 года испанская армія перешла въ наступленіе и овладѣла Кастильехосской долиной, причемъ слишкомъ увлекшійся Примъ былъ спасенъ подоспѣвшимъ на выручку Забалой. Марокканцы отступили на крутую возвышенность, господствующую надъ моремъ; испанцы обошли Монтенегронскую позицію, но подвигались впередъ медленно и съ большимъ трудомъ; будучи отрѣзаны отъ Сеуты и не получая продовольствія отъ флота вслѣдствіе бурнаго состоянія моря, они въ теченіе трехъ дней оставались безъ пищи. Отбивши 10 и 12 января атаки мавровъ, испанская армія обогнула наконецъ мысъ Негронъ (14 января) и расположилась противъ Тетуана на берегахъ Гваделгелу. 31 января марокканцы, подъ начальствомъ брата императора, тщетно пытались пробиться сквозь испанскія линіи; 4 февраля испанцы въ свою очередь атаковали непріятеля и на слѣдующій день вступили въ Тетуанъ, гдѣ они нашли 146 орудій. 17 февраля Мулей-Аббасъ попросилъ мира; испанцы потребовали уступки всей территоріи между Сеутой и Тетуаномъ и 200 милліоновъ реаловъ.

Военныя дѣйствія возобновились 23 февраля. 11 марта арабы безуспѣшно напали на Тетуанъ, а 23 марта они снова были разбиты въ большомъ сраженіи при Гвадельрасѣ. Но О'Доннель, смущенный встрѣченнымъ имъ сопротивленіемъ, подписалъ мирный договоръ, по которому Испанія удовольствовалась только контрибуціей въ размѣрѣ 100 милліоновъ реаловъ. Зато Испанія пожала, по крайней мѣрѣ, моральные плоды своихъ усилій; вся Европа удивлялась мужеству испанскихъ солдатъ, а одно время рѣчь даже шла о допущеніи ея въ среду великихъ державъ, но этотъ проектъ, выдвинутый Франціей, разбился о противодѣйствіе Англіи.

Паденіе О'Доннеля.—Наполеонъ III пытался вовлечь Испанію въ мексиканскую войну, но Примъ подписалъ съ Хуаресомъ Ла-Соледадскую конвенцію и позволилъ французскому генералу Лоренсезу двинуться на Пуэблу; Наполеонъ III былъ крайне возмущенъ этой, какъ онъ выразился, измѣной. Поведеніе Прима вызвало въ Испаніи оживленные комментаріи; прогрессисты увидѣли въ этомъ инцидентѣ удобный случай для нападенія на министерство, политика котораго съ каждымъ днемъ принимала все болѣе реакціонный характеръ. Умѣренные, руководимые Гонзалесомъ Браво, не забыли Викальваро и не очень усердно поддерживали министра. Послѣ нѣсколькихъ мѣ-

сяцевъ борьбы О'Доннель вышелъ въ отставку (2 марта 1863 года), а вмѣстѣ съ нимъ исчезъ и Либеральный Союзъ, который, по словамъ Кальво Асенсіо, „не имѣлъ ни традицій, ни принциповъ, ни исторіи; а годился лишь на то, чтобы питать самыя наивныя надежды, давать пріютъ усталымъ людямъ и удовлетворять жадные аппетиты".

Распаденіе Либеральнаго Союза.—Годы, протекшіе за паденіемъ О'Доннеля, отмѣчены были все усиливающимся поворотомъ двора къ политикѣ абсолютизма; эта безсмысленная политика, послѣ пятилѣтней внутренней борьбы и насилій, закончилась для королевы Изабеллы потерей короны.

Кабинетъ Мирафлореса Кончи пытался еще управлять въ законныхъ рамкахъ, но партіи, въ теченіе долгаго времени сдерживаемыя твердой рукой О'Доннеля, возобновили борьбу со свѣжей энергіей. Министерство принуждено было распустить кортесы; избиратели послали въ палату министерское большинство, но вся прогрессистская партія воздержалась отъ участія въ выборахъ и разоблачила передъ страной недостатки избирательной системы.

Съ первыхъ же дней парламентской сессіи (4 ноября 1863 г.) абсолютисты рѣзко напали на министерство; осужденіе нѣсколькихъ реформатскихъ пасторовъ въ Андалузіи на галеры вызвало яростные протесты во всей Испаніи. 17 января 1864 года кабинетъ Мирафлореса уступилъ мѣсто министерству Арасолы, къ которому благоволила королева и которое поддерживалось Примомъ и прогрессистами; черезъ шесть недѣль министры, не добившись распущенія кортесовъ, подали въ отставку, а Примъ окончательно разошелся съ королевой.

Реакція обострилась съ составленіемъ кабинета Мон-Кановаса, который возстановилъ дѣйствіе конституціи 1845 года. Король совершилъ поѣздку въ Парижъ во время освященія Сѣверной желѣзнодорожной линіи; тамъ ему рекомендовали держаться нѣсколько болѣе умѣренной политики, но онъ пропустилъ эти совѣты мимо ушей; камарилья снова сдѣлалась всесильной, прогрессисты подверглись усиленнымъ преслѣдованіямъ, а 3 мая 1864 г. донъ Салюстіано де Олосага заявилъ, что „*традиціонныя препятствія*, стоящія на пути испанской свободы, должны быть разбиты". 6 іюня и 6 августа сдѣланы были попытки пронунсіаменто, которыя были сурово подавлены; Примъ былъ сосланъ подъ надзоръ полиціи въ Овіедо, а Контрерасъ—въ Корунью. Усиленіе внутренней смуты настолько испугало королеву, что она призвала къ власти Нарваэса.

Военная диктатура.—Нарваэсъ сначала старался управлять страной, строго придерживаясь конституціи; онъ провелъ выборы въ консервативномъ духѣ и даровалъ амнистію своимъ противникамъ; но прогрессисты не пожелали сложить оружіе. Для борьбы съ финансовыми затрудненіями правительство задумало продать часть владѣній короны, причемъ 75% выручки должны были пойти въ казну, а королева довольствовалась 25%. Среди громкаго хора льстецовъ, на всѣ лады восхвалявшихъ благородство государыни, раздался голосъ Кастеляра, профессора Мадридскаго университета; онъ показался, что Изабелла сохраняетъ свои дворцы и лучшія земли и при этомъ присваиваетъ себѣ четвертую часть стоимости такихъ имуществъ, которыя принадлежатъ только націи. Дворъ потребовалъ немедленнаго увольненія Кастеляра, а когда ректоръ университета Монтальванъ отказался исполнить это требованіе, то онъ былъ самъ уволенъ; студенты устроили уволенному ректору привѣтственную серенаду (8 апрѣля 1865 г.); полиція разогнала манифестантовъ. На слѣдующій день въ Мадридѣ начались волненія; конная полиція атаковала толпу, причемъ 9 человѣкъ было убито и 100 ранено; муни-

ципалитетъ принялъ сторону населенія противъ правительства и послѣ двухъ мѣсяцевъ борьбы Нарваэсъ вышелъ въ отставку (21 іюня).

Его замѣнилъ О'Доннель, который попытался вернуть королеву на путь либерализма; о. Кларетъ и сестра Патрочиніо были удалены отъ двора; отчужденіе церковныхъ имуществъ было ускорено; Викторъ-Эммануилъ признанъ королемъ Италіи. Но О'Доннелю не удалось привлечь на свою сторону прогрессистовъ; Примъ ясно давалъ понять, что онъ не остановится ни передъ какими препятствіями. Во многихъ мѣстахъ вспыхнули военные бунты; политическія неурядицы осложнились финансовымъ кризисомъ. 22 іюня 1866 г. въ Мадридѣ взбунтовались артиллерійскіе полки; О'Доннель подавилъ возстаніе и приказалъ казнить 60 бунтовщиковъ, приговоренныхъ военнымъ судомъ къ смертной казни; но дворъ нашелъ его еще слишкомъ мягкимъ, и 10 іюля онъ долженъ былъ уступить мѣсто Нарваэсу.

Нарваэсъ хотѣлъ терроризировать оппозицію. Печать была связана по рукамъ и ногамъ; всѣ оппозиціонные союзы были распущены. Когда кортесы осмѣлились протестовать противъ распущенія, то мадридскій генералъ-капитанъ, графъ Често, приказалъ занять дворецъ кортесовъ войсками; президентъ кортесовъ, Ріосъ Розасъ, хотѣлъ представить королевѣ адресъ, но подвергся изгнанію; президентъ Сената, Серрано, послѣдовалъ его примѣру и также былъ изгнанъ. Герцогъ Севильскій протестовалъ противъ „господствовавшаго въ Мадридѣ режима устрашенія" и былъ лишенъ всѣхъ правъ испанскаго принца; герцогъ и герцогиня Монпансье пытались дать королевѣ совѣтъ и были изгнаны. Никогда дворъ не являлъ такого скандальнаго зрѣлища, какъ въ эту эпоху; королева позволила себѣ назначить своего фаворита, дона Карлоса Марфори, министромъ колоній. Образованные элементы общества рѣшительно отдѣлились отъ династіи, а революціонная газета „Молнія" (El Relampago) 22 іюня 1867 года пустила лозунгъ: „Долой Бурбоновъ!" Генералъ Дульге и герцогъ Монпансье примкнули къ революціонной партіи.

5 ноября 1867 года умеръ О'Доннель; королева не послала даже на его похороны придворной кареты. Напротивъ, къ чести Нарваэса слѣдуетъ указать, что онъ шелъ въ первомъ ряду за гробомъ и произнесъ на могилѣ своего соперника прочувствованную рѣчь.

22 февраля 1868 года Пій IX послалъ испанской королевѣ золотую розу; этотъ подарокъ служилъ мистическимъ свидѣтельствомъ папской признательности и уваженія. При дворѣ это событіе было отпраздновано веселыми демонстраціями, тогда какъ нація отнеслась къ нему безучастно или насмѣшливо. Смерть Нарваэса (23 апрѣля 1868 г.) отняла у Изабеллы послѣднюю опору.

Однако королева все упорнѣе погружалась въ абсолютистскую политику. Она выдала свою старшую дочь, донну Изабеллу, за графа Жирженти, брата неаполитанскаго экс-короля, и назначила преемникомъ Нарваэсу сторонника абсолютизма, Гонзалеса Браво, который старался разыгрывать роль гражданскаго диктатора: заключеніе въ тюрьму генераловъ, изгнаніе въ Лиссабонъ герцога и герцогини Монпансье, драконовскія мѣры противъ печати—ничего не было забыто для того, чтобы придать этой диктатурѣ самый возмутительный характеръ.

Но въ то время, какъ королева выѣхала на морскія купанья въ Леквейсіо, составился заговоръ, который долженъ былъ закончиться революціей. Королева догадывалась о существованіи этого заговора и была очень этимъ довольна. „Эта мелочная полицейская война мнѣ надоѣла,—говорила она.—Пусть произойдетъ что-нибудь серьезное, способное хорошенько встряхнуть меня... Тогда мы

вытащимъ кинжалъ, схватимся съ врагомъ лицомъ къ лицу, и на смерть!“

Сентябрьская революція 1868 года.—18 сентября 1868 года эскадра, стоявшая на якорѣ въ Кадиксѣ и находившаяся подъ начальствомъ адмирала Топете, взбунтовалась при крикахъ: „Да здравствуетъ народное верховенство!“ На слѣдующій день Топете занялъ Кадиксъ, Серрано двинулся на Севилью, а Примъ съ тремя фрегатами отправился поднимать порты Средиземнаго моря.

Одно время королева думала было отправиться въ Кадиксъ, но Гибралтарская флотилія присоединилась къ инсургентамъ. Изабелла приняла отставку Гонзалеса Браво и облекла полномочіями дона Хозе Конча, который выѣхалъ въ Мадридъ и быстро организовалъ тамъ сопротивленіе.

Въ концѣ сентября Новаличесъ прошелъ черезъ ущелье Деспенья-Перросъ съ 9.000 человѣкъ, 1.300 лошадей и 32 орудіями; съ своей стороны, Серрано собралъ 18 батальоновъ, 24 орудія и 800 лошадей. Сраженіе произошло у Альколейскаго моста на разстояніи одного перехода отъ Кордовы. Новаличесъ совершилъ крупную ошибку: онъ раздѣлилъ свои силы на два отряда и двинулся къ Альколеѣ по обоимъ берегамъ Гвадалквивира; обѣимъ колоннамъ не удалось соединиться, самъ онъ былъ тяжело раненъ, а его лейтенантъ Паредесъ отступилъ къ Эль-Карпіо; 2 октября Паредесъ сдался на капитуляцію и со всей своей арміей присоединился къ Серрано.

Мадридъ уже три дня находился во власти инсургентовъ. Управленіе городомъ взяла въ свои руки революціонная юнта, подъ предсѣдательствомъ дона Паскуаля Мадоса; демократическая юнта раздала народу 40.000 ружей. Изабелла могла бы еще, быть можетъ, вернуть себѣ симпатіи своихъ подданныхъ, но для этого необходимо было пожертвовать Марфори; на это она однако не могла рѣшиться и покинула Сан-Себастіанъ среди угрожающаго молчанія, увозя съ собой о. Кларета и Марфори. Въ Біаррицѣ она имѣла свиданіе съ Наполеономъ III, который предоставилъ въ ея распоряженіе замокъ По, гдѣ она временно поселилась и откуда обратилась къ испанскому народу съ горячимъ манифестомъ, встрѣченнымъ на Пиренейскомъ полуостровѣ съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ.

Конституція 1869 года.— Сентябрьская революція была встрѣчена во всей Испаніи съ неописуемой радостью; какъ и въ 1854 году, всѣмъ казалось, что свобода спасена отъ грозившихъ ей опасностей. Но, какъ это, къ несчастью, всегда бывало въ Испаніи, революція была понята только кучкой избранниковъ; масса оставалась въ сторонѣ или служила безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ наиболѣе смѣлыхъ и энергичныхъ людей. Дѣятели сентябрьскаго переворота далеко не были согласны между собою; одни хотѣли провозгласить республику, а другіе хотѣли сохранить монархію, перемѣнивши только династію, и въ продолженіе двухъ убійственныхъ лѣтъ Испанія истощала свои силы въ ожиданіи конституціи, а затѣмъ короля.

25 октября 1868 года революціонное министерство декретомъ ввело всеобщее избирательное право, свободу совѣсти, печати и обученія, свободу союзовъ и собраній. Учредительные кортесы были созваны на 11 февраля 1869 года; избирательная кампанія сопровождалась довольно серьезными безпорядками въ Таррагонѣ, Бадахосѣ, Севильѣ, Кадиксѣ и Малагѣ. Въ Мадридѣ состоялся монархическій митингъ на эспланадѣ Королевскихъ Конюшенъ и республиканская манифестація въ Кампо-де-ла-Леальтадъ. Избиратели послали въ кортесы большинство прогрессистскихъ депутатовъ; было выбрано также нѣсколько республиканцевъ, нѣсколько карлистовъ и только два-три умѣренныхъ.

11 февраля 1869 года Серрано торжественно открылъ учредительные кортесы, которые облекли его званіемъ главы исполнительной власти. Конституціонная комиссія немедленно принялась за работу. Серьезная борьба завязалась по поводу статьи о свободѣ совѣсти; 9.000 петицій, покрытыхъ 3 милліонами подписей, требовали, чтобы единственно дозволенной религіей объявленъ былъ католицизмъ; но, несмотря на эту внушительную манифестацію, прогрессисты внесли принципъ свободы культовъ въ конституцію, которая принята была 1 іюня и обнародована 6-го. Члены Бурбонскаго дома лишены были права на престолъ и на занятіе какихъ-либо общественныхъ должностей.

Трудно было выработать конституцію, но еще предстояло добиться для нея народнаго утвержденія; противъ нея были прежніе умѣренные, карлисты и республиканцы; въ Малагѣ, Севильѣ и Аликанте вспыхнули безпорядки. Когда правительство начало примѣнять суровый законъ 17 апрѣля 1821 года, то республиканское меньшинство протестовало и начало волноваться; Сарагосса, Валенсія и Барселона возстали. Пи-и-Маргаль заявилъ даже на засѣданіи кортесовъ, что „каталонскіе и европейскіе рабочіе подготовляютъ въ свою пользу соціальную революцію противъ остальныхъ классовъ". Съ другой стороны, правительство было раздражено поведеніемъ духовенства, которое открыто проповѣдывало возстаніе; оно хотѣло принудить священниковъ принести присягу на вѣрность конституціи; значительное число духовныхъ лицъ отказалось отъ присяги, а въ сѣверной части Испаніи составилась сильная партія, высказавшаяся въ пользу дона Карлоса, сына дона Хуана Бурбонскаго.

Кандидаты на испанскій престолъ. — Въ избраніи короля Примъ усматривалъ средство для прекращенія терзающихъ страну бѣдствій; претендентовъ на престолъ было немало, но испанцы не хотѣли тѣхъ, кто готовъ былъ бы принять корону, а тѣ, кого народъ желалъ бы, не хотѣли принимать предложенія.

Несмотря на отреченіе королевы Изабеллы отъ престола (въ Парижѣ 25 іюня 1869 г.), сынъ ея донъ Альфонсъ насчитывалъ въ странѣ пока немного партизановъ.

Герцогъ Монпансье не пользовался популярностью и обнаружилъ неумѣстную торопливость; онъ имѣлъ несчастье убить на дуэли своего кузена, герцога Севильскаго; кромѣ того противъ него давно уже высказывалось французское правительство, и его кандидатура окончательно была снята съ очереди.

Фердинандъ Савойскій, герцогъ Генуэзскій, братъ Виктора-Эммануила, отклонилъ всякую кандидатуру.

Д. Фернандо (Фердинандъ Саксенъ-Кобургскій), мужъ покойной португальской королевы, былъ кандидатомъ сторонниковъ иберійскаго единства; Наполеонъ III благосклонно смотрѣлъ на эту кандидатуру, но король отказался, говоря, что для него это вопросъ совѣсти; 5 апрѣля 1869 года онъ по телеграммѣ отказался принять депутацію отъ кортесовъ. Примъ былъ крайне раздосадованъ этимъ отказомъ и больше не настаивалъ. На самомъ дѣлѣ, въ данномъ случаѣ король руководился не столько голосомъ совѣсти, сколько соображеніями выгоды; онъ опасался, въ случаѣ революціи въ Испаніи, потерять цивильный листъ, которымъ онъ пользовался въ Португаліи; кромѣ того, онъ былъ женатъ на иностранкѣ, г-жѣ Генслеръ, которой прусскій король даровалъ титулъ графини Эльдской, и онъ опасался, что испанцы окажутъ его женѣ недостаточно королевскій пріемъ.

Измученный Примъ предложилъ корону королю португальскому дону Люису (Людовику I), который отвѣтилъ, что „онъ родился португальцемъ и желаетъ умереть португальцемъ" (28 сентября 1869 года).

Въ маѣ 1870 года испанцы вторично обратились къ дону Фернандо, который снова отвѣтилъ отказомъ (15 мая); въ іюлѣ сдѣлана была новая попытка. 15 іюля испанскій посланникъ въ Лиссабонѣ телеграфировалъ Приму, что Фернандо согласился принять корону; казалось, все было улажено, и 22 іюля Примъ оффиціально предложилъ корону дону Фернандо, который отвѣтилъ новыми требованіями; переговоры тянулись до 30 іюля, не приводя ни къ какому результату, такъ какъ португальцы и слышать не хотѣли объ объединеніи своей страны съ Испаніей.

Во время переговоровъ съ д. Фернандо одному берлинскому банкиру пришла въ голову оригинальная идея выдвинуть кандидатуру нѣмецкаго принца, Леопольда Гогенцоллернъ-Зигмарингенскаго. Примъ послалъ въ Берлинъ Саласара-и-Масарредо, которому поручено было переговорить съ отцомъ принца Леопольда; прусскій король и Бисмаркъ сдѣлали видъ, что въ этихъ переговорахъ они видятъ чисто личное дѣло принца Леопольда. „Если во Франціи по этому поводу поднимутъ шумъ, — писалъ Бисмаркъ,—то мы просто спросимъ; чего вы отъ насъ хотите? Желаете ли вы продиктовать рѣшеніе испанской націи и частному лицу—нѣмцу?“

Эта несчастная и нескромно разглашенная кандидатура послужила поводомъ къ франко-прусской войнѣ. Въ октябрѣ 1870 года Примъ поручилъ справиться въ Берлинѣ, согласится ли принцъ Леопольдъ принять корону въ томъ случаѣ, если кортесы изберутъ его королемъ. Прусскій король отвѣтилъ, что онъ въ данномъ случаѣ не можетъ вмѣшиваться, въ качествѣ главы Германскаго Союза, и что съ этимъ вопросомъ слѣдуетъ обратиться къ принцу. Бисмаркъ поступилъ смѣлѣе; когда итальянское правительство запросило его, правда ли, что принцъ Леопольдъ уже не является кандидатомъ, то онъ отказался отвѣчать и даже не разрѣшилъ итальянскому представителю отправиться въ нѣмецкую главную квартиру для свиданія съ принцемъ. Майоръ фонъ-Ферзенъ явился даже къ Приму просить содѣйствія Испаніи въ войнѣ противъ Франціи, но Примъ благородно отказалъ.

Спустя нѣкоторое время де-Кератри, делегированный правительствомъ Національной Обороны, въ свою очередь пытался вовлечь Испанію въ войну противъ Германіи. Переговоры зашли, кажется, довольно далеко, но не привели ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ; во всякомъ случаѣ кандидатура нѣмецкаго принца была снята. Тогда испанцы обратились къ принцу Амедею Савойскому, на избраніе котораго державы выразили свое согласіе. Кортесы выбрали его королемъ Испаніи въ ноябрѣ 1870 года 191 голосомъ изъ 311. Донъ Карлосъ и донна Изабелла немедленно протестовали; а 30 декабря, въ тотъ самый день, когда Амедей высаживался въ Карѳагенѣ, Примъ былъ убитъ въ Мадридѣ при выходѣ изъ парламента.

Но на этомъ періодъ гражданскихъ войнъ въ Испаніи не закончился.

Испанская литература и наука.—Народное образованіе было реорганизовано въ 1845 году; число университетовъ было низведено до десяти, находившихся въ Мадридѣ, Барселонѣ, Севильѣ, Сантьяго, Вальядолидѣ, Валенсіи, Гранадѣ, Сарагоссѣ, Саламанкѣ и Овіедо; въ 1860 году въ нихъ насчитывалось около 9.000 воспитанниковъ. Сдѣланы были нѣкоторыя весьма осторожныя попытки, направленныя къ установленію свободы обученія. Профессоръ мадридскаго университета, Юліанъ Санцъ дель Ріо популяризировалъ для своихъ соотечественниковъ сочиненія нѣмца Краузе. Ученые критики Карлосъ Арибау, Фернандесъ Гверра, Августинъ Дуранъ и Гарцембушъ издали сочиненія *Кеведо, Romancero, Кальдерона,*

Аларкона, Тирсо де Молины и Лопе де Вега. Но кругъ ученой публики былъ еще очень ограниченъ, и серьезные журналы не могли привиться въ Испаніи.

Юриспруденція нашла блестящаго представителя въ лицѣ Іоахима Франциска Пачесо, *Лекціи по уголовному праву* котораго до сихъ поръ считаются въ Южной Америкѣ классическимъ сочиненіемъ. Прекрасная книга Фермина Кабальеро, озаглавленная „Fomenta de la poblacion rural", является однимъ изъ лучшихъ сочиненій по политической экономіи, появившихся въ Испаніи. „Географическій словарь" каталонца Паскуаля Мадоса полонъ интересныхъ свѣдѣній.

Естественныя науки развивались еще медленнѣе, чѣмъ филологическія; однако открытія, сдѣланныя иностранными учеными, начали уже мало-по-малу проникать въ Испанію. Рамонъ Пелько напечаталъ прекрасное *Руководство геологіи*, а Кассіано де Прадо предпринялъ подробное научное изученіе нѣсколькихъ провинцій полуострова.

Гораздо болѣе серьезные успѣхи сдѣлала историческая наука. Историки старались соединить точность древнихъ національныхъ лѣтописцевъ съ методами новѣйшихъ историковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они дѣлали похвальныя усилія достигнуть безпристрастія. Самымъ обширнымъ, если не самымъ удачнымъ сочиненіемъ является *Всеобщая исторія Испаніи* Модеста Лафуэнте, въ которой важнѣйшія событія національной исторіи изложены въ стройномъ порядкѣ; недостатокъ этого труда заключается въ отсутствіи философскихъ взглядовъ и художественной формы. Гораздо привлекательнѣе написаны *Исторія испанской цивилизаціи* Евгенія Тапіи, *Жизнь Аргвеллеса* Эваристо Санъ-Мигуэля и *Исторія царствованія Карла III* Антоніо Ферреръ-дель-Ріо, ученый трудъ, составленный въ видѣ связнаго и интереснаго пересказа событій. Этого же нельзя сказать объ *Исторіи гражданской войны* Антоніо Пиралы, представлявшей безпорядочно нагроможденную кучу мелкихъ фактовъ, въ относительной важности которыхъ автору удавалось разобраться только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.

Изящная литература продолжала развиваться подъ вліяніемъ французскаго романтизма и выдвинула множество поэтовъ и драматурговъ, которые въ цѣломъ представляютъ плеяду привлекательныхъ и выдающихся умовъ, но которые почти всѣ отличаются скорѣе техническимъ искусствомъ, чѣмъ творческимъ воображеніемъ, и характеризуются почти полнымъ отсутствіемъ поэтической искренности. Они писали историческія трагедіи, какъ, напримѣръ, *Rica hembra* (знатная дама) Тамайя-и-Бауса, *Князь Віанскій* донны Гертруды Авеланеда, *Филиппъ II* Хозе Марія Діаса и *Два фаворита* Руби. Время отъ времени появляются нѣкоторые оригинальные опыты новѣйшаго театра, какъ, напр., *Брачный крестъ* Эгвиласа, *Стеклянная крыша и Проценты* Александра Лопеца-де-Айалы. Около середины XIX столѣтія въ публикѣ развился вкусъ къ комической оперѣ *(Zarzuela)*, что побудило каталонца Кампродона написать нѣсколько оригинальныхъ либретто или приспособить къ испанской сценѣ либретто иностранныхъ авторовъ; публика апплодировала музыкѣ Барбіери, Аріета, Гастамбида и Удрида, и комическая опера окончательно акклиматизировалась въ Мадридѣ.

Среди поэтовъ Рамонъ Кампоаморъ своими произведеніями *Doloras*, *Poesias* и своей *Drama universal* составилъ себѣ въ Испаніи одно изъ самыхъ популярныхъ именъ; изъ другихъ поэтовъ укажемъ Мануэля Паласіо, который смѣлостью своей сатиры иногда напоминаетъ Кеведо, Арнао, который былъ пѣвцомъ религіи, и Антоніо де Труэбо, который въ своей *Libro de los cantores* далъ намъ, пожалуй, образецъ кастильской народной поэзіи.

Романистовъ въ этотъ періодъ было очень много, но почти всѣ они культивировали искусственный и нѣсколько устарѣлый жанръ историческаго романа и романа приключеній. Энрико Перецъ Эсричъ написалъ тридцать томовъ, Мануэль Фернандесъ - и - Гонзалесъ провелъ свои трескучіе романы черезъ всѣ эпохи испанской исторіи. Тенденціозный романъ также пользовался большой популярностью и нашелъ своего главнаго представителя въ лицѣ донны Цециліи Боль фонъ Фаберъ, извѣстной въ литературѣ подъ псевдонимомъ Фернана Кабальеро. Дочь поселившагося въ Кадиксѣ гамбургскаго купца, она была въ дружбѣ съ королевой Изабеллой и употребила свой талантъ на службу абсолютистскимъ и реакціоннымъ идеямъ своей августѣйшей покровительницы. Эта политистская тенденція вредитъ достоинству ея сочиненій и придаетъ имъ характеръ утомительнаго однообразія, но всякій, кто захочетъ хорошо ознакомиться съ эпохой Изабеллы II, долженъ прочесть произведенія Фернана Кабальеро, и наряду съ ложными мыслями онъ найдетъ въ нихъ прелестныя описанія, порывы искренняго чувства и въ особенности много андалузскаго остроумія и изящества.

Въ 1869 году появилась книга, написанная 23-лѣтнимъ авторомъ, *La Fontana de Oro* Бенито Переса Гальдоса; это сочиненіе было первымъ томомъ цѣлой серіи національныхъ романовъ *(Episodios nacionales)*, въ которыхъ авторъ задумалъ изобразить политическую и соціальную эволюцію своего отечества въ XIX столѣтіи. Пересъ Гальдосъ выступилъ въ качествѣ совершенно опредѣленнаго прогрессиста; появившись въ свѣтъ вскорѣ послѣ сентябрьской революціи, его книга была какъ бы боевымъ кличемъ и побѣдоноснымъ вторженіемъ либерализма въ литературу.

Наряду съ романистами слѣдуетъ отвести важное мѣсто полиграфамъ, какъ, напримѣръ, Кановасъ дель Кастильо, историкъ и полемистъ; Педро Антоніо Аларконъ, журналистъ, драматургъ и романистъ; Эмиліо Кастеляръ, экономистъ, историкъ, эстетикъ, романистъ и лекторъ.

Испанскій языкъ какъ бы нарочно созданъ для трибуны и кафедры; залы кортесовъ и мадридскаго Атенея слышали замѣчательныхъ ораторовъ, какъ консерваторъ Донозо Кортесъ, абсолютистъ и скептикъ Гонзалесъ Браво, честный и убѣжденный Антоніо Росъ Розасъ и всѣ корифеи прогрессистской партіи, Олосага, Марія Риверо, Руисъ Зорилья, Фигверасъ, Сальмеронъ, Пи-и-Маргаль и чудный ораторъ Кастеляръ, живое воплощеніе испанскаго краснорѣчія.

Пресса также служила трибуной для всѣхъ этихъ людей, и хотя народное образованіе въ Испаніи до сихъ поръ оставляетъ желать очень многаго, въ Мадридѣ въ 1867 году насчитывалось 134 газеты, изъ нихъ 17 политическихъ и 32 литературныхъ. *Heraldo* былъ органомъ умѣренныхъ, *La Epoca*—органомъ Либеральнаго Союза, *Clamor publico* органомъ прогрессистовъ. Первые манифесты республиканской партіи были опубликованы Кастеляромъ сначала въ *La Discussion*, а затѣмъ въ *La Democracia*. Въ провинціи вліятельными выразителями баскскихъ и каталанскихъ патріотовъ были *Diario de Barcelona* и *Irurac bat*, выходившій въ Бильбао.

Правда, во всѣхъ этихъ изданіяхъ выступало больше риторовъ, чѣмъ дѣйствительно компетентныхъ людей, а общественное сознаніе сдѣлало хотя и дѣйствительные, но не столь быстрые успѣхи, какъ это можно было бы предположить по значительному количеству и таланту его воспитателей. Блестящему многословію литераторовъ, ораторовъ и журналистовъ этого періода слишкомъ часто не хватало серьезности; прогрессъ испанской культуры постепенно доставитъ имъ

недостающія пока качества. Пусть только Испанія старается сохранить свои блестящія дарованія и пусть она рѣшительно порветъ съ предразсудками, привитыми ей теократическимъ воспитаніемъ,—и она сдѣлается самой оригинальной и живой изъ латинскихъ націй.

II.—Португалія.

Португалія съ 1847 до 1870 года.— Въ разсматриваемый періодъ политическая жизнь въ Португаліи отличалась почти такой же неустойчивостью, какъ и въ Испаніи; здѣсь имѣли мѣсто свои пронунсіаменто и государственные перевороты, а во главѣ кабинета смѣнилось двѣнадцать премьеровъ, не считая многочисленныхъ перетасовокъ въ личномъ составѣ отдѣльныхъ министерствъ. Въ Португаліи, какъ и въ Испаніи, парламентскій режимъ являлся заграничнымъ продуктомъ и чисто искусственнымъ учрежденіемъ, и нетрудно понять, что въ странѣ, лишенной общественнаго мнѣнія, нелегко было акклиматизироваться формѣ правленія, основанной именно на общественномъ мнѣніи. Идеи и принципы были для массы лишенными содержанія формулами, которыя просто служили игрушкой или оружіемъ въ рукахъ борющихся партій; перебрасываемыя какъ мячикъ справа налѣво, онѣ утрачивали свою рельефную форму и теряли всякое значеніе; общество перестало ихъ понимать, а политиканы ломались передъ невнимательной и скучавшей націей, искавшей только матеріальнаго благополучія.

Португалія была „обширной Баратаріей, управляемой королемъ Санчо". Всеобщій индифферентизмъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, ту хорошую сторону, что онъ низвелъ политическія партіи до уровня простыхъ котерій и такимъ образомъ помѣшалъ ихъ борьбѣ принять особенно острыя формы; страна не потрясалась ежеминутно революціонными взрывами, и Португалія, подъ патріархальнымъ управленіемъ патріотическихъ и умныхъ монарховъ, сдѣлала значительные успѣхи.

Сальданха и Коста Кабраль.— Періодъ, наступившій вслѣдъ за революціей 1847 года, отмѣченъ въ исторіи Португаліи борьбой между маршаломъ Сальданьей и Коста Кабралемъ. „Для Сальданьи, лишеннаго опредѣленныхъ взглядовъ на вещи, партіи и программы играли роль чисто случайныхъ явленій, а такъ какъ партіи и программы постоянно возникали, росли и падали, то маршалъ къ концу своей жизни послѣдовательно имѣлъ почти столько же мнѣній, сколько и лѣтъ". Суровый и властный Коста Кабраль имѣлъ на своей сторонѣ то преимущество, что онъ привыкъ къ государственнымъ дѣламъ и обладалъ значительнымъ правительственнымъ опытомъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ (1847—1849) Сальданья удачно боролся съ своимъ противникомъ, но въ 1849 году Коста Кабраль одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду.

Какъ мудрый политикъ, онъ пытался удержать стараго солдата и привлечь его къ своему дѣлу, но голосъ самолюбія заглушилъ въ Сальданьѣ утилитарныя соображенія, онъ отказался отъ какихъ-либо компромиссовъ и перешелъ въ оппозицію. Онъ употребилъ два года на подготовленіе къ атакѣ, втерся въ довѣріе къ самымъ выдающимся дѣятелямъ страны, какъ Ферреръ, Суре, Пестана и Геркулано, и объявилъ себя либераломъ съ цѣлью вѣрнѣе одурачить либераловъ, которые надѣялись найти въ немъ представительнаго вождя и управлять отъ его имени, льстя его самолюбію и хорошо оплачивая его услуги. 17 апрѣля 1851 года онъ возбудилъ возстаніе въ Опорто съ помощью богатаго прогрессистскаго фабриканта, Викторино Дамасіо. Дворъ не оказалъ никакого сопротивленія, а 15 мая Сальданья торжественно вступилъ въ Лиссабонъ при бур-

ныхъ ликованіяхъ толпы, привѣтствовавшей въ его лицѣ представителя національнаго возрожденія.

Возрожденіе. — Коалиція, доставившая власть Сальданьѣ, представляла главнымъ образомъ синдикатъ финансистовъ и дѣльцовъ. Сальданья служилъ вывѣской для извѣстной предпринимательской фирмы, но вмѣсто моральнаго возрожденія, котораго требовалъ простодушный Геркулано, „первосвященникъ" новаго культа Родриго и его „діаконъ" Фонтесъ дали толчокъ матеріальному прогрессу. Португальское возрожденіе въ общемъ итогѣ оказалось просто царствомъ капитала. Фонтесъ формулировалъ духъ новой системы, сказавши, что „онъ отвѣчаетъ за спасеніе страны, если бы возможно было издать законъ, вмѣняющій всѣмъ португальцамъ въ обязанность путешествовать три мѣсяца въ году".

Донъ Педро V. — Смерть королевы донны Маріи (15 ноября 1853 г.) доставила корону дону Педро V, молодому 16-лѣтнему принцу, который сначала царствовалъ подъ опекой своего отца, дона Фернандо (Фернандо Саксенъ-Кобургскаго). Регентъ былъ образованнымъ человѣкомъ съ артистическими вкусами; проникнутый современнымъ духомъ, онъ философски относился ко всѣмъ передрягамъ португальской политики. Онъ поручилъ воспитаніе своего сына историку Геркулано, а затѣмъ для пополненія образованія послалъ его путешествовать во Францію, Англію, Швейцарію, Бельгію и Италію. Объявленный совершеннолѣтнимъ въ 1855 году, донъ Педро обнаружилъ развитой умъ и стремленіе къ общественному благу, но его образованность поставила его слишкомъ высоко надъ португальскимъ народомъ, а его путешествія, раскрывшія ему недостатки португальскаго общества, сдѣлали его какимъ-то иностранцемъ въ собственной странѣ; его деликатное сложеніе и врожденное тяготѣніе къ мистицизму внушили ему увѣренность въ близкой смерти. Казалось, что онъ не столько царствуетъ, сколько смотритъ на свое царствованіе со стороны; при немъ *историческая* партія смѣнила партію *возрожденія;* при немъ палъ Сальданья (1856 г.), а послѣ него власть перешла къ герцогу Луле, знатному вельможѣ, женатому на принцессѣ, революціонному вождю и франкъ-масону, внесшему и въ революціонную дѣятельность свои аристократическіе пріемы и спокойную невозмутимость гидальго стараго времени,—затѣмъ къ герцогу Авилѣ, а отъ него къ члену партіи „возрожденія", Терсейрѣ. Онъ дѣйствительно любилъ и уважалъ только маркиза Луле.

Король пріобрѣлъ огромную популярность своимъ мужествомъ, выказаннымъ во время опустошавшихъ Лиссабонъ эпидемій холеры и желтой лихорадки. Его жена, красивая и добрая Стефанія Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, скоро сдѣлалась столь же популярной, какъ и ея мужъ; но преждевременная смерть молодой королевы еще усилила меланхолію короля. Его обвиняли въ клерикализмѣ зато, что онъ ввелъ въ Португаліи женскіе благотворительные монашескіе ордена („сестры милосердія"); онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточной энергіи, для того чтобы рѣшительно взять въ свои руки бразды правленія, какъ этого требовалъ народъ, и умеръ 11 ноября 1861 года, оплакиваемый всѣми своими подданными, которые одно время думали, что король палъ жертвой преступленія, и расхаживали по улицамъ Лиссабона, требуя мести и казни предполагаемыхъ убійцъ.

Донъ Люисъ I. — Дону Педро наслѣдовалъ его братъ, донъ Люисъ, герцогъ Опортскій; онъ окружилъ себя новыми людьми, какъ Казаль, Серпа, Мартенсъ, Сампайо, которые придали португальской политикѣ ярко выраженный прогрессистскій характеръ. „Сестры милосердія", на

которыхъ косо смотрѣли либералы и португальское духовенство, были изгнаны изъ Португаліи. Король женился на дочери Виктора-Эммануила.

Интересы торгово-промышленныхъ слоевъ составляли предметъ неусыпной заботливости короля и его министровъ; въ томъ самомъ году, когда открыто было движеніе по линіи Бадахосъ-Лиссабонъ, внутри страны были отмѣнены паспорта какъ для португальцевъ, такъ и для иностранцевъ. Въ 1866 году открыта была въ Опорто Всемірная выставка; въ 1867 году введена была метрическая система вѣсовъ и мѣръ; территоріальное дѣленіе страны было преобразовано въ такомъ направленіи, чтобы дать удовлетвореніе стремленіямъ къ децентрализаціи; обнародованъ былъ сводъ гражданскихъ законовъ, а въ 1868 г. отмѣнено рабство въ португальскихъ колоніяхъ.

Вниманіе правительства было привлечено двумя важными вопросами, испанскимъ и финансовымъ. Мы уже видѣли, какъ былъ разрѣшенъ первый вопросъ; второй не разрѣшенъ и до сихъ поръ.

Португалія влѣзла въ долги во время войны за независимость; гражданскія войны стоили ей очень дорого, а бремя государственныхъ долговъ было еще увеличено займами, заключенными Мигуэлемъ на крайне невыгодныхъ условіяхъ. Въ 1852 году государственный долгъ Португаліи достигъ уже $44_{,470}$ милліоновъ мильрейсовъ; въ это время онъ былъ конвертированъ въ $3^0/_0$-ную ренту, но ростъ общественныхъ работъ, казнокрадство и спекуляція довели долгъ до $137_{,998}$ милліоновъ въ 1863 году, и въ то время, какъ государственный долгъ возросъ вчетверо, торговые обороты Португаліи съ трудомъ вернулись къ цыфрѣ 1818 года (до потери Бразиліи).

Герцогъ Луле пытался бороться съ этимъ зломъ; король подалъ хорошій примѣръ, добровольно сокративши цивильный листъ; но когда онъ пожелалъ уменьшить число членовъ парламента, въ странѣ поднялось сильное волненіе; когда онъ издалъ декретъ о продажѣ церковныхъ имуществъ, старый маршалъ Сальданья, бывшій тогда посланникомъ въ Римѣ, подалъ въ отставку, а 19 мая 1870 года вспыхнулъ военный бунтъ, повлекшій за собой паденіе герцога Луле, распущеніе кортесовъ и составленіе кабинета Сальданьи, который, впрочемъ, также просуществовалъ недолго.

Португальская литература.— Послѣ глубокихъ политическихъ потрясеній, которыми ознаменовалось въ Португаліи начало XIX столѣтія, возстановилось относительное спокойствіе, позволившее писателямъ и мыслителямъ приступить къ дѣлу національнаго воспитанія. Они принялись за работу съ такимъ усердіемъ, что литературное движеніе этого періода можно съ достаточнымъ основаніемъ назвать третьимъ португальскимъ ренессансомъ.

Родоначальникомъ этого ренессанса явился талантливый писатель, баронъ I. Б. Альмейда-Гарретъ, родившійся въ Опорто въ 1799 году. Гарретъ провелъ десять лѣтъ своей жизни (1823 — 1833) въ Англіи и во Франціи и по возвращеніи въ отечество издалъ свой „*Очеркъ португальской исторіи и поэзіи*“, послужившій какъ бы манифестомъ новой школы; изъ его многочисленныхъ прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній укажемъ на поэмы *Донна Бранка* и *Камоэнсъ*, драмы, комедіи и *Путешествіе по родной странѣ*, одну изъ распространеннѣйшихъ книгъ португальской литературы.

Антоніо Фелисіано дель Кастильо (1800—1878), ослѣпшій въ шестилѣтнемъ возрастѣ, написалъ много художественныхъ и прочувствованныхъ поэмъ, проникнутыхъ свойственной португальскому духу меланхоліей; изъ нихъ наибольшей извѣстностью пользуются *Ревность барда,*

Ночи въ замкѣ и *Весна*. Александръ Геркулано-и Араухо, родившійся въ Лиссабонѣ въ 1810 году, получилъ воспитаніе въ Парижѣ и подготовлялся къ карьерѣ историка путемъ созданія поэтическихъ произведеній и историческихъ романовъ; написавши *Maître Gil*, *Arrhas por foro d'Hespanha*, *Дама съ козлинымъ копытомъ*, онъ составилъ обширную, но, къ сожалѣнію, незаконченную *Исторію Португаліи*, которая доставила ему почетное мѣсто среди историковъ XIX вѣка.

Еще большей плодовитостью отличался Хозе да Сильва Мендесъ Леаль, который прославился какъ поэтъ, драматургъ, романистъ, историкъ, журналистъ и государственный дѣятель. Его драмы *Blanche étoile*, *Наслѣдство канцлера*, *Педро* пользовались прочнымъ успѣхомъ; его историческіе этюды *Два полуострова* и *Національные памятники* заслуживаютъ быть поставленными рядомъ съ произведеніями Геркулано.

Ребельо да Сильва, Хозе да Андраде, Корво да Камоэнсъ, Камиллъ Кастельо-Бранко, Францискъ Гомецъ да Аморимъ, Эрнестъ Бистеръ, Абранчесъ, Тихейра да Васконсельосъ также писали романы и драматическія произведенія. Латино Коэльо далъ этюдъ о *Маркизѣ Помбалѣ* и *Политическую и военную исторію Португаліи*. Оливейра Мартинсъ также составилъ *Исторію Португаліи* и *Современную Португалію*, написанную страстнымъ тономъ, но читающуюся съ удовольствіемъ.

Португальская пресса насчитываетъ въ своихъ рядахъ множество талантливыхъ писателей, а основанные королемъ Педро V „Высшіе литературные курсы“ въ Лиссабонѣ также сыграли извѣстную роль въ литературномъ развитіи страны.

Научная дѣятельность въ Португаліи, правда, отстала сравнительно съ литературной; тѣмъ не менѣе географическія изслѣдованія могутъ похвастать нѣкоторыми успѣхами; университетъ въ Коимбрѣ обладаетъ прекрасной библіотекой и великолѣпными естественно-научными коллекціями; въ Лиссабонѣ существуетъ обширная Медицинская Школа, а астрономическія обсерваторіи въ Лиссабонѣ, Коимбрѣ и Опорто снабжены полнымъ наборомъ инструментовъ. Португалецъ можетъ получить серьезное и всестороннее образованіе, не выѣзжая изъ своей страны.

Глава X.

Англія.

1846—1872.

I.—Россель и Пальмерстонъ (1846—1852).

Министерство виговъ и Робертъ Пиль.— Распаденіе консервативнаго большинства въ іюнѣ 1846 года надолго нарушило правильное теченіе конституціонной жизни. Во главѣ либеральнаго министерства, опиравшагося на меньшинство, сталъ Джонъ Россель, который могъ держаться только благодаря расколу въ лагерѣ своихъ противниковъ, раздѣлившихся на протекціонистовъ и „пилитовъ“; во главѣ протекціонистовъ сначала стоялъ лордъ Джорджъ Бентинкъ, а затѣмъ Стенли и Дизраэли, характеръ и пріемы котораго вызывали, впрочемъ, среди нихъ недовѣріе; „пилитами“, среди которыхъ находился Гладстонъ, руководилъ ихъ великій вождь сэръ Робертъ Пиль. Пока жилъ Пиль, игравшій въ парламентѣ рѣшающую роль и не выказывавшій особеннаго желанія вернуться къ власти, до тѣхъ поръ находившееся подъ его покровительствомъ министерство могло быть спокойно. А послѣ того, какъ онъ скончался вслѣдствіе паденія съ лошади (1850), либеральный кабинетъ, прочность котораго подрывалась вдобавокъ независимымъ характеромъ лорда Пальмерстона, почти диктаторски управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, потерпѣлъ нѣсколько болѣе или менѣе явныхъ и наполовину замятыхъ кризисовъ.

Новые успѣхи свободной торговли.—Вопросъ о хлѣбныхъ пошлинахъ сдѣлалъ Пиля сторонникомъ „свободы торговли“, и онъ же принудилъ Росселя, впрочемъ, убѣжденнаго фритредера, продолжать дальнѣйшее движеніе въ томъ же направленіи. Въ началѣ 1847 года въ Англіи хлѣбъ продавался даже дороже, чѣмъ во всякую другую эпоху: по 102 шиллинга за квартеръ; а черезъ два года безпошлинный привозъ хлѣба къ общему удовольствію вступилъ въ полную силу надолго, если не навсегда, такъ какъ въ земледѣліи наступилъ новый періодъ прогресса. Въ томъ же 1849 году отмѣненъ былъ Навигаціонный актъ, нѣсколько смягченный уже Каннингомъ, и съ этого момента суда всѣхъ національностей получили право ввозить въ Англію продукты всѣхъ частей свѣта.

Успѣхи свободной торговли вмѣстѣ съ успѣхами демократіи проявились во время выборовъ 1847 года, пославшихъ въ парламентъ „максимальное число дѣльцовъ и представителей среднихъ классовъ, какое тамъ когда-либо видѣли“. Джонъ

Даніель О' Коннель.

Брайтъ, которому принадлежатъ вышеприведенныя слова, принялъ мандатъ отъ манчестерскихъ либераловъ, для того чтобы въ болѣе непосредственной формѣ представлять „тѣ великіе принципы, съ которыми славно связано имя Манчестера“. Во время избирательной кампаніи онъ произнесъ радикальную рѣчь: „Я не могу похвастать ни благородной кровью, ни своими предками, которые были такими же работниками, какъ и вы. Естественно, что мои симпатіи обезпечены моему классу, и я гораздо сильнѣе желаю возвысить его, чѣмъ возвыситься надъ нимъ“. Принадлежа, впрочемъ, къ буржуазіи, а не къ рабочему классу, онъ заявилъ, что въ качествѣ депутата отъ Дургема онъ вотировалъ противъ десятичасового рабочаго дня, „не желая отнять остальныхъ двухъ часовъ у англійскихъ фабрикантовъ“.

Ирландскія бѣдствія и усилія Росселя.— Несмотря на энергическія и полезныя мѣры Пиля, кормившаго на государственный счетъ 500.000 душъ, Ирландія въ 1846—1848 гг. находилась въ самомъ ужасномъ состояніи. Вслѣдствіе полнаго неурожая картофеля голодъ XIII вѣка, какъ сказалъ министръ, обрушился на народъ XIX вѣка; доведенные до отчаянія крестьяне обратились противъ землевладѣльцевъ, которые сами очутились въ незавидномъ положеніи, но — слѣдуетъ признаться — повысили свои требованія отъ арендаторовъ Къ чести Росселя слѣдуетъ сказать, что онъ отнесся къ этому положенію съ гуманностью, либерализмомъ и твердостью и, несмотря на нѣкоторыя ошибки и непредусмотрительность, облегчилъ страданія ирландцевъ, если не въ предѣлахъ возможнаго, то въ предѣлахъ ему доступнаго.

Предпринятыя въ широкихъ размѣрахъ общественныя работы плохо помогали глубокой нищетѣ народа; нѣкоторые ирландцы, получая за свой трудъ хорошую плату отъ казны, работали спустя рукава, напримѣръ, подъ предлогомъ исправленія дорогъ только портили ихъ и отказывались отъ серьезной работы, предлагавшейся имъ предпринимателями. Правительство начало относиться съ большей осторожностью къ такого рода убыточной организаціи работъ, но зато усилило подачу помощи нуждающимся на дому; полагая, что всѣ эти средства неспособны помочь горю до тѣхъ поръ, пока размѣры населенія превышаютъ тотъ максимумъ, который можетъ прокормиться продуктами данной земельной площади, правительство не только не смотрѣло на эмиграцію, какъ на нежелательное явленіе, но, наоборотъ, всячески поощряло ее и старалось ею руководить. Нищета и выселеніе быстро уменьшили количество проживавшихъ въ Европѣ ирландцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ число ирландцевъ въ Америкѣ возросло; будучи, естественно, заклятыми врагами своихъ бывшихъ угнетателей, они серьезно угрожали англійскому общественному порядку.

Стараясь придать болѣе мирный характеръ взаимнымъ отношеніямъ лэндлордовъ и фермеровъ, Россель остановился на двухъ средствахъ, способныхъ, по его мнѣнію, привести къ этой цѣли, а именно на уменьшеніи нужды землевладѣльцевъ въ деньгахъ и на доставленіи арендаторамъ большей независимости. И дѣйствительно, въ Ирландіи лицомъ къ лицу стояли два класса: съ одной стороны, помѣщики, обремененные ипотечными долгами, которые поглощали свыше половины получаемой ими ренты; съ другой, фермеры, которымъ во всякое время грозило „изгнаніе“ безъ вознагражденія за трудъ, потраченный ими на улучшеніе своихъ участковъ. Поэтому министръ предложилъ двойной билль, по которому имѣнія, обремененныя долгами выше извѣстной нормы, подлежали продажѣ, а изгнаннымъ арендаторамъ обезпечивалось вознагражденіе за произведенныя ими работы.

Состояніе англійскаго общественнаго мнѣнія въ разсматриваемую эпоху не позволяло еще осуществить вторую часть этого проекта; прошла только первая часть, получившая названіе „Акта о задолженныхъ имѣніяхъ“ *(Encumbered Estates Act);* въ своемъ изолированномъ видѣ этотъ законъ, пожалуй, не заслуживалъ восторга, обнаруженнаго его авторомъ, который предпринялъ даже спеціальное путешествіе для того, чтобы обезпечить точное его примѣненіе на практикѣ. Старинные наслѣдственные землевладѣльцы, которыхъ традиціонныя связи со своими— также наслѣдственными — арендаторами вынуждали къ нѣсколько бережному отношенію къ своимъ фермерамъ, слишкомъ часто уступали мѣсто пришлымъ со стороны спекулянтамъ, безпощадно эксплуатировавшимъ несчастныхъ крестьянъ черезъ посредство своихъ агентовъ; однако, вслѣдствіе ли изданія упомянутаго Акта или благодаря строгимъ мѣрамъ министра внутреннихъ дѣлъ, лорда Грея, число аграрныхъ преступленій въ теченіе двадцатилѣтняго періода уменьшилось въ десять разъ.

Революція 1848 года и чартисты.—Эти трудные годы, характеризовавшіеся столь смутными обстоятельствами какъ на британскихъ островахъ, такъ и на континентѣ, чуть было не были омрачены войной между Англіей и Франціей; настолько страсти были возбуждены вопросомъ объ испанскихъ бракахъ. Пресса была полна оскорбительныхъ статей и каррикатуръ, направленныхъ противъ Луи-Филиппа и членовъ его семейства; а въ высшихъ сферахъ Россель, раздраженный почти такъ же, какъ и Пальмерстонъ, вмѣстѣ съ Веллингтономъ вырабатывалъ планъ національной обороны.

Происшедшая въ Парижѣ февральская революція произвела на англійское общество не такое дурное впечатлѣніе, какое она произвела бы при другихъ обстоятельствахъ; но это быстрое ниспроверженіе правительства, построеннаго по англійскому либеральному образцу, этотъ внезапный прыжокъ изъ слишкомъ узкой ограды цензитарнаго режима въ темную пропасть всеобщаго избирательнаго права претили англійскому національному духу. Поэтому, въ то время какъ вторая французская революція 1830 года, аналогичная англійской революціи 1688 года, оказала непосредственное вліяніе на конституціонное развитіе Англіи, третья революція, подобно первой, обусловила скорѣе движеніе въ сторону реакціи; палата лордовъ отвергла проектъ о допущеніи евреевъ въ парламентъ, и вообще всякое новшество встрѣчалось съ крайней неохотой.

Это настроеніе съ особенной яркостью обнаружилось по поводу слѣдующаго инцидента. Вождь чартистовъ, полусумасшедшій депутатъ Фиргусъ О'Конноръ, созвалъ въ Кеннингтонскомъ паркѣ митингъ-монстръ для того, чтобы отнести въ парламентъ колоссальную петицію, покрытую, по его словамъ, болѣе чѣмъ пятью милліонами подписей. Правительство поспѣшило напомнить, что закономъ воспрещается подавать петиціи скопомъ, и предложило выдать всѣмъ желающимъ спеціальную, т.-е. временную, констэбльскую дубинку на 10 апрѣля; на это приглашеніе откликнулось двѣсти тысячъ охотниковъ, что̀ придало добровольческой полиціи характеръ настоящей національной демонстраціи противъ космополитическаго революціоннаго движенія. Чартистская демонстрація закончилась неудачей: во-первыхъ, толпа манифестантовъ оказалась гораздо малочисленнѣе полчищъ добровольныхъ констэблей, а во-вторыхъ, при провѣркѣ подписей подъ петиціей найдены были такія подписи, какъ Деревянная Нога, Хлѣбъ-и-сыръ, Веллингтонъ и принцъ Альбертъ.

Въ Ирландіи движеніе носило не такой комическій характеръ, но не было столь широкимъ. Смитъ О'Бріенъ безуспѣшно

Г. Дж. Пальмерстонъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

напалъ на полицейскій постъ. Въ Шотландіи произошло еще болѣе серьезное возстаніе въ Глазго, закончившееся неудачей. И въ своей рѣчи 5 сентября королева могла сказать: „Сила нашихъ учрежденій подверглась испытанію и доказала свою прочность. Я старалась сохранить для довѣреннаго моимъ заботамъ народа пользованіе той умѣренной свободой, которую онъ такъ правильно умѣетъ цѣнить“.

Пальмерстонъ и дворъ; „Civis Romanus“.— Происходившія на континентѣ событія, сначала — революціонныя движенія, а затѣмъ восторжествовавшая съ 1849 года реакція, встрѣчали неодинаковое къ себѣ отношеніе въ англійскихъ высшихъ сферахъ: министерство иностранныхъ дѣлъ и дворъ проникнуты были различными чувствами, причемъ Россель терялся, поставленный между двухъ огней, между европейскимъ радикализмомъ своего коллеги и европейскимъ консерватизмомъ своей государыни. Пальмерстонъ ставилъ свой европейскій радикализмъ выше своего англійскаго радикализма: „Примѣръ Франціи,— писалъ онъ, — подниметъ на ноги наше населеніе, не участвующее въ выборахъ, и вызоветъ вопли относительно расширенія избирательнаго права, закрытой баллотировки и тому подобныхъ пагубныхъ вещей. И тѣмъ не менѣе въ настоящій моментъ я кричу: да здравствуетъ Ламартинъ!“ Это преклоненіе продолжалось недолго, такъ какъ французская конституція произвела на него впечатлѣніе чего-то нежизнеспособнаго, но онъ попрежнему оставался рѣшительно враждебенъ всѣмъ попыткамъ монархической реставраціи и выражалъ все бо̀льшую симпатію къ президенту; онъ оказывалъ поддержку революціонерамъ другихъ странъ, даже послѣ подавленія возстаній, и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на пріѣздъ эмигрантовъ въ Лондонъ.

Королева, недовольная его замашками, напоминавшими скорѣе диктатора, чѣмъ министра, обратилась къ нему съ слѣдующимъ *меморандумомъ*, который сначала сохранялся втайнѣ: „Королева требуетъ, во-первыхъ, чтобы лордъ Пальмерстонъ опредѣленно указывалъ, что именно онъ предлагаетъ въ каждомъ данномъ случаѣ, дабы она знала, чему она даетъ свою королевскую санкцію. Во-вторыхъ, давши свою санкцію одному мѣропріятію, она требуетъ, чтобы это мѣропріятіе произвольно не извращалось и не измѣнялось министромъ. Подобный поступокъ она будетъ разсматривать какъ недостатокъ чистосердечія по отношенію къ коронѣ, и она полагаетъ, что будетъ имѣть право, въ силу своей конституціонной власти, наказать министра за такой поступокъ увольненіемъ его отъ должности. Она желаетъ получать свѣдѣнія обо всемъ, что происходитъ между министрами и иностранными посланниками, раньше чѣмъ будутъ приниматься какія-нибудь важныя мѣры, основанныя на этихъ отношеніяхъ, желаетъ во̀-время получать приходящія изъ-за границы депеши, заблаговременно получать копіи отвѣтовъ, подлежащихъ ея утвержденію, дабы она имѣла возможность ознакомиться съ ними прежде, чѣмъ они будутъ отправлены“. Этотъ документъ имѣетъ выдающееся значеніе для исторіи царствованія королевы Викторіи.

Въ томъ же году Пальмерстонъ одержалъ свою величайшую побѣду въ области шовинистической риторики. Онъ давно уже косо посматривалъ на греческое правительство, по его мнѣнію, рабски преданное Россіи и Франціи; онъ поднялъ страшный шумъ по поводу гибралтарскаго еврея, состоявшаго подъ англійскимъ покровительствомъ, дона Пачифико, домъ котораго былъ разграбленъ въ Аѳинахъ чернью; этотъ инцидентъ повелъ къ дипломатическимъ осложненіямъ; Пальмерстонъ не только требовалъ уплаты вознагражденія потерпѣвшему, но занялъ угрожающую позицію, чуть было

не закончившуюся общеевропейской войной. Дѣйствія министра вызвали дебаты въ палатѣ, во время которыхъ онъ экспромптомъ произнесъ пятичасовую рѣчь, заключеніе которой встрѣчено было съ энтузіазмомъ: „По примѣру древнихъ римлянъ, которые полагали, что заявленіе „*Civis Romanus sum*“ (я — римскій гражданинъ) обезпечиваетъ имъ всеобщее уваженіе, англичанинъ, гдѣ бы онъ ни находился, можетъ быть твердо увѣренъ, что Британія неусыпно охраняетъ его интересы“.

Тренія на религіозной почвѣ.—За послѣднія двадцать, а особенно за послѣднія десять лѣтъ англиканская церковь не пользовалась ни прежними привилегіями, ни прежнимъ внутреннимъ миромъ. Католики еще въ большей степени, чѣмъ диссиденты, воспользовались паденіемъ старыхъ барьеровъ; они вербовали прозелитовъ въ высшемъ обществѣ, а извѣстная группа англиканцевъ, не сливаясь окончательно съ католиками, приблизилась къ нимъ въ формѣ религіознаго движенія, получившаго названіе „пюзеизма“. Въ 1851 году папа счелъ моментъ удобнымъ для того, чтобы открыто назначить католическихъ епископовъ; это вызвало сильную національную реакцію въ Англіи.

Лордъ Джонъ Россель и англійскій народъ усмотрѣли въ этомъ приданіи католической іерархіи открытаго характера покушеніе на права королевы и оффиціальную протестантскую церковь; изданъ былъ оставшійся безъ примѣненія законъ, признававшій недѣйствительнымъ всякое назначеніе этого рода и всякій даръ, сдѣланный католическимъ епископомъ. Королева, недовольная поднятымъ шумомъ, писала: „Я всегда была и всегда останусь искренней протестанткой, но я сожалѣю о томъ, что такое значительное число моихъ подданныхъ обнаружило на народныхъ собраніяхъ духъ нетерпимости“. Первый министръ впослѣдствіи объяснилъ, что онъ хотѣлъ только оградить національную іерархію отъ всякихъ на нее поползновеній.

Кризисъ и Всемірная выставка (1851).— Во время обсужденія этого платоническаго закона чуть было не произошелъ министерскій кризисъ. За послѣднее время землевладѣльцы и арендаторы добивались возстановленія хлѣбныхъ законовъ. Сельскіе тори, попрежнему руководимые Дизраэли, потребовали, чтобы министерство приняло мѣры противъ критическаго положенія сельскаго хозяйства, т.-е., попросту, чтобы оно возстановило покровительственныя пошлины; этой цѣли они не достигли, но имъ удалось добиться резолюціи въ пользу расширенія избирательнаго права въ сельскихъ округахъ. Россель подалъ въ отставку, но такъ какъ его противники не въ состояніи были составить кабинета, то онъ снова взялъ бразды правленія въ свои руки.

Поколебленное министерство на этотъ разъ было спасено отъ крушенія великимъ предпріятіемъ принца Альберта,— первой Всемірной выставкой, которая должна была явиться какъ бы иллюстраціей свободной торговли и всеобщаго мира. Но именно въ виду такого характера выставки подозрительные патріоты относились къ ней съ опаской; одинъ депутатъ, извѣстный своими огромными усами, полковникъ Зибторпъ, усмотрѣлъ въ ней нашествіе папизма и невѣрія и многія другія опасности: „берегите, — говорилъ онъ,—вашихъ женъ и дѣтей, охраняйте ваше имущество и даже вашу жизнь“. Хрустальный Дворецъ, по мнѣнію этихъ пророковъ, долженъ былъ погубить и обезчестить Англію; на самомъ же дѣлѣ онъ доставилъ ей, равно какъ и королевской четѣ, самый блестящій успѣхъ.

Кошутъ и Второе Декабря; паденіе Пальмерстона.— Два обстоятельства усилили разногласія, существовавшія между дворомъ и министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Пальмерстонъ выступилъ въ защи-

ту венгерскаго эксъ-диктатора Кошута, выдачи котораго Австрія требовала отъ турецкаго султана; проживши два года во внутреннихъ провинціяхъ Турціи, Кошутъ пріѣхалъ въ Лондонъ. Прекрасно владѣя англійскимъ языкомъ, онъ читалъ лекціи, пользовавшіяся колоссальнымъ успѣхомъ въ Англіи; королева и принцъ были этимъ почти такъ же недовольны, какъ и австрійскій посланникъ. Поставленный снова въ неловкое положеніе, Россель согласился съ королевой въ томъ отношеніи, что Пальмерстонъ, незадолго до того скомпрометировавшій себя радикальной рѣчью въ пользу Кошута, не можетъ безъ серьезнаго риска дать аудіенцію венгерскому изгнаннику; и только съ большимъ трудомъ Росселю удалось добиться этой уступки отъ своего коллеги.

Отношенія оставались очень натянутыми, когда разразился государственный переворотъ въ Парижѣ: они еще болѣе обострились вслѣдствіе странной перемѣны ролей. Теперь Пальмерстонъ со свойственной ему крайней несдержанностью привѣтствовалъ французскій цезаризмъ, тотъ самый цезаризмъ, противъ котораго неодобрительно высказались какъ конституціонный дворъ, такъ и демократія. Въ сущности поведеніе Пальмерстона было совершенно логично; великій англичанинъ терпѣть не могъ наслѣдниковъ Луи-Филиппа и всѣхъ вообще Бурбоновъ, реставраціи которыхъ онъ сильно опасался; кромѣ того, онъ прекрасно зналъ англоманскія наклонности Наполеона и считалъ предстоявшее вступленіе его на престолъ весьма полезнымъ для Англіи.

Поэтому, въ то время какъ англійское правительство выказало холодное и почти враждебное отношеніе къ декабрьскому перевороту, одинъ только руководитель англійской дипломатіи поспѣшилъ восторженно поздравить французскаго посланника; на эту невыносимую выходку остальные министры отвѣтили тѣмъ, что исключили Пальмерстона изъ своей среды. Когда 3 февраля 1852 года собрался парламентъ, то Ребукъ потребовалъ объясненій по поводу удаленія министра иностранныхъ дѣлъ; отвѣчая на этотъ запросъ, Россель прочиталъ знаменитый „меморандумъ“. Пальмерстонъ позволилъ устранить себя отъ дѣлъ безъ шума, обнаруживъ при этомъ величайшій тактъ, давшій ему возможность скоро вернуться къ власти; но въ разсматриваемый моментъ всѣ полагали, что политическая его карьера кончена.

Первое министерство Дерби и „погребеніе протекціонизма“. — Вскорѣ ему удалось отомстить Росселю. Послѣдній представилъ проектъ закона объ организаціи милиціи, мотивируемый опасеніями французскаго нашествія, сдѣлавшагося якобы возможнымъ вслѣдствіе недавняго перехода власти въ руки Наполеона Бонапарта. Проектъ, раскритикованный Пальмерстономъ, былъ отвергнутъ, а вмѣстѣ съ нимъ пало и само министерство. Сдѣлана была попытка составить консервативный кабинетъ, но послѣдній просуществовалъ недолго; во главѣ его блистали два великіе оратора: Стенли, сдѣлавшійся графомъ Дерби, и канцлеръ казначейства, Дизраэли; опасный портфель министра иностранныхъ дѣлъ представленъ былъ лорду Мельмсбёри въ виду личной его близости съ будущимъ императоромъ Наполеономъ III; остальные члены кабинета были столь посредственными личностями, что за нимъ осталась кличка „министерство Кто-Кто“. И вотъ почему: находившемуся при смерти Веллингтону новый премьеръ сдѣлалъ визитъ; больной спросилъ у него имена его коллегъ, и эти имена были настолько неизвѣстны, что старый солдатъ переспросилъ: „Кто? Кто?..“

Вдобавокъ, оба главы кабинета расходились по основнымъ вопросамъ: лордъ Дерби принялъ власть для того, чтобы возстановить покровительственную систему, а Дизраэли твердо рѣшился похо-

ронить ее, къ великой радости каррикатуристовъ. Они представляли его то въ видѣ хамелеона, то въ видѣ прекрасной Розамунды, которой королева Кобденъ подноситъ кубокъ Свободной Торговли, то въ видѣ похороннаго служки, напившагося на похоронахъ господина Протекціонизма. Одинъ изъ лидеровъ фритредерства, нѣкій Вильерсъ, предложилъ палатѣ резолюцію, которая равносильна была выраженію порицанія протекціонизму и его защитникамъ; Дизраэли не могъ бы согласиться на это униженіе, но Пальмерстонъ позолотилъ для него пилюлю, придавши резолюціи такую безобидную форму, что она была принята всѣми (ноябрь 1852 г.), кромѣ самыхъ отъявленныхъ протекціонистовъ; въ этой измѣненной резолюціи просто констатировались благодѣянія свободной торговли.

Эфемерный консервативный кабинетъ палъ при обсужденіи бюджета. Романистъ Дизраэли серьезно работалъ надъ этой сухой матеріей, такъ что его даже изображали въ видѣ маленькаго ученика, берущаго урокъ ариѳметики; но ему не хватало дѣлового опыта, и составленная имъ роспись рушилась подъ ударами другого литератора, эллиниста и богослова Вильяма Гладстона. Такъ началась долгая парламентская дуэль этихъ двухъ людей, которые должны были оспаривать другъ у друга власть въ продолженіе тридцати лѣтъ.

1852 годъ закончился составленіемъ коалиціоннаго кабинета, въ который вошли виги и „пилиты“; главными членами этого кабинета были: премьеръ, лордъ Абердинъ; министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Россель; министръ внутреннихъ дѣлъ, Пальмерстонъ, и министръ финансовъ, Гладстонъ.

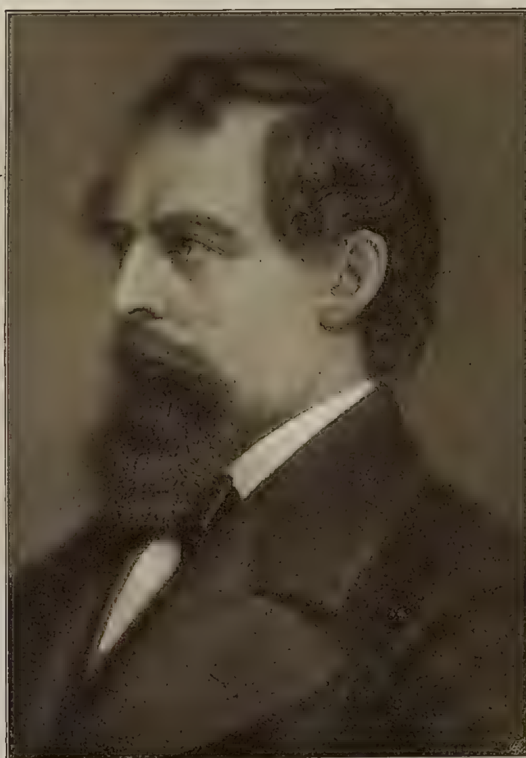
II.—Пальмерстонъ (1853—1865).

Преобладаніе вопросовъ внѣшней политики.—Наступилъ 12-ти-или 13-ти лѣтній періодъ, въ теченіе котораго на первомъ планѣ стояла крупная фигура лорда Пальмерстона. Партіи были дезорганизованы, а при такихъ условіяхъ личности начинаютъ играть болѣе выдающуюся роль; измѣнилась оріентировка общественной мысли; вчера еще она исключительно поглощена была заботами о мирѣ и надеждами на всеобщее спокойствіе и на улучшенія въ политической и соціальной области; а теперь, благодаря политикѣ царя и императора французовъ она прониклась воинственнымъ духомъ. Въ виду этого дипломатъ-патріотъ сдѣлался болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимымъ человѣкомъ; онъ не долго оставался въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ онъ долженъ былъ взять въ свои руки общее направленіе англійской политики. За Крымской войной наступило усмиреніе Индіи, затѣмъ Китайская война, далѣе итальянскія дѣла, наконецъ междоусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ; являясь ли активнымъ участникомъ въ войнѣ или сохраняя положеніе безпокойнаго нейтралитета, англиській народъ въ теченіе разсматриваемаго періода больше интересовался внѣшними, чѣмъ внутренними дѣлами. Вопросъ о глубокихъ реформахъ, особенно тѣхъ, которыя не нравились Пальмерстону, былъ отложенъ въ долгій ящикъ; однако эволюція англійской конституціонной жизни, хотя и шедшая замедленнымъ темпомъ, не прекратилась совершенно, а въ области нравовъ и въ области законодательства произошли нѣкоторыя важныя перемѣны.

Министерство Абердина (1853 г.), Крымская война и общественное мнѣніе.—Мирное настроеніе, возбужденное Всемірной выставкой, не проходило; всѣ вѣрили, что отнынѣ не будетъ больше великихъ войнъ и что кровь англичанъ и жителей континента не будетъ больше проливаться на поляхъ битвы; тонъ задавали Кобденъ, Брайтъ и руководимая ими Лига Мира, съ которыми, какъ это хорошо было извѣстно, согласны были всѣ министры.

В. Теккерей.

Ч. Диккенсъ.

Charles Dickens

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

Казалось, что общая политическая коньюнктура представляетъ удобную почву для политики реформъ; Россель подготовлялъ, конечно, парламентскую реформу, а Гладстонъ началъ составлять свои образцовые бюджеты; даже мятежный Пальмерстонъ, засѣвши въ своемъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, провелъ тамъ нѣсколько мелкихъ, но превосходныхъ реформъ.

Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ воздухѣ запахло порохомъ. Царь Николай, во время своей поѣздки въ Лондонъ въ 1844 году, а затѣмъ во время дипломатическихъ бесѣдъ и дипломатической переписки, ложно истолковалъ намѣренія англійскихъ государственныхъ людей и еще сильнѣе обманулся относительно стремленій англійскаго народа. Польскіе, итальянскіе и венгерскіе политическіе эмигранты возстановили народныя массы противъ самодержца; до Крымской войны, какъ и во время ея, демократическіе журналисты и каррикатуристы яростно нападали на Николая. Министръ-премьеръ, который терпѣть не могъ Бонапартовъ и не хотѣлъ войны, а также его мирно настроенные коллеги подвергались не лучшему обращенію; единственнымъ популярнымъ министромъ былъ Пальмерстонъ, который хотѣлъ спасти турокъ и хотѣлъ такъ, что война не на жизнь, а на смерть становилась неизбѣжной.

Увѣщанія Брайта были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: „Христіанская нація, протестантскій народъ, поклоняющійся Князю Мира, неужели твое христіанство представляетъ сказку, а твоя вѣра—сонъ?“ Первые успѣхи союзниковъ въ Крыму вызываютъ энтузіазмъ англійскаго общества, наступившая вслѣдъ затѣмъ страшная зима—негодованіе; корреспондентъ *Таймса* разоблачаетъ промахи администраціи, убивающіе больше англійскихъ солдатъ, чѣмъ русскія пули; вліяніе этой газеты достигаетъ своего апогея, тиражъ ея доходитъ до 54.000 экземпляровъ въ день при цѣнѣ номера въ 23 копейки.

Министерство Пальмерстона и результаты войны (1855—1856).—Министерство Абердина не отличалось цѣльностью и не пользовалось популярностью; положеніе кабинета уже было поколеблено поведеніемъ Пальмерстона, который, будучи недоволенъ инертностью своихъ коллегъ и реформаторскими идеями Росселя, угрожалъ своимъ выходомъ въ отставку; въ февралѣ 1855 года министерство было опрокинуто вотумомъ порицанія, и власть, естественно, перешла къ единственному министру, пользовавшемуся симпатіями публики. При всемъ томъ краснорѣчивое воззваніе Брайта произвело сильное впечатлѣніе: „Слышите ли вы полетъ ангела смерти и шумъ его крыльевъ? Онъ хватаетъ свои жертвы повсюду: въ барскомъ замкѣ, мѣщанскомъ домѣ и крестьянской хижинѣ. Отъ имени всѣхъ классовъ общества я обращаюсь къ вамъ съ торжественнымъ призывомъ. Благородный лордъ былъ уже министромъ до моего рожденія. Онъ достигъ почти предѣла человѣческой жизни. И я умоляю его остановить своимъ словомъ потоки человѣческой крови“.

Извѣстно, что Крымская война въ концѣ-концовъ увѣнчалась успѣхомъ союзниковъ, но англійская армія далеко не играла тамъ первой роли, а общественное мнѣніе находило, что Парижскій миръ заключенъ преждевременно и что наложенныя на Россію обязательства не стоили ни затраченныхъ денегъ, ни пролитой крови.

Первое литературное поколѣніе эпохи Викторіи. — Въ этомъ мѣстѣ англійскіе историки обыкновенно останавливаются для того, чтобы сдѣлать общій обзоръ писателей, давшихъ въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ этого продолжительнаго царствованія самыя замѣчательныя произведенія. Объ этихъ писателяхъ необходимо сказать нѣсколько словъ съ политической и соціальной точки зрѣнія, причемъ главное вниманіе слѣдуетъ обратить на романистовъ и историковъ.

Романисты и романистки этого періода отличаются демократическими и вмѣстѣ съ тѣмъ нравоучительными тенденціями; за ничтожными исключеніями, они не ставятъ своихъ героевъ въ феодальную обстановку, а заставляютъ ихъ дѣйствовать въ современную имъ эпоху или берутъ ихъ изъ предшествовавшаго поколѣнія. Они не замыкаются въ элегантно-аристократическую среду, а изображаютъ по большей части жизнь среднихъ классовъ или народныхъ массъ; если они и описываютъ иногда жизнь аристократіи, то для того, чтобы выставить въ отрицательномъ свѣтѣ ея смѣшныя черты и пороки. Такой характеръ имѣютъ сочиненія Теккерея и Диккенса. Страданія трудящихся классовъ, рабочаго и мѣщанскаго, послужили также темой для произведеній мистриссъ Гаскелль и Шарлотты Бронте; аналогичная нота звучитъ въ сочиненіяхъ Бульвера Литтона и Дизраэли, писателей изъ высшаго общества и съ честолюбивыми стремленіями.

Та же практическая и нравоучительная тенденція замѣчается и въ произведеніяхъ историковъ. Маколей выступаетъ передъ нами въ качествѣ вига, но именно вига-реформиста 1832 года, не больше и не меньше. Онъ надѣялся довести изложеніе историческихъ событій какъ разъ до этой великой даты; проживи онъ еще двадцать лѣтъ — и онъ успѣлъ бы осуществить свой планъ; а теперь его разсказъ останавливается на 1700 году, но въ своихъ замѣчательныхъ опытахъ онъ слегка коснулся и исторіи XVIII вѣка. Маколей, внесшій въ свою исторію пріемы оратора и страстнаго адвоката, послѣ своей смерти вызвалъ противъ себя законную реакцію; но, критикуя его произведенія, мы не должны забывать его колоссальной исторической эрудиціи. Несмотря на различіе міровоззрѣній, Карлейль походитъ на Маколея въ гораздо большей степени, чѣмъ это можно было бы ожидать; каждый изъ нихъ имѣетъ своего историческаго героя: для вига Маколея — это Вильгельмъ Оранскій, для пуританскаго Карлейля — Кромвель. Грота можно было бы скорѣе всего назвать радикаломъ-утилитаристомъ; никто до него не сумѣлъ такъ хорошо проанализировать борьбу партій въ Аѳинской республикѣ; въ немъ, какъ и въ Маколеѣ, замѣтенъ англичанинъ, жившій парламентской жизнью.

Такое же соединеніе богатой философской оригинальности съ чисто національнымъ практическимъ духомъ наблюдается у такого, напримѣръ, философа-соціолога, какъ Стюартъ Милль и у многихъ другихъ философовъ, критиковъ и поэтовъ. Мы уже указывали на поэтовъ-чартистовъ; Елисавета Броунингъ выступила въ защиту бѣдныхъ дѣтей и непризнанныхъ женскихъ правъ; одинъ лишь величайшій поэтъ разсматриваемой эпохи выдѣляется аристократической природой своего генія и своихъ сюжетовъ. Теннисонъ, возведенный въ пэры за свои литературныя заслуги, иногда воспѣваетъ суровую жизнь трудящагося класса, но прежде всего онъ является блестящимъ пѣвцомъ рыцарства. Что же касается просто талантливыхъ писателей этого періода, то перечисленіе ихъ заняло бы у насъ слишкомъ много мѣста.

Распущеніе палаты по поводу китайской войны и подавленіе возстанія въ Индіи.— Пальмерстоновскій патріотизмъ направился противъ вице-короля Кантона, Іе, который задержалъ китайское судно, незаконно поднявшее британскій флагъ. По этому поводу въ обѣихъ палатахъ произошли серьезные дебаты; старый лордъ Линдгорстъ далъ отрицательный отвѣтъ на простой вопросъ Іе: „достаточно ли китайскому судну поднять британскій флагъ, для того чтобы превратиться въ англійское судно?“ Но бывшему канцлеру и лорду Дерби не удалось сгруппировать торійскаго большинства въ верхней палатѣ; въ палатѣ общинъ атакой противъ

Дж. Ст. Милль.

Т. Карлейль.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

министерства руководили во имя своихъ принциповъ передовые либералы и сторонники мира, принадлежавшіе къ манчестерской школѣ. Консерваторы оттѣнка Дизраэли присоединились къ нимъ и оставили кабинетъ въ меньшинствѣ.

Тогда Пальмерстонъ распустилъ палату и обратился къ странѣ съ манифестомъ противъ „наглости варваровъ". Онъ удачнѣе своихъ противниковъ уловилъ настроеніе массы; избиратели не только высказались въ его пользу, но провалили всѣхъ лидеровъ партіи мира.

Ужасныя событія, которыми сопровождалось возстаніе въ Индіи и которыя передавались съ еще преувеличенными подробностями, вызвали въ Англіи не только совершенно основательное негодованіе, но иприступы настоящаго бѣшенства. Что же касается результата возстанія, то-есть упраздненія Индійской Компаніи („Iohn Company"), то оно не объяснялось, какъ нѣкоторые говорили, прихотью премьера, а требованіемъ общественнаго мнѣнія.

Орсини и кризисъ 1858 года. — Бомбы, брошенныя передъ Парижской оперой 14 января 1858 года итальянскимъ заговорщикомъ Орсини, хорошо извѣстнымъ въ Лондонѣ и высоко цѣнимымъ англійской публикой въ качествѣ политическаго лектора, убили не императора французовъ, а британское министерство. Напечатанные по безтактности въ *Монитёрѣ* адреса, называвшіе Англію лабораторіей политическихъ убійствъ, страшно возмутили общественное мнѣніе, а представленный министерствомъ и направленный противъ заговорщиковъ билль произвелъ впечатлѣніе какой-то пошлости. „Непопулярность лорда Пальмерстона, — писалъ принцъ Альбертъ, — превосходитъ всякія вѣроятія. Смѣшно слышать, когда старые его поклонники начинаютъ говорить о немъ. Въ палатѣ общинъ ему почти не дали раскрыть рта". Министръ защищался съ величайшей рѣзкостью, которая не принесла ему никакой пользы; онъ былъ низвергнутъ большинствомъ 19 голосовъ. И въ продолженіе этого періода, отмѣченнаго удивительнымъ паденіемъ его престижа, только тори въ состояніи были оставаться у власти.

Консервативная интермедія. — Второе министерство Дерби - Дизраэли провалило билль о конспираціяхъ и осуществило двѣ важныя реформы. Оно отмѣнило обязательство для депутатовъ владѣть земельной собственностью; этимъ самымъ оно покончило съ обычной плутней, выражавшейся въ томъ, что многіе кандидаты ложно объявляли себя землевладѣльцами (и всѣмъ это прекрасно было извѣстно). А затѣмъ оно рѣшило давно уже поднятый вопросъ о допущеніи евреевъ въ парламентъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Мельмсбёри, и сама королева въ письмѣ къ Наполеону III тщетно старались предотвратить итальянскую войну. Дѣло итальянскаго освобожденія, для всѣхъ очевидно связанное съ военной славой Бонапарта, еще не пользовалось особенной популярностью. Потерпѣвши неудачу съ этой стороны, консервативный кабинетъ обратился къ неизбѣжному, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неразрѣшимому вопросу объ избирательной реформѣ. Дизраэли хотѣлъ использовать къ своей выгодѣ и къ выгодѣ своей партіи реформистское движеніе, но составленный имъ законопроектъ устранилъ рабочія массы отъ пользованія избирательнымъ правомъ. Реформистскому патріарху, лорду Джону Росселю, нетрудно было его низвергнуть. Общіе выборы 1859 года, состоявшіеся въ атмосферѣ тревоги, возбужденной французскими побѣдами въ Италіи, не дали консервативному кабинету нужнаго большинства, и молодой вигъ изъ аристократическаго рода, маркизъ Гартингтонъ, заслужилъ свои первыя шпоры, опрокинувъ консервативный кабинетъ.

Послѣднее министерство Пальмерстона (1859—1865). — Для составленія новаго правительства необходимо было обратиться къ старому дипломату-патріоту, несмотря на его 75-лѣтній возрастъ; но ему нужны были выдающіеся товарищи, „министерство всѣхъ талантовъ", можно сказать, почти всѣхъ партій. Въ области внутренней политики премьера можно было признать консерваторомъ; рядомъ съ нимъ должны были стать знаменитый вигъ и знаменитый „пилитъ": Гладстонъ въ министерствѣ финансовъ и Россель въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Послѣдній представилъ, конечно, билль объ избирательной реформѣ, о которой онъ по самому своему темпераменту не могъ не заговаривать періодически; но въ тотъ моментъ онъ главнымъ образомъ озабоченъ былъ осуществленіемъ принципа „Италія для итальянцевъ"; и въ этой области ему нѣсколько разъ удавалось разрушить планы Наполеона.

Волонтеры и торговый договоръ 1860 года.—Императоръ, къ которому Пальмерстонъ такъ хорошо относился и изъ-за котораго онъ дважды лишился власти, со времени присоединенія Ниццы и Савойи внушалъ ему только недовѣріе. И министръ принялъ мѣры къ огражденію Англіи отъ французскаго нашествія, организовавши фортификаціонныя работы и сформировавши корпусъ волонтеровъ.

Это не помѣшало министерству Пальмерстона заключить съ Наполеономъ III торговый договоръ, но послѣдній былъ дѣломъ не столько премьера, сколько Гладстона и Кобдена. Не имѣя никакого оффиціальнаго титула, Кобденъ, незадолго до того отказавшійся отъ предложеннаго ему портфеля министра торговли, пользовался за послѣдніе годы колоссальнымъ авторитетомъ, а въ Тюильри онъ былъ принятъ какъ уполномоченный англійскаго народа по экономическимъ дѣламъ. Ни англійскій народъ, ни парламентскіе представители не очень-то единодушно одобряли этотъ договоръ; фабриканты, задѣтые въ своихъ интересахъ, старые противники свободной торговли и Манчестерской школы, шовинистически настроенные моралисты, испуганные опасностью, которая грозила англійскимъ добродѣтелямъ отъ бордосскаго вина,— всѣ они составили коалицію, но не могли устоять передъ ораторскимъ талантомъ канцлера казначейства, Гладстона.

Пониженіе налога на бумагу.—Продолжая неуклонно эволюціонировать въ сторону прогрессивнаго либерализма, Гладстонъ предложилъ отмѣну налога, нѣкогда введеннаго не столько съ фискальными, сколько съ консервативными цѣлями. Обложеніе бумаги высокимъ сборомъ дѣлало рѣшительно невозможнымъ появленіе дешевыхъ газетъ; а между тѣмъ многія лица, даже преданныя либеральнымъ принципамъ, считали полезнымъ сохранить высокую цѣну газетъ для того, чтобы предохранить ихъ отъ превращенія въ демагогическіе или порнографическіе листки. Кромѣ того налогъ, уплачиваемый владѣльцами бумажныхъ фабрикъ и перелагаемый ими на публику съ ростовщическими процентами, не столько стѣснялъ ихъ, сколько давалъ имъ возможность быстро наживать состояніе, и представители ихъ интересовъ въ парламентѣ желали сохранить эту монополію.

Поэтому, хотя многіе политическіе дѣятели, признававшіе воспитательное значеніе прессы, хотѣли удешевить газеты и такимъ образомъ сдѣлать ихъ общедоступными, предложенная Гладстономъ реформа прошла при самомъ ничтожномъ большинствѣ голосовъ; въ виду этого лорды, подъ вліяніемъ 90-лѣтняго старца Линдгорста, сочли себя въ правѣ отвергнуть законопроектъ. Вопросъ соціальной политики осложнился конституціоннымъ вопросомъ: имѣетъ ли палата, составленная изъ наслѣдственныхъ членовъ, право возстановлять налогъ, отмѣненный палатой, состоящей изъ избираемыхъ депутатовъ?

Радикальные писатели заговорили о необходимости разогнать лордовъ и выбросить въ Темзу обломки верхней палаты; но масса общества не доходила до такихъ рѣзкостей; она обсуждала вопросъ съ величайшей живостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ не теряя хладнокровія. На многочисленныхъ митингахъ, состоявшихся по этому поводу, ораторы избѣгали выраженій, оскорбительныхъ для пэровъ; при этомъ предполагалось, что послѣдніе больше не позволятъ себѣ подобныхъ выходокъ. И, дѣйствительно, реформа прошла въ слѣдующемъ году.

Партіи и американская междоусобная война (1861—1865).—Экономическіе интересы, господствовавшіе въ теченіе этого періода, потерпѣли тяжкій кризисъ во время войны между сѣверными и южными штатами Сѣверной Америки. Высшіе и средніе слои англійскаго общества, на словахъ признававшіе аболиціонистскіе принципы, фактически склонялись на сторону южныхъ рабовладѣльческихъ штатовъ. Это обстоятельство объясняется нѣсколькими причинами; во-первыхъ, англичане не вѣрили въ искренность сѣверянъ, въ виду ихъ крайне пренебрежительнаго отношенія ко всякому человѣку, имѣвшему у основанія ногтя черное пятно; а затѣмъ, южные плантаторы были джентльменами и добывали (средствами, пожалуй, вызывавшими сожалѣніе) хлопокъ, необходимый для нормальнаго теченія англійской экономической жизни. Югъ, придерживавшійся принциповъ свободной торговли, открывалъ обширный рынокъ для англійскихъ продуктовъ, тогда какъ сѣверные федералисты старались развить собственную индустрію и являлись сторонниками протекціонизма.

Промахъ одного американскаго офицера чуть было не сыгралъ роль искры, брошенной въ бочку пороха; онъ захватилъ на англійскомъ суднѣ ѣхавшихъ въ Европу лицъ, посланныхъ южнымъ правительствомъ для дипломатическихъ переговоровъ; къ счастью, президентъ Линкольнъ поспѣшилъ выразить свое порицаніе поступку этого офицера; принцъ Альбертъ, находившійся тогда на смертномъ одрѣ, оказалъ своему второму отечеству послѣднюю услугу, попросивши смягчить выраженія составленной въ очень рѣзкомъ тонѣ депеши. Но англичане допустили еще болѣе серьезное нарушеніе нейтралитета, позволивши построить на Биркенгедскихъ верфяхъ военный крейсеръ для южныхъ штатовъ. Грозный „Алабама“ нанесъ огромныя потери торговому флоту сѣверянъ. Тѣмъ временемъ „хлопковый голодъ“ причинилъ жестокія страданія промышленному населенію Ланкашира; но рабочіе вели себя замѣчательно, не позволяя себѣ выступать противъ антирабовладѣльческой демократіи, защитницы праваго дѣла.

Датскія дѣла.—Пальмерстонъ со старческимъ упрямствомъ рѣшительно высказывался пока противъ какого бы то ни было расширенія избирательнаго права, потому что „я не дуракъ“, говаривалъ онъ грубо. Рѣшившись не отравлять его послѣднихъ дней, нація согласилась, подобно премьеру, сосредоточить все свое вниманіе на вопросахъ внѣшней политики. Въ то время въ Европѣ совершились два серьезныхъ событія: во-первыхъ, Польша истекала кровью въ послѣднемъ возстаніи, а во-вторыхъ, обѣ великія нѣмецкія державы старались раздавить Данію. Англійское общественное мнѣніе, безъ всякаго сомнѣнія настроенное въ пользу Польши, тѣмъ не менѣе обнаруживало столь же мало желанія, какъ и Пальмерстонъ, открыто выступить въ ея защиту, даже совмѣстно съ Франціей.

Напротивъ, оно даже и безъ Франціи готово было вмѣшаться въ датскія дѣла и недовольно было министерствомъ иностранныхъ дѣлъ главнымъ образомъ за его неустойчивую политику, которая способна была внушить симпатичной маленькой странѣ тщетныя надежды. 4 іюля 1864 г.

Дизраэли напалъ на министерство, обвиняя его въ томъ, что оно компрометируетъ честь Британіи. „Мы не должны сначала угрожать, а затѣмъ отступать передъ рѣшительными дѣйствіями. Мы не должны вводить въ заблужденіе своихъ союзниковъ, внушая имъ ожиданія, которыхъ мы не хотимъ исполнить; намъ говорятъ, что эта страна не имѣетъ союзниковъ, что она не въ силахъ ничего предпринять. Подобныя слова не должны произноситься, ни даже мыслиться англійскимъ министромъ". Тогда старый „Памъ" произнесъ свою послѣднюю большую рѣчь, одну изъ самыхъ искусныхъ своихъ рѣчей, причемъ онъ не столько говорилъ о Даніи, сколько о финансовомъ талантѣ Гладстона и объ опасности возвращенія тори къ власти. Этими словами онъ привлекъ на свою сторону прогрессивныхъ либераловъ и добился незначительнаго, но достаточнаго большинства.

Симптомы либеральной реакціи (1864).— Въ послѣдній годъ пребыванія Пальмерстона у власти застой во внутреннихъ дѣлахъ не былъ уже такимъ безусловнымъ, какъ прежде. Главный товарищъ Пальмерстона по министерству, Гладстонъ, все больше склонялся къ радикализму; онъ подалъ сигналъ къ торжественной встрѣчѣ Гарибальди, котораго привѣтствовали всѣ англичане, одни—какъ патріота, другіе—какъ революціонера, а третьи—какъ противника папы. При обсужденіи одного предложенія, внесеннаго сторонниками избирательной реформы, Гладстонъ произнесъ слѣдующія многозначительныя слова: „Тѣ, кто хочетъ исключить отъ участія въ выборахъ тридцать девять рабочихъ изъ сорока, должны еще доказать негодность, неспособность и испорченность рабочаго класса. Всякій человѣкъ, не признанный опаснымъ или неправоспособнымъ, имѣетъ право оказывать вліяніе на функціонированіе государственнаго механизма". По поводу одного предложенія, касавшагося ирландской церкви, онъ сказалъ, что послѣдняя обслуживаетъ только ничтожную часть населенія. Оба эти вопроса должны были въ близкомъ будущемъ выдвинуться на первую очередь.

Выборы 1864 года доставили либеральной партіи много новыхъ депутатовъ, въ томъ числѣ философа Стюарта Милля; фракція, руководимая Брайтомъ, усилилась, равно какъ и фракція, руководимая Гладстономъ.

Всемогущему министру трудно было бы справиться съ новой палатой; но его счастливая звѣзда избавила его отъ этого испытанія и пресѣкла его карьеру въ разгарѣ популярности. Могучій восьмидесятилѣтній старецъ, наканунѣ еще галопировавшій верхомъ на конѣ, внезапно захворалъ и скончался почти безъ всякихъ страданій.

III. Вторая Реформа и великое либеральное министерство (1865—1872).

Перетасовка партій и успѣхи рабочаго движенія.—Парламентъ, личный составъ котораго въ значительной степени измѣнился, вернулся къ традиціонной, но скомпрометированной расколомъ 1846 года, системѣ двухъ большихъ, сильно организованныхъ и дисциплинированныхъ партій, либеральной и консервативной. Великимъ вождемъ прогрессивной либеральной партіи былъ безусловно бывшій „пилитъ" Гладстонъ, подъ руководствомъ котораго выступали фритредеръ Брайтъ рядомъ съ новыми дѣятелями, какъ Форстеръ и Стансфельдъ. Въ верхней палатѣ въ защиту либеральныхъ принциповъ выступали старый Россель и герцогъ Аргайль, два славныхъ представителя стараго вигизма. Торизмъ, располагавшій огромной силой въ палатѣ лордовъ, гдѣ имъ руководилъ графъ Дерби, значительно усилился въ палатѣ общинъ, гдѣ во главѣ консервативной партіи стоялъ Дизраэли;

къ ней примыкали такіе депутаты, какъ сэръ Стаффордъ Норткотъ, Гюгъ Кэрнсъ, Гетарнъ Гарди, лордъ Робертъ Сесиль, будущій маркизъ Сольсбёри.

А между тѣмъ Англія пережила глубокую перемѣну. За послѣднія двадцать или двадцать пять лѣтъ численность и сила рабочаго класса возросли; наступилъ моментъ, когда становилось необходимымъ предоставить имъ официіальное мѣсто въ старомъ конституціонномъ зданіи и отмѣнить вызывающіе и репрессивные законы, тяготѣвшіе еще надъ рабочими. Естественный ходъ событій тѣсно связалъ экономическій и политическій прогрессъ класса фабричныхъ рабочихъ, причемъ каждая изъ обѣихъ этихъ формъ одновременно являлась и причиной и слѣдствіемъ.

Съ 1844 года эволюція нравовъ и законодательства совершалась въ ихъ пользу. Начавши лучше одѣваться и питаться благодаря росту заработной платы и даже начавши (что было совершенно новымъ явленіемъ) откладывать сбереженія про черный день, рабочіе такимъ образомъ облегчили работу общественной благотворительности и судебныхъ учрежденій; за двадцать лѣтъ число лицъ, наказанныхъ по суду и прибѣгавшихъ къ общественной благотворительности, уменьшилось на цѣлую треть. А съ 1832 года число цензитарныхъ избирателей низшаго разряда возросло также на треть.

Рабочіе Союзы (1832—1871).— Мы уже видѣли[1]), какъ мало симпатіи проявили по отношенію къ народу и къ бѣднякамъ средніе классы, въ руки которыхъ попала власть послѣ первой парламентской реформы. Буржуазія, промышленная и всякая другая, а также представлявшее ея интересы либеральное правительство объявили въ 1833 году, что всякій рабочій союзъ представляетъ противозаконное сообщество заговорщиковъ; дѣло шло о подавленіи „трэдъ-юніоновъ", организованныхъ Робертомъ Оуэномъ въ масонскій союзъ.

Со времени произведенныхъ Робертомъ Пилемъ реформъ рабочіе мирно улучшали свое положеніе путемъ соглашеній съ хозяевами; но прежде всего они хотѣли столковаться между собою, по ремесламъ и районамъ, затѣмъ объединить различные профессіональные и районные союзы, и этой цѣли имъ удалось достигнуть вопреки и противъ господствующихъ классовъ. Всѣ благоразумные государственные люди признавали, что наступилъ моментъ предоставить широкимъ слоямъ рабочаго класса парламентское избирательное право.

Министерство Росселя-Гладстона и избирательная реформа.—Раньше, чѣмъ приступить къ осуществленію этого серьезнаго вопроса, либеральное министерство должно было переорганизоваться. Эта операція, произведенная съ большимъ трудомъ, имѣла эфемерный характеръ; премьеромъ сдѣлался престарѣлый графъ Россель, министромъ иностранныхъ дѣлъ—Кларендонъ; Гладстонъ остался министромъ финансовъ, а въ палатѣ общинъ руководящая роль принадлежала Форстеру, Гошену и Лайярду. Тронная рѣчь обращала вниманіе парламента „на измѣненія, которыя слѣдуетъ внести въ избирательное законодательство для укрѣпленія нашихъ свободныхъ учрежденій и повышенія благосостоянія въ странѣ".

Но проектъ Гладстона не отличался достаточной широтой какъ разъ въ той области, которая нуждалась въ реформѣ; пониженіе ценза не было настолько значительно, чтобы привлечь къ избирательнымъ урнамъ большое число рабочихъ. Эти полумѣры раздражали всѣхъ и вызвали дробленіе партій на фракціи, ни къ чему не приводившее и порождавшее только смуту въ умахъ. Противники демократіи рукоплескали суровымъ рѣчамъ Лоу, который самъ былъ перебѣжчикомъ

[1]) См. томъ IV, стр. 21.

изъ либеральнаго лагеря и сгруппировалъ вокругъ себя другихъ перебѣжчиковъ, испуганныхъ успѣхами рабочаго движенія. „Какъ нѣкогда Давидъ въ пещерѣ Адулламской,—сказалъ ему Брайтъ,—вы обратились съ призывомъ ко всѣмъ недовольнымъ". Либералы, диссиденты получили кличку *адулламитовъ*. Въ концѣ-концовъ билль и вмѣстѣ съ нимъ кабинетъ пали, благодаря поправкѣ, внесенной однимъ министерскимъ депутатомъ.

Третье министерство Дерби-Дизраэли и агитація.—Въ послѣдній разъ краснорѣчивый графъ и честолюбивый романистъ вмѣстѣ становились у власти, принужденные роковой необходимостью сдѣлать шагъ, за который они такъ страстно упрекали нѣкогда Роберта Пиля, а именно порвать съ традиціями своей партіи.

Такъ какъ часть консервативнаго кабинета и въ томъ числѣ его глава упорно пытались закрывать глаза на эту необходимость, то публика рѣшила заставить ихъ взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности. Началась агитація въ пользу избирательной реформы, носившая на этотъ разъ скорѣе рабочій, чѣмъ буржуазный характеръ, и организованная сначала въ Лондонѣ, а затѣмъ во всѣхъ графствахъ секретарями трэдъ-юніоновъ. Состоявшійся въ Трафальгарскомъ скверѣ митингъ объявилъ палату, выбираемую меньшинствомъ населенія, нарушеніемъ духа конституціи, выразилъ порицаніе выраженіямъ, употребляемымъ нѣкоторыми консерваторами или псевдо-либералами по адресу рабочаго класса, и потребовалъ предоставленія избирательнаго права всѣмъ совершеннолѣтнимъ мужчинамъ, имѣющимъ постоянное мѣстожительство.

Другой митингъ былъ созванъ въ Гайдъ-паркѣ; правительство, желавшее помѣшать этому собранію, имѣло глупость запереть ворота, но толпа выломала рѣшетки, и Лондонъ на нѣсколько часовъ принялъ видъ возставшаго города. Министръ рѣшилъ не повторять своей ошибки и позволить народу пользоваться старинными, нѣсколько шумными вольностями.

Вторая избирательная реформа (1867).—Дизраэли, который, благодаря преклонному возрасту и усталости лорда Дерби, сдѣлался настоящимъ главой правительства, сумѣлъ понять, что реформы требуетъ гласъ народа. Онъ приводилъ палату и всю націю въ веселое настроеніе своимъ оригинальнымъ методомъ, который заключался въ томъ, что министръ не вмѣшивался въ пренія до тѣхъ поръ, пока борьба мнѣній не приводила къ извѣстному результату; не зная напередъ, къ какому именно результату приведутъ дебаты, онъ на всякій случай держалъ наготовѣ нѣсколько проектовъ, оставляя за собой право въ надлежащій моментъ вытащить изъ кармана наиболѣе подходящій проектъ.

Оказалось, что вытащенный имъ проектъ, который онъ навязалъ и либераламъ, и своимъ друзьямъ, своимъ либерализмомъ далеко оставлялъ за собой всѣ до тѣхъ поръ дѣлавшіяся предложенія, за исключеніемъ всеобщаго избирательнаго права радикаловъ и чартистовъ. Поэтому каррикатуристы изображали Дизраэли въ видѣ жокея, обгоняющаго на своей лошади „*Reform-Bill*" жокея Гладстона и даже жокея Брайта и берущаго такимъ образомъ первый призъ. Эти каррикатуры вполнѣ соотвѣтствовали истинѣ. Ограниченія падали одно за другимъ; и въ окончательномъ своемъ видѣ законъ, хотя и оставлялъ нетронутыми главныя основы англійской избирательной системы, создалъ англійскую, главнымъ образомъ, рабочую демократію.

И, дѣйствительно, съ одной стороны сохранилось различіе между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, причемъ то и другое были представлены въ парламентѣ далеко не равномѣрно: 125 депутатовъ отъ графствъ представляли 12 милліоновъ душъ, а 158 депутатовъ—7 милліоновъ

душъ; 230 депутатовъ отъ небольшихъ городовъ представляли 3 милліона душъ, а 130 депутатовъ отъ крупныхъ городовъ представляли 11 милліоновъ душъ. Масса англійскаго народа, особенно въ сельскихъ округахъ, лишена была избирательнаго права. Съ другой стороны, послѣднія „гнилыя мѣстечки" были уничтожены въ пользу графствъ и возросшихъ городовъ.

Даже въ сельскихъ округахъ пониженіе ценза до 12 фунтовъ арендной платы для краткосрочныхъ арендаторовъ и до 5 фунтовъ для собственниковъ или долгосрочныхъ арендаторовъ увеличило число избирателей на одну треть. А въ городахъ предоставленіе избирательнаго права всѣмъ жителямъ, платящимъ налогъ для бѣдныхъ, и всѣмъ лицамъ, платящимъ за квартиру не менѣе 10 фунтовъ въ годъ, увеличило число избирателей втрое.

Феніи и Ирландская церковь.—Послѣ того, какъ требованія населенія Великобританіи были удовлетворены (число избирателей въ Шотландіи увеличено было въ еще большей пропорціи, чѣмъ въ Англіи), на первый планъ выдвинулись ирландскіе вопросы, снова получившіе съ 1867 года все свое серьезное значеніе. Собственно говоря, все время огонь только тлѣлъ подъ пепломъ, а въ истекшій періодъ сложилось въ глубокой тайнѣ грозное народное общество *феніевъ*. Феніи, въ которыхъ анархическій элементъ преобладалъ надъ католическимъ, значительно усилились во время американской междоусобной войны, гдѣ ирландскіе офицеры и солдаты играли блестящую роль. По возстановленіи мира многіе изъ нихъ подъ ложными именами возвратились на родину или даже въ Англію, для того чтобы вступить въ борьбу съ наслѣдственнымъ врагомъ. Попытка возстанія закончилась только казнью нѣсколькихъ инсургентовъ; желая освободить другихъ своихъ сообщниковъ, содержавшихся въ Лондонѣ въ Клеркенвельской тюрьмѣ, феніи сдѣлали попытку взорвать это зданіе.

Эти покушенія убѣдили Гладстона въ необходимости не подавлять Ирландію, а дать удовлетвореніе религіознымъ и экономическимъ требованіямъ ирландцевъ. Депутатъ Милль говорилъ: „Если капитанъ корабля постоянно наказываетъ своихъ матросовъ, а школьный учитель—своихъ учениковъ, то это доказываетъ, что оба они никуда не годятся"—и эту параболу онъ примѣнялъ къ политикѣ англійскаго правительства въ Ирландіи. Гладстонъ видѣлъ въ привилегіяхъ англиканской церкви на этомъ островѣ старое злоупотребленіе, которое прежде всего необходимо было искоренить.

Министерство Дизраэли (1868).—Этому вопросу суждено было послужить камнемъ преткновенія для консерваторовъ. Въ февралѣ 1868 года лордъ Дерби по нездоровью вышелъ въ отставку и во главѣ министерства оффиціально сталъ Дизраэли, добившійся наконецъ поста премьера послѣ тридцатилѣтнихъ усилій. Такъ какъ Россель окончательно распрощался съ властью, то отнынѣ борьба за власть происходила между Дизраэли и Гладстономъ. Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ во главѣ правительства въ силу необходимости стояли тотъ или другой изъ этихъ министровъ.

30 марта Гладстонъ открылъ наступленіе, предложивши рядъ резолюцій, клонившихся къ лишенію протестантской епископальной церкви въ Ирландіи характера государственной церкви; осуществленіе этой мѣры въ Ирландіи привело бы къ американскому режиму отдѣленія церкви отъ государства. Такъ какъ послѣ продолжительныхъ преній большинство высказалось за предложеніе Гладстона, то кабинетъ прибѣгнулъ къ распущенію палаты; къ этой мѣрѣ слѣдовало во всякомъ случаѣ обратиться рано или поздно, такъ какъ необходимо было испытать на дѣлѣ новую избирательную систему.

Образованіе великаго министерства Гладстона.—Избиратели, призванные къ по-

литической жизни консерваторами, высказались за либераловъ, впрочемъ, не всѣ и не повсюду, такъ какъ Дизраэли удалось основать демократическій торизмъ, которому суждено было сыграть впослѣдствіи серьезную роль. Съ этого момента замѣчаются успѣхи консерваторовъ въ промышленныхъ центрахъ Ланкашира, гдѣ прежде средніе классы всегда выбирали виговъ. Самъ Гладстонъ потерпѣлъ тамъ пораженіе, но прошелъ въ Гринвичѣ; а въ всемъ королевствѣ онъ получилъ солидное большинство въ 120 голосовъ. Общественное мнѣніе полагало, что за второй избирательной реформой, какъ и за первой, долженъ послѣдовать рядъ либеральныхъ законовъ и, по общему мнѣнію, честь проведенія этихъ реформъ, равно какъ отвѣтственность за нихъ, должна принадлежать главному штабу либеральной партіи.

Не дожидаясь безполезнаго парламентскаго боя, Дизраэли уступилъ власть Гладстону и его лейтенанту Форстеру (декабрь 1868 года). Брайтъ взялъ портфель министра торговли: лордъ Кларендонъ, герцогъ Аргайль, Лайярдъ, канцлеръ Гатерлей, наряду съ вышеупомянутыми министрами, были главными членами этого замѣчательнаго кабинета, который много обѣщалъ и еще больше сдержалъ.

Ирландскіе законы (1869—1870).—Прежде всего необходимо было рѣшить оставленный въ тѣни церковный вопросъ. Правительство не предлагало сразу уничтожить „установленную“ въ Ирландіи церковь, а лишить ее оффиціальныхъ привилегій и поставить ее въ одинаковое положеніе съ пресвитеріанской церковью и съ католической церковью, признаваемой большинствомъ населенія. Законъ оставлялъ ей значительную часть ея имуществъ и всѣ ея зданія; другая часть церковныхъ имуществъ предназначалась на пособіе остальнымъ двумъ ирландскимъ церквамъ, на поддержку благотворительныхъ учрежденій и на выплату вознагражденія нѣкоторымъ лицамъ, терявшимъ извѣстныя права.

Этотъ законопроектъ подвергся яростнымъ нападкамъ въ обѣихъ палатахъ, гдѣ оппозиція называла его грабительскимъ; если убѣжденные англиканцы съ такой энергіей защищали „экзотическое растеніе, требовавшее такихъ издержекъ, а между тѣмъ не приносившее плодовъ“, то это потому, что они опасались, какъ бы церковь въ Англіи не подверглась той же участи, что и въ Ирландіи. „Вы отвергаете,—воскликнулъ лордъ Дерби,—тотъ великій принципъ, что англиканская церковь есть государственная церковь въ странѣ, этотъ основной принципъ нашей конституціи. Вы дѣлаете рѣшительный шагъ въ сторону уравненія всѣхъ сектъ“.

Карикатуристы изображали священниковъ обоихъ островов въ видѣ сіамскихъ близнецовъ; хирургъ Гладстонъ собирается своимъ ножомъ отдѣлить ихъ другъ отъ друга и успокаиваетъ встревоженнаго Джона Булля относительно послѣдствій этой операціи. Неизвѣстно, успокоилась ли, или нѣтъ палата лордовъ, но она вслѣдъ за палатой общинъ рѣшилась допустить ее, причемъ умирающій лордъ Дерби сдѣлалъ послѣднее усиліе въ пользу ирландскихъ протестантовъ, которые „такъ же, какъ и вы, привязаны къ протестантской вѣрѣ, которые за эту вѣру проливали свою кровь при Вильгельмѣ Освободителѣ,—эти люди, которыхъ вы призвали для колонизаціи Ирландіи и которые превратили Ульстерскую пустыню въ цвѣтущую область“.

Кромѣ того, въ цѣляхъ экономическаго умиротворенія Ирландіи, Гладстонъ провелъ въ 1870 году Земельный Билль (*Land Act*) [1]).

Законъ о народномъ образованіи.—Послѣ того, какъ избирательная реформа была проведена, одинъ противникъ ея сказалъ:

---

[1]) См. ниже, томъ VII, главу „Соединенное королевство Великобританія и Ирландія“.

„Въ настоящее время къ политической жизни призваны рабочіе, маленькіе люди, то-есть большинство; поэтому для насъ настоятельной необходимостью является теперь просвѣщеніе нашего новаго властелина“. Проникнутый этой мыслью министръ Форстеръ 17 февраля 1870 года внесъ законопроектъ, имѣвшій цѣлью установить обязательное посѣщеніе школы дѣтьми отъ пятилѣтняго до двѣнадцатилѣтняго возраста. Правительство передавало свою власть мѣстнымъ школьнымъ комитетамъ (*school boards*), выбираемымъ плательщиками налоговъ; родители могли посылать своихъ дѣтей или въ общественныя школы (*board schools*), нейтральныя въ религіозномъ отношеніи, или въ частныя, обыкновенно конфессіональныя, школы (*voluntary schools*), если только государственная инспекція признаетъ школьныя помѣщенія здоровыми, а преподаваніе въ нихъ хорошимъ. Комитеты могли требовать, чтобы въ бѣдныхъ мѣстностяхъ преподаваніе было безплатнымъ; но по возможности, кромѣ мѣстныхъ налоговъ и государственной субсидіи, отпускавшейся также вольнымъ *школамъ*, устанавливался особый налогъ на постройку и содержаніе школъ.

Нонконформисты требовали, чтобы общественныя школы носили безусловно свѣтскій характеръ, такъ какъ религіозное воспитаніе, которымъ они дорожили не меньше кого бы то ни было другого, должно было, по ихъ мнѣнію, даваться въ церквахъ. Но англиканское большинство ни въ коемъ случаѣ не соглашалось на осуществленіе этого радикальнаго плана; поэтому придумана была средняя мѣра: Библія читалась учителемъ, а священнослужитель преподавалъ религіозные догматы въ школѣ, но внѣ классныхъ занятій. Законъ о первоначальномъ образованіи (*Education Act*) возбудилъ много споровъ, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ далъ сильный толчокъ народному образованію.

Военные чины (1871).—До тѣхъ поръ офицеръ, выходя изъ полка, передавалъ свой чинъ своему преемнику, подобно тому какъ во Франціи передается контора нотаріуса, и также за деньги; купивши самъ свой чинъ за деньги, офицеръ старался перепродать его съ возможно большей прибылью. Эта система поддерживала въ англійской арміи аристократическій или, лучше сказать, плутократическій духъ и приводила въ отчаяніе бѣдныхъ офицеровъ. Военный министръ Кардвелль предложилъ отмѣнить этотъ обычай и установить производство въ чины только по заслугамъ; выплата вознагражденія лицамъ, интересы которыхъ нарушались новымъ порядкомъ, принималась на счетъ казны. Съ трудомъ проведенная въ палатѣ общинъ, эта реформа была отвергнута палатой лордовъ.

Тогда Гладстонъ рѣшился сдѣлать серьезный шагъ, а именно обойтись безъ помощи парламента. Корона, говорилъ онъ, установила этотъ порядокъ, не обращаясь къ законодательному содѣйствію палатъ; поэтому она въ правѣ уничтожить работу собственныхъ рукъ. И премьеру удалось убѣдить королеву прибѣгнуть къ этому непредусмотрѣнному пользованію королевской прерогативой.

Тайная подача голосовъ (1872).—Другимъ злоупотребленіемъ, носившимъ чисто національный характеръ, являлась система открытой баллотировки. Послѣ ряда реформъ (въ перспективѣ вырисовывалась уже третья реформа), предоставившихъ избирательное право широкимъ массамъ экономически зависимыхъ избирателей, невозможно было оставить въ силѣ старый порядокъ устнаго голосованія; дарованіе избирательнаго права рабочему, котораго хозяинъ, въ случаѣ подачи имъ голоса за кандидата противной партіи, могъ на слѣдующій день выгнать на улицу, звучало горькой насмѣшкой. Историкъ Гротъ давно уже боролся противъ этой устарѣлой системы съ упорствомъ, достойнымъ Вильберфорса.

Ballot Act установилъ закрытую баллотировку, окруживши ее цѣлымъ рядомъ предосторожностей въ интересахъ обезпеченія дѣйствительной тайны голосованія. Принята была система, придуманная демократической колоніей Викторіей, въ Австраліи; избирательное бюро печатаетъ общій бюллетень, на которомъ написаны имена всѣхъ кандидатовъ; избиратель получаетъ одинъ экземпляръ этого бюллетеня и, удалившись въ закрытое помѣщеніе, отмѣчаетъ карандашомъ желательное ему имя (или имена). Всѣ усилія оппозиціи въ обѣихъ палатахъ не могли помѣшать принятію этого важнаго закона.

Великое либеральное министерство успѣло за короткое время демократизировать школу, армію и избирательную систему.

Глава XI.

Королевства Бельгія и Нидерланды.

1848—1870.

Послѣ 1839 года королевства Бельгія и Нидерланды раздѣлились окончательно. Въ Нидерландахъ періодъ войнъ и переговоровъ кончился; интересъ представляетъ только внутренняя исторія. Она характеризуется какъ въ томъ, такъ и въ другомъ королевствѣ господствомъ либеральной партіи.

I.—Королевство Бельгія.

Переходъ власти въ руки либераловъ.— Общіе выборы 8 іюня 1847 года обезпечили либераламъ большинство въ палатѣ и заставили короля вручить власть вполнѣ либеральному министерству съ Шарлемъ Рожье во главѣ [1]). Это было ново: съ 1830 года установился обычай брать министровъ одновременно изъ обѣихъ партій, и огромное большинство депутатовъ одобряло этотъ способъ, называвшійся „объединительной политикой". Эта политика была поколеблена въ 1842 году, когда бельгійскія палаты приняли единогласно противъ трехъ голосовъ законъ, объявлявшій обязательнымъ религіозное обученіе въ начальной школѣ и передававшій его въ вѣдѣніе церкви: либералы, недовольные новымъ закономъ, сплотились, чтобы привлечь на свою сторону большинство избирателей. *Либеральный союзъ*, общество, основанное въ 1841 году, созвалъ въ 1846 г. конгрессъ либеральныхъ ассоціацій въ брюссельской ратушѣ по инициативѣ гросмейстера бельгійскихъ франкъ-масоновъ, Дефака, совѣтника Кассаціонной палаты. Собраніе приняло слѣдующую программу: 1) избирательная реформа въ смыслѣ пониженія ценза и введенія дополнительнаго образовательно-профессіональнаго ценза „до границъ, установленныхъ конституціей"; 2) дѣйствительная независимость гражданской власти (по отношенію къ церкви); 3) организація народнаго образованія высшаго, средняго и низшаго подъ исключительнымъ руководствомъ гражданской власти, причемъ послѣдней должны быть предоставлены всѣ конституціонныя средства для успѣшной конкурренціи съ частными учебными заведеніями и устранено формальное вмѣшательство духовенства въ народное обученіе, организованное гражданской властью; 4) отмѣна реакціонныхъ законовъ; 5) увеличеніе числа депутатовъ и сенаторовъ до пропорціи 1 депутата на каждые 40.000 человѣкъ и 1 сенатора на 80.000; 6) улуч-

[1]) См. т. III, стр. 223.

шенія, которыхъ безусловно требуетъ положеніе рабочихъ и неимущихъ классовъ. — Эта программа, принятая либеральными кандидатами, восторжествовала на выборахъ 1847 года. Леопольдъ I не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы помѣшать либеральной пропагандѣ. Луи Филиппъ совѣтовалъ ему послѣ конгресса 1846 года закрыть *Либеральный союзъ*. Бельгійскій король отказался отъ политики сопротивленія; онъ предоставилъ избирателямъ свободно высказаться, и послѣ выборовъ 1847 года составилъ кабинетъ изъ либеральнаго большинства.

Отраженіе революціи 1848 года.—Либеральному министерству, съ Шарлемъ Рожье во главѣ, пришлось улаживать затрудненія, возникшія благодаря французской революціи 24 февраля 1848 года. Либералы рѣшили поддерживать короля и конституцію. Одинъ изъ нихъ воскликнулъ въ парламентѣ: „Чтобы совершить кругосвѣтное путешествіе, свободѣ нѣтъ нужды проѣхать черезъ Бельгію". Бельгійскій народъ оставался безучастнымъ. Только нѣсколько республиканцевъ, прибывшихъ изъ Франціи съ оружіемъ и знаменами, пытались занести въ Бельгію революцію; вооруженная сила воспрепятствовала ихъ переходу черезъ границу: эта стычка извѣстна подъ названіемъ „Risquons-tout" (28 марта 1848 года). Такимъ образомъ бельгійское королевство избѣжало революціи, но оно испытало послѣдствія кризиса, вызваннаго ею. Множество рабочихъ оставалось безъ работы, бельгійскія бумаги пали на 50%. Чтобы поддержать порядокъ, правительство реорганизовало гражданскую стражу. Оно потребовало себѣ кредитъ въ 1.300.000 фр. на общественныя работы, которыя оказали бы поддержку безработнымъ, сдѣлало два займа въ 12 и 25 милліоновъ, наконецъ установило принудительный курсъ на билеты двухъ главныхъ банковъ на сумму до 50 милліоновъ.

Пониженіе ценза для всѣхъ выборовъ.— Въ то же время министерство Рожье привело въ исполненіе одно изъ главныхъ обѣщаній 1846 года, именно избирательную и парламентскую реформу. Цензъ былъ пониженъ до 20 флор. или 42 фр. 32 сант. прямыхъ налоговъ (12 марта 1848 г.) и число городскихъ избирателей возросло съ 16.360 до 33.600, между тѣмъ какъ число сельскихъ избирателей увеличилось только приблизительно на треть. Эта реформа была очень выгодна для либеральной партіи, опиравшейся главнымъ образомъ на города; но умѣренные либералы уже и ее находили слишкомъ демократичной. „При такой таксѣ,—сказалъ Фреръ Орбанъ,—у васъ будутъ слуги, а не независимые избиратели!"

Былъ изданъ законъ, въ силу котораго никакой чиновникъ не могъ быть избранъ въ парламентъ. Другой законъ сократилъ до 42 фр. 32 сант. цензъ для выборщиковъ въ коммунальные и профессіональные совѣты и до шести лѣтъ продолжительность коммунальнаго мандата. Всѣ эти реформы были тотчасъ введены въ дѣйствіе, сенатъ, палата депутатовъ, профессіональные и коммунальные совѣты были распущены и затѣмъ избраны на основаніи законовъ 1848 года. Въ новой палатѣ насчитывалось 85 либераловъ противъ 23 католиковъ. Въ сенатѣ обѣ партіи уравновѣшивали другъ друга.

Организація высшаго и средняго образованія. — Министерство Рожье старалось осуществить и другой важный пунктъ либеральной программы, именно организацію народнаго образованія. Оно не отмѣнило закона 1842 года относительно начальнаго обученія. Его вмѣшательство въ высшее обученіе выразилось только въ изданіи закона объ испытательныхъ жюри (4 іюля 1849 г.). Этотъ законъ утвердилъ свободу высшей школы; оба свободныхъ факультета—брюссельскій (либеральный) и лувенскій (католическій)—

сохранили свою независимость; жюри, экзаменовавшее кандидатовъ на университетскія степени, составлялось наполовину изъ профессоровъ свободныхъ факультетовъ, наполовину изъ профессоровъ государственныхъ факультетовъ, но члены его выбирались правительствомъ. Это послѣднее постановленіе вызвало протестъ католиковъ. Но особенно горячо они возстали противъ закона, касающагося средней школы (1850). Проектъ правительства, который и былъ принятъ, увеличивалъ число государственныхъ школъ и въ отношеніи этихъ школъ, а также устроенныхъ по аналогичному плану городами, отказывался предоставить духовенству тѣ права, которыя давалъ имъ въ отношеніи начальныхъ школъ законъ 1842 года. Католическая церковь административнымъ путемъ добилась того, въ чемъ отказалъ ей парламентъ. Въ 1853 году педагогическій совѣтъ средней школы города Антверпена ввелъ въ свой уставъ дополнительныя статьи, согласно которымъ въ стѣнахъ заведенія должно имѣть мѣсто обученіе только той религіи, которая является религіей большинства учениковъ (т.-е. католической), католическое духовенство получаетъ голосъ въ административномъ бюро школы и профессора обязаны сообразоваться съ его указаніями при выборѣ школьныхъ книгъ, равно какъ въ рѣчахъ и поведеніи. *Антверпенскій уставъ* былъ одобренъ архіепископомъ мехельнскимъ. Министерство де-Брукера предложило предоставить всѣмъ коллежамъ свободный выборъ—принять или не принять этотъ уставъ, и его предложеніе было охотно принято палатой (1854); отнынѣ коллежъ, желавшій имѣть католическаго священника, долженъ былъ удалить священнослужителей всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій, предписать молчаніе всѣмъ профессорамъ не-католикамъ и подчиниться клерикальному надзору.

Удаленіе либераловъ отъ власти; переходное министерство (1853—1855). Либеральное правительство отмѣнило штемпельный налогъ на газеты (1848), понизило почтовый тарифъ, создало пенсіонную кассу и національный банкъ (1849), ускорило постройку желѣзныхъ дорогъ, начатыхъ въ 1843 году, и другія общественныя работы. Скоро оно почувствовало нужду въ новыхъ источникахъ дохода. Въ 1848 году оно представило палатамъ проектъ налога на наслѣдства, который былъ принятъ только въ 1851 году; да и то пришлось прибѣгнуть къ роспуску сената, чтобы добиться отъ него согласія на этотъ налогъ. Въ 1851 году министерство Рожье потребовало новыхъ налоговъ на пиво, ягодную водку и табакъ, чѣмъ навлекло на себя недовольство народа. Послѣ частичныхъ выборовъ 1852 года, оказавшихся благопріятными для католиковъ, кабинетъ Рожье въ 1853 году уступилъ мѣсто министерству, составленному изъ очень умѣренныхъ либераловъ во главѣ съ де-Брукеромъ. Новое правительство щадило католиковъ; мы видѣли, что оно провело черезъ палаты *Антверпенскій уставъ*. Оно измѣнило либеральной политикѣ предшествовавшаго кабинета въ отношеніи къ французскимъ политическимъ эмигрантамъ. Чтобы добиться возобновленія между Бельгіей и Франціей торговаго договора 1845 года, оно провело (1853) законъ, карающій за оскорбленіе иностранныхъ государей. Съ этихъ поръ начались осужденія и изгнанія эмигрантовъ.

Католическое правительство (1855—1857).—Выборы 1854 года еще болѣе увеличили контингентъ католическихъ депутатовъ. Въ слѣдующемъ году кабинетъ де-Брукера вышелъ въ отставку и король вручилъ власть министерству исключительно католическому, опиравшемуся на слабое и нерѣшительное большинство. Католики 1855 года не были либеральнѣе католиковъ 1831-го. Министерство выразило порицаніе профессору университета, оспаривавшему божествен-

ность Христа; одинъ католическій депутатъ требовалъ—правда, безъ успѣха—отставки другого профессора, виновнаго въ томъ, что хвалилъ реформацію. Епископъ гентскій запретилъ правовѣрнымъ католикамъ слушать лекціи въ этомъ городѣ, потому что онѣ были организованы государствомъ. Главнымъ предметомъ распри между обѣими партіями былъ проектъ, представленный правительствомъ подъ именемъ *закона о свободѣ благотворительности* и получившій у либераловъ названіе „закона о монастыряхъ" (1856). Согласно этому проекту, всякое благотворительное или учебное заведеніе, основанное по дарственной или наслѣдственной записи, могло, вслѣдствіе королевскаго указа, пріобрѣтать права гражданскаго лица и оставаться подъ вѣдѣніемъ, даже наслѣдственнымъ, лицъ, избранныхъ жертвователемъ или завѣщателемъ, внѣ контроля общественныхъ властей. Либералы настаивали на сохраненіи *statu quo* въ отношеніи къ благотворительнымъ учрежденіямъ, т.-е. на необходимости закона для дарованія имъ гражданскихъ правъ и на подчиненіи ихъ надзору бюро общественнаго призрѣнія. Они находили, что результатомъ законопроекта будетъ увеличеніе богатства и вліянія чернаго духовенства, и безъ того слишкомъ могущественнаго. Бельгійскіе монастыри не переставали расти съ конца французскаго владычества. Въ 1846 году они были такъ же многочисленны и многолюдны, какъ передъ тѣмъ временемъ, когда Іосифъ II сократилъ ихъ число (779 монастырей съ 11.968 монахами и монахинями [1]). Пренія въ палатѣ были крайне бурны. Либералы, составлявшіе въ ней меньшинство, устроили въ Брюсселѣ и еще въ нѣсколькихъ городахъ манифестаціи, завершившіяся шумными протестами противъ отдѣльныхъ лицъ и битьемъ стеколъ. Король объявилъ сначала, что будетъ поддерживать министерство противъ „бунтовщиковъ". Но когда коммунальные выборы дали перевѣсъ либераламъ, Леопольдъ образовалъ либеральное министерство, которое распустило палату и получило большинство 70 членовъ противъ 38 (1857).

Власть снова переходитъ къ либераламъ (1857—1870).—Отнынѣ либералы удерживали за собой власть тринадцать лѣтъ; это—самый продолжительный изъ всѣхъ періодовъ ихъ господства. Ихъ политическимъ *лидеромъ* остается все время Шарль Рожье, глава кабинета 1857 года. Смерть Леопольда I-го (10 декабря 1865) и вступленіе на престолъ его сына Леопольда II-го не произвели никакой перемѣны въ политикѣ. Новый король держался традицій своего предшественника и правилъ чрезъ посредство парламентскаго большинства.

Либеральный кабинетъ проводитъ реформы, направленныя по большей части къ улучшенію матеріальныхъ условій жизни; таковы: отмѣна октруа, принципіально подготовленная въ 1847 году и осуществленная въ 1860-мъ, пониженіе желѣзнодорожнаго тарифа, уничтоженіе дорожныхъ пошлинъ (1866), новое сокращеніе почтоваго тарифа (1868), замѣна налога на соль увеличеніемъ акциза на водку (1870). Были пересмотрѣны торговое и уголовное уложенія, рабочимъ дана свобода союзовъ и стачекъ (1867). Кромѣ того, министерство намѣревалось ввести въ коммунальные и областные выборы дополнительный образовательный и профессіональный цензъ, но обсужденіе этой частичной избирательной реформы длилось четыре года (1866—1870), такъ что министерство потеряло большинство въ тотъ моментъ, когда его проектъ, ставшій закономъ, долженъ былъ вступить въ дѣйствіе.

---

[1] Въ 1866 году ихъ число было почти вдвое больше (1314 монастырей съ 18.162 монахами и монахинями).

Расколъ и пораженіе либераловъ.—Либеральная партія представляла собою лишь союзъ партій, враждебныхъ ультрамонтанству. Со времени либеральнаго конгресса 1846 года обнаружился расколъ между умѣренными, или *доктринерами*, и радикалами. Послѣ побѣды 1857 года на сценѣ появляется оппозиція: противъ *доктринеровъ* возстаетъ новая группа, которую называютъ „молодыми“, „передовыми“, или *прогрессистами*; послѣднее названіе и удержалось за ней. „Молодые“ были такими же конституціоналистами, какъ и доктринеры; у нихъ была та же программа, но они были радикальнѣе въ вопросахъ, касавшихся народнаго обученія и избирательной реформы. Они требовали прекращенія надзора церкви надъ школами, отмѣны закона 1842 г. и *Антверпенскаго устава* (1853), обязательнаго обученія (1859), пониженія возраста избирателей до двадцати одного года и ценза до 15 франковъ (1865). При обсужденіи законопроекта объ образовательно-профессіональномъ цензѣ, внесеннаго министерствомъ, нѣкоторые изъ „молодыхъ“ объявили себя сторонниками всеобщей подачи голосовъ (1866—1867). „Молодые“ требовали еще отмѣны законовъ, карающихъ за оскорбленіе иностранныхъ государей, законовъ, усиленныхъ въ 1858 году, и большей свободы печати. Первымъ ихъ депутатомъ былъ Луи Дефре, на выборахъ въ Брюсселѣ въ 1858 году побѣдившій одного изъ либеральныхъ министровъ. Число ихъ въ палатѣ было невелико, и сначала они имѣли мало сторонниковъ внѣ столицы; однако ихъ число достаточно возросло, чтобы угрожать доктринерскому большинству. Паденіе кабинета было ускорено и другими раздорами, возникшими среди его сторонниковъ. Писатели и публицисты ввели въ моду (1837, *Wonderjaar* Анри Консьянса) фламандскій языкъ, на которомъ говорила половина обитателей королевства, но который долгое время считался крестьянскимъ жаргономъ. Съ 1840 года начинаютъ раздаваться голоса, требующіе уравненія въ государственныхъ актахъ фламандскаго языка съ французскимъ; либералы въ большинствѣ относятся враждебно къ фламандскому языку, какъ языку католическихъ крестьянъ; католики становятся руководителями фламандскаго движенія, важность котораго съ 1857 года все возрастаетъ.

Часть либераловъ возстала противъ проекта увеличенія арміи, внесеннаго министерствомъ изъ страха передъ Наполеономъ III; въ Антверпенѣ либералы и католики, недовольные укрѣпленіями, возведенными вокругъ города, соединились противъ министерства.

Уже на выборахъ 1864 года либеральная партія одержала верхъ перевѣсомъ только двухъ голосовъ, и кабинетъ долженъ былъ распустить палату, чтобы пріобрѣсти достаточное большинство. Его большинство нѣсколько возросло въ 1866 и 1868 г. (73 противъ 51). При новыхъ выборахъ въ іюлѣ 1870 года либераламъ измѣнили два главныхъ фламандскихъ города, Антверпенъ и Гентъ, и нѣсколько передовыхъ валлонскихъ городовъ, Шарлеруа, Суаньи Вервье. Они потеряли 12 мѣстъ. Кабинетъ Рожье уступилъ мѣсто католическому министерству.

Экономическое развитіе Бельгіи: свобода торговли.—Бельгійская промышленность и торговля изумительно развились послѣ заключенія окончательнаго мира съ Голландіей. Геннегау и Маасская долина, гдѣ добывалось большое количество каменнаго угля и минераловъ, покрылись доменными печами и бумагопрядильными фабриками, Антверпенъ сдѣлался однимъ изъ большихъ портовъ сѣверной Европы. Либеральная партія, опиравшаяся на промышленную и торговую буржуазію, способствовала этому экономическому развитію рядомъ мѣропріятій, изъ которыхъ главными были законы, установившіе свободу торговли. Въ этомъ

отношеніи исторія бельгійской либеральной партіи напоминаетъ исторію либеральной партіи въ Англіи. Въ періодъ отъ 1845 по 1847 годъ, вслѣдствіе болѣзни на картофель и плохого урожая на хлѣбъ, бельгійское правительство отмѣнило ввозныя пошлины на съѣстные продукты. Отмѣна же ввозныхъ пошлинъ на продукты промышленности была всецѣло дѣломъ либеральной партіи. Она провела эту реформу въ 1862—1863 г., руководясь примѣромъ Англіи и Франціи.

Въ 1863 году пошлина, взимаемая голландцами у устья Шельды по договору 1839 года, была выкуплена въ силу международнаго соглашенія. Необходимость платить эту пошлину заставляла иностранныя суда избѣгать Антверпенскаго порта; чтобы привлечь ихъ сюда, бельгійское правительство возвращало имъ сумму уплоченной пошлины, но бюджетная ассигновка на этотъ предметъ возросла съ 500.000 франковъ въ 1840 году до 1.600.000 франковъ въ 1858 г. Наконецъ эта пошлина была выкуплена 19 іюля 1863 г. за 36.278.566 франковъ, изъ которыхъ 12 милліоновъ было уплочено Бельгіей, 9—Англіей, а остальное—прочими націями, имѣвшими торговыя сношенія съ Антверпеномъ. Этотъ городъ, мертвый въ продолженіе двухъ вѣковъ, снова оживился и разбогатѣлъ, какъ во времена Карла Пятаго. Антверпенъ и главные бельгійскіе города соединились другъ съ другомъ, а также съ чужими странами сѣтью желѣзныхъ дорогъ, построенныхъ и эксплоатируемыхъ государствомъ.

Съ 1840 по 1871 годъ число пассажировъ и товаровъ, перевозимыхъ бельгійскими желѣзными дорогами, грузы судовъ, входящихъ въ бельгійскіе порты, и торговый оборотъ королевства увеличились въ десять разъ.

II.—Нидерландское королевство.

Либеральная партія.—Послѣ отдѣленія Бельгіи бывшія Соединенныя Провинціи удерживаютъ имя Нидерландскаго королевства и сохраняютъ режимъ *Основного закона* 1815 года[1]). До 1848 года Нидерландское королевство представляетъ изъ себя конституціонную монархію, въ которой король сильнѣе парламента. Представительное собраніе, созываемое подъ старымъ именемъ *Генеральныхъ штатовъ*, состоитъ изъ двухъ палатъ: верхняя палата, члены которой назначаются пожизненно королемъ, и нижняя, члены которой избираются ежегодно *Провинціальными штатами*, избираемыми въ свою очередь податными плательщиками. Генеральные штаты владѣютъ лишь частью законодательной власти; они принимаютъ или отвергаютъ законопроекты, представляемые правительствомъ, но не имѣютъ права измѣнять ихъ; они вотируютъ регулярный бюджетъ на десять лѣтъ, а чрезвычайный—на два года; назначеніе офицеровъ въ арміи, монополіи и все управленіе колоніями остаются внѣ ихъ контроля и предоставляются на полную волю короля. Король управляетъ чрезъ министровъ, которыхъ выбираетъ и устраняетъ по своему произволу; онъ одинъ несетъ отвѣтственность, и его министры не могутъ быть свергнуты вотумомъ палатъ. Этотъ режимъ вызвалъ протестъ либеральной партіи, которая требовала, какъ въ Бельгіи, преобразованія конституціи законнымъ путемъ. Нидерландская либеральная партія сформировалась послѣ заключенія окончательнаго мира съ Бельгіей. Въ 1844 году ея вождь Торбеке, профессоръ государственнаго права въ лейденскомъ университетѣ, напечаталъ замѣчанія объ основномъ законѣ; въ томъ же году, во время сессіи Генеральныхъ штатовъ, восемь депутатовъ нижней палаты потребовали пересмотра конституціи; въ послѣдующіе годы идея пересмотра конституціи получила широкое распространеніе.

---

[1]) См. т. III, стр. 206.

Либеральная партія требовала, чтобы верхняя палата избиралась Провинціальными штатами, нижняя—непосредственно плательщиками податей, чтобы засѣданія Генеральныхъ штатовъ происходили публично, чтобы въ законодательствѣ штаты располагали большей иниціативой и правомъ измѣнять проекты, представляемые правительствомъ, чтобы отвѣтственность короля, фактически осуществимая только путемъ революціи, была замѣнена отвѣтственностью министровъ передъ парламентомъ, т.-е. чтобы они были обязаны выходить въ отставку, когда противъ нихъ окажется большинство депутатовъ. Либералы требовали еще уничтоженія раздѣльности чиновъ въ Провинціальныхъ штатахъ и контроля правительства надъ коммунальными властями. Они обѣщали свободу печати, бережливость въ бюджетѣ и уменьшеніе военныхъ расходовъ, сильно отягчавшихъ бюджетъ со времени войны съ Бельгіей.

Конституція 1848 года.—Либералы привлекли на свою сторону часть депутатовъ нижней палаты. Во время сессіи Генеральныхъ штатовъ 1847—48 года, чтобы испытать свои силы, они попытались провалить бюджетъ, предложенный правительствомъ, но католическіе депутаты Лимбурга и Брабанта, обѣщавшіе свои голоса оппозиціи, въ послѣднюю минуту перемѣнили рѣшеніе, и бюджетъ прошелъ 34 голосами противъ 24. Зато проектъ избирательной реформы, предложенный министерствомъ и вызвавшій протестъ либераловъ, какъ недостаточный, былъ отвергнутъ большинствомъ 31 голоса противъ 27. Засѣданія были такъ бурны, какъ ни разу съ 1830 года. Король Вильгельмъ II былъ пораженъ успѣхами либеральной партіи; февральская революція 1848 года и республиканская и революціонная агитація въ Европѣ окончательно побудили его уступить парламентской оппозиціи. Онъ образовалъ, помимо своего министерства, комиссію, которой былъ порученъ пересмотръ конституціи; членами ея были Торбеке и еще три либерала. „Предъ вами",—сказалъ Вильгельмъ въ разговорѣ съ однимъ дипломатомъ по поводу внезапнаго поворота своей политики,—„государь, ставшій въ теченіе двадцати четырехъ часовъ сторонникомъ конституціонной реформы". Генеральные штаты были созваны съ двойнымъ числомъ депутатовъ, и это учредительное собраніе приняло новый *основной законъ,* который и былъ обнародованъ въ ноябрѣ 1848 года.

Отвѣтственность короля была перенесена на министровъ; ни одинъ королевскій указъ не долженъ приводиться въ исполненіе, если онъ не контрасигнированъ соотвѣтственнымъ министромъ. Были обѣщаны законы, долженствовавшіе установить болѣе справедливый порядокъ производства офицеровъ и болѣе правильное управленіе колоніями. Члены верхней палаты избираются Провинціальными штатами на девять лѣтъ; они должны избираться изъ числа крупнѣйшихъ податныхъ плательщиковъ. За ними сохраняется вознагражденіе въ 3.000 флориновъ въ годъ, положенное по конституціи 1815 года. Верхняя палата имѣетъ 39 членовъ. Члены нижней палаты избираются по способу прямого голосованія плательщиками, вносящими минимумъ прямыхъ налоговъ, колеблющійся между 20 флоринами въ деревняхъ и 160 въ крупнѣйшихъ городахъ; они должны быть не моложе тридцати лѣтъ, отъ нихъ не требуется ценза, они получаютъ 2.000 флориновъ въ годъ. На каждые 45.000 жителей полагается одинъ депутатъ; число депутатовъ должно мѣняться послѣ каждой переписи; оно поднялось съ 68 въ 1849 году до 80 въ 1869. (Прежняя палата заключала въ себѣ только 56 членовъ.) Нижняя палата выбиралась на четыре года и возобновлялась наполовину каждые два года. Король имѣлъ право распускать ее. Особый законъ признавалъ неизбираемы-

ми военныхъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, духовенство и чиновниковъ въ районѣ ихъ службы. Прерогативы Генеральныхъ штатовъ были расширены. Съ этихъ поръ нижняя палата пріобрѣла право производить анкеты, вносить законодательныя предложенія и поправки. Бюджетъ долженъ былъ устанавливаться ежегодно. Засѣданія парламента стали публичными.

За избирательной и парламентской реформой послѣдовало еще нѣсколько либеральныхъ мѣропріятій. Была отмѣнена предварительная цензура для газетъ, было обѣщано законодательное расширеніе свободы собраній и союзовъ, а также учрежденіе всюду начальныхъ школъ.

Партіи въ Генеральныхъ штатахъ. — Въ январѣ 1849 года произошли первые выборы съ прямой подачей голосовъ; сессія открылась 1-го февраля. Большинство принадлежало либераламъ, и ихъ вождю Торбеке было поручено сформировать первое отвѣтственное нидерландское министерство. Съ тѣхъ поръ устанавливается почти парламентскій режимъ; власть почти неизмѣнно въ рукахъ большинства; однако по временамъ вмѣшивается король, чтобы поддержать кабинетъ, оставшійся въ меньшинствѣ, и распустить палату. Тогда же организовались партіи, которыхъ было числомъ четыре: 1) либеральная партія—коалиція умѣренныхъ и радикаловъ, сплошь монархистовъ, преданныхъ конституціи 1848 года и расходившихся по вопросу о своевременности или неотложности тѣхъ или иныхъ реформъ; 2) консервативная, заключающая въ себѣ большинство дворянъ и часть буржуазіи, стоявшая за самовластный и аристократическій режимъ, который существовалъ до 1848 года, и враждебная всякой новой реформѣ; 3) историко-христіанская, основанная кальвинистскими ортодоксальными священниками и руководимая Груномъ ванъ Принстереромъ; 4) католическая партія, которая опиралась на треть нидерландскаго населенія и главныя силы которой сосредоточивались преимущественно въ Брабантѣ и Лимбургѣ.

Главными двумя партіями были либеральная и консервативная; союзниками первой являлись обыкновенно католики, которыхъ она защищала противъ нетерпимости историко-христіанской партіи, а послѣдняя дѣйствовала заодно съ консервативной. Борьба возгорѣлась по многимъ вопросамъ. Либералы хотѣли вмѣсто косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости (налогъ на помолъ, топливо и т. п.) увеличить прямые налоги; консерваторы были противъ этого, боясь подоходнаго налога. Либералы требовали увеличенія бюджета общественныхъ работъ, быстраго сооруженія желѣзныхъ дорогъ и телеграфныхъ линій; консерваторы хотѣли, чтобы правительство дѣйствовало медленно и экономно. Почти всѣ либералы стояли за свободную торговлю, а консерваторы держались за прежній покровительственный тарифъ. Колоніальныя реформы, реорганизація арміи, начальныя школы, права католиковъ—таковы были дальнѣйшіе пункты разногласій. Либералы не всегда были согласны между собою въ этихъ вопросахъ, особенно о колоніальной системѣ, и въ ихъ партіи иногда происходилъ расколъ, а иногда она ссорилась со своими временными союзниками, католиками.

Апрѣльское движеніе 1853 года.—Первое министерство Торбеке (1849—1853) дополнило реформы, произведенныя въ 1848 году. Минимальный избирательный цензъ въ большихъ городахъ былъ пониженъ съ 160 до 120 флориновъ. Были вотированы законы, преобразовавшіе Провинціальные штаты и коммунальные совѣты сообразно либеральной программѣ. Каждая изъ одиннадцати провинцій имѣла штаты, избираемые тѣми же избирателями, какъ и нижняя палата, на девять лѣтъ и возобновлявшіеся по третямъ каждые три года. Раздѣленіе по чинамъ бы-

ло уничтожено. Депутаты получали вознагражденіе. Это были тѣ штаты, которые, какъ мы видѣли, избирали членовъ верхней палаты. Они руководили общественными работами въ своихъ провинціяхъ и взимали подати подъ контролемъ центральнаго правительства. Штаты засѣдали два раза въ годъ, а въ промежуткахъ между сессіями были представлены шестью своими членами, которыхъ выбирали изъ собственной среды и которые составляли такъ наз. *депутацію штатовъ*. Въ штатахъ и депутаціи предсѣдательствовалъ королевскій комиссаръ или губернаторъ. Общины управлялись совѣтами, избираемыми на шесть лѣтъ и обновлявшимися по третямъ каждые два года; они избирались гражданами, платившими подать въ размѣрѣ не ниже половины ценза, дававшаго право быть избирателемъ въ нижнюю палату. Совѣтъ избиралъ старшинъ или *wethouder*'овъ, облеченныхъ исполнительной властью; бургомистръ, завѣдывавшій полиціей, назначался правительствомъ. Бюджеты городовъ утверждались депутаціей штатовъ и правительствомъ. Съ введеніемъ этихъ реформъ мѣстное управленіе Нидерландовъ стало во многихъ отношеніяхъ походить на мѣстное управленіе Бельгіи. Эти реформы, установившія контроль центральной власти и замѣнившія традиціонное, привилегированное чиновничество новѣйшимъ административнымъ механизмомъ, основаннымъ на выборномъ началѣ и устроеннымъ по единообразному плану, вызвали сильный, но безуспѣшный протестъ консерваторовъ (1848—1851).

Большій успѣхъ имѣла ихъ оппозиція, когда министерство вздумало провести законъ, подчинявшій благотворительныя учрежденія контролю государства. Католики, кальвинисты и евреи, желавшіе сохранить свои благотворительные комитеты, пріюты и больницы, отдѣльные для каждаго вѣроисповѣданія и автономные, соединились противъ проекта, и Генеральные штаты отвергли его (1852). Бельгійская либеральная партія дѣйствовала удачнѣе при аналогичныхъ обстоятельствахъ. Уже пошатнувшееся, благодаря этой неудачѣ, министерство Торбеке не могло добиться отъ штатовъ увеличенія налоговъ, котораго оно требовало. Теперь его паденіе было только вопросомъ времени. Оно было ускорено столкновеніемъ между кальвинистами и католиками. Папа Пій IX грамотой отъ 3 марта 1853 года возстановилъ архіепископство Утрехтское и прежнія нидерландскія епископства, упраздненныя послѣ реформы. Кабинетъ Торбеке какъ разъ въ это время велъ переговоры съ римской куріей объ уничтоженіи конкордата, заключеннаго во время уніи съ Бельгіей. Кабинетъ былъ удивленъ папской грамотой и жаловался, что папа не предупредилъ его заранѣе о возстановленіи епископствъ, однако, вѣрный либеральнымъ принципамъ и желая сохранить поддержку католическихъ депутатовъ, онъ не предпринялъ никакихъ шаговъ. Кальвинисты возстали противъ проекта реорганизаціи епископствъ, и король сталъ получать множество петицій, умолявшихъ его „не утверждать сановъ и достоинствъ, дарованныхъ въ Нидерландахъ иностраннымъ государемъ“. Еще съ большей силою анти-католическое движеніе проявилось въ апрѣлѣ во время посѣщенія королемъ Амстердама: петиціи, адреса, манифестаціи удесятерились. 15 апрѣля король въ своемъ отвѣтѣ одной кальвинистской депутаціи выразилъ порицаніе поведенію кабинета. 20 апрѣля министры вышли въ отставку, уступивъ мѣсто умѣреннымъ либераламъ. Новое министерство попыталось остановить апрѣльское движеніе, удовлетворивъ наполовину и католическую, и кальвинистскую партію. Оно заявило, что не располагаетъ никакимъ законнымъ средствомъ помѣшать назначенію католическихъ епископовъ, но добилось того, что архіепископъ Утрехтскій и три епископа поселились въ ма-

ленькихъ католическихъ мѣстечкахъ, а не въ городахъ, ставшихъ кальвинистскими, по которымъ назывались ихъ епархіи. Только епископу Рурмонда, католическаго города, разрѣшено было жить въ своемъ главномъ городѣ. Чтобы дать кальвинистамъ болѣе значительное удовлетвореніе, министерство провело законъ, требовавшій для отправленія любого культа королевскаго разрѣшенія и принесенія священниками присяги на вѣрность и послушаніе (ноябрь 1853 г.). Въ итогѣ католическая партія организовалась въ Нидерландахъ почти такъ же, какъ она была организована въ Бельгіи, — подъ руководствомъ папы, безъ конкордата и помимо національнаго правительства. Начиная съ 1853 года нидерландская католическая партія постепенно усиливается.

Школьный законъ 1857 года.—Выборы, произведенные въ іюнѣ 1854 года, ознаменовались усиленіемъ министерскаго большинства и католическаго меньшинства (15 членовъ изъ 68) и пораженіемъ историко-христіанской партіи. Новый кабинетъ продолжалъ реформу податной системы, начатую до него. Съ іюля 1847 года сборъ съ помола, дававшій ежегодно полтора милліона флориновъ, частично упраздняется и замѣняется увеличеніемъ налога на спиртные напитки и подушной подати. Въ 1855 году уничтожены были послѣдніе остатки этого налога, а налогъ на корабельные грузы замѣненъ добавочными налогами на алкоголь и сахаръ. Умѣренное министерство вернулось къ политикѣ Торбеке и сдѣлало попытку поставить благотворительныя учрежденія подъ контроль администраціи. Законъ, устанавливавшій этотъ надзоръ въ очень неопредѣленной формѣ, былъ вотированъ въ 1854 году, несмотря на оппозицію конфессіональныхъ партій. Затѣмъ министерство представило проектъ организаціи начальныхъ школъ согласно обѣщанію, данному въ 1848 году. Дѣйствовавшій доселѣ законъ о начальномъ обученіи былъ изданъ еще въ 1806 году; онъ принципіально устанавливалъ, что въ общественныя школы имѣютъ доступъ всѣ дѣти безъ различія вѣроисповѣданій. Смѣшанную школу защищало и министерство въ проектѣ, представленномъ имъ въ 1855 году; историко-христіанская партія и часть консерваторовъ рѣшительно выступили противъ нея, такъ какъ они хотѣли, чтобы государственная начальная школа была протестантскою; католики примкнули къ правительству противъ кальвинистовъ. Послѣ двухлѣтнихъ преній, сопровождаемыхъ страстной агитаціей, министерству удалось провести законъ 1858 года, обязывавшій общины содержать не-конфессіональныя публичныя школы. Завѣдующій школой не долженъ „дѣлать или позволять ничего, идущаго въ разрѣзъ съ уваженіемъ, которое каждый обязанъ оказывать религіозному чувству людей иной вѣры“. Законъ заявляетъ, что общественная школа имѣетъ цѣлью „развивать умственныя способности дѣтей“, а также,—прибавляетъ онъ,—„воспитывать ихъ во всѣхъ *христіанскихъ* и соціальныхъ добродѣтеляхъ“. Расходы по содержанію школы покрываются коммунальнымъ бюджетомъ; коммуна вправѣ взимать школьный налогъ; начальное обученіе не безплатно и государство помогаетъ коммунамъ субсидіями. Учителя назначаются коммунальнымъ совѣтомъ, инспекторъ — государствомъ. Въ теоріи эта организація сходна съ англійской; на практикѣ обязанность воспитывать дѣтей въ духѣ *христіанскихъ* добродѣтелей была перетолкована коммунальными совѣтами въ томъ смыслѣ, что они превратили общественную школу въ школу католическую или кальвинистскую, смотря по вѣроисповѣданію коммуны. Съ этой цѣлью католическіе депутаты измѣнили либераламъ, которыхъ поддерживали въ 1857 году, и соединились съ историко-христіанами.

Рабство въ Индіи; „система культуръ“ въ Остъ-Индіи.—Начиная съ 1853 года колоніальные вопросы занимаютъ видное мѣсто въ преніяхъ Генеральныхъ штатовъ. Либералы требуютъ: 1) уничтоженія рабства въ Гвіанѣ и на Антильскихъ островахъ, 2) контроля парламента надъ бюджетомъ колоніальнаго управленія, 3) уничтоженія „системы культуръ“ (барщинный трудъ туземцевъ) въ Остъ-Индіи (архипелагъ Зондскій и Молуккскій). Большинство депутатовъ было противъ рабства, на защиту котораго выступили лишь нѣсколько консерваторовъ, но возникло разногласіе относительно вознагражденія, которое слѣдовало уплатить плантаторамъ, и степени свободы, которую можно было предоставить освобожденнымъ. Въ 1854 году штаты приняли законъ, обѣщавшій освобожденіе рабовъ не позднѣе, чѣмъ къ 1 января 1860 года, и сулившій плантаторамъ вознагражденіе въ 15 милліоновъ флориновъ. Въ 1859 году обѣщаніе не было исполнено; министръ колоній ежегодно представлялъ штатамъ проектъ, который отвергался. Наконецъ, въ 1862 году второму министерству Торбеке удалось провести законъ, объявлявшій рабство упраздненнымъ не позже чѣмъ къ 1 іюля 1868 года, опредѣлявшій вознагражденіе плантаторамъ и устанавливавшій надзоръ за освобожденными. Законъ былъ принятъ единодушно противъ двухъ голосовъ. Онъ давалъ свободу 36.000 рабовъ въ Гвіанѣ (общая цифра народонаселенія 53.000 чел.) и 11.000 рабовъ на Антильскихъ островахъ (общая цифра народонаселенія 31.000 чел.).

Контроль Генеральныхъ штатовъ надъ управленіемъ Нидерландской Индіи въ принципѣ былъ установленъ въ томъ же 1854 году, а въ дѣйствительности—только во время второго министерства Торбеке (1864).

Разрѣшеніе третьяго колоніальнаго вопроса, касавшагося „системы культуръ“, тянулось дольше, было труднѣе и послужило поводомъ къ нѣсколькимъ министерскимъ кризисамъ. Подъ „системой культуръ“ понимали режимъ, введенный послѣ 1830 года губернаторомъ Ванъ деръ Бошемъ. Ванъ деръ Бошу было поручено расширить производство тропическихъ продуктовъ; онъ не могъ достигнуть этого путемъ частной инициативы, такъ какъ на Явѣ не существовало рабства и малайцы не хотѣли производить ничего, кромѣ риса, необходимаго для ихъ употребленія. Губернаторъ задумалъ распространить на сахаръ и индиго систему, примѣнявшуюся въ XVIII вѣкѣ къ перцу и кофе. Вмѣсто поземельнаго налога онъ взялъ пятую часть земель, обрабатывавшихся подъ рисъ, и, такъ какъ туземцы должны были шестьдесятъ дней въ году отбывать барщину, онъ заставлялъ ихъ въ это время воздѣлывать и убирать колоніальные продукты на отобранныхъ у нихъ земляхъ. Правительство сдавало въ аренду земли вмѣстѣ съ барщинными рабочими предпринимателямъ, которые должны были кормить рабочихъ и уступали по опредѣленной цѣнѣ свой урожай мѣстной администраціи. Производившіеся такимъ образомъ кофе, перецъ, сахаръ, индиго, чай и табакъ продавались въ Амстердамъ и приносили правительству большіе барыши. Въ среднемъ индійскій бюджетъ окупался съ излишкомъ въ 30 милліоновъ флориновъ, который шелъ на покрытіе дефицита въ голландскомъ бюджетѣ, обусловленнаго войной съ Бельгіей и расходами на общественныя работы. Администрація ухитрялась даже сберегать часть этого излишка для образованія запаснаго фонда.

Излишекъ въ 30 милліоновъ флориновъ, столь полезный для нидерландскаго бюджета, былъ главнымъ аргументомъ тѣхъ, кто защищалъ *statu quo*; къ этому они прибавляли, что малайцы безъ принужденія не станутъ работать, не будутъ больше ничего покупать у метрополіи, такъ какъ перестанутъ получать зара-

ботную плату, что рынокъ тропическихъ продуктовъ, образовавшійся въ Амстердамѣ, потеряетъ свое значеніе и что національная торговля неизбѣжно падетъ. Таковы были доводы консерваторовъ и умѣренныхъ. Съ другой стороны, либералы-демократы требовали отмѣны „системы культуръ“, потому что принудительный трудъ противорѣчитъ ихъ принципамъ и потому что онъ привелъ къ злоупотребленіямъ; они указывали, напримѣръ, что правительство отбирало болѣе трети плодородныхъ земель, предприниматели заставляли барщинныхъ рабочихъ работать болѣе шестидесяти дней, не кормили ихъ, не платили имъ денегъ, что, наконецъ, колоніальный доходъ и барщина поглощались метрополіей, вмѣсто того, чтобы идти на улучшеніе участи туземцевъ, на общественныя работы и школы. Они заявляли, что такая эксплуатація недостойна цивилизованнаго государства. Сторонники реформы одержали верхъ послѣ долгихъ усилій и въ нѣсколько пріемовъ. Сначала консервативное министерство, смѣнившее умѣренный кабинетъ 1853 года, было свергнуто въ 1861 году либералами за то, что отказалось преобразовать „систему культуръ“. Въ слѣдующемъ году министръ колоній въ кабинетѣ Торбеке, смѣнившемъ консервативное министерство, долженъ былъ подать въ отставку послѣ неудачи проекта, имѣвшаго цѣлью установить свободу земледѣльческаго труда. Въ 1866 году весь кабинетъ Торбеке вышелъ въ отставку, такъ какъ король обнародовалъ новое уголовное уложеніе для Остъ-Индіи простымъ указомъ вмѣсто того, чтобы передать его предварительно на обсужденіе штатовъ. Послѣдовавшее за нимъ умѣренное министерство вскорѣ пало изъ-за вопроса о культурахъ. Въ смѣнившемъ его консервативномъ министерствѣ (1866—68) портфель министра колоній трижды переходилъ изъ рукъ въ руки. Наконецъ либералы, вернувшись къ власти, включили въ 1869 году въ бюджетъ будущаго года статью, по которой колоніи должны уплатить метрополіи 10.107.749 флориновъ, т.-е. сумму, какъ разъ достаточную для того, чтобы сохранить равновѣсіе въ бюджетѣ. Остальной излишекъ долженъ былъ идти на общественныя работы въ колоніяхъ. Въ 1870 году барщина была отмѣнена для всѣхъ культуръ, въ которыхъ она еще примѣнялась, кромѣ кофе. Эти реформы имѣли важныя послѣдствія для бюджета. Доходы Остъ-Индіи понизились гораздо больше, чѣмъ того ожидали. Какъ мы видѣли, правительству былъ совершенно необходимъ излишекъ колоніальнаго дохода въ 10—11 милліоновъ флориновъ ежегодно для поддержанія равновѣсія въ бюджетѣ. Между тѣмъ въ 1868 году излишекъ упалъ до $2^1/_2$ милліоновъ флориновъ. Министръ финансовъ покрылъ дефицитъ сбереженіями отъ прежнихъ излишковъ, но теперь нужно было предвидѣть ежегодный дефицитъ и изобрѣсти новые налоги, что дѣлало затруднительнымъ положеніе правящей партіи.

Либералы у власти наперекоръ королю.— Пока шелъ споръ о „системѣ культуръ“, кормило правленія переходило нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Второй кабинетъ Торбеке (1862—66) сталъ на мѣсто консервативнаго правительства. Онъ завершилъ фискальную реформу; налогъ на топливо и съѣстные припасы былъ замѣненъ повышеніемъ акциза на спиртные напитки. Онъ въ 1862 году ввелъ невысокій таможенный тарифъ по примѣру Франціи и Англіи, произвелъ крупныя общественныя работы, какъ очистку рѣки въ Роттердамѣ, прорытіе прямого канала отъ Амстердама къ морю съ цѣлью увеличить торговлю двухъ главныхъ нидерландскихъ портовъ (1863), сооруженіе государствомъ 888 километровъ желѣзныхъ дорогъ на излишекъ колоніальныхъ доходовъ, разсчитанное на десять лѣтъ (1860), эксплуатацію національныхъ же-

Ж. Фальъеръ.

Танцовщица.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

лѣзныхъ дорогъ частными компаніями (1863). Эти проекты, какъ слишкомъ обременительные для казны, вызвали противодѣйствіе консерваторовъ. Большинство оказалось на сторонѣ Торбеке, но въ виду нерасположенія къ нему двора онъ въ 1866 году удалился по причинамъ личнаго свойства. Король сформировалъ консервативное министерство (Ванъ-Зюйленъ) и, чтобы обезпечить за нимъ большинство, прибѣгнулъ къ роспуску второй палаты (28 сентября 1866); либералы сохранили только незначительное большинство. Сверхъ того конфессіональныя партіи соединились противъ консервативнаго кабинета, потому что онъ не хотѣлъ выступить противъ школьнаго закона 1857 года и принципа смѣшанной общественной школы. 26 ноября 1867 года оппозиція, воспользовавшись случайнымъ предлогомъ—переговорами относительно Люксембурга, отказалась вотировать бюджетъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Министры подали въ отставку, но *Gazette officielle* объявила, „что его величеству королю угодно было сообщить совѣту министровъ, что онъ не имѣетъ никакого повода лишать кабинетъ своего довѣрія, вслѣдствіе чего онъ не принимаетъ его отставки“ (21 декабря). Тотчасъ была распущена вторая палата; лозунгомъ январьскихъ выборовъ 1868 года былъ какъ вопросъ о прерогативахъ парламента, такъ и вопросъ о школьномъ законѣ 1857 года. Побѣда осталась за либералами; король не рѣшился въ третій разъ распустить палату; онъ принялъ отставку министерства Ванъ-Зюйлена (апрѣль) и вручилъ власть либеральному кабинету, въ составъ котораго Торбеке не входилъ (іюнь). Министерство 1868 года высказалось за сохраненіе смѣшанныхъ школъ; въ 1869 году оно уничтожило гербовую пошлину съ книгъ и газетъ. Его большинство нѣсколько возросло на частичныхъ выборахъ 1869 года.

Въ Бельгіи либеральной партіи пришлось вступить въ борьбу со сплоченной католической партіей, въ Голландіи—съ коалиціей консерваторовъ. Главными предметами спора въ обоихъ королевствахъ были избирательная реформа и школьный вопросъ. Въ Голландіи парламентскій режимъ былъ введенъ лишь теперь; въ Бельгіи онъ функціонируетъ съ 1831 года такъ же правильно, какъ въ Англіи.

Очеркъ исторіи развитія соціологическихъ ученій.

Проф. М. М. Ковалевскаго.

§ 1. Указать точный моментъ возникновенія науки, которая еще ищетъ своихъ путей и намѣсто законовъ можетъ выставить только рядъ эмпирическихъ обобщеній, дѣло, разумѣется, нелегкое. Еще греки задавались вопросомъ о томъ, не существуетъ ли извѣстнаго неизмѣннаго порядка въ чередованіи формъ правленія, указывая на преемство монархіи, или правительства одного, олигархіи, или правительства немногихъ, и охлократіи, или правительства толпы. Дѣйствительныя условія жизни городскихъ республикъ Эллады не могли не навесть на такую мысль тѣхъ изъ греческихъ писателей, которые, какъ Аристотель, подобно Монтескьё, уже видѣли задачу науки въ раскрытіи необходимыхъ отношеній между предметами, необходимыхъ въ силу самой природы послѣднихъ. Замѣна народоправствъ единовластіемъ, свидѣтелемъ котораго былъ уже учитель Александра Македонскаго Аристотель и еще въ большей степени жившій въ эпоху упраздненія римлянами греческой независимости Полибій и современникъ Цезаря и Помпея Цицеронъ, одинаково наводитъ всѣхъ названныхъ писателей на мысль о томъ, что чередованіемъ единовластія, владычества немногихъ и владычества толпы, не исчерпывается процессъ историческаго развитія политическихъ формъ, что множество въ отправленіи верховной власти смѣняется снова единствомъ, послѣ чего открывается новое чередованіе монархіи, аристократіи и демократіи. Такимъ образомъ, допуская идею не столько развитія, сколько замѣны однихъ политическихъ порядковъ другими, древніе не могутъ считаться родоначальниками идеи поступательнаго движенія общества, хотя бы въ этой ограниченной сферѣ — измѣненія его политическаго строя. Идея прогресса не уживается съ необходимымъ возрожденіемъ уже отжившихъ порядковъ и возвращеніемъ человѣчества къ уже пройденному имъ пути.

Упадокъ наукъ и искусства, замѣна культурной имперіи варварскими королевствами, не способны были породить въ лицахъ, жившихъ даже на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ отъ этихъ событій, представленіе о томъ, что въ исторіи человѣчества можетъ быть отмѣчено неуклонное стремленіе къ совершенствованію, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ условій быта. Немудрено поэтому, если идея прогресса отсутствуетъ у писателей не только среднихъ вѣковъ, но и эпохи Возрожденія. Ея нѣтъ ни у Маккіавели, ни у Гвичардини. Извѣстное изреченіе перваго — „необходимо мѣняться вмѣстѣ съ временемъ“ — не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на то, чтобы съ измѣнчивостью судебъ человѣческихъ Маккіавели связывалъ идею развитія или роста

Эта идея зарождается поэтому впервые не въ области политической философіи, а изъ наблюденій надъ эволюціей точнаго знанія. Въ XVII столѣтіи, когда уже не могло возникать сомнѣнія въ томъ, что поступательный ходъ знанія, остановленный на время средними вѣками, не сводится къ одному возрожденію научной мысли древнихъ, но и выступаетъ въ цѣломъ рядѣ новыхъ открытій и изобрѣтеній, Паскаль уже высказываетъ мысль о возможности видѣть въ преемствѣ человѣческихъ поколѣній подобіе „единаго человѣка, вѣчно живущаго и постоянно пріобрѣтающаго все новыя и новыя свѣдѣнія"; эта мысль воспринята будетъ и Кондорсе, и Сенъ-Симономъ, и Контомъ, она ляжетъ въ основу ихъ теоріи, что развитіе человѣчества стоитъ въ прямой зависимости отъ роста знанія.

Идея прогресса—только одно изъ проявленій болѣе общаго ученія о закономѣрности общественныхъ явленій, — ученія, безъ котораго немыслимо было бы возникновеніе самой науки объ обществѣ. Эта идея закономѣрности впервые возникла въ сферѣ тѣхъ конкретныхъ гуманитарныхъ наукъ, которыя всего ближе стоятъ по природѣ къ наукамъ естественнымъ, въ статистикѣ и экономикѣ. Немудрено поэтому, если выставленная уже Петти и его современниками гипотеза о закономѣрности въ числѣ рожденій и смертей произвела сильное впечатлѣніе на Имануила Канта, а медикъ Кене, вслѣдъ за открытіемъ Гарве системы кровеобращенія, счелъ возможнымъ повесть рѣчь о естественныхъ законахъ, управляющихъ циркуляціей добываемыхъ, какъ онъ думалъ, однимъ сельскимъ производствомъ цѣнностей. Это ученіе физіократовъ, а за ними и Адама Смита, о естественномъ порядкѣ экономическихъ явленій, въ свою очередь вызвало увѣренность въ ихъ закономѣрномъ чередованіи и позволила уже Кондорсе говорить о прогрессѣ въ экономическомъ укладѣ обществъ параллельно и въ связи съ ростомъ знанія, или успѣхами наукъ.

Обусловленность политическихъ порядковъ, а въ связи съ ними и законовъ, климатомъ, почвой, густотой населенія и связаннымъ съ нею экономическимъ ростомъ, развитіемъ промышленности и обмѣна, привлекла къ себѣ вниманіе Гиппократа и Бодэна въ древности и въ эпоху Возрожденія. Она упрочила въ умѣ Монтескьё, еще чуждомъ идеи общественнаго прогресса, увѣренность въ томъ, что между всѣми названными явленіями существуютъ постоянныя отношенія, которыя для него равнозначительны съ законами. Такимъ образомъ въ сферѣ конкретныхъ наукъ объ обществѣ, столько же въ статистикѣ, сколько въ экономикѣ, политикѣ и правовѣдѣніи, постепенно, начиная съ древности, зарождалась мысль о закономѣрности явленій и смѣнѣ однихъ другими.

Параллельно съ этимъ выяснялись и тѣ пріемы, какими можно добиться раскрытія этой закономѣрности и этой смѣны: пріемъ наблюденія и сравненія разныхъ странъ и народовъ, а равно и разныхъ эпохъ. Мы встрѣчаемъ этотъ пріемъ еще у Аристотеля, который въ основу своей „Политики" кладетъ изученіе государственныхъ порядковъ всѣхъ греческихъ республикъ и многихъ деспотій варваровъ. Его придерживается впослѣдствіи и Полибій, для котораго не проходитъ безслѣдно политическій опытъ Греціи, Рима и Карѳагена. Тотъ же методъ оживаетъ снова въ сочиненіяхъ Маккіавели, Гвичардини и Бодэна за нѣсколько столѣтій до того момента, когда въ „Духѣ законовъ" Монтескьё не только предложитъ его, какъ лучшее средство къ опредѣленію тѣхъ отношеній, какія должны существовать между отдѣльными общественными явленіями въ силу самой ихъ природы, но и представитъ образцы болѣе или менѣе удачнаго пользованія имъ. Но методъ Монтескьё, какъ и методъ его

предшественниковъ, начиная съ Аристотеля,—методъ скорѣе сопоставительный, чѣмъ сравнительно - историческій. Не имѣя еще представленія о закономѣрномъ ростѣ общества и о преемствѣ отдѣльныхъ стадій его развитія, авторъ „Духа законовъ“ не считаетъ нужнымъ разсортировать свой матеріалъ по этимъ стадіямъ и сближать между собою только сравнимое, т.-е. явленія, входящія въ составъ одной и той же стадіи; онъ сплошь и рядомъ сопоставляетъ съ порядками „готической монархіи“, т.-е. монархіи сословной, республиканскіе порядки древняго Рима и, что важнѣе, имперію Кира и китайскаго богдыхана. Дикари Луизіанны служатъ ему такимъ же средствомъ къ иллюстраціи своей мысли, какъ и современные ему голландцы и венеціанцы. Въ „Курсѣ положительной философіи“ Контъ справедливо замѣтитъ по его адресу, что, не понимая идеи прогресса, онъ отнесъ на счетъ климата и другихъ физическихъ факторовъ не одни отклоненія отъ нормальнаго хода развитія обществъ, но самыя явленія, изъ которыхъ складывается это развитіе. Въ ту же ошибку впадетъ впослѣдствіи и Бокль и, по его примѣру, всѣ тѣ, кто старается свести къ одному вліянію физическихъ факторовъ и обусловленнаго ими различія расъ всю эволюцію тѣхъ или другихъ народовъ.

Чтобы сдѣлаться наукой о закономѣрномъ развитіи человѣчества, соціологіи долгое время недоставало и того знакомства съ психо-физической природой человѣка, которая одна способна объяснить намъ и естественный импульсъ къ самоусовершенствованію, и границы этого послѣдняго.

Самонаблюденіе долгое время считалось единственнымъ средствомъ къ познанію психическихъ свойствъ человѣка, причемъ не обращалось вниманія на невыгодныя послѣдствія, какія можетъ имѣть соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ, лицѣ наблюдателя, субъекта и объекта. Психофизики не существовало; только со времени Галля, вмѣстѣ съ неудачной попыткой локализировать способности въ отдѣльныхъ частяхъ мозга, установлена была и та правильная точка зрѣнія, что умственныя и нравственныя явленія порождаются біологическими причинами, являются послѣдствіемъ движеній въ области мозга. Такая матеріалистическая точка зрѣнія не устраняетъ необходимости слѣдить за тѣмъ воздѣйствіемъ, какое на психическія явленія имѣетъ общественная среда, — обстоятельство, благодаря которому многіе современные мыслители, въ томъ числѣ Тардъ и де-Роберти, не прочь ставить психологію и этику въ зависимость отъ соціологіи и говорить объ изучаемыхъ ими явленіяхъ, какъ о біо-соціальныхъ. Новое направленіе, данное психологіи и этикѣ отнесеніемъ явленій духа къ области физіологіи, позволило установить въ то же время и двойственность нравственной природы человѣка, какъ существа одновременно эгоистическаго и альтруистическаго, и преобладаніе инстинкта самосохраненія надъ благожелательностью, что одно уже кладетъ непреодолимую границу человѣческому самоусовершенствованію, а потому и поступательному ходу исторіи. Если въ структурѣ мозга можно найти объясненія нашего запроса на самоусовершенствованіе, какъ индивидуальное, такъ и массовое, если въ немъ надо видѣть ближайшій источникъ прогресса, то тою же причиной, а именно преобладаніемъ чувствъ надъ разумомъ, легко объяснить и медленность самаго хода поступательнаго развитія, и невозможность того безконечнаго и безостановочнаго совершенствованія, о которомъ говорилъ Кондорсе. Въ сочиненіяхъ Кабаниса и Спурцгейма сдѣлана была дальнѣйшая попытка положить начало той психо-физикѣ, успѣхи которой въ наше время позволяютъ высказывать надежду на ближайшій переходъ психологіи въ число точныхъ наукъ. Но если пер-

вый ограничился одной только попыткой установить соотношеніе нравственныхъ свойствъ человѣка съ его физическими способностями [1]), то Галль и Спурцгеймъ сдѣлали попытку самой локализаціи въ мозгу отдѣльныхъ способностей, соглашаясь съ тѣмъ, что передній мозгъ является средоточіемъ нашей способности разумѣнія, а задній—обусловливаетъ собою наши чувствительныя воспріятія.

Несмотря на быстрые успѣхи точнаго знанія и возможность включить въ него изученіе духовной природы человѣка, какъ тѣсно связанной съ его физической структурой, идея поступательнаго движенія общества встрѣчала непреодолимыя препятствія въ сознаніи, что въ сферѣ политической жизни настоящее едва ли стоитъ выше прошлаго; развившійся съ эпохи Возрожденія вкусъ къ древности и знакомство съ ея бытовыми условіями, въ связи съ традиціей сословной представительной монархіи, невольно вызывали въ умѣ представленіе, что окончательное торжество абсолютизма въ XVI, XVII и XVIII вв. не можетъ считаться доказательствомъ поступательнаго хода человѣчества. И въ сферѣ общественныхъ отношеній—замѣна греческой и, позднѣе, римской [2]) изополитіи феодальной іерархіей казалась не отвѣчающей идеѣ прогресса, разумѣется, подъ условіемъ совершеннаго упущенія того факта, что производительные классы общества въ древнемъ мірѣ въ своей массѣ состояли изъ рабовъ и что положеніе крѣпостного человѣка, какъ связаннаго съ землею, а не съ личностью хозяина, является уже шагомъ впередъ на пути развитія гражданской свободы. Не случайнымъ совпаденіемъ надо считать поэтому тотъ фактъ, что теорія безостановочнаго усовершенствованія общества впервые высказывается не только современникомъ, но и участникомъ революціи, т.-е. того переворота, которымъ былъ положенъ конецъ одновременно самодержавію и сословному неравенству; до этого времени могла идти рѣчь—самое большее—о томъ круговращательномъ движеніи, въ силу котораго человѣчество развивается, такъ сказать, спирально, возвращаясь по временамъ къ порядкамъ, если не вполнѣ тождественнымъ, то близкимъ къ пережитымъ раньше. Къ этому сводилась извѣстная доктрина итальянца Вико—доктрина такъ называемыхъ ricorsi; современной критикой вполнѣ установлено, что Вико не отрицалъ возможности для человѣчества медленно подвигаться впередъ, продѣлывая въ то же время тотъ круговоротъ, при которомъ на разстояніи извѣстнаго времени возрождаются явленія прошлаго, но уже съ нѣкоторыми измѣненіями, отвѣчающими представленію объ усовершенствованіи.

Современникъ и жертва революціи Кондорсе излагаетъ свою доктрину о поступательномъ ходѣ человѣчества въ условіяхъ крайне неблагопріятныхъ систематической передачѣ своихъ мыслей. Скрываясь отъ преслѣдующихъ его якобинцевъ, онъ не имѣетъ подъ руками ни книгъ, ни замѣтокъ; онъ пишетъ по памяти и не болѣе, какъ очеркъ, или програму того, что должно было сдѣлаться темою цѣлаго сочиненія. Его разсужденіе о прогрессѣ дѣйствительно является тѣмъ эскизомъ [1]), названіе котораго оно носитъ въ самомъ текстѣ. Для Кондорсе прогрессъ является безостановочнымъ и необходимымъ поступательнымъ ходомъ; его нельзя задержать, какъ невозможно также повернуть обратно развитіе человѣчества; мыслимо только одно—замедлить его ходъ. Это поступательное движеніе присуще всѣмъ народамъ, но въ извѣст-

[1]) Кабанисъ — авторъ трактата „Rapport du physique et du morale de l'homme".

[2]) Я разумѣю дарованіе императоромъ Каракаллою правъ римскаго гражданства всему свободному населенію имперіи.

[1]) Точное его заглавіе слѣдующее: „Esquisse d'un tableau historique du progrès de l'esprit humain".

ные моменты оно съ особенною выпуклостью выступаетъ у одного изъ нихъ въ частности; это—своего рода избранный народъ, идущій во главѣ всѣхъ остальныхъ. Въ какомъ же направленіи происходитъ это поступательное движеніе? Прогрессъ, отвѣчаетъ Кондорсе, есть неудержимая тенденція, увлекающая отдѣльныхъ индивидовъ и цѣлые народы въ сторону истины и счастья. Кондорсе полагаетъ, что нельзя предвидѣть и предѣла такого развитія. Природа, говоритъ онъ въ противность тому, что было отмѣчено еще Галлемъ и вполнѣ развито Контомъ, не поставила никакихъ предѣловъ усовершенствованію человѣческихъ способностей; это усовершенствованіе не ограничено ничѣмъ, кромѣ существованія той планеты, на которую бросила насъ природа. Законъ прогресса одинаково управляетъ, по мнѣнію Кондорсе, животными, людьми и человѣческими обществами: золотой вѣкъ не за нами, а впереди насъ (смотри Esquisse, стр. 13 и 272).

Кондорсе — ученикъ Тюрго и непрочь повторить высказанную послѣднимъ мысль о томъ, что прогрессъ въ области мышленія сказывается въ замѣнѣ богословскихъ толкованій научными. Но онъ не останавливается на развитіи того положенія, что въ промежутокъ между богословскими и научными толкованіями человѣчество останавливалось на предположеніи, что „причины явленій лежатъ въ какихъ-то сущностяхъ и свойствахъ, передаваемыхъ абстрактными терминами, терминами, какъ выражается Тюрго, ничего не выяснявшими“ [2]). Въ этомъ ученіи о замѣнѣ теологическаго мышленія метафизическимъ, а затѣмъ уже научнымъ, можно найти зародышъ Контовскаго закона трехъ стадій развитія. Кондорсе, какъ впослѣдствіи Сенъ-Симонъ, не подчеркиваетъ достаточно существованія промежуточной стадіи; для него прогрессъ сказывается въ умственной сферѣ въ замѣнѣ богословскаго мышленія научнымъ, а въ нравственной — въ переходѣ отъ правилъ поведенія, предписанныхъ религіей, къ такимъ, которыя свободны отъ всякой зависимости по отношенію къ существующимъ вѣроисповѣданіямъ. Прогрессъ рисуется воображенію Кондорсе подобіемъ цѣпи, нигдѣ непрерываемой и позволяющей смотрѣть на каждый переживаемый моментъ, какъ на зависящій отъ всѣхъ предшествующихъ и какъ вліяющій на всѣ послѣдующіе. Чтобы установить эту цѣпь, необходимо, думаетъ Кондорсе, обратиться къ историческому методу, т.-е., поясняетъ онъ, къ послѣдовательному наблюденію человѣческихъ обществъ въ различныя эпохи, ими пройденныя [1]). Такимъ образомъ мы познакомимся съ порядкомъ, въ какомъ происходятъ перемѣны, и съ вліяніемъ, какое каждый данный моментъ оказываетъ на слѣдующій за нимъ во времени; мы въ состояніи будемъ указать въ тѣхъ измѣненіяхъ, какія произошли въ человѣчествѣ въ теченіе вѣковъ, тотъ путь, по которому оно идетъ въ своемъ развитіи, преслѣдуя двѣ цѣли: истину и счастье. Наблюденія надъ прошлымъ и настоящимъ человѣкомъ вызываютъ мысль и о средствахъ, какими можно обезпечить и ускорить наступленіе новыхъ усовершенствованій, согласныхъ съ его природой. Итакъ, для Кондорсе, какъ впослѣдствіи для Конта, является истиной извѣстное утвержденіе Лейбница—„настоящее несетъ на себѣ бремя прошлаго и чревато будущимъ“; другими словами, всѣмъ имъ ясно, что отвѣтъ на вопросъ о томъ направленіи, въ какомъ будетъ развиваться человѣчество, способно дать лишь знаніе какъ пройденныхъ имъ стадій, такъ и переживаемой нынѣ. Но тогда какъ для Конта,

[2]) См. Discours sur l'histoire universelle. Oeuvres, изд. Гильомена, т. II, стр. 656.

[1]) Ibid., p. 9.

какъ мы увидимъ впослѣдствіи, всѣ предсказанія будущаго на основаніи прошлаго и настоящаго должны подвергнуться еще недедуктивной провѣркѣ, отправляющейся отъ изученія психо-физической природы человѣка, Кондорсе ни слова не говоритъ о такой провѣркѣ, а это имѣетъ послѣдствіемъ то, что для него прогрессъ не останавливается передъ созданной самой природой границей господства страстей надъ разумомъ.

Кондорсе — современникъ Руссо и не вполнѣ избавился отъ вліянія, какое на всѣхъ „людей революціи“ имѣло ученіе „Общественнаго договора“ и „Эмиля“. Онъ такой же оптимистъ, какъ и Руссо; онъ вѣритъ въ совершенство человѣческой природы, разъ она неиспорчена дурнымъ воспитаніемъ; подобно Руссо, онъ также не видитъ другого средства разгадать, каковы были начальныя стадіи въ исторіи человѣчества, какъ отправляясь отъ теоретическихъ наблюденій надъ развитіемъ нашихъ умственныхъ и нравственныхъ способностей. Такимъ апріорнымъ путемъ онъ приходитъ къ построенію системы первобытныхъ порядковъ. Все то, что въ наши дни обнимается понятіемъ до-исторіи, или первобытной соціологіи, для него не существуетъ. Ему чужда всякая попытка возстановить древнѣйшее прошлое на основаніи его переживаній въ настоящемъ и аналогіи съ бытомъ дикарей. Онъ разсуждаетъ по этимъ вопросамъ точь въ точь такъ, какъ это дѣлаетъ Руссо въ своемъ трактатѣ „О причинахъ, породившихъ неравенство между людьми“. По примѣру Паскаля, предлагавшаго разсматривать человѣчество, какъ единаго индивида, вѣчно пріобрѣтающаго новыя познанія, Кондорсе въ своемъ историческомъ очеркѣ орудуетъ не столько методомъ сравнительно-историческимъ, сколько историческимъ въ строгомъ смыслѣ слова. Два народа—одинъ въ древности, другой въ новое время,—ставятся имъ во главѣ поступательнаго движенія человѣчества: греки и французы; онъ слѣдитъ за ихъ развитіемъ, отмѣчаетъ сходныя, но менѣе выпукло выступающія явленія въ жизни другихъ народовъ и странъ; такимъ образомъ онъ строитъ свои выводы на довольно ограниченномъ и одностороннемъ матеріалѣ. Одна революція, думаетъ онъ, позволила французскому народу лелѣять надежду сыграть въ будущемъ ту же роль — руководителя человѣчества, какая въ прошломъ выпала въ удѣлъ древнимъ грекамъ. „Природа страны и стеченіе обстоятельствъ позволяютъ надѣяться на выполненіе имъ такой славной миссіи, но не будемъ заглядывать въ то, что скрываетъ отъ насъ еще невѣрное будущее“. Эти строки, набросанныя Кондорсе въ самый разгаръ направленныхъ на него якобинцами преслѣдованій, въ ожиданіи неминуемой казни и за нѣсколько недѣль до смерти, говорятъ о томъ настроеніи, въ какомъ написанъ былъ весь „Эскизъ“. Онѣ доказываютъ какъ нельзя лучше способность Кондорсе освобождаться отъ всякихъ временныхъ и личныхъ настроеній. Все его разсужденіе проникнуто мыслью о необходимости въ „наукахъ нравственныхъ“, какъ и въ физическихъ, строить выводы на наблюденіяхъ. Эта же мысль нашла выраженіе себѣ еще ранѣе, въ 1782 году, въ рѣчи, произнесенной имъ. по случаю пріема его во французскую академію. Для Кондорсе исторія, предлагаемая какъ методъ для построенія науки о прогрессѣ человѣчества, не является однимъ перечнемъ важнѣйшихъ политическихъ событій, разсказомъ о жизни правителей, о войнахъ и союзахъ; издатель Вольтера, подобно своему другу и учителю, интересуется въ прошломъ народовъ массовыми явленіями, развитіемъ нравовъ, правовыхъ представленій, политическихъ порядковъ, научныхъ и художественныхъ теорій. И въ этомъ отношеніи Кондорсе является прямымъ предшественникомъ Конта. Но

онъ расходится съ нимъ радикально въ оцѣнкѣ прошлаго. Контъ, какъ мы увидимъ, подобно Гегелю, склоненъ былъ думать, что все существующее имѣло и имѣетъ достаточное основаніе, а потому разумно; Кондорсе же, испытавшій на себѣ вліяніе революціонной доктрины, не могъ отнестись иначе, какъ отрицательно, къ отмѣненнымъ революціей средневѣковымъ порядкамъ съ ихъ двоевластіемъ папы и императора, съ ихъ расчлененіемъ общества на сословные пласты, съ ихъ обращеніемъ массы населенія въ подневольныхъ тружениковъ, плохо вознаграждаемыхъ землею. Читая его, легко усумниться въ томъ, чтобы прогрессъ, дѣйствительно, являлся безостановочнымъ ростомъ человѣчества; онъ не оцѣниваетъ должнымъ образомъ великаго значенія христіанства въ развитии идеи равенства людей, прежде всего передъ Богомъ, а затѣмъ и передъ поставленными имъ властями, частными и публичными. Слова апостола Павла: „Нѣтъ болѣе ни рабъ, ни господъ, ни мужескій полъ, ни женскій, вси бо едины во Христѣ Іисусѣ", выражаютъ лишь первую половину евангельскаго завѣта, вторая же его половина—равенство гражданское—осуществлена была многія столѣтія спустя передовыми сектами протестантизма, перенесшими идею равенства во Христѣ и на земныя отношенія. Не понимаетъ Кондорсе и всего общественнаго и экономическаго уклада среднихъ вѣковъ, въ частности ихъ феодальной системы. Онъ не видитъ того, что эта система построена на договорномъ началѣ, что она впервые замѣняетъ насиліе соглашеніемъ, обращая покоренныхъ не въ безправныхъ рабовъ, а въ совладѣльцевъ съ покорителями, обезпечивая такимъ образомъ всѣмъ классамъ общества опредѣленное отношеніе къ землѣ и возмѣщая ихъ за трудъ и службу имущественными выгодами, правомъ пользованія помѣстной землею. Для Кондорсе, какъ и для экциклопедистовъ, средніе вѣка—эпоха варварства, насилія и суевѣрія, въ которой путеводной звѣздой является одна лишь арабская наука, продолжавшая дѣло грековъ. Но если средніе вѣка заключаютъ въ себѣ только отрицательныя стороны, то не вѣрнѣе ли держаться той философіи исторіи, какую проповѣдывалъ Вико, утверждавшій необходимость попятныхъ движеній. Контъ отмѣтитъ эту отрицательную сторону въ историко-философскихъ построеніяхъ того, кто, по его словамъ, былъ для него „духовнымъ отцомъ". Въ сочиненіяхъ де-Местра, въ его пониманіи великаго значенія папства и средневѣковой системы двоевластія свѣтскаго и духовнаго меча, онъ найдетъ руководящую нить и необходимый матеріалъ для исправленія сдѣланной Кондорсе ошибки. Средніе вѣка впервые представлены будутъ имъ въ томъ свѣтѣ, какой ранѣе былъ доступенъ пониманію однихъ католическихъ писателей. Онъ покажетъ, что въ эти столѣтія поступательный ходъ человѣчества не прекратился, что въ это именно время совершилось то обособленіе свѣтской и духовной власти въ лицѣ папы и императора, какого мы не находимъ ни въ теократіяхъ древняго Востока, ни въ Аѳинахъ, ни въ Римѣ, гдѣ, какъ извѣстно, государственные сановники призываемы были къ отправленію функцій, тѣсно связанныхъ съ религіей [1]).

Но если Кондорсе не всегда справедливъ по отношенію къ прошлому, то, съ другой стороны, его надежды на будущее носятъ въ значительной степени характеръ утопіи, такъ какъ онъ не обращаетъ вниманія на тѣ предѣлы, какіе ставитъ усовершенствованію нашей жизни самая ограниченность человѣческой природы; онъ допускаетъ, напримѣръ, возможность исчезновенія въ людяхъ самаго представленія

[1]) Стоитъ вспомнить только роль, какую аѳинское право признаетъ за *архонтомъ-базилевсомъ*, а римское—за *pontifex maximus* въ дѣлахъ церковныхъ.

о томъ, что частный интересъ расходится съ общимъ, и предсказываетъ наступленіе такихъ порядковъ, при которыхъ любовь къ ближнему будетъ столь же интенсивна, какъ и къ самому себѣ. „Весьма вѣроятно,—пишетъ онъ,—что настанетъ время, когда страсти и личныя влеченія не будутъ оказывать на руководящія нашею волею сужденія большаго вліянія, чѣмъ то, какое онѣ имѣютъ нынѣ на образованіе нашихъ научныхъ мнѣній. Дѣйствія, противорѣчащія чужому праву, станутъ столь же физически невозможными, какъ хладнокровно совершаемое насиліе невозможно уже въ наше время для большинства людей; всѣ народы будутъ жить въ полномъ согласіи, и война исчезнетъ изъ нравовъ. Забота о ближнихъ и любовь къ человѣчеству заступятъ мѣсто религіи".

Подобно Конту, Кондорсе придаетъ руководящую роль въ этомъ переворотѣ успѣхамъ научнаго мышленія и дѣятельности ученыхъ. Благодаря имъ, предсказываетъ онъ, послѣдуетъ объединеніе всѣхъ наукъ и создана будетъ ихъ общая философія, философія научная въ точномъ смыслѣ слова. Совѣтъ ученыхъ будетъ завѣдывать поступательнымъ ходомъ знанія, а такъ какъ съ нимъ тѣсно связано усовершенствованіе нравовъ и ростъ общаго счастья, то отъ нихъ же будетъ зависѣть его осуществленіе въ дѣйствительности. Кондорсе полагаетъ въ своемъ оптимизмѣ, что не только всѣ отсталыя націи подымутся до той же ступени развитія, на какой стоятъ Франція или Соединенные Штаты Америки, но что и самъ человѣческій родъ будетъ значительно усовершенствованъ. Это произойдетъ, во-первыхъ, благодаря научнымъ открытіямъ и примѣненіямъ техники, во-вторыхъ — въ виду успѣховъ нравственности и, наконецъ, въ-третьихъ, какъ послѣдствіе дѣйствительнаго улучшенія нашихъ умственныхъ, нравственныхъ и даже физическихъ способностей. Но это можетъ быть достигнуто только подъ условіемъ упроченія равенства народовъ и частныхъ лицъ между собою, а для этого необходимо отмѣнить, во-первыхъ, неравенство богатствъ, во-вторыхъ, неравенство, порождаемое законами наслѣдованія, въ-третьихъ, неравенство знаній, открывъ съ этой цѣлью всѣмъ равный доступъ къ образованію. Если, съ одной стороны, эти мѣры должны быть признаны практически осуществимыми и сводятся въ концѣ-концовъ къ упраздненію частной собственности и наслѣдства и къ созданію дарового и обязательнаго обученія, то, съ другой, нельзя не признать преувеличенной надежду Кондорсе, что отъ усовершенствованія общественныхъ условій послѣдуетъ измѣненіе и самой природы человѣка.

* * *

§ 2. Кондорсе [1]) открывается рядъ прямыхъ предшественниковъ Конта и созданной имъ соціологіи. Вторымъ послѣ Кондорсе въ порядкѣ историческаго преемства надо считать Сенъ-Симона. О немъ одинъ изъ недавнихъ его біографовъ, Жоржъ Дюма, выразился слѣдующимъ образомъ: „Когда читаешь все написанное Контомъ, чувствуешь на каждомъ шагу необходимость вспоминать о Сенъ-Симонѣ; въ глаза бросается тотъ фактъ, что общій планъ, безъ котораго не могло бы быть построено великое зданіе, данъ былъ Сенъ-Симономъ и что, несмотря на свои недостатки, мысль Сенъ-Симона, благодаря счастливой интуиціи, была тѣмъ ферментомъ, который вызвалъ все дальнѣйшее движеніе въ области положительной философіи и соціологіи [2]). Тотъ же писатель рѣшается утверждать, что Сенъ-Симонъ, несмотря

[1]) Смотри о Кондорсе сочиненіе Фрачка Аленгри, резюмированное его же авторомъ въ другомъ трактатѣ „Историческій и критическій очеркъ соціологіи по Огюсту Конту", Парижъ 1900 г., стр. 210, 405—422.

[2]) Смотри „Psychologie de deux Messies positivistes, Saint-Simon et Auguste Comte", par George Dumas, Paris, 1905, стр. 9.

на безпорядочность своего творчества, несмотря на то, что книги его остались незаконченными, а ученіе не получило достаточнаго развитія, все же далъ черновикъ того, что написано будетъ Контомъ. Его абрисъ подчасъ страдаетъ неопредѣленностью, спѣшно сдѣланъ, не вполнѣ очерченъ, но въ то же время носитъ на себѣ печать силы и геніальности. Безъ него Конту, думаетъ Дюма, не суждено было бы сдѣлаться основателемъ ни положительной философіи, ни религіи человѣчества.

Посмотримъ, въ какой мѣрѣ справедливо подобное заявленіе и что именно сдѣлано было Сенъ-Симономъ въ смыслѣ подготовленія того пути, по которому пошелъ Контъ. Но ранѣе всего отмѣтимъ тотъ фактъ, что Контъ далеко не принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые избѣгаютъ всякаго указанія на своихъ предшественниковъ. Онъ, наоборотъ, очень охотно признаетъ въ сочиненіяхъ мыслителей XVIII вѣка, какъ и у своихъ современниковъ, сходныя съ нимъ черты. Такъ Кондорсе не разъ признается имъ „духовнымъ отцомъ"; о Кантѣ по прочтеніи перевода его разсужденія „О всемірной исторіи съ точки зрѣнія человѣчества" [1]), Контъ пишетъ своему другу д'Эйхталю въ Берлинъ 10 декабря 1824 года: „Я всегда смотрѣлъ на Канта, какъ на очень сильный умъ, какъ на метафизика, всего ближе подошедшаго къ положительной философіи; но чтеніе сдѣланнаго вами перевода не только усилило, но и точнѣе опредѣлило мое высокое представленіе о немъ. Если бы Кондорсе знакомъ былъ съ его разсужденіемъ, чего я не думаю, то за нимъ трудно было бы признать большую заслугу въ установленіи идеи прогресса, хотя его концепція проведена почти столь же рѣшительно и въ нѣкоторомъ отношеніи съ большей опредѣленностью, чѣмъ Кантомъ. Что же касается до меня самого, то, прочитавъ трактатъ Канта, я не признаю за собой другой заслуги, кромѣ приведенія въ систему мыслей, высказанныхъ Кантомъ и оставшихся мнѣ неизвѣстными. Возможностью сдѣлать это я обязанъ моему научному образованію. Единственный шагъ впередъ, сдѣланный мною въ смыслѣ положительномъ, состоитъ, какъ мнѣ кажется, въ открытіи закона о прохожденіи человѣческимъ мышленіемъ трехъ стадій: теологической, метафизической и научной. Мнѣ кажется, что эта мысль могла бы сдѣлаться базисомъ для труда, выполненіе котораго рекомендовано Кантомъ. Я благословляю въ настоящую минуту мой недостатокъ эрудиціи, такъ какъ, будь я ранѣе знакомъ съ разсужденіемъ Канта, моя работа потеряла бы весьма много въ моихъ собственныхъ глазахъ. Я ясно понимаю также причину, по которой первая часть моего сочиненія не должна имѣть для нѣмецкихъ философовъ, какъ вы и пишете, большого значенія (очевидно, потому, что для Конта она близка по замыслу къ сочиненію Канта) [1]).

И у другихъ нѣмецкихъ философовъ Контъ ищетъ сходныхъ съ нимъ взглядовъ; такъ, въ томъ же письмѣ, благодаря д'Эйхталя за присылку ему выдержекъ изъ сочиненій и лекцій Гегеля, онъ пишетъ: „Я очень радъ, что познакомился съ нимъ, и жалѣю, что ваши выдержки не длиннѣе. Гегель несравненно ниже Канта; онъ кажется мнѣ еще черезчуръ метафизичнымъ; не нравится мнѣ его „духъ", за которымъ онъ признаетъ такую странную роль, но, подобно вамъ, я считаю его умомъ положительнымъ, если не въ конструкціи основной мысли всей

[1]) Сочиненіе это появилось на нѣмецкомъ языкѣ въ 1784 г.

[1]) Auguste Comte et la philosophie positive par E. Littré. 2-me éd. 1864 г. стр. 156; у того же Littré можно найти и переводъ въ сокращеніи трактата Канта: „Идея всемірной исторіи съ точки зрѣнія человѣчества", стр. 54—68.

его доктрины, то въ ея подробностяхъ. Мнѣ кажется, что между Гегелемъ и мною много сходнаго, но я въ то же время не допускаю пока, подобно вамъ, общности нашихъ принциповъ; я думаю, что намъ полезно будетъ приблизиться къ Гегелю" [1]).

И о самомъ Сенъ-Симонѣ Контъ выражается почти одновременно, или вѣрнѣе, за два года до этого, слѣдующимъ образомъ: „Я ученикъ его; я вполнѣ усвоилъ себѣ философскую мысль Сенъ-Симона, что переустройство современнаго общества должно породить двоякаго рода труды въ области мышленія..." Контъ разумѣетъ, съ одной стороны, построеніе общей философіи наукъ, а съ другой— того, что Сенъ-Симонъ обнималъ понятіемъ политической системы, т.-е. на самомъ дѣлѣ общественной философіи. „Давно уже—продолжаетъ онъ,—я обдумываю въ моемъ умѣ основныя идеи Сенъ-Симона (les idées mères) и занимаюсь исключительно систематизаціей, развитіемъ и усовершенствованіемъ той части общихъ очерковъ этого философа, которая касается новаго направленія наукъ". Сенъ-Симона Контъ называетъ основателемъ той философской школы, къ которой онъ считаетъ за честь принадлежать [2]). Въ письмахъ къ Вала, которыя имѣютъ такое значеніе для опредѣленія хода развитія философской концепціи Конта, о Сенъ-Симонѣ говорится, какъ о превосходномъ человѣкѣ, имѣющемъ несомнѣнныя заслуги. Контъ вскорѣ послѣ своего знакомства съ Сенъ-Симономъ становится его секретаремъ, сперва на жалованьи, а затѣмъ, въ виду хроническаго безденежья своего друга, и даровымъ. Контъ пишетъ, что въ шесть мѣсяцевъ, благодаря тѣсному общенію съ такимъ мыслителемъ, какъ Сенъ-Симонъ, онъ подвинулся больше, чѣмъ могъ бы сдѣлать это трехлѣтней одинокой работой; совмѣстная дѣятельность расширила его способность сужденія въ вопросахъ политическихъ, увеличила сумму его представленій о всѣхъ другихъ наукахъ, раскрыла ему въ немъ самомъ способность философскаго мышленія, которой онъ не подозрѣвалъ. „Самъ Сенъ-Симонъ и нѣкоторые другіе публицисты,—прибавляетъ онъ,—„приходятъ въ восторгъ отъ моихъ обобщеній въ сферѣ философіи и обществовѣдѣнія".

Только послѣ двухлѣтняго сотрудничества Контъ въ письмѣ къ Вала отъ 6 сентября 1820 года пишетъ: „Я укажу тебѣ въ точности то, что изъ появившихся въ журналѣ „Организаторъ" писемъ принадлежитъ мнѣ, а что—Сенъ-Симону", изъ чего слѣдуетъ, что въ это еще время онъ продолжалъ не подписывать своихъ статей. Два года спустя, въ 1822 г., въ предисловіи къ написанной имъ части „Катехизиса промышленниковъ" Контъ объявляетъ себя по прежнему ученикомъ Сенъ-Симона.

Эта близость не устраняла однако между обоими существенныхъ различій. Намекъ на нихъ можно встрѣтить въ письмѣ, съ которымъ Контъ на 19-омъ году жизни обратился къ Сенъ-Симону, ища его знакомства. Они еще нагляднѣе выступятъ впослѣдствіи и въ томъ же направленіи. Сенъ-Симонъ придаетъ большее значеніе перемѣнамъ въ экономическихъ порядкахъ и отводитъ бо̀льшую роль промышленникамъ въ предстоящемъ обновленіи общества, чѣмъ его ученикъ. Послѣдній думаетъ, что прежде всего надо положить конецъ умственной анархіи созданіемъ научной философіи, построенной въ свою очередь на іерархіи наукъ, и что руководящая роль въ дальнѣйшемъ прогрессѣ общества должна принадлежать ни кому другому, какъ ученымъ, разумѣется, не спеціалистамъ, а

[1]) Ibid., стр. 157.

[2]) См. третью тетрадь Catéchisme des industriels, озаглавленную Plan des travaux и вышедшую въ 1822 г.

наоборотъ, тѣмъ, кто обладаютъ универсальнымъ знаніемъ. Позднѣе, когда Сенъ-Симонъ вдастся въ религіозность и положитъ основаніе неохристіанству, Контъ открыто разорветъ всякія сношенія съ нимъ, а затѣмъ и съ его школой, принявшей еще болѣе религіозную окраску послѣ смерти учителя и подъ руководствомъ Базара и Анфантена. До насъ дошли прямыя заявленія Конта на этотъ счетъ. Весьма большое значеніе имѣетъ въ этомъ смыслѣ его письмо къ Мишелю Шевалье. „У меня были,—пишетъ ему Контъ,—очень тѣсныя отношенія къ Сенъ-Симону, предшествующія во времени всѣмъ тѣмъ, какія могли возникнуть между нимъ и членами вашего общества. Контъ разумѣетъ секту Сенъ-Симонистовъ, имѣвшую своимъ органомъ газету „Globe“. Мое знакомство съ Сенъ-Симономъ прекратилось, читаемъ мы далѣе въ этомъ письмѣ,—за два года до кончины этого философа, а слѣдовательно въ такое время, когда не заходило и рѣчи о Сенъ-Симонистахъ. Я долженъ поставить вамъ на видъ, что Сенъ-Симонъ тогда еще не принялъ „богословской окраски (couleur théologique) и что нашъ разрывъ долженъ быть приписанъ отчасти тому, что я сталъ замѣчать въ немъ религіозную тенденцію, совершенно несогласную съ моимъ философскимъ направленіемъ“. Въ другомъ мѣстѣ своего письма Контъ говоритъ: „Никогда, въ теченіе всей моей литературно-научной карьеры, я не отступалъ передъ открытымъ заявленіемъ, что религіозное мышленіе, даже доведенное до самыхъ скромныхъ размѣровъ, является главнымъ препятствіемъ къ прогрессу разума и къ усовершенствованію общественной организаціи“. Тотъ научный путь, которымъ я пошелъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ мыслить, дѣлаемыя мною усилія къ тому, чтобы обратить общественныя теоріи въ политическія науки, радикально и абсолютно расходятся, — прибавляетъ Контъ,—со всякой религіозной или метафизической тенденціей“ [1]).

Эти заявленія со стороны человѣка, который на разстояніи немногихъ лѣтъ сдѣлаетъ попытку стать основателемъ новой религіи, религіи человѣчества, и даже сдѣлается ея верховнымъ жрецомъ, какъ нельзя лучше показываютъ, что въ годы, посвященные созданію положительной философіи и построенію соціологіи, Конту еще чужда была всякая религіозность.

За нѣсколько мѣсяцевъ до разрыва онъ начинаетъ тяготиться опекою Сенъ-Симона: онъ не желаетъ быть болѣе „литературнымъ батракомъ“ (manoeuvre littéraire). Сенъ-Симона онъ подозрѣваетъ въ намѣреніи отсрочить появленіе въ свѣтъ его труда изъ страха быть превзойденнымъ; но онъ еще признаетъ за нимъ ту заслугу, что онъ содѣйствовалъ выбору имъ въ своихъ трудахъ философскаго направленія, котораго, пишетъ онъ, я намѣренъ держаться и впредь [2]).

Изъ всего сказаннаго нетрудно, кажется, сдѣлать тотъ выводъ, что Сенъ-Симонъ, по собственному сознанію Конта, игралъ нѣкоторую роль въ выработкѣ его доктрины. Это заявленіе находитъ себѣ рѣшительное подтвержденіе въ самомъ анализѣ тѣхъ мыслей, какія брошены были въ обращеніе творцомъ соціализма до момента знакомства его съ Контомъ и въ періодъ ихъ совмѣстной работы. Правда, не все въ этихъ мысляхъ можетъ считаться оригинальнымъ. Самъ Сенъ-Симонъ говоритъ о томъ вліяніи, какое оказала на выработку его взглядовъ одна бесѣда съ докторомъ Бюрденъ. Съ другой стороны, нетрудно усмотрѣть большую близость Сенъ-Симона къ Кондорсе—обстоятельство, которое позволитъ Конту впослѣдствіи объявлять себя прямымъ ученикомъ одного послѣдняго.

---

[1]) См. неизданную переписку Конта, изд. 1903 г., первая серія, стр. 65, 66 и 69. Письма отъ 5 янв. 1832 года.

[2]) См. письма къ Вала, стр. 119.

Въ 1842 г. Контъ уже будетъ обвинять Сенъ-Симона въ томъ, что онъ хотѣлъ направить его въ сторону безплодныхъ попытокъ политической дѣятельности, тогда какъ современное состояніе общества требуетъ прежде всего теоретическихъ работъ[1]), а въ 1853 г., печатая III т. своей „Положительной политики“ [2]), онъ заявитъ, что обязанъ своими мыслями не Сенъ-Симону, обвиняемому имъ „въ шарлатанствѣ и жонглёрствѣ“, а Кондорсе—своему „духовному отцу“.

Въ чемъ же, спрашивается, сходятся взгляды Конта съ ученіемъ Сенъ-Симона и какими, въ частности, успѣхами обязана зарождающаяся соціологія родоначальнику современнаго соціализма. Алангри и Жоржъ Дюма сдѣлали за послѣднее время попытку показать, чѣмъ Контъ обязанъ Сенъ-Симону. Ихъ выводы существенно расходятся между собою въ томъ смыслѣ, что первый признаетъ большую самостоятельность въ выработкѣ Контомъ его доктрины, а второй видитъ всецѣло источникъ ея въ мысляхъ, высказанныхъ Сенъ-Симономъ; но оба въ одинаковой степени указываютъ на связь между ученіями послѣдняго и доктриною энциклопедистовъ вообще, Тюрго и Кондорсе—въ частности. Изъ ихъ разбора оказывается, что и законъ трехъ стадій, и классификація наукъ въ порядкѣ ихъ умаляющейся общности и возрастающей сложности, и попытка построенія науки объ обществѣ съ помощью методовъ точнаго знанія, науки, обозначаемой терминомъ соціальной физики, встрѣчается уже у Сенъ-Симона. Но изъ этихъ трехъ основныхъ взглядовъ—первый въ зародышѣ высказанъ былъ и ранѣе Тюрго; вторымъ Сенъ-Симонъ, по собственному признанію, обязанъ разговорамъ своимъ съ докторомъ Бюрденъ; третій можетъ быть намѣченъ, въ самыхъ, разумѣется, общихъ чертахъ, еще въ произведеніяхъ школы физіократовъ, въ частности Кене, уже говорившаго о соціальной физикѣ. Всякая наука движется путемъ постепеннаго выясненія смутно сознаваемыхъ на первыхъ порахъ истинъ и нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, если въ примѣненіи къ тремъ доктринамъ, на которыхъ въ значительной степени держится контовская концепція философіи наукъ и соціологіи, можно указать на цѣлую филіацію идей, восходящихъ по меньшей мѣрѣ ко второй половинѣ XVIII вѣка; эти идеи сошлись какъ въ общемъ фокусѣ въ головѣ Сенъ-Симона, безпорядочно разбросаны имъ въ его многочисленныхъ брошюрахъ и не разъ развиваемы были въ длинныхъ бесѣдахъ съ учениками, въ числѣ которыхъ былъ и молодой Контъ. Послѣдній, хотя и не сходился во всемъ со своимъ учителемъ, захваченъ былъ научной стороной его взглядовъ. Онъ готовъ былъ поэтому называть себя ученикомъ Сенъ-Симона даже тогда, когда ему приходилось искать, если не новыхъ путей къ раскрытію истины, то, по крайней мѣрѣ, новой демонстраціи для доктрины, полнаго обоснованія которой Сенъ-Симонъ не могъ дать по недостатку научной подготовки.

Укажемъ бѣгло на то, что заключаютъ въ себѣ брошюры Сенъ-Симона, написанныя до или во время его сближенія съ Контомъ, по вопросу о классификаціи наукъ и о тѣхъ трехъ стадіяхъ, какія онѣ проходятъ, какъ и все вообще человѣческое мышленіе; мы остановимся затѣмъ болѣе подробно на анализѣ соціологическихъ воззрѣній Сенъ-Симона, насколько въ нихъ можно найти зародышъ будущаго построенія Контомъ абстрактной науки объ обществѣ.

Еще въ первомъ своемъ сочиненіи, написанномъ имъ въ 1803 году, подъ заглавіемъ „Письма жителя Женевы“, Сенъ-Симонъ ставитъ себѣ задачей создать, взамѣнъ средневѣковой духовной власти, новую и вручить ее ученымъ и художни-

[1]) См. предисловіе къ VI т. „Курса положительной философіи“.

[2]) См. Système de politique positive, III v. préface стр. XVII.

камъ. Сенъ-Симонъ предлагаетъ, чтобы по всей Европѣ открыты были выборы и каждому поручено было назначить 3-хъ математиковъ, 3-хъ физиковъ, 3-хъ химиковъ, 3-хъ физіологовъ, 3-хъ литераторовъ, 3-хъ живописцевъ и 3-хъ музыкантовъ. Пусть такіе выборы возобновляются изъ года въ годъ. Послѣдствіемъ будетъ образованіе своего рода совѣта изъ людей геніальныхъ, пользующихся громаднымъ признаніемъ. Ихъ руководительство умами, какъ людей совершенно независимыхъ отъ всякаго свѣтскаго начальства, сдѣлаетъ возможнымъ поступательное движеніе наукъ, искусствъ и цивилизаціи. Мы находимъ здѣсь въ зародышѣ одно изъ основныхъ ученій позитивизма объ отдѣленіи духовнаго руководительства отъ свѣтскаго, а въ томъ чередованіи наукъ отъ математики до физіологіи включительно, о которомъ упоминается по поводу выбора ученыхъ въ верховный совѣтъ,—пять первыхъ звеньевъ той цѣпи, изъ которой слагается классификація абстрактнаго знанія по Конту. „Всѣ явленія природы, извѣстныя намъ,—пишетъ Сенъ-Симонъ[1]),—могутъ быть раздѣлены на явленія астрономическія, физическія, химическія и физіологическія. Для него физіологія обнимаетъ собою физіологію индивидуальную, какъ физическую, такъ и психическую, и физіологію общественную, или соціальную физику, въ которую входитъ изученіе поступательнаго хода человѣческаго разума и указаніе его дальнѣйшихъ путей. Такимъ образомъ физіологія въ глазахъ Сенъ-Симона еще въ 1803 году заключаетъ въ себѣ элементы, изъ которыхъ Контомъ построены будутъ, съ одной стороны, наука о жизни тѣла и духа, обнимаемая общимъ понятіемъ біологіи, съ другой, наука объ обществѣ, понятіе, для выраженія котораго Контъ придумаетъ довольно неудобный, но вошедшій уже повсюду въ употребленіе

[1]) См. Lettres d'un habitant de Genève, т. I, стр. 36.

терминъ соціологіи,—терминъ, въ составъ котораго, рядомъ съ латинскимъ, входитъ и греческое слово. Замѣчательно также то, что Сенъ-Симонъ уже останавливается на той мысли, что и въ историческомъ порядкѣ науки развивались сообразно ихъ меньшей или большей сложности. Сперва даны были научныя объясненія менѣе сложнымъ явленіямъ, каковы астрономическія, затѣмъ болѣе сложнымъ, какъ химическія. Въ порядкѣ, въ какомъ отдѣльныя категоріи знанія получили характеръ положительныхъ наукъ (sciences positives—Сенъ-Симонъ уже употребляетъ этотъ терминъ) можно видѣть также все болѣе и болѣе близкое отношеніе ихъ къ человѣку. Сперва образуются науки, дающія объясненіе явленіямъ болѣе или менѣе отдаленнымъ отъ него, затѣмъ — прямо его касающимся. Математика и астрономія развиваются поэтому ранѣе физіологіи [1]).

Другая мысль, также близко стоящая къ самымъ основамъ положительной философіи и которую въ зародышѣ можно встрѣтить уже въ „Письмахъ писателя Женевы",—это та, что объясненіе тѣхъ или другихъ явленій: астрономическихъ, физическихъ, химическихъ и физіологическихъ, становится научнымъ только съ того момента, когда перестаетъ быть гадательнымъ (conjectural), что возможно лишь при разрывѣ съ богословскими и метафизическими толкованіями. „Физіологія,— пишетъ Сенъ-Симонъ, понимая подъ ней, какъ мы видѣли и біологію съ психологіей и соціологію,—находится еще въ наши дни въ томъ же состояніи, въ какомъ была астрономія въ эпоху астрологовъ и химія въ эпоху алхимиковъ. Необходимо, чтобы физіологи изгнали изъ своей среды философовъ-моралистовъ и метафизиковъ, какъ астрономы прогнали астрологовъ, а химики—алхимиковъ" [2]).

[1]) Ibid., I, стр. 38—39.
[2]) Ibid., I, стр. 39—40.

Всѣ эти мысли найдутъ со временемъ болѣе полное развитіе въ другихъ брошюрахъ и статьяхъ Сенъ-Симона. Такъ, въ своемъ „Организаторѣ“ (IV, 137) онъ будетъ пророчествовать обращеніе философіи, морали и права въ положительную науку, по мѣрѣ освобожденія ихъ отъ доктринъ богословскихъ и метафизическихъ и перехода къ методу наблюденія. Въ трактатѣ, озаглавленномъ „Мемуары о наукахъ, занимающихся человѣкомъ“ (Mémoires sur les sciences de l' homme, стр. 9) Сенъ-Симонъ болѣе обстоятельно развиваетъ ту мысль, что политическая наука не болѣе, какъ общественная физіологія и потому часть той общей физіологіи, которая является у него послѣднимъ звеномъ въ построенной имъ цѣпи наукъ. Еще позднѣе, въ отрывкахъ изъ „Соціальной физіологіи“ Сенъ-Симонъ показываетъ, что эта послѣдняя наука изучаетъ индивидовъ, какъ отдѣльные органы общественнаго тѣла. Подобно тому, какъ физіологія человѣка знакомитъ насъ съ функціями его организма, физіологія общества раскрываетъ намъ функціи послѣдняго. „Общество — прибавляетъ онъ, — не есть простое накопленіе живыхъ существъ, дѣйствія которыхъ независимы отъ конечной цѣли (de tout but final) и не опредѣляются ни чѣмъ инымъ, какъ личной волей каждаго; оно, наоборотъ, является настоящей машиной, организованной такимъ образомъ, чтобы всѣ части ея равно содѣйствовали ходу цѣлаго; соединеніе людей воедино образуетъ самостоятельное существо, развивающееся подобно индивиду [1]).

Можно сказать, такимъ образомъ, что и уподобленіе общества организму, а общественныхъ явленій—его функціямъ,— уподобленіе, къ которому ранѣе Спенсера и въ менѣе буквальномъ смыслѣ, чѣмъ послѣдній, не разъ прибѣгнетъ и Контъ, встрѣчается еще у Сенъ-Симона, что вполнѣ отвѣчаетъ и его представленію объ обществовѣдѣніи, какъ о соціальной физіологіи. Сенъ-Симонъ подготовляетъ дорогу Конту и тогда, когда говоритъ о необходимости восполнить систему точныхъ наукъ включеніемъ въ число ихъ и только что указанной новой науки. „Немыслимо—пишетъ онъ—дальнѣйшее противуположеніе двухъ міровъ—духовнаго и физическаго; существуетъ только одинъ міръ явленій: общественное развитіе—продолженіе животнаго развитія. Примѣняя тотъ же методъ наблюденія въ обществовѣдѣніи, какому точныя науки обязаны своимъ созданіемъ, мы необходимо придемъ къ установленію законовъ и въ ихъ средѣ. Для индивидуальной физіологіи сдѣланы были уже серьезныя попытки открыть эти законы Викъ д'Азиромъ, Кабанисомъ и Биша; для общественной—Кондорсе. Сенъ-Симонъ, очевидно, знакомъ съ „Картиной прогресса человѣческаго разума“, но онъ желалъ бы пойти дальше ея въ томъ же направленіи, придерживаясь при этомъ того же метода наблюденія, какому слѣдуютъ и другія отрасли физики. Когда этимъ путемъ создана будетъ положительная наука о человѣкѣ, завершится энциклопедія знанія и удовлетворены будутъ естественные запросы человѣческаго ума на единство. На смѣну древнихъ религій и старинныхъ метафизикъ явится общая философія и обученіе будетъ заканчиваться курсомъ положительной философіи. Этотъ терминъ встрѣчается подъ перомъ Сенъ-Симона еще въ 1812 г., такимъ образомъ задолго до его знакомства съ Контомъ [1]).

Если такимъ образомъ у Сенъ-Симона мы встрѣчаемъ зародышъ контовой классификаціи наукъ, то у него же можно открыть, въ тѣсной связи съ мыслями, ранѣе выраженными Кондорсе, въ эмбріональномъ видѣ и ученіе о трехъ стадіяхъ,

[1]) la réunion des hommes constitue un véritable être, Physiologie sociale, т. X, стр. 179.

[1]) Ср. Allengry, Essai historique et critique sur la sociologie chez Auguste Comte, стр. 443.

чрезъ которыя необходимо проходитъ человѣческое мышленіе. Самъ Сенъ-Симонъ не скрываетъ того, что его натолкнула на эти мысли бесѣда съ докторомъ Бюрденъ еще въ 1798 г. „Всѣ науки,—сказалъ ему Бюрденъ,—вначалѣ были гадательны (conjecturales) и въ концѣ-концовъ сдѣлались положительными. Астрономія была на первыхъ порахъ астрологіей, химія—алхиміей, физіологія—долгое время достояніе шарлатанства — опирается въ настоящее время на фактахъ, хорошо наблюденныхъ и подлежащихъ контролю. Психологія начинаетъ искать базиса въ физіологіи и освобождается отъ религіозныхъ предразсудковъ, на которыхъ первоначально опиралась. Науки были сперва гадательными (conjecturales) потому, что мало было наблюденій, что тѣ, которыя имѣлись, не были достаточно анализированы и не находили оправданія себѣ въ продолжительномъ опытѣ. Большинство наблюденій было не столько дѣйствительными, сколько предполагаемыми фактами (конъектурами); науки должны сдѣлаться положительными, такъ какъ опытъ, ежедневно пріобрѣтаемый человѣческимъ разумомъ, доставилъ ему возможность дойти до познанія новыхъ фактовъ и болѣе правильно постичь природу тѣхъ, которые не были наблюдаемы ранѣе, въ тѣ времена, когда люди еще не въ состояніи были ихъ анализировать. Такъ какъ астрономія—та изъ наукъ, которая разсматриваетъ факты въ ихъ наиболѣе простыхъ и наименѣе численныхъ отношеніяхъ, то она должна была раньше другихъ пріобрѣсть характеръ положительной; химіи предстояло послѣдовать за нею во времени и предшествовать физіологіи, такъ какъ она разсматриваетъ болѣе сложныя отношенія, чѣмъ первая наука, и менѣе разнообразныя, чѣмъ вторая. Этихъ немногихъ словъ достаточно,—прибавлялъ Бюрденъ,—чтобы показать, что то, что должно было случиться, въ дѣйствительности и имѣло мѣсто. Важно знать причину, которая вызвала предшествовавшіе намъ во времени порядки, такъ какъ тѣмъ самымъ мы пріобрѣтаемъ средство открыть то, что послѣдуетъ въ будущемъ... Философія станетъ положительной наукой; она сдѣлается ею тогда, когда физіологія во всемъ своемъ объемѣ будетъ построена на фактахъ, подлежащихъ наблюденію. Не существуетъ явленія, которое бы не могло быть включено въ физику простыхъ тѣлъ, или тѣлъ организованныхъ; эта же послѣдняя и есть физіологія" [1]). Въ этихъ мысляхъ, высказанныхъ Бюрденомъ еще въ 1798 г., можно найти откликъ того, что всего ранѣе развито было Тюрго въ его „Исторіи прогресса человѣческаго разума". Литтре первый указалъ на то, что Тюрго уже доступно представленіе, что религіозное мышленіе смѣняется, сперва метафизическимъ, а затѣмъ научнымъ. И дѣйствительно, не мудрено найти въ словахъ, которыя мы сейчасъ приведемъ, достаточное обоснованіе той мысли, которая и доселѣ является наименѣе спорнымъ закономъ соціологіи,—мысли о томъ, что умственное развитіе, и только умственное, управляется чередованіемъ откровенныхъ, конъектуральныхъ и основанныхъ на наблюденіи толкованій. „Прежде чѣмъ познать связь, существующую между физическими явленіями, естественно было предположить,—пишетъ Тюрго,—что они производятся разумными существами, невидимыми и подобными намъ; на кого другого могли бы они походить? Все, что совершалось безъ прямого участія людей, относимо было насчетъ божества. Страхъ или ожиданіе выгодъ побудили къ отправленію культа въ его честь; культъ же этотъ построенъ былъ по образцу тѣхъ почестей, какія отдаваемы были людямъ сильнымъ... Когда философы признали абсурдными всѣ эти сказки, не пріобрѣтши въ то же время правильныхъ знаній насчетъ при-

---

[1]) См. мемуаръ Сенъ-Симона „Sur les sciences de l'homme", стр. 21—24.

роды и естественной исторіи, они вздумали объяснять причину явленій такими отвлеченными понятіями, какъ сущность или свойство. Понятія эти ничего не выражали, но ихъ принимали за своего рода живыя существа, за новыя божества, смѣнившія прежнихъ. Число свойствъ постепенно было размножено, такъ какъ пожелали дать объясненіе каждому явленію. Только много времени спустя и благодаря наблюденію надъ механическимъ воздѣйствіемъ, какое одни тѣла оказываютъ на другія, стало возможнымъ установить гипотезы иного порядка, которыя развиты были затѣмъ математически (т.-е. дедуктивно) и подверглись [1]) экспериментальной провѣркѣ". Сопоставленіе двухъ только что приведенныхъ отрывковъ: одного, передающаго мысли Бюрдена, другого— взятаго изъ сочиненія Тюрго, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что законъ трехъ стадій, въ установленіи котораго нѣкоторая роль, какъ мы сейчасъ укажемъ, должна быть признана и за Сенъ-Симономъ, восходитъ еще къ XVIII столѣтію. Что же новаго прибавилъ Сенъ-Симонъ ранѣе Конта къ только что изложеннымъ мыслямъ? Въ общемъ немного, а именно указаніе на то, что до Сократа продолжался періодъ господства теократическаго міросозерцанія, что по существу невѣрно, такъ какъ уже у „греческихъ мудрецовъ" мы находимъ замѣну божественнаго источника явленій дѣйствіемъ отдѣльныхъ элементовъ природы: воды, огня и т. д. Къ тому же надо прибавить, что употребляемая Сенъ-Симономъ терминологія для обозначенія различныхъ стадій въ развитіи мышленія нѣсколько отлична отъ той, какую мы встрѣтимъ у Конта, и менѣе опредѣленно передаетъ мысль, общую ему съ философами конца XVIII вѣка. Сенъ-Симонъ различаетъ періодъ гадательный (conjectural), наполовину гадательный, наполовину положительный и, наконецъ, позитивный, указывая тѣмъ, что уже въ эпоху метафизики часть явленій получала научное объясненіе. Вслѣдъ за Кондорсе, Сенъ-Симонъ пытается дать въ самыхъ общихъ, разумѣется, чертахъ очеркъ поступательнаго хода исторіи. Онъ показываетъ, какимъ образомъ человѣкъ, мало чѣмъ превосходящій высшія породы животныхъ своей физической организаціей, постепенно пріобрѣтаетъ то существенное отличіе отъ нихъ, какимъ надо считать языкъ. Его появленіе свидѣтельствуетъ о возникновеніи въ умѣ человѣка общихъ понятій, въ частности,—понятія причины и слѣдствія, а также о его способности передавать эти понятія различными знаками. Съ этого момента и открывается религіозный или, какъ говоритъ Сенъ-Симонъ, гадательный періодъ въ развитіи мышленія. Первой формой религіи надо считать по Сенъ-Симону идолопоклонство (idolâtrie), которое у Конта замѣнено будетъ понятіемъ фетишизма, т.-е. одухотворенія предметовъ видимой природы, признаніе общей съ человѣкомъ жизни и только большей мощи столько же за растеніями и животными, сколько за горами, рѣками и т. д. Сенъ-Симонъ опредѣляетъ природу этого періода въ развитіи вѣрованій, говоря, что человѣкъ приписываетъ въ это время видимыя причины всѣмъ явленіямъ и поклоняется имъ. Вторую ступень представляетъ переходъ отъ безконечнаго числа видимыхъ причинъ къ признанію небольшого числа невидимыхъ причинъ, духовнаго характера. Къ этому и сводится сущность многобожія, или политеизма; наконецъ, третью ступень въ развитіи религіознаго мышленія составляетъ сведеніе всѣхъ причинъ къ одной невидимой и живой. Этотъ періодъ Сенъ-Симонъ называетъ деизмомъ; въ построеніи же Конта мѣсто деизма займетъ монотеизмъ или единобожіе. Такимъ образомъ и у Сенъ-Симона, какъ впослѣдствіи у Конта, теологическій періодъ распадается на

[1]) „Histoire du progrès de l'esprit humain", p. 294.

три подраздѣленія. За нимъ въ порядкѣ историческаго преемства слѣдуетъ метафизическій, по классификаціи Сенъ-Симона—наполовину гадательный, наполовину положительный. Отъ одной высшей причины, представляемой во образѣ живого существа (Бога), человѣкъ возвышается до признанія, что извѣстныя явленія, но далеко не всѣ, управляются законами. Въ такомъ пониманіи метафизическаго періода Сенъ-Симономъ нельзя не отмѣтить существеннаго отличія отъ точки зрѣнія Конта. Для него этотъ періодъ наполовину богословскій, для Конта—теократическія объясненія смѣняются указаніемъ на какія-то неподлежащія дальнѣйшему анализу силы и сущности, возводимыя на степень первопричинъ. Отмѣтимъ то совпаденіе въ точкѣ зрѣнія обоихъ писателей, что и тотъ, и другой, признаютъ за метафизикой значеніе разлагающаго элемента по отношенію къ теократическимъ системамъ. Въ этомъ лежитъ заслуга, оказанная ею положительному знанію, которое не могло бы развиться безъ такого натиска на богословіе. Въ этомъ промежуточномъ, метафизическомъ періодѣ Сенъ-Симонъ, подобно Конту и ранѣе его, признаетъ выдающееся значеніе за юристами, вліяніе которыхъ сказывается въ переходѣ отъ непроизводительныхъ войнъ къ производительному миру. Такимъ образомъ Сенъ-Симонъ уже связываетъ съ развитіемъ метафизическаго мышленія упадокъ первоначальной воинственности и переходъ къ индустріализму. То же сдѣлаетъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, и Контъ. Французская революція является по Сенъ-Симону послѣднимъ звеномъ въ этой цѣпи событій, которая ведетъ отъ милитаризма къ индустріализму. Вмѣсто того, чтобы сдѣлаться первой ступенью въ развитіи третьяго, или положительнаго періода въ исторіи человѣчества, она сохранила связь съ метафизикой; она не сумѣла перенесть изъ рукъ духовенства въ руки ученыхъ власть духовную, а изъ рукъ дворянства и военныхъ—въ руки средняго сословія власть свѣтскую; ей помѣшало сдѣлать это преобладаніе, какое удержали при ней метафизики и юристы. Сенъ-Симонъ въ своей „Индустріальной системѣ", появившейся уже въ эпоху его сотрудничества съ Контомъ, проводитъ по отношенію къ юристамъ ту самую точку зрѣнія, съ какой мы встрѣтимся и въ „Курсѣ положительной философіи". Онъ старается показать антииндустріальный характеръ ихъ точки зрѣнія, развившійся на изученіи римскаго права и законодательныхъ порядковъ Франціи стараго порядка. Неудивительно поэтому, если взгляды юристовъ не отвѣчаютъ потребностямъ современныхъ обществъ, хотя, по необходимости привязанные къ прошлому, они въ то же время проникнуты духомъ критики и разрушенія, что не мѣшаетъ имъ выдавать себя за строителей. Въ дѣйствительности они способны только дѣлать пристройки къ старому зданію, а не организовать общество на индустріальномъ фундаментѣ. Они довольствуются однимъ установленіемъ преградъ для защиты управляемыхъ противъ правителей, толкуютъ о возможно лучшемъ правительствѣ, понимая этотъ вопросъ въ духѣ юриспруденціи и метафизики. „Вѣдь теорія правъ человѣка, лежащая въ основѣ всѣхъ ихъ трудовъ въ области политики, не болѣе, какъ приложеніе высшей метафизики къ высшей юриспруденціи". Сенъ-Симонъ упрекаетъ юристовъ въ томъ, что они не поняли второстепеннаго значенія этого вопроса, который имѣетъ гораздо меньшую важность, чѣмъ административная и индустріальная организація общества. Во всемъ этомъ, какъ мы увидимъ, Сенъ-Симонъ является прямымъ предшественникомъ Конта. Но гдѣ онъ расходится съ нимъ, это въ пониманіи высшихъ задачъ положительнаго періода въ развитіи мышленія, который, по его мнѣнію,

долженъ свестись къ монизму, т.-е. объясненію всѣхъ явленій однимъ закономъ— закономъ притяженія [1]). Литтре показалъ всю недостаточность научной подготовки Сенъ-Симона и всю метафизичность нѣкоторыхъ его основныхъ доктринъ. „Сенъ-Симонъ придерживался, пишетъ онъ, несчастной мысли, что законъ тяготѣнія можетъ служить основаніемъ для концепціи міра, для объясненія явленій физическихъ и химическихъ столько же, сколько біологическихъ и соціальныхъ“ [2]). Онъ отказался отъ такой мысли только послѣ сближенія съ Контомъ, который такимъ образомъ оказалъ существенное вліяніе на исправленіе нѣкоторыхъ его основныхъ точекъ зрѣнія. Но если въ пониманіи задачъ научнаго періода мышленія Контъ расходится съ Сенъ-Симономъ, то въ сужденіи о періодахъ теократическомъ и метафизическомъ онъ часто воспроизводитъ его основную схему, наполняя каждый разъ установленныя имъ рамки богатымъ содержаніемъ, плодомъ собственныхъ чтеній, болѣе непосредственнаго знакомства съ исторіей наукъ и развитіемъ общества.

* * *

§ 3. Познакомившись такимъ образомъ въ общихъ чертахъ съ длиннымъ рядомъ прямыхъ предшественниковъ Конта, мы въ состояніи перейти въ настоящее время къ изученію его соціологической схемы въ процессѣ ея постепеннаго сложенія. О Контѣ можно сказать, что его послѣдующіе труды и въ частности „Курсъ положительной философіи“, на которомъ опирается его слава, были не болѣе, какъ выполненіемъ задачъ, возникшихъ въ ранней молодости въ его умѣ и отчасти нашедшихъ отвѣтъ себѣ еще въ статьяхъ, написанныхъ имъ въ то время, когда онъ работалъ въ тѣсномъ общеніи съ Сенъ-Симономъ [1]) и встрѣчался съ выдающимися учениками, между прочимъ, съ извѣстнымъ историкомъ Огюстеномъ Тьерри.

Такъ, законъ трехъ стадій уже формулированъ Контомъ въ сочиненіи, появившемся въ 1822 г. и озаглавленномъ „Планъ научныхъ работъ, необходимыхъ для переустройства общества“. „Въ силу самой природы нашего разума“;—пишетъ Контъ,— любая вѣтвь нашихъ познаній необходимо проходитъ въ своемъ развитіи три различныхъ періода: періодъ теологическій, или періодъ фикціи, періодъ метафизическій, или періодъ абстракціи, и періодъ научный, или періодъ положительный“. Ту же мысль онъ положитъ въ основу всего своего „Курса положительной философіи“, пріурочивая къ смѣнѣ періодовъ развитія наукъ, или абстрактнаго мышленія, соотвѣтственныя перемѣны въ экономическомъ, общественномъ и политическомъ укладѣ и даже въ эстетическихъ запросахъ человѣчества.

Новѣйшіе историки его соціологической схемы подробно остановились на изученіи поступательнаго хода его мысли въ этомъ отношеніи. Никто не сдѣлалъ этого полнѣе Алангри. Изъ его очерка видно, что занятіе политической экономіей, послѣ выхода изъ школы политехниковъ, впервые привлекло мысль Конта къ рѣшенію задачъ обществовѣдѣнія. Въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить того любопытнаго факта, что однохарактерныя занятія дали то же направленіе и мысли Спенсера, воспитанной первоначально, какъ и мысль Конта, на занятіи математикой (въ частности механикой).

Контъ знакомъ съ Адамомъ Смитомъ, съ физіократами, съ Жанъ - Батистомъ-Сэемъ. Онъ отнесется впослѣдствіи съ

---

[1]) См. Алангри, стр. 453—459.

[2]) См. Auguste Comte et la philosophie positive, стр. 75.

[1]) Самъ Контъ любилъ примѣнять къ себѣ слѣдующій афоризмъ: „Что составляетъ выдающееся существованіе, какъ не осуществленіе въ зрѣломъ возрастѣ мысли, задуманной въ юности“.

большою строгостью къ ихъ попыткѣ изолировать экономическія явленія отъ прочихъ общественныхъ и разсматривать проблематическія послѣдствія, какія вызываетъ господство въ человѣкѣ эгоистическихъ запросовъ, безъ всякаго отношенія къ тому, въ какой степени послѣдніе умѣряются альтруизмомъ. Но, критикуя экономистовъ, онъ въ то же время постоянно будетъ имѣть въ виду выдающееся значеніе, оказанное на развитіе человѣческихъ обществъ экономическими причинами. Ни въ одной части его „Курса“ не выступитъ такъ выпукло вліяніе этого фактора, какъ при изученіи причинъ и хода упадка феодальнаго общества, построеннаго на началахъ милитаризма и уступающаго мѣсто постепенно зарождающемуся индустріальному строю. Значительная часть V т. „Курса положительной философіи“ посвящена изображенію отдѣльныхъ стадій этого развитія, которое, несомнѣнно, осталось бы непонятнымъ для Конта безъ серьезнаго знакомства по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми изъ экономистовъ-классиковъ. Что мысль о раскрытіи законовъ, управляющихъ жизнью общественнаго организма и его поступательнымъ ходомъ, зародилась одинаково у Конта и Спенсера подъ вліяніемъ непосредственнаго занятія политической экономіей, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ изъ всѣхъ конкретныхъ дисциплинъ, посвящающихъ себя изслѣдованію такъ неудачно названныхъ „нравственныхъ и политическихъ наукъ“, одна экономика можетъ указать пока, если не на законы, то на эмпирическія обобщенія въ родѣ тѣхъ, какими являются законъ раздѣленія труда или законъ спроса и предложенія. Первый, какъ показалъ уже Контъ, не болѣе, какъ частичное примѣненіе физическаго закона сбереженія энергіи, сбереженья, достигаемаго на этотъ разъ распредѣленіемъ общественныхъ функцій между различными органами, второй же можетъ быть сведенъ къ болѣе общему, механическому по природѣ, а именно закону направленія движенія въ сторону наименьшаго сопротивленія, Занимаясь экономикой, Контъ пишетъ Сенъ-Симону: единственной разумной политикой можетъ быть та, которая опирается на политическую экономію. Послѣдняя еще не можетъ считаться наукой; ей недостаетъ для этого твердаго базиса. Она владѣетъ, правда, значительнымъ числомъ положительныхъ истинъ, но эти истины пока не болѣе, какъ результатъ отрывочныхъ наблюденій, способныхъ войти въ составъ скорѣе сборника, нежели системы. Дать политической экономіи болѣе научный и общій базисъ,— лучшее, что можетъ быть сдѣлано для прогресса науки. Эта цѣль только кажется достигнутой предлагаемымъ нами основнымъ положеніемъ, что общество должно быть построено такимъ образомъ, чтобы обезпечить возможно большую успѣшность производства. Всѣ накопленныя истины въ области политической экономіи, какъ мнѣ кажется, могутъ быть приведены въ соотвѣтствіе съ этой прекрасной мыслью, благодаря чему открывается возможность найти настоящую почву для этой науки, строя ее на наблюденіяхъ надъ хозяйственными явленіями [1]).

Мы не будемъ слѣдить за тѣмъ, какъ въ эпоху сотрудничества съ Сенъ-Симономъ Контъ постепенно устанавливаетъ и ту классификацію наукъ, какую мы находимъ впослѣдствіи въ „Курсѣ положительной философіи“, и ту общую схему въ развитіи обществъ, которая ляжетъ въ основу его соціальной динамики. Достаточно сказать, что въ „Планѣ научныхъ работъ, необходимыхъ для переустройства общества“, уже установлены верховые

---

[1]) Это письмо приведено въ сочиненіи Робинэ „Notices sur l'oeuvre et sur la vie d'Auguste Comte“, Paris, 1864.

столбы его общей схемы раздѣленія прошлой жизни человѣчества на нѣсколько эпохъ, располагаемыхъ въ порядкѣ умаляющейся роли фантазіи и возрастающей роли науки; каждая изъ этихъ эпохъ содержитъ въ себѣ нѣсколько періодовъ, чередующихся въ томъ же направленіи. Такъ, теократическій періодъ распадается на періодъ фетишизма, или признанія жизни за различнѣйшими предметами внѣшней природы и ихъ обоготворенія, политеизма, или сведенія первопричинъ всего сущаго къ извѣстной суммѣ невидимыхъ существъ, обоготворяемыхъ и вступающихъ другъ съ другомъ въ іерархическія отношенія, наконецъ монотеизма, или единобожія, при которомъ всѣ первопричины сводятся къ одной, признаваемой жизненной силой и обоготворяемой. Понятно, что чѣмъ меньше число первопричинъ, вѣра въ которыя обязательна, тѣмъ большій просторъ открывается человѣческому мышленію для раскрытія тѣхъ отношеній, въ какихъ состоятъ между собою отдѣльныя явленія міра и духа.

Неудивительно поэтому, если ростъ положительнаго знанія идетъ у Конта рука объ руку съ переходомъ отъ фетишизма къ много и единобожію и если онъ считаетъ возможнымъ отмѣтить два параллельныхъ теченія: разложеніе теократическаго міросозерцанія и постепенное образованіе научнаго. Леви Брюль въ своемъ недавнемъ очеркѣ „Философіи Огюста Конта“ справедливо замѣчаетъ, что Контъ понимаетъ терминъ метафизика далеко не въ обычномъ смыслѣ, т.-е. не въ смыслѣ науки, ставящей себѣ задачей изученіе существа всего сущаго, науки, стремящейся отвѣтить на вопросъ о первыхъ принципахъ. Онъ разумѣетъ подъ нею особый методъ объясненія явленій, методъ широкихъ гипотезъ: такъ, допущеніе эѳира, какъ первопричины въ явленіяхъ физическихъ, въ частности въ вопросахъ оптики и электричества, принятіе въ физіологіи гипотезы витализма, а въ психологіи—представленія о существованіи души, какъ отличной отъ тѣла [1]).

Метафическое объясненіе явленій такимъ образомъ одной природы съ теологическимъ. Вся разница сводится къ замѣнѣ Божественнаго начала первопричиной, не носящей въ себѣ характера сверхчувственнаго, но столь же мало подлежащей опредѣленію опытомъ и наблюденіемъ. Въ метафизическій періодъ открывается еще большій просторъ для раскрытія той связи между явленіями, къ раскрытію которой сводится въ глазахъ Конта и, гораздо ранѣе его, въ глазахъ Монтескьё, дѣйствительная задача науки. Немудрено поэтому, если ростъ знанія идетъ возрастающей прогрессіей въ теченіе всего метафизическаго періода, отвоевывая у гипотетическихъ толкованій природы вещей и отношеній все большую и большую площадь. Къ ней принадлежатъ прежде всего явленія наиболѣе общаго характера и всего далѣе стоящія отъ человѣка, его духовной и общественной жизни. Таковы явленія, изучаемыя математикой и астрономіей. Немудрено поэтому, что основы имъ были положены еще въ эпоху теократическаго міросозерцанія, и самыя эти науки болѣе или менѣе сложились въ періодъ метафизическій. Болѣе поздняго происхожденія— научныя объясненія той внутренней трансформаціи, какую необходимо предполагаетъ всякій химическій процессъ.

Этимъ надо объяснить сравнительно недавнее появленіе химіи на мѣсто алхиміи. Еще позже біологія, необходимо предполагающая болѣе раннее развитіе химіи, вступаетъ въ число положительныхъ наукъ, а въ ней наименѣе выработанной вѣтвью остается та, которая призвана объяснить связь психическихъ

---

[1]) „La Philosophie d'Auguste Comte“ par Levy Brühl, стр. 42.

явленій съ структурой нашего мозга и всей нервной системы.

Въ наше время положительному знанію недостаетъ еще одной науки, которая, въ отличіе отъ біологіи или науки о жизни, обозначается Контомъ, сперва терминомъ соціальной физики, а затѣмъ соціологіи. Это наука объ обществѣ и его ростѣ. До момента ея установленія не можетъ быть рѣчи объ окончательной замѣнѣ періода спеціализаціи періодомъ универсальнаго знанія. Контъ допускаетъ поэтому два подраздѣленія положительной стадіи въ развитіи общества, періодъ спеціализаціи и періодъ универсализма; изъ нихъ послѣдній, въ его глазахъ, только начинается. Въ 1820 г., когда Контъ приступаетъ къ обнародованію этихъ мыслей въ серіи статей, напечатанныхъ въ издаваемомъ Сенъ-Симономъ сборникѣ „Организаторъ", законъ трехъ стадій уже прилагается имъ къ толкованію не одного процесса умственнаго развитія человѣчества, но и къ смѣнѣ въ общественной жизни народовъ двухъ противуположныхъ теченій: милитаризма и индустріализма, т.-е. тѣхъ самыхъ, на которыя указывалъ Сенъ-Симонъ, настаивая на постепенномъ вытѣсненіи перваго послѣднимъ. Контъ пойдетъ гораздо дальше этого въ своемъ „Курсѣ положительной философіи" и сдѣлаетъ попытку связать съ неизбѣжной потерей почвы теократическими и метафизическими толкованіями и замѣной ихъ научными, трасформацію не только экономическаго и политическаго уклада, но и эстетическихъ вкусовъ" и представленій. Чтобы иллюстрировать сказанное примѣромъ, я остановлюсь на развитіи имъ, положимъ, мысли о той связи, въ какой въ древнѣйшій періодъ религіознаго міросозерцанія, періодъ фетишизма, вѣрованія стоятъ съ экономикой, политикой и эстетикой. Контъ указываетъ, что фетишизмъ въ меньшей степени, чѣмъ политеизмъ, допускаетъ организацію жреческаго класса. Всѣ божества этого періода носятъ характеръ индивидуальный, и каждому божеству отводится мѣстопребываніе въ особомъ предметѣ, чего нѣтъ при политеизмѣ. Фетишизмъ поэтому поддерживаетъ первобытную разрозненность людей и заключаетъ въ себѣ меньшее число благопріятныхъ условій къ ихъ объединенію подъ общимъ руководительствомъ, подъ общей властью, духовной или свѣтской. Правда, нѣкоторые фетиши пріурочены къ отдѣльнымъ племенамъ и націямъ, но большинство — семейнаго и индивидуальнаго характера, а это обстоятельство мало содѣйствуетъ возникновенію общности идей и представленій. Такъ какъ фетишизмъ не заключаетъ въ себѣ условій благопріятныхъ образованію жреческаго сословія или касты, то тѣмъ самымъ онъ долженъ считаться препятствіемъ къ появленію класса, посвящающаго себя спекулятивному мышленію. Соотвѣтственно культъ играетъ въ фетишизмѣ большую роль, нежели вѣрованіе. Культъ носитъ еще домашній характеръ, отправляется отцомъ семейства, помимо чьего-либо вмѣшательства со стороны.

Но и въ эпоху фетишизма уже зарождаются элементы будущаго жреческаго класса въ лицѣ всякихъ гадальщиковъ, кудесниковъ, фокусниковъ. Но для этого необходимо, чтобы фетишизмъ уже принялъ характеръ поклоненія созвѣздіямъ— достигъ высшей формы своего развитія, съ которой начинается переходъ его къ политеизму.

Небесныя свѣтила носятъ тотъ универсальный характеръ, который дѣлаетъ возможнымъ обращеніе ихъ въ общихъ фетишей цѣлыхъ племенъ и народовъ. Меньшая ихъ доступность вызвала необходимость созданія общихъ посредниковъ между ними и людьми, которыми и являются жрецы. Контъ указываетъ связь фетишизма съ зарожденіемъ искусства, говоря, что философія, оживотворявшая

всю природу, должна была содѣйствовать развитію фантазіи. Ограничившись этимъ общимъ замѣчаніемъ, онъ переходитъ затѣмъ къ развитію той мысли, что періоду фетишизма человѣчество обязано и зарожденіемъ хозяйственной дѣятельности. Ближайшимъ шагомъ къ ней было установленіе порождаемаго фетишизмомъ тѣснаго общенія людей съ животными, открытіе способа добывать огонь, позволившее сохраненіе пищи, и утилазація механическихъ силъ природы. Къ періоду фетишизма Контъ относитъ и изобрѣтеніе монетъ, сдѣлавшее возможнымъ развитіе обмѣна или торговли. Истребительный характеръ, какой носитъ въ это время охота, доставляющая главныя средства къ пропитанію, съ одной стороны, объясняетъ намъ причину исчезновенія цѣлыхъ породъ животныхъ, особенно крупныхъ, а съ другой—тотъ импульсъ къ соединенію, который вызывается необходимостью борьбы съ ними и содѣйствуетъ первоначальному образованію племенъ. Развитію производительной дѣятельности въ эпоху фетишизма должно было содѣйствовать не мало преувеличенное представленіе человѣка о своихъ силахъ въ виду самаго незнакомства его съ неизмѣнными законами природы. Обыкновенно признаютъ, что періоду фетишизма неизвѣстно существованіе собственности, но Контъ указываетъ на обычай „табу", т.-е. наложенія запретовъ на извѣстные предметы по религіознымъ мотивамъ, какъ на одно изъ средствъ возникновенія индивидуальной апропріаціи, и объясняетъ этимъ появленіе права собственности на одежду. Онъ развиваетъ далѣе тотъ взглядъ, что въ общей концепціи фетишизма не было ничего препятствовавшаго возникновенію земледѣлія, которое, въ свою очередь принесло съ собою первыя ограниченія милитаризма и содѣйствсвало замѣнѣ бродячаго состоянія первыхъ людей осѣдлымъ.

Въ противность тѣмъ, кто, какъ Кондорсе, указывалъ на возросшую густоту населенія, какъ на причину перехода къ земледѣлію, Контъ пытается обосновать тотъ взглядъ, что человѣчество предпочло бы обратиться къ насильственнымъ средствамъ, напримѣръ, къ дѣтоубійству, съ цѣлью уменьшенія населенія, чѣмъ отказаться отъ преимуществъ номаднаго состоянія, если бы въ самомъ обоготвореніи имъ земли, какъ фетиша, и предметовъ постояннаго обихода не заключалось условій, благопріятныхъ развитію привязанности къ родной почвѣ. Въ тѣхъ же религіозныхъ представленіяхъ фетишизма Контъ видитъ и причину перехода отъ первоначальнаго истребленія животныхъ къ ихъ сохраненію и къ тѣсному общенію съ ними людей, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда они не приносили вреда человѣку, что можно сказать о всѣхъ животныхъ, способныхъ къ доместикаціи.

Этотъ фактъ въ свою очередь долженъ былъ отразиться на смягченіи нравовъ, встрѣчающемъ долгое время препятствіе въ томъ обстоятельствѣ, что человѣкъ принадлежитъ къ числу плотоядныхъ животныхъ. Съ развитіемъ земледѣлія и осѣдлости охота становится спеціальнымъ занятіемъ, только извѣстнаго числа лицъ, въ которыхъ могло удержаться то кровожадное отношеніе, которое на первыхъ порахъ было свойствено всѣмъ людямъ, живущимъ въ состояніи фетишизма [1]).

Вышесказанное иллюстрируетъ методъ Конта, указывая на преимущественное значеніе, придаваемое имъ при толкованіи генезиса общественныхъ явленій фактамъ психическимъ и, въ частности, умственнымъ способностямъ. Ихъ развитіе

---

[1]) См. въ „Курсѣ положительной философіи", т. V, гл. VII и передачу ея содержанія Риголажемъ въ томъ конспектѣ сочиненія Конта, какой онъ даетъ въ двухъ томахъ, изъ которыхъ послѣдній посвященъ передачѣ соціологіи стр. 137—156.

вліяетъ смягчающимъ образомъ на нравы и создаетъ новыя потребности, такъ скотоводство и земледѣліе вызываются не ростомъ населенія, не истребленіемъ звѣрей въ охотничьихъ районахъ, а порождаемой фетишизмомъ связью людей съ животнымъ и растительнымъ царствомъ, что и сказывается въ замѣнѣ прежняго истребленія доместикаціей, предполагающей постоянную заботливость о вскармливаньи и размноженіи тѣхъ, кого человѣкъ прежде изводилъ, а это въ свою очередь отражается и на измѣненіи прежняго характера дикаря, на подавленіи въ немъ кровожадныхъ инстинктовъ. Одухотвореніе всего сущаго и въ томъ числѣ предметовъ, съ которыми человѣкъ входитъ въ постоянное общеніе, порождаетъ ту привязанность къ родной почвѣ, которой будто вызывается и желаніе найти въ ея обработкѣ средство не разлучаться съ нею никогда, избрать ее мѣстожительствомъ, что, по Конту, и вызываетъ переходъ къ осѣдлости. Въ томъ же умственномъ складѣ ищетъ онъ объясненія и факту зарожденія эстетическихъ потребностей. Одухотворяя всѣ предметы, фетишизмъ тѣмъ самымъ открываетъ широкій полетъ фантазіи, что въ свою очередь вызываетъ первоначальное сложеніе сказокъ и былинъ съ зооморфическимъ характеромъ, т.-е. въ которыхъ звѣри являются героями, возникновеніе первыхъ зародышей живописи въ пещерныхъ изображеніяхъ тѣхъ или другихъ животныхъ и, прибавимъ отъ себя, тѣхъ подражательныхъ и ритмическихъ движеній, въ которыхъ можно видѣть первые проблески хореографическаго искусства, наконецъ тѣхъ ритмическихъ заклинаній, съ которыми связано мистическое представленіе о возможности воздѣйствовать на размноженіе извѣстныхъ животныхъ и въ которыхъ, какъ показалъ недавно Комбарье, всего вѣроятнѣе искать зародышъ музыкальнаго искусства.

Уже изъ одной необходимости восполнять сдѣланныя Контомъ выводы новѣйшими обобщеніями фольклористовъ, сравнительныхъ миѳологовъ и писателей по древнѣйшей исторіи культуры, можно сдѣлать двоякаго рода заключеніе: во-первыхъ, то, что его пониманіе древнѣйшаго періода религіозной мысли въ значительной степени является неполнымъ и, во-вторыхъ, что тѣмъ не менѣе на высказанныя имъ общія мысли является возможность нанизывать новые факты и обобщенія. Идея фетишизма, какъ древнѣйшаго религіознаго состоянія людей, принадлежитъ не Конту и не его прямымъ предшественникамъ, а де-Броссу. Она передаетъ только отчасти ту сумму религіозныхъ представленій, которыми орудовалъ человѣкъ на низшихъ ступеняхъ общественности; культъ предковъ, повидимому, не принимается въ разсчетъ Контомъ; его универсальность установлена, однако, работою Тейлора, показавшаго что въ сновидѣніяхъ и въ самомъ фактѣ отбрасыванія тѣломъ человѣка тѣни надо видѣть источникъ зарожденія того представленія о раздвоенности человѣческой природы и о возможности обособленія двухъ ея половинъ: физической и духовной, на которомъ опирается вѣра въ загробную жизнь и культъ предковъ. И этотъ послѣдній, подобно фетишизму, держится на началѣ оживотворенія всего видимаго и невидимаго, почему для обоихъ вѣрованій Тейлоромъ предложено болѣе родовое понятіе анимизма. Каковы были древнѣйшія формы его, еще остается открытымъ вопросомъ, какъ открытымъ надо считать и вопросъ о первоначальномъ его источникѣ, которымъ Лэнгъ, напримѣръ, не прочь считать явленія, довольно близко отвѣчающія нашимъ понятіямъ о гипнозѣ и экстатическомъ состояніи. Въ какомъ порядкѣ чередовались тѣ или другія формы анимизма, также остается предметомъ гаданія. Весьма правдоподобными кажутся предположенія Маннгарта, а за нимъ Фрезера, что чело-

вѣкъ обратился къ культу растеній и, въ частности, лѣсовъ, и деревьевъ, и къ культу дикихъ звѣрей ранѣе, чѣмъ къ культу предметовъ, связанныхъ съ земледѣліемъ и скотоводствомъ, и что такимъ образомъ матеріальныя условія его быта повліяли и на эволюцію его вѣрованій.

Весьма вѣроятно также, что культъ предковъ развился сравнительно позже, съ момента перехода къ осѣдлому состоянію, что въ немъ мужскіе родственники только постепенно вытѣснили женскихъ, такъ называемыхъ роженицъ нашихъ древнихъ литературныхъ памятниковъ, и что и на этотъ разъ оказалось обратное воздѣйствіе уже не матеріальныхъ условій, а общественнаго уклада на модификацію религіозныхъ воззрѣній. Современные изслѣдователи все болѣе и болѣе выдвигаютъ посредствующую роль, какую въ періодъ начальныхъ вѣрованій пришлось сыграть такъ называемому „тотемизму" между культомъ предметовъ видимой природы и первыми соединеніями людей въ болѣе или менѣе обширныя группы, изъ которыхъ со временемъ развились материнскіе, а затѣмъ отеческіе роды. Тотемизмъ—терминъ, заимствованный у краснокожихъ—передаетъ собою ихъ представленіе о происхожденіи той или другой группы людей отъ того или другого растенія или животнаго, доставлявшаго имъ на первыхъ порахъ важнѣйшія средства пропитанія, но затѣмъ сдѣлавшагося въ видахъ его дальнѣйшаго сохраненія запретнымъ для нихъ. Изъ этого правила допускается, впрочемъ, исключеніе для извѣстныхъ дней въ году, когда въ матеріальномъ общеніи съ тотемомъ, въ его воспріятіи въ формѣ пищи, дикари считаютъ возможнымъ возобновлять свою связь съ почитаемымъ ими животнымъ или растительнымъ патрономъ. Такъ какъ съ принадлежностью къ одному и тому же тотему связано представленіе о родствѣ и брачные запреты, то немудрено понять то значеніе, какое тотемизмъ играетъ въ переходѣ отъ религіознаго къ соціальному строю. Нѣкоторые новѣйшіе миѳологи связываютъ съ нимъ и самый фактъ доместикаціи животныхъ и искусственнаго размноженія полезныхъ растеній, являющагося въ свою очередь источникомъ земледѣлія. Заботливое отношеніе къ увеличенію числа особей того растительнаго или животнаго вида, съ которымъ связано понятіе о тотемѣ, необходимо вызываетъ мысль о его сохраненіи и разведеніи, а въ этой мысли уже скрывается источникъ доместикаціи животныхъ и возникновенія сельско - хозяйственной культуры.

По поводу всѣхъ этихъ недавнихъ и все еще гипотическихъ теорій не можетъ не броситься въ глаза вѣрность общей точки зрѣнія Конта, который, настаивая на взаимодѣйствіи такихъ причинъ, какъ ростъ идей и плотность населенія, напримѣръ, даетъ первенствующее значеніе первому. Писатели XVIII вѣка, озабоченные прежде всего торжествомъ освободительнаго движенія, не прочь были все сводить къ политикѣ, какъ къ первопричинѣ. Такъ, Монтескьё утверждалъ, что производительность почвы зависитъ не столько отъ ея плодородія, сколько отъ свободы воздѣлывателей. Писатели второй половины XIX столѣтія, захваченные соціальнымъ движеніемъ, также односторонне сводятъ нерѣдко всѣ общественные факторы къ одному экономическому. Концепція Конта несравненно шире. Онъ слѣдитъ постоянно за взаимодѣйствіемъ умственнаго развитія съ экономическимъ, общественнымъ, политическимъ и эстетическимъ, признавая въ то же время, что ближайшій импульсъ къ трансформаціи обществъ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ даетъ накопленіе опыта и наблюденій, т.-е. въ концѣ-концовъ знаній. Если тотемизму дѣйствительно суждено было сыграть ту выдающуюся роль въ развитіи раннихъ формъ общественности, о кото-

рой говорятъ современные миѳологи и фольклористы, то она представится намъ вполнѣ отвѣчающей основной точкѣ зрѣнія Конта на воздѣйствіе теоретической мысли на житейскую практику и общественную структуру.

Соглашаясь съ этимъ руководящимъ положеніемъ Конта, мы въ то же время не можемъ не отмѣтить недостаточности того матеріала, на которомъ онъ строитъ свои обобщенія. Ему, повидимому, осталось неизвѣстнымъ сочиненіе Лафито „О нравахъ американскихъ дикарей“, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ отмѣтилъ бы фактъ существованія, рядомъ съ патріархальными обществами, и матріархальныхъ.

Эта неполнота фактическаго матеріала, положеннаго Контомъ въ основу его обобщеній, невыгодно выступаетъ и при характеристикѣ имъ дальнѣйшихъ періодовъ въ развитіи человѣчества. Можно, сказать что эпоха политеизма характеризуется Контомъ почти исключительно чертами, отчасти египетской и, въ особенности, греческой и римской культуры. Объясняется это, разумѣется, весьма несовершенной еще постановкой въ его время исторіи Передней Азіи; о разборѣ клинообразныхъ надписей тогда не было и помину. Контъ не могъ также извлечь полезныхъ для него данныхъ въ томъ постепенномъ напластованіи на туранской культурѣ Аккадійцевъ семитическихъ культуръ Ассиріи и Вавилона, воздѣйствіе которыхъ не только на евреевъ, но и на египтянъ и персовъ, въ настоящее время стоитъ внѣ спора. Важность открытій, сдѣланныхъ обоими Шампольонами въ области средняго и нижняго теченія Нила, начатый ими разборъ іероглифовъ, внезапно обогатили наши свѣдѣнія о странѣ фараоновъ и вызвали вполнѣ понятную попытку представить ее колыбелью всей культуры, не исключая греческой. Начатая Кольбрукомъ анкета по древне-индусской гражданственности мало обратила на себя вниманіе творца соціологіи; его представленіе о кастахъ болѣе отвѣчаетъ тому, какое можно составить себѣ скорѣе на основаніи близкаго знакомства съ египетскимъ строемъ, нежели съ индусскимъ; въ послѣднемъ вліяніе расовыхъ различій сказывается съ большей силой и устраняетъ возможность пріуроченія кастъ къ одному раздѣленію труда.

Преимущественное значеніе, какое Контъ придаетъ фактамъ изъ греческой и римской жизни для иллюстраціи всего поступательнаго хода человѣчества, объясняется представленіемъ, общимъ ему съ Кондорсе, о томъ, что въ каждой эпохѣ тотъ или другой народъ несетъ впереди всѣхъ знамя культуры, опережаетъ другіе, служа для нихъ предметомъ подражанія. Такимъ народомъ въ древности для Конта были греки, и такими въ новое время онъ считаетъ народы латинской расы и, въ особенности, французовъ. Такое упрощеніе задачи не позволяетъ намъ говорить объ употребленіи Контомъ въ строгомъ смыслѣ слова сравнительно-историческаго метода, при которомъ отдѣльные народы призываются своими сходными чертами въ разные періоды развитія доставить матеріалъ къ выясненію существенныхъ особенностей каждой его стадіи—особенностей, выступающихъ поэтому въ исторіи любого изъ нихъ. Методъ Конта главнымъ образомъ методъ историческій; онъ слѣдитъ за эволюціей народовъ, идущихъ во главѣ цивилизаціи, и только изрѣдка останавливается на тѣхъ изъ нихъ, которые представляются ему отсталыми, чтобы констатировать самый фактъ ихъ отсталости. Въ новой исторіи его интересуютъ поэтому только народы запада Европы, міръ западный, какъ онъ его называетъ, обстоятельство, благодаря которому и предпринятый имъ журналъ носитъ названіе „Западнаго Обозрѣнія“—„Revue Occidentale“.

§ 4. На выполненіи Контомъ различныхъ сторонъ поставленной имъ задачи

одинаково сказалась и его специальная подготовка въ области точныхъ наукъ, и вліяніе сравнительно недавней еще реформы, внесенной въ сферу естествознанія Биша, впервые заговорившимъ о біологіи, или наукѣ о жизни, и зародышное еще состояніе той исторіи поступательнаго развитія общества, общіе контуры которой однако были уже начертаны Кондорсе. Изъ всѣхъ сторонъ, принимаемыхъ Контомъ въ разсчетъ при изученіи прогресса культуры, всего обстоятельнѣе представленъ въ „Курсѣ положительной философіи“ поступательный ростъ абстрактныхъ наукъ: математики, астрономіи, физики, химіи, біологіи и тѣхъ зачатковъ обществовѣдѣнія, какіе Контъ отмѣчаетъ еще у Аристотеля, Гоббса, Монтескьё, Кондорсе и Жозефа де-Местра. При этомъ Конту удается провести въ деталяхъ общее ему съ Тюрго, Бюрденомъ и Сенъ-Симономъ положеніе, что науки, имѣющія дѣло съ явленіями наиболѣе общаго характера и всего дальше стоящими отъ человѣка, формируются и развиваются всего ранѣе и что ростъ положительнаго знанія становится тѣмъ медленнѣе, чѣмъ сложнѣе изучаемыя явленія и чѣмъ ближе стоятъ они къ человѣку. Другими словами, классификація наукъ, предложенная Контомъ въ начальныхъ главахъ его „Курса“, находитъ себѣ историческое оправданіе въ его соціологіи.

Политическая исторія въ томъ пониманіи ея общаго хода развитія, какое даетъ намъ Контъ, отражаетъ на себѣ вліяніе тѣхъ новыхъ задачъ, какія поставила себѣ исторіографія со временъ Юма въ Англіи, Нибура въ Германіи и той зарождающейся школы великихъ французскихъ исторіографовъ первой половины XIX столѣтія, въ числѣ которыхъ едва ли не наиболѣе выдающимся былъ такой же, какъ и Контъ, ученикъ Сенъ-Симона, — Огюстенъ Тьерри, авторъ „Исторіи средняго сословія во Франціи“. Указанное мною направленіе уже отодвинуло на задній планъ исторію династій, войнъ и международныхъ договоровъ, оно сосредоточило свое вниманіе на внутреннихъ трансформаціяхъ обществъ, на ростѣ ихъ національнаго и политическаго уклада. Это—та сторона, которая всего болѣе интересуетъ и Конта; онъ слѣдитъ за тѣмъ, въ какой мѣрѣ проводится отдѣльными народами древности и новаго міра сліяніе или обособленіе обѣихъ властей—свѣтской и духовной. Въ этомъ вопросѣ рѣшающее вліяніе оказываетъ на него де-Местръ своей книгой о Папѣ. Ему Контъ обязанъ одной изъ основныхъ сторонъ своего, столько же историческаго міросозерцанія, сколько и политическаго *credo*, признаніемъ двоевластія и независимости свѣтскаго и духовнаго начала необходимымъ условіемъ прочнаго политическаго уклада, одинаково благопріятнаго порядку и свободѣ, сохраненію добытыхъ уже благъ культуры и ея поступательному ходу. Этотъ идеалъ достигнутъ былъ въ средніе вѣка, въ періодъ монотеизма, послѣдняго изъ тѣхъ, на которые распадается эпоха господства теологическаго міросозерцанія. Папство стояло въ это время на высотѣ современнаго ему теократическаго мышленія и воплощало въ себѣ духовное руководительство христіанскимъ обществомъ, тогда какъ свѣтское сосредоточивалось въ рукахъ императора и подчиненныхъ ему въ іерархическомъ порядкѣ королей, герцоговъ, князей и другихъ второстепенныхъ главъ феодальной системы. Жозефомъ де-Местромъ вполнѣ оцѣнено міровое значеніе, какое въ созданіи политическаго строя не той или другой націи или расы, но всего передового человѣчества, имѣло духовное господство папы надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ и его независимость отъ свѣтскихъ владыкъ. Контъ настолько проникся уваженіемъ къ извѣстному трактату де-Местра о „Папѣ“, что въ его перепискѣ не разъ заходитъ рѣчь о томъ, какъ при оцѣнкѣ тѣхъ или

другихъ современныхъ ему воззрѣній онъ охотно выбиралъ критеріемъ отношеніе ихъ авторовъ къ политической схемѣ де-Местра. О Контѣ не разъ было высказываемо то мнѣніе, что созданная имъ въ старости религія человѣчества, съ ея обнимающей весь западный міръ церковной организацией и даже съ зародышами культа, есть не болѣе, какъ лишенный догматовъ католицизмъ. Такое заявленіе справедливо только въ томъ смыслѣ, что и въ періодъ господства научной философіи Контъ не представляетъ себѣ возможности прочнаго политическаго порядка безъ того, чтобы руководительство не было раздѣлено между свѣтской и духовной властью. Послѣдняя должна давать такое же направленіе умамъ и сердцамъ людей, какое ихъ поступкамъ даетъ свѣтское правительство. Руководительство духовное ввѣряется не спеціалистамъ въ наукѣ, а людямъ, стоящимъ на высотѣ научнаго пониманія, людямъ, способнымъ обнять цѣпь тѣхъ законовъ, къ которымъ сводится вся сумма положительнаго знанія, способнымъ въ то же время преслѣдовать осуществленіе нравственныхъ идеаловъ, возникшихъ на почвѣ этого знанія и отвѣчающихъ задачамъ порядка и поступательнаго хода обществъ. Во главѣ всѣхъ этихъ лицъ стоитъ одинъ человѣкъ, воплощающій въ себѣ всю сумму этихъ научныхъ и нравственныхъ запросовъ и соотвѣтствующихъ имъ рѣшеній, изъ которыхъ и слагается позитивная доктрина. Это мѣсто Контъ сохранялъ за собою, какъ вѣками ранѣе авторъ „Солнечнаго града“ Кампанелла въ своихъ рукахъ думалъ сосредоточить все духовное управленіе, если не міромъ, то создаваемой имъ республикой въ Абруццахъ. Можно не соглашаться съ необходимостью такого свѣтскаго папства и въ то же время признавать правильность исходной мысли, на которой оно построено.

Мысль эта сводится къ тому, что научное знаніе въ своемъ поступательномъ ходѣ слѣдуетъ извѣстному порядку. Новыя открытія и изобрѣтенія примыкаютъ къ прежнимъ и обусловливаются ими. Выражаясь словами Тарда, слѣдуетъ сказать, что для каждаго изъ нихъ необходима встрѣча въ умѣ, способномъ къ обобщеніямъ двухъ или нѣсколькихъ уже установленнныхъ истинъ, а если такъ, то можно судить, какая потеря времени происходитъ оттого, что каждый ученый спеціалистъ ищетъ самъ своей дороги и, не познакомившись съ тѣми выводами, на которыхъ остановился ростъ смежныхъ съ его спеціальностью наукъ, пускается въ тѣ или другія изслѣдованія, подсказываемыя ему его фантазіей.

Послѣдствіемъ такого порядка является то, что Контъ разумѣлъ подъ названіемъ „умственной анархіи“; чтобы положить конецъ ей, онъ желалъ бы общаго руководительства во имя той научной философіи, которой онъ выступилъ послѣднимъ по времени и наиболѣе полнымъ систематизаторомъ. Но анархія, овладѣвшая умами, сказывается въ области не однѣхъ такъ называемыхъ точныхъ наукъ; она выступаетъ еще съ большей силой въ неорганизованномъ до Конта обществовѣдѣніи. Здѣсь несдерживаемый полетъ индивидуальной фантазіи грозитъ не одной теоретической ошибкой, но и общественными бѣдствіями, временной пріостановкой поступательнаго движенія.

Такой исходъ неизбѣженъ въ томъ случаѣ, когда индивидуальная доктрина, построенная на недостаточныхъ наблюденіяхъ и страдающая отсутствіемъ дедуктивной провѣрки, отправляющейся отъ анализа человѣческой природы, тѣми или другими своими сторонами настолько овладѣваетъ массами, что становится для нихъ знаменемъ борьбы. Въ виду возможности ежечаснаго наступленія такой опасности, руководительство въ области обществовѣдѣнія казалось Конту еще болѣе существеннымъ, чѣмъ въ сферѣ

наукъ, занимающихся изученіемъ природы и жизни. Прошло три четверти столѣтія съ того времени, когда впервые высказаны были эти мысли, и онѣ доселѣ не потеряли своего значенія. Каждый изъ насъ на собственномъ опытѣ могъ убѣдиться въ томъ, какъ часто несовершенны и безплодны являются научныя изслѣдованія, предпринимаемыя вразсыпную. Успѣхъ всѣхъ тѣхъ работъ, которыя производятся во всякаго рода профессорскихъ семинаріяхъ, лабораторіяхъ, клиникахъ и т. д., несомнѣнно зависитъ главнымъ образомъ отъ общаго руководительства ими со стороны человѣка съ болѣе или менѣе широкимъ умственнымъ кругозоромъ, обусловленнымъ въ свою очередь энциклопедизмомъ его знаній. Эти свойства не позволяютъ ему ставить своимъ ученикамъ задачи, которыя въ данный моментъ являются еще неразрѣшимыми, а только тѣ, которыя поставлены на очередь всѣмъ предшествующимъ ходомъ наукъ. Задачи цѣпляются за задачи, разъясняя все болѣе и болѣе всесторонне различные второстепенные законы, необходимо вытекающіе изъ суммы ранѣе установленныхъ. Кому неизвѣстно, что разъ сдѣланное открытіе въ той или другой области знанія, привлекаетъ къ ней рядъ работниковъ, очевидно, руководствующихся той мыслью, что въ тѣсной связи съ недавно открытымъ закономъ должны стоять многія, еще невыясненныя истины. Какъ устроить то руководительство, о которомъ мечталъ Контъ,—это другой вопросъ. Жизнь указываетъ на рѣшеніе, нѣсколько отличное отъ предложеннаго имъ, выдвигая роль ученыхъ обществъ и академій, а рядомъ съ ними журналовъ и газетъ, въ созданіи научныхъ теченій и такъ называемаго общественнаго мнѣнія; несомнѣннымъ остается только одно, что такое руководительство умами представляетъ своего рода власть, и что эта власть отлична отъ той, какую принимаетъ на себя правительство. Тѣ или другіе вопросы текущей политики рѣшаются въ однѣхъ странахъ компромиссомъ интересовъ, въ другихъ—волею правителя, но и тамъ, и здѣсь, ихъ нельзя признать выраженіемъ истины, а только средствомъ, придуманнымъ для того, чтобы удовлетворить запросу возможно большаго числа жителей, ихъ чувствамъ и желаніямъ. Самыя же эти чувства и желанія воспитываются подъ вліяніемъ той проповѣди научныхъ истинъ и ихъ практическихъ приложеній, которая выпадаетъ въ удѣлъ духовному руководительству людей. Въ обособленіи свѣтской и духовной власти, какъ необходимомъ условіи поступательнаго хода обществъ, лежитъ такимъ образомъ глубокая истина; она можетъ быть доказываема и a contrario ссылкой на тѣ порядки, какіе существуютъ всюду, гдѣ мы встрѣчаемся съ цезаризмомъ въ церкви, или съ теократіей. Стоитъ вспомнить судьбу Галилея, принужденнаго отречься въ интересахъ самосохраненія отъ открытаго имъ закона вращенія земли вокругъ солнца и то систематическое преслѣдованіе демократическихъ доктринъ въ области церковнаго и политическаго устройства, которое составляетъ печальную сторону возникшаго вмѣстѣ съ абсолютизмомъ Тюдоровъ англиканства. Но нужно ли настаивать на этой мысли намъ, русскимъ, испытавшимъ на себѣ самихъ всѣ невыгодныя послѣдствія сліянія православія съ самодержавіемъ.

При построеніи соціологіи Контъ только намѣчаетъ то направленіе, въ какомъ должно совершиться въ его глазахъ дальнѣйшее развитіе политической власти. Оно сказывается прежде всего въ уже упомянутомъ обособленіи духовнаго и свѣтскаго правительства, въ организаціи перваго по образцу, близкому къ средневѣковой церкви, а второго по типу республиканской диктатуры. Контъ — противникъ конституціонной монархіи, которая кажется ему поворотомъ къ прошлому. Мо-

нархіи, говоритъ онъ, настоящей у насъ, французовъ, не было со временъ революціи. Англійскій образецъ, которому слѣдовала въ большей или меньшей степени въ его время вся Европа, ненавистенъ ему, какъ попытка привлечь къ власти два отживающихъ элемента—монархію и феодальную аристократію, т.-е. дворянство. Онъ настолько является послѣдователемъ Сенъ-Симона, что не считаетъ возможнымъ ввѣрить интересы народа въ другія руки, помимо народнаго же избранника—диктатора, но онъ въ то же время слишкомъ склоненъ видѣть въ политикѣ примѣненіе законовъ социологіи, чтобы признать за большинствомъ самой даже народной камеры въ мірѣ право установлять нормы, регулирующія общественный и политическій строй государства.

Очень многое для характеристики политическаго идеала Конта даетъ, наряду съ его позднѣйшими трудами, и частная переписка съ нѣкоторыми послѣдователями доктрины потизивизма. Насколько позволяетъ это общая задача настоящаго очерка, я позволю себѣ использовать эту переписку съ цѣлью болѣе точно опредѣлить то примѣненіе, какое Контъ имѣлъ въ виду сдѣлать изъ своей доктрины къ рѣшенію современныхъ ему вопросовъ политики. Передъ нами лежатъ письма Конта къ разнымъ лицамъ, болѣе или менѣе готовымъ признать его духовное руководительство. 22 ноября 1849 года онъ пишетъ депутату Віельяру: „Мы—два старыхъ республиканца, одинаково чуждые личному честолюбію и озабоченные тѣмъ, чтобы направить революцію къ тому возрожденію общества, которое является единственно желательнымъ для нея исходомъ. Вы не менѣе меня понимаете, какое значеніе имѣетъ серьезная формація народнаго разсудка, которая одна можетъ предохранить массы отъ вліянія фокусниковъ и утопистовъ. Еще въ январѣ 1831 г. вы присутствовали при открытіи мною свободнаго курса научной философіи. Вы знаете, что еще тогда я приглашалъ руководящіе классы общества воспользоваться тѣмъ временнымъ перерывомъ, какой послѣ революціи 30 августа обнаружился въ быстромъ чередованіи пароксизмовъ революціонной горячки. Я говорилъ имъ, что, поощряя здравое воспитаніе пролетаріевъ и содѣйствуя распространенію духа положительной философіи въ области политики, они могутъ умѣрить и сократить продолжительность этихъ пароксизмовъ. Если бы моими совѣтами пренебрегли въ меньшей степени, современное положеніе не было бы столь труднымъ. Въ настоящую минуту мы находимся въ тѣхъ же условіяхъ, что и въ 31 г., но положеніе значительно серьезнѣе. Благодаря безповоротному упроченію республики, народъ нашъ получилъ легальное признаніе принципа, къ которому въ то время онъ только стремился. Этотъ принципъ заставляетъ служить всѣ общественныя силы общей пользѣ и прежде всего пользѣ массы пролетаріевъ. Современное противорѣчіе между этимъ нравственнымъ началомъ и политическимъ поведеніемъ не можетъ быть продолжительнымъ. Въ противномъ случаѣ установленный принципъ уступилъ бы мѣсто попятному движенію въ пользу монархіи, что мнѣ кажется практически неосуществимымъ и неспособнымъ повести за собою другихъ послѣдствій, кромѣ новыхъ и еще болѣе сильныхъ пертурбацій. Необходимо поэтому вывести ближайшимъ образомъ всѣ послѣдствія изъ разъ установленнаго начала, вывести ихъ по крайней мѣрѣ настолько, насколько дозволяетъ это нынѣшняя умственная и нравственная анархія. Вы не можете отрицать, что современные республиканскіе порядки обнаруживаютъ сильную тенденцію въ сторону соціальной революціи. Она можетъ протечь бурно или спокойно, въ зависимости отъ того, какимъ образомъ будетъ

подготовлена и направлена. Всякій истинно государственный человѣкъ, руководимый здравой исторической теоріей,—теоріей, указывающей ему, въ какомъ порядкѣ должны чередоваться событія, необходимо станетъ стремиться къ тому, чтобы умѣрить по возможности предстоящее столкновеніе, а для этого ему надо препятствовать успѣху разрушительныхъ утопій и опровергнуть ихъ. Съ этой точки зрѣнія я громко выставляю требованіе не только терпимости, но и должнаго уваженія, а также полезнаго поощренія моему философскому жречеству, польза котораго уже доказана опытомъ,—жречеству, которое я одинъ могу нести. Посвящая себя трудной задачѣ поддержанія матеріальнаго порядка, свѣтская власть поставлена въ необходимость оставлять безъ вниманія умственную и нравственную неурядицу, противъ которой она безсильна, тѣмъ болѣе, что многіе основные принципы, лежащіе въ основѣ этой неурядицы, возведены на степень революціонныхъ догматовъ и, какъ таковые, открыто признаются правительствами. Въ этомъ фальшивомъ положеніи власть должна бы радоваться тому, что испытанный философъ готовъ открыто сдѣлать попытку дисциплинировать наиболѣе мятежные умы и сердца, не дѣлая имъ никакой анархической уступки. Вамъ извѣстно, что таковъ былъ всегда смыслъ и таковы результаты моихъ продолжительныхъ усилій. Представители оффиціальной науки не могутъ напасть на революціонное теченіе, не обнаруживъ своего собственнаго безсилія, такъ какъ они готовы остановить его съ помощью тѣхъ богословскихъ основъ, упадокъ которыхъ и сдѣлался первоисточникомъ современнаго кризиса. Наоборотъ, позитивизмъ обращается только къ умамъ, совершенно освободившимся отъ всякой вѣры въ сверхчувственное, къ умамъ, эмансипація которыхъ вызываетъ представленіе объ ихъ неспособности подчиняться какой бы то ни было дисциплинѣ. Этимъ-то умамъ „соціологическая" религія, т.-е. религія человѣчества, одна способна доставить здравыя общественныя представленія о порядкѣ, собственности и семьѣ, дать имъ по всѣмъ этимъ вопросамъ болѣе прочныя рѣшенія, чѣмъ тѣ, какія установлены были откровенными религіями. Противъ знамени уравнителей или нивелляторовъ мы одни въ состояніи выставить знамя строителей. Ни одинъ изъ мнимыхъ консерваторовъ не можетъ логически и съ успѣхомъ опровергнуть разрушительныхъ утопій, не прибѣгая къ содѣйствію матеріальной репрессіи, которая можетъ только усилить нравственное разстройство [1]).

Еще ранѣе, 18 дек. 1848 г., Контъ пишетъ г. де-Тулузъ, судьѣ въ Либурнѣ: „Я убѣжденъ, что позитивизмъ не замедлитъ быть призванъ на помощь порядку, какъ единственная доктрина, способная выдержать грозный натискъ всемірной анархіи, которая все болѣе и болѣе сказывается въ нашей средѣ" [2]).

Въ другомъ письмѣ къ тому же Тулузу отъ 31 марта 1899 г. Контъ болѣе опредѣленно излагаетъ основныя положенія своей политической доктрины. „Правительственная дѣятельность,—говоритъ онъ,—слагается изъ двухъ комбинированныхъ усилій: одно толкаетъ впередъ, другое задерживаетъ. Буржуазія, думающая управлять, въ дѣйствительности только задерживаетъ; толкаетъ впередъ и руководитъ движеніемъ, хотя безпорядочно, одинъ народъ; когда онъ дѣйствительно чего-нибудь хочетъ, ему уступаютъ охотно, разъ онъ берется обезпечить порядокъ. Мы не получимъ настоящаго правительства до тѣхъ поръ, пока этотъ натискъ народа не станетъ явленіемъ преобладающимъ и систематичнымъ. До тѣхъ поръ мы принуждены будемъ довольствоваться безплодною и некрасивою борьбою партій.

[1]) См. „Correspondance inédite d'Auguste Comte", III-me série. 1904, page 171 et. suiv.

[2]) Ibid., p. 62.

Монархія какъ неограниченная, такъ и конституціонная навсегда погибли. Послѣдняя—этотъ иноземный придатокъ къ нашимъ старымъ порядкамъ, послѣ трехъ неудачныхъ попытокъ, можетъ считаться навсегда осужденной. Это не значитъ, однако, чтобы центральная власть не могла быть монократической и пожизненной. Такую форму ея я считаю возможной подъ условіемъ, чтобы она придерживалась дѣйствительно народнаго направленія и чтобы духъ ея былъ прогрессивенъ. Всякое же реакціонное единовластіе немыслимо и способно только вызвать страшные безпорядки, оправдывая всякія анархическія движенія. Вмѣсто того, чтобы удивляться наступленію республики въ прошломъ году, мы должны были бы съ исторической точки зрѣнія недоумѣвать, какъ она не установилась раньше. Вѣдь она была въ сферѣ возможностей еще въ 1830 г., какъ я имѣлъ случай говорить объ этомъ въ то время; но тогда она была эксплоатирована вожаками буржуазіи въ виду тѣхъ анархическихъ опасеній, какія вызывали въ обществѣ ея сторонники. Прежде народъ, по словамъ Конта, только помогалъ буржуазіи въ ниспроверженіи издавна установившейся власти; теперь, и особенно съ іюльскихъ дней, онъ весьма опредѣленно высказываетъ рѣшимость взять на себя руководительство творческой, Контъ говоритъ, положительной стороной революціи и вести ее въ собственныхъ интересахъ. Буржуазіи предстоитъ дать свою санкцію такой политикѣ, разъ она въ состояніи будетъ примирить порядокъ съ прогрессомъ; вѣдь всѣ предположенныя буржуазіей рѣшенія окончательно признаны несостоятельными. Контъ считаетъ анахронизмомъ возстановленіе Имперіи и думаетъ о созданіи въ ближайшемъ будущемъ республиканской диктатуры въ формѣ тріумвирата [1]). Позднѣе, 17 сентября 1849 г., Контъ, отвѣчая на письмо Тулуза, не скрываетъ того, что обѣ революціи, 30 и 48 гг., „не отвѣчавшія,—пишетъ онъ,—его запросамъ, ни умственнымъ, ни сердечнымъ, нашли въ немъ, старомъ республиканцѣ, только готовность признать ихъ, но не содѣйствовать прямо ихъ успѣху; но приближается, пишетъ онъ, новая революція, которая приметъ положительный характеръ и позволитъ установить окончательный порядокъ устройства человѣчества. Коммунизмъ, — пишетъ онъ, продолжая развивать ту же мысль, — подавленъ въ центрѣ западнаго міра; его лучшіе представители перебрались въ Америку и тамъ кристаллизировались (намекъ на Кабэ съ его „Икаріей“); но незамѣтная реакція, произведенная коммунизмомъ на старинную республиканскую доктрину, обратила ее въ соціализмъ, который у пролетаріевъ, его истинныхъ представителей, является положительной интерпретаціей республиканскаго принципа,— принципа, требующаго, чтобы наши силы шли на служеніе человѣчеству. Этой тенденціи, доселѣ не имѣющей настоящаго направленія и потому пертурбаціонной, необходима опредѣленная доктрина; при этомъ условіи она возродитъ все человѣчество; но такой именно доктриной и является позитивизмъ. Онъ въ настоящее время можетъ быть названъ систематизированнымъ соціализмомъ. Еслибъ не эмпиризмъ и себялюбіе правящихъ классовъ, предстоящая революція во Франціи по крайней мѣрѣ могла бы быть мирной; но при ихъ наличности дѣло не обойдется безъ новыхъ и тяжкихъ потрясеній [1]). Контъ все яснѣе и яснѣе сознаетъ бездну, отдѣляющую его пониманіе задачъ будущей революціи отъ того, какому слѣдуютъ крайнія партіи, эти, какъ онъ говоритъ, презрѣнные анархисты (misérables anarchistes). Подъ именемъ „красныхъ“ они являются важнѣй-

[1]) Ibid., p. 73 et suiv.

[1]) Ibid., pp. 83—85.

шимъ препятствіемъ къ поступательному ходу Запада, и одни даютъ нѣкоторое оправданіе ретроградамъ" [1]).

Въ „Курсѣ положительной политики", прочитанномъ Контомъ въ теченіе зимы 1850—51 гг., особое мѣсто отведено развитію той мысли, что порядокъ останется реакціоннымъ, пока прогрессъ не порветъ съ анархіей. „Аудиторія,—пишетъ Контъ,—прониклась убѣжденіемъ, что не настанетъ прочнаго порядка, пока его созданіе не будетъ поручено позитивистамъ, которые одни рѣшаются высказываться открыто противъ анархическихъ догматовъ во имя самой революціи". Я, пишетъ Контъ, охарактеризовалъ народное самодержавіе словами „возстаніе живыхъ противъ мертвыхъ", равенство признано мною безнравственной ложью, а всеобщее голосованіе—общественной болѣзнью. Всѣ эти слова встрѣчены были дружными апплодисментами 200 или 300 революціонеровъ, которые ни отъ кого бы не потерпѣли подобныхъ выраженій, кромѣ меня. 10 лѣтъ я предсказываю, что позитивизмъ будетъ призванъ къ защитѣ порядка, и мое пророчество начинаетъ сбываться [2]). Какъ рисуетъ себѣ Контъ условія, при которыхъ революціонная диктатура могла бы послужить къ упроченію порядка, выступаетъ изъ его письма къ Тулузу отъ 9 авг. 1851 г.

Въ длинномъ рядѣ эмпирическихъ попытокъ упрочить революціонное правительство онъ находитъ только одну, отвѣчающую его идеаламъ. Это—революціонное правительство Конвента, созданное Дантономъ и выродившееся подъ вліяніемъ Робеспьера и его попытки вернуть человѣчество къ культу верховнаго существа. „Еще въ 1830 г.,—говоритъ Контъ,—я заявлялъ, что порядокъ не будетъ установленъ прочно во Франціи, пока правительство не перейдетъ въ руки пролетаріевъ" [3]).

[1]) Письмо отъ 22 апрѣля 1851-го г., стр. 100.
[2]) Ibid. стр. 101, письмо отъ 22 апр. 1851 г.
[3]) Ibid., стр. 107—108.

Подъ анархическими теоріями, съ которыми Контъ считаетъ необходимымъ сразиться, онъ разумѣетъ прежде всего прудоновскій индивидуализмъ, какъ это ясно слѣдуетъ изъ одного мѣста его письма къ Тулузу отъ 26 авг. 1852 г.: „Человѣчество,—пишетъ онъ,—это всемірная родина, призванная объединить по крайней мѣрѣ въ будущемъ всѣхъ обитателей нашей планеты. Это—совокупность всѣхъ способныхъ къ ассимиляціи, всѣхъ, какъ живущихъ поколѣній, такъ и сошедшихъ со сцены, такъ наконецъ и грядущихъ; къ нему не принадлежатъ развѣ Нероны, Робеспьеры и Бонапарты, — однимъ словомъ, всѣ тѣ, кто нарушаетъ своими дѣйствіями человѣческую гармонію; индивидъ самъ по себѣ не существуетъ, представляя только абстракцію, правда, необходимую. Если бы вы имѣли случай заняться размышленіями біологическаго характера, вамъ немудрено было бы убѣдиться, что то же выступаетъ во всемъ животномъ царствѣ, особенно же на высшихъ его ступеняхъ, гдѣ біологическую единицу составляетъ порода, а не индивидъ; послѣдній же только часть, реально неразлучная съ породой и непонятная безъ нея. Да и среди людей существованіе семьи, какъ соціальной ячейки, свидѣтельствуетъ о томъ же. Во всѣхъ аристократическихъ родахъ, въ которыхъ болѣе, чѣмъ въ другихъ, удержалось почитаніе предковъ, всякій привыкаетъ сердцемъ и умомъ относиться къ домашней средѣ въ ея прошломъ и будущемъ, какъ къ единицѣ, очевидно лишенной всякой искусственности. Человѣчество является такой всемірной семьею; оно стало бы ею, если бы люди были въ достаточной степени братьями, но этого нѣтъ еще въ дѣйствительности; вотъ почему отечество пока наполняетъ собой тотъ громадный интервалъ, который иначе остался бы незанятымъ между этими двумя крайними группами къ немалому ущербу для нашего сердца и ума. Основу современ-

ной анархіи составляетъ отрицаніе этихъ соціальныхъ круговъ, какъ реальныхъ организмовъ. Ни у кого этотъ индивидуализмъ не выступаетъ съ большей силой, какъ у Прудона, „котораго и надо считать воплощеніемъ современной анархіи“ [1]).

Въ „Субъективномъ катехизисѣ“ Контъ, прилагая свою доктрину къ оцѣнкѣ современныхъ ему событій и направляя ее какъ противъ парламентскаго порядка, какъ не только антифранцузскаго, но и антиевропейскаго, такъ и противъ всякихъ попытокъ возстановленія имперіи въ лицѣ Бонапарта (или будущаго императора Наполеона III), желалъ бы видѣть снова республиканскую диктатуру въ рукахъ такого республиканца, какъ Кавеньякъ. При ней избирательная камера не имѣла бы даже законодательныхъ функцій, а одно лишь право вотированія бюджета. „Вѣдь это единственная служба, которая дѣйствительно подобаетъ ей въ *нашей республикѣ*“, восклицаетъ онъ [2]). Можно судить, насколько установленіе второй имперіи съ ея явно ретрограднымъ направленіемъ обмануло ожиданія Конта. Для него это — непоправимая ошибка, такъ какъ имперія стремится приблизиться къ монархіи, сдѣлавшейся символомъ попятнаго движенія. „За послѣдніе 60 лѣтъ“, говоритъ Контъ, „мы въ дѣйствительности всегда были республикой, какое бы имя ни носилъ правитель, и какія бы оффиціальныя галлюцинаціи его имя ни вызывало. Сдѣлавъ опытъ республиканской диктатуры, Наполеонъ III не долженъ былъ повернуть въ сторону монархіи“. Для его императорской власти Контъ не знаетъ другого имени, какъ „мамамушизмъ“; слово это заимствовано имъ изъ извѣстной комедіи Мольера. Онъ объясняетъ себѣ однако успѣхъ новаго, какъ онъ выражается, 18 Брюмера, т.-е. декабрьскаго переворота, тѣмъ страхомъ, какой напустили красные, убѣдивъ всѣхъ своимъ поведеніемъ, что республика, обезпечивая прогрессъ, колеблетъ порядокъ. Только тогда, когда у пролетаріевъ явится опредѣленная и отвѣчающая требованіямъ порядка программа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и люди, способные достойнымъ образомъ взять на себя руководительство ими, — только тогда можно будетъ думать о дѣйствительномъ упроченіи республики во Франціи. Пока же это не воспослѣдуетъ, Контъ считаетъ преждевременными всякія попытки создать ее за предѣлами Франціи, между прочимъ въ Италіи; всякое несвоевременное ея провозглашеніе было бы рутиннымъ и дѣтскимъ подражаніемъ, способнымъ только воспрепятствовать возрожденію европейскаго Запада [1]).

Увѣренность въ томъ, что, вопреки упроченію имперіи, торжество руководимой позитивистами органической революціи не за горами, заставляетъ Конта въ обращеніи къ другому изъ своихъ корреспондентовъ, де-Линъ, банкиру въ Эпернэ, писать въ 1853 году, что раньше конца этого года онъ предвидитъ новый насильственный кризисъ, который перенесетъ диктатуру въ руки Кавеньяка и позволитъ позитивистамъ принять руководительство республикой; „красные, — пишетъ онъ по этому случаю,—та изъ современныхъ партій, которая всего болѣе заслуживаетъ презрѣнія и ненависти; они ничего не выиграютъ отъ этого новаго кризиса, а, наоборотъ, будутъ имъ дискредитированы, благодаря дурному употребленію, какое они сдѣлаютъ изъ дарованной имъ амнистіи; спустя нѣсколько мѣсяцевъ новый диктаторъ отошлетъ этихъ неизлѣчимо больныхъ въ Лондонъ и Брюссель, и тогда-то для позитивизма явится возможность дать

[1]) Ibid., письмо отъ 26 авг. 1852 г., стр. 115.
[2]) Ibid., стр. 119.

[1]) См. письмо къ Benedetto Profumo отъ 8 авг. 1851 г.

генеральное сраженіе коммунизму. Ему нечего опасаться представителей этихъ доктринъ въ городахъ, такъ какъ лучшіе изъ ихъ руководителей (Контъ имѣетъ въ виду Барбеса) не прочь подчиниться вліянію проповѣди позитивизма. Болѣе опасны коммунисты сельскіе, которые не думаютъ ни о чемъ другомъ, какъ о все новыхъ и новыхъ передѣлахъ, тогда какъ рабочіе, наоборотъ, видятъ необходимость концентраціи капитала. Сельскіе коммунисты несомнѣнно подпадутъ подъ руководительство худшихъ изъ всѣхъ интеллигентовъ, сельскихъ учителей, болѣе враждебныхъ позитивизму, чѣмъ приходскіе священники. Но противодѣйствіе селъ только доставитъ позитивизму новую возможность подчеркнуть свою роль защитника порядка, семьи и собственности, которыхъ никто, кромѣ его, не въ состояніи охранить отъ тѣхъ разрушительныхъ софизмовъ, противъ которыхъ безсильна сама католическая проповѣдь"[1]). Еще позднѣе, когда, повидимому, не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что имперія пуститъ корни во Франціи, Контъ продолжаетъ лелѣять увѣренность въ наступающемъ торжествѣ позитивной политики. „Мы скоро будемъ,—пишетъ онъ,—единственными истинными республиканцами, готовыми ниспровергнуть, не противорѣча нашимъ принципамъ, то позорное исчадіе народнаго верховенства, какимъ является Имперія" [2]).

Но по мѣрѣ того, какъ осуществленіе его надеждъ все болѣе и болѣе отодвигаемо было въ отдаленное будущее, Контъ пристращался къ полемикѣ съ партіями, враждебными сохраненію общественнаго порядка. Отсюда несомнѣнный консерватизмъ, какой стала пріобрѣтать его доктрина, отсюда частые его призывы ко всѣмъ истиннымъ консерваторамъ, принявшіе въ 1855 г. форму особаго возванія къ нимъ [1]), отсюда же посылка имъ его „Положительной политики" тому, кого онъ считалъ главою охраняющей порядокъ свѣтской власти, императору Николаю I. Изъ переписки Конта слѣдуетъ, что онъ ждалъ и не дождался его отвѣта. Надо сказать однако, что съ этимъ послѣднимъ актомъ въ біографіи Конта, совпадаетъ и посылка имъ письма Барбесу—одному изъ главъ французскаго коммунизма, готовому, какъ казалось автору „Положительной философіи", принять основные догматы его доктрины. Контъ такимъ образомъ продолжалъ служить попрежнему своей излюбленной мысли примиренія порядка съ прогрессомъ, проповѣдуя консерваторамъ необходимость стать во главѣ поступательнаго хода общества, а революціонерамъ — порвать съ одностороннимъ преслѣдованіемъ задачъ разрушенія всего существующаго строя и приступить къ положительной работѣ въ духѣ позитивизма. Мы не будемъ останавливаться на дальнѣйшей характеристикѣ политическихъ взглядовъ Конта въ послѣдній періодъ его жизни. Намъ необходимо было только указать на ту тенденцію, въ какой продолжала развиваться его мысль, чтобы для читателя стало ясно, къ какимъ послѣдствіямъ должно было повесть на практикѣ то ученіе о примиреніи порядка съ прогрессомъ, отъ котораго Контъ отправляется въ своемъ „Курсѣ положительной философіи" при опредѣленіи самой природы явленій, подлежащихъ изученію соціологіи.

Критикуя въ 40-ой лекціи своего „Курса" метафизическія ученія въ области политики и считая ихъ систематическимъ препятствіемъ ко всякой дѣйствительной реорганизаціи общества [2]), Контъ оста-

---

1) „Correspondance inédite d'Anguste Comte", première série, pp. 241—243.

2) Ibid., pp. 246—247.

1) См. „Appel aux conservateurs par le fondateur du Positivisme". Paris, aout, 1855.

2) Philosophie positive, v. IV., p. 53.

навливается между прочимъ на разборѣ основныхъ положеній той доктрины, которая со временъ Руссо пользуется почти безграничнымъ признаніемъ,—доктрины народнаго самодержавія. Это ученіе, какъ я старался показать въ другомъ мѣстѣ, еще задолго до революціи было приведено въ искусственное соотношеніе съ ученіемъ о естественныхъ, т.-е. прирожденныхъ, правахъ человѣка на свободу самоопредѣленія—ученіе, источникъ котораго можно возвесть къ англійскимъ уравнителямъ XVII в., и которое нашло въ философіи Локка своего представителя задолго до появленія „Декларации правъ человѣка и гражданина". Контъ старается провесть тотъ взглядъ, что общественный порядокъ немыслимъ въ томъ случаѣ, если каждому будетъ предоставлено право возбуждать ежедневно вопросъ о самыхъ основахъ общежитія, и что поэтому безграничная терпимость, или, иначе, безграничная свобода совѣсти, недопустима. Такое положеніе стоитъ въ прямой связи съ той мыслью, на которой построено все зданіе соціологіи, какъ науки о законахъ, управляющихъ общежитіемъ. Если такіе законы существуютъ, то по отношенію къ нимъ такъ же мало мыслима свобода выбора, какъ и по отношенію къ законамъ физики, химіи или біологіи, Контъ поэтому относится сочувственно къ тому принципу католической церкви, который гласитъ: въ существенныхъ вопросахъ—единство взглядовъ, въ несущественныхъ и спорныхъ—свобода[1]). Другой политическій догматъ, подвергаемый имъ сомнѣнію, это вѣра въ прирожденное равенство людей. Контъ доказываетъ, что люди въ правѣ только требовать равнаго уваженія къ ихъ человѣческому достоинству, но что равенства физическихъ и психическихъ свойствъ не существуетъ въ дѣйствительности. Нельзя поэтому признать за всѣми людьми равныхъ правъ, за исключеніемъ одного—свободнаго развитія личной дѣятельности, но подъ чужимъ руководительствомъ. Общественный прогрессъ вмѣсто того, чтобы приближать насъ къ этому химерическому равенству, только развиваетъ тѣ основныя различія[1]), какія представляютъ наши умственныя и нравственныя способности".

Отрицанію Контъ подвергаетъ и догматъ народнаго суверенитета, который для него является послѣдствіемъ перенесенія принципа свободы совѣсти изъ сферы интеллектуальной въ сферу политическую. Какъ критерій несостоятельности стараго порядка, опирающагося на признаніи божескаго источника власти, ученіе о народномъ суверенитетѣ, несомнѣнно, оказало существенную услугу. Содѣйствуя паденію стараго порядка, оно въ то же время сдѣлало возможными рядъ политическихъ опытовъ, которые въ противномъ случаѣ были бы немыслимы. Но никакой прочный общественный порядокъ не можетъ установиться при допущеніи, что народная воля всегда права, тогда какъ существуютъ въ дѣйствительности незыблемые законы общественности.

Не допускаетъ Контъ и ученія о естественномъ состояніи, не только какъ о предшествующемъ во времени государственному, но и какъ о такомъ, которое должно считаться заключающимъ въ себѣ нормальныя условія всякаго общественнаго порядка; въ противность Руссо онъ думаетъ, что поворотъ къ естественному состоянію былъ бы равносиленъ попятному движенію, и вѣрно указываетъ самый источникъ ученія о первоначальномъ счастьи людей въ естественномъ состояніи въ богословскомъ ученіи о раѣ и первоначальномъ грѣхѣ.

И естественная религія не находитъ защиты въ глазахъ Конта, хотя бы уже потому, что кладетъ въ основу общественнаго порядка богословскій принципъ. Та-

[1]) In necessariis—unitas, in dubiis—libertas.

[1]) Cours de philosophie positive, v. IV, pp. 55—64.

кимъ образомъ Контъ постепенно приходитъ къ тому общему выводу, что революціонная доктрина не отвѣчаетъ научному пониманію природы человѣка и общества и враждебна соглашенію порядка съ прогрессомъ. Послѣдствіемъ ея торжества было бы продолженіе той умственной анархіи, отъ которой страдаетъ современное человѣчество" [1]).

Мы не будемъ долѣе останавливаться на политическихъ воззрѣніяхъ Конта и на критикѣ имъ господствовавшей въ его время революціонной доктрины. Сказаннаго на этотъ счетъ вполнѣ достаточно для нашей цѣли. Оно позволяетъ читателю понять причину, по которой при изображеніи будущаго человѣчества Контъ рисуетъ себѣ порядки, рѣзко отличные отъ тѣхъ, при которыхъ народы болѣе или менѣе свободны отъ всякаго руководительства и роль государства сведена къ одному обезпеченію безопасности и правосудія, а церковь является добровольнымъ и легко расторгаемымъ союзомъ послѣдователей того или другого вѣроисповѣданія. Наоборотъ, Контъ желаетъ усиленія правительственной власти, одинаково духовной и свѣтской, какъ той, которая даетъ направленіе научному мышленію и заботится о согласіи частнаго поведенія съ требованіями общественнаго благополучія, къ чему въ концѣ-концовъ и сводится положительная нравственность, такъ и той, которая завѣдуетъ матеріальными интересами общества. Воздерживаясь еще отъ тѣхъ построеній, къ какимъ онъ обратится въ своемъ трактатѣ „О Позитивной Политикѣ", довольствуясь поэтому указаніемъ одной лишь общей тенденціи, въ которой должна происходить ближайшая эволюція человѣчества, Контъ въ одной изъ послѣднихъ главъ своего „Курса положительной философіи" слѣдующимъ образомъ резюмируетъ свою общую точку зрѣнія: „Ходъ событій за послѣдніе полвѣка показываетъ, что требованія порядка и свободы не могутъ найти осуществленія себѣ иначе, какъ подъ условіемъ истиннаго переустройства общества, а между тѣмъ общій ходъ политики попрежнему сбивается то въ сторону революціи, то въ сторону реакціи. Съ одной стороны, не представляютъ себѣ порядка иначе, какъ по старому правительственному типу, а съ другой—анархическая тенденція довольствуется чисто отрицательною стороною прогресса; факты же убѣждаютъ въ безсиліи обѣихъ тенденцій. Свѣтская диктатура стараго порядка, пришедшая въ упадокъ благодаря разложенію центральной власти, признаетъ себя неспособной руководить переустройствомъ духовнаго правительства и довольствуется однимъ охраненіемъ матеріальнаго порядка; что же касается до руководительства умственнаго и нравственнаго, то оно ввѣрено конкурирующимъ между собою философскимъ теченіямъ. Новыя общественныя силы, развиваясь разрозненно другъ отъ друга, указываютъ на необходимость общей координаціи. Положеніе промышленности дѣлаетъ со дня на день болѣе необходимымъ установленіе гармоніи интересовъ между предпринимателями и рабочими, а между тѣмъ свободная конкуренція оказалась безсильной обезпечить подобную гармонію". Такъ передаетъ последователь Конта—Риголажъ—то, что въ „Курсѣ положительной философіи" и въ частности, въ лекціи 57-ой, текстъ которой восходитъ къ 1842 г., Контъ счелъ нужнымъ сказать объ общемъ направленіи, какое приметъ въ ближайшемъ будущемъ реорганизація правительственной власти. Въ „Положительной политикѣ" и особенно во второй ея части тѣ же вопросы подвергнуты будутъ Контомъ новому разсмотрѣнію. Опека надъ умами и надъ частными хотѣніями, которая уже наглядно сказывается въ „Курсѣ положительной философіи", на этотъ разъ

[1]) Ibid., до стр. 116.

выступитъ еще болѣе рѣзко и рѣшительно. Въ „Курсѣ положительной философіи“ Контъ говорилъ только о томъ, что предстоитъ создать двѣ власти: духовную и свѣтскую, дабы снова подчинить политику нравственности. Духовная власть должна принадлежать философамъ - соціологамъ, а свѣтская—тѣмъ, кто руководитъ промышленностью; первые призваны давать совѣты, освѣщать, регулировать, классифицировать, судить; вторые должны заботиться о матеріальныхъ интересахъ общества и осуществляютъ власть политическую въ тѣсномъ смыслѣ слова; имъ должна принадлежать инициатива и начальствованіе. Въ „Положительной политикѣ“ Контъ идетъ несравненно далѣе: философы - соціологи становятся у него священниками новаго культа; они наблюдаютъ за частнымъ поведеніемъ людей, устанавливаютъ контроль за чтеніями и даже за проводимыми въ разговорахъ мыслями; что касается до свѣтской власти, то во главѣ ея Контъ ставитъ предпринимателей; они сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ богатство, они—современные патриціи; но положительная политика, руководствуясь законами соціологіи, смотритъ на богатство, не какъ на личное достояніе, а какъ на достояніе общественное столько же въ его источникѣ, сколько и по назначенію. Вѣдь капиталъ—результатъ коллективныхъ усилій, какъ живущихъ, такъ и умершихъ; соотвѣтственно этому и обладаніе имъ, т.-е. собственность, является общественной функціей; изъ этого слѣдуетъ, что собственникъ не можетъ присвоивать себѣ абсолютнаго права на вещи; онъ не болѣе, какъ приставленный къ ихъ управленію агентъ,—агентъ, уполномоченный всѣмъ человѣчествомъ завѣдывать частью общаго достоянія. Его обязанность—дать этой части назначеніе, наиболѣе выгодное для всѣхъ; но это обстоятельство не лишаетъ его права завѣщать имущество, назначать себѣ наслѣдника по усмотрѣнію, какъ въ собственной семьѣ, такъ и внѣ ея. Выборъ начальствующихъ не можетъ быть предоставленъ подчиненнымъ. Изъ тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ свѣтской организаціи,—изъ земледѣльцевъ, рабочихъ, торговцевъ, промышленниковъ, банкировъ — послѣдніе преимущественно предъ всѣми прочими призываются къ отправленію свѣтской власти. Что касается до рабочихъ, то и они призваны смотрѣть впредь на себя, какъ на несущихъ общественную функцію и получающихъ въ формѣ заработной платы вознагражденіе за свои усилія. Человѣчество въ схемѣ Конта должно распасться на рядъ мелкихъ государствъ, не превышающихъ своими размѣрами Швейцаріи или Бельгіи. Одна только мужская половина его работаетъ внѣ домашняго очага; что же касается до женщинъ, то онѣ призваны посвящать себя всецѣло семейнымъ заботамъ. Политическая организація, предлагаемая Контомъ, призываетъ каждаго къ исполненію роли полезной для всего общества.

Девизомъ всѣхъ должна быть „жизнь для другихъ“. Свою схему наилучшаго устройства человѣчества Контъ называетъ соціо-кратіей [1]).

Въ перепискѣ Конта болѣе выпукло выступаетъ его точка зрѣнія на нормальныя условія труда. Въ виду этого я считаю нужнымъ сдѣлать изъ нея нѣсколько выдержекъ. Отвѣчая на запросы лицъ, примкнувшихъ къ церкви позитивистовъ, Контъ не разъ высказываетъ ту точку зрѣнія, что рабочіе не должны стремиться перейти въ ряды предпринимателей; имъ необходимо имѣть въ виду, что они сами отправляютъ полезную общественную функцію. Въ перепискѣ съ Пьеромъ Лафитомъ, профессоромъ мате-

---

[1]) См. передачу основныхъ положеній Контовой политики у Alengry, Essai historique et critique sur la sociologie chez Auguste Comte стр. 296—299.

матики и впослѣдствіи прямымъ продолжателемъ его доктрины, перепискѣ, которая открывается 49 г. и заканчивается 57 г., Контъ прямо говоритъ: „Надо весьма настаивать на томъ, чтобы пролетаріи сознательно стремились остаться таковыми, но имъ долженъ быть обезпеченъ извѣстный достатокъ; за ними надо признать право собственности на жилище и домашнюю утварь, безъ чего невозможенъ переходъ ихъ отъ бродячаго состоянія къ состоянію прочной осѣдлости (очевидно, при фабрикѣ или заводѣ). Въ настоящее время такое матеріальное обезпеченіе имѣютъ только сельскіе труженики; но къ нему въ правѣ стремиться и городскіе; ихъ желаніе можетъ найти удовлетвореніе при дробленіи городской собственности. Какъ съ матеріальной, такъ и съ нравственной точки зрѣнія одинаково важно, чтобы рабочіе могли имѣть постоянное жилище, а не зависѣли отъ каприза домовладѣльцевъ! Въ наше же время наиболѣе почтенная и наиболѣе многочисленная часть городского населенія живетъ точно въ лагеряхъ; достаточно уговора между домовладѣльцами, чтобы, не нарушая даже закона, поставить ее въ необходимость покинуть свое мѣстопребываніе“ [1]).

Контъ раздѣляетъ далѣе ту точку зрѣнія, что убытки, вытекающіе отъ всякой остановки въ производствѣ, должны падать не на пролетаріевъ, а на предпринимателей. Съ этою цѣлью онъ различаетъ въ заработной платѣ двѣ части: одна служитъ къ обезпеченію самаго существованія рабочаго, другая является вознагражденіемъ за осуществленную имъ работу; первую слѣдуетъ платить и въ случаѣ пріостановки занятій, разъ она не воспослѣдовала по винѣ самого рабочаго, а также и въ случаѣ его болѣзни; обязательство продолжается по срокъ рабочаго договора [2]).

[1]) Т. II, „Переписки“, стр. 31—40.
[2]) Ibid., стр. 44.

Такимъ образомъ Контъ, можно сказать, сторонникъ того же принципа, на которомъ построено обязательное страхованіе рабочихъ насчетъ предпринимателей; онъ высказывается также въ пользу болѣе поздняго, чѣмъ нынѣ, вступленія рабочихъ въ бракъ, что позволило бы имъ накопить необходимый достатокъ для устройства будущихъ семей. „Жрецы религіи человѣчества, — пишетъ онъ, — не согласятся заключать браковъ между людьми, не достигшими 28-лѣтняго возраста. При такомъ условіи рабочій будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи по крайней мѣрѣ 10 лѣтъ производительнаго труда для пріобрѣтенія не только необходимой технической сноровки, но и усадьбы съ утварью“ [1]). „Самый размѣръ вознагражденія, получаемаго имъ, долженъ быть таковъ, чтобы обезпечить существованіе не ему одному, но и его семьѣ [2]). Контъ возлагаетъ надежду на то, что духовное и свѣтское начальство своими совѣтами и назиданіями сумѣетъ воздержать рабочаго отъ всякой попытки выйти изъ своего состоянія и сдѣлаться въ свою очередь предпринимателемъ, жертвуя для этого возможностью основать собственный очагъ и откладывая на неопредѣленное время моментъ заключенія брака. Для Конта главное — обезпечить рабочему счастье семейной жизни, а это возможно только подъ двумя условіями: во-первыхъ, уже указаннаго нами пріобрѣтенія имъ постояннаго жилища, а во-вторыхъ, при освобожденіи его жены и дѣтей отъ необходимости зарабатывать пропитаніе трудомъ на фабрикахъ и заводахъ. Можно сказать, что въ системѣ Конта уже лежитъ корень того законодательства о защитѣ женскаго и дѣтскаго труда, развитіе котораго совпадаетъ со второй половиной протекшаго столѣтія. Обезпечивъ такимъ обра-

[1]) Стр. 46.
[2]) Стр. 50.

зомъ труженику домашнее довольство, Контъ разсчитываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать и подъему половой нравственности, подвергающейся столькимъ опасностямъ, пока на фабрикахъ и заводахъ будутъ работать молодыя дѣвушки и женщины. Въ письмѣ къ одному сельскому хозяину въ департаментѣ Алье, Адери, сдѣлавшемуся членомъ общества позитивистовъ, Контъ указываетъ на то, что однимъ изъ способовъ разрѣшенія такъ называемаго нынѣ соціальнаго вопроса является подъемъ нравственности въ средѣ какъ пролетаріевъ, такъ и предпринимателей. „Необходимо,—говоритъ онъ,—облагородить трудъ и морализировать богатство. До тѣхъ поръ, пока пролетаріи будутъ стремиться къ праздности и наслажденіямъ, какія обезпечиваетъ богатство и въ которыхъ они справедливо обвиняютъ предпринимателей, не можетъ быть и рѣчи объ устраненіи всякаго дальнѣйшаго конфликта труда съ капиталомъ. Точно также не возможно соглашеніе между обоими, пока предприниматели не будутъ считать себя призванными къ пользованію богатствомъ въ интересахъ всего общества и не станутъ смотрѣть на себя, какъ на исполнителей общественной функціи“ [1]). Возвращеніе женщины въ семью настолько входитъ въ общій планъ той реформы общественныхъ отношеній, о которой мечтаетъ Контъ, что ею въ значительной степени объясняется и отрицательное отношеніе его къ эмансипаціонному движенію, къ тому уравненію обоихъ половъ, къ которому одновременно стремился Джонъ Стюартъ Милль, т.-е. тотъ изъ англійскихъ мыслителей, который отнесся къ позитивизму съ наибольшимъ сочувствіемъ и въ своей „Логикѣ“ представилъ систему его методологическихъ пріемовъ въ области общественныхъ наукъ. Въ перепискѣ Милля съ Контомъ, впервые отпечатанной въ полномъ объемѣ Леви Брюлемъ т.-е. вмѣстѣ съ отвѣтами Милля, весьма опредѣленно высказаны тѣ мотивы, по которымъ Контъ отказывалъ женщинамъ въ одинаковой съ мужчинами роли въ общественной жизни. Они лежатъ не въ одномъ лишь фактѣ меньшаго объема головного мозга женщинъ, но прежде всего въ нежеланіи вводить ихъ въ ту борьбу интересовъ, къ которой сводится система экономической и общественной конкуренціи. Я не имѣю возможности останавливаться подробно на этой сторонѣ воззрѣній Конта, какъ не стоящей въ ближайшемъ отношеніи съ преслѣдуемой мною задачей — дать исторію возникновенія соціологіи, но мнѣ необходимо было указать на нее мелькомъ въ виду ея тѣсной связи съ самой постановкой вопроса о средствахъ, какими Контъ считалъ возможнымъ достигнуть общественной реформы и возстановить гармонію между трудомъ и капиталомъ, между бѣдными и богатыми.

На основаніи всего сказаннаго мнѣ кажется возможно заключить, что въ своемъ пониманіи условій политическаго и тѣсно связаннаго съ нимъ соціальнаго развитія человѣчества Контъ стоялъ на высотѣ современнаго ему историческаго знанія и политическаго опыта ближайшихъ десятилѣтій. Въ его письмахъ, какъ и въ сочиненіяхъ, отводится не мало мѣста истолкованію, какъ дѣйствительнаго характера французской революціи, такъ и дальнѣйшаго ея хода въ первой половинѣ XIX столѣтія,—хода, который онъ считаетъ незавершеннымъ и который, въ его глазахъ, необходимо долженъ привесть къ торжеству позитивизма. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто изъ его писемъ къ Папо, члену общества позитивистовъ. Въ виду декабрьскаго переворота, поведшаго къ провозглашенію имперіи, этой непростительной въ его глазахъ ошибки, Контъ признаетъ нужнымъ на-

[1]) Письмо отъ 9 мая 1851 г. къ Надери, т. II, стр. 205—206.

помнить, что законы, управляющіе поступательнымъ ходомъ человѣчества, не подлежатъ отмѣнѣ благодаря капризамъ судьбы [1]).

Онъ вѣритъ поэтому, что то республиканское движеніе, начало котораго было положено 10-го августа 1792 г., необходимо будетъ продолжено и приведетъ въ ближайшемъ будущемъ къ упроченію величайшаго изъ завоеваній революціи — республики. „Я предвижу, — пишетъ онъ въ обращеніи къ другому изъ своихъ корреспондентовъ, къ Де-Лину, банкиру въ Эпернэ, — что ранѣе конца 1853 г. настанетъ новый и послѣдній насильственный кризисъ, который отниметъ власть у Наполеона и передастъ республиканскую диктатуру Кавеньяку. Произойдетъ это послѣ столкновенія между республиканской частью войска и имперіалистской, причемъ на сторону первой станетъ парижскій пролетаріатъ". Контъ надѣется, что Франція обойдется безъ необходимости создать промежуточную стадію парламентаризма и прямо перейдетъ къ республиканской диктатурѣ. При этомъ онъ не скрываетъ своей готовности и въ настоящее время ограничить функцію избираемой палаты однимъ составленіемъ бюджета. Такое предложеніе сдѣлано было имъ еще въ 1847 г., и онъ жалѣетъ о томъ, что имперія не нанесла этого рѣшительнаго удара порядкамъ конституціонной монархіи, отнявши у палаты законодательныя функціи. Республиканская диктатура можетъ держаться подъ однимъ условіемъ признанія ею свободы; непониманіе этой истины и есть причина неустойчивости Наполеоновскаго правительства, которое выродилось въ какую-то театральную полувосточную монархію, для которой Контъ, какъ я уже сказалъ, употребляетъ терминъ, заимствованный имъ изъ комедіи Мольера, „мамамушизмъ" [1]). Разсматривая тѣ условія, при которыхъ позитивизмъ можетъ взять на себя руководительство послѣдней стадіей революціоннаго періода, Контъ говоритъ о необходимости положить въ основу общественнаго устройства одну свободу и братство. Онъ отвергаетъ такимъ образомъ третье требованіе республиканской формулы: равенство. Онъ отказывается въ то же время отъ парламентскихъ порядковъ въ пользу республиканской диктатуры [2]). Въ своемъ „Курсѣ" Контъ подробно останавливается на оцѣнкѣ французской революціи и того дальнѣйшаго хода развитія западнаго общества, который, такъ сказать, намѣченъ ею. Для него значеніе революціи сводится къ разрыву съ религіознымъ міросозерцаніемъ и милитаризмомъ и къ обезпеченію конечнаго торжества науки и промышленности. Революція подготовлена была вѣками и должна быть разсматриваема, какъ явленіе, общее всей бѣлой расѣ. Контъ указываетъ, какъ на предшественниковъ революціи въ области мысли, на всѣхъ тѣхъ, кто содѣйствовалъ паденію католицизма и феодальной монархіи, будутъ ли то философы Сорбонны, протестанты, юристы и члены судебныхъ парламентовъ во Франціи. Онъ подчеркиваетъ параллельный ходъ развитія науки и промышленности, который представляетъ такимъ образомъ органическую сторону процесса, приводящаго западныя общества къ революціи. При этомъ онъ развиваетъ тотъ взглядъ, что революція не закончена, такъ какъ переходъ власти въ руки ученыхъ и промышленниковъ еще не совершился. Для этого необходимо, чтобы духовная власть не была поглощаема свѣтской, чтобы вызванные революціей тексты органическихъ законовъ, или конституціи, заняты были устройствомъ не одного свѣтскаго правительства; необхо-

[1]) См. письмо отъ 25 января 1852 г. I. т. корреспонд., стр. 151.

[1]) Ibid., стр. 247.

[2]) Ibid., стр. 251.

димо также, чтобы разлагающія начала революціонныхъ доктринъ смѣнились созидательными, чтобы догматъ неограниченной свободы не препятствовалъ установленію прочной и всѣми раздѣляемой общественной и политической доктрины, а равенство и народное самодержавіе— не служило препятствіемъ естественной іерархіи классовъ, добровольному подчиненію пролетаріевъ руководительству лицъ зажиточныхъ и прежде всего банкировъ [1]).

*
* *

§ 5. Не останавливаясь долѣе на характеристикѣ взглядовъ Конта на ходъ политическаго развитія человѣчества, отмѣтимъ фактъ менѣе полнаго пониманія имъ его экономической эволюціи. Ближайшая причина тому лежитъ, разумѣется, ни въ чемъ иномъ, какъ въ недостаточной разработкѣ хозяйственной исторіи въ первой четверти XIX столѣтія, когда Контъ впервые приступилъ къ накопленію тѣхъ конкретныхъ данныхъ, на которыхъ опираются его историческія обобщенія; въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ „Торговли древнихъ и новыхъ народовъ“ Герена, сочиненіе котораго ему было извѣстно, какъ изданное первоначально на французскомъ языкѣ, я затрудняюсь указать на какой-либо трактатъ того времени, который способенъ былъ бы измѣнить его пониманіе римскихъ и средневѣковыхъ порядковъ хозяйственной дѣятельности и, въ частности, сельской, за исключеніемъ того монументальнаго вступленія, какое Гераръ написалъ къ впервые обнародованному имъ тексту древнѣйшихъ хозяйственныхъ записей, производимыхъ монастырями [2]). Контъ, несомнѣнно, не былъ знакомъ съ этимъ сочиненіемъ, и это упущеніе, невыгодно отразившееся на пониманіи имъ источника и природы помѣстнаго хозяйства, справедливо отмѣчено было ближайшимъ послѣдователемъ Конта—Пьеромъ Лафитомъ [1]). Изо всей современной и столь богатой литературы по экономическому росту Европы въ первой четверти протекшаго столѣтія едва ли можно отмѣтить что другое, кромѣ классической „Исторіи средняго сословія“ Огюстена Тьерри, которую Контъ использовалъ вполнѣ. Труды Георга Маурера, проложившаго путь къ новѣйшему пониманію судебъ сельской общины, помѣстья, города, появились не ранѣе середины столѣтія и не могли, слѣдовательно, быть приняты въ разсчетъ Контомъ. Поэтому можно только удивляться, какъ при слабой сравнительно начитанности въ экономической исторіи, объясняемой тѣмъ, что послѣдняя только что зарождалась, Контъ сумѣлъ вѣрно опредѣлить и характеръ средневѣкового хозяйства, и то, вліяніе, какое крестовые походы и проложенные ими пути на Востокъ оказали на развитіе міровой торговли и соотвѣтственно на довольно быструю замѣну первоначальнаго самодовлѣющаго натуральнаго хозяйства мѣновымъ. Контъ даетъ себѣ вѣрный отчетъ и о характерѣ преслѣдовавшаго однѣ цѣли непосредственнаго потребленія помѣстнаго хозяйства, и о построенной на немъ феодальной системѣ, при которой всѣ классы общества стояли въ опредѣленномъ отношеніи къ землѣ,—отношеніи, опредѣляемомъ путемъ договора сюзерена съ вассалами и вассаловъ съ подвассалами вплоть до крѣпостныхъ крестьянъ, являвшихся такимъ образомъ не безземельными батраками и пролетаріями, какими сдѣлалъ ихъ послѣдующій ходъ развитія экономическихъ отношеній, а совладѣльцами съ помѣщиками. Отъ вниманія Конта не ускользаетъ и тотъ фактъ, что основанная на такомъ совладѣніи

[1]) См. т. V. „Курса положительной философіи“, стр. 394—622; и т. VI, стр. 276.

[2]) Я разумѣю „Prolegomènes au politique de l'abbé Irminon“ par Guérard.

[1]) Въ лекціи, прочитанной имъ въ моемъ присутствіи въ Collège des sciences sociales въ Парижѣ.

всѣхъ классовъ общества землею и на постоянномъ обмѣнѣ услугъ, военнаго покровительства и защиты, съ одной стороны, а съ другой,—службы, столько же сельской, сколько и военной, феодальная система какъ нельзя лучше отвѣчала нуждамъ впервые прочно осѣвшихся германскихъ племенъ. Ея установленіемъ они замѣнили свое прежнее военно-наступательное состояніе военно-оборонительнымъ и разбились съ этой цѣлью на множество осѣвшихся лагерей, которымъ въ концепціи Конта отвѣчаютъ феоды, или лены. Феодальная система своимъ экономическимъ фундаментомъ, т.-е. договорнымъ отношеніемъ къ землѣ и службѣ, и своей политической надстройкой и іерархіей подчиненныхъ императору и папѣ правителей является для Конта промежуточной стадіей между системой милитаризма и индустріализма. Къ первой онъ относитъ всю древность, т.-е. весь періодъ господства фетишизма и политеизма. Начало индустріализма совпадаетъ въ историко-философской схемѣ Конта съ переходомъ отъ монотеизма къ революціонной метафизикѣ. Въ этомъ періодѣ экономическій факторъ — ростъ обмѣна, промышленности и связанный съ нимъ упадокъ феодализма и зарожденіе свободныхъ городскихъ общинъ,—пріобрѣтаютъ въ изложеніи Конта такое рѣшающее вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ развитія государства и церкви, что, по справедливому замѣчанію Лоріа, съ XIII вѣка экономическій факторъ выдвигается имъ впередъ, какъ тотъ, который, заодно съ общимъ ходомъ положительнаго знанія и въ тѣсной связи съ нимъ, подготовилъ наступленіе позитивизма. Этотъ послѣдній равнозначителенъ торжеству научнаго міросозерцанія и индустріализма. Онъ ждетъ отъ французской революціи своего окончательнаго признанія; но для этого нужно, чтобы конечнымъ звеномъ ея была передача верховнаго руководительства человѣчества, съ одной стороны, духовной власти энциклопедистовъ - философовъ, а съ другой—свѣтской,—главъ промышленно - торговыхъ и кредитныхъ предпріятій.

Наименѣе удачную сторону всей историко-философской схемы Конта составляетъ его попытка показать въ каждую изъ трехъ главныхъ эпохъ, пройденныхъ человѣчествомъ, и въ любое изъ ихъ подраздѣленій тѣсное соотношеніе между умственнымъ кругозоромъ и экономическо-политическимъ строемъ, съ одной стороны, и уровнемъ эстетическаго развитія—съ другой. Самъ Контъ имѣлъ, несомнѣнно, большое пристрастіе къ двумъ искусствамъ—къ поэзіи и музыкѣ. Его любимымъ отдохновеніемъ было чтеніе великихъ стихотворцевъ древности и нѣкоторыхъ итальянскихъ поэтовъ среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія, въ частности Данте. Въ его перепискѣ съ однимъ итальянскимъ послѣдователемъ положительной философіи, Бенедетто Профумо, не разъ заходитъ рѣчь объ этомъ пристрастіи и о томъ наслажденіи, какое онъ выносилъ отъ частаго общенія съ мыслью поэтовъ эпохи католическаго расцвѣта. „Итальянецъ, — пишетъ онъ, — вѣроятно, не нуждается въ томъ, чтобы ему совѣтовали обратить вниманіе и на его эстетическое развитіе, но поэтическая сторона позитивизма не могла не поразить васъ, конечно, наравнѣ съ высокимъ значеніемъ, какое онъ признаетъ за изящными искусствами“ [1]). Но, любя поэтовъ и итальянскую музыку, посѣщая съ этой цѣлью итальянскую оперу, насколько это позволяло ему время и скромныя средства, способный понять вмѣстѣ съ тѣмъ не только красоту гармоніи въ произведеніяхъ греческаго зодчества и скульптуры, но и величавый полетъ фантазіи, какой представляетъ собою готическій храмъ и столь проникнутая ре-

---

[1]) Т. III переписки, изд. 1904, стр. 202, письмо отъ 7 марта 1851 г.

лигіознымъ настроеніемъ живопись ранняго возрожденія съ его Фра-Анжелико и творцами древнѣйшей Фламандской школы, Контъ въ то же время не имѣлъ достаточной начитанности въ исторіи изящныхъ искусствъ. Послѣдняя къ тому же далеко не отличалась тѣмъ богатствомъ матеріала и тѣмъ рѣзкимъ обособленіемъ отдѣльныхъ періодовъ развитія, какое мы можемъ констатировать въ наши дни. Весьма недостаточны разсужденія Конта о связи начальныхъ вѣрованій съ искусствомъ, такъ какъ совершенно не принята въ разсчетъ роль магіи въ зарожденіи музыки, живописи, хореографическаго искусства и даже скульптуры. Вѣдь дикарь, грубо изображающій на внутреннихъ стѣнахъ пещеры оленя или медвѣдя, думаетъ, что тѣмъ самымъ онъ содѣйствуетъ пріумноженію звѣря, служащаго ему тотемомъ. Онъ руководствуется тѣмъ же представленіемъ о физическомъ сродствѣ тотема съ самимъ собою, когда въ танцахъ пытается уподобиться его тѣлодвиженіямъ, а въ формѣ ритмическихъ заклинаній—найти средство расположить его въ свою пользу. Новѣйшія направленія въ области первобытной культуры объясняютъ такими именно соображеніями зарожденіе танцевъ, живописи, музыки и лирики у самыхъ отсталыхъ дикарей, а потому, по всей вѣроятности, и у первыхъ обитателей пещеръ и свайныхъ построекъ. Я не буду слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ Контомъ его основного положенія о связи эстетическаго развитія съ умственнымъ и политическимъ, хотя болѣе подробный анализъ его мыслей способенъ былъ бы показать и вѣрность общаго положенія, въ которомъ убѣдила насъ вся позднѣйшая литература по исторіи искусствъ, и удачное выполненіе имъ нѣкоторыхъ частей общей схемы. Отмѣчу однако мимоходомъ умѣніе Конта оцѣнить вліяніе, какое греческій политеизмъ оказалъ на широкій полетъ фантазіи поэтовъ и художниковъ эпохи, слѣдовавшей за Троянской войной и завершившейся соперничествомъ изъ-за господства надъ Пелопоннесомъ, когда стало сказываться уже разъѣдающее вліяніе критической мысли и соотвѣтственно проявился уже упадокъ того искренняго и наивнаго отношенія къ религіознымъ миѳамъ, какое выступаетъ столько же въ Гомеровой „Иліадѣ", сколько въ стихотвореніяхъ Гезіода и произведеніяхъ первыхъ греческихъ трагиковъ. Каждому читателю бросится также въ глаза удачное выполненіе Контомъ задачи сближенія готическаго искусства съ христіанской мистикой и объясненіе имъ наступившаго одновременно съ христіанствомъ застоя въ ваяніи препятствіями, какія изученіе анатоміи встрѣчало въ церковномъ запретѣ какихъ бы то ни было экспериментовъ надъ человѣческимъ трупомъ.

Мы прослѣдили, насколько это было возможно при общности поставленной нами задачи, за самымъ способомъ выполненія Контомъ его основной проблемы, которая, какъ мы сказали, сводится къ изображенію постепеннаго роста человѣческаго общежитія. Можно сказать, что Контъ выполнилъ намѣченную Паскалемъ схему и отнесся къ человѣчеству, какъ къ индивиду, вѣчно пріумножающему свои познанія и соотвѣтственно совершенствующемуся. Успѣшное доведеніе до конца такого широкаго плана было возможно только для человѣка, стоявшаго на уровнѣ современнаго ему знанія и обладавшаго рѣдкой способностью къ обобщеніямъ; но и этихъ качествъ не хватило бы Конту, если бы онъ добровольно не сузилъ своей задачи. Онъ изучаетъ поэтому въ своемъ „Курсѣ" лишь ходъ развитія абстрактнаго знанія, въ связи съ которымъ совершается и поступательное движеніе конкретныхъ наукъ. По той же причинѣ онъ слѣдитъ за метаморфозами въ области хозяйственнаго общественнаго и политическаго уклада только

у тѣхъ народовъ, которые въ разныя эпохи представляютъ собою верхи человѣчества. Такими народностями въ его глазахъ, какъ раньше у Сенъ-Симона, являются въ древнемъ мірѣ египтяне, греки и римляне, а въ новомъ—народы латинской расы; германскій міръ занимаетъ лишь слабое мѣсто въ его схемѣ, а славянскій совершенно отсутствуетъ наравнѣ съ народами Туранской культуры. Конту, конечно, трудно было бы осилить и сведенную къ такимъ рамкамъ задачу, если бы онъ опять-таки добровольно не отвлекся отъ видоизмѣняющаго вліянія, какое климатъ, почва, географическое положеніе, длина береговой линіи, распредѣленіе горъ и рѣкъ и вообще физическіе факторы, оказываютъ на ускореніе или замедленіе хода развитія. Нельзя не признать его заслугой вѣрнаго пониманія того, что въ климатѣ, почвѣ и т. д. мы имѣемъ не первопричину, какъ думалъ, вслѣдъ за Монтескье, Бокль, а только косвенный факторъ развитія. Въ отличіе отъ тѣхъ, кто, подобно Гобино, Тэну, а въ новѣйшее время Гумпловичу, считаютъ расу—этотъ сложный продуктъ взаимодѣйствія физическихъ факторовъ, всеопредѣляющей причиной исключительнаго роста тѣхъ или другихъ націй, Контъ показываетъ, что ближайшимъ виновникомъ быстраго, или, наоборотъ, медленнаго хода общественной эволюціи является то накопленіе положительныхъ знаній, то временная задержка въ этомъ накопленіи. Трезвенность его точки зрѣнія, мнѣ кажется, особенно оттѣняется неуспѣхомъ тѣхъ одностороннихъ объясненій, какія въ новѣйшее время представлены были, какъ я показалъ въ моей монографіи „О современныхъ соціологахъ“, людьми, сводившими весь поступательный ходъ человѣчества къ одностороннимъ вліяніямъ климата, расы, увеличивающейся густоты населенія, перемѣнѣ въ техникѣ производства и т. д. и т. д. Въ противность современному стремленію къ монизму, Контъ останавливается на мысли о взаимодѣйствіи психическихъ, экономическихъ, политическихъ и эстетическихъ факторовъ, или, точнѣе, самое понятіе фактора отсутствуетъ въ его толковании исторіи и смѣняется цѣпью воздѣйствующихъ другъ на друга или противодѣйствующихъ фактовъ.

* * *

§ 6. Конта продолжаютъ называть философомъ исторіи болѣе, чѣмъ соціологомъ; такъ, напримѣръ, Бартъ, а въ новѣйшее время Алангри, но только потому, что вслѣдъ за Кондорсе и Сенъ-Симономъ и ранѣе Спенсера, онъ заинтересовался въ своей соціологіи по преимуществу эволюціей общества, обнимаемой имъ понятіемъ соціальной динамики,—терминъ, заимствованный, какъ показываетъ и самое названіе, изъ науки, посвященной изученію міра неорганическаго. Ошибочно было бы переводить его словами физіологія общества, которой противополагалась бы соціальная статика, какъ его анатомія. Еще недавно Лестеръ Уордомъ справедливо было указано на одномъ изъ конгрессовъ „международнаго института соціологіи“, что слова статика и динамика вѣрнѣе передаютъ мысль объ изученіи общества, первое—въ его структурѣ и функціонированіи, второе—въ его поступательномъ ходѣ, чѣмъ слова общественная анатомія и физіологія, предполагающія: первое—изученія одного остова, а второе—жизненнаго функціонированія организма. Очевидно, что въ любую эпоху своего поступательнаго хода общество можетъ быть изучаемо, какъ съ динамической, такъ и съ статической точки зрѣнія, что эпоха теологическая съ ея послѣдовательными періодами имѣетъ свою общественную статику въ такой же степени, какъ и эпоха метафизическая, или позитивная. Контъ посвящаетъ поэтому въ своемъ „Курсѣ положительной философіи“ мало мѣста тому отдѣлу со

ціологіи, который носитъ у него названіе статики, очевидно, потому что при изученіи различныхъ стадій развитія человѣчества онъ имѣетъ возможность разсмотрѣть каждую съ той же статической точки зрѣнія. Можно критиковать выборъ имъ терминовъ для обозначенія, какъ всей науки объ обществѣ, такъ и отдѣльныхъ ея частей; можно предпочесть имъ такія слова, какъ обществовѣдѣніе, изученіе общества въ его строеніи и функціяхъ, съ одной стороны, и изученіе его въ поступательномъ ходѣ, но, не говоря уже о меньшей конкретности перваго слова и объ описательномъ характерѣ двухъ послѣднихъ наименованій, нельзя не сказать, что названіе, заимствованное Контомъ изъ науки о явленіяхъ неорганическихъ, и, въ частности, изъ физики, весьма выпукло выражаетъ тѣ два представленія покоя и движенія, какія въ дѣйствительности и различаютъ собою обѣ части его соціологіи.

Еще два слова о методѣ Конта, прежде чѣмъ окончить этотъ, по необходимости затянувшійся очеркъ не столько исторіи, сколько зарожденія соціологіи. Методъ Конта обстоятельно описанъ Миллемъ въ его Логикѣ. Самъ авторъ ея сознается, что, когда отъ наукъ математическихъ, физико-химическихъ и біологическихъ, онъ переходитъ къ обществовѣдѣнію, въ основу при изученіи ихъ методологіи, онъ кладетъ единственную въ его время цѣльную попытку освѣтить судьбы общества не только въ его структурѣ и функціяхъ, но и въ его развитіи, какая сдѣлана была Контомъ. Въ самыхъ общихъ чертахъ методъ послѣдняго можетъ быть переданъ словами индуктивно - дедуктивнаго; это значитъ, что тѣ эмпирическія обобщенія, на которыя наводитъ Конта изученіе общества въ покоѣ и движеніи, онъ провѣряетъ затѣмъ дедукціей, отправляющейся отъ данныхъ о физической и психической природѣ человѣка и, въ частности, отъ такихъ представленій, какъ ограниченность его мускульной энергіи, продолжительное преобладаніе въ немъ чувствъ надъ разумомъ и двойственность психической природы человѣка съ несомнѣннымъ перевѣсомъ эгоизма надъ альтруизмомъ. Говоря о томъ методѣ, какому Контъ слѣдуетъ въ своемъ „Курсѣ положительной философіи“, и противополагая его новому пріему, избранному имъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, сторонникъ научной философіи и противникъ религіи человѣчества, Литтре, справедливо отмѣчаетъ въ немъ слѣдующія характерныя черты. „Необходимо,—пишетъ онъ,—чтобы человѣческое поведеніе, поведеніе столько же индивида, сколько и общества, отвѣчало реальнымъ условіямъ міра и человѣческаго существованія; отличать возможное отъ невозможнаго есть драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ свойствъ, какія могутъ быть пріобрѣтены нами. Оно одно позволяетъ не терять безплодно нашихъ силъ и содѣйствовать усовершенствованію нашей природы“ [1]). Но все это—тѣ самыя понятія, которыя мы пріобрѣтаемъ при провѣркѣ историческихъ индукцій выводами, сдѣланными изъ изученія человѣческой физіологіи и психики. Заслуга Конта и состоитъ въ томъ, что онъ не остановился, подобно Кондорсе, на мысли о безостановочномъ развитіи человѣчества и открылъ предѣлы этому развитію въ самой природѣ человѣка. Можно сказать, употребляя терминъ, пущенный въ ходъ Ницше, что въ глазахъ Конта, какъ бы ни совершенствовалось общество и индивидъ въ немъ, это явленіе все же не поведетъ къ созданію того сверхъ-человѣка, той новой породы живыхъ существъ, которой несвойственны были бы наши страсти и ихъ господство надъ разумомъ и для которыхъ, слѣдовательно, можно было бы придумать совершенно иныя условія существованія, новую мораль и новое право. Отличіе того

[1]) Littré, стр. 520.

метода, какому Контъ слѣдуетъ въ „Курсѣ положительной философіи“ и который можетъ быть названъ объективнымъ, выступаетъ изъ бѣглаго знакомства съ тѣмъ, какого онъ придерживается въ позднѣйшемъ своемъ трудѣ: „Позитивная политика“. Мы видѣли, что задача Конта при созданіи имъ соціологіи лежала въ распространеніи на область общественныхъ явленій того самаго метода индукціи, метода опыта и наблюденія, какому слѣдуютъ науки, занимающіяся, какъ неорганической, такъ и органической природой. Этой находкѣ Контъ придаетъ большее значеніе, чѣмъ собственной попыткѣ использовать научный методъ въ обществовѣдѣніи. „Критикуя меня, говоритъ онъ, надо отличать мою основную мысль о необходимости примѣнять научный анализъ къ общественнымъ явленіямъ отъ самаго способа выполненія мною этой задачи. Какъ бы несовершенъ ни былъ послѣдній, онъ ничего не говоритъ противъ самого метода. Во всѣхъ наукахъ, въ частности въ обществовѣдѣніи, методъ еще важнѣе конструкціи“ [1]). Въ „Положительной политикѣ“ Контъ отступаетъ отъ метода точныхъ наукъ и даетъ перевѣсъ дедукціи; рекомендуемый имъ субъективный методъ отказывается отъ той задачи, какая преслѣдуема была Контомъ въ его важнѣйшемъ трактатѣ,—задачи раскрыть цѣпь причинъ и слѣдствій; отнынѣ онъ признаетъ ее тщетной [2]). Другими словами, Контъ даетъ съ этого времени рѣшительный перевѣсъ дедукціи. А между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ Литтре, самъ онъ въ своемъ „Курсѣ положительной философіи“ установилъ, что чѣмъ наука сложнѣе, тѣмъ ограниченнѣе возможность пользованія ею дедукціей. Дедукція всесильна въ математикѣ и, со временъ Ньютона, въ небесной механикѣ; она имѣетъ меньшее примѣненіе въ физикѣ, еще меньшее въ химіи и біологіи и достигаетъ минимальнаго значенія въ соціологіи. Дедукція мыслима только какъ средство для провѣрки индукціи, а безъ нея она становится тѣмъ субъективнымъ методомъ, свойственнымъ всякимъ богословскимъ и метафизическимъ концепціямъ, съ которыми Контъ преломляетъ оружіе въ своемъ „Курсѣ положительной философіи“. Вотъ почему субъективный методъ, которому Контъ слѣдуетъ въ своей „Положительной политикѣ“, осуждается его же собственнымъ пониманіемъ условій научнаго мышленія въ наиболѣе сложной изъ всѣхъ наукъ—обществовѣдѣніи [1]).

Различные пріемы, какіе предполагаетъ примѣненіе научнаго метода къ общественнымъ явленіямъ и къ которымъ обращается Контъ, представлены въ весьма сжатомъ видѣ въ новѣйшей книгѣ Леви Брюля о его философіи. За невозможностью обратиться „къ чисто дедуктивному методу, какимъ орудуютъ математики“, говоритъ Леви Брюль, соціологія пускаетъ въ ходъ тѣ пріемы, какихъ придерживаются науки о неорганической и органической природѣ.

Первымъ изъ нихъ надо считать наблюденіе. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что общественные феномены легко могутъ быть наблюдаемы, во-первыхъ, потому, что они многочисленны, и, во-вторыхъ, потому, что участникомъ въ нихъ является самъ наблюдатель. Но эти два обстоятельства дѣлаютъ особенно неудобнымъ пользованіе этими методами. Хорошо наблюдать можно только, стоя

¹) „Курсъ положительной философіи“, т. IV, стр. 176—177. „Politique positive“, v. I., p. 455.

²) „Il suffit“, пишетъ онъ, que la méthode subjective renonçant à la vaine recherche des causes, tente directement comme la méthode objective vers la seule découverte des lois, afin d'amellorer notre condition et notre nature.

¹) См. Литтре, стр. 527—537. Въ послѣднее время Леви Брюль сдѣлалъ попытку защитить Конта и его субъективный методъ отъ упрековъ, направленныхъ противъ него Литтре, но я не считаю убѣдительными его доводы.

внѣ области наблюдаемаго [1]). Необходимо было бы поэтому, чтобы факты соціологическіе представились нашему наблюденію, какъ явленія объективнаго характера, и независимыя отъ различныхъ состояній нашей индивидуальной психики. Но этого можно достигнуть только подъ условіемъ, чтобы умъ наблюдающаго уже создалъ себѣ извѣстную концепцію о томъ, что именно онъ желаетъ видѣть; безъ такой предварительной схемы или теоріи наблюдатель не можетъ знать, на что онъ долженъ обратить вниманіе при изученіи представшаго предъ его глазами факта. Такая схема пріобрѣтается изученіемъ въ связи съ наблюдаемымъ цѣлой цѣпи предшествующихъ ему явленій. Въ этомъ обстоятельствѣ и лежитъ чрезвычайная трудность соціологіи, и одно общественное явленіе не можетъ имѣть научнаго значенія безъ сближенія его съ другими. Только подъ этимъ условіемъ человѣкъ, хорошо подготовленный къ производству обобщеній всѣмъ ходомъ своего научнаго воспитанія, можетъ опредѣлить природу происходящихъ на его глазахъ общественныхъ явленій, смотря по тому, въ какомъ прямомъ отношеніи они стоятъ съ основными и высшими истинами обществовѣдѣнія. Ни о какомъ опытѣ въ соціологіи не можетъ быть и рѣчи [2]). Не то, чтобы мы не способны были вліять на общественные феномены; наоборотъ, они всего болѣе терпятъ видоизмѣненіе, но дѣло въ томъ, что всякая научная экспериментація предполагаетъ сопоставленіе двухъ случаевъ, отличныхъ между собою только въ одномъ какомъ-либо опредѣленномъ отношеніи. А между тѣмъ среди тѣхъ явленій, какія подлежатъ изученію соціологіи, мы не можемъ отмѣтить двухъ вполнѣ подобныхъ другъ другу случаевъ. Въ виду этого соціологія поставлена въ необходимость отказаться отъ прямой экспериментаціи и удовольствоваться косвенной. Возможность къ ней открывается патологическими явленіями, какія въ обществахъ вызываются кратковременными или длящимися причинами. Такими патологическими состояніями Контъ въ частности считаетъ революціи, которыя онъ приравниваетъ къ болѣзнямъ. Если согласиться съ Брусе, что болѣзни вызываются тѣми же законами, какіе опредѣляютъ собою здоровое состояніе организма, и примѣнить это обобщеніе къ фактамъ соціальнымъ, то можно будетъ, думаетъ Контъ, сказать, что въ такихъ патологическихъ явленіяхъ, какъ революціи, намъ открывается возможность опыта.

Одинъ изъ послѣдователей Конта, нашъ соотечественникъ Лиліенфельдъ, пошелъ очень далеко этой опасной дорогой и призналъ патологическими явленіями все то, что въ жизни современныхъ обществъ вызывало его отрицательное отношеніе.

Сравнительный методъ, столь полезный біологамъ, оказываетъ, по мнѣнію Конта, большія услуги и въ области соціологіи. Онъ сближаетъ различныя состоянія человѣческаго общежитія, одновременно встрѣчающіяся въ разныхъ частяхъ земной поверхности и у различныхъ народовъ независимо отъ заимствованія ихъ другъ у друга. Не мало народностей, которыя еще не достигли тѣхъ высшихъ ступеней, на которыхъ стоятъ передовыя націи. Это обстоятельство позволяетъ намъ одновременно наблюдать цѣлый рядъ послѣдовательныхъ стадій развитія человѣчества, начиная отъ той, на которой стоятъ жители Огненной земли, и оканчивая наиболѣе цивилизованными народами. Намъ нетрудно также отмѣтить рядъ общественныхъ состояній уже повторявшихся въ исторіи, и не выходя изъ границъ одной и той же націи. Вѣдь об-

[1]) См. „Курсъ положительной философіи“, т. IV, стр. 337.

[2]) „Курсъ положительной философіи“, т. IV, стр. 342—344.

щественныя условія отдѣльныхъ классовъ необыкновенно разнятся другъ отъ друга, такъ какъ эти классы могутъ стоять на различныхъ стадіяхъ развитія. „Одинъ Парижъ,—говоритъ Контъ, — заключаетъ въ своей средѣ образцы почти всѣхъ стадій общественнаго роста, предшествующихъ положительной, особенно, если имѣть въ виду сторону интеллектуальнаго развитія“ [1]).

Сравнительнымъ методомъ можно пользоваться какъ въ соціальной статикѣ, такъ и въ соціальной динамикѣ, причемъ въ первой возможно сопоставленіе общественной жизни людей и животныхъ,—методъ, которымъ въ широкой степени орудуетъ Эспинасъ, и который нашелъ талантливаго представителя въ средѣ русскихъ біологовъ въ лицѣ Вагнера. Но и сравнительный методъ въ соціологіи играетъ у Конта лишь второстепенную роль; первенствующее же мѣсто принадлежитъ методу историческому, который слѣдитъ за постояннымъ наслоеніемъ общежительныхъ формъ по мѣрѣ роста знаній и научнаго мышленія и ведетъ, по мнѣнію Конта, къ установленію того закона трехъ стадій, который одинъ дѣлаетъ возможнымъ, думаетъ онъ, изслѣдованіе общественныхъ явленій столько же съ статической, сколько динамической точки зрѣнія [2]).

---

1) См. „Курсъ п. фил.“, т. IV, стр. 354 и слѣд.

2) Ср. Леви Брюль, 2-е изд. 1905 г., стр. 275 по 286.

Библіографія.

Глава I.

Революція 1848 г. и Реакція во Франціи.

Документы.—Законодательные и парламентскіе документы собраны въ оффиціальныхъ сборникахъ: *Moniteur universel* (засѣданія Собраній), *Collection des lois et décrets* (законодательные акты). Отдѣльно изданы: *Recueils des décrets et actes financiers du Gouvernement provisoire*, 1848; *Rapport de la Commission d'enquête sur l'insurrection... du 23 juin et du... 15 mai 1848*, 3 т., 1848.

Для событій важнѣйшими источниками служатъ журналы, весьма многочисленные въ этомъ періодѣ; библіографическія указанія о нихъ имѣются въ *Catalogue de l'Histoire de France* Національной библіотеки, т. IV.—Хронологическій перечень фактовъ находится въ *Annuaire historique*, 1848—1852 (въ очень консервативномъ духѣ). Замѣчательнымъ источникомъ служитъ Nassau Senior, *Conversations with Thiers, Guizot* и проч., 2 тома, 1878 г. (сборникъ бесѣдъ съ Тьеромъ и другими государственными дѣятелями Франціи отъ 1852 до 1860). — Можно воспользоваться и нѣкоторыми справками,—хотя и съ большой осмотрительностью—имѣющимися въ исторіяхъ Революціи, изданныхъ современниками, въ запискахъ и мемуарахъ. Важнѣйшіе изъ нихъ суть: Caussidière, *Mémoires*, 2 т., 1849 (о полиціи Временнаго Правительства). De la Hodde, *La naissance de la République*, 1850 (авторъ былъ шпіономъ, близко стоявшимъ къ тайнымъ обществамъ).—L. Blanc, *La Révolution de février au Luxembourg*, 1849; *Histoire de la Révolution de 1848*, 2 т., 1870.—E. Thomas, *Histoire des ateliers nationaux*, 1848.—O. Barrot, *Mémoires posthumes*, 4 т., 1875—76.—Tocqueville, *Souvenirs* (имѣется русск. перев.) 1893.—Lamartine, *Histoire de la Révolution de 1848*, 2 т., 1849.—Garnier-Pagès, *Histoire de la Révolution de 1848*, 10 т., 1861—72 (въ русск. перев. имѣется 3 т. Спб. 1864).—A. Delvau, *Histoire de la Révolution de février*, т. I, 1850 (авторъ состоялъ секретаремъ Ледрю-Роллена).—L.-H. Carnot, *Le ministère de l'instruction publique et des cultes... en 1848, 1849.*—A. Lucas, *Les clubs et les clubistes...*, 1851.—*Enquête sur le 2 décembre 1852* (анон., приписываемый полковнику Шарра).—Pascal Duprat, *Les tables de proscription de L. Bonaparte*, 3 т., 1852.—Belouino, *Histoire d'un coup d'Etat*, 1852.—*Histoire de conseils de guerre de 1852* (анон.), 1869.—Грегуаръ, *Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ*, 1893, изд. Солдатенкова. Рохау, *Исторія Франціи 1814 — 1852*, Спб., 1865.—Карѣевъ, *Исторія новаго времени*, т. 4.—А. Михайловъ-Шеллеръ, *Пролетаріатъ во Франціи*, Спб., 1869 и въ собр. сочиненій.—Верморель, *Дѣятели 1848 г.*; его же, *Дѣятели 1851 г.*

Карлъ Марксъ, *Борьба классовъ во Франціи*; его же, *18 брюмера Луи Бонапарта*.—Лозинскій, *Исторія Второй Республики*, 1904.—Викторъ Гюго, *Исторія одного преступленія*; его же, *Маленькій Наполеонъ*.—Н. Чернышевскій, *Кавеньякъ*, Современникъ 1858, №№ 1 и 4.—Герценъ, *Былое и думы*; его же, *Письма изъ Франціи и Италіи*, его же, *Съ того берега*.

Спеціальныя сочиненія. Пока еще нѣтъ ни одного научнаго сочиненія по исторіи этого періода. По исторіи революціи и Временнаго Правительства можно указать слѣдующія сочиненія:

По исторіи Революціи лучшимъ считается K. Hillebrand, *Geschichte Frankreichs...* т. II, 1879 (см. также Thureau-Dangin, *Histoire de la monarchie de juillet*).

По исторіи Временнаго Правительства: Daniel Stern (псевдон. графини д'Агу), *Histoire de la Révolution de 1848*, 3 т., 1850 и L. Stein, *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich*,

1850. Можно пользоваться сочиненіемъ **V. Pierre**, *Histoire de la République de 1848,* 2 т., 1873—78 (въ консервативн. духѣ).

По исторіи республики отъ 1848 до 1852 имѣется нѣсколько сочиненій весьма неудовлетворительныхъ: **V. Pierre**, (см. выше).—**P. de la Gorce**, *Histoire de la 2-e république française,* 2 т., 1887; *Histoire du second Empire*, т. I, 1894 (въ очень консервативномъ духѣ и весьма растянутое).—**E. Spuller**, *Histoire parlamentaire de la 2-e République,* 1891 (въ республиканскомъ духѣ). — **Taxile Delord**, *Histoire du 2-e Empire,* 5 изд., т. I., 1869 (въ республиканскомъ духѣ, восходитъ до 1848 г., имѣется русскій переводъ, 2 т.—**Thirria**, *Napoléon III avant l'Empire*, т. II, 1895 (имперіалистъ).

Монографіи: **E. Tenot**, *la Province en décembre 1851,* 1865; *Paris en décembre 1851,* 1868 (въ республиканскомъ духѣ,—трудъ вполнѣ удовлетворит.).—**A. Debidour**, *Hist. des rapports de l'Eglise et de l'Etat en France,* 1898 (въ республик. духѣ, прекрасно написанная статья о Римской экспедиціи и о законѣ Фаллу).—**G. du Puynode**, *L'administration des finances en 1848—49,* 1849.

Глава II.

Революція и Реакція въ Италіи.

По общей исторіи Италіи въ 1848—1849, кромѣ указанныхъ въ т. III, стр. 336 имѣются слѣдующія работы: *Archivio triennole delle cose d'Italia dall' avvenimento di Pio IX all' abbandono di Venezia, Каполаго,* 1850 (сборникъ важныхъ документовъ).—**D'Azeglio**, *L'Italie de 1847 à 1865* (Письма, опубликованныя M. E. Рендю), Парижъ, 1867.—**G. Pepe**, *Les Révolutions et les guerres d'Italie en 1847—48—49.*—**Perrens**, *Deux ans de révolution en Italie*, Парижъ, 1857.—**Vimercati**, *Histoire de l'Italie en 1848 et en 1849*, Парижъ, 1852.—**I. Zeller**, *Pie IX et Victor-Emmanuel,* Парижъ, 1879.

Серенъ, *Италія въ XIX вѣкѣ*, Спб., 1898.

Гарибальди, *Записки*, 3 т., Спб., 1860.

Діеро-Копіа, *Общая исторія Италіи*, 1796—1850, Спб., 1863.

Цомакіонъ, *Дж. Гарибальди,* изд. Павленкова, Спб., 1892.

М. Пинто, *Пій IX и революція*. „В. Евр.“, 1867, кн. 6, 12.

Барыковъ, *Графъ Кавуръ*, Москва, 1861.

Добролюбовъ, *Жизнь и дѣятельность графа Камилло;* **его же**, *Жизнь и дѣятельность Бенза Кавура,* Собр. сочиненій.

А. Невскій, *Гарибальди*, „От. Зап.“ 1860, кн. 10.

Герценъ, *Письма изъ Франціи и Италіи;* **его же**, *Съ того берега;* **его же**, *Былое и думы.*

Войничъ, *Оводъ*, романъ изъ революц. жизни Италіи XIX вѣка.

Тарле, *Новѣйшая исторія Италіи,* 1904 г.

По исторіи Пьемонта. — **Balleydier**, *Turin et Charles-Albert.*—**Costa de Beauregard**, *Les dernières années du roi Charles-Albert,* Парижъ, 1890.—**Le Masson**, *Custozza, Navare,* 2 т., Туринъ, 1853.—**Della Rocca**, *Autobiografia di un veterano,* 2 т., Туринъ, 1867.—**Ulloa**, *Histoire de la guerre de l'indépendance italienne,* Парижъ, 1859.

По исторіи Ломбардіи. — **Bonfadini**, *Vita di Francesco Arese*, Миланъ, 1894.—**Massarani**, *Cesare Correnti nella vita e nelle opere,* Римъ, 1890.—**Ottolini**, *La rivoluzione lombarda del 1848 e 1849,* Миланъ, 1887.

По исторіи Венеціи.—**Le Masson**, *Venise en 1848 et en 1849,* Туринъ, 1850.—**Manin**, *Lettere,* 1859.

По исторіи Тосканы.—**Montanelli**, *Memorie sull' Italia e specialmente sulla Toscana,* 2 т., Туринъ, 1853.

По исторіи Рима. — **Balleydier**, *Histoire de la Révolution de Rome,* Парижъ, 2 т., 1850. — **Garibaldi**, *Autobiography* (на англ. яз.), 3 т., 1887.

По исторіи Обѣихъ Сицилій.—**Massari**, *I casi di Napoli dal 29 gennaio 1848 in poi.*—**Le Masson**, *Naples en 1848 et en 1849.*

Глава III.

Революція и Реакція въ Германіи.

Оффиціальные документы. — Большіе періодическіе сборники: *Annual Register, Annuaire historique universel, Annuaire des Deux Mondes* (съ 1850 г.). — **Weil**, *Quellen und Aktenstücke,* 1850.—**Roth** и **Merck**, *Quellensammlung z. deutschen öffentl. Rechte seit 1848,* 1852.—*Offizieller Bericht über die Verhandlungen z. Gründung eines d. Parl.,* 1848.—**Iucho**, *Verh. d. deutschen Parl.* (Подготовит. парлам., Комитетъ пятидесяти), 1848.—*Stenogr. Berichte über die Verhandl. der ersten Konstit. Nationalvers.*, изданные Вигаромъ, 9 т., 1849.—*Verhandl. des Verfassungsausschusses.*, издан. Дройзеномъ, 1849.—**Völderndorff**, *Deutsche Verfassungen u. Verfassungsentwürfe,* 1890. — **Bleich**, *Verhandl. des vereinigten Landtages,* 1848.—*Stenograph. Berichte über die Verhandl. der z. Vereinbarung, d. preuss. Staatsverfassung berufenen Vers.,* 1848. — **Rauer**, *Protokolle der Verfassungskommiss.,* 1849.—*Aktenstücke betreffend das Bündniss von 26. Mai und die deutsche Verfassungsangelegenheit,* 2 т., 1849—1851.—*Steno-*

graph. Bericht über die Verhandl. des deutschen Parl. zu Erfurt.—Der deutsche Fürstenkongress zu Berlin: Aktenstücke und Betrachtungen, 1850.—*Kurhess. Urkundenbuch*, 1861.—*Aus den Papieren des Ministerpraesid.* — O. v. Manteuffel (*Deutsche Revue*, 1883).— Samwer, *Die Dresdener Konfer. mit Urkunden*, 1851.—M. Duncker, *Vier Wochen auswärtiger Politik, mit Urkunden* 1851.

Переписки и мемуары.—Ranke, *Aus dem Briefwechsel Fr.-W. IV und Bunsen*, 1873. (Подробный разборъ сдѣланъ Saint-René Taillandier въ соч. *Dix ans de l'hist. d'Allemagne*, 1875.—Ranke, *Biographie de F.-G. IV*, въ *Allgem. deutsche Biographie.*—Reumont, *Aus K. F. Ws. IV. gesunden und Kranken Tagen*, 1885.—Wagener, *Die Politik F.-Ws. IV*, 1883. — Leop. v. Gerlach, *Denkwürdigkeiten*, 1891.—Bunsen, *Aus seinen Briefen geschildert*, 1868.— Radowitz, *Gesamm. Schriften*, 1852.—Ernest de Saxe-Cobourg-Gotha, *Aus meinem Leben* (1-й т.), 1887.—Natzmer, *Unter den Hohenzollern*, 1888.—*Général* v. Brandt, *Aus dem Leben*, т. III, 1882.—Wagener, *Erlebtes* (1890).—Metternich, *Nachgelassene Papiere*, 1880.—Prokesch von Osten, *Aus den Briefen* (1849 — 55), 1896.—Vitzthum d'Eckstaedt, *Berlin und Wien in den Jahren 1845—52*, 1886.— Beust, *Aus drei Vierteljahrh.*, 1887.—Stockmar, *Denkwürdigkeiten*, 1872.—Th. Martin, *Life of the Prince consort*, 1878.—Bulwer, *The life of Palmerston*, 1871.

Франкфуртскій парламентъ. — Мемуары, или исторіи, написанные по личнымъ воспоминаніямъ: Haym'a (1848—50); Duncker'a 1849; Laube (1849); Wurm'a (1849); Heller'a (1849); Biedermann'a (1849).—Переписки: Mathy и Bassermann съ Beckerath. (*Deutsche Revue*, т. VII); братьевъ Grimm и Dahlmann съ Gervinus'омъ, 1885.—Ruge's, *Briefwechsel und Tagebücher*, 1886.—Raumer, *Briefe von Frankfurt und Paris*, 1849.—Iochmus, *Gesammelte Schriften*, 1883.—Beseler, *Erlebtes und Erstrebtes*, 1884.—Reyscher, *Erinnerungen*, 1884.—Wichmann, *Erinnerungen aus der Paulskirche*, 1888.—Arneth, *Aus meinem Leben*, 1893.

Прусскіе съѣзды. — Мемуары: v. Unruh (лѣв. центр., 1849), и (*Deutsche Revue*), 1881; Reichensperger'a (католикъ), 1882; Temm'a, 1883; Gneist'a, 1849. — Riedel'я, *Die Reden des Abg. v. Bismarck - Schönhausen 1847 — 52*, 1885.—Kohl, *Die polit. Reden des Fürsten von Bismarck*, Штуттгартъ, 1871.—Kohl, *Regesten zu einer wissensch. Biorgafie des F. v. Bismarck*, 1890; *Bismarckbriefe, 1844—1870*, 1876; *Polit. Briefe B. aus den Jahren 1849—89*, 1889.—Stahl, *Siebzehn parlam. Reden*, 1862.

Революціонныя движенія и общественное мнѣніе: Bekk, *Die Bewegung in Baden*, 1849.—Becker и Esselen, *Geschichte der süddeutschen Revolution*, 1849.

Мемуары. — Bluntschli, 1884; Starost'a, 1852; Menzel'я; Hartmann'a, 1884; Bodenstedt'a, 1890; Corvin'a, 1880. — Häusser, *Denkwürdigkeiten.*— Oetker, *Lebenserinnerungen*, 1877.

Сочиненія.—Sybel, *Die Begründung des deutschen Reiches* (даетъ предмету оффиціально-прусское толкованіе), т. I и II, 1889.—Jncken, *Das Zeitalter d. K. Wilhelm*, 1890.—Klüpfel, *Gesch. der deutschen Einheitsbestreb.*, т. I, 1872. — Schmidt, *Preussens deutsche Politik*, 1867.—Bernstein, *Revolutions und Reaktionsgeschichte*, 1882.—Blos, *Die deutsche Revol.*, 1891.—Biedermann, *Gesch. Deutschlands v. 1815 b. 1871*, 1891.—Fischer, *Die Nation und der Bundestag*, 1880; *Preussen am Abschlusse der ersten Hälfte des XIX-en Jahrh.*, 1876.—Springer, *Berlin's Strassen, Kneipen und Klubs im Jahre* 1848 (1880).—Schlüter, *Beiträge zur soz. Gesch. des J. 1848* (въ *Neue Zeit*), 1885.—Dullo, *Berliner Plakate d. J. 1848* (1893).—Adler, *Die Gesch. der ersten sozialpolit. Arbeiterbeweg. in Deutschland* (1885).—Falkson, *Die liber. Bewegung in Königsberg 1840—48*, 1888.—Becker, *Die Revolution in Deutschland*, 1867.—Fr. Müller, *Kassel seit 70 J.*, 1876.—Knorr, *Die polnischen Aufstände seit 1830*, 1880.—

Лависсъ, *Исторія Пруссіи.*

I. Шерръ, *Комедія всемірной исторіи*, 2 тома.

С. Т. Р., *Очерки изъ исторіи общественныхъ идей и отношеній въ Германіи въ XIX вѣкѣ*, „Новое Слово", 1898, кн. 7 и 8.

Марксъ, *Революція и контръ революція въ Германіи.*

Кнаппъ, *Освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи*, изд. Поповой, 1892. *Освобожденіе крестьянъ на Западѣ.* Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften." 1897, изд. М. Водовозовой.

Бернэ, Сочиненія.

Гейне, Сочиненія.

С. Татищевъ, Внѣшняя политика Николая I.

Біографіи. — *Maximilien'a II*, составлен. Söltl'омъ, 1865; *Radowitz'a* — Fischer'омъ (*Hist. Taschenbuch*), 1874; *Mathy*,—Freytag'омъ, 1872; *général de Gagern* — Gagern'омъ, 1855; *Scharzenberg'a*—Berger'омъ, 1853; *Robert'a Blum'a*—Arneth'омъ, 1896; *Waldeck'a*—Oppenheim'омъ, 1873.

Глава IV.

Революція и Реакція въ Австріи.

I. Періодъ революціонный. — Оффиціальные документы.—Отчеты засѣданій собраній въ Вѣнѣ, Кремсье, Пресбургѣ, Пештѣ, Франкфуртѣ, Комиссіи пятидесяти. — Springer, *Protokolle des Verfassungsausschusses des öst. Reichstages 1848—49*, 1885; *Ergebnisse der... Untersuchung wider die*

Mörder des... Grafen Baillet v. Latour, 1850. (Написаны весьма пристрастно.)

Журналы и обозрѣнія. — *Wiener Zeitung* и *Közlöny* (мадьяръ) — *Constitution,* Вѣна; *Narodni noviny,* Прага; *Lloyd,* Тріэстъ; *Novine Dalmatske-horvatske slavonske,* Аграмъ; *Kossuth Hirlapja; Augsburg. Allg. Zeitung: Grenzboten.*

Мемуары и повѣствованія современниковъ.—Pillersdorf., *Rückblicke über die polit. Bewegung 1848 — 49,* 1849 и *Handschriftlicher Nachlass,* 1863.—Fiquelmont, *Die Zeit von 20. März bis zum 4. Mai 1848,* 1850.—(Hartig) *Genesis der Revolution in Oesterreich,* 1850.—Schuselka, *Das Revolutionsjahr,* Вѣна, 1850.—Hübner, *Ein Jahr meines Lebens,* 1891.—Мемуары Fuster'a и Kudlich'a.—Silberstein, *Geschichte der Aula,* 1805.—Violand, *Sociale Geschichte der Revolution in Oesterrich,* 1850.—Moritz Hartmann, *Brüchstücke revolutionnärer Erinnerungen,* 1861. — Streiter, *Studien eines Tirolers,* 1862.—K. Marx, *Revolution und Kontrerevolution in Deutschland* (написано въ 1851, имѣется русскій переводъ).

На чешскомъ яз.: *Mémoires* J. V. Fritch'a; *Discours* Rieger'a; Palacky; *Explications des députés tchèques sur leur conduite dans les parlements de Vienne et de Kremsier,* 1848—9; Havlitchek, *Oeuvres choisies,* Кутна Гора, 1885.—Мемуары: Kossuth'a, Görgey'я, Klapka.—Szemere, *Politische Charakterskizzen,* 1853. — Kossuth, *Die Katastrophe in Ungarn,* 1849.—Szilagyi, *Les hommes de la révolution hongroise,* 1850; *Les jours de la révolution hongroise,* 1849 (на мадьярск. яз.).—*Erlebnisse eines k. k. Offiziers im österreichisch - serbischen Armeekorps,* 1861; *Die serbische Bewegung in Südungarn,* 1851: *Geheimarchiv der ungarischen Revolution,* 1850; *Der Winterfeldzug des Revolutions-Krieges in Siebenbürgen,* 1861.—Th. Pulszky, *Aus dem Tagebuche einer ungar. Dame,* 1851.

Спеціальныя сочиненія. — Springer, *Geschichte Oesterreichs* (весь второй томъ).—Helfert, *Geschichte Oesterreichs vom Ausgange des Wiener Oktober Aufstandes* (второй томъ восходитъ къ событіямъ, предшествующимъ началу революціи), 1870—76.—Reschauer, *Das Jahr 1848,* 1870 (изъ 3-хъ вышеуказанныхъ сочиненій заслуживаютъ вниманія 2 послѣднихъ съ неизданными документами).—M. Bach, *Die Wiener Revolution 1848,* 1898 (соціальная исторія революціи).— E. V. Zenker, *Die Wiener Revolution 1848 in ihren sozialen Voraussetzungen,* 1897.—Iranyi et Chassin., *Histoire politique de la Révolution de Hongrie,* 1859.—Кромѣ того, см. главныя сочиненія и біографіи, указанныя въ предыдущихъ главахъ.

Біографіи.—Arneth, *Aus meinem Leben,* 1891; *A. v. Schmerling,* 1895; *Wessenberg,* 1897.

II. Періодъ реакціи.—Оффиціальные документы.—Кромѣ собранія законовъ и распоряженій австрійскаго правительства (*Reichsgesetzblatt*), объ этомъ періодѣ имѣется достаточно свѣдѣній въ парламентскихъ отчетахъ послѣдующаго періода, въ особенности въ отчетахъ усиленнаго рейхстага и рейхсрата отъ 1861 до 1865.

Журналы и обозрѣнія: *Pester Lloyd; Augsb. Allg. Zeitung; Grenzboten; Unsere Zeit,* Лейпцигъ.

Современные мемуары и политическія сочиненія. — Springer, *Oesterreich nach der Revolution,* 1850.—(Andrian), *Centralisation und Decentralisation in Oesterreich,* 1850.—*Mémoires* B. v. Meyer'a, 1875.—Schuselka, *Politische Charaktere in Oesterreich,* 1850.—Somssich, *Das legitime Recht Ungarns und seines Königs,* 1850.—(B. v. Meyer), *Rückblick auf die jüngste Entwicklungsperiode Ungarns,* 1857.—(Et. Szechenyi), *Blick auf den anonymen Rückblick,* 1859. — Czörnig, *Die Neugestaltung Oesterreichs,* 1859.—*Acht Jahre Amtsleben in Ungarn, von einem k. k. Stuhlrichter in Disponibilität,* 1861.—Flir, *Briefe aus Rom,* 1864 (о Конкордатѣ).

Позднѣйшія сочиненія: Luschin v. Ebengreuth, *Oesterreichische Reichsgeschichte,* 1896.— A. Beer, *Die orientalische Politik Oesterreichs,* 1885; *Die Finanzen Oesterreichs im XIX. Jahrhundert,* 1877.—Rogge, *Geschichte Oesterreichs von Világos bis auf die Gegenwart, I,* 1872.—Sybel, *Begründung des deutschen Reichs,* II, 3 изд., 1890.—Schmitt, *Geschichte der Katholischen Kirche Deutschlands,* III, 1874.—Andrássy, *Ungarns Ausgleich mit Oesterreich,* 1897.—В. Покровскій, Разсказы изъ исторіи послѣдняго 50-тилѣтія, „От. Зап.“, 1868—1870.—*Очерки по исторіи Германіи въ XIX вѣкѣ,* т. I, (Блоссъ — Исторія революціи 1848 г.). Изд. Скирмунта.

Глава V.

Франція. Вторая имперія. Внутренняя политика.

Оффиціальные акты и парламентскіе документы.—*Bulletin des lois.*—*Moniteur universel* (Оффиц. органъ имперіи до 1869 г.)—Journal officiel (начиная съ 1869 г.) Annales du Sénat et du Corps législatif (съ 1860).—Сборники парламентскихъ рѣчей Тьера, Жюля Фавра, Беррье, Жюля Симона, Эрнеста Пикара, Гамбетты и проч.

Журналы и обозрѣнія.—1. Имперіалистскіе: *Le Constitutionnel.*—*Le Pays.*—*La Patrie.*—*La France* (начиная съ 1861 г.).—*L'Epoque* (съ 1865 г.).—*La Situation* (съ 1868 г.).—*L'Etendard* (съ 1868 г.).—*Le Parlement* (съ 1869 г.).—*Revue contemporaine.* — *Revue européenne* (съ 1859 до 1862).

2. Легитимистскіе: *La Gazette de France.—L'Union.*

3. Орлеанистскіе; *Journal des Débats.—Journal de Paris* (съ 1867).—*Revue des deux Mondes.*

4. Независимые (демократич. или либеральн.).—*La Presse.—Le Courrier du dimanche* (съ 1858 до 1866).—*L'Opinion nationale* (съ 1859).—*La Liberté* (съ 1865).—*Le Figaro* (съ 1867).

5. Умѣренно-республиканскіе: *Le Siècle.—Le Charivari.—Le Temps* (съ 1861).—*L'Avenir national* (съ 1865).—*L'Electeur libre* (съ 1868).—*La Cloche* (съ 1868).

6. Республиканск., радикальн. или соціалистич.—*Le Courier français* (съ 1866 до 1868).—*Le Nain jaune* (съ 1867).—*Le Réveil* (съ 1868).—*La Lanterne* (съ 1868).—*Le Rappel* (съ 1869).

7. Католическіе.—*L'Univers* (Запрещенный въ 1860, вновь разрѣшенный въ 1867).—*Le Monde* (съ 1860).—*L'Ami de la religion* (съ 1862 выходившій подъ назв. *Journal des villes et des campagnes*).—*Le Correspondant.*

Ежегодники.—*Annuaire historique* съ 1852 по 1861 (включительно).—*Annuaire des Deux Mondes,* до 1867 (включительно).

Мемуары и переписки.—**D-r Véron**, *Mémoires d'un bourgeois de Paris,* 6 т., 1854.—**Maréchal Randon**, *Mémoires.—Papiers et correspondance de la famille impériale,* 2 т., 1870—1872.—*Papiers sauvés des Tuileries* (изд. Гальта), 1871.—**Mérimée**, *Lettres à une inconnue,* 2 т., 1873; его же, *Lettres à Panizzi,* 2 т., 1881.—**Odillon Barrot**, *Mémoires,* 4 т., 1875.—**Proudhon**, *Correspondance,* 8 т., 1874—1875.—**H. de Viel-Castel**, *Mémoires,* 6 т., 1881—1884.—**De Maupaz**, *Mémoires,* 2 т., 1884.—**De Falloux**, *Mémoires d'un royaliste,* 2 т., 1888.—**Haussmann**, *Mémoires,* 4 т., 1890.—*La Censure sous Napoléon III* (1852—1866), *rapports sur la censure dramatique,* 1892.—**Général du Barail**, *Souvenirs.*—**H. Rochefort**, *Les aventures de ma vie.*—**Duc de Persigny**, *Mémoires,* 1896.

Историческія сочиненія.—**Granier de Cassagnac**, *Histoire de Louis-Philippe, de la révolution de février et du rétablissement de l'Empire,* 1857.—**Taxile Delord**, *Histoire du second Empire,* 6 т., 1869—1876 (имѣется русск. перев. 2 т.).—**Beaumont-Vassy**, *Histoire intime du second Empire,* 1874.—**P. de la Gorce**, *Histoire du second Empire,* т. I—III, 1885—1896.—**De Nervo**, *Les finances de la France de 1852 à 1860,* 5 т., 1861.—**Eug. Tenot**, *Les Suspects en 1858,* 1869.—**Emile Ollivier**, *Le 19 janvier,* 1869; его же, *L'Eglise et l'Etat au concile du Vatican,* 2 т., 1878; *L'Empire libéral,* т. I—II, 1895—1897.—**Darimon**, *Histoire de douze ans* (1857—1869), 1883; его же, *A travers une révolution* (1847—1855), 1884; его же, *Histoire d'un parti, les Cinq sous l'Empire* (1857—1860), 1885; его же, *Le Tiers parti sous l'Empire* (1863—1866), 1887; его же, *Les Irréconciliables sous l'Empère* (1867—1869), 1888.—*Les Cent seize et le ministère du 2 janvier* (1869—1870), 1889.—**Грегуаръ**, *Истор. Франціи,* т. 3 и 4.—**Карѣевъ**, *Ист. нов. времени,* т. 5.—**Инсаровъ**, *Современная Франція,* Спб. 1900.

Глава VI.

Восточный вопросъ.

Крымская война. Оттоманская имперія и христіанскіе народы на Балканахъ.

По Восточному вопросу былъ изданъ сборникъ **G. Bengesco**, *Essai d'une notice bibliographique sur la question d'Orient de 1827 à 1897,* Парижъ, 1897. Этотъ сборникъ довольно полный для французскихъ изданій. Другія библіографическія справки имѣются въ соч. **Rambaud**, *Histoire de Russie;* **De la Jonquières**, *Histoire de l'Empire ottoman;* **Leger**, *Histoire de l'Autriche-Hongrie,* въ концѣ сочин.; **Debidour**, *Histoire diplomatique de l'Europe,* т. II, гл. III, IV, IX; **Seignobos**, *Histoire politique de l'Europe contemporaine,* гл. XX, XXI, XXVI, XXVII. По исторіи христіанскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ, см. т. II, стр. 319 и слѣд.

Неизданные документы архивовъ, министерствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ, послужили во Франціи и Россіи матеріаломъ для составленія трехъ сочиненій по исторіи Крымской войны.—**Niel**, *Le siège de Sébastopol,* Парижъ, 1858.—**Rousset**, *Histoire de la guerre de Crimée,* Парижъ, 1877.—**Тотлебенъ**, *Защита Севастополя,* Петербургъ, 1866.

Оффиціальные документы и изложеніе событій имѣются въ *Annuaires: Annuaire de Lesur, Annuaire des Deux Mondes, Annual Register, Geschichtskalender,* начиная съ 1860. По исторіи Румыніи существуетъ спеціальный сборникъ **Petrescu et Stourdza**. *Actes et documents relatifs à l'histoire de la régénération de la Roumanie,* 7 т., 1889—1892.

Три сочиненія, изданныя въ 1898 г., доставили много новыхъ матеріаловъ: **Emile Ollivier**, *Napoléon III,* статья помѣщенная въ *Revue des Deux Mondes,* 1-е и 15-е марта 1898 (бумаги маршала Вайяна).—*Campagnes de Crimée, d'Italie,* и проч., 1849—1862, письма адресованныя **Maréchal de Castellane**.—**I. Bapst**, *Le Maréchal Canrobert, souvenirs d'un siècle.*

Розенъ, *Исторія Турціи,* Спб., 1872.

Богдановичъ М. *Восточная война,* 1876.

С. Татищевъ, *Внѣшняя политика Николая I.*

Мартенсъ, *Россія и Англія въ царств. Николая I,* „В. Евр.“, 1898, кн. 1.

Бухаровъ, *Россія и Турція,* Спб., 1878.

Де-Бессе, *Турецкая имперія,* М., 1860.

Л. Комаровскій, *Восточный вопросъ,* М., 1896.

W., *Первое пятидесятилѣтіе восточн. вопроса,* „В. Евр.“, 1867, кн. 2 и 3.

Ранке, *Исторія Сербіи.*

Иречекъ, *Исторія болгаръ,* 1877.

Ровинскій, *Черногорія,* 1897.

Глава VII.

Объединеніе Италіи.

I. Документы.—Bianchi, *Storia documentata della diplomazia europea in Italia, dal 1814 al 1861,* 1865—1872.—Palma, *Corso di diritto costituzionale,* 1884—1886.—Sachs, *L'Italie, ses finances...,* 1859—1885.—Brusa, *Staatsrecht d. K. Italien* (коллекція Маркардсена), 1890.—Mühlbrecht, *Wegweiser durch die Litteratur der Rechts und Staatwissenschaften,* 1893.

II. Ежегодники и обозрѣнія. — Mauro Macchi, *Almanacco,* затѣмъ *Annuario storico d'Italia,* 1868—1880.—*Annuaire historique* (продолженіе Лезюра), отъ 1850 до 1861 включительно. *Annuaire des Deux Mondes,* отъ 1860 до 1867 включит.— *Geschichtskalender.*—*Annual register.* — *Rivista contemporanea,* отъ 1863 до 1870.—*Nuova Antologia,* съ 1866.

III. Мемуары, переписки, рѣчи.—Cavour, *Discorsi,* 1862—1872.—Его же, *Lettere edite ed inedite,* 1883—1887.—Его же, *Nouvelles lettres,* 1889.—M. d'Azeglio, *Correspondance politique,* 1865.—Его же, *Souvenirs,* 1867 (перев. на франц., 1876).—Его же, *Lettere inedite,* 1883—1884.—La Farina, *Epistolario,* 1869.—Persano, *Diario,* 1870 (франц. переводъ озаглавленъ *Journal de bord de Persano,* 1870). — Mazzini, *Correspondance,* 1872. — La Marmora, *Un peu plus de lumière sur les événements militaires et politiques de l'année* 1866 (франц. перев.), 1873.—G. Manin et G. Pallavicino, *Epistolario politico,* 1878.—Carrano, *Ricordanze storiche del risorgimento italiano* (1822 — 1870), 1884.—M. Castelli, *Ricordi* (1847—1875), 1888.—Ricasoli, *Lettere e documenti,* 1888 — 1895.— Garibaldi, *Memorie autobiografiche,* 1888,—Nigra, *Souvenirs diplomatiques* (*Bibliothèque universelle,* 1 марта 1895).—Minghetti, *Miei ricordi.*

Papiers et corresp. de la famille impériale, 1870.—Benedetti, *Ma mission en Prusse,* 1871.—H. d'Ideville, *Journal d'un diplomate en Italie* (1859—1862 и 1862—1866), 1872—1873.—Prince Napoléon, *Les alliances de l'Empire en 1869 et 1870* (*Revue des Deux Mondes,* 1 февр. 1878).—Thiers, *Discours parlementaires,* 1879 и слѣд.—J. Favre, *Discours parlementaires,* 1881.—P. Mérimée, *Lettres à Panizzi,* 1881.—H. de Viel-Castel, *Mémoires,* 1881—1884.—Prince de Bismarck, *Discours,* 1871—85.—Его же, *Corresp. diplomatique,* 1883.—Prince de Metternich, *Mémoires, documents et écrits divers,* т. VIII, 1884.—Comte de Beust, *Mémoires,* 1887.

IV. Общая исторія Италія.—L. Zini, *Storia d'Italia contemporanea dal 1850 al 1866* (продолженіе де ла Фарина), 1866—1869.—Belviglieri, *Storia d'Italia dal 1804 al 1866,* 1867.—Mistrali, *Da Novara a Roma,* 1870—1879.—C. Cantu, *Della indipendenza italiana,* 1872. — Bruneri e Pozzeri, *Storia d'Italia della pace di Villafranca fino alla morte del re Vittorio-Emmanuele II,* 1868—1880.—Bersezio, *Il regno di Vittorio-Emmanuele,* 1868—1875.—Petrucelli della Gattina, *Storia d'Italia* (отъ 1866 до 1880), 1882. — Chiala, *Dal congresso di Plombieres al Congresso di Berlino,* 1892.—Nisco, *Storia critica del risorgimento,* 1895—1896.

I. Zeller, *Abrégé de l'hist. de l'Italie,* 2-е изд., 1865. — Его же, *Pie IX et Victor-Emmanuel* (1846 — 1878), 1879. — Henneguy, *Hist. de l'Italie depuis 1815 jusqu'à nos jours,* 1881. — Elie Sorin, *Hist. de l'Italie depuis 1815 jusqu'à la mort de Victor-Emmanuel,* 1888. — J. de Crozals, *L'Unité italienne* (1815—1870), 1898

Reuchlin, *Geschichte Italiens* (коллекція Staatengeschichte), 1859 — 1873. — Treitschke, *Historische und politische Aufsätze,* 1886.

John Webb Probyn, *Italy from the fall of Napoleon I in 1815, to the death of Victor-Emmanuel in 1878,* 1884.

V. Военная исторія.—La Marmora, *Garibaldi et la conquête des Deux-Siciles.* Amédée Achard, *Montebello, Magenta, Marignan, lettres d'Italie,* 1849.—Adam, *La guerre d'Italie,* 1859.—Duc d'Almazan, *La guerre d'Italie, campagne de* 1859.—A. Duquet, *Histoire de la guerre d'Italie.*—De Bazancourt, *La campagne d'Italie de* 1859. — Colonel Lecomte, *Relation historique et critique de la campagne d'Italie en* 1859; *Guerre de la Prusse et de l'Italie contre l'Autriche et la Confédération germanique.*—A. de Césena, *L'Italie confédérée, campagne de 1859,* 1860.—C-te de Beaufort, *Histoire de l'invasion des États pontificaux et du siège de Rome par l'armée italienne en* 1870.—C. Rousset, *Histoire de la guerre de Crimée.*

Ruston, *La guerre italienne en 1860,* 1861.—Borbstaedt, *Campagne de la Prusse contre l'Autriche et ses alliés en* 1866 (перев. на франц. Furcy-Reynaud).

VI. Разныя сочиненія. — Bonghi, *Camillo Benso di Cavour,* 1861.—Nardi, *Mazzini,* 1872.—Massari, *Il conte de Cavour,* 1873.—Его же, *Vita*

di Vitt.-Emm.—Guerzoni, *Garibaldi, con documenti inediti,* 1882.—Nisco, *Ferdinand II,* 1884.—Mario, *Mazzini, nella sua vita e nel suo apostolato,* 1885.—La Guéronnière, *Le pape et le Congrès,* 1859.—Его же, *La France, Rome et l'Italie,* 1859.—Его же, *L'abandon de Rome,* 1862.—Sauzet, *Rome devant l'Europe,* 1860.—Ed. About, *Rome contemporaine,* 1860.—Его же, *La question romaine.* — Arnaud (de l'Ariège), *L'indépendance du pape et les droits des peuples,* 1860.—Его же, *La papauté temporelle et la nationalité italienne,* 1860.—Его же, *L'Italie,* 1864.—C-te de Falloux, *Question italienne, du devoir dans les circonstances présentes,* 1860.—Его же, *La Convention du 15 septembre,* 1864. — Его же, *Itin. de Turin à Rome,* 1865.—Его же, *Mémoires d'un royaliste,* 1888.—Eugène Veuillot, *Le Piémont dans les Etats de l'Eglise,* 1861.—Bonjean, *Le pouvoir temporel de la Papauté,* 1862. — I. Amignes, *L'Etat romain depuis 1815 jusqu'à nos jours,* 1862.—W. de La Rive, *Le comte de Cavour,* 1862.—Ch. de Mazade, *L'Italie et les Italiens,* 1864. — Его же, *Le comte de Cavour,* 1877. — Dupanloup, *Oraison funèbre de Lamoricière,* 1865.—Taxile Delord, *Hist. du Second Empire,* 1869—1876.—L. Veuillot, *Rome pendant le Concile,* 1870.—Simonian, *Mazzini, histoire des conspirations mazziniennes,* 1870.—J. Favre, *Rome et la République française,* 1871.—Jean Wallon, *La Cour de Rome et la France,* 1871.—Его же, *La vérité sur le Concile du Vatican,* 1872.—E. de Pressensé, *Le Concile du Vatican,* 1872.—A. Sorel. *Hist. diplomat. de la guerre franco-allemande,* т. I, 1875.—Pougeois, *Histoire de Pie IX,* 1877 — 1886. — E. Ollivier, *L'Eglise et l'Etat au Concile du Vatican,* 1879.—Его же, *L'empire libéral,* т. I—II, 1895—1897.—Rothan, *La politique française en* 1866, 1879.—Его же, *L'affaire du Luxembourg,* 1882.—Его же, *L'Allemagne et l'Italie* (1870—1871), 1884.—Его же, *La France et sa politique extérieure en* 1867, 1887.—M-me Rattazzi, *Rattazzi et son temps,* 1881—1887.—B. d'Harcourt, *Les quatre ministères de M. Drouyn de Lhuys,* 1882.—Aug. Boullier, *Vict.-Emm. et Mazzini,* затѣмъ *Bismarck et Mazzini,* 1885.—Thouvenel, *Le secret de l'Empereur.* — A. Debidour, *Hist. diplom. de l'Europe depuis l'ouverture du Congrès de Vienne jusqu'à la clôture du Congrès de Berlin,* т. II, 1891.—Его же, *Histoire des rapports de l'Eglise et de l'Etat en France de 1789 à 1870,* 1898.—P. de la Gorce, *Hist. du second Empire,* т. I—III, 1895—1896.

C-te de Schack, *Mazzini und die italianische Einheit,* 1891.

Cardinal Manning, *Le Concile oecuménique et l'infaillibilité du pontife romain,* 1872.—Его же, *Histoire du Concile oecuménique du Vatican,* 1872.—*Memoire of I. Mazzini by E. A. V.* (M-me Ashurst-Venturi), 1877. — Linton, *Recollections of Mazzini and his friends,* 1892.

Глава VIII.

Объединеніе Германіи.

Многія изъ сочиненій, указанныхъ въ библіографіи къ III главѣ, относятся также къ періоду отъ 1855 до 1871.

Оффиціальные документы. — *Materialien zur Geschichte der Regentschaft in Preussen,* 1859.—*Das Staatsarchiv,* сборникъ оффиціальныхъ документовъ, составл. Эжиди и Клогольдъ, съ іюля 1861.—*Die innere Politik der preuss. Regierung,* 1866. — Völderndorff, *Deutsch Verfassungen u. Verfassungsentwürfe,* 1890. — Zachariae, *Die deutschen Verfassungs-Gesetze d. Gegenw.,* 1855.—Hirth, *Annalen des nord-deutschen Bundes,* 1868—70.— *Verhandlungen des Reichstags des norddeutschen Bundes u. d. deutschen Reichs,* 1867.—Glaser, *Archiv des. n. d. Bundes,* 1867. — Koller, *Archiv des n. d. Bundes und des Zollvereins,* 1867—1872.—Bezold, *Mater. d. deutsch. Reichsverfas.,* 3 т., 1873.—Kohl, *Dreissig Jahre deutsch. Gesch.,* 1888.

Poschinger, *Preussen im Bundestag,* 4 т., 1882.—*Preussen u. d. öst. Bundesreformprojekt,* 1863.—*Enthüllungen an. d. Volk über den Fürstenparlam.,* 1863.— *Urkundenbuch z. Gesch. der Holst.-Lauenb. Angelegenheit,* 1858. — *Urkundenbuch z. deutsch-dän. Angeleg.,* 1862. — *Der Gang der preuss. Polit. in der schlesw-holst. Angeleg.,* 1865.—*Die Londoner Konfer.: z. Beilegung des d.-dän. Streites,* 1864.—*Aktenstücke z. Wiener Friedensvertr.,* 1865.—*Zum Verständniss der deutsch. Frage,* 1867.—Hahn, *Zwei Jahre preuss.-deutsch. Polit.,* 1868. — Hahn, *Der Krieg Deutschl. geg. Frank.,* 1867—1871.

Wilhelm I, *Reden, Proclam... von der Regentschaft,* 1879.—*Polit. Korrespond.,* 1890.—*Milit. Schriften,* 1896, 2 т.—*Aus dem polit. Briefwechsel mit dem Prinzgemahl,* 1881.—Moltke, *Milit. Corresp.,* 1892; *Gesamm. Schriften u. Denkwürdigk.,* 1891.—Roon, *Denkwürdigk.,* 3 т., 1896; *Roon als Redner,* 3 т., 1896.

О Бисмаркѣ. — *Die Bismarck-Litterat. in Deutschl.,* Лейпцигъ. — Kohl, *Polit. Reden, hist.-Krit. gesammt-Ausgabe,* 10 т., 1892—1894.—*Discours* съ примѣч., 12 т. Берлинъ, 1871 — 85.—Bismarck, *Briefe* (1844—1871), 1875.—Kohl, *Bismarck's Briefe,* 1896. — *Lettres polit. confident.,* перев. Лангомъ, 1875.—*Briefe an Leopold v. Gerlach,* 1896.—Kohl, *Regesten z. e. wissensch. Biog.,* 2 т., 1891. — Kohl, *Bism. Jahrbücher,* съ 1894. — Poschinger, *Bism. u. die Parlamentarier,*

3 т., 1895.—Poschinger, *Bism. und der Bundesrath*, 1894.—Біографіи: Bamberger, 1868; Hesekiel, 1873; Hahn, 5 т., 1878—1890; Blum, 6 т., 1894—95;—на франц. языкѣ; Simon, 1887; Dronsart (M-lle), 1887.—Hoche, *Bismarck intime*, 1898. — Grand-Carteret, *Bismarck en caricature*, 1891.

Мемуары.—Ernest de Saxe-Cobourg, 1887.—Beust, 1887.—Bernhardi, 6 т., 1893.—Friesen, 1882.—Schneider, *Kaiser Wilhelm, Souvenirs intimes*, франц. перев. Rabany, 3 т., 1888.—Karl v. Rumanien, 3 т., 1894—1897.—Léop. de Gerlach, 2 т., 1891.—Henrici, 1897. — Unruh, 1895. — Bluntschli, 1884.—Bodenstedt, 1890.—Hegel, 1891.—Wegener, 1884.—Dammer, 1890.—Принцъ Hohenloe-Ingolfingen, 1897.—Vitzthum d'Eckstaedt, *St.-Pétersb. u. London in den J.* 1852—1864, 1887; *London, Gastein u. Sadowa*, 1889.—Fröbel, *Ein Lebenslauf*, 2 т., 1890.—Seherr-Toss, *Erinnerungen*, 1881.—Bernhard v. Meyer, *Erlebnisse*, 1875.—Meding, *Memoiren zur Zeitgesch.*, 1881.

Мемуары англ. и франц. см. библіографію къ гл. VII и X.

Сочиненія.—Sybel, *Die Begründ. des deutschen Reichs*, 7 т., 1889. (Сравн.: Eberstein.) — Oncken, *Das Zeitalter d. K. W.*, 1890. — Oncken, *Unser Heldenkaiser*, 1897.—Berner, *Wilhelm d. G.*, 1897.—Marcks, въ *Allgem. Deutsche Biographie*—Friedjung, *Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland.*, 2 т., 1898.

Becker, *Die Reaktion in Deutschland*, 1873.—Bernstein, *Revol. u. Reaktionsgesch.*, 3 т., 1882.—Geffcken, *Z. Gesch. des oriental. Krieges*, 1881.—Oechsli, *Bausteine zur Schweizer Gesch.* 1890.—Jansen-Samwer, *Schlesw.-Holsteins Befreiung*, 1897.—*Der National-Verein, seine Entstehung u. seine bisherige Wirksamk.*, 1861.—Schulze-Delitzsch, *Die Abgeordnetentage v. 1862 u. 1863*, 1883.—Simson, *Beziehungen Napol. III z. Preus. und Deutschl.*, 1882.—Beer, *Die Oesterr. Handelspolit. des XIX-en Jahrh.*, 1891. — Kozmian, *Polen um das J. 1863*, 1897. — Hopf, *D. deutsche Krisis d. J.* 1867.—Klopp, *Rückblick auf die preuss. Annexion des Koenigr. Hannover*, 1868. — Freytag, *Der Kronprinz und die deutsche Kaiserkrone*, 1889. — Heinemann, *Gesch. v. Braunschw. u. Hannover*, т. III, 1892.—Falkenstein, *Johann, K. v. Sachsen*, 1878. — Heigel, *Ludwig II. v. Bayern*, 1893.

Біографіи. — Moltke (сост. Мюллеръ, Вирманъ и проч.); *Moltke u. der preuss. Generalstab.*, сост. Fircks, 1879;—Roon (*Deutsche Revue*, 1889—1891);—Max Duncker, сост. Гаймъ, 1891;—Lothar Bucher, сост. *Пошингеръ*, 1890;—Beckerach, сост. Онкенъ;—Schulze-Delitzsch, сост. Липпертъ, 1884;—Lassale, сост. Пленеръ (1884) и Брандесъ (1886).

Войны. — *Der deutsch-dänische Krieg* (изд. нѣмецк. генеральн. штаба), 2 т., 1886.—*Den danske-Tydske Krieg* (датск. генеральн. штабъ, 1891).

Der Feldzug d. J. 1866 (нѣмецк. генеральн. штабъ), 3 т., 1867—1870.—*Oesterreich's Kämpfe*, изд. бюро австр. генеральн. штаба, 1867.—Французскія руководства: Crousse, *Les luttes de l'Autriche en* 1866, 3 т., 1868. — Knorr, *Der Feldzug d. J.* 1866 *in West-u. Süd-Deutschland*, 3 т., 1867. — *Offiz. Berichte über die Kriegsereignisse zwisch. Hannov. u. Preussen*, 1866—67.—Rustow, *La guerre de 1866 en Allemagne et en Italie*, 1866.—Lecomte, *La guerre de Prusse en* 1866, 1868.—Lettow-Vorbeck, *Gesch. des Krieges v.* 1866, I-й т., 1896.—Fontane, *Der deutsche Krieg v.* 1866.—Kuhne, *Krit. u. unkrit. Wanderungen über die Gefechtsfelder d. preuss. Armee in Böhmen*, 1872. — Jahns, *Die Schlacht v. Sadowa*, 1876.

Государственный строй Германіи.—Laband, *Das Staatsrecht d. deutschen Reiches*, 3 т., 1876—1882.—Mohl, *Das deutsche Reichsstaatsrecht*.—V. Roenne, *Staatsrecht der preuss. Monarch.*, 4 т., 1856—63.—Bornhak, *Gesch. des preuss. Verwaltungsrecht*, 4 т., 1884—1892.—Lebon, *Etudes sur l'Allemagne politique*, 1872. — Lefebure, *Etude sur la nouvelle Allemagne*.

Parisius, *Deutschland's polit. Parteien*, 1878.—Bazin, *L'Allemagne cath. au XIX-e s.*—*Damenpolitik am Berliner Hofe*, 1895.

Глава IX.

Испанія и Португалія.

См. главн. сочин., указанныя въ т. III, гл. V, стр. 329.

I. Испанія.—Политическая исторія: Romani y Puigdengolas, *Antiguedad del regionalismo español*, Барселона, 1890 (проникнута непримиримой ненавистью къ мадридскимъ *politicastros*).—H. Bruck, *Die geheimen Gesellschaften in Spanien*, 1881.—Donoso Cortes, *Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo y el socialismo, considerados en sus principios fundamentales*, Барселона, 1851.—Borrego, *Etudes sur l'organisation des partis en Espagne*.—D'Alaux, *L'Espagne depuis la révolution de Février* (*Revue des Deux Mondes*, 1848, т. II). — Cristino Martos, *Histoire de la Révolution de* 1854.—Castelar, *La formula del progreso*, Мадридъ, 1858.—Fernando Garrido, *L'Espagne contemporaine*, Брюссель, 1862.—De Mazade, *Les révolutions de l'Espagne contemporaine*, Парижъ, 1869. — W. Lauzer, *Geschichte Spanien's von dem Sturz Isabella's*, 1877, 2 т.—Jose Pablo y Angulo, *Memorias intimas de un pronunciamiento*, Мадридъ, 1869.—Victor Balaguer, *Memorias de un constituyente*.—Cherbuliez, *L'Espagne politique* (1868—73), Парижъ, 1874.—Angulo,

Los asesinos del general Prim, Парижъ, 1886.— **Houghton,** *Les origines de la restauration des Bourbons en Espagne,* Парижъ, 1890. — **Debidour,** *Histoire diplomatique de l'Europe* (1814 — 1878), Парижъ, 1891, 2 т.

По исторіи Марокккской войны:—**Francisco Martin Arrue,** *Curso de historia militar,* Толедо, 1897.— Необходимыя справки имѣются также въ *Annuaire des Deux Mondes, Annual register Revue des Deux Mondes,* затѣмъ въ большихъ испанскихъ обозрѣніяхъ: *Revista de España, La America, Revista Iberica, Revista Betica, Revista de Cataluña.*

По экономической исторіи и исторіи литературы: — **Fermin Caballero,** *Reseña geografico-estadistica de España,* Мадридъ, 1868.—Его же, *Fomento de la poblacion rural.*—**Pascual Madoz,** *Diccionario geografico-estadistico de España,* Мадридъ, 6 т.—**E. Barrault,** *Le chemin de fer du nord en Espagne,* Парижъ, 1858.—**A. Germond de Lavigne,** *Les chemins de fer espagnols,* Парижъ, 1858.—**Carlos de Ochoa,** *Codigos, leyes y tratados vigèntes de España,* Парижъ, 1885.—**Muro y Martinez,** *Constituciones de España y de las demas naciones de Europa, con la historia general de España,* Мадридъ, 1881, 2 т. (въ 1-мъ томѣ изложенъ текстъ всѣхъ испанскихъ конституцій начиная съ 1812 года).—**R. Fraoso,** *Las constituciones de España (Revista de España,* іюнь-іюль, 1880).—**Borrego,** *Historia de las Cortes de España durante el siglo XIX,* 1885, 2 т.—**Colmeiro,** *Derecho administrativo de España* (1876—80), 3 т. — **Francisco Pacheco,** *Lecciones de derecho penal,* Мадридъ.—**La Serna y Montalban,** *Elementos del derecho civil y penal de España,* Мадридъ, 1886, 3 т. — **Torres Campos,** *Staatsrecht d. K. Spanien* (сборникъ Маркардсена), 1889.—**Segismundo Moret y Prendesgast,** *La familia foral,* Мадридъ, 1863.—Его же, *El capital y el trabajó,* Мадридъ, 1861.—**La Fuente (D. Vicente de),** *Historia de las Universidades, colegios y demas est ablicimientos de enseñanza en España,* Мадридъ, 1884—85, 4 т.—**Menendez y Pelago,** *La ciencia española,* Мадридъ, 1887.—**Ed. Mailly,** *L'Espagne scientifique,* Брюссель, 1868. — **Hans Parlow,** *Kultur und Gesellschaft in heutigen Spanien,* Лейпцигъ, 1888. — **Diercks,** *Das moderne Geistesleben Spaniens,* Лейпцигъ, 1883. — **Тикноръ,** *Исторія испанской литературы,* т. 1 и 2, 1886.

II. Португалія. — **Tavares de Medeiros,** *Das Staatsrecht d. K. Portugal* (сборникъ Маркардсена), 1892; *Diccionario universal portuguez.*— **Coelho da Rocha,** *Ensaio sobre a historia do governo e da legislação de Portugal.*—**L.-P. Coimbre,** *Estudios sobre a carta constitucional de 1824 e acto addicional de* 1852, Лиссабонъ, 1878—80, 3 т. in-8; *Carta constitucional da monarchia portugueza e acta addicional,* Лиссабонъ, 1860.—**E. Bavoux,** *Costa Cabral, notes historiques sur la carrière et son ministère,* Парижъ, 1846.—**Ribeiro,** *Historia dos estabelecimentos scientificos, litterarios, artisticos de Portugal,* Лиссабонъ, 1882—85, 4 т. in-8.— **Loiseau,** *Histoire de la littérature portugaise,* Парижъ, 1887.

Глава X.

Англія.

Къ сборникамъ и сочиненіямъ, указаннымъ въ предыдущихъ томахъ, прибавить.—1. О Дизраэли и Гладстонѣ, изд. историка *Кеббеля* (тори): *Selected speeches of lord Beaconsfield,* Лондонъ, 1882, 2 т.—*History of toryism,* Лондонъ, 1886.—*Life of lord Beaconsfield,* 1888.—**Froude,** *Lord Beaconsfield* (въ серіи *Prime ministers of Queen Victoria*). — **Cucheval - Clarigny,** *Lord Beaconsfield et son temps,* 1879. — Полная біографія Гладстона имѣется въ соч. **Marie Dronsart,** *William-Ewart Gladstone,* Парижъ, 1893.— **Каменскій,** *Гладстонъ* (изд. Павленкова).

2. О проч. государств. дѣятеляхъ: **Kebbel,** *Life of the earl of Derby,* Лондонъ, 1890.—**Barnett Smith,** *The life and Speeches of John Bright,* Лондонъ, 1881, 2 т. — **Ashley,** *Life of viscount Palmerston,* Лондонъ, 1876, 2 т., излож. Логелемъ въ Revue des Deux Mondes, 15 авг. 1876. — **Trevelyan,** *Life of Macaulay.*—**Reid,** *Life of Forster.*—*Lord* **Malmesbury,** *Mémoires d'un ancien ministre,* франц. перев., 1885.

3. По рабочему вопросу: **Sidney Webb** и **Beatrice Webb,** *The history of Trade Unionism,* Лондонъ, 1894, имѣется русскій перев.—**Hodder,** *Biographie du lord Ashley, comte de Shaftesbury,* франц. перев., 1890.

Н. Ч., *Чартизмъ.* (Р. М., 1882); **Туганъ-Барановскій,** *Промышленные кризисы,* 2 изд.

4. Объ учрежденіяхъ. Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ т. IV, стр. 306, см. **A. Todd,** *On parliamentary government in England,* Лондонъ, 1887, 2 изд., 2 т.—**Ward,** (совмѣстно съ многочисленными, весьма компетентными сотрудниками), *The reign of Queen Victoria,* 1887, 2 т.

Гнейстъ. Исторія государственныхъ учрежденій Англіи, 1885.

И. Лучицкій. *Борьба за избирательное право въ Англіи* „Р. Бог.", 1897, кн. 1—4.

А. Градовскій. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ, 2 тома.

Глава XI.

Королевства Бельгія и Нидерланды.

Для библіографическихъ указателей и журналовъ см. **Ch.-V. Langlois,** *Manuel de bibliographie*

historique, Парижъ, 1896, in-18. — Кромѣ того — *Revue bibliographique belge и каталоги* библіотекъ бельгійскихъ министерствъ внутрен. и иностран. дѣлъ.

Бельгія. — Сочиненія J.-J. Thonissen и Balau (католики) и L. Hymans и Discailles (либералы), указанныя въ т. III, стр. 332.—Два сборника, составленныхъ въ либеральномъ духѣ: *Patria Belgica*, Брюссель, 1873, 3 т. in-8 (изд. и ред. E. van Bemmel), и *1830—1880. Cinquante ans de liberté*, Брюссель, 1880, 4 т. in-8 (политич. отдѣлъ принадлежитъ перу Goblet d'Alviella).

Jean van Damme (псевдонимъ либеральнагопу детата Frére-Orban'a), *Les Jésuites, l'enseignemen tet la convention d'Anvers*, Льежъ, 1854, in-8.—*Lama-in-morte et la charité*, Брюссель, 1857, in-8.—M. Lauer, *Entwickelung und Gestaltung des belgischen Volksschulwesens seit 1842*, Берлинъ, 1885, in-8.

La Statistique générale de la Belgique правильно выходитъ съ 1841 года.—См. Xavier Heuchling, *Résumé de la statistique générale de la Belgique de 1841 à 1850*, Брюссель, 1852, in-8. — *Statistique générale de la Belgique de 1861 à 1875*, Брюссель, 1876, 2 т. in-4.

Объ экономическомъ развитіи Бельгіи: *Enquête commerciale et industrielle* за 1842 и слѣд. годы, въ *Recueil des documents de la Chambre*, и весь этотъ Recueil вообще.—*Album du développement progressif du réseau des routes, voies navigables et des chemins de fer de 1830 à 1880*, Брюссель, 1881, 3 части, in-folio.—Dujardin-Baumetz, *Histoire graphique de l'industrie houillère en Belgique*, Парижъ, 1888, in-folio.—E. van Bruyssel, *Histoire du commerce et de la marine en Belgique*, Брюссель, 1861—65, 3 т. in-8.

Лучшимъ либеральнымъ журналомъ была *Revue trimestrielle* (изд. E. van Bemmel), которую въ 1869 году смѣнила *Revue de Belgique*.

Нидерланды.—Кромѣ общихъ историч. сочиненій De Bosch-Kemper (консерваторъ) и Nuisens (католикъ), указанныхъ выше (т. III), см. Thorbecke (либералъ), *Aantekening op de Grondwet* (Замѣтки о конституціи), Амстердамъ, 1841, in-8, и множество статей и рѣчей.—G.-J. de Vos, (христіанско-истор. партіи), *Groen von Prinsterer en zijn tijd*, т. I, Дортрехтъ, 1886, in-8. — Chantepie de la Saussaye (пасторъ), *La crise religieuse en Hollande*, Лейденъ, 1860, in-8. — Nippold, *Die römisch-katolische Kirche im Königreich der Niederlande*, Лейпцигъ и Утрехтъ, 1877, in-8.—Alphonse Esquiros, *La Néerlande et la vie hollandaise*, Парижъ, 1859, 2 т. in-12. — E. de Laveleye, *Etudes d'économie rurale. La Néerlande*, Парижъ, 1865, in-8.—Главный либеральный журналъ—*De Gids;* органъ христ.-истор. партіи—*De Niderlander*.

Объ обоихъ королевствахъ см. Ch. Seignobos, *Histoire politique de l'Europe contemporaine*, Парижъ, 1897, in-8 (есть русск. перев.).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I.

Революція 1848 года и Реакція во Франціи.

1848—1852 гг.

Ш. Сеньобоса.

Стр.

I. Февральская революція.

Манифестація 22 февраля 1
Паденіе Гизо (23 февраля) 2
Республиканское возстаніе (24 февраля) . . 2
Отреченіе Луи-Филиппа 5
Образованіе Временнаго Правительства . . 6

II. Временное Правительство.

Первыя мѣропріятія Временнаго Правительства 7
Манифестаціи 9
Дѣйствія Временнаго Правительства 10
Люксембургская комиссія и Національныя мастерскія 11

III. Учредительное Собраніе.

Открытіе Учредительнаго Собранія 12
15 мая и іюньскіе дни 13
Конституція 1848 года 14
Избраніе Луи Наполеона 15
Конецъ Учредительнаго Собранія 16

IV. Законодательное Собраніе.

Выборы и открытіе Законодательнаго Собранія 18
13 іюня и пораженіе Горы 18
Законъ о народномъ образованіи и законъ 31 мая (1850) 20
Конфликтъ между президентомъ и Собраніемъ 21

V. Установленіе Имперіи.

Государственный переворотъ 2 декабря . . 23
Плебисцитъ 24
Конституція 1852 года 25
Провозглашеніе Имперіи 25

Глава II.

Революція и Реакція въ Италіи.

1848—1849 гг.

А. Пенго.

Стр.

I. Либеральныя реформы и національное движеніе (1846—1848).

Общій характеръ разсматриваемаго періода . 27
Либеральное движеніе.—Римъ 27
Тоскана 29
Пьемонтъ 29
Національное движеніе 30

II. Революціонныя движенія и конституціонныя реформы.

Палермское возстаніе и Неаполитанская конституція 31
Пьемонтская, Тосканская и Римская конституціи 32
Возстаніе въ Миланѣ и Венеціи 33
Вмѣшательство Пьемонта 34

III. Королевская война.

Первая стадія военныхъ дѣйствій (24 марта—6 мая 1848 года).—Политическіе успѣхи 35
Военные успѣхи 35
Вторая стадія войны (6 мая—30 мая). Отпаденіе Пія IX 36
Неаполитанская революція (15 мая 1848 года). 36
Потеря Венеціи 37
Послѣднія побѣды. Гоито. Территоріальныя приращенія 38
Третья стадія войны (30 мая—9 августа 1848 г.) 38
Пораженіе (іюль—августъ 1848 г.) 40

IV. Революціонное движеніе.

Новое направленіе итальянской политики . 41
Первые результаты понесеннаго Пьемонтомъ пораженія 41
Римская Республика и Тосканская Республика 42
Вторая война за независимость 44

V. Реакція.

Реакція въ Сициліи 45
Реакція въ Тосканѣ 45
Реакція въ Римѣ 46
Паденіе Венеціи 47

Глава III.

Революція и Реакція въ Германіи.

1848—1852 гг.

Э. Дени.

Стр.

Разложеніе стараго режима 48
Движеніе въ пользу Германскаго единства . 49
Мартовскіе дни въ Берлинѣ 50
Франкфуртскій-парламентъ 51
Революція въ Пруссіи 55
Партіи Великой и Малой Германіи 56
Разгромъ демократической партіи 58
Прусская унія и Готская партія 60
Распущеніе Прусской Уніи 62
Кризисъ 66
Ольмюцское униженіе 70
Дрезденская конференція и возвращеніе къ старому порядку 72

Глава IV.

Революція и Реакція въ Австріи.

1848—1859 гг.

Л. Эйзенмана.

Стр.

I. Революція (1848—1849).

Революція въ Вѣнѣ 76
Революція въ австрійскихъ провинціяхъ . . 77
Революція въ Венгріи. Законы 1848 года . 78
Политика Вѣнскаго двора 79
Торжество демократіи въ Вѣнѣ 79
Богемія; выборы во Франкфуртскій Парламентъ; славянскій конгрессъ въ Прагѣ; первые успѣхи реакціи 81
Австрійская Конституанта. Отмѣна феодальныхъ повинностей 82
Борьба національностей въ Венгріи 84
Разрывъ между Венгріей и дворомъ 85
Осада и взятіе Вѣны.—Отреченіе императора Фердинанда 87
Парламентъ въ Кремницѣ. Октроированная конституція 88
Венгерская война.—Конецъ Революціи . . . 90

II. Реакція (1849—1859).

Возстановленіе абсолютизма 92
Баховская система 92
Общественное недовольство 94
Конкордатъ. Реформы въ области народнаго образованія 95
Финансы. Министерство Брука 96
Внѣшняя политика. Крымская война и война съ Италіей. Конецъ абсолютистскаго режима 98

Глава V.

Франція.

Вторая Имперія. Внутренняя политика. 2 декабря 1852 года—2 января 1870 года.

А. Дебидура.

Стр.

I. Неограниченная Имперія.

Наполеонъ III; усиленіе его власти 100
Дворъ, императорская семья, императрица . 100
Ростъ національнаго богатства 102
Первые симптомы недовольства 103
Оппозиціонныя партіи (легитимисты, орлеанисты, республиканцы) съ 1852 до 1857 года 103
Законодательный Корпусъ и выборы 1857 года 105
Начало раздора между Наполеономъ III и Римской куріей 107
Итальянскіе патріоты; покушеніе Орсини и законъ объ общественной безопасности. 108
Тайный договоръ въ Пломбьерѣ 109
Первые результаты Итальянской войны . . 109
Угрозы ультрамонтановъ 110
Торговый договоръ 1860 г., недовольство протекціонистовъ 112
Декретъ 24 ноября 1860 г. 112

II. Либеральная Имперія.

Демократическая оппозиція въ Законодательномъ Корпусѣ 113
Клерикальная оппозиція 115
Экономическій вопросъ и финансовый вопросъ 116
„Либеральный Союзъ“ и выборы 1863 года . 117
Образованіе „средней партіи“ 118
Конвенція 15 сентября и Силлабусъ 120
Эмиль Оливье, средняя партія и поправка 45. 121
Партія сопротивленія и сенатусъ - консультъ 14 іюля 1866 года 122
Упадокъ Имперіи и успѣхи оппозиціи . . . 123
Декретъ и письмо отъ 19 января 1867 года . 124
Колебанія Наполеона III; борьба Руэра и Эмиля Оливье 125
1867 годъ; „темное облако“ 126
Вторая римская экспедиція и новыя требованія ультрамонтантской партіи 126
Новые законы о военной организаціи, о печати и о народныхъ собраніяхъ 128
Республиканская партія въ 1868 году . . . 129
Общіе выборы 1869 г. 130
Средняя партія и программа 116 132
Преобразованіе Имперіи въ конституціонномъ духѣ 133

Глава VI.

Восточный вопросъ.

Крымская война. Турецкая Имперія и христіанскія народности Балканскаго полуострова.

А. Мале.

I. Турція, Россія и Европа. Стр.

Молдаво-Валахская революція 135
Вмѣшательство Россіи и Турціи 136
Балта-Лиманская конвенція 136
Возстанія въ Босніи и въ Болгаріи 137
Россія и Турція 137
Вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ 138
Политика Наполеона III 138
Проекты Николая и Англія 139
Князь Меньшиковъ отправляется посломъ въ Константинополь 140
Царь порываетъ съ Турціей 141
Война; англо-французское вмѣшательство . 142
Константинопольскій и Лондонскій трактаты; Вѣнскій протоколъ 14

II. Крымская война; военныя дѣйствія.

Характеръ войны 143
Сентъ-Арно и Рагланъ 144
Силистрія; Добруджа; Бомарзундъ 144
Крымская экспедиція 145
Севастополь 145
Экспедиціонный Корпусъ 145
Высадка; сраженіе при Альмѣ 146
Оборона Севастополя; Тотлебенъ 146
Союзники передъ Севастополемъ.—Канроберъ 147
Балаклава; Инкерманъ 148
Зима. Осада Малахова кургана 149
Пелисье; Зеленый курганъ; штурмъ 18 іюня . 150
Трактиръ; взятіе Малахова кургана 150

III. Крымская война: дипломатія, Парижскій трактатъ.

Австрійская политика 151
Прусская политика; Германскій Союзъ . . 152

Стр.

Вѣнская конференція; протоколъ „четырехъ гарантій“ 152
Союзъ 2 декабря 1854 года. Союзъ съ Сардиніей 152
Третья Вѣнская конференція 153
Австрійскій ультиматумъ; Вѣнскія предварительныя условія 153
Парижскій конгрессъ; миръ 153
Результаты 154

IV. Турція и Балканскіе христіане.

Гатти-гумаюнъ 1856 г. 156
Ливанскія событія 156
Абдулъ-Азисъ; Фуадъ и фанансы 157
Али-паша и административныя реформы . 158
Черногорія 158
Возстаніе въ Герцеговинѣ 159
Греція. Король Оттонъ 160
Король Георгъ 162
Конституція 1864 года 163
Критское возстаніе 163
Сербія. Александръ Карагеоргіевичъ . . . 165
Милошъ Обреновичъ 166
Князь Михаилъ 167
Вопросъ о турецкихъ гарнизонахъ 167
Смерть князя Михаила 168
Дунайскія княжества 169
Князь Куза. Румынія 169
Дѣло „посвященныхъ монастырей“ 170
Государственный переворотъ 14 мая . . . 171
Князь Карлъ Гогенцоллернъ 172
Конституція 1866 года 172
Итоги: французское вліяніе съ 1848 до 1870 года 173

Глава VII.

Объединеніе Италіи.

1850–1870 гг.

А. Дебидура.

Стр.

I. Викторъ Эммануилъ. Кавуръ и Наполеонъ. (1850—1859).

Состояніе Италіи въ 1850 г. 175
Викторъ Эммануилъ и первые годы его царствованія 176
Кавуръ и его политика 177
Роль, сыгранная Пьемонтомъ во время Крымской войны 179
Кавуръ на Парижскомъ конгрессѣ 180
Наполеонъ III и политика національностей . 181
Первые признаки итальянской революціи . 182
Тайный договоръ въ Пломбьерѣ 184
Прелюдіи къ великой войнѣ 185

II. Образованіе Итальянскаго королевства.

Наполеонъ III въ Миланѣ 186
Возстаніе центральной Италіи 187
Сольферино и Виллафранка 188
Безсиліе Наполеона III передъ итальянской революціей 188
Наполеонъ III. Кавуръ и Туринскій договоръ 190
Новая армія папы; Ламорисьеръ 191

Стр.

Гарибальди въ Сициліи 191
Революція въ Неаполѣ 192
Кавуръ и его „соучастникъ“; сраженіе при Кастельфидардо и его послѣдствія . . 193
Европа и Итальянское королевство 194

III. Венеція и Римъ.

Пій IX и политика „non possumus“ 195
Раттацци и Гарибальди въ 1862 году . . . 196
Наполеонъ III и реакціонная политика . . . 197
Новый поворотъ; конвенція 15 сентября 1864 года 197
Пій IX и Силлабусъ 199
Прусско-итальянскій союзъ 199
Кампанія 1866 года и присоединеніе Венеціи. 200
Римскій вопросъ въ 1867 г. 201
Гарибальди при Ментанѣ 203
Новыя колебанія Наполеона III 204
Италія и Австро-Венгерская политика въ 1868 и 1869 гг. 204
Наполеонъ III и Ватиканскій Соборъ . . . 206
Итальянская политика въ іюлѣ и августѣ 1870 г. 206
Занятіе Рима 207

Глава VIII.

Объединенiе Германiи.

1852–1870 гг.

Э. Дени.

Стр.

Германiя отъ 1852 г. до 1855 года 209
Крымская война 211
Регентство принца Вильгельма. Итальянская война 212
Нацiональный Союзъ и Союзъ реформы . . 214
Военная реформа въ Пруссiи 215
Бисмаркъ 218
Франкфуртскiй Конгрессъ и Польскiя дѣла. 220
Датская война 222
Гаштейнская конвенцiя 223
Война 1866 года 224
Никольсбургское перемирiе и Парижскiй миръ 228
Новая Пруссiя и Сѣверо-Германскiй Союзъ . 229
Союзный рейхстагъ. Соцiалисты 234
Южно-Германскiя государства 236
Франко-нѣмецкая война. Новая Германская имперiя 238

Глава IX.

Испанiя и Португалiя.

1848–1870 гг.

Дедевизъ дю-Дезера.

I. Испанiя. Стр.

Общiй характеръ царствованiя Изабеллы II. 241
Нарваэсъ 243
Крайняя реакцiя 244
Викальваро 245
Учредительные Кортесы 245
Экономическiй прогрессъ Испанiи 246
О'Доннель и Либеральный Союзъ 247
Марокканская кампанiя 247
Паденiе О'Доннеля 248
Распаденiе Либеральнаго Союза 249
Военная диктатура 249
Сентябрьская революцiя 1868 года 251
Конституцiя 1869 года 251
Кандидаты на испанскiй престолъ 252
Испанская литература и наука 253

II. Португалiя.

Португалiя съ 1847 г. до 1870 года 256
Сальданха и Коста Кабраль 256
Возрожденiе 257
Донъ Педро V 257
Донъ Люисъ I 257
Португальская литература 258

Глава X.

Англiя.

1846–1872 гг.

Э. Сейу.

Стр.

I. Россель и Пальмерстонъ (1846—1852).

Министерство виговъ и Робертъ Пиль . . 260
Новые успѣхи свободной торговли 260
Ирландскiя бѣдствiя и усилiя Росселя . . . 261
Революцiя 1848 года и чартисты 262
Пальмерстонъ и дворъ; „Civis Romanus“ . . 263
Тренiя на религiозной почвѣ 264
Кризисъ и Всемiрная выставка (1851) . . . 264
Кошутъ и Второе Декабря; паденiе Пальмерстона 264
Первое министерство Дерби и „погребенiе протекцiонизма“ 265

II. Пальмерстонъ (1853—1865).

Преобладанiе вопросовъ внѣшней политики. 266
Министерство Абердина (1853 г.). Крымская война и общественное мнѣнiе 266
Министерство Пальмерстона и результаты войны (1855—1856) 267
Первое литературное поколѣнiе эпохи Викторiи 267
Распущенiе палаты по поводу Китайской войны и подавленiе возстанiя въ Индiи. 268
Орсини и кризисъ 1858 г. 269
Консервативная интермедiя. 269
Послѣднее министерство Пальмерстона (1859—1865 г.) 270
Волонтеры и торговый договоръ 1860 года . 270
Пониженiе налога на бумагу 270
Партiи и американская междоусобная война (1861—1865) 271
Датскiя дѣла 271
Симптомы либеральной реакцiи (1864) . . . 272

III. Вторая реформа и великое либеральное министерство (1865—1872).

Перетасовка партiй и успѣхи рабочаго движенiя 272
Рабочiе Союзы (1832—1871) 273
Министерство Росселя—Гладстона и избирательная реформа 273
Третье министерство Дерби-Дизраэли и агитацiя 274
Вторая избирательная реформа (1867) . . . 274
Фенiи и Ирландская церковь 275
Министерство Дизраэли (1868) 275
Образованiе великаго министерства Гладстона 275
Ирландскiе законы (1869—1870) 276
Законъ о народномъ образованiи 276
Военные чины (1871) 277
Тайная подача голосовъ (1872) 277

Глава XI.

Королевства Бельгія и Нидерланды.

1848—1870 гг.

А. Метена.

Стр.

I. Королевство Бельгія.

Переходъ власти въ руки либераловъ . . . 279
Отраженіе революціи 1848 года 280
Пониженіе ценза для всѣхъ выборовъ . . . 280
Организація высшаго и средняго образованія 280
Удаленіе либераловъ отъ власти; переходное министерство (1853—1855) 281
Католическое правительство (1855—1857) . . 281
Власть снова переходитъ къ либераламъ (1857—1870) 282
Расколъ и пораженіе либераловъ 283
Экономическое развитіе Бельгіи: свобода торговли 283

II. Нидерландское Королевство.

Либеральная партія 284
Конституція 1848 года 285
Партіи въ Генеральныхъ штатахъ 286
Апрѣльское движеніе 1853 года 286
Школьный законъ 1857 года 288
Рабство въ Индіи; „система культуръ“ въ Остъ-Индіи 289
Либералы у власти наперекоръ королю . . 290

Приложеніе.

Очеркъ исторіи развитія соціологическихъ ученій.

Проф. М. М. Ковалевскаго.

Стр.

§ 1.

Отсутствіе идеи политическаго прогресса въ ученіи философовъ древности, среднихъ и начала новыхъ вѣковъ 292
Первая попытка формулировать ее (Паскаль) . . . 293
Ученіе физіократовъ о естественномъ порядкѣ экономическихъ явленій 293
Сопоставительный методъ у Монтескье 294
Ученіе Кондорсе о поступательномъ ходѣ человѣчества 295
О замѣнѣ теологическаго мышленія метафизическимъ 296
Историческій методъ у Кондорсе 297
Неправильное пониманіе имъ значенія христіанства и феодальной системы 298
Оптимистическія надежды Кондорсе по отношенію къ прогрессу человѣчества 299

§ 2.

Сенъ-Симонъ, какъ предшественникъ Конта . . . 299
Отзывъ Конта о Кантѣ, Гегелѣ и Сенъ-Симонѣ . . 300
Различія во взглядахъ Сенъ-Симона и Конта . . . 301
Классификація наукъ у Сенъ-Симона 303
Ученіе его о трехъ стадіяхъ въ области научнаго мышленія 304

§ 3.

Контъ 309
Раздѣленіе Контомъ прошлой жизни человѣчества на отдѣльные періоды (въ порядкѣ умаляющейся роли фантазіи и возрастающей роли науки): теократическій, метафизическій и позитивный . . 311
Взаимодѣйствіе умственнаго развитія съ экономическимъ, общественнымъ, политическимъ и эстетическимъ 315

§ 4.

Классификація наукъ у Конта 316
Идеальный политическій порядокъ въ представленіи Конта (раздѣленіе духовнаго и свѣтскаго руководительства) 318
Переписка Конта съ Віельяромъ и де-Тулузомъ (будущая роль позитивизма) 321
Отрицательное отношеніе его къ парламентаризму, къ принципу всеобщаго равенства и народнаго суверенитета 323
Отношеніе Конта къ рабочему и женскому вопросамъ 328

§ 5.

Недостаточное пониманіе Контомъ экономической эволюціи 332
Попытка его показать зависимость умственнаго кругозора, экономическо-политическаго строя и уровня эстетическаго развитія 333

§ 6.

Методъ изслѣдованія Конта (индуктивно-дедуктивный) 335
Трудность наблюденія въ сферѣ соціальныхъ наукъ 337
Значеніе сравнительнаго метода для соціологіи . . 338

Библіографія . . . . 340—349

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СНИМКИ СЪ ПОРТРЕТОВЪ, КАРТИНЪ и СКУЛЬПТУРЪ:

Къ стр.

Бѣгство Луи Филиппа изъ Парижа 24 февраля 1848 г. 6
Луи Бланъ. П. Дюпюи 11
Іюньская революція въ Парижѣ въ 1848 г. Уличное сраженіе у воротъ Сенъ-Дени... 13
Генералъ Л. Э. Кавеньякъ. А. Шеффера (1795—1858) 14
Папа Пій IX. I. M. Айгнера (1818—1886) 28
Дж. Мадзини 46
Большая баррикада передъ ратушей въ Берлинѣ въ ночь съ 18 на 19 марта 1848 г. . . 51
Баррикады во Франкфуртѣ 53
Распущеніе Прусскаго Національнаго Собранія въ Берлинѣ 14 ноября 1848 г. . . . 56
Баррикада въ Прагѣ 16 іюня 1848 г. 82
Л. Кошутъ. В. Парлаги (род. въ 1865 г.) 91
Наполеонъ III при Сольферино. Ж. Л. Э. Мейссонье (1813—1891) 110
Жанна д'Аркъ. А. Мерсье (род. въ 1845 г.) 134
Викторъ Эммануилъ II 176
Дж. Гарибальди 186
Князь Бисмаркъ. Фр. Ленбаха (род. въ 1836 г.) 218
К. Марксъ 232
Фр. Энгельсъ 233
Ф. Лассаль 235
Даніель О'Коннель 261
Лордъ Г. Пальмерстонъ 263
В. М. Теккерей 267
Ч. Диккенсъ 267
Т. Карлейль 268
Дж. Ст. Милль 268
Танцовщица. Ж. Фальгьера (1831—1900) 291

ФАКСИМИЛЕ Луи Филиппа. Отреченіе Луи Филиппа 24 февраля 1848 г. . . . 5

Новыя изданія Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

Д. ГАЛЕВИ. Очерки по исторіи рабочаго движенія во Франціи.

Цѣна **70** коп. (безъ перес.).

Содержаніе. I. Синдикатъ. Гл. I. Завоеваніе синдикальнаго права. Гл. II. Затрудненія и итоги французскаго синдикализма.— **II. Кооперація, Народный Университетъ, Народный Домъ.** Гл. I. Происхожденіе коопераціи. Гл. II. Кооперація и Народный Домъ въ Бельгіи. Гл. III. Кооперація и Народные Университеты во Франціи.—**III. Политическая дѣятельность.** Гл. I. Происхожденіе и секты. Гл. II. Національная и Интернаціональная партіи. Гл. II. Анархизмъ и соціализмъ.—Заключеніе.

ПОЛЬ ЛУИ. Будущее соціализма.

Цѣна **70** коп. (безъ перес.).

Содержаніе. Предисловіе. **Часть первая: общія условія соціалистическаго движенія.** Гл. I. Общій взглядъ на положеніе соціализма. Доктрина. Политика и синдикаты. Гл. II. Замѣшательство и возстановленіе порядка. Гл. III. Соціализмъ и партіи. Гл. IV. Соціализмъ въ современномъ государствѣ. Гл. V. Самооборона капитализма. Гл. VI. Пролетарская аттака. **Часть вторая: духовная эволюція соціализма.** Гл. I. Отъ мистицизма къ научному соціализму. Гл. II. Національности и Интернаціоналъ. Гл. III. Интеллигенты и соціализмъ. **Часть третья: проблемы соціализма.** Гл. I. Соціализмъ и религія. Гл. II. Соціализмъ и милитаризмъ. Гл. III. Соціализмъ и аграрный вопросъ. Гл. IV. Соціализмъ и всеобщая стачка. Гл. V. Легалитаризмъ.

Ш. АНДЛЕРЪ. Историческое введеніе и комментарій къ коммунистическому манифесту К. Маркса и Ф. Энгельса.

Цѣна **60** коп. (безъ перес.).

Содержаніе. Историческое введеніе. *I. Періодъ буржуазно-радикальной агитаціи.—Людвигъ Берне (1832—1834). „Союзъ Опальныхъ“.—Яковъ Венедей и Теодоръ Шустеръ (1834—1836). III. „Союзъ Справедливыхъ“ и Вильгельмъ Вейтлингъ (1836—1839). IV. „Союзъ Коммунистовъ“ (1847—1851): Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ.* **Комментарій.** *I. Буржуа и пролетаріи. II. Пролетаріи и коммунисты. III. Соціалистическая и коммунистическая литература.* 1) Реакціонный соціализмъ. 2) Консервативный или буржуазный соціализмъ. 3) Критико-утопическій соціализмъ и коммунизмъ. *IV. Отношеніе коммунистовъ къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ. Заключеніе.*

ФР. МЕРИНГЪ. Исторія Германской соціалъ-демократіи.

4 тома, около 1600 страницъ. Вышли I и II томы, III-ій выйдетъ въ іюлѣ, IV-ый въ сентябрѣ 1906 г. **Цѣна по подпискѣ—4** р. **60** к., при подпискѣ уплачивается **1** р., при полученіи 1-го, 2-го и 3-го тома наложеннымъ платежемъ по **1** р., при полученіи 4-го тома **60** к. и, сверхъ того, при полученіи каждаго тома за пересылку и переводъ платежа по дѣйствительной стоимости; за доставку на домъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ по **10** к. съ тома.—Подробное объявленіе см. т. III.

ПОЛЬ ЛУИ. Исторія соціализма во Франціи.

2-ое изданіе. Цѣна **75** коп. (безъ перес.).—Подробное объявленіе см. т. IV.

Э. ВАНДЕРВЕЛЬДЪ и Ж. ДЕСТРЭ. Соціализмъ въ Бельгіи.

Цѣна **90** коп. (безъ перес.).—Подробное объявленіе см. т. IV.

Р. ЭНЗОРЪ. Современный соціализмъ.

Цѣна **1** руб. (безъ перес.).—Подробное объявленіе см. т. IV.

Ф. А. ОЛАРЪ. Великая Французская революція.

Внутренняя исторія. Со вступительной главой Э. Шампіона и съ приложеніемъ статьи П. де-Віоллэ.

Цѣна **70** коп. (безъ перес.).—Подробное объявленіе см. т. IV.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

1. **Митчель.** Организація труда въ Соединенныхъ Штатахъ. 2. **Саймонсъ.** Американскій фермеръ.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

1. **Исторія Россіи въ XIX стол.** Въ изданіи примутъ участіе: Е. В. Аничковъ, прив.-доц. М. М. Богословскій, С. А. Венгеровъ, В. В. Каллашъ, прив.-доц. А. А. Кизеветтеръ, проф. П. Н. Милюковъ, М. Н. Покровскій, прив.-доц. Н. А. Рожковъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, В. Н. Сторожевъ и др.
2. **Гатти.** Аграрный вопросъ и соціализмъ въ Италіи.
3. **Геккель.** Мировыя загадки.
4. Тексты важнѣйшихъ конституцій подъ редакціей проф. **М. А. Рейснера.**

